
ДЭН СИММОНС
ОЛИМП
МАСШТАБНАЯ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ САГА
ОТ АВТОРА «ГИПЕРИОНА» И «ТЕРРОРА»!

Олимп

Дэн Симмонс

Аннотация
Дэн Симмонс. Олимп
Часть 1
Часть 2
Часть 3
Часть 4
Благодарности

Аннотация

Современный классик Дэн Симмонс – прославленный автор «Террора», «Друда» и «Пятого сердца», фантастической эпопеи «Гиперион» / «Эндимион», «Темной игры смерти» и «Лета ночи», лауреат и финалист почти сотни престижных литературных наград в самых разных жанрах («Хьюго», «Небьюла», Всемирная премия фэнтези, премия имени Брэма Стокера, премия журнала «Локус», премия имени Артура Кларка, премия Британской ассоциации научной фантастики, а также многие другие, в том числе японские, немецкие, французские, итальянские, испанские награды). В дилогии «Троя», составленной романами «Илион» и «Олимп», он наконец вернулся к жанру, прославившему его в начале карьеры, – масштабной космической оперы со множеством аллюзий из классической литературы. Здесь разумные роботы-моравеки, прибывшие с лун Юпитера исследовать аномальную квантовую активность Марса, обсуждая в пути сравнительные достоинства Шекспира и Пруста,

отправляются к почти обезлюдевшей Земле на ядерно-импульсном корабле «Королева Маб», срочно построенном на Фобосе по передовому слову земной науки образца 1950-х годов, и прихватывают с собой Одиссея собственной персоной; здесь греки и троянцы объединяются против олимпийских богов, пользующихся всеми чудесами нанотехнологии; здесь шекспировский Просперо, он же аватара земной ноосферы, путешествует эйфельбаном от Эвереста до крайней оконечности Португалии, где начинается Атлантическая Брешь…

Перевод публикуется в новой редакции.

Дэн Симмонс
Олимп

Dan Simmons
OLYMPOS
Copyright © 2005 by Dan Simmons
All rights reserved
© Ю. Е. Моисеенко, перевод, 2007
© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

Если какой автор и вызывает у меня восторженную оторопь, так это Дэн Симмонс.

Стивен Кинг

Для тех из нас, кто превыше всего ценит хорошую прозу, имя Дэна Симмонса – непременный знак качества.

Харлан Эллисон

Дэн Симмонс лихо взял верхнюю планку едва ли не во всех мыслимых жанрах.

Philadelphia Inquirer

В том жанре, где блистают Стивен Кинг и Питер Страуб, Дэн Симмонс не менее яркая величина.

Seattle Post Intelligencer

Мастерство Симмонса в том, что ему удается объединить несколько разные сюжеты в один и при этом выписать каждый из них с помощью особого колорита.

«Троянская» линия пестрит искаженными и прямыми цитатами из Гомера и построена на контрасте между героической поэмой и грубой действительностью. Рассказ о приключениях Ады и компании выдержан в духе превосходного фантастического триллера…

Симмонс вновь продолжает сталкивать лбами машинную и человеческую цивилизации, делая неутешительные прогнозы о финале современной научно-технической революции. Также с помощью фантастического антуража он исследует давнюю проблему соотношения реальности и вымысла, уделяя особенное внимание порождениям гениальных умов – Шекспира, Гомера, Набокова.

Иван Якшин (Книжная витрина)

* * *

Этот роман посвящен Гарольду Блуму, который своим отказом от соучастия в нынешней Эпохе Ресентимента чрезвычайно меня порадовал[1]

* * *

[1] Примечания: 1

Этот роман посвящен Гарольду Блуму, который своим отказом от соучастия в нынешней Эпохе Ресентимента чрезвычайно меня порадовал. — Гарольд Блум (1930–2019) — американский литературный критик и литературовед, наиболее известный своими работами о каноне западной литературы. «Школой Ресентимента» Блум называл возникшее в 1970-х направление литературной критики, ставящее на первое место политическую и социальную повестку — марксистскую, феминистскую, постструктуралистскую критику и т. п. Представители этих течений требуют расширить канон за счет представителей меньшинств (вне зависимости от эстетической ценности произведений) и выбросить из канона авторов, чьи взгляды не отвечают современным воззрениям. По мнению Блума, такой подход приведет к уничтожению канона.

Откуда же Гомер мог знать, если во время этих событий он был верблюдом в Бактрии?

Лукиан. Сновидение (Перевод Н. Баранова с изменениями)

Подлинная история Земли в конечном счете сводится к истории воистину беспощадных сражений. Собратья, боги и собственные страсти никогда не оставят человека в покое.

Джозеф Конрад. Заметки о жизни и литературе

Но пусть вовеки не сгорит
Разрушенная Троя
И Лая гнев не омрачит
Счастливого покоя —
Хотя бы Сфинкс и стал опять
Свои загадки задавать.

А если и грозит закат,
То новые Афины
Лучом последним озарят
Иных времен равнины
И, как вечерняя заря,

Погаснут, землю одаря.

Перси Биши Шелли. Эллада
(Перевод К. Чемена)

Часть 1

1

Елена Прекрасная просыпается перед самым рассветом от сирен воздушной тревоги. Она ощупывает подушки, однако ее нынешний любовник, Хокенберри, опять исчез, ускользнул в ночи, пока спали слуги. Вечно он ведет себя так, будто сделал нечто постыдное. Наверняка пробирается сейчас в свои покои по глухим закоулкам, где еле чадят факелы. Все-таки Хокенберри — удивительный и несчастный человек, думает Елена. И вдруг она вспоминает.

Мой муж мертв.

Парис погиб в поединке с безжалостным Аполлоном девять дней назад. Великая тризна с участием не только троянцев, но и ахейцев начнется через три часа, если божественная колесница, что кружит сейчас над городом, в следующие несколько минут не разрушит Илион до основания, — но Елене все еще трудно поверить, что Париса больше нет. Парис, Приамов сын, убит в бою? Парис низвержен в сумрачные пещеры Аида, его красота исчезла навеки? Немыслимо. Ведь

это же*Парис*, прекрасный мальчик, который увез ее от Менелая, мимо стражников, через зеленые луга Лакедемона. Нежнейший из любовников даже после долгой, изматывающей, десятилетней войны. Тот, кого она тайно называла про себя «неудержимым, раскормленным в стойле жеребцом».

Елена встает с ложа, идет к внешнему балкону и раздвигает невесомые занавески, чтобы окунуться в предутренний свет Илиона. Сейчас середина зимы, и мраморный пол холодит босые ноги. В сумеречном покуда небе сорок или пятьдесят прожекторов шарят в поисках богов, богинь и летающих колесниц. От приглушенных плазменных взрывов содрогается установленный моравеками энергетический купол над городом. Внезапно по всему периметру защитных укреплений Илиона выстреливают вверх бесчисленные когерентные лучи — ослепительные снопы цвета лазури, изумрудов, свежей крови. На глазах у Елены одиночный, но мощный взрыв сотрясает северную часть города; ударная волна раскатывается эхом среди безверхих башен Илиона и стряхивает длинные темные локоны с ее плеч. В последние недели боги начали применять мономолекулярные бомбы, вызывающие квантовые

фазотрансформации в моравекском щите. По крайней мере, так разъясняли ей Хокенберри и забавное железное существо по кличке Манмут.

Елене Прекрасной плевать на технологии.

Парис мертв. Мысль попросту не укладывается в голове. Елена готовилась погибнуть вместе с ним в тот день, когда ахейцы под предводительством ее бывшего мужа Менелая и его брата Агамемнона возьмут штурмом городские стены, как предрекала ее подруга-пророчица Кассандра, убьют всех мужчин и мальчиков, а женщин обесчестят и увезут в рабство на греческие острова. Вот в какой день Елена думала наложить на себя руки или погибнуть от Менелаева меча. И почему-то она никак не представляла себе, что ее дорогой, самовлюбленный, богоподобный Парис, ее неудержимый жеребец, ее красавец-воин, умрет первым. Девять с лишним лет осады и славных сражений Елена верила, что боги убережут ненаглядного Париса от любой беды и он всегда будет с ней на ложе. И боги оберегали его. А теперь убили.

Елена припоминает последний раз, когда она видела троянского супруга. Десять дней назад он покидал город, спеша на поединок с Аполлоном. Никогда еще Парис не выглядел столь уверенно

в изящных доспехах из блистающей бронзы, с гордо откинутой головой, длинной, точно у жеребца, гривой льющихся по плечам волос и сияющей улыбкой, обращенной к Елене и тысячам троянцев, что, ликуя, взирали на него со стены у Скейских ворот. Быстрые ноги уверенно несли его «радостно-гордого», по выражению любимого царского аэда[2]. Впрочем, в тот день они несли его к гибели от рук разъяренного Аполлона.

И вот он умер, думала Елена, и, если верить подслушанным пересудам, тело его изуродовано и почернело, кости сокрушены, безупречный золотой лик превращен огнем в мерзкую оскаленную маску, синие очи растаяли, клочья зажаренного мяса повисли на обгорелых скулах, словно… словно…*начатки* — первые куски жертвенного мяса, которые швыряют на землю, ибо считают негодными.

Елена зябко ежится на холодном рассветном ветру, глядя, как над крышами курится дым. На юге, со стороны ахейского лагеря, взмыли с ревом вдогонку отступающей колеснице три зенитные ракеты. Елена успевает заметить эту

---

[2] Примечания: 2

…«радостно-гордого», по выражению любимого царского аэда. — Везде, где не оговорено иное, цитаты из «Илиады» приведены в переводе Н. Гнедича.

колесницу — короткую, яркую, точно утренняя звезда, вспышку, вслед за которой уже тянутся выхлопные ленты греческих ракет. Блестящее пятнышко без предупреждения квант-телепортируется, и небо пустеет. «Удирайте на свой осажденный Олимп, жалкие трусы», — думает Елена Прекрасная.

Звучит отбой воздушной тревоги. Улица под покоями Елены в доме Париса поблизости от разрушенного Приамова дворца вдруг заполняется бегущими людьми, ведра по цепочке передают на северо-запад, туда, где к зимнему небосводу по-прежнему тянется дым. Над крышами гудят летающие моравекские машины с колючими шасси и вращающимися прожекторами, похожие на черных шершней. Некоторые, как она знает по опыту и полуночным объяснениям Хокенберри, запоздало полетят «прикрывать город с воздуха», другие помогут загасить пламя. Затем троянцы и моравеки будут несколько часов вытаскивать из-под завалов изувеченные тела. Елена, знающая в городе почти всех, гадает, чьи души перенеслись в бессолнечный Аид сегодняшним ранним утром.

«Утром поминальной тризны по Парису. По моему милому. Моему глупому, обманутому лю-

бимому».

Начинают ворочаться служанки. На пороге спальни возникает самая старая из них — Эфра, мать царственного Тезея, бывшая афинская правительница, увезенная братьями Елены в отместку за похищение сестры.

— Сказать девушкам, чтобы приготовили ванну, госпожа? — спрашивает она.

Елена кивает. Еще мгновение она смотрит в светлеющее небо. Дым на северо-западе густеет, а затем понемногу рассеивается по мере того, как пожарные команды с помощью моравекских машин расправляются с пламенем. Боевые шершни роквеков продолжают безнадежную погоню за квант-телепортировавшейся колесницей. Проводив их взглядом, Елена Прекрасная возвращается в покои, шлепая босыми ступнями по холодному мрамору. Надо подготовиться к погребальному обряду и встрече с обманутым мужем после десяти лет разлуки. Кроме того, это первое публичное собрание, на которое одновременно явятся Гектор, Ахиллес, Менелай и Елена, а также многие другие троянцы и ахеяне. Мало ли что может случиться.

«Лишь боги ведают, чем кончится этот ужасный день», — думает Елена и, несмотря на печаль, не

может сдержать улыбки. В последнее время все молитвы остаются без ответа. Настали дни, когда бессмертные вспоминают о смертных, только чтобы своими божественными руками сеять на земле ужас, погибель и страшные разрушения.

Елена Прекрасная идет совершать омовение и одеваться для тризны.

2

Рыжеволосый Менелай в лучших доспехах, молча, недвижно, гордо выпрямив спину, стоял между Одиссеем и Диомедом в первом ряду ахейской делегации героев, приглашенных в Илион на погребальный обряд в честь его главного врага, этого поганого женокрада, хренова сына Приама, свинячьего козла Париса. Стоял и размышлял, как и когда ему вернее прикончить Елену.

Особых сложностей не предвиделось. Она вместе со старым Приамом была на царской смотровой площадке посередине дворцовой площади в каких-то пятидесяти футах от ахейской делегации. Если повезет, Менелай пробежит это расстояние и никто его не остановит. А даже если не повезет и троянцы все же преградят ему путь, Менелай порубит их, словно бурьян.

Он был невысок — не благородный великан,

как его брат, отсутствующий сейчас Агамемнон, и не худородный великан, как муравьиный хер Ахиллес, — и понимал, что не запрыгнет на стену, а вынужден будет бежать по ступеням, прорубаясь через толпу троянцев. Менелая это не смущало.

Главное, Елене некуда было скрыться. С балкона на стене храма Зевса вела лишь одна лестница. Если Елена укроется в храме, Менелай бросится следом и не даст ей уйти. Он знал, что успеет убить ее до того, как сам падет под мечами разъяренных троянцев — включая Гектора, который как раз показался во главе погребальной процессии. И тогда троянцы с ахейцами сойдутся в смертельной битве, забыв о безумной войне с богами. Разумеется, если Троянская война возобновится здесь и сегодня, Менелай обречен — а равно Одиссей, Диомед, а то и сам неуязвимый Ахиллес, — поскольку на погребение собаки Париса собралось лишь три десятка ахейцев, а троянцев тысячи. Они толпились повсюду — на площади, на стенах, между ахейцами и Скейскими воротами.

«Оно того стоит».

Эта мысль пронзила череп Менелая, будто наконечник копья. «Все, что угодно, лишь бы

убить вероломную суку». Несмотря на стылый и пасмурный зимний день, из-под шлема бежали ручейки пота. Просочившись по стриженой рыжей бороде, они капали с подбородка на бронзовый нагрудник. Менелаю нередко доводилось слышать этот стук тяжелых капель по металлу — но прежде то была кровь противников, багрящая их доспехи. Он в одуряющем бешенстве сжал рукоять меча.

«Сейчас?»

«Нет».

«Почему не сейчас? А когда же?»

«Не сейчас».

Спорящие голоса в голове — оба принадлежали ему, поскольку боги с ним больше не разговаривали, — сводили Менелая с ума.

«Как только Гектор зажжет погребальный костер, тогда и действуй».

Менелай сморгнул соленые струйки. Он не знал, какому из голосов принадлежало последнее предложение — тому, что рвался в бой, или другому, который трусливо советовал тянуть время, — но решил ему последовать. Погребальная процессия только что вошла в Илион через огромные Скейские ворота и теперь несла обугленный труп Париса, укрытый шелковым саваном, по главной

городской улице в сторону дворцовой площади, где ждали ряды высокородных сановников и героев, а женщины, в том числе и Елена, смотрели со стены. Еще несколько минут — и старший брат убитого, Гектор, начнет поджигать погребальный костер, внимание зрителей обратится на пламя, пожирающее и без того обгорелый труп. «Самое время действовать. Никто не заметит, пока я не всажу десять дюймов клинка в предательскую грудь Елены».

По традиции похороны членов царской семьи, таких как Парис, сын Приама, один из троянских царевичей, длились девять дней и включали гонки на колесницах, атлетические состязания, метание копий и прочие игры. Однако ритуальные девять дней с тех пор, как Аполлон превратил Париса в уголья, ушли на долгое путешествие дровосеков к лесам, еще уцелевшим на склонах Иды, во многих лигах к юго-востоку. Маленькие машинки, звавшие себя моравеками, сопровождали телеги на своих шершнях, защищая людей силовым полем на случай нападения богов. И те, разумеется, нападали. Однако лесорубы все же сделали свое дело.

Лишь теперь, на десятый день, дрова привезли в Трою и сложили костер. Впрочем, Менелай и

многие его товарищи, включая Диомеда, стоящего с ним бок о бок, считали обряд сжигания вонючего мертвеца напрасной тратой доброго топлива. И город, и мили некогда лесистого побережья давно лишились древесины, растраченной за десять лет на лагерные костры. Поле битвы покрывали бесчисленные пни. Даже хворост давным-давно подобрали. Ахейские рабы готовили пищу для господ на сухом навозе, что не повышало ни вкусовых свойств еды, ни настроения греков.

Возглавляла погребальный кортеж величавая череда троянских колесниц. Копыта коней, обернутые черным войлоком, еле слышно ступали по широким булыжникам главной улицы и городской площади. За спинами возниц в молчании замерли величайшие герои Илиона, воины, пережившие девять с лишним лет осады и ужасную восьмимесячную битву с богами. Первым ехал Полидор, сын Приама, за ним — еще один брат Париса, Местор. На следующих колесницах стояли союзник троянцев Ифей и Лаодок, сын Антенора. За ними на собственной богато украшенной колеснице — Антенор, как всегда среди бойцов, а не с почтенными старцами на городской стене. Затем — полководец Полипет, а далее

— прославленный возница Сарпедона Фразимед, замещающий своего господина, предводителя рати ликийцев, убитого Патроклом в ту пору, когда троянцы еще искали сражений с греками, а не с бессмертными. Следом благородный Пиларт — нет, разумеется, не троянец, павший от руки Большого Аякса перед самым началом войны с богами, а другой, который так часто бился рядом с Элазом и Мулием. Замыкали процессию Перим, сын Мегаса, Эпистор и Меланипп.

Менелай узнавал каждого из этих мужей, героев, своих противников. Тысячи раз ему доводилось видеть их искаженные гневом, залитые кровью лица под бронзовыми шлемами на расстоянии брошенного копья или даже взмаха мечом. Тысячи раз эти люди преграждали ему путь к двойной цели — к Илиону и Елене.

«До нее пятьдесят футов. И никто не ждет моего нападения».

За колесницами слуги вели предназначенных для костра животных: десять коней Париса (хороших, но не лучших), его охотничьих собак, стадо откормленных овец (очень серьезная жертва, если учесть, что за время божественной осады шерсть и баранина сделались редкостью) и несколько старых коров. Их пригнали не ради

пышности жертвоприношения — действительно, кому жертвовать, когда олимпийцы стали врагами? Просто жир закланных животных поможет сильнее и жарче разжечь погребальное пламя.

А следом — издалека, с Илионской равнины, — через Скейские ворота шагали тысячи троянских воинов, сверкая начищенными доспехами в этот хмурый зимний день. Посреди людского потока плыло смертное ложе Париса — на руках двенадцати ближайших соратников по оружию, мужей, которые готовы были отдать жизнь за второго отпрыска Приама и сейчас рыдали, неся его паланкин.

Тело Париса укрывал голубой саван, почти утонувший под прядями волос, отрезанных его воинами и дальними родственниками в знак печали: старший брат и ближняя родня отрежут локоны перед тем, как загорится костер. Троянцы не просили ахейцев жертвовать волосы, а если бы попросили — и если бы Ахиллес, главный союзник Гектора в эти безумные дни, передал их просьбу или, хуже того, сформулировал ее как приказ, за исполнением которого будут следить его мирмидонцы, — Менелай самолично возглавил бы восстание.

Он пожалел, что рядом нет его царственного

брата. Тот всегда знал, как действовать. Агамемнон — вот кто настоящий предводитель аргивян, а вовсе не самозванец Ахиллес и, уж конечно, не троянский ублюдок Гектор, вообразивший, будто может командовать аргивянами, ахейцами, мирмидонцами и троянцами. Нет, истинный греческий вождь — Агамемнон. Будь старший брат сегодня здесь, он либо удержал бы Менелая от опрометчивого нападения на Елену, либо рискнул жизнью, помогая тому исполнить намеченное. Однако Агамемнон и пять сотен верных ему людей отплыли на черных кораблях в Спарту и к греческим островам семь недель назад и должны были вернуться не раньше чем через месяц. Они объявили, что будут собирать новобранцев для войны с богами, а на самом деле намеревались искать союзников для мятежа против Ахиллеса.

Ахиллес. Вон он, вероломное чудище, ступает вслед за рыдающим Гектором, который идет за паланкином, бережно держа голову покойного брата в огромных ладонях.

При виде мертвого тела тысячи троянцев на городских стенах и главной площади издали могучий стон. Женщины на крышах и балконах — те, что попроще, не из Приамова рода и не

Елена, — завыли в голос. У Менелая по коже побежали мурашки. Бабьи причитания вечно на него так действовали.

«Моя сломанная искалеченная рука», — подумал Менелай, разжигая свой гнев, словно гаснущий погребальный костер.

Ахиллес — тот самый полубог, шагающий сейчас подле носилок, которые торжественно проносили мимо делегации ахейских военачальников, — сломал Менелаю руку восемь месяцев назад, в тот день, когда быстроногий мужеубийца объявил аргивянам, что Афина Паллада убила его друга Патрокла и в насмешку забрала тело с собой. Затем Ахиллес объявил, что отныне ахейцы и троянцы не будут воевать друг с другом, а возьмут в осаду Олимп.

Агамемнон, конечно, был против: против дерзости Ахиллеса, против узурпации, его, Агамемнона, законной власти царя царей всех греков, собравшихся у стен Трои, против неслыханного кощунства — нападения на богов, чьего бы друга ни убила Афина (если Пелид вообще говорил правду), — и против того, чтобы десятки тысяч ахейских воинов перешли под командование Ахиллеса.

Ахиллес ответил коротко и прямо: он готов

драться с любым, кто не примет его власть или не захочет воевать с богами, — драться хоть поодиночке, хоть со всеми сразу. И пусть последний уцелевший правит аргивянами с этого утра.

Сотни ахейских полководцев и тысячи воинов в немом изумлении наблюдали, как гордые сыны Атрея разом бросились на самозванца с оружием.

Менелай хоть и не числился в рядах первых героев у стен Илиона, все же был закаленным в сражениях бойцом, а его брат вообще считался самым яростным из греков — по крайней мере, пока разобиженный Ахиллес отсиживался в своем шатре. Копье великого царя почти всегда било без промаха, меч рассекал семикожные щиты врагов, словно легкие хитоны; Агамемнон ни разу не смилостивился даже над самым благородным противником, молившим о пощаде. Он был таким же статным, мускулистым и боговидным, как белокурый Ахиллес, однако его тело покрывали шрамы, заслуженные в славных боях, когда быстроногий был еще ребенком. Да еще в глазах Атрида полыхало звериное бешенство, в то время как Ахиллес ожидал нападения с хладнокровным, почти рассеянным выражением на юном лице.

Ахиллес управился с братьями, словно с малыми детьми. Могучее копье Агамемнона отскакивало от Ахиллеса, как будто сын Пелея и богини Фетиды закован в невидимую энергетическую броню моравеков. В ярости старший Атрид замахнулся мечом (Менелай подумал тогда, что таким ударом можно разрубить каменную глыбу), но клинок сломался о прекрасный щит Ахиллеса.

Затем Ахиллес обезоружил обоих братьев, швырнул их запасные копья и меч Менелая в океан, поверг соперников на жесткий песок и с легкостью сорвал с них доспехи — так мог бы орел разодрать когтями одежду на беспомощном трупе. Тогда-то мужеубийца и сломал Менелаю левую руку (стоявшие вокруг боевые товарищи дружно ахнули, услышав, как, будто зеленая ветка, треснула кость), а его брату ребром ладони перебил нос, а в довершение пнул царя царей под ребра. Наконец Ахиллес наступил на грудь стонущему Агамемнону, в то время как стонущий Менелай лежал рядом с братом.

И лишь тогда Ахиллес обнажил меч.

— Клянитесь подчиниться мне и во всем верно служить, и я обещаю вам почтение, какого достойны сыны Атрея, и славное звание союзников в грядущей войне с богами, — сказал Ахиллес.

— Промедлите хотя бы миг — и я низрину ваши песьи души в мрачный Аид, не успеют ваши товарищи моргнуть глазом, и брошу ваши тела без погребения окрестным птицам.

Агамемнон, постанывая и захлебываясь желчью, принес требуемую клятву. Менелай, терзаясь от боли в ушибленной ноге, сломанных ребрах и покалеченной руке, покорился секундой позже.

В целом тридцать пять ахейских военачальников бросили Ахиллесу вызов, и за какой-то час он одолел всех. Храбрейших он обезглавил — они отказались сдаться. Их тела Ахиллес, как и обещал, бросил на съедение птицам, рыбам и псам. Остальные двадцать восемь присягнули ему на верность. Никто из великих ахейских героев, во многом равных Агамемнону, — ни Одиссей, ни Диомед, ни старец Нестор, ни Аяксы, ни Тевкр — не бросил вызов быстроногому мужеубийце. Услышав в подробностях, как Афина убила Патрокла и позже та же богиня растерзала Гекторова сына-младенца Скамандрия, они все поклялись объявить войну богам.

Больная рука снова заныла: кости не желали срастаться правильно, невзирая на старания прославленного целителя Подалирия, сына Асклепия. В промозглые дни вроде этого рука

по-прежнему беспокоила Менелая, однако он удержался, не стал потирать больное место на виду у тех, кто проносил мимо греческих посланников погребальные носилки Париса.

Обвитые покровом, усыпанные прядями волос носилки ставят рядом с подготовленным для костра деревянным срубом под балконом на стене Зевсова храма. Колонна воинов останавливается. Женские причитания умолкают. В неожиданной тишине Менелай слышит, как тяжко дышат кони — и как один из них пускает на камень горячую струю.

Гелен, главный прорицатель Илиона и советник Приама, провозглашает с храмовой стены короткую хвалебную речь, но ее заглушает ветер, внезапно налетевший с моря подобно холодному, неодобрительному дыханию богов. Гелен протягивает церемониальный нож Приаму, почти облысевшему, но все еще сохранившему для таких вот торжественных случаев пряди длинных седых волос за ушами. Острым лезвием Приам отсекает белую прядь, и раб, много лет прослуживший в доме Париса, ловит ее в золотую чашу. Старый Приам протягивает нож Елене. Та смотрит на клинок долгим, изучающим взглядом, словно прикидывая, не вонзить ли отточенное

лезвие себе в грудь. (У Менелая перехватывает дыхание: с этой мерзавки станется лишить его столь близкой и желанной мести.) Тут Елена подхватывает длинный черный локон и отсекает кончик. Тот падает в золотую чашу, и раб шагает к безумной Кассандре, одной из многих дочерей Приама.

Несмотря на трудности и опасности, сопряженные с доставкой дров со склонов Иды, сруб удался на славу. Пусть и не сотня футов с каждой стороны, как делали прежде — иначе на площади не осталось бы места для толпы, — а всего лишь тридцать, зато гораздо выше обычного, почти до балкона. Наверх ведут широкие ступени, каждая представляет собой отдельную платформу. Внушительную кучу дров скрепляют и поддерживают крепкие брусья из Парисова дворца.

Могучие товарищи поднимают носилки на маленькую площадку на вершине сруба. Гектор ждет у подножия широкой лестницы.

Мужчины, привыкшие участвовать и в бойнях, и в жертвоприношениях, — а в конце концов, думает Менелай, какая между ними разница? — быстро и ловко перерезают шеи овцам, сцеживают кровь в церемониальные чаши, снимают шкуры и обдирают жир. В него-то и заворачи-

вают мертвеца, будто кусок подгорелого мяса в мягкий хлеб.

Освежеванных животных относят на самый верх и кладут подле мертвого тела. Из храма появляются девственницы в полном церемониальном облачении, с опущенными на лица покрывалами. Девушкам не полагается приближаться к срубу — они лишь подают бывшим телохранителям Париса двуручные кувшины с маслом и медом. Воины поднимаются по ступеням и с великой осторожностью опускают сосуды у тела.

Из десяти любимых коней Париса отбирают четырех лучших, и Гектор длинным ножом покойного брата перерезает им горло, переходя от одного к другому так стремительно, что даже умные, прекрасно обученные животные не успевают отреагировать.

Ахиллес с безумным рвением и нечеловеческой силой забрасывает четырех коней одного за другим на высокую деревянную пирамиду, каждого следующего на более высокий ярус.

Раб Париса выводит на свободное место любимых хозяйских псов. Гектор поочередно поглаживает их и чешет за ушами. Потом задумывается, будто припоминая все те разы, когда брат кормил их со стола и брал на охоту в горы

или болотистые низины.

Гектор выбирает двух псов и кивает рабам, чтобы увели остальных. С минуту он ласково треплет каждого пса по загривку, словно желая угостить лакомой косточкой, затем перерезает им горло с такой силой, что чуть не отсекает головы. Убитых собак он сам кидает на сруб, и те падают намного выше мертвых коней, у подножия носилок.

А вот теперь — сюрприз.

Десять меднодоспешных троянцев и десять меднодоспешных ахейских копейщиков выкатывают телегу. На ней стоит клетка. В клетке — бог.

3

Кассандра наблюдала за погребальным обрядом с высокого балкона на стене Зевсова храма, и ее все сильнее захлестывала обреченность. Когда же на главную площадь Илиона выехала телега, запряженная не волами и не лошадьми, а восемью отборными троянскими воинами, телега, единственную поклажу которой составляла клетка с обреченным богом, Кассандра едва не упала в обморок.

Елена подхватила ее за локоть.

— Что с тобой? — шепнула гречанка, ее подруга, вместе с Парисом накликавшая на Трою все

бедствия последних девяти лет.

— Это безумие, — прошептала Кассандра, прислоняясь к мраморной стене.

Чье безумие имелось в виду — ее ли собственное, или тех, кто задумал принести в жертву бога, или всей этой долгой войны, или Менелая, стоящего внизу во дворе (его нарастающее безумие Кассандра ощущала последний час, словно бурю, которую насылает Зевс), — она не пояснила. Да и сама не знала.

Пленного бога, упрятанного не только за стальные прутья, вбитые в телегу, но и в незримый силовой кокон моравеков, звали Дионисием, или Дионисом. Сын Зевса от Семелы, он был богом пьянства, распутства и неукротимого экстаза. Кассандра, с детства служившая Аполлону — убийце Париса, — тем не менее не раз и довольно близко общалась с Дионисом. С начала войны он единственный из богов попал в плен. Богоподобный Ахиллес одолел его в бою, магия моравеков не позволила побежденному квант-телепортироваться, хитроумный Одиссей убедил его сдаться, а в плену Диониса удерживал одолженный у роквеков энергетический щит, который сейчас мерцал и колыхался, как нагретый воздух в полуденный зной.

Для бога Дионис выглядел несолидно: жалкие шесть футов роста, бледная кожа, пухлые, даже по человеческим меркам, формы, копна каштаново-золотистых кудрей и жидкая, как у подростка, бороденка.

Телега остановилась. Гектор отпер клетку, потянулся сквозь полупроницаемое силовое поле и вытащил Диониса на первую ступень погребального сруба. Ахиллес тоже положил руку на загривок бога-коротышки.

— Деицид, — прошептала Кассандра. — Богоубийство. Безумие и деицид.

Елена, Приам, Андромаха и прочие на балконе пропустили ее слова мимо ушей. Все взгляды были прикованы к бледному богу и двум статным, закованным в бронзу смертным.

Если тихий голос прорицателя Гелена потонул в дыхании ветра и ропоте толпы, то голос Гектора зычно прокатился над заполненной людьми площадью, отразившись эхом от высоких башен и стен Илиона; пожалуй, его было слышно даже на вершине Иды во многих лигах на востоке.

— Возлюбленный брат Парис, мы собрались здесь, чтобы сказать тебе прощай — да так, чтобы ты услышал нас даже там, куда ушел, в глубинах Обители Смерти. Прими этот сладкий мед, луч-

шее масло, твоих любимых коней, самых верных собак. И наконец, я жертвую тебе вот этого бога, Зевсова сына, чье сало послужит пищей голодному пламени и ускорит твой переход в Аид!

Гектор вытащил меч. Силовое поле затрепетало и растворилось, однако Дионис по-прежнему оставался в ручных и ножных кандалах.

— Можно мне сказать? — спросил маленький бледный бог. Голос его разносился не так далеко, как голос Гектора.

Гектор задумался.

— Дайте слово богу! — выкрикнул провидец Гелен, стоявший по правую руку от царя на балконе Зевсова храма.

— Дайте слово богу! — крикнул ахейский птицегадатель Калхас подле Менелая.

Гектор нахмурился, потом кивнул:

— Скажи свое последнее слово, Зевсов пащенок. Но даже если это будет молитва к отцу, она тебя не спасет. Нынче ты станешь *начатком* на погребальном костре моего брата.

Дионис улыбнулся, но как-то криво, неуверенно даже для человека, не то что для бога.

— Ахейцы и жители Трои! — воззвал тучный божок с жидкой бороденкой. — Вы не можете убить бессмертного. Глупцы! Я родился во чреве

погибели. Дитя Зевса, уже в пору младенчества я забавлялся с игрушками, которые, по словам пророков, могли принадлежать лишь новому правителю мира: игральными костями, мячиком, волчком, золотыми яблоками, трещоткой и клоком шерсти… Однако титаны, те, кого мой отец одолел и забросил в Тартар, эту преисподнюю преисподних, кошмарное царство под царством мертвых, где витает сейчас, подобно кишечным газам, душа вашего брата Париса, набелили себе лица мелом, явились, точно духи покойных, напали на меня и разорвали голыми белыми руками на семь частей, швырнули в кипящий котел, стоявший тут же на треножнике, над пламенем куда более жарким, чем ваш убогий костерок…

— Ты закончил? — спросил Гектор, поднимая меч.

— Почти. — Голос Диониса звучал уже гораздо веселее и громче, отдаваясь эхом от далеких стен, которые только что гудели от слов Гектора. — Меня сварили, потом поджарили на семи вертелах, и аппетитный запах моего мяса привлек на пиршество самого Зевса, пожелавшего отведать сладкое кушанье. Однако, заметив на вертеле детский череп и ручки сына в бульоне, отец поразил титанов молниями и зашвырнул

обратно в Тартар, где они по сей день жестоко страдают и трепещут от ужаса.

— Это все? — произнес Гектор.

— Почти. — Дионис обратился лицом к царю Приаму и прочим важным персонам, собравшимся на балконе святилища Зевса. Теперь уже маленький божок ревел как бык. — Впрочем, кое-кто утверждает, будто бы мои вареные останки были брошены на землю, где их собрала Деметра, и так появились первые виноградные лозы, дающие вам вино. Уцелел лишь один кусочек моего тела. Его-то Паллада Афина и отнесла Зевсу, который доверил *крадиайос Дионисос* Гипте — это малоазиатское имя Великой Матери Реи, — чтобы та выносила меня в своей голове. Отец употребил эти слова — *крадиайос Дионисос* — как своего рода каламбур, ибо *крадиа* на древнем языке означает «сердце», а *крада* — «фиговое дерево», то есть…

— Хватит! — воскликнул Гектор. — Бесконечная болтовня не продлит твою песью жизнь. Договаривай в десяти словах, или я сам тебя оборву.

— Съешь меня, — сказал Дионис.

Гектор обеими руками поднял тяжелый меч и обезглавил бога.

Толпа троянцев и греков ахнула. Воины попятились, как один человек. Несколько мгновений

обезглавленное тело стояло, пошатываясь, на нижней платформе, затем рухнуло, точно марионетка, у которой разом обрезали нити. Гектор ухватил упавшую голову с широко разинутым ртом, поднял за жидкую бороденку и закинул высоко на сруб, между конскими и собачьими трупами.

Работая мечом как топором, он ловко отсек Дионису сначала руки, потом ноги, потом гениталии, разбрасывая отрезанные части по всему срубу — впрочем, не слишком близко к смертному ложу Париса, чьи благородные кости воинам нужно будет собрать среди золы, отделив от недостойных останков собак, жеребцов и бога. Наконец Гектор разрубил торс на множество мясных кусков; бóльшая часть пошла на костер, остальное полетело на корм уцелевшим собакам Париса, которых до сей минуты держали на привязи, а теперь спустили.

Как только хрящи и кости были окончательно разрублены, над жалкими останками Диониса поднялось черное облако, будто стая невидимого гнуса или маленькая дымовая воронка завертелась в воздухе, да так яростно, что Гектору пришлось прервать свою мрачную работу и отступить назад. Шеренги троянских и ахейских

героев отпрянули еще на шаг, а женщины на стене завопили, прикрывая лица руками и покрывалами.

Но вот облако рассеялось; Гектор швырнул на вершину дровяной кучи оставшиеся розовато-белые, словно тесто, куски мяса, поддел ногой позвоночник и ребра жертвы, пинком отправил их на толстую охапку хвороста и принялся снимать обагренные доспехи. Прислужники торопливо унесли прочь забрызганную бронзу. Один из рабов поставил таз с водой. Высокий, статный герой дочиста омыл от крови руки и лоб и принял предложенное полотенце.

Оставшись в одной тунике и сандалиях, Гектор поднял над головой золотую чашу с только что срезанными прядями, взошел по широкой лестнице на вершину, где покоилось просмоленное ложе, и высыпал волосы дорогих Парису людей на голубой покров. Тут у Скейских ворот показался бегун — самый стремительный из всех, кто принимал участие в Троянских играх. С длинным факелом в руках он устремился сквозь толпу воинов и простых зрителей — те едва успевали почтительно расступаться — и взлетел по широким ступеням на вершину сруба.

Бегун передал факел Гектору, склонился в по-

клоне и, не поднимая головы, пятясь спустился по лестнице.

Менелай возводит глаза и видит, как на город наползает черная туча.

— Феб-Аполлон омрачает день, — шепчет Одиссей.

Стоит Гектору опустить конец факела к просмоленным дровам, обильно политым туком жертв, как налетает холодный западный ветер. Дерево чадит, но не загорается.

У Менелая, всегда более пылкого в битвах, чем расчетливый Агамемнон и прочие хладнокровные греки-убийцы, начинает гулко стучать сердце: близок час расплаты. Он не боится смерти, лишь бы эта гадина Елена, визжа, низверглась в Аид первой. Будь его воля, изменницу поглотили бы глубокие бездны Тартара, где по сей день вопят и корчатся средь мрака, боли и рева титаны, о которых разглагольствовал покойный Дионис.

По знаку Гектора быстроногий Ахиллес подает бывшему врагу два полных доверху кубка и сходит вниз по широкой лестнице.

— О ветры запада и севера! — кричит Гектор, поднимая кубки. — О шумный Зефир и Борей с холодными перстами! Прилетите и разожгите своим дыханием костер, где возложен Парис, о

котором скорбят все троянцы и даже достойные аргивяне! Явись, Борей, явись, Зефир, раздуйте палящее пламя! Обещаю вам щедрые жертвы и возлияния из пенистых кубков!

Высоко на храмовом балконе Елена склоняется к Андромахе и шепчет:

— Безумие. Он потерял рассудок. Наш возлюбленный Гектор молит богов, с которыми мы воюем, чтобы они помогли сжечь тело обезглавленного им бога!

Андромаха не успевает ответить. Укрывшаяся в тени Кассандра разражается хохотом, так что Приам и стоящие рядом старейшины сердито на нее косятся.

Кассандра не обращает внимания на укоризненные взгляды и на шиканье Елены и Андромахи.

— Безззумие, да. Я и говорила, что это безумие. Безумие, что Менелай зззамышляет через несколько мгновений убить тебя, Елена, так же кроваво, как Гектор убил Диониса.

— О чем ты, Кассандра? — шепчет Елена, однако лицо ее бледнеет.

Кассандра улыбается:

— Я говорю о твоей смерти, женщина. И она уже близка. Задержка лишь за костром, который

не желает гореть.

— Менелай?

— Твой благородный супруг, — смеется Кассандра. — Твой*бывший* благородный супруг. Не тот, что гниет на куче дров, словно обугленная сорная трава. Разве не слышишь, как тяжело дышит Менелай, готовясь тебя зарезать? Не чуешь запах липкого пота? Не слышишь, как бьется злодейское сердце? Я слышу и чую.

Отвернувшись от погребальной сцены, Андромаха делает шаг в сторону Кассандры, чтобы увести ее с балкона в храм, подальше от лишних глаз и ушей.

Кассандра снова хохочет; в ее руке сверкает короткий, но отточенный кинжал.

— Попробуй тронь меня, стерва. Разделаю, как ты разделала сына рабыни, которого выдала за своего сына.

— Молчи! — шипит Андромаха. Ее глаза внезапно загораются гневом.

Приам и другие опять недовольно смотрят на женщин; слов этих туговатые на ухо старики явно не разобрали, зато безошибочно распознали свирепый тон шиканья и шепота.

У Елены трясутся руки.

— Кассандра, ты же сама говорила, что все твои

мрачные предсказания оказались лживыми. Троя стоит, хотя ты сулила ей гибель месяцы назад. Приам жив, а не заколот в этом самом храме, как ты предрекала. Ахиллес и Гектор по-прежнему с нами, хотя ты годами утверждала, что оба погибнут еще до падения Илиона. Никого из нас, женщин, не увели в рабство, как ты предсказывала, да и ты не во дворце Агамемнона, где, как ты нам говорила, Клитемнестра заколет и царя, и тебя, и твоих младенцев. И Андромаха…

Кассандра запрокидывает голову и беззвучно воет. Внизу, под балконом, Гектор без устали сулит богам ветров прекрасные жертвы и возлияния сладкого вина, пусть только заполыхает огонь под телом его дорогого брата. Если бы человечество уже придумало театр, зрители наверняка бы сочли, что драма начинает граничить с фарсом.

— Это все ушло. — Кассандра водит острым лезвием по собственной белой руке. Кровь капает на мрамор, но Кассандра смотрит только на Елену и Андромаху. — Прежнего будущего больше нет, сестры. Мойры ушли навсегда. Наш мир и его судьба канули в небытие, на смену им явилось нечто новое — какой-то чуждый, неведомый *космос*. Однако ясновидение, этот проклятый дар

Аполлона, не оставляет меня, сестры. Мгновение-другое — и Менелай устремится сюда, дабы вонзить клинок в твою прелестную грудь, о *Елена Троянская.* — Последние, полные издевки слова похожи на ядовитый плевок.

Елена хватает Кассандру за плечи. Андромаха вырывает у пророчицы кинжал, и женщины вдвоем заталкивают девушку за мраморные колонны, в холодный сумрак Зевсова храма. Там они прижимают ее к мраморным перилам и нависают над ней, словно фурии.

Андромаха подносит лезвие к бледной шее Кассандры.

— Мы долгие годы были подругами, — шипит жена Гектора, — но произнеси еще хоть слово, полоумная тварь, и я прирежу тебя, как свинью.

Кассандра улыбается.

Елена хватает запястье Андромахи — трудно сказать зачем; то ли чтобы остановить ее, то ли чтобы самой поучаствовать в убийстве. Другая ее рука по-прежнему лежит у Кассандры на плече.

— Менелай придет убить меня? — шепчет она злосчастной пророчице.

— Нынче он дважды придет за тобой и дважды ему помешают, — отвечает Кассандра без всякого выражения.

Ее затуманенные глаза уже ни на кого не смотрят. Ее улыбка превратилась в оскал.

— Когда это будет? — допытывается Елена. — И кто его остановит?

— Первый раз — когда запылает погребальный костер Париса, — бормочет Кассандра равнодушно, будто вспоминает детскую сказку. — Второй раз — когда костер догорит.

— Кто его остановит? — повторяет Елена.

— В первый раз на пути Менелая встанет жена Париса, — говорит Кассандра. Глаза у нее закатились, видны только белки. — Потом — Агамемнон и та, что жаждет убить Ахиллеса, Пентесилея[3].

–Амазонка Пентесилея? — От изумления Андромаха повысила голос, так что ее слова прокатываются эхом под сводами храма. — Она за тысячи лиг отсюда, да и Агамемнон тоже. Как они могут оказаться здесь к тому времени, когда угаснет погребальный костер Париса?

---

[3] Примечания: 3

...та, что жаждет убить Ахиллеса, Пентесилея. — Амазонка Пентесилея и ее бой с Ахиллесом упоминались в ряде древнегреческих эпических поэм троянского цикла, прежде всего в не дошедшей до нашего времени «Эфиопиде» Арктина Милетского; самый подробный рассказ о ней (включая эпизод с троянкой Гипподамией, зовущей женщин на бой, и вмешательством Феано) содержится в эпосе «После Гомера» Квинта Смирнского, жившего, предположительно, в IV в. Там же излагается история гибели Париса от стрелы Филоктета и роль Эноны.

— Тихо! — шипит Елена и вновь обращается к пророчице, чьи веки странно подрагивают: — Ты сказала, жена Париса не даст Менелаю меня убить, когда зажгут костер. И как же? Как я это сделаю?

Кассандра без чувств валится на пол. Андромаха прячет кинжал в складки одеяния и несколько раз с силой бьет упавшую по лицу. Кассандра не приходит в себя.

Елена пинает обмякшее тело.

— Провалиться бы ей в преисподнюю. Как я помешаю Менелаю меня убить? Остались, наверное, считаные…

С площади доносится дружный рев аргивян и троянцев, затем вой и свист.

Это Борей и Зефир послушно ворвались в город через Скейские ворота. Сухой трут поймал искру, дерево занялось. Костер запылал.

4

На глазах у Менелая налетевшие вихри раздули уголья сперва до тонких дрожащих язычков, затем до бушующего пламени. Гектор едва успел сбежать по ступеням, прежде чем весь сруб занялся огнем.

«Пора», — решил Менелай.

Шеренги ахейцев, нарушая порядок, подались назад от внезапного жара. В суматохе Менелай незаметно проскочил мимо своих товарищей и начал пробираться через толпу троянцев. Он протискивался влево, к храму Зевса и заветной лестнице. Искры и жар от огня — ветер дул в ту же сторону — вынудили Приама, Елену и прочих отступить с балкона вглубь, а главное — разогнали воинов, стоявших на лестнице. Путь был свободен.

«Как будто боги мне помогают».

Возможно, так оно и есть, подумал Менелай. О том, что старые боги являются кому-нибудь из троянцев и аргивян, говорили постоянно. То, что боги и смертные теперь воюют, не значило, что все узы родства и привычки разорваны полностью. Многие соратники Менелая тайно, под покровом ночи, приносили жертвы тем же богам, с которыми сражались при свете дня. Разве сам Гектор не взывал только что к Зефиру и Борею, умоляя разжечь погребальный костер под телом брата? И разве боги не подчинились, даже зная, что кости и кишки Диониса, Зевсова сына, разбросаны по этому самому костру, словно жалкие начатки, которые отдают псам?

«Смутное времечко. Не разберешь, как теперь

и жить».

«Что ж, — ответил голос у Менелая в голове, циничный, не хотевший убивать Елену сегодня, — тебе-то жить осталось недолго, приятель».

У подножия лестницы Менелай остановился и обнажил меч. Никто не заметил: все смотрели на костер, который выл и бушевал в тридцати футах от них. Воины правой рукой закрывали лицо и глаза.

Менелай поставил ногу на первую ступеньку.

Женщина, одна из тех, что раньше несли мед и масло, вышла из храмового портика в десяти шагах от Менелая и двинулась прямо на костер. Все взгляды обратились к ней; Менелаю пришлось замереть на нижней ступени и опустить меч, поскольку он стоял прямо за ее спиной и не хотел привлекать внимание.

Женщина откинула покрывало. Толпа троянцев напротив погребального костра изумленно ахнула.

— Энона! — воскликнул наверху женский голос.

Менелай вытянул шею. Приам, Елена, Андромаха и прочие, привлеченные шумом, вернулись на балкон. Кричала не Елена, а кто-то из рабынь.

Энона? Где-то Менелай уже слышал это имя,

еще до начала Троянской войны, однако не мог вспомнить, кто она. Мысли его были заняты другим. Елена там, наверху, до нее лишь пятнадцать ступеней, и на пути никого нет.

— Я Энона, настоящая жена Париса! — кричала женщина, которую назвали Эноной; даже на таком близком расстоянии ее было почти не слышно за воем ветра и треском огня, пожирающего мертвое тело.

Настоящая жена Париса? Ошеломленный Менелай замешкался. Из храма и с прилегающих улиц нахлынули новые любопытные зрители. Лестница стала заполняться людьми. Рыжеволосый аргивянин припомнил, что после похищения Елены в Спарте говорили, будто прежде Парис был женат на дурнушке на десять лет себя старше, но оставил ее, когда боги помогли ему выкрасть Елену.

— Феб-Аполлон не убивал Париса, Приамова сына! — кричала Энона. — Его убила я!

Послышались возгласы, даже непристойные выкрики, несколько троянских воинов с ближней стороны огня шагнули вперед с намерением схватить сумасшедшую, однако их удержали товарищи. Большинство хотело услышать, что она скажет.

Сквозь пламя Менелай видел Гектора: даже величайший герой Илиона был не в силах вмешаться, поскольку между ним и немолодой женщиной полыхало алчное пламя.

Энона была так близко к огню, что от ее одежды шел пар. По-видимому, она заранее окатила себя водой. Под вымокшим платьем явственно проступали тяжелые, полные груди.

— Париса убила не молния Аполлона! — визжала гарпия. — Когда десять дней назад мой муж и бог ушли в Медленное Время, они обменялись выстрелами — то был поединок лучников, как и задумывал Парис. И бог, и человек промахнулись. Моего мужа сгубила стрела, выпущенная смертным — трусливым Филоктетом! — И Энона указала на группу ахейцев, где старый Филоктет стоял рядом с Большим Аяксом.

— Лжешь! — завопил седовласый лучник, которого Одиссей лишь недавно привез с острова, где тот жил, терзаемый ужасными страданиями.

Пропустив его выкрик мимо ушей, Энона подступила еще ближе к костру. Ее лицо и голые руки покраснели от жара. Пар от мокрых одежд окутывал ее туманом.

— Когда раздосадованный Аполлон квитировался на Олимп, аргивский трус Филоктет, не

забывший прежних обид, пустил отравленную стрелу в пах моему супругу!

— Откуда тебе это знать, женщина? Никто из нас не последовал за Приамидом и Аполлоном в Медленное Время. Никто не видел сражения! — вскричал Ахиллес. Его голос был стократ громче вдовьего.

— Узнав о предательстве, Аполлон квитировал моего мужа на склоны Иды, где я жила изгнанницей более десяти лет… — продолжала Энона.

Раздалось несколько выкриков, но почти вся огромная городская площадь, запруженная тысячами троянцев, а также заполненные людьми крыши домов и стены были тихи. Все ждали.

— Парис молил меня принять его обратно, — рыдала женщина; от мокрых волос теперь тоже валил пар. Даже слезы ее мгновенно улетучивались. — Он умирал от греческого яда. Яички и столь любимый некогда уд уже почернели, но муж все равно умолял его исцелить.

— Как могла обычная старая карга излечить от смертельного яда? — проревел Гектор, перекрывая богоподобным голосом шум пламени.

— Оракул предсказал супругу, что лишь я сумею исцелить его смертельную рану! — хрипло прокричала Энона.

Либо у нее иссякали силы, либо жар и вой огня возросли. Менелай мог разобрать отдельные слова, но сомневался, что остальные на площади ее слышат.

— Корчась от боли, он умолял приложить к отравленной ране бальзам! — кричала женщина. — «Забудь свою ненависть, — плакал он. — Я покинул тебя лишь по велению Судеб. Лучше бы я умер, не успев привезти эту гадину в отцовский дворец. Заклинаю, Энона, во имя нашей прежней любви, во имя наших обетов, прости меня и спаси мою жизнь».

Она шагнула еще ближе к огню. Багрово-золотые языки лизали ей ноги, лодыжки почернели, сандалии начали заворачиваться.

— Я отказалась! — возвысила охрипший голос Энона. — И он умер. Мой единственный возлюбленный и единственный муж умер. Он умер в ужасных мучениях, осыпая весь мир проклятиями. Мы со служанками пытались сами сжечь труп — дать моему бедному, обреченному Судьбами мужу достойное погребение. Но деревья рубить тяжело, а мы всего лишь слабые женщины… Простое дело, но я не справилась даже с ним. Увидев, как жалко мы почтили останки благородного Париса, Феб-Аполлон вторично смилостивился

над павшим врагом, квитировал поруганное тело обратно на поле боя и выбросил обугленные останки из Медленного Времени, как если бы сын Приама сгорел в сражении. Я так жалею, что не исцелила его! Обо всем жалею…

Она развернулась в сторону балкона, хотя вряд ли могла кого-нибудь увидеть из-за пламени, дымной пелены и рези в глазах.

— Но по крайней мере, бесстыжей Елене уже не увидеть его живым!

Глухой ропот троянских воинов перерос в оглушительный рев.

Дюжина городских стражников запоздало кинулась к Эноне, чтобы увести ее для дальнейшего допроса.

Она шагнула в пылающий костер.

Сначала вспыхнули волосы, потом платье. Невероятно, немыслимо, однако вдова продолжала взбираться по бревнам, даже когда ее кожа занялась, почернела и сморщилась, как обуглившийся пергамент. Лишь в последний миг до того, как упасть, Энона содрогнулась в агонии. Однако ее вопли разносились над притихшей площадью, казалось, несколько минут.

Обретя наконец дар речи, троянцы потребовали от аргивян выдать им Филоктета.

Смятенный, раздосадованный, Менелай бросил взгляд наверх. Царская охрана окружила на балконе всех и каждого. Дорогу к Елене преграждала стена круглых троянских щитов и частокол копий.

Менелай спрыгнул с нижней ступени и побежал через опустевшее пространство у самого костра. Жар ударил в лицо, словно могучий кулак, и Менелай почувствовал, как обгорают брови. Спустя минуту он с обнаженным мечом примкнул к товарищам. Аякс, Диомед, Одиссей, Тевкр и другие окружили старого лучника плотным кольцом, держа наготове оружие.

Троянцы подняли щиты, выставили пики и стали напирать на три десятка обреченных греков.

Внезапно голос Гектора загрохотал так, что все замерли:

— Стойте! Я запрещаю! Бредни Эноны — если это Энона убила себя сегодня, ибо я каргу не узнал, — ничего не значат. Она была безумна! Мой брат погиб в смертной схватке с Аполлоном!

Судя по виду разгневанных троянцев, речь их не убедила. Вокруг по-прежнему щетинились мечи и копья. Менелай огляделся. Одиссей хмурился, Филоктет прятался за спины товарищей, Большой Аякс широко ухмылялся, словно предвкушая

близкую сечу, которая оборвет его жизнь.

Гектор обошел костер и встал между греками и троянскими копьями. Он был без оружия и даже без доспехов, но казался самым грозным противником из всех.

— Эти люди — наши союзники, гости, приглашенные мной на погребение моего брата! — воскликнул Гектор. — Вы не причините им вреда. Любой, кто ослушается приказа, падет от моей руки. Клянусь костями моего брата!

Из-за платформы, поднимая щит, выступил Ахиллес. Вот он-то *был* и в лучших доспехах, и при оружии. Сын Пелея более не шелохнулся, даже не произнес ни слова, но каждый на площади ощутил его присутствие.

Троянцы посмотрели на своего вождя, перевели взгляды на быстроногого мужеубийцу Ахиллеса, в последний раз обернулись на жаркий костер, где догорало тело женщины, — и отступили. Менелай видел растерянность на смуглых лицах троянцев, видел, что толпа теряет воинственный дух.

Одиссей повел ахейцев к Скейским воротам. Менелай и прочие опустили мечи, однако не спешили прятать их в ножны. Троянцы нехотя расступались, будто море, все еще жаждущее

крови. За городской стеной стояли новые и новые шеренги недавних врагов. Филоктет шагал в середине тесного круга.

— Клянусь богами… — зашептал он. — Клянусь…

— Заткни свою поганую пасть, старик! — прорычал могучий Диомед. — Скажешь еще слово до того, как мы вернемся к черным кораблям, и я тебя сам прикончу.

Но вот позади остались ахейские караулы, защитные рвы и силовые поля моравеков. Как ни странно, на берегу царило волнение, хотя сюда еще не могли докатиться слухи о беде, чуть было не разразившейся в Илионе. Менелай оторвался от остальных и побежал вдоль берега.

Мимо промчался воин, громко дуя в раковину моллюска.

— Царь вернулся! — кричал он на бегу. — Предводитель вернулся!

«Это не Агамемнон, — подумал Менелай. — Его еще месяц ждать, а то и два».

И тут же увидел брата, застывшего на носу самого большого из тридцати черных кораблей, составлявших его маленький флот. Золотые доспехи сверкали на солнце. Гребцы проворно вели длинное, тонкое судно через прибой к берегу.

Менелай вошел прямо в волны, пока вода не покрыла бронзовые поножи.

— Брат! — воскликнул он, размахивая руками, как мальчишка. — Какие вести из дому? Где новые воины, которых ты обещал привезти?

До берега оставалось шесть или семь десятков футов. Черный нос корабля рассекал пенистые буруны. Агамемнон прикрыл глаза рукой, как будто ему было больно смотреть на послеполуденное солнце, и прокричал в ответ:

— Пропали, брат Атрид! Все до единого!

5

Погребальный костер будет гореть всю ночь.

Томас Хокенберри, получивший степень бакалавра в колледже Уобаш, магистра гуманитарных наук и доктора филологии в Йеле, в прошлом преподаватель Индианского университета — вернее, глава отделения классической литературы до своей смерти от рака в две тысячи шестом году нашей эры, — а в течение последних десяти лет из десяти лет и восьми месяцев после своего воскрешения — гомеровский схолиаст олимпийских богов, обязанный ежедневно в устной форме отчитываться перед Музой по имени Мелета о ходе Троянской войны, а точнее,

о сходстве и расхождениях событий с теми, что описаны в гомеровской «Илиаде» (боги оказались неграмотными, словно трехлетние дети), перед наступлением сумерек покидает площадь с погребальным костром и поднимается на вторую по высоте башню Илиона, ветхую и опасную, чтобы спокойно поужинать хлебом с сыром и выпить вина. На взгляд Хокенберри, день выдался долгий и жутковатый.

Башня, где он часто уединяется, стоит ближе к Скейским воротам, чем к центру города возле Приамова дворца, однако не на главной проезжей дороге, и бóльшая часть складов у ее подножия сейчас пустует. Официально башня — одна из самых внушительных в довоенной Трое, почти четырнадцать этажей по меркам двадцатого века, — закрыта для посещения. Когда-то она венчалась шарообразным утолщением, похожим на маковую коробочку, что придавало ей сходство с минаретом. В первую неделю нынешней войны сброшенная богами бомба уничтожила верхние три этажа и разбила наискосок маковую головку, оставив несколько верхних комнат без крыши. Башню изрезали пугающие трещины, а узкую винтовую лестницу усеяли вылетевшие из стен камни и штукатурка. Два месяца назад Хокен-

берри с немалым трудом расчистил себе дорогу наверх, к маковке на одиннадцатом этаже. По указанию Гектора моравеки оклеили входы оранжевой лентой с графическими пиктограммами, предупреждающими, как опасно туда лезть (согласно самым жутким из картинок, башня могла рухнуть в любую минуту), и прочими символами, предписывающими держаться подальше под угрозой царского гнева.

Охотники за наживой обчистили строение за трое суток, после чего местные жители и в самом деле стали обходить пустое, никчемное здание стороной. Хокенберри пролезает между оранжевыми лентами, включает фонарик и начинает долгое восхождение, нимало не боясь, что его арестуют, ограбят или просто остановят. Он вооружен ножом и коротким мечом. К тому же он хорошо известен: Томас Хокенберри, сын Дуэйна, товарищ… ну ладно, не товарищ, но по крайней мере собеседник… Ахиллеса и Гектора, не говоря уже о более коротком знакомстве с моравеками и роквеками. В общем, любой троянец или грек хорошенько подумает, прежде чем на него напасть.

Хотя, конечно, боги… Но это уже другое дело.

На третьем этаже у Хокенберри начинается

одышка. К десятому он с присвистом хватает ртом воздух. Добравшись до полуразрушенного одиннадцатого — пыхтит, будто «паккард» сорок седьмого года выпуска, некогда принадлежавший его отцу. Больше десяти лет он наблюдал, как эти смертные полубоги — равно троянцы и греки — сражались, пировали, любились и буянили, словно ходячая реклама самого успешного в мире клуба здоровья, не говоря уже о богах и богинях, которые, пожалуй, послужили бы ходячей рекламой лучшего клуба здоровья во Вселенной. Однако Томас Хокенберри, д. ф. н., так и не нашел времени заняться собственной формой. «Вот так всегда», — думает он.

Узкие ступени круто вьются по сердцевине круглого здания. Дверных проемов здесь нет; предзакатный свет проникает с двух сторон через окна тесных комнатушек, однако сама лестница утопает во мраке. Хокенберри светит себе под ноги, убеждаясь, что ступени еще на месте и не засыпаны новыми обломками. Хорошо хоть стены не исписаны. «Одно из многих благословений поголовной неграмотности», — думает профессор Томас Хокенберри.

В который раз, достигнув маленькой ниши на верхнем — теперь уже — этаже, расчищенной его

руками от пыли и штукатурки, хотя и открытой ветрам и дождю, он решает, что восхождение стоило затраченных усилий.

Усевшись на свой любимый камень, Хокенберри откладывает фонарик, одолженный ему месяцы назад одним моравеком, кладет на пол мешок, достает свежий хлеб и заветренный сыр, а потом выуживает бурдюк с вином. Вечерний ветер с моря колышет его отросшую бороду и длинные волосы. Хокенберри не спеша нарезает боевым ножом куски сыра, отхватывает ломти хлеба, любуется видом и чувствует, как исподволь, капля по капле, рассеивается напряжение трудного дня.

Вид отсюда и впрямь хороший. Обзор почти в триста градусов, ограниченный лишь уцелевшим обломком стены за спиной, позволяет рассмотреть не только бóльшую часть города — погребальный костер Париса в нескольких кварталах к востоку с такой высоты кажется расположенным почти под ногами, — но и стены Трои, на которых в этот час начинают зажигать факелы, а также лагерь ахейцев, растянувшийся к северу и к югу вдоль побережья. Сотни далеких огней напоминают Хокенберри картину, однажды увиденную мельком в иллюминатор

самолета, снижающегося в сумерках над Лейк-Шор-драйв в Чикаго, — ожерелье движущихся фар и окон жилых домов. Вдали, едва различимые на волнах винноцветного моря, темнеют три десятка кораблей, только что вернувшихся с Агамемноном. Длинные суда покачиваются на якорях: лишь незначительную их часть вытащили на берег. Лагерь Агамемнона, в последние полтора месяца почти пустовавший, теперь пылает заревом костров.

Да и небеса здесь не пусты. На северо-востоке последняя из дыр — проколов пространства, или бран-дыр, или что там это такое (ее называют просто Дырой) — вырезает из троянского неба диск, соединяя Илионскую долину с океаном на Марсе. Красная марсианская пыль сменяет бурую почву Малой Азии без всякого перехода, без единой трещинки. На Марсе сейчас чуть более ранний вечер, и багровые сумерки выделяют Дыру на фоне более темного неба старой Земли.

Дозорные моравекские шершни, мигая алыми и зелеными навигационными огнями, патрулируют пространство над Дырой, над городом, кружат над морем и вновь устремляются на восток, туда, где еле различимыми тенями вздымается поросшая лесами Ида.

Хотя сейчас зима и солнце село рано, на улицах Трои кипит жизнь. На рыночной площади у Приамова дворца торговцы только что свернули свои навесы и теперь увозят непроданный товар на тележках. Даже с такой высоты Хокенберри слышит долетающий по ветру скрип деревянных колес. Зато соседние проулки, где теснятся бордели, рестораны, бани и опять бордели, в это время лишь начинают пробуждаться, заполняясь отблесками факелов и толчеей. По троянскому обычаю на всех больших перекрестках, а также углах и поворотах городской стены дозорные каждый вечер зажигают огромные жаровни, где всю ночь горят дрова или масло. Темные тени жмутся к этим огням для тепла.

Ко всем, кроме одного. На главной площади все еще горит погребальный костер Париса, однако никто не ищет его тепла. Лишь Гектор громко стенает и плачет, призывая своих воинов, рабов и слуг подбрасывать в бушующее пламя больше дров, а сам большим двуручным кубком черпает из золотого сосуда вино и возливает вокруг костра. Издали чудится, будто вымокшая насквозь земля сочится багряной кровью.

Хокенберри уже заканчивает ужин, когда на лестнице слышатся чьи-то шаги.

Сердце бешено стучит, во рту привкус страха. Кто-то его здесь выследил. Шаги на ступенях чересчур тихие, как будто кто-то крадется тайком.

«Может, просто какая-нибудь бедная женщина ищет, чем поживиться», — думает Хокенберри, однако луч надежды гаснет, едва загоревшись. Во-первых, из темноты слабым эхом доносится тихий звон металла — видимо, бронзовых доспехов. А во-вторых, троянские женщины куда опаснее большинства знакомых ему мужчин двадцатого и двадцать первого столетий.

Хокенберри как можно тише встает, убирает в сторону хлеб, сыр и вино, прячет кинжал в ножны, беззвучно вытаскивает меч и, укрыв его под алым плащом, пятится к единственной уцелевшей стене. Налетевший ветер колышет складки плаща.

«Мой квит-медальон. — Он левой рукой трогает маленькое устройство для квантовой телепортации, висящее на груди под одеждой. — С чего я решил, будто у меня нет ничего ценного? Даже если я не могу воспользоваться им без того, чтобы олимпийцы меня засекли, вещь все равно уникальная. Бесценная». Он достает фонарик и направляет вперед, как прежде направил бы тазерный жезл. Кстати, вот что сейчас действи-

тельно не помешало бы…

Шаги уже близко. Что, если это бог? Бессмертные и раньше пробирались в город в обличье простых людей. И у них достаточно причин, чтобы убить его и забрать квит-медальон.

Таинственный гость одолевает последние ступени. Выходит под открытое небо. Хокенберри включает фонарик, и луч выхватывает из темноты фигуру…

Она маленькая — от силы метр — и лишь смутно гуманоидная. Колени загнуты назад, руки сочленяются неправильно, правая ладонь не отличается от левой, лица как такового вообще нет, и все заковано в темный пластик и серо-красно-черный металл.

— Манмут, — с облегчением говорит Хокенберри, отводя круг света от зрительной панели маленького европеанского моравека.

— У тебя под плащом меч, — произносит Манмут по-английски, — или ты просто рад меня видеть?

Поднимаясь на башню, Хокенберри обычно брал с собой немного топлива для костерка. В последние месяцы это чаще всего были сухие коровьи лепешки, но сегодня ему удалось разжиться охапкой ароматного хвороста, которым

торговали на черном рынке лесорубы, привезшие дрова для погребального сруба. И вот сейчас Хокенберри с Манмутом сидят друг напротив друга на камнях у весело трещащего огня. Дует пронизывающий ветер, и по крайней мере Хокенберри рад возможности согреться.

— Я не видел тебя несколько дней, — говорит он, глядя, как отсветы пламени пляшут на блестящей зрительной панели Манмута.

— Я был на Фобосе.

Хокенберри не сразу вспоминает. Ах да, Фобос. Одна из лун Марса. Кажется, самая близкая. Или самая маленькая? В общем, луна. Он поворачивает голову к Дыре в нескольких милях к северо-востоку от города. На Марсе теперь тоже ночь, и Дыра еле выделяется на темном небе, и то лишь потому, что звезды там немного другие — то ли светят ярче, то ли гуще насыпаны, то ли все сразу. Марсианские луны — где-то вне поля зрения.

— Я ничего интересного сегодня не пропустил? — спрашивает Манмут.

Не удержавшись от усмешки, Хокенберри рассказывает о погребальном обряде и самосожжении Эноны.

— Ух ты, опупеть, — говорит Манмут.

Похоже, он сознательно предпочитает обороты речи, которые, по его мнению, были в ходу в ту эру, когда Хокенберри жил на Земле. Иногда этот выбор удачен. В основном же, как сейчас, комичен.

— Не помню, чтобы в «Илиаде» упоминалась прежняя жена Париса, — продолжает Манмут.

— Вроде бы в «Илиаде» этого нет. — Хокенберри силится вспомнить, говорил ли он о таком в своих лекциях. Кажется, не говорил.

— Впечатляющее, наверное, было зрелище.

— Да уж. Но особенно сильное впечатление произвели слова Эноны, что Париса на самом деле убил Филоктет.

— Филоктет? — Манмут почти по-собачьи наклоняет голову вбок.

Хокенберри почему-то привык думать, что так моравек делает, когда копается в банках памяти.

— Герой Софокла? — спрашивает Манмут через мгновение.

— Да. Он был предводителем фессалийцев, из Мефоны.

— Я не помню его в «Илиаде», — говорит Манмут. — И здесь вроде бы тоже не встречал.

Хокенберри кивает:

— Агамемнон с Одиссеем высадили его на ост-

рове Лемнос по дороге сюда, много лет назад.

— Почему? — В голосе Манмута, очень похожем по тембру на человеческий, сквозит любопытство.

— Главным образом потому, что от него дурно пахло.

— Дурно? Почти все человеческие герои плохо пахнут.

Хокенберри хлопает глазами. Лет десять назад, воскреснув на Олимпе для новой работы, он и сам так считал, но через полгодика притерпелся. «Интересно, и я тоже?» — думает он, а вслух говорит:

— От Филоктета воняло особенно сильно. У него была гнойная язва.

— Язва?

— Змея укусила. Ядовитая. Как раз когда… Впрочем, долго рассказывать. Обычная история про кражу чего-нибудь у богов. В общем, нога у него сочилась зловонным гноем, а сам он постоянно вопил и терял сознание. Это было десять лет назад, по пути в Трою. В конце концов Агамемнон, по совету Одиссея, высадил старика на Лемносе, то есть буквально бросил его гнить.

— Но он выжил? — спрашивает Манмут.

— Очевидно. Возможно, боги хранили его для некоей миссии, но все это время он мучился от

нестерпимой боли в ноге.

Манмут опять наклоняет голову набок:

— Понятно… Теперь я помню пьесу Софокла. Одиссей отправился за ним, когда прорицатель Гелен сказал грекам, что те не покорят Трою без Филоктетова лука, полученного им от… э-э-э… Геракла. Геркулеса.

— Да, лук перешел к нему по наследству, — говорит Хокенберри.

— Не помню, чтобы Одиссей за ним отправлялся. Я имею в виду реальность, последние восемь месяцев.

Хокенберри снова кивает:

— Все провернули очень тихо. Одиссей отсутствовал всего три недели, и возвращение было обставлено в таком духе, мол, я тут за вином плавал, по пути забрал Филоктета.

— В трагедии Софокла, — говорит Манмут, — главным героем был Неоптолем, сын Ахиллеса. Отца он при жизни так и не встретил. Неужели он тоже здесь?

— Насколько я знаю, нет. Только Филоктет. И его лук.

— И теперь Энона обвинила его в убийстве Париса.

— Угу.

Томас Хокенберри подбрасывает в огонь несколько веточек. Искры кружат на ветру и уносятся к звездам. В темноте над океаном медленно ползут тучи. Наверное, до рассвета пойдет дождь. Иногда Хокенберри ночевал здесь, подложив под голову дорожный мешок и укрывшись плащом вместо одеяла. Однако сегодня лучше будет уйти под крышу.

— Но как Филоктет мог попасть в Медленное Время? — Манмут встает и, не страшась обрыва в сотню с лишним футов, подходит в темноте к отколотому краю площадки. — Нанотехнологию, позволяющую совершить этот переход, ввели ведь только Парису перед единоборством?

— Тебе виднее, — отвечает Хокенберри. — Это ведь вы, моравеки, накачали Париса нанотехнологиями, чтобы он мог сразиться с богом.

Манмут возвращается к костру, но продолжает стоять, вытянув ладони к огню, словно желая их согреть. Может, и правда греет, думает Хокенберри; ему известно, что у моравеков некоторые части органические.

— У некоторых других героев — у Диомеда, например, — до сих пор остаются в крови нанокластеры Медленного Времени, введенные когда-то Афиной или другими богами, — говорит

Манмут. — Но ты прав, лишь Парису обновили их десять дней назад, перед поединком с Аполлоном.

— А Филоктета здесь не было десять лет, — говорит Хокенберри. — Так что вряд ли кто-нибудь из богов мог накачать его наномемами Медленного Времени. И ведь это же ускорение, а не замедление, верно?

— Верно, — говорит моравек. — «Медленное Время» — неправильный термин. Тому, кто туда попадал, кажется, будто все вокруг застыло в янтаре, а на самом деле путешественник наделяется сверхбыстрой реакцией и движением.

— А почему же он не сгорает? — спрашивает Хокенберри.

Он мог бы последовать за Аполлоном и Парисом в Медленное Время и увидеть бой своими глазами. Собственно, он бы так и поступил, если бы не был тогда в другом месте. Боги накачали его кровь и кости наномемами как раз для такой цели, и он много раз переносился в Медленное Время и смотрел, как боги готовят кого-нибудь из ахейцев или троянцев к бою.

— Из-за трения… — добавляет он. — О воздух или обо что там еще… — Тут он беспомощно осекается, исчерпав познания в физике.

Однако Манмут кивает, как будто услышал что-то разумное.

— Ускоренное тело, конечно, загорелось бы — прежде всего из-за внутреннего перегрева, — если бы не нанокластеры. Это часть наногенерируемой силовой оболочки тела.

— Как у Ахиллеса?

— Да.

— А не мог ли Парис сгореть как раз из-за этого? — спрашивает Хокенберри. — Из-за какого-нибудь сбоя нанотехнологии?

— Вряд ли. — Моравек выбирает камень поменьше и снова садится. — С другой стороны, зачем Филоктету убивать Париса? Разве у него был мотив?

Хокенберри пожимает плечами:

— В негомеровских рассказах о Трое Париса убивает именно Филоктет. Из лука. Отравленной стрелой. В точности как говорила Энона. Гомер даже упоминает, что Филоктета должны вернуть, дабы исполнить пророчество, по которому без него Троя не падет. Во второй песни, если не ошибаюсь.

— Но ведь греки и троянцы теперь союзники?

Хокенберри невольно улыбается:

— Те еще союзники. Ты не хуже меня знаешь,

сколько в обоих станах заговоров и недовольства. Никого, кроме Гектора и Ахиллеса, не радует эта война с богами. Очередной мятеж — не более чем вопрос времени.

— Да, но Гектор и Ахиллес — практически непобедимый дуэт. И у каждого за спиной десятки тысяч верных троянцев и ахейцев.

— Это сейчас, — говорит Хокенберри. — Но возможно, в дело вмешались боги.

— Помогли Филоктету войти в Медленное Время? — спрашивает Манмут. — Но зачем? Согласно бритве Оккама, если бы они хотели смерти Париса, то Аполлон и убил бы его, как все считали до нынешнего дня. Пока не вмешалась Энона со своими обвинениями. Для чего было подсылать убийцу-грека… — Он умолкает, затем бормочет: — А, ну да.

— Угадал, — говорит Хокенберри. — Боги желают ускорить мятеж, убрать с дороги Ахиллеса и Гектора и натравить троянцев и греков друг на друга.

— Вот зачем этот яд, — произносит моравек. — Чтобы Парис успел рассказать жене… первой жене, кто на самом деле его убил. Теперь троянцы станут искать возмездия, и тем грекам, которые верны Ахиллесу, придется защищать себя с ору-

жием в руках. Умный ход. А было сегодня еще что-нибудь, сопоставимое по значению?

— Агамемнон вернулся.

— Без фуфла? — спрашивает Манмут.

«Надо будет потолковать с ним насчет молодежного сленга, — думает Хокенберри. — Ощущение, будто говорю с первокурсником в Индианском университете».

— Да, без фуфла, — говорит он. — Вернулся на месяц или два раньше срока, и у него более чем странные вести.

Манмут выжидающе подается вперед. По крайней мере, Хокенберри интерпретирует позу маленького гуманоидного киборга как выжидающую. Гладкое лицо из металла и пластика не отражает ничего, кроме языков костра.

Хокенберри откашливается.

— Там, где побывал Агамемнон, люди пропали. Исчезли. Сгинули.

Он рассчитывал услышать удивленное восклицание, но маленький моравек лишь молча ждет продолжения.

— Никого не осталось. Не только в Микенах, куда Агамемнон отправился первым делом. Исчезли не только его жена Клитемнестра, сын Орест и прочие родственники. Исчезли *все*. Города

обезлюдели. На столах стоит нетронутая еда. В конюшнях ржут голодные лошади. Собаки воют у холодных очагов. Недоеные коровы мычат на пастбищах, а рядом бродят нестриженые овцы. Где бы ни высаживался Агамемнон на Пелопоннесе и дальше — в Лакедемоне, царстве Менелая, на родине Одиссея Итаке — везде пусто…

— Да, — говорит Манмут.

— Постой-ка, — говорит Хокенберри. — Ты ничуть не удивлен. Моравеки уже знают, что греческие города и царства греков опустели. Но как?

— Ты спрашиваешь, как мы узнали? Очень просто. С самого нашего появления мы следили за ними с земной орбиты, отправляли беспилотники для записи данных. Можно столько всего узнать о Земле за три тысячи лет до твоего времени… то есть за три тысячи лет до двадцатого и двадцать первого века.

Хокенберри ошеломлен. Ему и в голову не приходило, что моравеки интересуются чем-нибудь, кроме Трои, близлежащих полей сражений, Дыры, Марса, Олимпа, богов, может быть, марсианского спутника-другого… Черт, разве этого не достаточно?

— И когда они все… исчезли? — наконец выдав-

ливает он. — Агамемнон говорит, еда на столах была еще свежей, бери да ешь.

— Думаю, дело в определении понятия «свежесть», — говорит Манмут. — По нашим наблюдениям, люди пропали четыре с половиной недели назад. Как раз когда флот Агамемнона приближался к Пелопоннесу.

— Господи Исусе, — шепчет Хокенберри.

— Да.

— Вы видели, как все произошло? Ваши спутниковые камеры или зонды… они что-нибудь засекли?

— Не совсем. Только что люди были на месте — и в следующую секунду их не стало. Это случилось около двух часов ночи по греческому времени, так что наблюдать было особенно нечего… в греческих городах, я имею в виду.

— В греческих городах, — тупо повторяет Хокенберри. — То есть… ты хочешь сказать… другие люди… тоже исчезли? Скажем… в Китае?

— Да.

Внезапно налетевший ветер бросает искры во все стороны сразу. Хокенберри прикрывает лицо руками, потом аккуратно стряхивает угольки с плаща и туники и, когда ветер стихает, подбрасывает в огонь остатки хвороста.

Не считая Илиона и склонов Олимпа — который, как выяснилось восемь месяцев назад, вообще на другой планете, — Хокенберри бывал только в доисторической Индиане, где бросил на попечение индейцев единственного уцелевшего коллегу Кита Найтенгельзера, когда Муза начала убивать схолиастов направо и налево. Сейчас он безотчетно трогает квит-медальон под одеждой. «Надо проверить, как там Найтенгельзер».

Словно прочитав его мысли, Манмут говорит:

— Исчезли все за пределами пятисоткилометрового радиуса от Трои. Африканцы, китайцы, австралийские аборигены. Индейцы Северной и Южной Америки. Гунны, даны и будущие викинги. Протомонголы. Все. Все остальные на планете — по нашим оценкам, примерно двадцать два миллиона человек — исчезли.

— Невозможно, — говорит Хокенберри.

— Да. Кажется невозможным.

— Какая же нужна сила, чтобы…

— Божественная, — отвечает моравек.

— Но это не могут быть олимпийские боги. Они просто… ну…

— Более мощные гуманоиды? — говорит Манмут. — Мы тоже так думаем. Здесь действуют иные энергии.

— Бог? — шепчет Хокенберри, воспитанный в строгой вере родителей-баптистов, которую позже променял на образование.

— Возможно, — отвечает моравек. — Но коли так, Он живет на другой планете Земля или ее орбите. Там произошел мощнейший выброс квантовой энергии в то самое время, когда исчезли жена и дети Агамемнона.

— На Земле? — повторяет Хокенберри. Он смотрит в темноту, на погребальный костер внизу, на улицы, где кипит ночная жизнь, затем на далекие походные костры ахейцев и еще более далекие звезды. — Здесь?

— Не на этой Земле, — говорит Манмут. — На другой Земле. Твоей. И похоже, мы туда скоро отправимся.

Целую минуту сердце у Хокенберри колотится так, что ему страшно за свое здоровье. Потом до него доходит: Манмут говорит не о*его* планете двадцать первого века из обрывочных воспоминаний прежней жизни, до того как боги воссоздали его по ДНК, книгам и бог весть чему еще, не о том потихоньку всплывающем в сознании мире, где был Индианский университет, жена и студенты, а о Земле — современнице терраформированного Марса более чем через три

тысячи лет после того, как закончил свой короткий и не слишком удачливый век преподаватель классической литературы Томас Хокенберри.

Не в силах усидеть на месте, он поднимается и начинает расхаживать взад-вперед по разрушенному одиннадцатому этажу между разбитой северо-восточной стеной и вертикальным обрывом. Сандалия задевает камень, и тот летит со стофутовой кручи на темные улицы внизу. Ветер отбрасывает назад капюшон и длинные седеющие волосы. Рассудком Хокенберри уже восемь месяцев понимает, что видимый в Дыру Марс сосуществует в некой Солнечной системе будущего с Землей и другими планетами, но никогда не связывал этот факт с мыслью, что иная Земля и вправду там, ждет.

«Там кости моей жены смешаны с прахом, — думает Хокенберри, потом, готовый заплакать, почти смеется. — Черт, и мои кости тоже смешаны там с прахом».

— Как же вы полетите на ту Землю? — спрашивает он и тут же понимает глупость своего вопроса.

Он слышал, как Манмут и его гигантский друг Орфу прилетели из юпитерианского космоса на Марс вместе с другими моравеками, не пере-

жившими первой встречи с богами. «У них есть космические корабли, Хокенбуш». Хотя большинство моравеков появились здесь словно по волшебству из квантовых дыр, которые помог открыть Манмут, космические корабли у них есть.

— На Фобосе строится специальный корабль, — тихо говорит моравек. — На сей раз мы полетим не одни. И не безоружные.

Хокенберри беспокойно мерит шагами пространство. У самого края неровной площадки его охватывает желание прыгнуть вниз, навстречу гибели: этот соблазн преследовал его с юных лет. «Не потому ли я и прихожу сюда? Думаю о прыжке? Думаю о самоубийстве?» Он понимает, что это правда. Последние восемь месяцев ему было нестерпимо одиноко. «А теперь и Найтенгельзер исчез — вероятно, сгинул вместе с индейцами в недрах космического пылесоса, который очистил Землю от всех людей, кроме несчастных троянцев и греков». Хокенберри знает: ему достаточно повернуть квит-медальон на груди, чтобы в мгновение ока очутиться в Северной Америке и пуститься на поиски друга, оставленного в доисторической Индиане. Однако боги могут выследить его в прорехах планкова пространства. Потому-то он больше и не квитируется — вот уже

восемь месяцев.

Хокенберри возвращается к огню и замирает над маленьким моравеком:

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Мы приглашаем тебя с нами, — говорит Манмут.

Хокенберри тяжело опускается на камень. Через минуту ему удается выдавить:

— Зачем? Какой от меня прок?

Манмут очень по-человечески пожимает плечами.

— Ты из того мира, — просто отвечает он. — Пусть даже из другого времени. На той Земле по-прежнему живут люди.

— Правда? — Хокенберри сам слышит, какой глупый и ошарашенный у него голос. Ему даже не пришло в голову об этом спросить.

— Да. Их не так много, — по-видимому, более четырнадцати веков назад бóльшая часть землян перешла в некий постчеловеческий статус и переселилась на орбитальные кольца. Однако, по нашим наблюдениям, на планете осталось несколько сот тысяч людей старого образца.

— Людей старого образца, — повторяет Хокенберри, даже не пытаясь изобразить хладнокровие. — То есть вроде меня.

— Именно.

Манмут встает. Его зрительная панель едва доходит человеку до пояса. Хокенберри, никогда не бывший великаном, вдруг понимает, как должны себя чувствовать олимпийцы рядом с простыми смертными.

— Мы думаем, что тебе надо лететь с нами, — продолжает Манмут. — Ты нам очень поможешь в контактах с людьми на Земле будущего.

— Господи Исусе, — вновь говорит Хокенберри.

Он подходит к неровному краю над пропастью и снова понимает, как просто было бы шагнуть с уступа в темноту. На сей раз боги его не воскресят.

— Господи Исусе, — повторяет он.

У погребального костра Гектор по-прежнему возливает вино и приказывает слугам подкидывать дрова.

«Я убил Париса, — думает Хокенберри. — Я убил каждого мужчину, женщину, ребенка и бога, погибшего с того дня, когда я принял вид Афины и похитил Патрокла — притворившись, будто убил его, — чтобы спровоцировать Ахиллеса напасть на богов».

Он внезапно разражается горьким смехом, не заботясь, что маленькая живая машинка примет

его за сумасшедшего.

«Я и впрямь сошел с ума. Все бред и чушь! Отчасти я до сих пор не спрыгнул с этой долбаной башни, потому что это казалось нарушением долга. Как будто я по-прежнему схолиаст, докладывающий Музе, которая докладывает богам. Нет, я точно свихнулся». К горлу в который раз подступают рыдания.

— Вы полетите с нами на Землю, доктор Хокенберри? — негромко спрашивает Манмут.

— Конечно, гори оно все, почему бы и нет? Когда?

— Как насчет прямо сейчас? — спрашивает маленький моравек.

Шершень, видимо, давно беззвучно висел в сотнях футов над ними, отключив навигационные огни. Черный шипастый летательный аппарат возникает из мрака с такой внезапностью, что Хокенберри едва не падает с края площадки.

Особенно сильный порыв ночного ветра помогает ему устоять, и он отступает от обрыва в ту самую секунду, когда из брюха шершня выдвигается трап и клацает о камень. Изнутри корабля струится красное мерцание.

— После вас, — произносит Манмут.

6

Солнце только что взошло, и Зевс в одиночестве мрачно сидел на троне, когда под своды Великого чертога собраний вступила Гера, ведя на золотом поводке пса.

— Это он? — осведомился владыка богов.

— Он, — ответила Гера и сняла поводок.

Собака тут же села.

— Зови своего сына, — сказал Зевс.

— Которого?

— Искусного мастера. Того, который так вожделеет Афину, что кончил ей на ногу, в точности как сделал бы этот пес, не будь он лучше воспитан.

Гера тронулась к выходу. Пес двинулся было за ней.

— Оставь его, — приказал Зевс.

Гера сделала псу знак, и тот остался.

Его короткая серая шерсть лоснилась, а кроткие карие глаза ухитрялись выражать ум и глупость одновременно. Пес принялся расхаживать взад и вперед вокруг золотого трона, царапая когтями мрамор. Потом обнюхал торчащие из сандалий голые пальцы Громовержца Кронида. Наконец, стуча когтями по полу, приблизился к темному голографическому пруду, заглянул туда, не уви-

дел ничего интересного в темных завихрениях помех, заскучал и поплелся к далекой белой колонне.

— Ко мне! — приказал Зевс.

Пес покосился на него, отвернулся и с самыми серьезными намерениями начал обнюхивать основание колонны.

Зевс свистнул.

Пес повертел головой, навострил уши, однако не тронулся с места.

Зевс снова свистнул и хлопнул в ладоши.

Серый пес вернулся в два прыжка, радостно высунув язык.

Зевс спустился с трона и потрепал пса по загривку, затем извлек из складок одежды сверкающий нож и отсек псу голову. Она докатилась почти до края голографического пруда, а тело рухнуло, вытянув передние лапы, как если бы пес получил команду «лежать» и послушался в надежде получить вкусненькое.

В чертог вошли Гера с Гефестом и двинулись по мраморному полу.

— Забавляемся с собачкой, повелитель? — спросила Гера, подходя ближе.

Зевс отмахнулся, будто прогоняя назойливую гостью, спрятал нож в рукав и возвратился на

золотой трон.

По сравнению с другими богами Гефест выглядел приземистым карликом: шесть футов роста и грудь словно волосатая пивная бочка. К тому же бог огня приволакивал левую ногу, будто мертвую, — впрочем, так оно и было. Лохматая шевелюра и еще более лохматая борода как будто переходили в поросль на груди, а красные глаза так и бегали по сторонам. На первый взгляд казалось, что он в доспехах, но при ближайшем рассмотрении становилось видно, что волосатое тело крест-накрест перевито ремнями, на которых висят сотни мешочков, коробочек, инструментов и приспособлений, выкованных из драгоценных и обычных металлов, сшитых из кожи и даже, судя по виду, сплетенных из волос. Искусный мастер, Гефест прославился на Олимпе тем, что как-то создал из чистого золота заводных девственниц, которые двигались, улыбались и ублажали мужчин почти как живые. По слухам, именно в его алхимических сосудах зародилась первая женщина — Пандора.

— Здравствуй, искусник! — прогрохотал Зевс. — Я бы позвал тебя раньше, да все кастрюли целы, а игрушечные щиты никак не погнутся.

Гефест опустился на колени подле мертвого пса

и тихо пробормотал:

— Зачем же так-то? В этом не было нужды. Совсем не было.

— Он меня раздражал. — Зевс взял с золотого подлокотника кубок и отпил большой глоток.

Гефест перевернул обезглавленное тело, провел мозолистой ладонью по грудной клетке, словно хотел почесать мертвому псу брюхо, и осторожно нажал. Покрытая мясом и шерстью панель отскочила в сторону. Пошарив в собачьих кишках, Гефест извлек прозрачный мешочек и вытащил из него ломоть влажного розового мяса.

— Дионис, — сказал Гефест.

— Мой сын, — ответил Зевс и потер виски, как будто смертельно устал от происходящего.

— Прикажешь отнести эти объедки Целителю, о Кронид? — спросил бог огня.

— Нет. Пусть кто-нибудь из наших съест его и родит заново, как и желал Дионис. Такое причастие болезненно для носителя, но, может быть, это научит олимпийских богов и богинь заботливее приглядывать за моими детьми.

Зевс перевел взгляд на Геру, которая за это время успела присесть на вторую ступеньку трона и с нежностью положить правую руку на колено супруга.

— Муж мой, нет, — тихо сказала она. — Прошу тебя.

Зевс улыбнулся:

— Тогда выбирай сама, жена.

— Афродита, — ответила Гера без колебаний. — Ей не впервой совать себе в рот мужские члены.

Зевс покачал головой:

— Нет. Афродита ничем не прогневила меня с тех пор, как побывала в баках Целителя. Не уместнее ли будет покарать Афину Палладу за то, что она, убив Патрокла, любезного друга Ахиллеса, и Гекторова сына-младенца, вовлекла нас в эту войну со смертными?

Гера отдернула руку:

— Афина все отрицает, о сын Крона. К тому же смертные говорят, что Афродита убивала Астианакта вместе с Афиной.

— Голографический пруд сохранил запись убийства Патрокла. Хочешь посмотреть еще раз, жена? — В голосе Зевса, похожем на раскаты дальнего грома, прорезались нотки зарождающегося гнева. Казалось, в Чертог богов ворвалась буря.

— Нет, повелитель, — ответила Гера. — Однако ты знаешь, что говорит Афина. Мол, беглый схолиаст Хокенберри принял ее обличье и совершил эти преступления. Она клянется любовью

к тебе…

Зевс нетерпеливо встал, прошелся по мраморному полу и вдруг рявкнул:

— Морфобраслеты не позволяют смертным принимать божественное обличье! Это невозможно даже на краткий срок. Нет, это сделал олимпиец — либо сама Афина, либо кто-то принявший ее облик. Итак… решай, кто примет тело и кровь моего сына Диониса.

— Деметра.

Зевс погладил короткую седую бороду:

— Деметра? Моя сестра и мать возлюбленной Персефоны?

Гера встала, отступила на шаг и развела белыми руками:

— Есть ли на этой горе бог, который не приходится тебе родней? Я твоя сестра и к тому же супруга. Во всяком случае, Деметре уже доводилось рожать на свет не пойми что. И ей все равно сейчас нечем заняться, поскольку люди больше не жнут и не сеют.

— Быть по сему, — сказал Зевс и посмотрел на Гефеста. — Доставь Деметре останки моего сына и сообщи, что Зевс повелел ей съесть это мясо и заново родить моего сына. Поручи трем моим фуриям приглядывать за ней до тех пор.

Бог огня пожал плечами, бросил мясо в один из своих мешочков и спросил:

— Хочешь посмотреть погребальный обряд Париса?

— Хочу.

Зевс снова воссел на трон и похлопал по ступени, с которой встала Гера. Та послушно вернулась на место, но руку на колено Крониду класть не стала.

Бубня себе под нос, Гефест подошел к собачьей голове, поднял ее за уши и отнес к видеопруду. Здесь он сел на корточки, снял с одного из ремней на груди металлический крючок и выковырял левый собачий глаз. Яблоко легко выскочило наружу, за ним потянулись зеленые, красные и белые оптоволоконные нервы. Когда в руке у Гефеста оказалось два фута проводов, он снял с пояса другой инструмент и перерезал их у основания.

Затем он зубами счистил изоляцию и налипшую слизь, под которыми обнаружились тончайшие золотые волокна. Ловко закрутив блестящие концы, Гефест подключил их к металлическому шарику из очередного мешочка, а глаз и цветные нервы опустил в голографический пруд.

Пруд тотчас наполнился трехмерными изоб-

ражениями. Богов окружили звуки, разносящиеся из пьезоэлектрических микродинамиков, хитроумно встроенных в стены и мраморные колонны.

Правда, картинка получалась с точки зрения собаки — много голых коленей и бронзовых поножей.

— Прежние репортажи нравились мне больше, — пробормотала Гера.

— Моравеки распознают и уничтожают всех наших дронов, даже насекомых, — сказал Гефест, перематывая погребальную процессию в ускоренном режиме. — Нам еще повезло, что…

— Тихо! — рявкнул Зевс, и голос его громом отразился от стен. — Давай. Отсюда. Звук.

Несколько минут все трое молча смотрели на заклание Диониса.

В последний миг бессмертный сын Зевса посмотрел через толпу на пса и сказал: «Съешь меня».

— Можешь выключать, — сказала Гера, увидев, как Гектор бросил факел на груду дров.

— Нет, погоди, — возразил Зевс.

Минуту спустя Громовержец поднялся с трона и двинулся к пруду. Брови его были сведены, глаза сверкали, кулаки были сжаты.

— Да как он*посмел*, смертный Гектор, звать Борея и Зефира, дабы те раздули костер, на котором жарятся яйца и потроха моего сына! *КАК ОН ПОСМЕЛ!!!*

И Зевс квитировался прочь. Послышался оглушительный раскат грома — это воздух устремился в пустоту там, где микросекунду назад был исполинский небожитель.

Гера покачала головой:

— Он спокойно смотрит на ритуальное заклание родного сына, но приходит в бешенство, когда Гектор призывает богов ветра. У отца нехорошо с головой, Гефест.

Ее сын угрюмо хмыкнул, скатал провода, убрал глазное яблоко и металлический шарик в мешочек. Собачью голову он положил в мешочек побольше.

— Нужно ли тебе от меня еще что-нибудь нынче утром, дочь Крона?

Она кивнула на труп собаки с раскрытой панелью на брюхе:

— Забери это с собой.

Дождавшись его ухода, Гера прикоснулась к груди и квантово телепортировалась из Великого чертога собраний.

Никто не мог квитироваться в опочивальню

Геры, даже сама хозяйка. Давным-давно — если бессмертная память ей не изменяла, ибо сейчас нельзя было верить даже собственным воспоминаниям, — она сама попросила Гефеста обезопасить ее покои при помощи волшебного искусства — силового поля квантовых потоков, вроде моравекского щита, который защищал Трою и ахейский стан от божественного вмешательства, но все-таки немного иного. Пронизанная квантовым потоком титановая дверь удержала бы даже разъяренного Зевса, и Гефест плотно приладил ее к квантовому косяку. Потайной засов открывался телепатическим паролем, который Гера меняла ежедневно.

Она мысленной командой отодвинула засов, скользнула в опочивальню, заперла за собой блестящую металлическую дверь и пошла в купальню, сбрасывая на ходу хитон и грязное белье.

Для начала волоокая Гера налила глубокую ванну (вода туда подавалась из чистейших ледниковых ручьев Олимпа и нагревалась адскими машинами Гефеста, внедренными в жерло древнего вулкана). Затем Гера с помощью амброзии оттерла с белоснежной кожи все пятнышки, все самые неуловимые следы несовершенства.

Затем белорукая Гера умастила свое вечно прелестное, чарующее тело оливковым притиранием и благоуханным маслом. На Олимпе говорили, что аромат этого масла, доступного лишь Гере, не только возбуждает любое божество мужского пола в медностенных чертогах Зевса, но порой облаком спускается на Землю и доводит ничего не подозревающих смертных до исступленной похоти, толкающей их на безумные поступки.

Дочь великого Крона уложила блистательные душистые локоны вокруг скуластого лица и облачилась в ароматную ризу, сотканную для нее Афиной в те давние дни, когда они еще дружили. На диво гладкую ткань украшали бесчисленные узоры; искусные пальцы Афины и волшебный челнок вплели в нее даже нити розовой парчи. Божественную ткань Гера подколола у высокой груди золотой пряжкой и обвила вокруг стана пояс, расшитый бахромой из тысяч колышущихся кистей.

В аккуратно проткнутые мочки ушей, которые выглядывали из темных благоухающих кудрей подобно робким морским обитателям, она вдела прекрасные серьги с тройными багровыми подвесками, чей серебристый блеск проникал в

любое мужское сердце.

Наконец она покрыла чело невесомым золотым покровом, блестевшим, словно солнечный свет, на ее румяных щеках, и заплела на гладких лодыжках тонкие золотые ремешки сандалий.

Сияющая от макушки до пят, Гера задержалась перед зеркальной стеной, с минуту придирчиво рассматривала свое отражение и вполголоса промолвила:

— А ты еще ничего.

С этими словами она вышла из опочивальни под гулкие своды мраморного зала и, коснувшись груди, квитировалась прочь.

Гера нашла богиню любви Афродиту на зеленом южном склоне Олимпа. Солнце клонилось к закату, жилища и храмы бессмертных на восточном берегу кальдеры заливал свет. Афродита любовалась золотым сиянием марсианского океана на севере и ледяными вершинами трех исполинских вулканов далеко на востоке, куда тянулась гигантская, двухсоткилометровая тень Олимпа. Правда, вид получался немного смазанным из-за всегдашнего силового поля, которое позволяло дышать, жить и передвигаться при почти земной гравитации здесь, так близко к космическому вакууму над терраформированным Марсом. И

еще изображение размывала мерцающая эгида — щит, установленный Зевсом в начале войны.

Дыра внизу — прорезанный в тени Олимпа, полыхающий закатными красками круг, заполненный огнями человечьих костров и летающими аппаратами моравеков, — тоже напоминала о войне.

— Милое дитя, — обратилась Гера к богине любви, — исполнишь ты одну мою просьбу или откажешь? Сердишься ли ты еще за то, что последние десять лет я помогала аргивянам, в то время как тебе было угодно защищать дорогих твоему сердцу троянцев?

— Царица небес и возлюбленная Зевса, проси меня о чем угодно, — ответила Афродита. — Я с радостью исполню все, что могу сделать для столь могущественной богини.

Солнце почти село, и богини разговаривали в полумгле, однако Гера заметила, что кожа и всегдашняя улыбка Афродиты как будто лучатся собственным светом. Гера, как женщина, отзывалась на это чувственно и не могла вообразить, что же испытывают в присутствии Афродиты боги, не говоря уже о слабовольных смертных мужчинах.

Глубоко вздохнув (ибо следующие слова зна-

меновали начало самой коварной интриги, на какую когда-либо решалась коварная Гера), она сказала:

— Дай мне силы возбуждать Любовь, порождать Желания, все чары, которыми ты покоряешь сердца и бессмертных, и смертных!

Все так же улыбаясь, Афродита прищурила глаза:

— Конечно, я исполню твою просьбу, о дочь Крона. Но для чего мои уловки той, кто и без них почивает в объятиях Зевса?

Гера врала уверенным голосом, разве что, как все лгуны, приводила слишком много подробностей:

— Война утомила меня, о богиня любви. Все эти заговоры бессмертных, происки аргивян и троянцев изранили мое сердце. Я отправлюсь к пределам иной, щедрой земли навестить отца Океана, источник, откуда восстали бессмертные, и матерь Тефису. Эти двое питали меня и лелеяли в собственном доме, юную взявши от Реи, когда беспредельно гремящий, широкобровый Зевс низверг Крона глубоко под землю и под волны бесплодных морей, нам же выстроил новый дом на этой холодной красной планете.

— Но зачем? — тихо спросила Афродита. — Для

чего тебе мои слабые чары, если ты всего лишь хочешь навестить Океана и Тефису?

Гера коварно улыбнулась:

— Старики рассорились, их брачное ложе охладело. Иду посетить их, чтобы рассеять старую вражду и положить конец несогласию. Сколько можно чуждаться объятий, избегая супружеской ласки? Хочу примирить их, чтобы вновь сочетались любовью, и обычных слов для этого не хватит. Вот почему я прошу во имя нашей с тобою дружбы, ради примирения старых друзей: дай мне на время твои чары, чтобы я тайно помогла Тефисе возбудить в Океане желание.

Афродита улыбнулась еще ослепительнее. Солнце ушло за марсианский горизонт, вершина Олимпа погрузилась в сумерки, однако улыбка богини любви согревала обеих.

— Не должно мне отвергать столь сердечной просьбы, о жена Зевса, ибо твой муж, наш владыка, повелевает всеми нами.

С этими словами Афродита распустила укрытый под грудью пояс и протянула Гере тонкую паутинку из ткани, расшитой микросхемами.

Гера смотрела на пояс, и у нее внезапно пересохло во рту.

«Достанет ли мне храбрости? Если Афина узна-

ет, что я задумала, то немедля соберет своих подлых сообщников — и тогда пощады не жди. А если дознается Зевс — покарает меня так, что ни иномирный Целитель, ни его резервуары уже не вернут меня даже к симулякру олимпийской жизни».

— Скажи, как он работает, — прошептала она.

— В этом поясе заключена вся хитрость обольщения, — тихо проговорила Афродита. — И жар любви, и лихорадка желания, и страстные вскрики, и шепоты пылких признаний.

— Все в одном пояске? — спросила Гера. — И как он действует?

— Его волшебство заставит любого мужчину лишиться рассудка от вожделения, — прошептала Афродита.

— Да-да, но*как* это получается? — Гера сама слышала досаду в своем голове.

— Откуда мне знать? — рассмеялась Афродита. — Я получила пояс в придачу, когда он…*он*… творил из нас богов. Феромоны широкого спектра действия? Наноактиваторы гормонов? Микроволновая энергия, направленная непосредственно к мозговым центрам секса и удовольствия? Какая разница? Хотя это лишь одна из моих хитростей, она работает. Испробуй ее, жена Зевса.

Гера улыбнулась и затянула узорчатую ленту между и под высокими грудями, скрыв ее под одеждой.

— Как мне включить пояс?

— Хочешь сказать, как его включить матери Тефисе? — все так же улыбаясь, спросила Афродита.

— Ну да, разумеется.

— Когда настанет время, коснись груди, как если бы активировала нанотриггеры квантовой телепортации, только не воображай место назначения, а потрогай пальцем микросхему и подумай о чем-нибудь сладострастном.

— И все? Так просто?

— Этого хватит, — сказала Афродита. — О, в этом поясе заключен целый новый мир.

— Благодарю тебя, богиня любви, — церемонно проговорила Гера.

Из силового поля над ними, словно копья, ударили вверх лазерные лучи. Из Дыры вылетел корабль, или шершень, моравеков и устремился в космос.

— Знаю, ты не вернешься в чертоги Олимпа, не исполнив задуманного, — сказала Афродита. — Что бы ни лежало у тебя на сердце, я уверена, ты этого добьешься.

Гера улыбнулась, затем коснулась груди — аккуратно, чтобы не задеть пояс прямо под сосками, — и телепортировалась по квантовому следу, оставленному Зевсом в складках пространства-времени.

7

На восходе Гектор велел залить погребальный костер вином. Он и вернейшие друзья убитого разгребли угли, с бесконечной осторожностью отыскивая кости Приамова сына, чтобы не смешать их с обгорелыми костями собак, лошадей и жалкого бога. Эти низшие кости валялись по краям кострища, обгорелые останки Париса лежали ближе к центру.

Рыдая, Гектор и его боевые товарищи собрали кости Париса в золотую урну и запечатали ее двойным слоем тука, как требовал обычай для доблестных и благородных мужей. Затем скорбной процессией они пронесли урну по улицам и рыночным площадям (земледельцы и воины с равной почтительностью молча уступали дорогу) и доставили прах на расчищенную от мусора площадку, где прежде стояло южное крыло Приамова дворца, разрушенного восемь месяцев назад бомбами олимпийцев. В сердце изрытого

воронками пространства соорудили временную гробницу из каменных глыб — обломков здания. Там уже покоились несколько найденных костей царицы Гекубы, жены Приама, матери Гектора и Париса. Теперь Гектор покрыл Парисову урну тонкой льняной пеленой и сам отнес ее в склеп.

— Здесь, брат мой, я полагаю на время твои кости, — произнес Гектор, стоя перед своими спутниками, — и пусть земля укроет тебя, доколе мы не обнимемся в сумрачных чертогах Аида. Когда эта война окончится, оставшиеся в живых возведут над тобой, над нашей матерью и всеми павшими в бою — думаю, и надо мною тоже — достойный курган, напоминающий о самом Доме Смерти. До тех пор прощай, брат.

Затем Гектор и его люди вышли наружу. Сотни дожидавшихся троянских героев засыпали временную гробницу рыхлой землей, а сверху навалили камней.

После чего Гектор, не спавший уже две ночи кряду, отправился искать Ахиллеса, горя желанием возобновить сражение с богами. Сегодня он как никогда жаждал их золотой крови.

Кассандра очнулась на рассвете и увидела, что почти раздета (платье было разодрано и помято) и шелковыми веревками привязана за руки

и за ноги к столбикам чужой кровати. «Что за ерунда?» — гадала она, мучительно вспоминая, неужели снова напилась и отключилась с каким-нибудь смазливым молодым воином.

Потом она вспомнила вчерашнее погребение и то, как упала в обморок на руки Елене и Андромахе.

«Фу-ты, пропасть, — думала Кассандра. — Мой длинный язык опять довел меня до беды». Она осмотрелась. Внушительные каменные плиты, запах подземной сырости, ни единого окна. Вполне похоже на чей-нибудь пыточный подвал. Кассандра забилась, дергая веревки. Они были гладкие, но прочные, да и узлы вязала опытная рука.

«Фу-ты, пропасть», — повторила про себя Кассандра.

Вошла Андромаха, жена Гектора, и посмотрела на пророчицу сверху вниз. Оружия при вошедшей не было, но Кассандра легко могла вообразить острый кинжал в ее рукаве. Женщины долго молчали. Наконец Кассандра сказала:

— Пожалуйста, отпусти меня, подружка.

— Лучше я тебе глотку перережу, подружка, — ответила Андромаха.

— Тогда режь, сука, — сказала Кассандра. — Не-

чего попусту грозить.

Она ничуть не боялась. Даже в калейдоскопе изменчивых картин будущего в последние восемь месяцев, когда умерли прежние будущие, Андромаха ни разу ее не убивала.

— Кассандра, как у тебя повернулся язык заговорить про моего младенца? Ты знаешь, что восемь месяцев назад Афродита и Афина Паллада ворвались в детскую и зарезали моего малыша вместе с кормилицей. Они сказали, боги Олимпа рассержены, что Гектор не сжег аргивские корабли, и выбрали в жертву не годовалого бычка, а нашего Астианакта, которого мы с отцом нежно звали Скамандрием.

— Врешь, — отозвалась Кассандра. — Развяжи меня.

Голова раскалывалась. От особо ярких пророчеств у нее всегда бывало похмелье.

— Не развяжу, пока не ответишь, почему ты сказала, будто я подменила свое дитя ребенком рабыни. — Андромаха смотрела холодно. Кинжал уже поблескивал в ее руке. — Как я могла такое сделать? Откуда мне было знать, что явятся богини?

Кассандра со вздохом закрыла глаза.

— Никаких богинь там не было, — устало, но

презрительно произнесла она и снова посмотрела на Андромаху. — Ты узнала, что Паллада Афина убила Патрокла, любимого друга Ахиллеса (возможно, вскоре выяснится, что и это была ложь), и задумала — не исключаю, что в сговоре с Еленой и Гекубой, — зарезать сына кормилицы, ровесника маленького Астианакта, а заодно и ее саму. Затем ты объявила Гектору, Ахиллесу и прочим сбежавшимся на твои вопли, что твоего сына убили богини.

Глаза Андромахи были холодны, как лед на замерзшем горном ручье.

— Зачем бы я это сделала?

— Ты увидела возможность осуществить тайный замысел Троянских женщин, — сказала Кассандра. — Наш замысел. Как-то отвратить наших мужчин от войны с аргивянами — войны, которая, по моему пророчеству, должна была закончиться нашей гибелью или позором. Это была блестящая идея, Андромаха. Я преклоняюсь перед твоей решимостью.

— Только если ты и права, — сказала Андромаха, — то я втянула всех в еще более безнадежную войну с богами. По крайней мере, в твоих прежних видениях некоторые из нас остались в живых, пусть даже рабынями.

Кассандра неуклюже пожала плечами, забыв о веревках и растянутых руках.

— Ты думала лишь о спасении сына, которого, как мы знали, ждала ужасная гибель, стань наше прошлое будущее нынешним настоящим. Я тебя понимаю.

Андромаха выставила нож:

— Жизнь моей семьи, даже Гектора, зависит от того, заикнешься ли ты об этом еще раз и поверит ли тебе всякий сброд — не важно, троянский или ахейский. Меня обезопасит лишь твоя смерть.

Кассандра выдержала ее ровный взгляд.

— Мой дар предвидения может еще послужить тебе,*подруга*. Когда-нибудь он даже может спасти тебя, или Гектора, или Астианакта, где бы ни укрывался твой сын. Ты знаешь, в приступе пророчества я не могу сдерживать свои выкрики. Давай так: ты, Елена, или кто еще там с вами в сговоре, держитесь рядом или приставьте рабыню покрепче, пусть затыкает мне рот, когда я снова начну выбалтывать истину. В случае чего — убейте.

Андромаха помолчала, закусив губу, потом наклонилась и рассекла шелковую веревку на правом запястье Кассандры. Разрезая остальные, она сказала:

— Амазонки приехали.

Менелай всю ночь провел в беседах со старшим братом; когда Заря простерла из мрака розовые персты, он был готов действовать.

Всю ночь ходил он от одного греческого стана к другому вдоль побережья, слушая, как Агамемнон рассказывает воинам об их пустых городах, безлюдных полях, заброшенных гаванях, о судах без команды, качающихся на якоре у берегов Марафона, Эретрии, Халкиды, Авлиды, Гермионы, Тиринфа, Гелоса и десятков других приморских городов. Слушал, как Агамемнон повествует ахейцам, аргивянам, критянам, итакийцам, лакедемонцам, калиднийцам, вупрасийцам, дулихийцам, пилосцам, пиразийцам, спартанцам, мессеисянам, фракийцам, окалеянам — всем союзникам с материковой Греции, скалистых островов и самого Пелопоннеса о том, что их земли стали необитаемы, жилища покинуты, словно по воле богов, пища гниет на столах, одежды брошены на ложах, бани и бассейны зарастают водорослями, мечи ржавеют без ножен. Могучим раскатистым голосом Агамемнон описывал корабли в Эгейском море, с парусами — не убранными, но разорванными в клочья (хотя, по его словам, небо было ясное и за весь месяц плавания

не случилось ни одной бури): полногрудые афинские суда, нагруженные товарами и по-прежнему щетинящиеся веслами, за которыми не осталось гребцов; огромные персидские корабли, лишившиеся неповоротливой команды и никчемных воинов; изящные египетские ладьи, ждущие у причалов зерна для родных островов.

— В мире не осталось ни мужчин, ни женщин, ни детей, кроме нас и подлых троянцев! — восклицал Агамемнон в каждом ахейском стане. — Как только мы отвернулись от богов, хуже того, обратили против них наши сердца и руки, боги похитили надежду наших сердец — жен, детей, отцов и рабов.

— Они все умерли? — непременно вскрикивал кто-нибудь в каждом лагере, заглушая страдальческие вопли товарищей. Зимняя ночь полнилась стенаниями вдоль всей цепочки аргивских костров.

Агамемнон поднимал руки, прося тишины, и выдерживал жуткую паузу.

— Там не было никаких следов борьбы, — наконец изрекал он. — Ни крови, ни разлагающихся трупов, брошенных голодным собакам и кружащим птицам.

И всякий раз, в каждом стане, доблестные арги-

вяне, сопровождавшие Агамемнона в плавании, отдельно беседовали с товарищами по рангу. К рассвету все на берегу узнали ужасающую весть, и парализующий страх уступил место бессильной ярости.

Вся эта история была на руку братьям Атридам, втайне желавшим не только возобновить осаду Трои, но и свергнуть самозваного диктатора, быстроногого Ахиллеса. Через несколько дней, если не часов, думал Менелай, Агамемнон вернет себе законное место главнокомандующего.

На рассвете царь закончил обходить лагеря, и прославленные военачальники разошлись по своим шатрам, чтобы забыться коротким, тревожным сном: Диомед, Большой Аякс Теламонид, рыдавший как дитя при вести об исчезновении людей с милого Саламина, Одиссей, Идоменей, Малый Аякс, проливавший слезы отчаяния вместе со своими земляками-локрами, и даже словоохотливый Нестор.

— А теперь расскажи, как идет война с богами, — сказал Агамемнон Менелаю, когда братья остались наедине в лагере лакедемонцев, окруженные кольцом верных телохранителей и копейщиков; все они расположились на почтительном расстоянии, так что беседу никто

подслушать не мог.

Рыжеволосый Менелай рассказал старшему брату о постыдных ежедневных сражениях между магией моравеков и божественным оружием олимпийцев, о редких поединках, о смерти Париса и сотни героев помельче с троянской и ахейской стороны и о вчерашнем обряде. Дым погребального костра и отблески пламени над стенами Трои исчезли лишь час назад.

— Туда ему и дорога, — объявил царственный Агамемнон, вонзая сильные белые зубы в молочного поросенка, зажаренного на завтрак. — Об одном жалею: Аполлон убил Париса… Мне не досталось.

Менелай рассмеялся, съел немного свинины, запил ее вином и рассказал дорогому брату, как невесть откуда явилась первая жена Париса, Энона, и бросилась в костер.

Агамемнон расхохотался:

— Лучше бы в костер бросилась эта потаскуха, твоя жена Елена!

Менелай кивнул, но при этом имени его сердце болезненно екнуло. Потом он пересказал обвинения Эноны в адрес Филоктета и описал, как разъярились троянцы и как ахейцам пришлось спешно ретироваться из города.

Агамемнон хлопнул себя по колену:

— Отлично! Это предпоследний камень, уложенный в фундамент. За двое суток я обращу недовольство в действия по всему ахейскому лагерю. До исхода недели мы будем вновь воевать с троянцами, брат. Клянусь землей и камнями на могиле нашего отца.

— Но боги… — начал Менелай.

— Боги останутся богами, — уверенно перебил его брат. — Зевс будет сохранять нейтралитет, кое-кто станет помогать хнычущим, обреченным троянцам, большинство поддержит нас. Однако на сей раз мы закончим труд, за который взялись. Через две недели от Илиона останется лишь пепел, как от Париса остались лишь пепел и кости.

Менелай кивнул. Ему хотелось спросить, как Агамемнон намерен помириться с богами и свергнуть непобедимого Ахиллеса, однако другое было важнее.

— Я видел Елену, — сказал он, запнувшись на имени жены. — Еще чуть-чуть — и я бы ее убил.

Старший Атрид утер лоснящиеся губы, сделал глоток из серебряного кубка и выгнул бровь, показывая, что внимательно слушает.

Менелай рассказал, как решился убить Елену, как удачно все шло и как Энона своими

предсмертными обвинениями помешала его замыслу.

— Нам еще повезло уйти живыми из города, — повторил он.

Агамемнон сощурился на далекие стены. Где-то завыла моравекская сирена, над городом взвился реактивный снаряд и устремился к невидимой олимпийской цели. Защитное поле над ахейским лагерем напряженно загудело.

— Тебе надо убить ее сегодня, — сказал Менелаю старший и мудрый брат. — Теперь же. Нынче утром.

— Нынче утром? — Менелай провел языком по губам, пересохшим, несмотря на свиной жир.

— Нынче утром, — повторил былой и грядущий предводитель греческих армий, пришедших разграбить Трою. — Через день или два рознь между нашими людьми и презренными троянцами разгорится так, что эти трусы вновь запрут свои долбаные Скейские ворота.

Менелай покосился на городские стены, розовые в лучах встающего зимнего солнца.

— Одного меня не впустят… — начал он.

— Иди переодетым, — перебил Агамемнон. Потом отпил еще и рыгнул. — Думай, как Одиссей… как хитроумный проныра.

Менелаю, который был таким же гордецом, как брат и другие аргивские герои, сравнение пришлось не по нраву.

— И как же мне переодеться? — спросил он.

Агамемнон указал на собственный царский шатер багрового шелка:

— У меня есть шкура льва и шлем с клыками вепря. Диомед был в этом наряде, когда год назад они с Одиссеем пытались выкрасть палладий. Необычный шлем спрячет рыжие кудри, клыки замаскируют бороду, под шкурой укроются твои великолепные ахейские доспехи, так что сонная стража примет тебя за варвара из числа их союзников. Однако надо поспешить — пока стража не сменится и пока ворота не закроют до самой гибели обреченного Илиона.

Менелай размышлял лишь несколько мгновений. Затем он встал, крепко хлопнул брата по плечу и пошел к шатру, чтобы переодеться и запастись клинками понадежнее.

8

Фобос походил на огромную пыльную исцарапанную маслину с огоньками вокруг вмятины на одном конце. Манмут объяснил Хокенберри, что вмятина — это исполинский кратер Стикни,

а огоньки — база моравеков.

Полет сопровождался для Хокенберри некоторым приливом адреналина. Он частенько видел шершней вблизи и заметил, что иллюминаторов у них нет, из чего заключил, что лететь придется вслепую, в крайнем случае — глядя на телемониторы. Оказалось, он серьезно недооценил уровень технологий роквеков с Пояса астероидов — ибо, по словам Манмута, все шершни были сделаны роквеками. Еще Хокенберри ожидал увидеть амортизационные кресла, как на космических челноках двадцатого века, с пряжками на толстых ремнях.

Кресел не было. И вообще никакой видимой опоры. Незримое силовое поле окутало Хокенберри и маленького моравека, и те словно повисли в воздухе. Голограммы — или другого рода трехмерные проекции, совершенно реальные с виду, — окружали их с трех сторон и снизу. Мало того что они сидели в невидимых креслах, невидимые кресла еще и висели над пустотой. Шершень, молнией пролетев через Дыру, стремительно шел вверх южнее Олимпа.

Хокенберри завопил.

— Что, дисплей беспокоит? — спросил Манмут.

Хокенберри завопил снова.

Моравек проворно коснулся голографической панели, возникшей будто по волшебству. Пустота под ними съежилась до размеров огромного телеэкрана, встроенного в металлический пол. Между тем панорама внизу продолжала стремительно расширяться. Вот промелькнула укрытая силовым полем вершина Олимпа. Лазерные лучи или какие-то другие энергетические копья ударили в шершень и расплескались вспышками на его силовом щите. Синее марсианское небо стало нежно-розовым, затем почернело, и вот уже шершень вышел из атмосферы. Огромный край Марса продолжал вращаться, пока не заполнил виртуальные иллюминаторы.

— Так лучше, — выдохнул Хокенберри, пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться.

Невидимое кресло не сопротивлялось, но и не отпускало.

— Господи Исусе! — ахнул он, когда корабль развернулся на сто восемьдесят градусов и включил все двигатели.

Откуда-то сверху, почти над головой, вынырнул Фобос.

И все это происходило в полнейшей тишине.

— Прошу прощения, — сказал Манмут. — Надо было тебя предупредить. Сейчас в заднем иллю-

минаторе Фобос. Из двух спутников Марса он больший — миль четырнадцать в диаметре… Хотя, как видишь, он ничуть не сферический.

— Напоминает картофелину, поцарапанную кошачьими когтями, — выдавил Хокенберри: спутник надвигался уж очень стремительно. — Или исполинскую маслину.

— Ну да, маслина, — согласился моравек. — Это из-за кратера на конце. Его назвали Стикни — в честь жены Асафа Холла Анджелины Стикни-Холл.

— А кто этот… Асаф… Холл? — выговорил Хокенберри. — Какой-нибудь… астронавт… или… космонавт… или… кто?

Наконец он отыскал то, за что мог ухватиться, — Манмута.

Маленький моравек вроде был не против, что в его покрытые металлом и пластиком плечи вцепились изо всех сил. Голографический экран сзади заполнила вспышка — это беззвучно полыхнул один из реактивных двигателей. Хокенберри едва удерживался, чтобы не стучать зубами.

— Асаф Холл был астрономом в военно-морской обсерватории Соединенных Штатов в Вашингтоне, округ Колумбия, — обычным спокойным тоном сказал Манмут.

Шершень снова накренился. И начал вращаться. Фобос с кратером Стикни мелькал то в одном, то в другом голографическом иллюминаторе.

Хокенберри был уверен: сейчас они разобьются и через минуту его не будет в живых. Он попытался вспомнить хоть какую-нибудь молитву. Вот она, расплата за годы интеллектуального агностицизма! Однако в голову лез только благочестивый стишок на ночь: «Закрываю глазки я…»

Вроде это подходило к случаю. Хокенберри продолжил мысленно читать стишок.

— Если не ошибаюсь, Холл открыл оба спутника Марса в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году, — говорил Манмут. — Не сохранилось свидетельств — по крайней мере, известных мне письменных источников, — польстило ли миссис Холл, что в ее честь назвали огромный кратер. Разумеется, это была ее девичья фамилия.

Внезапно до Хокенберри дошло, почему они кувыркаются как попало и скоро разобьются. Чертов корабль никто не пилотировал! На борту были только моравек и он сам, какие-либо элементы управления — если не считать виртуальной панели, которой Манмут коснулся, чтобы настроить голографическое изображение,

— отсутствовали. Хокенберри думал, не указать ли маленькому полуорганическому роботу на это упущение, но кратер Стикни заполнял лобовые иллюминаторы с такой скоростью, что тормозить все равно было поздно.

— Спутник довольно любопытный, — говорил Манмут. — На самом деле, конечно, это захваченный астероид, как и Деймос. Они очень разные. Расстояние между орбитой Фобоса и поверхностью Марса — каких-то семьсот миль, он почти скользит по атмосфере планеты. По нашим подсчетам, если не принять мер, они столкнутся примерно через восемьдесят три миллиона лет.

— Кстати, о столкновениях… — начал Хокенберри.

Тут шершень завис, а затем упал в залитый светом кратер и опустился возле сложной системы куполов, балок, подъемных кранов, мерцающих желтых пузырей, синих полусфер, зеленых шпилей, движущихся машин и сотен суетящихся в вакууме моравеков. Посадка оказалась настолько мягкой, что Хокенберри едва ощутил ее сквозь металлический пол и силовое кресло.

— Вот и дома, вот и дома! — пропел Манмут. — Конечно, это не родной дом, но все-таки… Осторожней на выходе, не ударься головой. Косяк

низковат для человека.

Хокенберри не успел ни ответить, ни даже вскрикнуть — дверь отворилась, и воздух из маленькой каюты с ревом устремился в космический вакуум.

В прежней жизни Томас Хокенберри преподавал классическую литературу и не особо смыслил в точных науках, однако видел много научно-фантастических фильмов и знал о последствиях резкой разгерметизации: глазные яблоки раздуваются до размера грейпфрутов, барабанные перепонки взрываются фонтанами крови, тело закипает, распухает и лопается от внутреннего давления, которому в вакууме ничто не противостоит.

Ничего такого не происходило.

Манмут задержался на трапе:

— А ты что, не идешь?

Для человеческого слуха в его голосе прозвучал явный оттенок жести.

— Почему я не умер? — сказал Хокенберри. Чувство было такое, будто его упаковали в невидимую пузырчатую пленку.

— Тебя защищает кресло.

— Что?! — Хокенберри завертел головой, но не заметил даже слабого мерцания. — Хочешь

сказать, теперь я должен сидеть тут безвылазно или погибнуть?

— Нет, — удивленно ответил Манмут. — Выходи. Силовое поле кресла будет сопровождать тебя. Оно и так уже согревает, охлаждает, осмотически очищает и перерабатывает воздух, запаса которого хватит на полчаса, а также поддерживает нужный уровень давления.

— Но ведь… кресло… это часть корабля. — Хокенберри осторожно встал; незримая пузырчатая пленка шевельнулась вместе с ним. — Как же я могу выйти наружу?

— На самом деле это шершень — часть кресла, — сказал Манмут. — Поверь мне. И все-таки ходи здесь поосторожней. Кресло-костюм будет немного прижимать тебя к поверхности планеты, однако притяжение у Фобоса такое слабое, что хороший прыжок придаст твоему телу вторую космическую скорость, и тогда — прощай, Фобос, для Томаса Хокенберри.

Хокенберри застыл на пороге и вцепился в металлический косяк.

— Идем, — сказал Манмут. — Мы с креслом не дадим тебе улететь. Пойдем же. С тобой тут хотят побеседовать другие моравеки.

Оставив Хокенберри на попечение Астига/Че и

прочих первичных интеграторов Консорциума Пяти Лун, Манмут покинул купол с искусственной атмосферой и отправился прогуляться. Зрелище было впечатляющее. Длинная ось Фобоса постоянно указывала на Марс, а моравекские инженеры слегка подправили ее, так что багровая планета всегда висела точно над Стикни, заполняя собою бóльшую часть черного небосвода (все остальное закрывали крутые стены кратера). Крохотный спутник совершал полный оборот за семь часов — ровно за то время, что сам облетает планету, — поэтому исполинский красный диск с голубыми морями и белыми вулканами медленно вращался над головой.

Своего друга Орфу с Ио Манмут разыскал на высоте нескольких сот метров, в гуще подъемников, перекладин и кабелей, которые удерживали в пусковой башне отправляющийся на Землю корабль. Вдоль огромного корпуса, словно блестящая тля, сновали вакуумные моравеки, инженерные боты, роквеки, похожие на черных жуков, и каллистянские операторы. На темной обшивке отражались, играя, лучи прожекторов. Батареи подвижных автосварщиков сыпали фонтанами искр. Поблизости, в надежной колыбели из металлических цепей, покоилась

«Смуглая леди», глубоководная подлодка Манмута. Несколько месяцев назад моравеки спасли поврежденное, беспомощное судно из укрытия на марсианском побережье моря Тетис, подняли его на Фобос, починили, зарядили и модифицировали крепкую лодочку для миссии на Земле.

Сотней метров выше Манмут нашел своего товарища — тот лазил по стальным тросам под брюхом корабля — и окликнул его на старой личной частоте:

— Кого я вижу? Орфу, недавний марсианин, недавний гость Илиона и вечный иониец? Тот самый Орфу?

— Тот самый, — подтвердил друг.

Даже по радиосвязи и фокусированному лучу его грохочущий голос граничил с инфразвуком. Включив реактивные сопла на панцире, высоковакуумный моравек совершил тридцатиметровый прыжок с троса на перекладину, где балансировал Манмут. Орфу уцепился за брус рычажными клещами-манипуляторами и повис.

Некоторые моравеки были гуманоидны: Астиг/Че, к примеру, или роквеки в черных хитиновых доспехах, или даже Манмут (хотя он гораздо меньше остальных). Но только не Орфу с Ио. Созданный и оснащенный для работы в серном торе

Ио, среди магнитных, гравитационных и ослепляющих радиационных бурь юпитерианского космоса, он имел пять метров в длину, более двух в высоту и слегка напоминал земного мечехвоста, если снабдить мечехвоста дополнительными ногами, комплектом сенсоров, подвесными реактивными соплами, манипуляторами, которые служат почти как руки, и древним, побитым панцирем, таким латаным-перелатаным, что казалось, он держится на шпаклевке.

— Ну, как там Марс, все еще вертится, друг мой? — прогрохотал Орфу.

Манмут поднял голову к небу:

— Да. Вертится, будто огромный красный щит. Я вижу Олимп, который только что показался из-за терминатора. — Манмут замялся и наконец добавил: — Я знаю про исход последней операции. Сожалею, что тебя так и не смогли вылечить.

Иониец пожал четырьмя членистыми руконогами:

— Не важно, друг мой. Кому нужны органические глаза, когда есть тепловидение, чуткий газовый хроматограф, по масс-спектрографу в каждом колене, глубокий и фазированный радары, сонар и лазерный картопостроитель? С таким чудесным набором сенсоров я не смогу

разглядеть разве что самые далекие и ненужные предметы вроде звезд и Марса.

— Ну да, — промолвил Манмут. — И все-таки жалко.

Орфу лишился оптического нерва, когда чуть не погиб на марсианской орбите при первой встрече с олимпийским богом — тем самым, который превратил их космический корабль и двух товарищей в облако газа и мелких обломков. Орфу еще повезло, что он выжил и остался пригоден к ремонту, но все же…

— Привез Хокенберри? — пророкотал Орфу.

— Да. Первичные интеграторы вводят его в курс дела.

— Бюрократы, — хмыкнул огромный иониец. — Хочешь прогуляться на корабль?

— Конечно.

Манмут запрыгнул к Орфу на панцирь и вцепился самыми надежными зажимными клещами. Вакуумный моравек включил сопла, долетел до корабля и двинулся вокруг темного корпуса. Здесь, примерно в километре над дном кратера, Манмут впервые осознал, насколько огромен космический корабль, закрепленный на башне, словно наполненный гелием аэростат. Он по меньшей мере в пять раз превосходил тот, на ко-

тором стандартный год назад полетели к Марсу четыре моравека из юпитерианского космоса.

— Впечатляет, а? — произнес Орфу, более двух месяцев работавший над судном вместе с инженерами Пояса астероидов и Пяти Лун.

— Большой, — согласился Манмут. И, уловив разочарование друга, прибавил: — Есть в нем своего рода неуклюжая, неповоротливая, неприглядная, недобрая красота.

Раскатистый хохот ионийца всякий раз напоминал его товарищу толчки после ледотрясения на Европе или волны после цунами.

— Многовато аллитерации для оторопелого астронавта.

Манмут пожал плечами и на миг испугался, что друг не увидит его жеста, потом сообразил: увидит. Новенький радар был очень чувствительным, только красок не различал. Орфу однажды упомянул о своей способности наблюдать малейшие движения мускулов на лице человека. «Это не помешает, если Хокенберри решит полететь с нами», — подумал Манмут.

Словно прочитав его мысли, Орфу заметил:

— Я тут в последнее время рассуждал о людской скорби и ее сравнении с тем, как переживают утрату моравеки.

— О нет! — простонал Манмут. — Ты опять начитался этого своего француза!

— Пруста, — поправил иониец. — «Этого моего француза» зовут Пруст.

— Хорошо. Но зачем? Ты же знаешь, что погружаешься в уныние всякий раз, как открываешь «Воспоминание прошлого».

— «Поиски утраченного времени». Я перечитывал одну главу — помнишь, ту, где Альбертина умирает и рассказчик Марсель пытается позабыть ее, но не может?

— Отлично, — сказал Манмут. — Это, безусловно, тебя подбодрит. Хочешь, одолжу тебе «Гамлета» на закуску?

Орфу никак не ответил на предложение. Между тем они забрались так высоко, что видели под собою весь корабль целиком и Фобос за пределами кратера Стикни. Манмут знал: ионийцу нипочем преодолеть многие тысячи километров глубокого космоса, и все же чувство, будто они неуправляемо летят от Фобоса и базы Стикни (в точности как он предупреждал Хокенберри), было непреодолимо.

— Дабы разрушить узы, которые связывали его с Альбертиной, — сказал Орфу, — несчастный рассказчик вынужден брести назад, сквозь па-

мять и сознание, и повстречать *всех* до единой Альбертин — не только тех, которые существовали на самом деле, но и придуманных, которых он сперва желал, а затем ревновал, — всех *виртуальных* Альбертин, порожденных его разумом в те отчаянные минуты, когда Марсель гадал, не уходит ли она тайком к другим женщинам. Не говоря уже об Альбертинах, разжигавших в нем желание: девушке, которую он едва знал, женщине, которой он добился, но не смог ею владеть, и той, которая под конец так утомила его.

— Утомишься тут, — сказал Манмут, пытаясь тоном передать на радиочастоте, как скучны ему разговоры о Прусте.

— И это еще даже не половина, — продолжал Орфу, то ли не уловив намек, то ли оставив его без внимания. — Продвигаясь в своем горе, Марсель — рассказчик, носящий то же имя, что и автор… Постой, ты ведь читал, Манмут? Правда? В прошлом году ты убеждал меня, что все прочел.

— Ну… так, ознакомился, — сказал европеанский моравек.

Даже вздох ионийца граничил с ультразвуком.

— Что ж, как я говорил, бедному Марселю, чтобы отпустить Альбертину, приходится не только взглянуть в лицо легиону Альбертин у себя в

сознании, но и встретиться с легионом Марселей, воспринимавших этих множественных Альбертин: теми, что желали ее больше всего на свете; обезумевшими от ревности Марселями; Марселями, чьи суждения искажало желание…

— Ладно, а суть в чем? — спросил Манмут. Сам он последние полтора стандартных века занимался сонетами Шекспира.

— Да попросту в ошеломительной сложности человеческого сознания.

Орфу развернул свой панцирь на сто восемьдесят градусов, включил реактивные сопла, и моравеки полетели обратно к космическому кораблю, пусковой башне, кратеру Стикни и какой-никакой безопасности. Пока они вращались, Манмут, вывернув короткую шею, смотрел на Марс. Он знал, что это иллюзия, но ему казалось, будто Марс немного приблизился. Фобос продолжал движение по орбите, так что теперь Олимп и вулканы Фарсиды неслись к дальнему краю планеты.

— Ты когда-нибудь задумывался, чем отличается наше горе от горя… скажем… Хокенберри? Или Ахиллеса? — спросил Орфу.

— Вообще-то, нет, — ответил Манмут. — Хокенберри вроде бы так же горюет по утраченной

памяти о прежней жизни, как по умершей жене, друзьям, студентам и так далее. Но разве с людьми поймешь? И Хокенберри всего лишь воссозданный человек, кто-то заново сконструировал его из ДНК, РНК, его старых книг и неизвестно каких вероятностных алгоритмов. Что до Ахиллеса — когда он горюет, то идет и убивает кого-нибудь. А лучше целую свору кого-нибудь.

— Жаль, я не видел его атаку на богов в первый месяц войны, — сказал Орфу. — Судя по твоим рассказам, бойня была еще та.

— Да, — ответил Манмут. — Я блокировал прямой доступ к этим файлам у себя в неорганической памяти. Они чересчур тягостны.

— Это еще одна особенность Пруста, о которой я думаю, — сказал Орфу; они опустились на внешний корпус корабля, и большой моравек вбил микрошлямбуры в изолирующую оболочку. — У нас есть неорганическая память, к которой мы обращаемся, если воспоминания в нейронах вызывают сомнения. Люди вынуждены полагаться на путаную массу химически управляемых нейрологических архивов. Они субъективны и эмоционально окрашены. Как они вообще могут доверять своим воспоминаниям?

— Не знаю, — ответил Манмут. — Если Хокен-

берри полетит с нами на Землю, быть может, мы в какой-то мере поймем, как работает его мозг.

— Вряд ли у нас будет возможность много беседовать с ним наедине, — сказал Орфу. — Будут перегрузки разгона и потом еще более высокие перегрузки торможения, и к тому же теперь на корабле соберется куча народа: по меньшей мере три дюжины моравеков с Пяти Лун и тысяча воинов-роквеков.

— Ого, так мы готовы к любым неожиданностям? — спросил Манмут.

— Вот уж сомневаюсь, — пророкотал Орфу. — Оружия на борту хватит испепелить Землю, это правда. Но до сих пор наши планы не поспевали за меняющейся действительностью.

Манмуту сделалось так же худо, как во время полета на Марс, когда он узнал, что их корабль вооружен.

— Ты когда-нибудь скорбишь о Коросе Третьем и Ри По так же, как твой рассказчик Пруст скорбит о своих мертвых? — спросил он.

Антенна чувствительного радара чуть наклонилась к маленькому моравеку, словно пытаясь прочесть выражение его лица. У Манмута, разумеется, никаких выражений не было.

— Вообще-то, нет, — ответил Орфу. — До миссии

мы знакомы не были, да и летели в разных отсеках. Пока Зевс не… добрался до нас. По большей части я слышал лишь голоса по общей линии. Хотя иногда я залезаю в неорганическую память, чтобы взглянуть на их изображения. Просто из уважения к их памяти, наверное.

— Да, — согласился Манмут; он тоже так делал.

— Знаешь, что сказал Пруст о разговорах?

Манмут подавил вздох.

— Что?

— Он написал: «Когда мы с кем-нибудь беседуем… это уже не мы говорим… мы подгоняем себя под чужой образец, а не под свой собственный, разнящийся от всех прочих»[4].

— Значит, пока мы с тобой беседуем, — Манмут перешел на личную частоту, — в действительности я подгоняю себя под шеститонного, безглазого и многоногого мечехвоста с помятым панцирем?

— Мечтать не вредно, — пророкотал Орфу с Ио. — «И все ж должно стремленье превышать

[4] Примечания: 4

«Когда мы с кем-нибудь беседуем… это уже не мы говорим… мы подгоняем себя под чужой образец, а не под свой собственный, разнящийся от всех прочих». — М. Пруст. Под сенью девушек в цвету. Перев. Н. Любимова.

возможности»[5].

9

Пентесилея ворвалась в Илион через час после рассвета. За нею, шеренгой по двое, ехал отборный отряд ее сестер по оружию. Невзирая на раннюю пору и стылый ветер, тысячи горожан высыпали на стены и на обочины дороги, ведущей от Скейских ворот ко временному дворцу Приама, посмотреть на царицу амазонок. И все ликовали так, словно она привела на подмогу многотысячную армию, а не дюжину воительниц. Люди в толпе махали платками, бряцали копьями о кожаные щиты, плакали, кричали «ура» и бросали цветы под копыта коней.

Пентесилея принимала это как должное.

Деифоб, сын Приама, брат Гектора и покойного Париса, известный целому свету в качестве будущего мужа Елены, встретил амазонок у стен Парисова дворца, где жил сейчас Приам. Толстяк в сияющих доспехах и алом плаще, в золотом шлеме с пышным хвостом неподвижно стоял, скрестив руки на груди, пока не протянул правую

---

[5] Примечания: 5

«И все ж должно стремленье превышать возможности». — Р. Браунинг. Андреа дель Сарто. Перев. М. Донского.

вперед, приветствуя гостью. За его спиной замерли навытяжку пятнадцать человек из личной царской охраны.

— Добро пожаловать, Пентесилея, дочь Ареса и царица амазонок! — провозгласил Деифоб. — Приветствуем тебя и двенадцать твоих воительниц. От имени всего Илиона примите благодарность и глубокое почтение за то, что явились помочь нам в битве с богами Олимпа. Пройдите в чертоги, омойтесь, примите от нас дары и познайте всю глубину троянского гостеприимства. Доблестный Гектор непременно приветствовал бы вас лично, но сейчас он почивает, ибо всю ночь провел у погребального костра погибшего брата.

Пентесилея легко соскочила с огромного боевого коня (двигалась она, невзирая на тяжесть доспехов и блистающего шлема, очень грациозно) и крепко стиснула ему запястье, как принято между воинами.

— Благодарю тебя, Деифоб, сын Приама, стяжавший славу в тысячах поединков. Я и мои спутницы соболезнуем тебе, твоему отцу и всему народу Трои, утратившей Париса. Весть о его кончине долетела до нас два дня назад. Мы принимаем ваше великодушное приглашение. Но прежде чем вступить в дом Париса, нынешний

дом Приама, скажу, что приехала не сражаться вместе с вами против бессмертных, а покончить с этой войной разом и навсегда.

Деифоб, у которого глаза и так были навыкате, выпучился на прекрасную амазонку:

— Как же ты намерена это исполнить, царица Пентесилея?

— Это я объясню, а затем совершу. Веди меня в дом, благородный друг, мне нужно поговорить с твоим отцом.

Деифоб рассказал царице амазонок и ее телохранительницам, что Приам переселился в крыло более скромного Парисова дворца потому, что восемь месяцев назад, в первый же день войны, боги сровняли с землей его собственный, похоронив под обломками царицу Гекубу.

— И в этом амазонки тоже вам соболезнуют, — отозвалась Пентесилея. — Скорбная весть о смерти царицы достигла даже наших далеких холмов и островов.

На входе в царские покои Деифоб прокашлялся.

— К слову о ваших далеких островах. Скажи, дочь Ареса, как случилось, что вы пережили ярость богов? Ночью по городу распространился слух, что Агамемнон не встретил на греческих

островах ни единой души. Даже храбрые защитники Илиона содрогнулись нынче утром при мысли о том, что боги истребили всех, кроме нас и аргивян. Как же вышло, что ты и твой род уцелели?

— Мой род не уцелел, — бесстрастно ответила Пентесилея. — Мы страшимся, что край отважных амазонок так же обезлюдел, как и земли, которые мы проезжали в последние недели нашего путешествия сюда. Однако Афина сохранила нас ради великого дела. Мы должны от ее имени передать жителям Трои нечто очень важное.

— Умоляю, поведай ее слова, — сказал Деифоб.

Пентесилея мотнула головой:

— Послание предназначено только для ушей Приама.

Тут запели трубы, занавес раздался, и в залу, опираясь на руку телохранителя, медленно вошел Приам.

Последний раз Пентесилея видела Приама в его царских покоях, когда с полусотней отважных спутниц прорвалась сквозь ахейскую армию в город, дабы ободрить троянцев и предложить военную помощь. Приам отвечал, что в помощи амазонок не нуждается, но все же осыпал воительниц золотом и прочими дарами. С тех пор

минуло меньше года. Но, увидев сегодня Приама, Пентесилея утратила дар речи.

Казалось, царь состарился лет на двадцать. Прежняя кипучая сила оставила его. Всегда прямая спина согнулась под невидимым бременем. Добрые четверть века эти щеки пылали огнем от возбуждения и вина, как в тот далекий день, когда девочки — Пентесилея и ее сестра Ипполита — подглядывали через щель в занавесях тронного зала за пиром, устроенным их матерью в честь троянских гостей. Теперь эти щеки запали, как будто старец разом лишился зубов. Всклокоченные волосы и борода являли взорам не благородную проседь, но печальную, мертвенную белизну. Слезящиеся глаза рассеянно смотрели в пустоту.

Старец почти рухнул на золотой, украшенный лазуритом трон.

— Приветствую тебя, Приам, сын Лаомедонта, досточтимый отпрыск Дарданова рода, отец доблестного Гектора, несчастного Париса и великодушного Деифоба, — начала амазонка, опускаясь на закованное в латы колено. Ее мелодичный девический голос звенел с такой силой, что по стенам просторного чертога прокатилось эхо. — Я, Пентесилея, возможно, последняя цари-

ца амазонок, и двенадцать моих меднолатных воительниц приносим тебе хвалу, соболезнования, дары и наши копья.

— Нет более драгоценного дара, чем ваша верность и слова утешения, милая Пентесилея.

— Кроме того, я привезла послание Афины Паллады, которое положит конец вашей войне с богами.

Царь подался вперед. В свите кто-то ахнул.

— Возлюбленная дочь, Афина Паллада всегда ненавидела Илион. Она и прежде плела коварные сети, замышляя руками аргивян разрушить неприступные стены Трои. Нынче богиня и вовсе стала нашим заклятым врагом. Они с Афродитой убили младенца моего сына Гектора — Астианакта, будущего владыку города, объявив, будто мы и наши дети всего лишь приношения на алтарях богов. Жертвы. О мире не может быть и речи, доколе наш или их род не исчезнет с лица земли.

Не вставая с колена, Пентесилея подняла голову. Синие глаза сверкнули вызовом.

— Обвинения против Афины и Афродиты лживы. Вся эта война лжива. Боги — защитники Илиона, в том числе сам отец Зевс, желают, как и прежде, опекать нас и поддерживать. Даже светлоокая Паллада Афина перешла на сторону

Трои из-за подлого вероломства ахейцев, и в особенности Ахиллеса, ибо он оклеветал богиню, приписав ей убийство своего друга Патрокла.

— Предлагают ли боги условия мира? — почти с надеждой прошептал царь.

— Афина предлагает кое-что получше, — сказала Пентесилея, вставая. — Она и олимпийские покровители Илиона предлагают вам победу.

— Победу над кем? — воскликнул Деифоб, шагнув к отцу. — Ахейцы теперь наши союзники. Они — и еще искусственные существа моравеки, что защищают нас от Зевсовых молний.

Пентесилея рассмеялась. Все мужчины в зале дивились ее красоте. Царица амазонок была молода и белокура, с живым, как у девочки, лицом, ее щеки горели румянцем, тело под искусно сработанными доспехами было разом стройным и пышным. Однако в глазах и выражении Пентесилеи читался не только девичий пыл, но и звериная неукротимость, и острый ум, и воинская отвага.

— Победу над Ахиллесом, который сбил с пути твоего сына, благородного Гектора, а нынче ведет Илион к погибели! — вскричала Пентесилея. — Победу над аргивянами, ахейцами, которые сейчас замышляют разрушить твой город, убить

остальных твоих сыновей и внуков, а жен и дочерей угнать в рабство!

Приам чуть ли не сокрушенно покачал головой:

— Никто не может одолеть быстроногого Ахиллеса в бою, амазонка. Даже Арес, трижды погибавший от его руки. Даже Афина, которую он обратил в бегство. Даже Аполлон, которого он разрубил на золотые, сочащиеся ихором куски. Даже сам Зевс, боящийся сойтись с полубогом в единоборстве.

Пентесилея тряхнула головой, разметав золотые кудри:

— Зевс никого не боится, благородный Приам, гордость Дарданова рода. Он мог бы уничтожить всю Трою — да что там, всю землю, на которой она стоит, — одною вспышкой эгиды.

Копейщики побледнели, и даже Приам вздрогнул при упоминании эгиды — самого мощного и таинственного Зевсова оружия. Все знали, что посредством эгиды Зевс может истребить всех прочих богов. Эгида внушала подлинный ужас, не то что обычные термоядерные бомбы, которые Громовержец сбрасывал на силовые щиты моравеков в начале войны.

— Клянусь тебе, благородный Приам, — начала

амазонка, — Ахиллес погибнет еще до того, как нынче в обоих мирах закатится солнце. Клянусь кровью моих сестер и матери, что…

Приам остановил ее жестом:

— Не клянись, юная Пентесилея. С младенчества ты была мне как родная дочь. Вызвать Ахиллеса на бой — верная смерть. Что заставило тебя искать в Трое такой гибели?

— Я приехала не ради гибели, владыка, — проговорила амазонка с заметным напряжением в голосе. — А ради славы.

— Что часто одно и то же, — сказал Приам. — Подойди, мое милое дитя, сядь рядом. Пошепчемся.

Он махнул страже и Деифобу, чтобы те отошли подальше; амазонки также отступили от двух тронов на несколько шагов.

Пентесилея села на высокий трон Гекубы, спасенный из-под обломков сгоревшего дворца и поставленный здесь в память о царице. Амазонка поставила блистающий шлем на широкий подлокотник и наклонилась к старцу:

— Отец Приам, меня преследуют фурии. Сегодня вот уже долгих три месяца, как они не дают мне покоя.

— Почему? — Приам тоже наклонился к ней, будто священник из будущего к некоей еще не

рожденной кающейся. — Духи мщения требуют кровь за кровь, лишь когда из людей отомстить некому, дочь моя, и чаще всего, когда кто-то пострадал от рук близкого родственника. Уж конечно, ты не сделала зла никому из вашего царского рода.

— Я убила свою сестру Ипполиту, — дрогнувшим голосом сказала Пентесилея.

Старец отпрянул:

— Ты — Ипполиту? Царицу амазонок и жену Тезея? Мы слышали, что она погибла на охоте, когда кто-то увидел движение и принял царицу Афин за лань.

— Я не хотела убивать ее, Приам. Но после того как Тезей похитил сестру — обманом завлек ее на корабль, поднял паруса и был таков, — амазонки поклялись ему отомстить. В эти годы, когда все взоры на Пелопоннесе и островах были прикованы к Илиону, когда Афины остались без обычной защиты, мы построили маленький флот, взяли город в осаду — разумеется, ничего серьезного или достойного бессмертных песен по сравнению с аргивской осадой Трои — и напали на Тезееву крепость.

— Да, конечно, мы слышали, — пробормотал старый Приам. — Однако сражение быстро завер-

шилось мирными переговорами, после которых амазонки отошли от города. Мы слышали, что царица Ипполита погибла вскоре после того во время большой охоты в честь примирения.

— Она погибла от моего копья, — сказала Пентесилея, с усилием выдавливая каждое слово. — Вначале афиняне бежали от нас, Тезей был ранен, и мы полагали, что город наш. Единственной нашей целью было спасти Ипполиту от этого мужчины, хочет она того или нет. И мы почти осуществили задуманное, когда Тезей возглавил контратаку и отбросил нас обратно к кораблям. Многие из моих сестер погибли в той схватке. Мы сражались за собственную жизнь, и вновь доблесть амазонок победила — мы оттеснили Тезея и его бойцов к городским стенам. Однако мое последнее копье, брошенное в Тезея, пронзило сердце моей сестры, которая, похожая на мужчину в своих афинских доспехах, сражалась бок о бок со своим мужем и повелителем.

— Сражалась против амазонок, — прошептал царь. — Против сестер.

— Да. Как только мы поняли, кого я убила, война прекратилась и был заключен мир. Мы воздвигли подле акрополя белую колонну в память о моей благородной сестре и отступили с

печалью и стыдом.

— И вот фурии преследуют тебя за пролитую кровь сестры.

— Каждый день, — сказала Пентесилея.

Ее ясные глаза блестели слезами; щеки, вспыхнувшие во время рассказа, теперь побледнели. Она была невероятно хороша.

— Все это очень печально, дочь моя, однако при чем здесь Ахиллес и наша война? — прошептал старец.

— Месяц назад, о сын Лаомедонта и достойная отрасль Дарданова рода, мне явилась Афина. Она сказала, что фурий не задобрить никакими приношениями, но я могу искупить смерть Ипполиты, если отправлюсь в Илион с двенадцатью избранными спутницами и сражу Ахиллеса в единоборстве, дабы восстановить мир между людьми и богами.

Приам задумчиво потер подбородок, поросший сизой щетиной. Он не брился со дня смерти Гекубы.

— Никто не может сразить Ахиллеса, амазонка. Мой сын Гектор — величайший из воинов, когда-либо вскормленный Троей, — восемь лет боролся с ним, но терпел неудачу за неудачей. Сейчас он ближайший союзник и друг быстроногого

мужеубийцы. Сами боги последние восемь месяцев пытались его убить, и все пали либо бежали от Ахиллесова гнева. Арес, Аполлон, Посейдон, Гермес, Аид и сама Афина — все сразились с Ахиллесом и были побеждены.

— Это потому, что они не ведали о его слабости, — прошептала амазонка Пентесилея. — Его мать, богиня Фетида, нашла тайный способ наделить смертного сына, тогда еще младенца, неуязвимостью в битвах. Он не может пасть на поле сражения — если не поразить его в единственное слабое место.

— Какое? — выдохнул Приам.

— Афина закляла меня под страхом смерти не выдавать тайну ни единой душе, отец Приам. Однако я воспользуюсь моим знанием, дабы убить Ахиллеса вот этими руками и положить конец войне.

— Если Палладе известна Ахиллесова слабость, почему она сама не убила его в бою, женщина? Их поединок закончился тем, что Афина, объятая страхом и болью, квитировалась на Олимп.

— Еще когда Ахиллес был младенцем, Судьбы решили, что его тайную слабость раскроет другой смертный во время Троянской войны. Однако замысел Судеб был разрушен.

Приам неожиданно выпрямил спину.

— Значит, Гектору все-таки было суждено убить быстроногого Ахиллеса, — пробормотал он. — Если бы мы не ввязались в войну с Олимпом, эта судьба свершилась бы.

Пентесилея покачала головой:

— Нет, не Гектору. Другой троянец отомстил бы Ахиллесу за смерть Гектора. Одна из муз узнала это от раба-схолиаста, который ведал будущее.

— Провидец, — сказал Приам. — Вроде нашего чтимого Гелена или ахейского прорицателя Калхаса.

Амазонка вновь тряхнула золотыми кудрями:

— Схолиасты не*видели* грядущее. Каким-то неведомым образом они *пришли* к нам оттуда. Впрочем, по словам Паллады, они уже все мертвы. Однако над Ахиллесом висит приговор Судеб, и я его исполню.

— Когда? — спросил старый Приам, явно просчитывая в уме возможные ходы и их последствия.

Не зря, не напрасно он правил величайшим городом на земле более пятидесяти лет. Его сын Гектор теперь союзник Ахиллеса, однако Гектор не царь. Гектор — самый доблестный воин Илиона, но хотя судьба города частенько зависела от

его меча, Гектор не выстраивал ее у себя в голове. Это было дело Приама.

— Когда? — повторил Приам. — Как скоро ты и твои двенадцать амазонок убьете Ахиллеса?

— Сегодня, — произнесла Пентесилея. — Как я обещала. Прежде чем солнце сядет в Илионе или на Олимпе, видимом отсюда через дыру в воздухе, мимо которой мы проезжали по дороге сюда.

— Что ты за это потребуешь, дочь моя? Оружия? Золота? Драгоценностей?

— Мне нужно одно лишь твое благословение, досточтимый Приам. И еда. И ложе для моих женщин и меня, чтобы мы немного поспали, прежде чем совершим омовение, облачимся в доспехи и положим конец войне с богами.

Царь хлопнул в ладоши. Деифоб, стражники, свита и амазонки приблизились к трону.

Он велел принести для женщин изысканные яства, затем накрыть им пышные ложа, потом нагреть воды для омовения, позвать рабынь, чтобы готовили благовонные масти с притираниями, а конюхам — накормить тринадцать коней, почистить их и ближе к вечеру вновь оседлать, как только Пентесилея будет готова выехать на битву.

Покидая вместе со спутницами тронный чер-

тог, Пентесилея уверенно улыбалась.

10

Квантовая телепортация через планково пространство — термин, которого богиня Гера даже не знала, — должна происходить мгновенно, однако в планковом пространстве любые понятия сроков утрачивают смысл. Перемещение в зазорах ткани пространства-времени оставляют след. Благодаря наномемам и клеточной перестройке боги и богини умели находить этот след так же легко, как Артемида — оленя в лесной чаще.

Гера последовала по извилистому следу мужа в планковом ничто, зная только, что это не обычный струнный канал между Олимпом и Троей или склонами Иды. То было некое другое место на древней земле Илиона.

Она материализовалась в просторном чертоге, который Афина узнала бы с первого взгляда. На стене висели огромный лук и колчан со стрелами, длинный стол был уставлен золотыми блюдами, чашами для еды, кубками искусной работы.

Зевс удивленно поднял глаза. Он сидел за столом, ради чего нарочно уменьшился до жалких семи футов, и лениво чесал за ушами старого пса.

— Господин, — обратилась к нему Гера, — ты и ему собираешься отсечь голову?

— Надо бы, — проворчал Зевс без улыбки. — Хотя бы из милосердия. — Брови его были насуплены. — Узнаёшь ли ты место и эту собаку, жена?

— Да. Мы в доме Одиссея, на каменистой Итаке. Пса зовут Аргус. Его вырастил Одиссей незадолго до отплытия в Трою. Он обучал щенка.

— И пес до сих пор ждет хозяина, — сказал Зевс. — Но Пенелопа исчезла, и Телемах, и даже женихи, начавшие, словно стервятники, слетаться сюда в надежде получить руку Пенелопы, ее богатства и землю, бесследно растворились вместе с ней, Телемахом и прочими смертными, за исключением нескольких тысяч в Трое. Некому больше кормить псину.

Гера пожала плечами:

— Отошли его в Трою, пусть нажрется останками твоего недоделанного сынка Диониса.

Зевс покачал головой:

— И почему ты всегда мне дерзишь, жена? И зачем ты последовала за мной, когда я хотел в одиночестве поразмыслить над необъяснимым исчезновением человечества с лица Земли?

Гера шагнула к седобородому богу богов. Она

страшилась его гнева: из смертных и бессмертных один лишь Зевс мог ее уничтожить. Она боялась того, что задумала, и все-таки решилась идти до конца.

— Грозное величество Кронид, я только заглянула попрощаться на несколько солов[6]. Не хотелось расставаться, не загладив нашей последней ссоры.

Она подступила еще ближе, незаметно коснулась пояса Афродиты под правой грудью — и тут же почувствовала, как чертог Одиссея заполняется потоком сексуальной энергии, почувствовала, что от нее исходят феромоны.

— Куда ты собралась, да еще на несколько солов, когда на Олимпе и в Трое творится незнамо что? — проворчал Зевс, однако ноздри его расширились, и он глянул на Геру с новым интересом, забыв про пса Аргуса.

— С помощью Никты я отойду от пределов этой пустой земли к Океану и матери Тефисе. Они, как тебе, о супруг мой, известно, предпочитают сей мир нашему хладному Марсу.

Говоря, она сделала еще три шага вперед. Теперь Зевс мог почти дотянуться до нее рукой.

---

[6] Примечания: 6

...заглянула попрощаться на несколько солов. — Сол — марсианские сутки, равные 24 часам 39 минутам.

— Зачем тебе идти к ним сейчас? Они прекрасно обходились без тебя столетиями, с тех пор как мы покорили Красную планету и обжили Олимп.

— Я надеюсь прекратить их бесконечную вражду, — сказала коварная богиня. — Слишком уж долго чуждались бессмертные ласк и брачного ложа из-за раздора, вселившегося в их души. Но прежде я хотела предупредить, где я буду, дабы не навлечь твой божественный гнев, если тайно в дом отойду Океана, глубокие льющего воды.

Зевс встал. Гера почти осязала кожей, как в нем растет возбуждение. Лишь складки божественного одеяния скрывали его похоть.

— Зачем спешить, Гера?

Зевс пожирал ее глазами, и Гера вспомнила, как брат, муж и любовник ласкал языком и пальцами самые нежные места ее тела.

— А зачем медлить?

— К Океану и Тефисе ты можешь пойти завтра, или послезавтра, или вообще никогда. — Зевс шагнул к Гере. — А сейчас, здесь, мы можем предаться любви! Давай, жена…

Незримой силой от воздетой ладони он смахнул с длинного стола кубки, чаши и протухшую еду, затем сорвал со стены огромный ковер и швырнул его на грубые, прочные доски.

Отпрянув, Гера снова коснулась груди, будто намеревалась квитироваться прочь.

— Что за речи, мой господин! Ты хочешь заняться любовью прямо здесь? В заброшенном жилище Одиссея и Пенелопы, на глазах у пса? Как знать, не следят ли за нами все прочие боги по видеопрудам, голографическим стенам и разным проекторам? Если твоей душе угодно, погоди, я вернусь из подводных чертогов Океана, и мы уединимся в моей опочивальне, за прочной дверью и запором — творением искусного Гефеста…

— Нет! — проревел Зевс. Теперь он рос, его седая голова упиралась в потолок. — Не бойся любопытных глаз. Я окутаю Итаку и дом Одиссея золотым облаком, столь густым, что сквозь него не проникнет и самое острое око: ни бог, ни смертный, ни Просперо, ни Сетебос не увидят, как мы упиваемся лаской. Раздевайся!

Зевс вновь повел рукой с короткими толстыми пальцами. Дом завибрировал от энергии мощного силового поля и золотого маскирующего облака. Пес Аргус выбежал из комнаты; от разлитой вокруг энергии шерсть на нем встала дыбом.

Правой рукой Зевс схватил Геру за руку, а левой сорвал расшитое платье с ее грудей. Пояс Афродиты соскользнул с платья, изготовленного

для Геры Афиной, но это уже не имело значения. Воздух был так напоен похотью и феромонами, что в них можно было купаться.

Зевс поднял ее одной рукой, и швырнул на покрытый ковром стол (Гера порадовалась, что Одиссей сколотил свой длинный стол из толстых и прочных оструганных досок от обшивки черного корабля, разбившегося у вероломных скал Итаки), и стянул через ноги ее узорное платье. Затем он сам сбросил одежду.

Сколько бы раз ни видела Гера эрегированный божественный фаллос, у нее всегда перехватывало дыхание. Все остальные боги были, конечно,*богами*, но в те почти позабытые дни превращения в олимпийцев самые впечатляющие атрибуты Зевс приберег для себя. Одного лишь этого жезла с пурпурным наконечником, что прижимался сейчас к бледным коленям Геры, было достаточно, чтобы вызвать трепет в сердцах людей и зависть других богов. И хотя, по мнению Геры, Зевс чересчур часто его показывал — похоть Громовержца не уступала его мужской силе, — она по-прежнему считала скипетр ужасного Кронида своей личной собственностью.

Однако, не испугавшись побоев или чего похуже, Гера упрямо сжимала голые колени.

— Ты желаешь меня, муж мой?

Зевс тяжело дышал через рот и дико сверкал очами.

— Да, я хочу тебя, жена. Никогда еще столь пылкая страсть, ни к богине, ни к смертной, в грудь не вливалась мне и членом моим не владела! Раздвинь ноги!

— Никогда? — повторила Гера, не поддаваясь на уговоры. — Даже когда ты овладел женой Иксиона, родившей тебе Пирифоя, советами равного богу…

— Даже когда я трахал жену Иксиона с синими жилками на груди, — прохрипел Зевс и, силой раздвинув ей колени, встал меж молочными бедрами, касаясь фаллосом ее упругого живота и трепеща от вожделения.

— Даже когда ты прельстился Данаей, Акрисия дщерью? — спросила Гера.

— Даже и с ней, — сказал Зевс, наклоняясь вперед и припадая губами к ее затвердевшим соскам — левому, потом правому.

Его ладонь скользнула между ее ног. Там было влажно — и от пояса, и от ее собственного желания.

— Хотя, клянусь богами, — добавил он, — мужчина может кончить при одном лишь взгляде на

щиколотки Данаи!

— Должно быть, с тобой это часто случалось, повелитель, — выдохнула Гера, когда Зевс подвел широкую ладонь под ее ягодицы. Горячее навершие его скипетра тыкалось в ее бедра, орошая их влагой нетерпеливого предвкушения. — Ведь она родила тебе не человека, а совершенство!

От возбуждения Зевс не мог отыскать заветного входа и тыкался в теплую плоть, словно мальчишка, не знавший женщины. Когда он отпустил ее грудь, чтобы помочь себе левой рукой, Гера поймала его запястье.

— Желаешь ли ты меня больше, чем Европу, дочь Феникса? — настойчиво зашептала она.

— Да, больше Европы, — выдохнул Зевс и, ухватив ее ладонь, положил на свой скипетр.

Гера слегка его сжала, но направлять не стала.

— Хочешь ли ты возлечь со мной сильнее, чем желал возлечь с Семелой, матерью Диониса?

— Сильнее, чем с нею, да. Да! — Зевс крепче сдавил ладонь Геры и попытался в нее войти.

Однако божественный жезл так налился кровью, что ударил, будто таран в каменную стену. Геру отшвырнуло на два фута. Зевс рывком притянул ее обратно.

— Сильней, чем с Алкменой из Фив, — добавил

он, — хоть и зачал с ней тогда непобедимого Геракла.

— Хочешь ли ты меня больше, чем хотел лепокудрую Деметру, когда…

— Да, да, проклятие, больше, чем Деметру.

Яростнее раздвинув лилейные ноги жены, он одною рукой оторвал ее зад на целый фут от стола. Теперь ей оставалось лишь открыться.

— Хочешь ли ты меня больше, чем Леду в тот день, когда принял вид огромного лебедя, обнимал ее огромными лебедиными крыльями и заталкивал в нее огромный лебединый…

— Да, да, — пропыхтел Зевс. — Только заткнись, пожалуйста.

И тут он вошел в нее. Вот так же осадная машина греков однажды открыла бы Скейские ворота, если бы греки захватили Илион.

В следующие двадцать минут Гера дважды чуть не лишилась чувств. Зевс был страстен, однако нетороплив. Он жадно ловил наслаждение, но со скаредностью гедониста-аскета дождался, когда она кончит. Во второй раз Гера чуть не потеряла сознание под умащенным, потным Зевсом. Тяжелый тридцатифутовый стол так трясся, что едва не опрокинулся; стулья и ложа летели в стороны, с потолка дождем сыпалась пыль, древний дом

Одиссея чуть не рухнул, и Гера думала: «Так не пойдет, я должна быть в сознании, когда он кончит, иначе весь мой замысел — псу под хвост».

Она заставляла себя сохранять ясный ум даже после четырех своих оргазмов. Огромный колчан рухнул со стены, рассыпав по плитам острые (и, возможно, ядовитые) стрелы. Зевс одной рукой удерживал жену снизу, ее божественные тазовые кости хрустели под его тяжестью, а другой — сжимал ее плечо, чтобы она не съехала с трясущегося стола.

Наконец он взорвался внутри нее. Вот тут Гера вскрикнула и, несмотря ни на что, лишилась чувств.

Впрочем, через несколько секунд ее веки затрепетали. Огромная тяжесть Зевса — в последние мгновения страсти он вырос до пятнадцати футов — придавила ее к широким доскам. Борода колола и царапала грудь, его макушка с мокрыми от пота волосами прижималась к ее щеке.

Гера подняла тонкий палец с инъекционным шприцем, вмонтированным в накладной ноготь искусным Гефестом, прохладной ладонью отвела волосы от мужниной шеи и активировала шприц. Чуть слышное шипение заглушили прерывистое дыхание Громовержца и стук их

божественных сердец.

Наркотик именовался Неодолимым Сном и оправдал свое название в первые же микросекунды.

Миг — и Кронид оглушительно захрапел, пуская слюни на ее красную помятую грудь. Только нечеловеческая сила позволила Гере спихнуть его с себя, вытащить из складок своего тела обмякший член и выскользнуть на волю.

Неповторимое платье, сделанное руками Афины, было разорвано в клочья. Исцарапанная, в синяках, Гера чувствовала себя ничуть не лучше: казалось, у нее ныл каждый мускул внутри и снаружи. Поднявшись, она ощутила, как по ногам течет семя царя богов, и насухо вытерлась обрывками загубленного платья.

Вытащив из платья Афродитин пояс, Гера пошла в комнату для одевания рядом с хозяйской опочивальней, той самой, где стояла супружеская кровать с подножием из обтесанного ствола несрубленной оливы и рамой, украшенной золотом, серебром и слоновой костью, а после обтянутой бычьими ремнями, окрашенными в яркий пурпур, на которых лежали мягкие руна и пышные покрывала. Из отделанных камфорным деревом сундуков подле ванны Пенелопы Гера

вытащила груду платьев. Пенелопа была почти одного с ней роста, и богиня могла видоизменить себя, чтобы подогнать фигуру под фасон. В конце концов она выбрала шелковое платье персикового цвета с узорно вышитым поясом, который поддержал бы помятую до кровоподтеков грудь. Но прежде чем облачиться, она кое-как помылась холодной водой из котлов, приготовленных недели назад для ванны, что так и не дождалась хозяйки.

И вот уже одетая Гера вернулась, осторожно ступая, в столовый чертог. Перед ней на длинном столе лежал бородатым лицом вниз голый бронзовый великан и храпел во всю мочь. «Могла бы я сейчас его убить?» Не в первый, да и не в тысячный раз задавалась царица этим вопросом, глядя на спящего повелителя и слушая его храп. И она знала, что не одинока в своем желании. Скольких жен — и бессмертных, и смертных, давно истлевших и еще не рожденных на свет, — посещала такая мысль, словно тень облака, скользнувшая по каменистой земле? «Убила бы я его, будь это возможно? Убила бы сейчас?»

Вместо этого богиня приготовилась квитироваться на Илионскую равнину. До сих пор все шло по ее плану. Колебатель земли Посейдон

с минуты на минуту воодушевит Агамемнона с Менелаем на решительные действия. Через несколько часов, если не раньше, Ахиллес погибнет от рук простой женщины, пусть и амазонки, когда отравленный наконечник пики вонзится ему в пяту, и Гектор останется без поддержки. А на случай, если Ахиллес убьет амазонку, Гера с Афиной приготовили кое-что еще. Восстание смертных будет подавлено до того, как Зевс проснется — если Гера вообще позволит ему проснуться. Без противоядия Неодолимый Сон будет длиться, пока стены Одиссеева жилища не рухнут, прогнив от ветхости. Либо Гера разбудит Зевса скоро, исполнив замысел раньше задуманного срока, и повелитель богов даже не узнает, что его свалила доза усыпляющего, а не обычная потребность в сне после бурного соития. Когда бы она ни решила разбудить мужа, к тому времени битва людей и богов закончится, Троянская война возобновится, статус-кво будет восстановлен и замысел Геры станет свершившимся фактом.

Отвернувшись от спящего Кронида, Гера вышла из дома (ибо никто, даже царица, не мог квитироваться через силовое поле, которым Зевс его окружил), протиснулась через водянистую силовую стену, словно младенец, покидающий

околоплодную оболочку, и с видом победительницы телепортировалась обратно в Илион.

11

Хокенберри не узнавал ни одного моравека из встретивших его внутри голубого пузыря в кратере Стикни на Фобосе. Поначалу, когда силовое поле невидимого кресла отключилось, он запаниковал и на несколько секунд задержал дыхание, думая, что очутился в вакууме, но тут же почувствовал атмосферное давление на коже и приятную для тела температуру. Так что он судорожно дышал все то время, когда Манмут представлял его моравекам, явившимся в качестве официальной делегации. Получилось довольно неловко. Потом Манмут ушел, а Хокенберри остался наедине с пятью странными органическими машинами.

— Добро пожаловать на Фобос, доктор Хокенберри, — произнес ближайший. — Надеюсь, ваш перелет сюда с Марса обошелся без происшествий.

На мгновение Хокенберри ощутил почти дурноту. За исключением Манмута, никто не называл его доктором в этой второй жизни, разве что коллега Найтенгельзер в шутку раз или два.

— Спасибо, да… То есть… Простите, я не расслышал ваших имен… — выдавил Хокенберри. — Извините, я… отвлекся.

«Думая, что умру, когда исчезло кресло», — добавил он про себя.

Невысокий моравек кивнул:

— Не удивляюсь. В этом пузыре столько всего происходит, и атмосфера проводит шум.

Так оно и было. Гигантский голубой пузырь, накрывший по меньшей мере два или три акра (Хокенберри никогда не умел определять расстояния и размеры на глаз, — видимо, сказывался недостаток спортивных занятий), заполняли сложные конструкции, ряды машин больше любого здания в Блумингтоне, штат Индиана, пульсирующие органические капли, похожие на бланманже размером с теннисный корт, сотни моравеков, занятых самыми разными делами, и медленно парящие сферы, плюющиеся лазерными лучами, которые что-то резали, сваривали, плавили и перемещались дальше. Смутно привычным, хотя и совершенно неуместным выглядел круглый стол красного дерева, окруженный шестью стульями различной высоты.

— Меня зовут Астиг/Че, — сказал маленький моравек. — Я европеанин, как и ваш друг Манмут.

— Европеец? — тупо переспросил Хокенберри.

Он как-то был во Франции на отдыхе и в Афинах на конференции по античной литературе, и хотя тамошние жители были… э-э-э… другие… никто из них не походил на этого Астига/Че. Он был повыше Манмута — не меньше четырех футов — и более гуманоидный, но тоже покрыт пластиково-металлическим материалом, только ярко-желтым. Моравек напомнил Хокенберри желтый непромокаемый плащ, которым он ужасно гордился в детстве.

— Европа, — пояснил Астиг/Че без тени досадливого нетерпения в голосе, — это покрытый водой и льдами спутник Юпитера. Родина Манмута. И моя тоже.

— Да, конечно. — Хокенберри покраснел и, смутясь этим, покраснел еще гуще. — Извините. Конечно. Я знал, что Манмут с какого-то тамошнего спутника. Извините.

— Мой титул… Впрочем, «титул» — чересчур громкое слово, скорее, «рабочая функция» — первичный интегратор Консорциума Пяти Лун, — продолжал Астиг/Че.

Хокенберри чуть поклонился, осознав, что перед ним политик или, по крайней мере, большой чиновник. Он понятия не имел, как называются

остальные четыре луны. Про Европу он в первой жизни слышал и вроде бы припоминал, что новый спутник Юпитера открывали каждые несколько недель, — во всяком случае, такое складывалось впечатление. Может, ко времени его смерти их еще никак не назвали. И еще Хокенберри, предпочитавший древнегреческий латыни, всегда считал, что самую большую планету Солнечной системы следовало наречь Зевсом, а не Юпитером… хотя в нынешних обстоятельствах это создало бы путаницу.

— Позвольте представить моих коллег, — сказал Астиг/Че.

Хокенберри внезапно сообразил, кого напоминает ему этот голос — киноактера Джеймса Мейсона[7].

— Высокий джентльмен справа от меня — генерал Бех бен Ади, командующий контингентом боевых моравеков Пояса астероидов.

— Доктор Хокенберри, — произнес генерал Бех бен Ади, — для меня огромная честь наконец-то с вами познакомиться.

---

[7] Примечания: 7

…сообразил, кого напоминает ему этот голос — киноактера Джеймса Мейсона. — Джеймс Невилл Мейсон (1909–1984) — английский актер, главная британская звезда 1940–1950-х гг. Необычный голос Мейсона позволил ему очень хорошо играть и злодеев, в частности Гумберта Гумберта в «Лолите» Стэнли Кубрика (1962), и благородных героев.

Он не протянул руку для приветствия, поскольку у него не было рук, только шипастые клещи с кучей манипуляторов тончайшей моторики.

«Джентльмен, — подумал Хокенберри. — Роквек».

За последние восемь месяцев он видел тысячи роквеков-солдат — и на Илионской равнине, и на Марсе, вокруг Олимпа. Они все были высокие, метра под два, всегда черные, как их генерал, покрытые шипами, крючками, хитиновыми гребнями, острыми зубцами. «В Поясе астероидов их явно разводят… собирают… не ради красоты», — подумал Хокенберри, а вслух произнес:

— Очень приятно, генерал… Бех бен Ади, — и слегка поклонился.

— Слева от меня, — продолжал первичный интегратор Астиг/Че, — вы видите интегратора Чо Ли со спутника Каллисто.

— Добро пожаловать на Фобос, доктор Хокенберри, — мягким, почти женским голосом проговорил Чо Ли.

«Есть ли у моравеков пол?» — подумал Хокенберри. Он всегда думал о Манмуте и Орфу как о роботах мужского пола и не сомневался в тестостероновом характере бойцов-роквеков. Однако, если они отдельные личности, почему бы им не

иметь пола?

— Интегратор Чо Ли, — повторил Хокенберри и снова поклонился.

Каллистянин… э-э-э… каллистоид? каллистонец?.. был ниже Астига/Че, но массивнее и куда менее гуманоидный. Еще менее, чем отсутствующий Манмут. Хокенберри несколько смущало что-то похожее на сырое розоватое мясо между панелями из пластика и стали. Если бы Квазимодо — горбуна из Нотр-Дама — воссоздали из кусков мяса и старых автомобильных запчастей, с бескостными руками, множеством глаз разного размера и узкой пастью словно щель почтового ящика, — он бы выглядел близнецом интегратора Чо Ли. Кстати, забавное коротенькое имя. Возможно, каллистоидных моравеков проектировали китайцы?

— Позади Чо Ли вы видите Суму Четвертого, — сказал Астиг/Че ровным голосом Джеймса Мейсона. — Он с Ганимеда.

Высотой и пропорциями Сума IV очень напоминал человека, чего нельзя было сказать о его внешности. Шесть с лишним футов роста, правильные пропорции рук и ног, талия, плоская грудь, подходящее количество пальцев — и все это упаковано в текучую, сизоватую, масляни-

стую оболочку. Однажды Манмут в присутствии Хокенберри назвал такое вещество бакикарбоном. Тогда оно покрывало корпус шершня. На человеке… ну хорошо, на человекообразном муравеке… это выглядело пугающе.

Еще более жутко выглядели его огромные глаза со многими сотнями сверкающих граней. Хокенберри гадал, не бывал ли Сума IV или кто-нибудь из его родни на Земле двадцатого века? Скажем, в Розуэлле, штат Нью-Мексико? Не его ли кузена заморозили в Зоне 51[8]?

«Да нет же, — напомнил он себе. — Эти создания — никакие не инопланетяне. Они всего лишь органические роботы, спроектированные и построенные людьми, а после разосланные по Солнечной системе. Спустя столетия, долгие столетия после моей смерти».

— Здравствуйте, Сума Четвертый, — сказал Хокенберри.

— Рад познакомиться, доктор Хокенберри, —

---

[8] Примечания: 8

Скажем, в Розуэлле, штат Нью-Мексико? Не его ли кузена заморозили в Зоне 51? — В Розуэлле в штате Нью-Мексико в 1947 г. случилось предполагаемое крушение неопознанного летающего объекта. По официальной версии ВВС США, это был метеозонд, однако уфологи считают, что там разбился инопланетный космический аппарат, а погибший инопланетянин хранится на секретном испытательном полигоне Зона 51, с которым, в свою очередь, связано множество конспирологических теорий.

ответил рослый ганимедянин.

На сей раз Хокенберри не услышал ни джеймс-мейсоновских, ни девчачьих ноток. Речь блестящего черного существа с мерцающими, как у мухи, глазами звучала так, будто мальчишки бросают шлаком в пустой бойлер.

— И наконец, разрешите представить вам пятого представителя нашего Консорциума, — произнес Астиг/Че. — Это Ретроград Синопессен с Амальтеи.

— Ретроград Синопессен? — повторил Хокенберри.

Ему вдруг захотелось расхохотаться до слез. Или лечь прямо здесь, заснуть ненадолго и пробудиться в своем кабинете, в стареньком белом доме неподалеку от Индианского университета.

— Да, Ретроград Синопессен, — кивнул Астиг/Че.

Трижды поименованный моравек выбежал вперед на серебристых паучьих лапках. Размером он был примерно с трансформатор от игрушечной железной дороги, только блестел, как начищенный алюминий, а его восемь тончайших серебристых ножек казались почти невидимыми. По всему корпусу и внутри него искрились многочисленные глазки, а может,

диоды или крохотные лампочки.

— Очень приятно, доктор Хокенберри, — проговорила блестящая коробочка могучим и низким басом, который соперничал даже с инфразвуковым ворчанием Орфу. — Я прочел все ваши книги и труды. Разумеется, те, что сохранились в наших архивах. Они превосходны. Личная встреча с вами — большая честь.

— Спасибо, — неловко выговорил Хокенберри, затем посмотрел на пятерых моравеков, на сотни других, которые суетились над совершенно непостижимыми машинами внутри огромного пузыря с искусственно накачанным воздухом, перевел глаза на Астига/Че и спросил: — И что теперь?

— Почему бы нам не сесть за стол и не обсудить предстоящую экспедицию на Землю и ваше возможное в ней участие? — предложил европеанский первичный интегратор Консорциума Пяти Лун.

— Конечно, — сказал Томас Хокенберри. — Почему бы нет?

12

Елена была одна и безоружна, когда Менелай наконец-то загнал ее в угол.

Наступивший за погребением Париса день и начался-то не по-людски, да и после все шло наперекосяк. В зимнем ветре пахло страхом и апокалипсисом.

Ни свет ни заря — Гектор еще не успел отнести кости брата к могильному холму — Андромаха прислала за Еленой посланницу. Жена Гектора и ее рабыня с острова Лесбос, которой много лет назад вырвали язык, ныне верная служанка секретного общества Троянских женщин, — заточили неистовоокую Кассандру в потайном убежище у Скейских ворот.

— В чем дело? — спросила Елена, входя.

Кассандра не знала об этом доме. Кассандре не полагалось даже слышать об этом доме. А теперь дочь Приама, безумная пророчица, сидела, понурив плечи, на деревянном ложе, а рабыня, которую звали Гипсипила, в честь прославленной царицы, родившей Евнея от Ясона, татуированной рукой прижимала к ее горлу длинный нож.

— Она знает, — проговорила Андромаха. — Она узнала про Астианакта.

— Как?

Кассандра, не поднимая головы, ответила сама:

— Увидела в трансе.

Елена вздохнула. Когда-то в тайном обществе их было семь. Началось все с жены Гектора Андромахи и ее свекрови, царицы Гекубы. Затем к ним примкнула Феано — жена конеборного Антенора и верховная жрица в храме Афины. Позже в круг посвященных приняли Лаодику, дочь царицы Гекубы. Потом уже четверка открыла Елене свои мечты и цели: положить конец войне, чтобы спасти мужей и детей, а самим избежать ахейского рабства.

Елене оказали честь. Ее — не троянку, а лишь источник всех бед — приняли в тайную группу, чтобы вместе искать третий выход: как прекратить осаду с честью, однако не заплатив ужасной цены. Этим они и занимались годами: Гекуба, Андромаха, Феано, Лаодика и Елена.

Кассандру — самую прелестную, но и самую безумную дочь Приама — взяли к себе поневоле. Аполлон одарил ее даром предвидения, которое могло пригодиться при осуществлении замысла. Кроме того, Кассандра уже болтала о встречах Троянских женщин в склепе под храмом Афины — она видела их в одном из своих трансов. Чтобы заткнуть ей рот, срочно пришлось включить Кассандру в команду.

Седьмой, последней и самой старой из Троянских женщин стала «возлюбленная Герой» Герофила, мудрейшая из жриц Аполлона Сминфея. Сивилла зачастую толковала дикие видения Кассандры точнее, чем та сама.

Когда Ахиллес заявил, что Афина собственноручно убила его лучшего друга Патрокла, сверг Агамемнона и повел ахейцев на войну с богами, Троянские женщины увидели луч надежды. Оставив Кассандру в неведении — девчонка слишком много болтала в те последние, по ее словам, дни перед падением Илиона, — женщины убили кормилицу Астианакта вместе с ее младенцем, и Андромаха принялась вопить и причитать, что Паллада и Афродита своими руками зарезали Гекторова первенца, малютку Астианакта.

Гектор, как до него Ахиллес, обезумел от горя и гнева. Троянская война кончилась. Началась война с богами. Ахейцы и троянцы прошли через Дыру и осадили Олимп вместе с новыми союзниками — меньшими божествами-моравеками.

И в первый же день бомбежки со стороны богов, до того как моравеки накрыли Илион силовым полем, погибла Гекуба. И ее дочь Лаодика. И Феано, любимая жрица Афины.

Три из семи Троянских женщин лишились

жизни в первый же день войны, которую сами и развязали. Затем погибли сотни дорогих им людей, и воинов, и мирных жителей.

«И вот еще одна жертва?» — подумала Елена, погружаясь в некую бездну горя глубже обычного горя.

— Теперь ты убьешь Кассандру? — спросила она Андромаху.

Жена Гектора холодно глянула на Елену:

— Нет. Я покажу ей Скамандрия, моего Астианакта.

В шлеме, утыканном клыками вепря, и львиной шкуре, Менелай легко проник в город с толпой варваров — союзников Илиона. Час был довольно ранний: погребальное шествие с урной Париса уже прошло, но амазонки еще не успели с почестями въехать в городские ворота.

Избегая приближаться к разбомбленному дворцу Приама, где Гектор и его соратники предавали земле кости Париса (слишком уж многие троянские герои могли признать Диомедову львиную шкуру и шлем с клыками вепря), Менелай прошел через шумный рынок и переулками выбрался на маленькую площадь перед дворцом Париса, где жили сейчас царь Приам и Елена. Разумеется, у дверей, на стенах и на каждой террасе караулила

отборная стража. Одиссей однажды рассказывал, какая из внутренних террас Еленина, и Менелай долго буравил взглядом колышущиеся занавески, но его жена не появилась. Там стояли двое копейщиков в бронзовых доспехах, а значит, Елены, скорее всего, не было дома. В прошлом, в их более скромном лакедемонском дворце, она никогда не пускала охрану в свои личные покои.

На другой стороне площади находилась лавка, где подавали вино и сыр. Усевшись за грубо сколоченный стол посреди залитой солнцем улочки, Менелай позавтракал, расплатившись троянскими золотыми, которые предусмотрительно захватил в шатре Агамемнона, когда переодевался. Так он просидел несколько часов, время от времени подбрасывая хозяину несколько треугольных монеток и слушая пересуды горожан в толпе на площади и за соседними столами.

— Ее светлость у себя? — спросила одна старая карга свою товарку.

— Да нет. Моя Феба говорит, шлюшка ушла спозаранку, это точно. Думаешь, собралась напоследок почтить останки благоверного? Как бы не так!

— А что ж тогда? — прошамкала более беззубая из двух старух. Она пережевывала сыр деснами

и подалась вперед, будто готовилась услышать доверительный шепот, но вторая старая ведьма — такая же глухая, как первая, — проорала в ответ:

— Болтают, что старый развратник Приам желает выдать паршивую заморскую сучку за другого своего сына, и не за какого-нибудь ублюдка, которыми город кишмя кишит, — в наше время куда ни плюнь, утрется его внебрачный недоносок, — а за этого глупого толстяка, законнорожденного Деифоба. И вроде бы свадьбу хотели сыграть не позже чем через двое суток после того, как Париса пустят на шашлыки.

— Скоро, значит.

— Не то слово. Может, уже сегодня. Деифоб ждал своей очереди отыметь чернявую бабенку с тех самых пор, как Парис притащил ее в город, — о, проклятый день! Так что мы тут с тобой, сестра, языками чешем, а Деифоб уж, наверное, если не женится, так предается ритуалам Диониса.

И старухи захохотали, плюясь крошками хлеба с сыром.

Менелай вскочил из-за стола и зашагал куда глаза глядят, яростно сжимая копье в левой руке, а правую положив на рукоять меча.

Деифоб? Где живет Деифоб?

До войны с богами все было гораздо проще. Несемейные отпрыски Приама (кое-кому из них перевалило за пятьдесят) жили вместе, в огромном царском дворце, в центре города — ахейцы давно замышляли, как только ворвутся в Трою, начать резню и грабеж именно там, — но удачно сброшенная бомба в первый же день новой войны разогнала царевичей и их сестер по не менее роскошным жилищам в разных концах Илиона.

Таким образом, через час после ухода из лавки Менелай все так же бродил по многолюдным улицам, когда мимо под бурное ликование толпы проехала Пентесилея с ее двенадцатью воительницами.

Менелаю пришлось отпрыгнуть, чтобы боевой конь царицы не сбил его с ног. Бронзовый ножной доспех амазонки скользнул по его плащу. Гордая Пентесилея не смотрела ни вниз, ни по сторонам.

Красота Пентесилеи так поразила Менелая, что он чуть было не сел на мостовую, загаженную конским навозом. Зевс-громовержец, что за хрупкая, изменчивая прелесть таилась под пышными, сверкающими доспехами! А эти глаза! Менелай ни разу не бился ни с амазонками, ни против них и ничего подобного в жизни не видел.

Словно гадатель в трансе, он побрел за процессией — обратно ко дворцу Париса. Здесь воительниц приветствовал Деифоб. Елены при нем не оказалось. Стало быть, беззубые любительницы сыра все наплели. По крайней мере, о том, где Елена сейчас.

Менелай, словно влюбленный пастушок, долго смотрел на дверь, за которой скрылась Пентесилея; наконец он встряхнулся и вновь отправился бродить по улицам. Был почти полдень. Времени оставалось в обрез: к середине дня Агамемнон намеревался поднять восстание против Ахиллеса и к ночи закончить битву. Впервые Менелай понял, насколько велик Илион. Каковы шансы за оставшееся время случайно набрести на Елену? Да почти никаких. При первом же боевом кличе из аргивского стана Скейские ворота захлопнутся и стража на стенах будет удвоена. Менелай угодит в ловушку.

Сжигаемый тройной горечью поражения, ненависти и любви, он почти бегом припустил к выходу, отчасти радуясь, что не нашел Елену, отчасти злясь, что не нашел ее и не убил.

У ворот слышались крики. Менелай некоторое время смотрел, не в силах оторваться от зрелища, хотя неуправляемая толпа грозила его поглотить.

Старухи рядом пересказывали товаркам, что произошло.

Приезд Пентесилеи и дюжины ее спутниц (все они, надо полагать, спали сейчас на самых мягких Приамовых ложах) вдохновил горожанок. Из дворца просочился слух, что Пентесилея поклялась убить Ахиллеса — и Аякса, если у нее найдется свободная минутка, и всякого ахейского военачальника, что встанет на пути. Это разбудило что-то дремавшее, но отнюдь не пассивное в душах женщин Трои (не путать с уцелевшими Троянскими женщинами), и те высыпали на улицы, на стены, на укрепления, где растерянные стражники отступили под натиском орущих жен, дочерей, матерей и сестер.

Некая Гипподамия — не прославленная супруга Пирифоя, а жена Тисифона, столь незначительного троянского вождя, что Менелай не встречал его на поле боя и ни разу не слышал о нем у бивачного костра, — так вот, эта Гипподамия выкрикивала речь, призывая троянок к убийству. Менелай смешался с толпой зрителей, однако не ушел, а остался посмотреть и послушать.

— Сестры! — орала Гипподамия — полнорукая, большезадая, довольно красивая бабенка. Ее волосы расплелись, рассыпались по плечам

и колыхались, когда она размахивала руками. — Почему мы никогда не сражались бок о бок со своими мужчинами? Почему долгие годы рыдали о судьбе Илиона, заранее оплакивали участь наших детей, но не пытались ее изменить? Неужто мы намного слабее безбородых юнцов, что в последний год ушли умирать за свой город? Разве мы более хрупки, чем наши сыновья?

Толпа женщин взревела.

— Мы делим с мужьями-троянцами пищу, свет, воздух и ложе! — кричала крутобедрая Гипподамия. — Почему мы не делим их участь в бою? Так ли мы слабы?

— Нет! — завопили со стен тысячи женщин.

— Есть ли среди нас хоть одна, не потерявшая в этой войне с ахейцами мужа, брата, сына или кровного родственника?

— Нет!

— Сомневается ли хоть одна в своей женской участи после того, как данайцы ворвутся в город?

— Нет!

— Есть ли у кого-нибудь сомнения, что будет с нами, женщинами, если победят ахейцы?

— Нет!

— Тогда не будем медлить! — вопила Гиппода-

мия, перекрывая рев толпы. — Царица амазонок поклялась убить Ахиллеса сегодня до захода солнца! Она приехала издалека, чтобы сражаться за чужой город! Неужто мы робеем защитить родной очаг, мужчин, детей, нашу собственную жизнь и будущее?

— Нет!

На сей раз рев был громче и не смолкал. Троянки побежали с площади; прыгая с высоких ступеней, они едва не затоптали Менелая.

— Вооружайтесь! — надрывалась Гипподамия. — Оставьте свои веретена, пряжу и прялки, оставьте ткацкие челноки, наденьте доспехи, подпояшьтесь для битвы — и встретимся за городской стеной!

Мужчины, поначалу скалившие зубы над бабьей тирадой Тисифоновой жены, теперь ныряли в дверные проемы и проулки, спеша убраться с дороги. Менелай последовал их примеру.

Он уже повернул к Скейским воротам — хвала богам, те были еще открыты, — когда увидел Елену. Она стояла на углу и смотрела в другую сторону, так что не заметила его, затем, поцеловав своих спутниц, пошла по улице. Одна.

Менелай замер, сделал глубокий вдох, коснулся рукояти меча, повернулся — и двинулся за ней.

— Феано прекратила это безумие, — говорила Кассандра. — Феано обратилась к толпе и образумила женщин.

— Феано погибла восемь с лишним месяцев назад, — холодно заметила Андромаха.

— В ином сегодня, — сказала Кассандра тем же бесцветным голосом, какой бывал у нее во время видений. — Не в нашем будущем. Феано их остановила. Все послушались верховную жрицу Афины.

— Что ж, Феано кормит червей. Мертва, как хер царевича Париса, — ответила Елена. — Никто не остановил эту толпу.

Женщины уже вернулись на площадь и теперь выходили через ворота в жалкой пародии на боевой порядок. Судя по всему, они успели наведаться домой и забрать то, что там отыскали: тусклый отцовский шлем с полинялым и облезлым конским хвостом, забракованный братом щит, мужнино либо сыновье копье или меч. Доспехи были им велики, копья — тяжелы, и женщины по большей части походили на детей, нарядившихся для игры в войну.

— Безумие, — прошептала Андромаха. — Безумие.

— Как и все, что случилось после смерти Ахил-

лесова друга Патрокла, — сказала Кассандра; ее глаза сверкали, словно от лихорадки или собственного безумия. — Обманчиво. Ложно. Неправильно.

В доме Андромахи у городской стены, в залитых солнцем комнатах верхнего этажа, они более двух часов играли с полуторагодовалым Скамандрием, чью мнимую гибель от рук бессмертных оплакивала вся Троя, младенцем, из-за которого Гектор объявил войну олимпийским богам. Между тем живой и здоровый малыш, прозванный в народе Астианактом — «владыкой города», рос под надзором новой кормилицы, а у дверей дома несли круглосуточный дозор верные стражи-киликийцы, привезенные из павших Фив. Когда-то они пытались умереть за отца Андромахи, царя Этиона, убитого Ахиллесом после захвата города, и теперь воины, уцелевшие не по собственной воле, а по прихоти Ахиллеса, посвятили себя защите Этионовой дочери и ее сына, упрятанного от чужих взоров.

Мальчик уже лепетал первые слова и ходил, наматывая по дому не меньше мили в день. Даже после долгих месяцев разлуки, составивших почти половину его коротенькой жизни, он узнал тетю Кассандру и радостно бросился к ней, рас-

кинув пухлые ручки.

Кассандра обняла его, заплакала, и почти два часа три Троянские женщины и две рабыни (кормилица и убийца с Лесбоса) играли и болтали со Скамандрием, а когда ему пришло время спать, еще потолковали между собой.

— Видишь, почему тебе не следует говорить вслух во время транса, — тихо произнесла Андромаха. — Если твои слова услышит кто-нибудь, кроме нас, Скамандрий погибнет, как ты предрекала: его сбросят со стены города, так что мозг брызнет на камни.

Кассандра побледнела сильнее обычного и снова всхлипнула.

— Я научусь держать язык за зубами, — сказала она наконец, — хотя это мне и не под силу, но ничего, твоя бдительная служанка поможет.

Она кивнула на Гипсипилу, застывшую неподалеку с каменным выражением.

Тут они услышали шум и женские выкрики с площади и, скрыв лица под тонкими покрывалами, пошли посмотреть, из-за чего суматоха.

Несколько раз во время пылкого выступления Гипподамии Елену так и подмывало вмешаться. Только когда уже было слишком поздно — сотни женщин потоками хлынули по домам воору-

жаться и надевать доспехи, мечась словно сотни ополоумевших пчел, — она осознала правоту Кассандры. Ее старая товарка Феано, верховная жрица все еще почитаемого храма Афины, могла бы остановить это безобразие. «Какая глупость!» — провозгласила бы Феано зычным, натренированным под сводами храма голосом и, завладев общим вниманием, отрезвила бы женщин разумными словами. Феано объяснила бы, что Пентесилея (до сих пор ничего не сделавшая для Трои, если не считать клятвы престарелому царю и послеобеденного сна) — дочь Ареса. Ну а как насчет горожанок, вопящих на площади? Есть ли среди них дочери бога? Может ли хоть одна назвать Ареса отцом?

Мало того, Феано растолковала бы поутихшей толпе, что греки не для того почти десять лет сражались — когда на равных, а когда и одерживая верх — с героями вроде Гектора, чтобы сегодня пасть под ударами необученных женщин. «И если вы не учились втайне от всех обращаться с конями, управлять колесницами, метать копье на половину лиги и отбивать щитом мощные удары меча и если не готовы срубать визжащие мужские головы с крепких плеч — идите по домам, — вот что наверняка сказала бы жрица. —

Беритесь-ка за прялки, верните братьям и отцам их оружие. Пусть храбрые мужчины защищают нас. Они затеяли эту войну — им и решать ее исход». И толпа бы рассеялась.

Однако Феано не вмешалась. Она была мертва — мертва, как хер царевича Париса, по выражению самой Елены.

Поэтому кое-как вооруженная толпа двинулась на войну — к Дыре, ведущей к подножию Олимпа. Женщины верили, что убьют Ахиллеса раньше, чем Пентесилея изволит протереть свои прекрасные глаза. Гипподамия в числе последних выбежала из Трои в косо нацепленных доспехах — судя по виду, древних, возможно времен войны с кентаврами. Бронзовые пластины громко брякали на огромных грудях. Она раззадорила толпу и утратила над ней власть. Теперь Гипподамия, как любой политик, пыталась возглавить парад, но это было не в ее силах.

Елена, Андромаха и Кассандра расцеловались на прощанье — причем рабыня-убийца Гипсипила уже следила за красноглазой пророчицей, — и Елена пошла в сторону дворца, который еще недавно делила с Парисом. Приам еще раньше сообщил ей о своем намерении нынче же, до захода солнца, назначить день ее свадьбы с Деифобом.

Однако по дороге Елена свернула с многолюдной улицы в храм Афины. Святилище, разумеется, пустовало: мало кто в эти дни дерзал открыто поклоняться богине, которую считали убийцей Астианакта и главной причиной войны с Олимпом. Елена вошла в полумрак, напоенный ароматами фимиама, вдохнула тишину полной грудью и окинула взором гигантскую золотую статую богини.

— Елена.

На какой-то миг Елене Прекрасной почудилось, будто изваяние заговорило с нею голосом бывшего мужа. Потом она медленно развернулась.

— Елена.

Менелай стоял менее чем в десяти футах от нее, широко расставив ноги и твердо уперев сандалии в темный мраморный пол. Даже в тусклом мерцании вотивных свеч Елена видела его рыжую бороду, зловещий взгляд, обнаженный меч в правой руке и шлем с клыками вепря в левой.

— Елена.

Больше ничего этот царь, воин и рогоносец в минуту долгожданной мести выговорить не мог.

Бежать? Бесполезно. Менелай загородил выход, а в Лакедемоне он считался одним из самых проворных бегунов. Супруги даже шутили: мол,

когда родится сын, им нипочем не догнать его, чтобы отшлепать за шалости. Только им так и не пришлось родить сына…

— Елена.

Каких только стонов не слышала Елена за свою жизнь, в самых разных обстоятельствах — от оргазма до смерти. Однако ни один мужчина не повторял в рыдании это такое знакомое, но совершенно чужое имя.

— Елена.

Менелай быстро пошел на нее, поднимая меч.

Елена не пыталась бежать. В сиянии свеч и отблесках золотого идола она встала на колени, глянула на законного мужа, потупилась и сорвала с груди платье, ожидая удара.

13

— Отвечая на ваш последний вопрос, — произнес первичный интегратор Астиг/Че, — нам надо лететь на Землю, поскольку либо там, либо на ее орбите находится источник всей этой квантовой активности.

— Манмут вкратце рассказывал, что его и Орфу отправили на Марс из-за того, что источник… э-э-э… активности был там, конкретно на Олимпе, — сказал Хокенберри.

— Так мы полагали раньше, когда по пути от Пояса и из юпитерианского космоса на Марс и Землю времен Илиона фиксировали квантовую активность олимпийцев для переноса этих дыр. Однако теперь наши технологии позволяют установить, что источник и центр этой активности — Земля, а Марс — приемник… или, возможно, правильнее сказать — мишень.

— Ваши технологии настолько изменились за восемь месяцев? — спросил Хокенберри.

— Наши знания единой квантовой теории утроились с тех пор, как мы прокатились по квантовым туннелям олимпийцев, — вступил в беседу Чо Ли — видимо, главный по техническим вопросам. — К примеру, почти все, что нам известно о квантовой гравитации, мы узнали за последние восемь стандартных месяцев.

— И что же вы узнали? — Хокенберри не надеялся понять научную сторону, просто моравеки впервые вызвали у него подозрения.

Ответил Ретроград Синопессен.

— Все, что мы узнали, — пророкотал он басом, который никак не вязался с видом трансформатора на паучьих ножках, — ужасно. Просто ужасно.

Что ж, это слово Хокенберри понял.

— Потому что квантовая чего-то-там нестабиль-

на? Если я верно понял Орфу и Манмута, это было известно до их отправки на Марс. Все оказалось настолько хуже?

— Дело в другом, — сказал Астиг/Че. — Мы начинаем осознавать, каким образом силы, которые стоят за так называемыми богами, используют энергию квантовых полей.

Силы, которые стоят за богами. Хокенберри отметил про себя странное выражение, однако решил не отвлекаться.

— Как они ее используют? — спросил он.

— Вообще-то, олимпийцы используют волны-складки квантового поля, чтобы летать на своих колесницах, — ответил ганимедянин Сума IV; свет отражался и дробился в его фасетчатых глазах.

— А это плохо?

— Только в том смысле, что это как взрывать термоядерную бомбу, чтобы зажечь в доме электрическую лампочку, — женским голосом объяснил (или объяснила) Чо Ли. — Энергия, к которой они подключаются, практически неизмерима.

— Тогда почему боги до сих пор не выиграли войну? — спросил Хокенберри. — Похоже, ваша технология успешно их тормозит… Даже Зевса

с его эгидой.

На сей раз ответил роквекский главнокомандующий Бех бен Ади:

— Олимпийцы применяют лишь мизерную часть квантовой энергии, задействованной вокруг Илиона и Марса. Мы не уверены, что боги владеют технологией, стоящей за этой энергией. Они получили ее… взаймы.

— От кого? — У Хокенберри внезапно пересохло в горле. Интересно, есть ли в этом моравекском пузыре человеческая еда и питье?

— Вот это мы и собираемся выяснить на Земле, — сказал Астиг/Че.

— Но зачем нужен космический корабль?

— Прошу прощения? — мягко переспросил Чо Ли. — Вы знаете иной способ межпланетных путешествий?

— Тот же способ, каким вы вторглись на Марс, — сказал Хокенберри. — Воспользуйтесь дырами.

Астиг/Че покачал головой, совсем как Манмут:

— Между Землей и Марсом нет квантово-тунельных бран-дыр.

— Но вы же создали собственные дыры, чтобы попасть сюда из юпитерианского космоса и с Пояса, верно? — У Хокенберри уже раскалывалась голова. — Почему не сделать это снова?

— Манмут разместил наш приемопередатчик точно на квинкунксиальной позиции квантового потока Олимпа. На Земле или на околоземной орбите это сейчас сделать некому. Это одна из целей нашей экспедиции. На борт уже подняли транспондер, подобный предыдущему, только слегка усовершенствованный.

Хокенберри кивнул, не совсем понимая, с чем соглашается. Он мучительно пытался припомнить слово «квинкунксиальный». От «квинкункса», наверно? Это, случаем, не прямоугольник с точкой посередине? Или что-то насчет листьев и лепестков? Он знал только, что это связано с числом пять.

Астиг/Че чуть подался вперед:

— Доктор Хокенберри, вы позволите обрисовать вам в общих чертах, почему нас тревожит столь легкомысленное обращение с квантовой энергией?

«Экие манеры», — подумал Хокенберри, слишком долго живший среди греков и троянцев, а вслух сказал:

— Прошу вас.

— Скажите, доктор, перемещаясь на протяжении более чем девяти лет между Илионом и Олимпом, вы не замечали разницы в силе при-

тяжения?

— Ну… да… конечно… на Олимпе я всегда чувствовал себя немного легче. Еще до того, как понял, что это Марс, а понял я это только после того, как появились вы. И что? Так ведь и должно быть? На Марсе же сила тяжести меньше, чем на Земле?

— Намного меньше, — пропищал Чо Ли, словно птичка или свирель Пана. — Примерно три целых семьдесят две сотых метра в секунду за секунду.

— Переведите, — попросил Хокенберри.

— Это тридцать восемь процентов земного гравитационного поля, — сказал Ретроград Синопессен. — А вы перемещались — точнее говоря, квант-телепортировались между Землей и Олимпом каждый день. Заметили вы разницу силы тяжести в шестьдесят два процента, доктор Хокенберри?

— Пожалуйста, зовите меня Томасом, — рассеянно сказал Хокенберри. «Шестьдесят два процента? Да я бы летал, как воздушный шар… прыгал бы на двадцать ярдов. Бред».

— Вы не наблюдали разницы, — без вопросительной интонации произнес Астиг/Че.

— В целом да, — согласился Хокенберри.

После долгого дня наблюдений за ходом Тро-

янской войны он каждый раз ощущал некую легкость в походке — и не только на Олимпе, но и в казарме у подножия. И любой груз тоже становился немного легче. Однако шестьдесят два процента? Ну уж нет.

— Разница была, — добавил он, — но не такая большая.

— Вы не замечали большой разницы, доктор Хокенберри, потому что сила тяжести на Марсе, где вы прожили последние десять лет, а мы воюем последние восемь стандартных месяцев, составляет девяносто три целых восемьсот двадцать одну тысячную нормальной земной.

Хокенберри поразмыслил над услышанным.

— И что? — сказал он наконец. — Боги подправили силу тяжести, пока снабжали планету воздухом и океанами. Они ведь, в конце концов,*боги*.

— Они представляют собою нечто, — согласился Астиг/Че, — но только не то, чем кажутся.

— Неужели поменять силу тяжести на планете — такое большое дело? — спросил Хокенберри.

Наступила тишина. Хотя моравеки не переглядывались, Хокенберри чувствовал: сейчас они оживленно обсуждают по радио- или другой связи: «Как объяснить это идиоту-человеку?»

В конце концов Сума IV сказал:

— Это*очень* большое дело.

— Куда большее, чем терраформировать планету, подобную изначальному Марсу, менее чем за полтора столетия, — пискнул Чо Ли. — Что само по себе невозможно.

— Сила тяжести равна массе, — сказал Ретроград Синопессен.

— Правда? — Хокенберри понимал, каким дураком себя выставляет, однако ему было наплевать. — Я всегда думал, это то, что удерживает вещи внизу.

— Сила тяжести — это воздействие массы на пространство-время, — продолжал серебристый паук. — Плотность сегодняшнего Марса превышает плотность воды в три целых девяносто шесть сотых раза. Тогда как прежде — немногим больше ста лет назад, то есть до терраформирования, — это соотношение было три целых девяносто четыре сотых.

— Вроде как не очень большая разница, — сказал Хокенберри.

— Да, — подтвердил Астиг/Че. — И это никоим образом не объясняет увеличения силы тяжести почти на шестьдесят пять процентов.

— Кроме того, гравитация — это еще и ускоре-

ние, — музыкально вывел Чо Ли.

Вот теперь Хокенберри перестал что-либо понимать. Он пришел узнать о полете на Землю и выяснить, зачем он им нужен, а не выслушивать лекции, как особенно тупой восьмиклассник.

— Итак, неизвестно кто, но не боги изменили притяжение Марса, — сказал он. — И вы считаете, что это очень большое дело.

— Это действительно очень большое дело, доктор Хокенберри, — ответил Астиг/Че. — Кто бы или что бы ни изменило силу притяжения Марса, оно владеет квантовой гравитацией. Дыры… как их теперь называют… представляют собой квантовые туннели, которые тоже воздействуют на гравитацию.

— Кротовые норы, — сказал Хокенберри. — Про них я знаю…

«Из „Стар трека“», — подумал он, но вслух этого не сказал.

— Черные дыры, — добавил он. — И белые дыры.

На этом его терминологические познания закончились. Впрочем, даже далекие от физики люди вроде старого доктора Хокенберри к концу двадцатого века в целом представляли, что Вселенная полна кротовин, соединяющих далекие

точки в этой и других галактиках, и что для путешествия по ним надо войти в черную дыру и выйти из белой. Или, может быть, наоборот.

Астиг/Че опять покачал головой, как Манмут:

— Не кротовые норы. Бран-дыры. От слова «мембрана». Судя по всему, постлюди с околоземной орбиты использовали черные дыры для создания очень недолговечных кротовин, но бран-дыры — это не кротовины. Как вы помните, между Илионом и Марсом осталась лишь одна бран-дыра, остальные утратили стабильность и пропали.

— Если бы вы попытались пройти сквозь кротовую нору или черную дыру, то сразу бы умерли, — вставил Чо Ли.

— Спагеттифицировались, — уточнил генерал Бех бен Ади со странным удовольствием в голосе.

— Спагеттификация означает… — начал Ретроград Синопессен.

— Спасибо, я в общих чертах понял, — сказал Хокенберри. — Короче говоря, изменение гравитации плюс появление квантовых бран-дыр делают противника страшнее, чем вы боялись.

— Да, — подтвердил Астиг/Че.

— И вы посылаете здоровенный корабль на

Землю выяснить, кто сотворил эти дыры, терраформировал Марс и, возможно, создал богов.

— Да.

— И желаете, чтобы я полетел с вами.

— Да.

— Зачем? — спросил Хокенберри. — Что я могу?.. — Тут он осекся и прикоснулся к тяжелому кругляшу на цепочке, упрятанному под туникой. — Квит-медальон.

— Да, — сказал Астиг/Че.

— Когда вы только явились, то брали у меня эту штуку на целых шесть дней. Я уже не надеялся получить ее обратно. И вы взяли у меня кучу анализов… кровь, ДНК, полный набор. Я думал, вы наштамповали уже тысячу квит-медальонов.

— Если бы мы сумели изготовить хотя бы дюжину… полдюжины… да что там — одну копию, — прорычал генерал Бех бен Ади, — война с богами уже завершилась бы, а наши силы заняли бы Олимп.

— Скопировать квит-медальон невозможно, — сказал Чо Ли.

— Почему? — Голова у Хокенберри раскалывалась.

— Квит-медальон подогнан под ваше тело и разум, — сообщил Астиг/Че звучным голосом

Джеймса Мейсона. — Или ваше тело и разум… подогнаны… для работы с медальоном.

Хокенберри обдумал услышанное, затем еще раз потрогал медальон и покачал головой:

— Как-то странно. Понимаете, это не штатное снаряжение схолиаста. Нам полагалось являться в условленные места, и боги сами квитировали нас на Олимп. Что-то вроде «Поднимай меня, Скотти»[9], если вы понимаете, о чем я. Хотя вряд ли…

— Мы вас отлично понимаем, — произнес трансформатор на серебристых паучьих лапках не толще миллиметра. — Обожаю этот сериал. Особенно исходную версию. У меня он весь записан… Мне всегда было интересно, существовала ли между капитаном Кирком и мистером Споком тайная физически-романтическая связь.

Хокенберри хотел было ответить, потом не стал.

— Послушайте… — сказал он наконец. — Афродита дала мне медальон, чтобы я шпионил за Афиной и убил ее. Но это было через девять лет после того, как я начал работать схолиастом и

---

[9] Примечания: 9

«Поднимай меня, Скотти» («Beam me up, Scotty») — распространенная версия фразы из телесериала «Стар трек», на самом деле звучавшей: «Поднимайте нас, мистер Скотт».

курсировать между Илионом и Олимпом. Как мое тело могли «подогнать» под медальон, когда никто не знал заранее, что…

Хокенберри остановился. Теперь, помимо головной боли, он чувствовал еще и дурноту. Может, что-то с воздухом?

— Вас изначально… реконструировали… для работы с этим квит-медальоном, — сказал Астиг/Че. — Точно так же, как богов запрограммировали квитироваться по собственной воле. Мы в этом уверены. Вероятно, ответ на вопрос «почему» находится на Земле либо на земной орбите в одном из сотен тысяч постчеловеческих устройств и городов.

Хокенберри откинулся на спинку стула. Когда все садились за стол, он отметил, что спинка есть только у его стула. В этом моравеки проявили удивительную заботу.

— Вот почему вы хотите взять меня в экспедицию. Чтоб я мог квитироваться с корабля, если что-то пойдет не так. Для вас я вроде сигнального буя, какие в мое время имелись на каждой подводной ядерной лодке. Их выбрасывали на поверхность, только если припрет.

— Да, — сказал Астиг/Че. — Именно поэтому мы просим вас отправиться с нами.

Хокенберри моргнул:

— Что ж, хотя бы честно… Этого у вас не отнимешь. Каковы цели экспедиции?

— Цель первая — разыскать источник квантовой энергии, — сказал Чо Ли. — И по возможности отключить. Он угрожает всей Солнечной системе.

— Цель вторая — установить контакт с любыми уцелевшими представителями человечества или постчеловечества на планете либо на ее орбите, дабы выяснить у них мотивы, стоящие за взаимоотношениями Олимпа и Трои, а также связанными с ними квантовыми манипуляциями, — добавил маслянисто-серый ганимедянин Сума IV.

— Цель третья — закартировать существующие и любые дополнительные скрытые квантовые туннели — бран-дыры — и проверить их на возможность использования для межпланетных или межзвездных путешествий, — сказал Ретроград Синопессен.

— Цель четвертая — найти инопланетные сущности, которые четырнадцать веков назад вторглись в нашу Солнечную систему, реальных богов за спинами карликов-олимпийцев, и призвать их к благоразумию, — изрек генерал

Бех бен Ади, — а если уговоры не подействуют — уничтожить.

— Цель пятая, — негромко, по-британски растягивая слова, произнес Астиг/Че, — возвратить на Марс всю команду до единого моравека и человека… живыми и способными функционировать.

— Наконец хоть что-то в моем вкусе, — пробормотал Хокенберри.

Сердце у него стучало, а головная боль перешла в мигрень, какой у него не случалось со времен магистратуры — самой тяжкой полосы его прошлой жизни. Он встал.

Моравеки сразу же поднялись.

— Сколько у меня времени на размышления? — спросил Хокенберри. — Если собираетесь лететь через час, то я не с вами. Мне надо как следует все обдумать.

— На подготовку и оснащение судна уйдет еще двое суток, — сказал Астиг/Че. — Хотите подождать здесь? Мы оборудовали для вас удобное место в тихом уголке…

— Я хочу вернуться в Трою, — перебил Хокенберри. — Там лучше думается.

— Мы подготовим шершень к немедленной отправке, — ответил Астиг/Че. — Только, боюсь, на Илионской равнине сейчас не очень спо-

койно, судя по данным, которые поступают по мониторам.

— Ну вот, так всегда, — сказал Хокенберри. — Стоит отлучиться на пару часов, пропустишь самое интересное.

— Не исключено, что события на Олимпе и в Трое увлекут вас настолько, что вам не захочется улетать, доктор Хокенберри, — произнес Ретроград Синопессен. — Я бы, безусловно, понял, если бы научный интерес к «Илиаде» вынудил вас остаться и продолжить наблюдения.

Хокенберри вздохнул и покачал раскалывающейся головой:

— Что бы ни происходило сейчас между Илионом и Олимпом, это уже точно не «Илиада». По большей части я настолько же беспомощен, как несчастная Кассандра.

Через выгнутую стену синего пузыря влетел шершень, завис над ними, затем беззвучно опустился и откинул трап. В проеме стоял Манмут.

Церемонно кивнув делегации моравеков, Хокенберри сказал:

— В ближайшие двое суток я сообщу вам о своем решении, — и пошел к трапу.

— Доктор Хокенберри! — окликнул его голос Джеймса Мейсона.

Хокенберри обернулся.

— Мы думаем взять в экспедицию одного грека или троянца, — сказал Астиг/Че. — И были бы очень признательны за совет.

— Зачем? — удивился Хокенберри. — В смысле, они же из бронзового века. Для чего вам тот, кто жил и умер за шесть тысяч лет до земной эпохи, куда вы направляетесь?

— Есть причины, — ответил Астиг/Че. — И все-таки чье имя первым приходит вам в голову?

«Елена Прекрасная, — подумал Хокенберри. — Подарите нам с ней романтический круиз на Землю, и полет окажется чертовски приятным». Он попробовал вообразить секс с Еленой в невесомости, но из-за головной боли не смог.

— Вам нужен воин? Герой?

— Не обязательно, — ответил генерал Бех бен Ади. — Мы берем с собой сто наших бойцов. Просто любой представитель эры Троянской войны, кто сможет принести какую-то пользу.

«Елена Прекрасная, — повторил про себя Хокенберри. — От нее большая…»

Он тряхнул головой и сказал:

— Лучше всего подойдет Ахиллес. Он, как вы знаете, неуязвим.

— Да, знаем, — подтвердил голосок Чо Ли. — Мы

тайно исследовали его и выяснили причины этой, как вы выражаетесь, неуязвимости.

— Мать, богиня Фетида, окунула его в реку… — начал Хокенберри.

— Вообще-то, — перебил Ретроград Синопессен, — на самом деле кто-то… или что-то… до невозможности искривил квантово-вероятностную матрицу вокруг мистера Ахиллеса.

— Ладно, — сказал Хокенберри, не поняв в этой фразе ни единого слова. — Так вам нужен Ахиллес?

— Ахиллес вряд ли согласится полететь с нами, вы не находите, доктор Хокенберри? — спросил Астиг/Че.

— Э-э-э… да. А вы не можете его заставить?

— Полагаю, это повлечет за собой больше риска, чем все опасности экспедиции на третью планету, вместе взятые, — пророкотал генерал Бех бен Ади.

«Роквек с чувством юмора?» — удился Хокенберри, а вслух сказал:

— Если не Ахиллес, то кто?

— Мы надеялись, что вы кого-нибудь предложите. Кого-нибудь отважного, но умного. Восприимчивого исследователя. Способного к диалогу. Гибкую личность, как у вас говорят.

— Одиссей, — без колебаний ответил Хокенберри. — Вам нужен Одиссей.

— Думаете ли вы, что он согласится? — спросил Ретроград Синопессен.

Хокенберри набрал в грудь воздуха.

— Если скажете, что в конце дороги его ждет Пенелопа, он пойдет с вами в огонь и воду.

— Мы не можем ему солгать, — возразил Астиг/Че.

— Я смогу, — сказал Хокенберри. — С радостью. Не знаю, полечу ли я с вами, но уж компанию Одиссея я вам обеспечу.

— Будем весьма благодарны, — ответил Астиг/Че. — В течение сорока восьми часов сообщите нам, пожалуйста, что вы надумали. Мы с нетерпением ждем положительного ответа.

Европеанин протянул руку с довольно-таки гуманоидной ладонью.

Хокенберри пожал ее и следом за Манмутом забрался в шершень. Трап поднялся. Невидимое кресло приняло пассажира в объятия. Они вылетели из голубого пузыря.

14

Расхаживая в нетерпении и ярости перед тысячей лучших своих мирмидонцев по берегу

у подножия Олимпа в ожидании, когда боги выставят очередного бойца, которого он убьет, быстроногий мужеубийца вспоминает первый месяц войны — время, которое троянцы и аргивяне по-прежнему называют Гневом Ахиллеса.

Тогда они квитировались с высот Олимпа легионами, эти боги, уверенные в своих энергетических полях и машинах, готовые прыгнуть в Медленное Время и спастись от ярости любого смертного, не ведая, что маленький механический народец — моравеки, новые союзники Ахиллеса, — припасли в ответ на божественные трюки собственные заклинания.

Аид, Арес и Гермес явились первыми, обрушились на боевые порядки троянцев и греков. Небо взорвалось. Силовые дуги полыхали огнем, так что вскоре ряды людей и богов превратились в купола, шпили и волны пламени. Море забурлило. Маленькие зеленые человечки бросились к своим фелюгам. Зевсова эгида содрогалась и подергивалась видимой рябью, поглощая мегатонный натиск моравеков.

Ахиллес смотрел только на Ареса и его соратников — закованного в черную бронзу багровоокого Аида и черноокого Гермеса в шипастых багровых доспехах.

— Научим смертных смерти! — вскричал Арес, бог войны, двенадцати футов ростом, устремляясь на аргивян.

Аид и Гермес ринулись за ним. Все три божественных копья не могли пролететь мимо цели.

Но все-таки пролетели. Ахиллесу не суждено было умереть в тот день. Как и в любой другой — от руки бога.

Одно бессмертное копье задело сильную правую руку быстроногого мужеубийцы, но даже не царапнуло его до крови. Второе вонзилось в красивый щит, однако выкованный богом слой поляризованного золота его блокировал. Третье отскочило от блестящего шлема, не оставив вмятины.

Три бога принялись метать ладонями силовые молнии. Нанополя Ахиллеса стряхивали миллионы вольт, как собака стряхивает воду.

Арес и Ахиллес столкнулись, точно две скалы, в ту самую минуту, когда две рати сошлись. Земля задрожала, сотни троянцев, греков и богов попадали с ног. Арес первым отступил на шаг. Он поднял свой красный меч, чтобы обезглавить смертного выскочку.

Ахиллес нырнул под клинок и пропорол бога войны насквозь. Его меч рассек божественные

латы, вскрыл олимпийский живот, и золотой ихор хлынул равно на смертного и бессмертного. Божественные внутренности вывалились на красную марсианскую почву. Изумление не дало Аресу упасть, ярость — умереть. Он просто смотрел, как его кишки, разматываясь, выскальзывают из живота на землю.

Ахиллес вскинул руку, ухватил Ареса за шлем, рывком потянул его вниз и вперед. Человеческая слюна брызнула на идеальное лицо бога.

— Сам попробуй смерть, трусливый истукан!

Потом, работая, словно рыночный мясник в начале долгого дня, он отрубил Аресу кисти, ноги выше колен и руки у плеч.

Черный ревущий циклон заклубился вокруг тела; прочие боги смотрели ошалело, а голова Ареса продолжала вопить, даже когда Ахиллес уже отсек ее от туловища.

В ужасе от увиденного, но по-прежнему грозный, одинаково хорошо владеющий обеими руками, Гермес поднял второе копье.

Ахиллес метнулся вперед так быстро, что все решили, будто он телепортировался, ухватил божественное копье и рванул его на себя. Гермес потянул копье назад. Аид махнул мечом, целя Ахиллесу по коленям, но тот, высоко подпрыгнув,

избежал удара черной углеродистой стали.

Так и не сумев вырвать копье, Гермес отпрыгнул назад и попытался квитироваться прочь.

Моравеки раскинули вокруг сражающихся свое поле. Никто не мог квант-телепортироваться, пока не закончится бой.

Гермес выхватил кривой и жуткий клинок. Ахиллес отрубил ему руку у локтя, и кисть, по-прежнему сжимавшая меч, упала на красную землю Марса.

— Пощады! — вскричал Гермес, бросаясь на колени и обнимая Ахиллеса за пояс. — Пощады, умоляю!

— Не дождешься, — сказал Ахиллес и разрубил бога на кучу дрожащих, истекающих ихором кусков.

Аид отступал; его багровые очи наполнились ужасом. Меж тем другие боги квитировались в ловушку сотнями. Их встречали Гектор с троянскими полководцами, Ахиллесовы мирмидонцы и все греческие герои. Защитное поле моравеков не позволяло богам квитироваться обратно. Впервые на чьей-либо памяти боги, полубоги, герои и смертные, ходячие легенды и рядовой состав бились, можно сказать, почти на равных.

Аид переместился в Медленное Время.

Планета перестала вращаться. Воздух сгустился. Волны застыли, круто изогнувшись над каменистым берегом. Птицы замерли на лету. Аид тяжело отдувался и рыгал. Никто из смертных не мог за ним последовать.

Ахиллес переместился в Медленное Время вслед за ним.

— Это… не… возможно… — прохрипел Аид в тягучей, точно сахарный сироп, атмосфере.

— Умри, Смерть! — крикнул Ахиллес и вонзил копье своего отца Пелея в божественное горло под черными нащечными пластинами шлема; золотая струя ихора медленно хлынула в воздух.

Ахиллес оттолкнул в сторону изукрашенный черный щит Аида и пронзил мечом живот и позвоночник бога смерти. Умирая, Аид успел нанести удар, который расколол бы горы. Черное лезвие скользнуло по груди героя, не задев его. Ахиллесу не суждено было погибнуть в этот день — и ни в какой день от руки бессмертного. А вот Аиду суждено было умереть в этот день, пусть и временно по человеческим меркам. Он тяжко рухнул на землю, и чернота заклубилась вокруг него, пока он не исчез в обсидиановом смерче.

Манипулируя новой нанотехнологией без всякого сознательного усилия, терзая и без того

покореженные квантовые поля вероятностей, Ахиллес молниеносно покинул Медленное Время и влился в битву. Зевс квитировался с поля сражения. Другие олимпийцы бежали, от страха забыв поднять за собой эгиды. Магия моравеков, накачанная в кровь поутру, позволила Ахиллесу пробить их слабые энергетические щиты и устремиться в погоню по склонам Олимпа.

Тогда-то он и начал рубить богов и богинь по-настоящему.

Но это было в первые дни войны. Сегодня — через день после погребения Париса — ни один бог не вышел на бой.

Гектор — в Илионе, на троянской части фронта тихо; тысячами троянцев остался командовать младший брат Гектора Эней. Ахиллес совещается с ахейскими военачальниками, а также с моравекскими артиллеристами. Они обсуждают план атаки на Олимп.

Замысел прост. Ядерные и энергетические орудия моравеков активируют эгиду на нижних склонах, а тем временем Ахиллес и пять сотен лучших ахейцев на тридцати транспортных шершнях пробьются сквозь силовой щит примерно в тысяче лиг дальше, на другой стороне Олимпа, добегут до вершины и предадут богов

огню и мечу в их собственных домах. Раненых ахейцев и тех, кто струсит биться в самой цитадели Зевса, шершни умчат обратно, как только исчезнет элемент неожиданности. Сам Ахиллес останется на вершине Олимпа, пока не превратит ее в покойницкую, а беломраморные храмы и жилища богов — в дымящиеся руины. В конце концов, когда-то, разгневавшись, Геракл в одиночку сокрушил стены Трои и захватил город, так отчего чертогам Олимпа быть нерушимыми?

Все утро Ахиллес ждал, что Агамемнон и его простоватый братец заявятся во главе оравы приспешников, чтобы вернуть себе власть над аргивской армией, снова втянуть людей в войну против людей и заручиться покровительством коварных, кровожадных богов. Однако бывший главнокомандующий с песьим взором и сердцем оленя пока не появлялся. Ахиллес решил убить его при первой же попытке мятежа. Его, рыжебородого юнца Менелая и любого, кто посмеет пойти за Атридами. Ахиллес уверен, что весть об обезлюдевших городах — всего лишь уловка Агамемнона, чтобы подстрекнуть трусливых данайцев к бунту.

Так что, когда центурион-лидер Меп Аху, роквек, отвечающий за артиллерию и энерге-

тическую бомбардировку, отрывает взгляд от карты, которую они вместе изучают под шелковым навесом, и говорит, что его бинокулярное зрение различило странного вида армию, выходящую из Дыры со стороны Илиона, Ахиллес не удивляется.

Впрочем, он все же удивляется несколько минут спустя, когда Одиссей — самый зоркий среди командиров, собравшихся под хлопающим навесом, — говорит:

— Это женщины. Троянки.

— Хочешь сказать, амазонки? — переспрашивает Ахиллес, выступая под солнце Олимпа.

Час назад Антилох, сын речистого Нестора, старый друг Ахиллеса по бесчисленным схваткам, примчался на колеснице в ахейский стан, рассказывая всем и каждому о приезде тринадцати амазонок и клятве Пентесилеи убить Ахиллеса в единоборстве.

Быстроногий мужеубийца легко рассмеялся тогда, обнажив идеальные зубы. Можно подумать, он для того воевал десять лет, для того разбил десять тысяч троянцев и десятки богов, чтобы испугаться женской похвальбы.

Одиссей качает головой:

— Их около двух сотен, и все в дурно пригнан-

ных доспехах, сын Пелея. Это не амазонки. Они слишком толстые, низкорослые и старые, некоторые почти калеки.

— Изо дня в день, — ворчит Диомед, сын Тидея, владыка Аргоса, — нас затягивает все глубже в бездну безумия.

Тевкр, незаконнорожденный искусный лучник и единокровный брат Большого Аякса, говорит:

— Не выставить ли пикеты, благородный Ахиллес? Пусть остановят баб, какая бы дурь их сюда ни привела, и отведут обратно к ткацким станкам.

— Нет, — говорит Ахиллес. — Пойдем к ним навстречу, узнаем, что побудило женщин впервые пройти в Дыру к Олимпу и нашему лагерю.

— Может, они разыскивают Энея и своих троянских мужей, разбивших стан в нескольких лигах слева от нас? — предполагает Большой Аякс Теламонид, предводитель армии саламитов, которая этим марсианским утром защищает левый фланг мирмидонцев.

— Возможно. — В голосе Ахиллеса звучит насмешка, легкое раздражение, но ни капли убежденности.

Он идет вперед в бледных лучах марсианского дня, за ним тянутся ахейские цари, полководцы

и самые верные воины.

Перед ними и впрямь беспорядочная толпа троянок. Ярдах в ста от них Ахиллес останавливается в окружении пятидесяти с чем-то героев и ждет. Женщины приближаются, лязгая бронзой и громко вопя. Быстроногий морщится: гогочут, словно гусыни.

— Видишь среди них кого-нибудь из благородных? — спрашивает Ахиллес у зоркого Одиссея, покуда они дожидаются, когда лязгающая толпа преодолеет последние ярдов сто разделяющей их багровой почвы. — Жену или дочь прославленного героя? Андромаху, Елену, неистовоокую Кассандру, Медезикасту или почтенную Кастианиру?

— Ни единой из них, — быстро отвечает Одиссей. — Достойных там нет, ни по рождению, ни по супружеству. Я узнаю одну лишь Гипподамию — рослую, с копьем и старым длинным щитом вроде того, что у Большого Аякса, — да и то лишь потому, что она гостила у нас на Итаке с мужем, дальностранствующим троянцем Тисифоном. Пенелопа водила ее по саду, а потом жаловалась: баба, дескать, кислая, как недозрелый гранат, и не умеет радоваться красоте.

Ахиллес уже и сам видит женщин.

— Сама она точно красотой не радует, — говорит он. — Филоктет, ступай вперед, останови их и спроси, что им нужно на поле битвы с богами.

— А почему я, сын Пелея? — скулит престарелый лучник. — После вчерашней клеветы на погребении Париса не думаю, что мне следует…

Ахиллес оборачивается, строго глядит на него, и Филоктет умолкает.

— Я с тобой. Подсоблю, если что, — рокочет Большой Аякс. — Тевкр, давай с нами. Двое лучников и один искусный копейщик сумеют ответить этой ораве баб, даже если они станут еще страшнее, чем сейчас.

И все трое идут прочь от Ахиллеса и его спутников.

Дальнейшее происходит очень быстро.

Тевкр, Филоктет и Аякс останавливаются в двадцати шагах от запыхавшихся, с грехом пополам вооруженных женщин. Бывший предводитель фессалийцев и бывший изгнанник выступает вперед с легендарным луком Геракла в левой руке, подняв правую ладонь в знак мира.

Молодая женщина справа от Гипподамии швыряет копье. Это невероятно, немыслимо, но оно попадает Филоктету — пережившему десять лет ядовитой язвы и гнев богов — прямо в грудь, чуть

повыше легкого доспеха лучника. Острие проходит насквозь, рассекает позвоночник, и Филоктет безжизненно валится наземь.

— Убить суку! — в ярости кричит Ахиллес, устремляясь вперед и вытаскивая из ножен меч.

Тевкр, осыпаемый градом наудачу брошенных копий и плохо нацеленных стрел, не нуждается в подобных приказах. С неуловимой для смертного глаза быстротой он запускает руку в колчан, полностью натягивает тетиву и всаживает стрелу в горло убийце Филоктета.

Гипподамия с двумя или тремя десятками спутниц приближаются к Большому Аяксу. Одни потрясают пиками, другие неуклюже пытаются двумя руками поднять тяжелые мечи отцов, мужей или сыновей.

Аякс Теламонид всего лишь мгновение смотрит на Ахиллеса с некоторым даже весельем, затем поднимает свой длинный меч и, одним небрежным ударом отбросив меч и щит Гипподамии, сносит ей голову — как будто срубает сорняк во дворе. Другие женщины, остервеневшие настолько, что уже ничего не боятся, кидаются на двух воинов. Тевкр пускает стрелу за стрелой, целя в глазницы, бедра, колышущиеся груди, а несколькими секундами позже — в спины бегущих.

Большой Аякс приканчивает тех, кому недостало ума удрать, — шагает между ними, точно взрослый среди малышни, оставляя за собой трупы.

К этому времени подбегают Ахиллес, Одиссей, Диомед, Нестор, Хромий, Малый Аякс, Антилох и другие, но около сорока женщин уже мертвы или умирают на алой земле, залитой алой кровью. Слышны мучительные вскрики. Остальные женщины бегут к Дыре.

— Во имя Аида, что это было? — говорит Одиссей, приближаясь к Большому Аяксу меж разбросанными телами, лежащими в изящных и не очень, но совершенно знакомых Одиссею позах, свидетельствующих о насильственной смерти.

Сын Теламона ухмыляется. Его лицо перепачкано, меч и доспехи залиты кровью.

— Не в первый раз убиваю женщин, — сообщает великан. — Но клянусь богами, впервые с таким удовольствием.

Из-за спин товарищей выходит, прихрамывая, Фесторид Калхас — верховный птицегадатель.

— Это нехорошо, — изрекает он. — Дурно это. Очень дурно.

— Заткнись, — обрывает его Ахиллес.

И глядит из-под ладони на Дыру, в которой как раз исчезают последние женщины; впрочем,

вместо них оттуда появляется маленькая группа более крупных фигур.

— А это еще что? — спрашивает сын Пелея и богини Фетиды. — На кентавров похоже. Может, мой старый наставник и друг Хирон явился нам на подмогу?

— Нет, не кентавры, — отзывается зоркий и сообразительный Одиссей. — Другие женщины. Верхом.

–*Верхом?* — переспрашивает Нестор, щуря старческие глаза. — Не в колесницах?

— На лошадях, словно всадники из древних времен, — говорит Диомед; теперь он тоже их разглядел.

В нынешние времена никто не ездит верхом, коней запрягают в колесницы. Хотя однажды — еще до перемирия — Одиссей и Диомед во время ночной вылазки спаслись из пробуждающегося троянского стана, ускакав без седла на распряженных колесничных конях.

— Амазонки, — говорит Ахиллес.

15

Храм Афины. Тяжело дыша, с пунцовым лицом, Менелай надвигается на Елену. Та стоит на коленях, опустив бледное лицо и обнажив еще

более бледные груди. Муж грозно нависает над ней. Поднимает меч. Ее белая шея, тонкая как тростинка, словно просится под удар. Многократно заточенное лезвие без усилия рассечет кожу, мясо, кости…

Менелай замирает.

— Не медли, супруг мой, — шепчет Елена почти без дрожи в голосе.

Менелай видит, как отчаянно бьется жилка у основания левой груди — тяжелой, в рисунке синих вен. Видит — и сжимает рукоять обеими руками.

Но пока не опускает клинка.

— Будь ты проклята, — хрипит Менелай. — Будь ты проклята.

— Да, — шепчет Елена, глядя в пол.

Над ними, в насыщенной благовониями мгле, по-прежнему высится золотое изваяние Афины.

Менелай с яростью душителя сжимает рукоять меча. Его руки дрожат от двойного напряжения — готовности обезглавить жену и усилия держать меч на весу.

— С чего мне тебя щадить, вероломная сука? — шипит он.

— Не с чего, муж мой. Я вероломная сука. И больше ничего. Покончи с этим. Исполни свой

праведный приговор.

–*Не смей называть меня мужем*, чтоб тебе!

Елена поднимает голову. Об этих ее темных глазах Менелай грезил больше десяти лет.

— Ты мой муж. Единственный. И был им всегда.

От боли, пронзившей сердце, Менелай чуть не убивает ее. По его лбу стекает пот и капает на простое платье Елены.

— Ты бросила меня… Меня и нашу дочь… Ради этого… Хлыща. Молокососа.

— Да. — Елена вновь опускает лицо.

Менелай видит знакомую родинку на ее шее, как раз там, куда придется удар.

— Почему? — произносит он наконец.

Это последнее, что он скажет, прежде чем убьет изменщицу… или простит… или — то и другое сразу.

— Я заслуживаю смерти, — шепчет она. — За вину перед тобой, перед дочерью, перед нашей Спартой. Но я не по собственной воле покинула наш спартанский дворец.

Менелай стискивает зубы так, что и сам слышит их скрежет.

— Ты был далеко, — шепчет Елена, его жена, мучительница, вероломная сука, мать его

ребенка. — Ты вечно куда-то уезжал со своим любимым братцем. На охоту. На войну. По бабам. На грабежи. Вы с Агамемноном были настоящей неразлучной четой, а я — свиноматкой. Когда Парис, этот хитрец, коварный, как Одиссей, но без его мудрости, взял меня силой, поблизости не оказалось мужа, что защитил бы свое.

Менелай тяжело дышит через рот. Меч как будто шепчет ему, словно живое создание, требуя крови. В голове ревут бессчетные голоса, почти заглушая тихие слова Елены. Один лишь призрак ее голоса мучил его четыре тысячи ночей, а теперь приводит в неистовство, выходящее за пределы безумия.

— Я раскаиваюсь, — говорит Елена, — хоть это теперь и не важно. Молю о прощении, но и это пустое. Сказать ли тебе, как часто в последние десять лет я поднимала меч или вязала петлю, однако мои рабыни, шпионки Париса, не давали исполнить задуманное, требуя думать не о себе, а о дочери. Похищение и долгий троянский плен были делом Афродиты, а не моим, о муж. Так освободи же меня могучим взмахом привычного меча. Убей меня, дорогой Менелай. Передай нашей дочери, что я любила ее и люблю по сей день. И знай, что я любила тебя и люблю.

Менелай с криком роняет меч, падает на колени рядом с женой и рыдает как дитя.

Елена снимает с него шлем, кладет ладонь ему на затылок и привлекает лицо мужа к своей обнаженной груди. Нет, она не улыбается. Ей не до улыбок. Короткая рыжая борода колется, слезы и жаркое дыхание обжигают грудь, на которой лежали Парис, Хокенберри, Деифоб и другие с тех давних пор, как Менелай касался ее в последний раз.

«Вероломная сука, — думает Елена Прекрасная. — Все мы такие».

Ей не приходит мысль, что это победа. Елена готова была умереть. Она ужасно, ужасно устала.

Менелай встает, сердито вытирает с рыжих усов слезы и сопли, поднимает с пола меч и толкает его обратно в ножны.

— Отбрось свой страх, жена. Что сделано, того не воротишь. На тебе вины нет, она на совести Париса и Афродиты. Там, возле алтаря, я видел одеяния храмовой девы. Возьми их, и мы навеки оставим этот проклятый город.

Елена встает, опирается, чтобы не упасть, на плечо мужа под львиной шкурой (раз она видела, как Диомед в этой шкуре рубил троянцев), молча надевает белый плащ и белое кружевное

покрывало.

Они вместе выходят в город.

Ей трудно поверить, что она покидает Илион. После более чем десяти лет просто выйти из Скейских ворот, оставив все позади? А как же Кассандра? Их общие с Андромахой и другими замыслы? Война с богами, которую она помогла развязать? И даже как насчет бедного печального Хокенберри?

Душа ее взвивается к небу, словно отпущенная на волю храмовая голубка, когда Елена понимает, что это больше не ее заботы. Она отплывет в Спарту с законным мужем. Она скучала по Менелаю, по его… простоте… И она увидит дочь, уже взрослую. Прошедшие десять лет превратятся в дурной сон. Она вступит в последнюю четверть жизни, такая же прекрасная, разумеется, по воле богов, не по своей. Ее приговор отсрочен во всех смыслах.

Муж и жена бредут по улице, точно во сне. Тут начинают звонить колокола, дозорные трубят в рога, кричат глашатаи. В городе разом поднимается тревога.

Менелай глядит на Елену из-под нелепого шлема с клыками вепря. Та смотрит на него сквозь покрывало храмовой девы. За несколько секунд

они успевают прочесть в глазах друг друга и страх, и смятение, и даже мрачную усмешку над иронией происходящего.

Скейские ворота закрыты и заперты. Ахейцы снова напали на город. Троянская война продолжается.

Они в ловушке.

16

— А можно осмотреть корабль? — спросил Хокенберри, когда шершень вынырнул из голубого пузыря в кратере Стикни и начал подниматься навстречу красному диску Марса.

— Тот, что летит на Землю? — уточнил Манмут и, дождавшись кивка, произнес: — Конечно.

Моравек передал команду шершню, тот развернулся, обогнул пусковую башню и снова пошел вверх вдоль очень длинного, сочлененного космического судна, пока не поравнялся с люком ближе к верхушке.

Хокенберри хочет осмотреть корабль, по фокусированному лучу сообщил Манмут Орфу с Ио.

Мгновение на линии грохотали помехи, затем послышалось:

Ну и в чем загвоздка? Мы просим его рисковать жизнью в этом полете. Пусть поглядит, если

ему интересно. Астиг/Че и прочие могли бы сами предложить небольшую экскурсию.

— Какова длина корабля? — вполголоса спросил Хокенберри.

Сквозь голографические окна ему казалось, что корпус уходит вниз на многие мили.

— В вашем двадцатом веке было такое здание — Эмпайр-стейт-билдинг. Корабль примерно такой же высоты, только круглее и толще местами.

Он точно не бывал в невесомости, передал Манмут. *Притяжение Фобоса его дезориентирует.*

Замещающие поля готовы, отрапортовал Орфу. *Я установлю их на восемь десятых g и нормальное земное давление. Пока вы доберетесь до переднего шлюза, на борту будет удобно и легко дышать.*

— А он не слишком велик для миссии, которую мы обсуждали? — спросил Хокенберри. — Даже если разместить тут сотни роквеков, все равно останется уйма лишнего места.

— Возможно, мы что-нибудь захотим прихватить с Земли, — ответил Манмут.*Орфу, ты где?*

Сейчас — в нижнем трюме, но я встречу вас в отсеке больших поршней.

— Что-нибудь вроде горных пород? Образцов почвы? — спросил Хокенберри.

Когда люди впервые высадились на Луну, он

был подростком. Нахлынули воспоминания. Задний двор родительского дома. Крохотный телевизор на столе для пикника, провод удлинителя тянется к летнему домику. На экране — призрачные черно-белые снимки Моря Спокойствия. И где-то над головой, сквозь крону дуба, виден сам месяц.

— Что-нибудь вроде людей, — ответил Манмут. — Тысячи, а то и десятки тысяч человек. Держись, мы идем на стыковку.

Он беззвучно велел голографическим иллюминаторам отключиться. Стыковка с вертикальным корпусом под прямым углом на высоте более тысячи футов — зрелище не из приятных, тут у кого угодно голова закружится.

Во время осмотра Хокенберри почти не задавал вопросов, а говорил и того меньше. Он-то воображал технологии, превосходящие всякое воображение: виртуальные панели управления, исчезающие по мысленному приказу, кресла, сконструированные из энергетических полей, обстановку, рассчитанную на невесомость — без малейшего намека на верх или низ, — а вместо этого словно попал на гигантский пароход конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Внезапно он понял, на что это похоже. На экскурсию

по «Титанику».

Все элементы управления были физические, из металла и пластика, как и кресла, рассчитанные, видимо, на команду из примерно тридцати моравеков (пропорции у них были не вполне человеческие), и отсеки с металло-нейлоновыми койками вдоль переборок. Целые уровни были заняты высокотехнологическими саркофагами для тысячи солдат-роквеков, которые, как объяснил Манмут, проведут все путешествие в состоянии не то чтобы смерти, но и не в сознании. В отличие от их полета на Марс, сказал моравек, теперь они отправляются вооруженными и готовыми к бою.

— Анабиоз, — кивнул Хокенберри.

Все-таки он иногда посматривал научно-фантастические фильмы. У них с женой под конец и кабельное телевидение было.

— Не совсем, — ответил Манмут. — Но типа того.

Вокруг были трапы, широкие лестницы, лифты и прочие механические анахронизмы. Шлюзовые камеры, лаборатории, оружейные отсеки… Мебель — да, здесь даже стояла мебель — была большой и громоздкой, как будто никого не заботил лишний вес. Из астрогационных пузырей управления открывался вид на борта кратера

Стикни, вверх на Марс и вниз, на огни пусковой башни и суетящихся моравеков. Имелись кают-компании, камбузы, спальные каюты и душевые. Все это, как торопливо объяснил Манмут, предназначалось для пассажиров-людей, буде они появятся.

— И сколько пассажиров-людей сюда влезет? — спросил Хокенберри.

— До десяти тысяч, — ответил Манмут.

Хокенберри присвистнул.

— Так это своего рода Ноев ковчег?

— Нет, — сказал маленький европеанин. — Судно Ноя имело триста локтей в длину, пятьдесят в ширину и тридцать в высоту, что означает соответственно четыреста пятьдесят, семьдесят пять и сорок пять футов. У Ноева ковчега было три палубы общей вместимостью миллион четыреста тысяч кубических футов и грузоподъемностью тринадцать тысяч девятьсот шестьдесят тонн. Этот корабль в два с лишним раза длиннее, в полтора раза шире, хотя, как ты видишь, в некоторых секциях — жилой и грузовой — он раздувается еще больше, а его масса — сорок шесть тысяч тонн. Ноев ковчег был по сравнению с ним лодочкой.

Хокенберри не нашелся, что сказать в ответ.

Манмут пригласил его в маленькую стальную клетку лифта, и они начали спускаться палуба за палубой, мимо трюма, где, как объяснил Манмут, разместится его европеанская подлодка «Смуглая леди», и того, что моравек назвал зарядным погребом. В этом сочетании Хокенберри почудилось что-то военное, но он убедил себя, что такого не может быть, да и вообще решил оставить вопросы на потом.

Орфу с Ио встретил их в машинном отделении, которое называл отсеком больших поршней. Хокенберри выразил радость, что видит ионийца с полным набором ног и сенсоров (хотя и без глаз), и они немного поговорили о Прусте и скорби, прежде чем экскурсия возобновилась.

— Даже не знаю, — начал наконец Хокенберри. — Вы как-то рассказывали о корабле, на котором летели с Юпитера, и я понимал, что речь о технологиях, превосходящих мое разумение. А здесь все выглядит… как будто…

Орфу громко зарокотал. Когда он заговорил, Хокенберри не в первый раз подумалось, что в голосе большого моравека звучат фальстафовские интонации.

— На твой взгляд, это, вероятно, напоминает машинное отделение «Титаника», — сказал Орфу.

— Ну да. А что, так и задумано? — Хокенберри очень старался не выставить себя еще большим невеждой, чем это было на самом деле. — Я хочу сказать, ваши моравекские технологии создавались на три тысячи лет позже «Титаника»… или даже моей смерти в начале двадцать первого века. Почему же вот это все?..

— Потому что корабль выстроен в основном по чертежам середины двадцатого столетия, — пророкотал Орфу с Ио. — Нашим инженерам требовалось что-нибудь быстрое и грубое, способное доставить нас на Землю как можно скорее. В данном случае примерно за пять недель.

— Однако вы с Манмутом говорили, что проскочили расстояние от Юпитера до Марса за считаные дни, — сказал Хокенберри. — Вы упоминали боровые солнечные паруса, термоядерные двигатели… много непонятных мне терминов. Тут такое есть?

— Нет, — ответил Манмут. — Тогда мы воспользовались энергией потоковой трубы Юпитера и линейным ускорителем на юпитерианской орбите — устройством, которое наши инженеры разрабатывали два с лишним столетия. Здесь, на марсианской орбите, ничего такого нет. Корабль пришлось строить с нуля.

— Но почему двадцатый век? — спросил Хокенберри, озираясь по сторонам.

Блестящие ведущие валы с гигантскими поршнями уходили под самый потолок, на высоту шестидесяти или семидесяти футов. Все это и впрямь походило на машинное отделение «Титаника» из фильма, только в увеличенном масштабе: больше поршней, больше сияющей бронзы, железа и стали. Больше рычагов. Больше клапанов. Что-то похожее на исполинские амортизаторы. И манометры, которые по виду измеряли давление пара в котле, а не что-то в термоядерном реакторе или чем-то таком. Пахло железом и машинным маслом.

— У нас были чертежи, — сказал Орфу. — Было сырье: что-то завезли с Пояса астероидов, что-то добыли здесь, на Фобосе и Деймосе. Были импульсные единицы…

Он запнулся.

— Что такое импульсные единицы? — спросил Хокенберри.

Болтун — находка для шпиона, передал по лучу Манмут.

Что я слышу? Ты хотел, чтобы я утаил от него их присутствие? — спросил Орфу.

Э-э-э… да. По крайней мере, пока мы не окажем-

ся на миллионы миль ближе к Земле. Желательно с этим человеком на борту.

Он мог бы уже на взлете заметить необычный эффект и проявить любопытство, передал Орфу с Ио.

— Импульсные единицы — это… маленькие ядерные устройства, — сказал Манмут вслух. — Атомные бомбы.

— Атомные бомбы? — переспросил Хокенберри. — Атомные*бомбы*? На этом корабле? Сколько?

— Двадцать девять тысяч семьсот — в зарядном погребе, мимо которого вы проезжали в лифте по дороге сюда, — ответил Орфу. — Еще три тысячи восемь запасных — в хранилище под машинным отделением.

— Итого тридцать две тысячи атомных бомб, — тихо сказал Хокенберри. — А вы основательно подготовились к драке, ребята.

Манмут замотал красно-черной головой:

— Импульсные единицы нужны в качестве пропеллента. Чтобы доставить нас на Землю.

Хокенберри поднял ладони, показывая, что ничего не понял.

— Вот эти большие штуковины, похожие на поршни… они и есть поршни, — сказал Орфу. — Во время полета мы будем выталкивать бомбочки

через отверстие в середине тяговой плиты у нас под ногами: по одной в секунду в течение первых часов, потом — по одной в час до конца полета.

— Импульсный цикл происходит следующим образом, — прибавил Манмут, — мы выбрасываем заряд (ты увидишь лишь облачко пара в космосе), впрыскиваем смазку, которая служит абляционной защитой плиты и сопла эжекторной трубы, бомба взрывается, и плазма ударяет в тяговую плиту.

— А она не развалится? — спросил Хокенберри. — Или весь корабль?

— Ни в коем разе, — ответил Манмут. — Ваши ученые разработали этот проект в пятидесятых. Плазма ударяет в плиту и приводит в движение огромные возвратно-поступательные поршни. Уже после нескольких сот взрывов корабль начнет набирать приличную скорость.

— А это?.. — Хокенберри положил руку на датчик, который выглядел в точности как манометр для измерения давления пара.

— Манометр, измеряющий давление пара, — ответил Орфу с Ио. — Рядом с ним манометр давления масла. Выше — стабилизатор напряжения. Вы правы, доктор Хокенберри: инженер с «Титаника» в тысяча девятьсот двенадцатом

году разобрался бы с устройством и управлением такого судна гораздо быстрее специалиста НАСА из вашего времени.

— Какова мощность бомб?

Сказать ему? — спросил Манмут.

Разумеется, ответил Орфу. *Поздновато водить нашего гостя за нос.*

— Каждый заряд имеет мощность чуть более сорока пяти килотонн, — сказал Манмут.

— Сорок пять каждый, всего двадцать четыре тысячи с чем-то бомб… — пробормотал Хокенберри. — Оставят ли они радиоактивный след от Марса до Земли?

— Это довольно чистые бомбы, — сказал Орфу. — Для ядерных бомб, я имею в виду.

— Какого они размера? — спросил Хокенберри.

Он понял, что в машинном отделении, видимо, жарче, чем на остальном корабле. Подбородок, верхняя губа и лоб у него покрылись каплями пота.

— Давайте поднимемся на уровень выше, — сказал Манмут и направился к винтовой лестнице, достаточно широкой даже для Орфу. — Это проще показать.

Новое помещение — примерно сто пятьдесят футов диаметром и семьдесят пять высотой

— почти целиком заполняли стойки с металлическими лотками, конвейерные ленты, храповые цепи и желоба. Манмут нажал огромную красную кнопку. Ленты, цепи, сортирующие устройства зажужжали, задвигались, перемещая сотни, а то и тысячи крохотных серебристых контейнеров, которые, на взгляд Хокенберри, выглядели банками кока-колы без этикеток.

— Такое впечатление, что мы внутри аппарата для продажи кока-колы, — неловко пошутил он, стараясь заглушить чувство обреченности.

— Компания «Кока-Кола», приблизительно тысяча девятьсот пятьдесят девятый год, — пророкотал Орфу с Ио. — Чертежи взяты с ее завода по розливу в городе Атланта, штат Джорджия.

— Бросаешь двадцать пять центов — получаешь баночку, — выдавил Хокенберри. — Только вместо колы сразу за хвостом корабля взрывается атомная бомба мощностью сорок пять килотонн. И так тысячи раз.

— Правильно, — согласился Манмут.

— Не совсем, — возразил Орфу с Ио. — Не забывайте, что речь о конструкции пятьдесят девятого года. Так что бросать нужно десять центов.

Иониец рокотал, пока серебристые банки на конвейерных лентах не задребезжали в своих

металлических кольцах.

Уже в шершне, летящем к растущему диску Марса, Хокенберри обратился к Манмуту:

— Забыл спросить… У него есть имя? У корабля, в смысле?

— Да, — ответил Манмут. — Некоторые из нас решили, что имя нужно. Сначала подумывали назвать его «Орионом»…

— Почему? — спросил Хокенберри, наблюдая в иллюминатор, как за кормой стремительно исчезает Фобос, кратер Стикни и огромный космолет.

— Так ваши ученые середины двадцатого века назвали проект корабля на бомбовом ходу. Однако в конце концов первичный интегратор, отвечающий за экспедицию к Земле, принял вариант, который предложили мы с Орфу.

— И какой же? — Хокенберри плотнее вжался в силовое кресло: шершень с ревом и шипением входил в марсианскую атмосферу.

— «Королева Маб», — сказал Манмут.

— «Ромео и Джульетта». Это было твое предложение, угадал? Ты ведь у нас любитель Шекспира.

— Как ни странно, название предложил Орфу, — ответил Манмут.

Они были уже в атмосфере и летели над вул-

канами Фарсиды по направлению к Олимпу и бран-дыре в Илион.

— А при чем тут корабль?

Манмут покачал головой:

— Орфу не стал ничего объяснять. Лишь процитировал Астигу/Че и прочим отрывок из пьесы.

— Какой?

— Вот этот:

> ***Меркуцио***
>
> *Все королева Маб. Ее проказы*[10].
>
> *Она родоприемница у фей,*
>
> *А по размерам – с камушек агата*
>
> *В кольце у мэра. По ночам она*
>
> *На шестерне пылинок цугом ездит*
>
> *Вдоль по носам у нас, пока мы спим.*
>
> *В колесах – спицы из паучьих лапок,*
>
> *Каретный верх – из крыльев саранчи,*
>
> *Ремни гужей – из ниток паутины,*
>
> *И хомуты – из капелек росы.*
>
> *На кость сверчка накручен хлыст из*

---

[10] Примечания: 10

Все королева Маб. Ее проказы. — У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт I, сц. 4. Перев. Б. Пастернака. В оригинале экипаж королевы Маб везет «a team of little atomi», т. е. упряжка крохотных невидимых существ, однако для современного читателя это звучит как «упряжка атомов».

пены,
Комар на козлах – ростом с червячка,
Из тех, которые от сонной лени
Заводятся в ногтях у мастериц.
Ее возок – пустой лесной орешек.
Ей смастерили этот экипаж
Каретники волшебниц – жук и белка.
Она пересекает по ночам
Мозг любящих, которым снятся нежность,
Горбы вельмож, которым снится двор,
Усы судей, которым снятся взятки,
И губы дев, которым снится страсть.
Шалунья Маб их сыпью покрывает
За то, что падки к сладким пирожкам.

...И так далее и тому подобное, — закончил Манмут.

— И так далее и тому подобное, — повторил Томас Хокенберри, доктор филологических наук.

Олимп заполнял собою все носовые иллюминаторы. По словам Манмута, высота вулкана над уровнем марсианского моря составляла всего шестьдесят девять тысяч восемьсот сорок один

фут — на пятнадцать тысяч футов меньше, чем считали люди во дни Хокенберри, но вполне внушительная… «Более чем достаточно», — подумал Хокенберри.

И там, на вершине — заросшей травою вершине, — под мерцающей эгидой, которая сейчас переливалась в лучах утреннего солнца, обитали живые существа. И не просто живые существа, а боги. Они воевали, дышали, ссорились, плели интриги, спаривались, не так уж сильно отличаясь от людей, знакомых Хокенберри по прошлой жизни.

И вдруг тяжелые тучи уныния, месяцами клубившиеся над головой Хокенберри, развеялись — как белые облака, которые сейчас уносил от вершины Олимпа северный ветер с океана, называемого морем Тетис. В этот миг Томас К. Хокенберри, д. ф. н., сполна ощутил простую и чистую радость быть живым. Отправится он в экспедицию или нет, он не поменялся бы местами ни с кем на каком угодно месте и в какой угодно эпохе.

Манмут повернул шершня к востоку от Олимпа, в сторону бран-дыры и Трои.

17

Пройдя силовое поле, окружавшее дом Одиссея на Итаке, Гера перенеслась прямиком на вершину Олимпа. Зеленые склоны и беломраморные здания с колоннами на берегу Кальдерного озера сияли в более слабых лучах более слабого солнца.

Поблизости материализовался колебатель земли Посейдон:

— Дело сделано? Громовержец уснул?

— Громовержец издает громовые раскаты своим храпом, — ответила Гера. — А на Земле?

— Все как мы задумали, о дочь Крона. Недели нашептываний и тайных советов Агамемнону и его военачальникам принесли плоды. Ахиллес, как всегда, бродит по красным долинам под нами, так что Атрид в эту минуту поднимает разгневанное большинство против мирмидонцев и других верных Ахиллесу войск, оставшихся в стане. Затем они направятся к стенам и открытым воротам Илиона.

— А троянцы?

— Гектор все еще отсыпается после ночного бдения у горящих костей брата. Эней по-прежнему здесь, у подножия Олимпа, но без Гектора

никаких действий против нас не предпринимает. Деифоб с Приамом обсуждают намерения амазонок.

— А Пентесилея?

— Менее часа назад проснулась и облачилась в доспехи для смертного боя с Ахиллесом, и двенадцать ее спутниц тоже. Недавно они под приветственные крики горожан покинули город и только что миновали бран-дыру.

— Паллада Афина с ними?

— Я здесь. — Блистая златыми латами, Афина материализовалась рядом с Посейдоном. — Пентесилея скачет навстречу своему року… и року Ахиллеса. Все смертные повсюду в смятении.

Гера пожала закованное в металл запястье богини:

— Знаю, как нелегко тебе пришлось, о сестра по оружию. Ахиллес от рождения был твоим любимчиком.

Паллада покачала головой в сияющем шлеме:

— Он мне уже не любимец. Этот смертный солгал, будто я убила Патрокла и похитила его тело. Он поднял меч на меня и на весь мой олимпийский род. Мне не терпится отправить его в сумрачный дом Аида.

— Меня страшит ярость Зевса, — вмешался

Посейдон.

Его доспех оттенка зеленовато-синей глубоководной патины покрывали узоры из волн, рыб, каракатиц, левиафанов и акул. На шлеме отверстия для глаз были украшены боевыми клешнями крабов.

— Снадобье Гефеста заставит его ужасное величество храпеть без просыпа семь дней и семь ночей, — сказала Гера. — За это время нам необходимо достичь наших целей. Ахиллесу — изгнание или смерть, Агамемнону — власть над аргивянами, Илиону — разрушение. Либо, по крайней мере, десятилетняя война должна возобновиться без всякой надежды на примирение. Когда Зевс проснется, мы поставим его перед фактами, которых ему не изменить.

— Но ярость его будет ужасна, — сказала Афина.

Гера рассмеялась:

— Ты *мне* будешь рассказывать о ярости Кронида? Да по сравнению с ним Ахиллес не гневался, а надул губки, как безбородый юнец, и пинал ногою камешки. Однако предоставь отца мне. Я как-нибудь разберусь с ним, когда мы исполним задуманное. Сейчас нам нужно…

Она не успела договорить. Вокруг, на лужайке

перед Чертогом богов на берегу Кальдерного озера, начали возникать богини и боги. Летучие колесницы, влекомые голографическими жеребцами, приближались со всех сторон и опускались на склон одна за другой, так что вскоре вся лужайка заполнилась машинами. Бессмертные разделились на три группы. Одни вставали ближе к Посейдону, Гере, Афине и прочим защитникам греков, другие выстраивались за спиной мрачного Аполлона, главного поборника Трои: его сестра Артемида, за ней Арес и его сестра Афродита, их мать Лето, Деметра и все остальные, кто долгие годы сражался за Илион. Третьи не решались примкнуть ни к одной стороне. Вскоре вокруг уже теснились многие сотни божеств.

— Почему вы все здесь? — с картинным изумлением воскликнула Гера. — Неужто сегодня никто не охраняет бастионы Олимпа?

— Молчи, злокозненная! — прокричал Аполлон. — Не отрекайся, это твой план — погубить сегодня Илион. И никто не может найти владыку Зевса, чтобы тебе помешать.

— Ой, — сказала белорукая Гера. — Неужели сребролукий так напуган неведомыми событиями, что должен бежать к папочке?

Арес, бог войны, трижды возвращавшийся из

целебно-воскресительного бака после поединков с Ахиллесом, выступил вперед и встал плечом к плечу с Фебом-Аполлоном.

— Женщина, — процедил сквозь стиснутые зубы грозный бог войны, принимая свой обычный боевой рост — пятнадцать футов с лишним. — Мы терпим тебя лишь из-за твоего кровосмесительного брака с нашим владыкой Зевсом. Иных причин у нас нет.

Гера издевательски рассмеялась.

— Кровосмесительный брак! — поддразнила она. — Забавно слышать такие слова от бога, который спит со своей сестрицей чаще, чем с любой иной богиней или смертной.

Арес вскинул длинную смертоносную пику. Аполлон натянул тетиву и нацелил стрелу. Афродита достала из-за спины маленький, но не менее убийственный лук.

— Поднимете ли вы руку на нашу царицу? — воскликнула Афина, закрывая Геру от нацеленных стрел и копья.

Все боги на лужайке при виде изготовленного оружия включили собственное защитное поле на максимальную мощность.

— Тебе ли о таком говорить! — рявкнул багроволицый Арес. — Какая дерзость! Забыла, как

несколько месяцев назад подстрекала Диомеда, сына Тидея, ранить меня копьем! Или ты сама метнула в меня свое бессмертное копье и нанесла мне глубокую рану, думая, будто надежно укрыта маскирующим облаком?

Афина пожала плечами:

— Это было на поле битвы. Кровь ударила мне в голову.

— Кровь ударила в голову?! — взревел Арес. — Так ты оправдываешь свою попытку меня убить, бессмертная гадина?

— Скажи, где Зевс? — потребовал у Геры Аполлон.

— Разве я сторож мужу своему? — ответила белорукая Гера. — Хотя временами сторож бы ему не помешал.

— Где Зевс? — повторил сребролукий Аполлон.

— Зевсу не будет дела до людей и богов еще много дней, — ответила Гера. — А может, он и вовсе не вернется. Что случится дальше внизу, решим мы на Олимпе.

Аполлон вновь приладил на тетиву тяжелую, наводящуюся на тепло стрелу, но лука пока не поднял.

Фетида, морская богиня, нереида, дочь Нерея, Морского старца, бессмертная мать Ахиллеса от

смертного Пелея, шагнула между двумя группами разгневанных богов. Она была без доспехов, в платье, расшитом узорами в виде ракушек и водорослей.

— Сестры, братья, кузены! — начала она. — Прекратим выказывать друг перед другом гордыню и вздорный нрав, пока не навредили сами себе, своим смертным детям и окончательно не рассердили всемогущего отца, который непременно вернется, где бы сейчас ни был, вернется с гневом на благородном челе и гибельными молниями в руках!

— Лучше заткнись! — заорал бог войны, беря копье наперевес. — Если бы ты не окунула свое плаксивое человеческое отродье в священную реку, чтобы сделать почти бессмертным, Илион одержал бы победу десять лет назад.

— Я никого не купала в реке. — Фетида выпрямилась в полный рост и скрестила на груди покрытые редкими чешуйками руки. — Не я, а Судьбы избрали моего милого Ахиллеса для великой участи. Когда он был младенцем, я, повинуясь их настоятельному совету, вложенному в мои мысли, еженощно погружала его в Небесное пламя, дабы через боль и страдание — но даже тогда мой Ахиллес ни разу не закричал! — очистить

ребенка от бренных частей отца. Ночами я жгла и обугливала его, днем смазывала почерневшее тельце амброзией, которой мы освежаем наши бессмертные тела, только благодаря тайной алхимии Судеб эта амброзия была еще действенней. И я сделала бы моего ребенка бессмертным, обеспечила бы ему беспримесную божественность, если бы за мной не подглядел мой смертный муж Пелей. Увидев, как его единственное дитя корчится в огне, он схватил младенца за пятку и вытащил из Небесного пламени за минуту до того, как процесс обожествления завершился бы окончательно. Потом, глухой к моим возражениям, как любой муж, Пелей из самых добрых побуждений отнес нашего сына к Хирону — мудрейшему и наименее враждебному к людям кентавру, наставнику многих героев. Тот растил Ахиллеса, пользуя его травами и мазями, о которых ведают лишь кентавры-ученые, и питая печенью львов и костным мозгом медведей, дабы он вырос могучим мужем.

— Жалко, что твой ублюдок с самого начала не изжарился в огне, — заметила Афродита.

От этих слов Фетида обезумела и бросилась на богиню любви, хотя ничем не могла угрожать ей, кроме длинных ногтей, похожих на рыбьи

кости.

Хладнокровно, будто соревнуясь в меткости на дружеском пикнике за какой-нибудь глупый приз, Афродита натянула тетиву и пронзила стрелой левую грудь Фетиды. Та рухнула на траву, черная божественная субстанция заклубилась над ее телом, словно пчелиный рой. Никто не бросился нести ее к Целителю, в его баки с синими червями.

— Убийца! — грянуло из глубины, и сам древний Нерей, Морской старец, восстал из бездонной пучины кальдеры, куда удалился по собственной воле восемь месяцев назад, когда в его земные океаны вторглись люди и моравеки. — Убийца! — зычно повторило исполинское земноводное, вздымаясь над водой на добрых полсотни футов, потрясая мокрой бородой и заплетенными в косицы волосами, похожими на массу скользких извивающихся угрей. И Нерей запустил в Афродиту молнией чистой энергии.

Богиню любви отшвырнуло на сотню футов; сгенерированное божественной кровью защитное поле спасло ее от полного уничтожения, но не от ожогов и синяков, когда ее прекрасное тело снесло две огромные колонны перед Чертогом богов и пробило толстую гранитную стену.

Любящий брат Афродиты Арес метнул копье и попал Нерею в правый глаз. С оглушительным ревом, который могли услышать в Илионе, Морской старец вырвал наконечник вместе с глазным яблоком и скрылся в волнах, забурливших кровавой пеной.

Поняв, что началась Последняя Битва, Феб-Аполлон сориентировался прежде Афины и Геры и выпустил им в сердце наводящиеся по тепловому излучению стрелы. Даже бессмертному глазу было не уследить за тем, как Аполлон натягивал и спускал тетиву.

И все-таки неломающиеся стрелы из титана, облеченные собственными силовыми квантовыми полями, способными пробивать чужую защиту, застыли в воздухе. А потом расплавились.

Аполлон изумленно разинул рот.

Афина расхохоталась, запрокинув голову в сияющем шлеме:

— Выскочка! Забыл, что, покуда Зевса нет, эгида запрограммирована подчиняться моим и Геры приказам?

— Ты первый начал, Феб-Аполлон, — тихо проговорила белорукая Гера. — Испытай же сполна проклятие Геры и гнев Афины.

Она легонько шевельнула пальцем — полутон-

ная глыба, лежавшая у края воды, вырвалась из марсианской почвы и понеслась к Аполлону с такой скоростью, что дважды преодолела звуковой барьер, прежде чем угодить лучнику в висок.

Феб отлетел назад, бряцая и звеня золотом, серебром и бронзой, прокатился кувырком больше ста футов и остался лежать, разметав туго завитые кудри в пыли и озерной грязи.

Афина развернулась, метнула боевое копье, и оно упало на другой стороне Кальдерного озера. Над белым домом с колоннами, принадлежавшим Аполлону, вырос огненный гриб. Фонтан из несметных осколков гранита, мрамора и стали взметнулся на две мили в сторону гудящего силового поля над вершиной.

Сестра Зевса Деметра бросила в Афину и Геру ударную волну, которая лишь сотрясла воздух, без вреда обогнув пульсирующие эгиды богинь, зато Гефеста подкинула на сто ярдов и швырнула далеко-далеко за вершину. Краснодоспешный Аид ответил лучом черного пламени, на пути которого плавились и бесследно сгорали храмы, камни, земля, вода и воздух.

Девять муз завизжали и примкнули к шайке Ареса. С квитировавшихся ниоткуда колесниц заблистали молнии. Над Афиной взметнулась

мерцающая эгида. Виночерпий Ганимед, бессмертный только на девять десятых, упал на ничейной земле и завыл от боли, когда божественное мясо задымилось на смертных костях. Дочь Океана Эвринома встала на сторону Афины, но сразу попала под атаку фурий. Хлопая крыльями, они набросились на нее, подобно громадным летучим мышам-кровососам. Эвринома лишь раз вскрикнула, и фурии унесли ее с поля боя за пылающие здания.

Олимпийцы кинулись врассыпную: кто в укрытие, кто к летучим колесницам. Некоторые квитировались прочь, однако большинство собралось в отряды на разных берегах кальдеры. Энергетические поля полыхали алым, изумрудным, фиолетовым, голубым, золотым и мириадами других цветов, сплавляясь в единые боевые щиты.

Никогда в истории боги не воевали так — без милосердия, без жалости, без той профессиональной учтивости, какую обычно проявляли друг к другу, без твердой веры в воскресение от многочисленных рук Целителя, без упования на баки с червями, а что хуже всего — без вмешательства отца Зевса. Громовержец всегда был рядом; силой, уговорами, угрозами он хоть как-то сдер-

живал их вечную кровожадную вражду. Однако сегодня его здесь не было.

Посейдон квитировался на Землю руководить ахейским разрушением Трои. Арес поднялся, истекая золотым ихором, и собрал вокруг себя шестьдесят верных Зевсу сторонников Илиона. Унесенный взрывом Гефест квитировался обратно и распростер над полем битвы отравленный черный туман.

В следующие часы война богов охватила весь Олимп и докатилась до стен Трои. К заходу солнца вершина Олимпа полыхала, а часть Кальдерного озера выкипела, и теперь там бурлила лава.

18

Выезжая на бой с Ахиллесом, Пентесилея твердо знала: каждый год, месяц, день, час и минута ее жизни до этой секунды были только прелюдией к нынешнему триумфу. Все прежнее — обучение, успехи и поражения на поле битвы, каждый вздох и биение сердца — служило лишь подготовкой. В грядущие часы исполнится ее судьба. Либо она победит и Ахиллес погибнет, либо она погибнет и — что несравненно хуже — покроет себя позором и вскоре будет забыта.

Последний исход ее решительно не устраивал.

Проснувшись во дворце Приама, Пентесилея ощутила радость и прилив сил. Она неспешно приняла ванну, а когда одевалась, стоя перед полированным металлическим зеркалом в гостевом покое, долго и с редкостным для себя вниманием разглядывала свое лицо и тело.

Амазонка знала, что прекрасна по самым строгим меркам женщин, мужчин и богов, но душу воительницы это ничуть не трогало. Однако сегодня, неторопливо надевая выстиранное платье и сверкающие латы, она позволила себе полюбоваться собственной красотой. В конце концов, думала она, это будет последнее, что увидит быстроногий мужеубийца Ахиллес, прежде чем его глаза закроются навеки.

Амазонке было лет двадцать пять; большие зеленые глаза на ее девичьем личике казались еще больше в обрамлении коротко стриженных золотых кудрей. Губы, розовые и сочные, редко приоткрывались в улыбке. В металлическом зеркале отражалось тело, загорелое и мускулистое от долгих часов охоты, плавания и упражнений под солнцем, но ни в коем случае не худощавое. Застегивая пряжку серебряного пояса на стройной талии, Пентесилея чуть сердито надула губки при взгляде на свои полные женские бедра.

Груди у нее были круглее и выше, чем у большинства женщин, даже амазонок, а соски — скорее розовые, чем коричневые. Она до сих пор оставалась девственницей и намеревалась хранить целомудрие до конца дней. Пусть старшая сестра — Пентесилея скривилась при мысли о гибели Ипполиты — поддалась на мужские уловки, разрешила увлечь себя в рабство, чтобы рожать детей какому-то волосатому самцу. Пентесилея никогда до такого не унизится.

Одеваясь, она достала серебряный флакон в форме граната и натерлась волшебным бальзамом — над сердцем, у основания горла и над вертикальной полоской золотистых волос на лобке. Так повелела богиня Афродита, явившаяся ей на следующий день после того, как Афина Паллада впервые заговорила с амазонкой и отрядила ее на подвиг. Афродита сказала, что сама подобрала состав этого бальзама, более мощного, чем амброзия, чтобы аромат действовал на Ахиллеса — и только на него, — внушая ему неодолимое вожделение. Теперь у Пентесилеи было два секретных оружия: копье Афины, бьющее без промаха, и бальзам Афродиты. Пентесилея рассчитывала нанести Ахиллесу смертельный удар, когда тот будет стоять, охваченный похотью.

Одна из амазонок — скорее всего, верная Клония, — прежде чем отойти ко сну, начистила царицыны доспехи, и теперь бронза и золото блестели в металлическом зеркале. Обычно Пентесилея брала на битву лук, колчан с безупречно прямыми, оперенными красным стрелами, меч — короче мужского, но идеально сбалансированный и столь же опасный в ближнем бою, — и обоюдоострый боевой топор, любимое оружие амазонок. Но только не сегодня.

Она подняла копье — подарок Афины. Оно казалось почти невесомым, готовым лететь в цель. Длинный наконечник — не бронзовый и даже не железный, а выкованный из некоего особого олимпийского металла — ничто не могло затупить или остановить. Его кончик, объяснила Афина, смазан самым опасным ядом, какой только знают боги. Одна царапина на смертной пятке Ахиллеса — и яд проникнет в сердце героя, так что в следующие же секунды он упадет, а еще через несколько мгновений будет в Аиде. Древко гудело в руке, словно, как и сама амазонка, рвалось пронзить Ахиллеса, наполнить его глаза, рот и легкие смертной мглой.

Афина поведала Пентесилее об источнике мнимой неуязвимости Ахиллеса, рассказала, как

Фетида пыталась сделать ребенка бессмертным, а Пелей вытащил сына из Небесного пламени. «Пята у Ахиллеса — смертная, — шептала Афина, — ее квантовые вероятности не изменены…» Последних слов Пентесилея не поняла, но уяснила главное: она убьет мужеубийцу — а также убийцу женщин, насильника, сгубившего множество дев и жен в почти двух десятках городов, которые он со своими мирмидонцами захватил, покуда другие ахейцы почивали на лаврах. Даже в дальних землях амазонок на севере юная Пентесилея слышала, что Троянских войн было две: ахейцы осаждали Илион, часто прерываясь на пиры и безделье, а тем временем Ахиллес уже десять лет нес разрушения по всей Малой Азии. Семнадцать городов пали под его натиском.

Теперь пришел его черед пасть.

Пентесилея с двенадцатью подругами выехали из города, охваченного смятением и тревогой. Глашатаи кричали со стен, что Агамемнон и его полководцы собрали большое войско. По слухам, греки вознамерились вероломно напасть, покуда Гектор спит, а храбрый Эней стоит со своим войском по другую сторону Дыры. Пентесилея заметила, что по улицам бесцельно бродят женщины в мужских доспехах не по росту, словно

притворяясь амазонками. Дозорные на стенах затрубили в трубы, и великие Скейские ворота захлопнулись за всадницами.

Не обращая внимания на троянских воинов, которые торопливо строились в боевые порядки на равнине между городом и ахейским станом, Пентесилея повела соратниц на восток, к Дыре, которую уже видела по пути к Илиону, и все равно при этом зрелище сердце ее забилось учащенно. Перед нею высился идеально ровный двухсотметровый круг, вырезанный в зимнем небе и на четверть уходящий в каменистую землю к востоку от города. С севера и с востока никакой Дыры не было — это Пентесилея знала, поскольку приехала с той стороны. Город и море просматривались полностью, без какого-либо намека на волшебный портал. И только с юго-запада Дыра становилась видна.

Ахейцы и троянцы — по отдельности, но не сражаясь между собой — торопливо выходили из Дыры длинными рядами, как пешим строем, так и на колесницах. Пентесилея заключила, что им поступили приказы из Илиона и из лагеря Агамемнона — покинуть передовую линию битвы с богами, дабы продолжить войну между собой.

Ее это не занимало. Она стремилась к един-

ственной цели — убить Ахиллеса, и горе тому ахейцу или троянцу, что встанет у нее на пути! Она уже отправила в Аид легионы мужей и готова была, если потребуется, отправить туда еще легион.

Ведя двойную колонну верховых амазонок через Дыру, она задержала дыхание, однако почувствовала лишь странную легкость да еле заметную смену освещения, а когда наконец перевела дух, воздух показался ей более разреженным, словно на вершине горы. Конь тоже как будто почувствовал перемену и сильно натянул поводья, однако Пентесилея твердой рукой направила его вперед.

Она не могла отвести глаз от Олимпа. Вулкан заполнял собою весь западный горизонт… или нет, весь мир… нет, он и был миром. Прямо впереди, за маленькими отрядами людей и моравеков, на красной почве вроде бы лежали чьи-то тела, но амазонка внезапно утратила интерес ко всему, кроме Олимпа. За двухмильными отвесными обрывами у подножия обители богов начинался десятимильный склон, уходящий все выше, и выше, и выше…

— Царица…

Голос доносился как будто издалека и при-

надлежал Бремусе, ближайшей после Клонии помощнице Пентесилеи, однако амазонка не обращала на него внимания, как не обращала внимания на прозрачный океан справа от себя и ряд огромных каменных голов на берегу. Все бледнело на фоне колоссального Олимпа. Пентесилея чуть откинулась в седле, чтобы проследить взглядом горные склоны, уходящие выше, выше, выше и еще бесконечно выше в бледное голубое небо и за его пределы…

–Царица.

Пентесилея повернулась одернуть Бремусу, но увидела, что все ее спутницы остановили коней. Царица тряхнула головой, будто прогоняя остатки сна, и поскакала обратно к ним.

Только сейчас Пентесилея осознала, что все время, покуда она смотрела на Олимп, они проезжали мимо женщин. Те кричали, бежали, истекали кровью, спотыкались, рыдали, падали. Клония спешилась и положила себе на колено голову одной из несчастных, — казалось, та облачена в странное багровое одеяние.

— Кто? — спросила Пентесилея, глядя вниз как будто с огромной высоты.

Внезапно она поняла, что вот уже милю ехала мимо разбросанных окровавленных доспехов.

— Ахейцы, — прохрипела умирающая. — Ахиллес…

Если прежде на ней и были доспехи, они ее не спасли. Ей отсекли обе груди, сама она была почти голая, а то, что казалось багровым одеянием, было на самом деле ее кровью.

— Отвезите ее в… — начала Пентесилея и умолкла, потому что женщина испустила дух.

Клония забралась на лошадь и вернулась на свое всегдашнее место справа от Пентесилеи. Царица ощущала ярость, идущую от старой боевой подруги, словно жар от костра.

— Вперед! — сказала Пентесилея и пришпорила коня.

Топор был закреплен у нее на передней луке, в правой руке она держала копье Афины. Амазонки галопом проскакали последние четверть мили до ахейцев. Те грабили трупы других убитых женщин. В разреженном воздухе ясно слышался мужской смех.

Здесь пали примерно сорок женщин. Пентесилея пустила коня шагом, однако две колонны амазонок вынуждены были нарушить строй. Кони, даже боевые, не любят ступать по трупам, а тела — исключительно женские — лежали так часто, что лошадям приходилось осторожно

выбирать, куда поставить копыто.

Мародеры подняли головы. Пентесилея насчитала над женскими телами около сотни ахейцев, но никого из прославленных героев среди них не было. Амазонка посмотрела дальше и разглядела ярдах в пятистах-шестистах отряд благородных воинов, шагающих обратно к ахейской армии.

— Гляди-ка, опять бабы, — заметил самый паршивый из греков, сдиравших доспехи с убитых женщин. — Да еще и лошадей нам привезли!

— Как твое имя? — спросила Пентесилея.

Грек осклабился, показав редкие гнилые зубы:

— Меня зовут Молион, и я как раз ломаю голову, когда тебя отыметь: до того, как убью, или после?

— Трудная задача для куцего умишки, — невозмутимо ответила амазонка. — Знавала я одного Молиона, друга Тимбрея. Правда, он был троянцем. И, кроме того, живым человеком. А ты всего-навсего дохлый пес.

Молион зарычал и схватился за меч.

Пентесилея, не спешиваясь, взмахнула боевым топором и снесла негодяю голову. Затем она пришпорила могучего жеребца, и еще трое ахейцев погибли под копытами, еле успев поднять щиты.

Амазонки с нечеловеческими воплями устре-

мились в бой. Действуя точно и уверенно, будто жнецы с серпами на пшеничном поле, они топтали врагов конями, рубили сплеча и пронзали копьями. Те, кто не обратился в бегство, пали мертвыми. Тех, кто бежал, убили. Пентесилея собственноручно уложила по меньшей мере семерых.

Ее подруги Эвандра и Фермодоса догнали последнего из бегущих ахейцев — особенно безобразного мерзавца, сказавшего, что его зовут Терсит. Он жалобно скулил, моля о пощаде.

К изумлению соратниц, Пентесилея велела его отпустить.

— Скажи Ахиллесу, Диомеду, Аяксам, Одиссею, Идоменею и прочим аргивским героям, которые, как я вижу, смотрят на нас вон с того холма, — зычно провозгласила она, — что я, Пентесилея, царица амазонок, дочь Ареса, любимая Афиной и Афродитой, явилась, дабы оборвать жалкую жизнь Ахиллеса. Скажи, что я сражусь с Ахиллесом в поединке, если он согласен, но если они настаивают, мы с подругами убьем их всех. Иди, передай мое послание.

Безобразный Терсит убежал так быстро, как только могли нести его дрожащие ноги.

Ближайшая соратница Пентесилеи, некраси-

вая, зато беззаветно отважная Клония, подъехала ближе:

— Что ты такое молвишь, царица? Мы не можем дать бой всем ахейским героям. Каждый из них — легенда. Вместе они непобедимы, и никаким тринадцати амазонкам из рождавшихся на свет их не одолеть.

— Спокойствие и решимость, сестра моя, — ответила Пентесилея. — Залог нашей победы — воля богов. Когда падет Ахиллес, остальные ахейцы побегут, как бежали от Гектора и простых троянцев после гибели либо ранения куда меньших военачальников. И тогда мы развернем коней, проскачем через треклятую Дыру и сожжем их корабли, прежде чем так называемые герои устремятся за нами.

— Мы последуем за тобою на смерть, царица, — прошептала Клония, — так же как прежде шли к славе.

— И вновь стяжаете славу, любезная сестра, — ответила Пентесилея. — Гляди, этот крысомордый пес Терсит передал наше послание и ахейские вожди уже двинулись к нам. Видишь, латы Ахиллеса блестят ярче остальных. Сойдемся же с противником на поле битвы.

Она пришпорила коня, и тринадцать амазо-

нок галопом поскакали в сторону Ахиллеса и ахейцев.

19

— Что еще за голубой луч? — спросил Хокенберри.

Они с Манмутом обсуждали исчезновение человечества, населявшего Землю троянской эпохи, за пределами двухсотмильного радиуса от Трои.

— Голубой луч бьет в небо из Дельф на Пелопоннесе, — сказал моравек, ведя шершня к Марсу, Олимпу и бран-дыре. — Он появился в тот день, когда исчезли все остальные люди. Мы полагали, что луч состоит из тахионов, но теперь в этом не уверены. Есть гипотеза… только лишь гипотеза… что всех остальных людей свели к их базовым струнным компонентам Калаби-Яу, закодировали и запустили в межзвездное пространство.

— Луч бьет из Дельф? — переспросил Хокенберри.

Он понятия не имел о тахионах и компонентах Калаби-чего-то, зато много знал о Дельфах и тамошнем оракуле.

— Да, и я могу его тебе показать, если у тебя будет перед возвращением минут десять, — ответил Манмут. — Самое странное, что с современной

Земли, куда мы скоро полетим, бьет похожий луч, но из Иерусалима.

— Из Иерусалима, — повторил Хокенберри и вцепился в невидимые подлокотники невидимого силового кресла, поскольку шершень резко забрал вниз, направляясь к Дыре. — Лучи уходят в атмосферу? В космос? Куда?

— Мы не знаем. Похоже, определенной цели вообще нет. Лучи существуют длительное время и, разумеется, вращаются вместе с Землей, однако они ведут за пределы Солнечной системы — обеих Солнечных систем, причем ни один вроде бы не нацелен на конкретную звезду, звездное скопление или галактику. Однако голубые лучи двунаправленные. То есть поток тахионной энергии возвращается в Дельфы и, надо полагать, в Иерусалим, следовательно…

— Постой, — перебил Хокенберри. — Ты видел?

Они как раз проскочили сквозь бран-дыру под самым сводом верхней арки.

— Да, — ответил Манмут. — Только мельком и смазанно, но, похоже, на передовой войны с богами возле Олимпа люди сражались с людьми. И погляди вперед.

Моравек увеличил изображение в голографических иллюминаторах. Под стенами Илиона

греки сражались против троянцев. Скейские ворота были закрыты — впервые за последние восемь месяцев.

— Господи Исусе, — прошептал Хокенберри.

— Да.

— Манмут, можно вернуться туда, где мы впервые увидели сражение? На марсианскую сторону бран-дыры? Там что-то странное.

Его смутили всадники — очень маленький отряд, — нападавшие, по всей видимости, на пехотинцев. Ни у троянцев, ни у ахейцев конницы не было.

— Конечно, — ответил Манмут и круто развернул шершня.

Они вновь понеслись к Дыре.

Манмут, меня слышно? — донесся по фокусированному лучу голос Орфу, переданный сквозь Дыру через установленные в ней ретрансляторы.

Громко и отчетливо.

Доктор Хокенберри еще с тобой?

Да.

Оставайся на связи по фокусированному лучу. Не дай ему догадаться о нашем разговоре. Вы заметили что-нибудь необычное?

Да. Теперь вот летим проверить. На марсианской стороне бран-дыры кавалерия атакует

аргивских гоплитов. На земной — греки воюют с троянцами.

— А нельзя как-нибудь замаскировать этого шершня? — спросил Хокенберри, когда они зависли в двухстах футах над конниками (тех было около дюжины, а пеших — человек пятьдесят). — Сделать его не таким приметным? Чтобы поменьше бросался в глаза?

— Конечно. — Манмут активировал полную стелс-маскировку и замедлил шершня.

Нет, я не о том, чем занимаются люди, передал Орфу. *С браной ничего странного не происходит?*

Манмут не только посмотрел глазами в широком спектре, но и подключился ко всем инструментам и сенсорам шершня.

Вроде бы все нормально, передал он.

— Давай приземлимся за спинами Ахиллеса и прочих ахейцев, — попросил Хокенберри. — Можем мы это сделать? Тихонько?

— Конечно, — ответил Манмут.

Он беззвучно посадил шершня футах в тридцати от аргивян. Со стороны главного войска приближался еще греческий отряд. Манмут видел среди людей нескольких роквеков и различил центурион-лидера Мепа Аху.

Нет, не нормально, передал Орфу. *Наши при-*

боры уловили бурные флюктуации в бран-дыре и остальном мембранном пространстве. Плюс что-то происходит на вершине Олимпа: квантовые и гравитационные показатели зашкаливают. Мы получаем свидетельства ядерных, водородных, плазменных и других взрывов. Однако сейчас нас больше всего беспокоит бран-дыра.

Каковы параметры аномалии? — спросил Манмут.

Долгие годы плавая на подлодке подо льдами Европы, он так и не удосужился изучить ни W-теорию, ни предшествовавшие ей M-теорию и теорию струн. Бóльшую часть того, что Манмут знал теперь, он скачал у Орфу и из главных банков информации на Фобосе, чтобы хоть отчасти разобраться в дырах, которые помог создать между Поясом астероидов и Марсом — а также этой альтернативной Землей, — и понять, отчего все браны, кроме одной, в последние месяцы исчезли.

Сенсоры Строминджера-Вафы-Сасскинда-Сена дают коэффициенты БПЗ, указывающие на рост дисбаланса между минимальной массой и зарядом браны.

БПЗ? — повторил Манмут.

Он догадывался, что дисбаланс заряда и массы

— дурной знак, но не мог бы объяснить почему.

Богомольный, Прасад, Зоммерфельд, передал Орфу тоном, который прозрачно намекал: «Хоть ты и дурачок, а все равно мне нравишься». *Пространство Калаби-Яу рядом с тобой претерпевает конифолдный переход*[11].

— Отлично! — Хокенберри выскользнул из невидимого кресла и кинулся к опускающемуся трапу. — Чего бы я только не дал за прежнее снаряжение схолиаста: морфобраслет, остронаправленный микрофон, левитационную сбрую… Ты со мной?

— Да, сейчас, — проговорил Манмут.*Ты хочешь сказать, брана утрачивает стабильность?*

Я хочу сказать, что она схлопнется в любую секунду. Всем роквекам и моравекам в окрестностях Илиона и на побережье приказано срочно рвать когти. Мы думаем, что они успеют загрузить оборудование, однако шершни и челноки

---

[11] Примечания: 11

Пространство Калаби-Яу рядом с тобой претерпевает конифолдный переход. –Конифолдный переход в теории струн — процесс, при котором пространство разрывается в непосредственной близости от конифолдной (имеющей коническую форму) сингулярности на многообразии Калаби-Яу и затем восстанавливается способом, который меняет топологию исходного многообразия, так что различные многообразия Калаби-Яу (многомерные пространства, которые, согласно теории струн, присутствуют в каждой точке четырехмерного пространства-времени) могут быть связаны посредством конифолдного перехода.

вылетят в ближайшие десять минут со скоростью примерно три Маха. Приготовься к звуковым ударам.

Но тогда Илион останется без защиты. Олимпийцы смогут атаковать с воздуха либо квитироваться в город! Манмута ужаснула мысль, что они бросают своих троянских и греческих союзников.

Это уже не наша забота, ответил Орфу. *Астиг/Че и другие первичные интеграторы отдали приказ о немедленной эвакуации. Если эта дыра закроется — а так и будет, друг мой, поверь мне, — мы потеряем восемьсот техников, ракетчиков и всех прочих на земной стороне. Им уже велено отступать. Они и без того сильно рискуют, пакуя снаряды, энергетические излучатели и остальное тяжелое вооружение, однако интеграторы не хотят оставлять это все, пусть даже отключенное.*

Я могу что-нибудь сделать?

Глядя в открытый люк на Хокенберри, бегущего к Ахиллесу и его людям, Манмут ощутил тоскливую беспомощность. Если бросить схолиаста, тот может погибнуть в бою. Если не улететь через Дыру прямо сейчас, другие моравеки, возможно, окажутся навсегда отрезанными от своего реаль-

ного мира.

Погоди, я спрошу интеграторов и генерала Бех бен Ади, ответил Орфу. Через несколько мгновений по фокусированному лучу раздалось: *Оставайся пока на месте. Через твои объективы нам удобнее всего наблюдать за Браной. Можешь направить все сигналы на Фобос, выйти из корабля и добавить к каналу свою визуальную информацию?*

Да, это я могу.

Манмут снял с шершня покров невидимости, не желая, чтобы приближающаяся толпа греков и роквеков нечаянно в него врезалась, и поспешил вниз по трапу вслед за товарищем.

Хокенберри шагал к ахейцам, чувствуя, как сердце наполняет ощущение нереальности, смешанное со стыдом. «Это моя вина. Если бы восемь месяцев назад я не принял вид Афины и не похитил Патрокла, Ахиллес не объявил бы войну богам и ничего этого не случилось бы. Каждая капля крови, которая прольется сегодня, останется на моей совести».

Ахиллес первым отвернулся от приближающихся всадников и приветствовал его:

— Здравствуй, Хокенберри, сын Дуэйна.

Всадниц (теперь Хокенберри разглядел, что все

они — женщины в сияющих латах) дожидались примерно пятьдесят ахейцев. Хокенберри узнал Диомеда, Большого и Малого Аяксов, Идоменея, Одиссея, Подарка с его юным приятелем Менипом, Сфенела, Эвриала и Стихия. Хокенберри изумило присутствие косоглазого и хромоногого Терсита. В обычное время быстроногий мужеубийца и на милю не подпустил бы к себе этого обирателя трупов.

— Что происходит? — спросил Хокенберри.

Рослый златокудрый полубог пожал плечами:

— Чудной сегодня выдался день, сын Дуэйна. Сначала бессмертные отказались выйти на бой. Потом на нас напала орава троянок, и Филоктет погиб от брошенного ими копья. Теперь сюда скачут амазонки, убивая наших людей, — по крайней мере, так говорит эта грязная крыса.

Амазонки!

Торопливо подошел Манмут. Большинство ахейцев уже привыкли к виду маленького моравека и, едва удостоив создание из металла и пластика беглым взглядом, снова повернулись к отряду всадниц.

— В чем дело? — спросил Манмут по-английски.

Вместо того чтобы ответить на том же языке,

Хокенберри процитировал:

Ducit Amazonidum lunatis agmina peltis,
Penthesilea furens, mediisque in milibus ardet,
aurea sunectens exwerta cingula mammae
bellatrix, audetque viris concurrere virgo.

— Не заставляй меня загружать латынь, — сказал Манмут.

Огромные кони остановились менее чем в пяти ярдах от них. Над ахейцами повисло облако пыли.

— «Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолунья, — перевел Хокенберри, — Пентесилея ведет, охвачена яростным пылом, груди нагие она золотой повязкой стянула, дева-воин, вступить не боится в битву с мужами»[12].

— Просто прекрасно, — ехидно произнес маленький моравек. — Но латынь… Полагаю, это не Гомер?

— Вергилий, — шепнул Хокенберри во внезапной тишине, в которой звук, с которым одна из

---

[12] Примечания: 12

«Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолунья… Пентесилея ведет, охвачена яростным пылом, груди нагие она золотой повязкой стянула, дева-воин, вступить не боится в битву с мужами». — Вергилий. Энеида. Кн. 1. Перев. С. Ошерова.

лошадей переступила копытами, казался оглушительным. — Нас непонятным образом занесло в «Энеиду».

— Просто прекрасно, — повторил Манмут.

Роквеки загрузили почти всю технику и будут готовы взлететь с земной стороны минут через пять или меньше, сообщил Орфу. *Кстати, тебе нужно знать еще кое-что. «Королева Маб» стартует раньше намеченного срока.*

Насколько раньше? — с упавшим полуорганическим сердцем спросил Манмут. *Мы обещали Хокенберри двое суток на размышления и переговоры с Одиссеем.*

Что ж, теперь у него меньше часа, сообщил Орфу с Ио. *Минут за сорок мы успеем накачать всех роквеков препаратами, распихать их по полкам и убрать оружие в хранилища. К тому времени вы оба должны либо вернуться, либо остаться.*

А как же «Смуглая леди»? Манмут подумал, что даже не испытал многие из рабочих систем своей подлодки.

Ее уже грузят в отсек, передал Орфу с «Маб». *Я чувствую, как сотрясается корабль. Закончишь свои проверки по дороге. Не тяни там, друг мой.*

Линия затрещала, потом зашипела и умолкла.

Из-за спин воинов всего в одном ряду за жидкой

передовой линией Хокенберри видел, насколько огромны скакуны амазонок. Словно першероны или будвайзеровские лошади[13]. Их было тринадцать, и Вергилий, земля ему пухом, оказался прав: доспех амазонок оставлял левую грудь нагой. Что ж, это здорово… отвлекало.

Ахиллес выступил на три шага вперед. Теперь он стоял так близко от коня белокурой царицы, что мог бы погладить его по морде, однако не стал этого делать.

— Чего ты хочешь, женщина? — спросил он; для такого мускулистого великана у него был необычно мягкий голос.

— Я Пентесилея, дочь бога войны Ареса и царицы амазонок Отреры, — объявила красавица из высокого седла. — И я хочу твоей смерти, Ахиллес, сын Пелея.

Ахиллес запрокинул голову и рассмеялся — настолько легко и беззаботно, что Хокенберри внутренне содрогнулся.

— Ответь мне, женщина, — мягко спросил Ахиллес, — как ты осмелилась бросить вызов нам, самым славным героям эпохи, воинам, взяв-

---

[13] Примечания: 13

Словно першероны или будвайзеровские лошади. — Будвайзеровские лошади — тяжеловозы шотландской породы клейдесдаль, принадлежащие Будвайзеровской пивоварне, символ ее марки.

шим в осаду Олимп? Многие из нас ведут род от самого Зевса Кронида. Ты в самом деле решила сражаться с нами, женщина?

— Другие могут уйти, если хотят жить, — так же спокойно, но громче ответила Пентесилея. — Я не намерена биться ни с Аяксом Теламонидом, ни с сыном Тидея, ни с отпрыском Девкалиона, ни с Лаэртидом, ни с любым другим из собравшихся здесь. Только с тобой.

Перечисленные мужи — Большой Аякс, Диомед, Идоменей и Одиссей — недоуменно округлили глаза, посмотрели на Ахиллеса и разом расхохотались. Остальные ахейцы подхватили их смех. Между тем с тыла приближались пять или шесть десятков ахейцев и с ними роквек Меп Аху.

Хокенберри не заметил, как Манмут плавно повернул голову, и не знал, что центурион-лидер Меп Аху по фокусированному лучу сообщил тому о неизбежном коллапсе бран-дыры.

— Ты оскорбил богов своим жалким нападением на их обитель! — вскричала Пентесилея так, что ее слышали в сотне ярдов. — Ты причинил зло мирным троянцам, осадив их родной город. Однако сегодня ты умрешь, о женоубийца Ахиллес. Готовься к бою.

— Боже, — сказал по-английски Манмут.

— Господи Исусе, — прошептал Хокенберри.

Тринадцать амазонок, крича на своем наречии, пришпорили боевых коней. Исполинские скакуны устремились в атаку. Воздух наполнили копья, стрелы и звон бронзовых наконечников, ударяющих в латы и стремительно воздетые щиты.

20

На побережье северного марсианского моря, называемого Северным океаном или морем Тетис, маленькие зеленые человечки, они же зеки, воздвигли более одиннадцати тысяч исполинских каменных голов. Каждое изваяние имеет высоту двадцать метров. Все они одинаковые. Каждое изображает лицо старика с носом как хищный клюв, тонкими губами, высоким лбом, сдвинутыми бровями, лысой макушкой, волевым подбородком и каймой длинных волос за ушами. Камень для них добывают в огромных карьерах, вырубленных в естественном нагромождении скал, известном как Лабиринт Ночи, на западном краю внутреннего моря протяженностью четыре тысячи двести километров, заполняющего рифт, который зовется долинами Маринера. В Лабиринте Ночи маленькие зеленые человечки грузят

необработанные глыбы на широкие баржи и доставляют их через все долины Маринера. Дальше фелюги под косыми парусами ведут баржи по морю Тетис к берегу, где сотни МЗЧ стаскивают каждую глыбу на песок и обтесывают уже на месте. Когда остается изваять лишь волосы на затылке, толпа зеков вкатывает голову на подготовленную заранее каменную площадку (иногда ее приходится втаскивать на обрыв или тащить по болотам) и ставит стоймя, используя систему блоков, канатов и зыбучего песка. Наконец они опускают шейный стержень в каменную выемку и устанавливают голову. Команда из двенадцати МЗЧ высекает волнистые волосы, а прочие существа отправляются работать над следующей статуей.

Одинаковые лица все до единого смотрят на море.

Первую голову воздвигли почти полтора земных столетия тому назад — у подножия Олимпа, там, где плещут волны Тетиса. С тех пор маленькие зеленые человечки ставили по статуе через каждый километр, двигаясь сперва на восток, вокруг огромного грибообразного полуострова под названием земля Темпе, затем к югу, в эстуарий долины Касей, потом на юго-восток, по

болотам Лунного плато, далее — по обе стороны огромного эстуария и моря равнины Хриса, по каменным обрывам широкого устья долин Маринера и, наконец, в последние восемь месяцев — на северо-запад, вдоль утесов земли Аравии, к северным архипелагам столовых гор Дейтеронил и Протонил.

Однако сегодня все работы прекращены. МЗЧ — метровые фотосинтезирующие гоминиды с прозрачной кожей, угольно-черными глазами, безо рта и ушей — переправились на сотне с лишним фелюг к широким пляжам земли Темпе, километров за двести от Олимпа. Отсюда, если смотреть на запад, можно различить далеко в море островной вулкан Альба-Патера и громаду Олимпа над юго-восточным горизонтом.

В сотнях метров от воды по обрывам тянется ряд исполинских голов, но пляж широкий и ровный, и на нем сплошной зеленой массой сгрудились все семь тысяч триста три зека, оставив незанятым лишь полукруг диаметром пятьдесят один метр. Несколько марсианских часов кряду маленькие зеленые человечки стоят, не издавая ни звука, не шелохнувшись, и пристально смотрят черными глазами на пустой песок. Фелюги и баржи слегка покачиваются на волнах моря

Тетис. Слышно только, как западный ветер иногда подхватывает песок и бросает в прозрачную зеленую кожу или очень тихо шелестит в низкорослых растениях под обрывом.

Внезапно воздух наполняется запахом озона — впрочем, у зеков нет носов, чтобы его уловить. Нет у них и ушей, чтобы услышать многократные громовые раскаты близко над берегом. Хотя у МЗЧ нет ушей, они ощущают эти хлопки своей невероятно чувствительной кожей.

Метрах в двух над берегом вдруг появляется красный трехмерный ромбоид метров пятнадцати шириной. Он раздувается, потом сужается посередине и становится похож на две трюфельные конфеты. Между их вершинами возникает крохотный шар; он превращается в трехмерный зеленый овал, который будто бы поглощает породивший его красный ромбоид. Овал и ромбоид начинают вращаться в противоположных направлениях, взметая песок на сотни метров вверх.

МЗЧ безучастно смотрят перед собой, не обращая внимания на разразившуюся бурю.

Раскрутившись, трехмерный овал и ромбоид принимают вид сферы. В воздухе зависает десятиметровый круг, который понемногу погружается

в песок, и вот уже бран-дыра высекает кусок из пространства-времени. Вокруг новорожденной бран-дыры еще видны слои и лепестки одиннадцатимерной энергии, защищающие песок, атмосферу, Марс и Вселенную от намеренно созданного разрыва в пространственно-временно́й ткани.

Из дыры появляется нечто вроде одноколки на паровом ходу. Слышатся громкое пыхтение и выстрелы в глушителе. Невидимые гироскопы удерживают полуметаллическую-полудеревянную конструкцию на единственном резиновом колесе. Экипаж останавливается в точности посередине пространства, не занятого зеками. Распахивается затейливая резная дверца, деревянная лесенка опускается на песок и раскладывается подобно сложной головоломке.

Из экипажа выходят четыре войникса — это двухметровые металлические двуногие с бочкообразной грудью, без шеи (их головы торчат подобно наростам). Пользуясь больше манипуляторами, чем руками-лезвиями, они принимаются собирать загадочный аппарат, между частями которого видны серебристые щупальца с маленькими параболическими проекторами на концах. Завершив работу, войниксы отступают к

умолкнувшему паровому экипажу и застывают как вкопанные.

На берегу, между щупальцами-проекторами, возникает мерцающий силуэт — то ли человек, то ли проекция, которая затем обретает видимую материальность. Это старик в голубом одеянии, замысловато расшитом астрономическими символами. При ходьбе он опирается на длинный деревянный посох. Его ноги в золотых туфлях оставляют на мокром песке вполне реальные следы. Черты лица в точности как у каменных изваяний на обрывах.

Волшебник подходит к самой кромке прозрачной воды, останавливается и ждет.

Вскоре волны начинают бурлить, и сразу за полосой прибоя из моря поднимается нечто громадное. Оно движется медленно, скорее как встающий из пучины остров, чем как органическое существо вроде кита, дельфина, морской змеи или морского бога. По бороздам и складкам чудовищного создания потоками сбегает вода. Оно направляется к берегу. Зеки отступают назад и в сторону, давая ему место.

Формой и цветом оно напоминает исполинский мозг — розовый, как живой человеческий мозг, со множеством складок наподобие извилин, однако

на этом сходство и заканчивается. Между складками розоватой плоти помещаются десятки пар желтых глаз и множество рук. Маленькие хваткие руки с разным числом пальцев тянутся из складок и колышутся, словно щупальца анемона в холодном течении, руки побольше на длинных стеблях отходят от глаз, и — это становится заметнее по мере того, как существо величиною с дом вылезает из воды на берег, — с нижней стороны и по бокам у него растут огромные руки, с помощью которых оно передвигается. Каждая ладонь — белесая, как личинка, или трупно-серая — размером с безголовую лошадь.

Двигаясь по-крабьи боком вправо-влево по мокрому песку, существо заставляет маленьких зеленых человечков отпрянуть еще дальше и замирает меньше чем в пяти футах от старца в голубых одеждах, который сначала тоже шагнул назад, позволяя существу расположиться на берегу, но тут же твердо застыл, опершись на посох и невозмутимо глядя в желтые холодные глазки чудовища.

Что ты сделал с моим любимым поклонником? — беззвучным голосом спрашивает многорукий.

— Мне больно говорить, но он вновь выпущен

в мир, — вздыхает старик.

В какой из миров? Их чересчур много.

— На Землю.

На какую? Их тоже слишком много.

— На мою Землю, — отвечает старик. — Настоящую.

Гигантский мозг шумно втягивает слизь всеми отверстиями, запрятанными среди складок. Звук получается мерзкий, как если бы кит сморкался густой от водорослей морской водой.

Просперо, где моя жрица? Мое дитя?

— Которое дитя? Спрашиваешь ты про синеглазую свиноворону или, может, про рябого пащенка, не удостоенного человечьей формы, которого она извергла из себя на берегу моего мира?

Волшебник употребил греческое слово*сус* для свиньи и *коракс* для ворона, явно радуясь своему маленькому каламбуру.

Калибан и Сикоракса. Где они?

— Сука — неизвестно где. Пресмыкающееся — на свободе.

Мой Калибан сбежал со скалы, где ты держал его в заточении много столетий?

— А разве я не сказал этого только что? Продал бы ты лишние глазки за пару ушей.

Он пожрал уже всех людишек твоего мира?

— Не всех. Пока что. — Волшебник указывает посохом на каменные изображения собственной головы над обрывами. — Понравилось тебе жить под надзором, многорукий?

Мозг вновь фыркает морской водой и слизью.

Пусть зеленые человечки еще потрудятся, а потом я нашлю цунами и утоплю их всех, а заодно смою и твои жалкие шпионские идолища.

— Почему не сейчас?

Ты знаешь, я могу, огрызается беззвучный голос.

— Знаю, гнусное существо, — говорит Просперо. — Однако, утопив эту расу, ты превысишь меру своего злодейства. Зеки — почти что идеал сострадания, воплощенная верность, они не переделаны тобой из прежнего, как здешние боги по твоему чудовищному капризу, а воистину созданы мною заново. Я их сотворил.

Тем слаще мне будет их истребить. Что проку от бессловесных хлорофилловых ничтожеств? Они все равно что ходячие бегонии.

— У них нет голоса, — говорит старец, — однако неправда, будто они бессловесны. Эти существа общаются при помощи генетически измененных пакетов информации, передаваемой на

клеточном уровне при касании. Когда им нужно поговорить с кем-нибудь чужим, один из них по доброй воле предлагает свое сердце, после чего умирает как индивид, но поглощается другими, а значит, продолжает жить. Это прекрасно.

«Manesque exire sepulcris»[14], мыслешипит многорукий Сетебос. *Ты всего лишь поднял мертвецов из могил. Заиграл в Медею.*

Внезапно Сетебос поворачивается на ходильных руках и на двадцать метров выбрасывает из своих извилин руку на стебле. Серовато-белесый кулак ударяет первого попавшегося маленького зеленого человечка, пробивает грудь, хватает зеленое сердце и выдергивает его наружу. Безжизненное тело валится на песок. Внутренние соки растекаются по песку. Другие МЗЧ тут же встают на колени, чтобы впитать в себя клеточную сущность мертвого зека.

Сетебос втягивает змееподобную руку, выжимает сердце досуха, как губку, и с презрением отбрасывает прочь.

Пусто, как и в его голове. Ни голоса, ни посла-

---

[14] Примечания: 14

«И выходят могильные тени»*(лат.).* Овидий. Метаморфозы. Книга VII. Перев. С. Шервинского. Медея у Овидия перечисляет свои магические способности. Слова Просперо «По моему велению могилы послушно возвратили мертвецов» (Буря. Акт V, сц. 1. Перев. М. Донского) представляют собой аллюзию на эти строки Овидия.

ния.

— Да, для тебя там ничего нет, — соглашается Просперо. — Зато я получил печальный урок: никогда не говори открыто с врагами. От этого страдают другие.

Другие и должны страдать. Для того мы их и насоздавали.

— Да. И для того у нас в руках колки от струн душевных, дабы сердца на свой настроить лад[15]. Но твои создания нарушили все законы, Сетебос. Особенно Калибан. Вкруг моего державного ствола обвился он, как цепкая лиана, и высосал все соки…

–На то он и рожден.

— Рожден? — Просперо смеется. — Поганое отродье твоей ведьмы явилось на свет среди арсенала истинной шлюхи-жрицы — среди жаб, жуков, нетопырей и свиней, некогда бывших людьми. Порождение ехидны готово было превратить всю мою Землю в гадкий хлев, а я ведь обращался с этим животным как с человеком. Он жил в моей пещере. Я научил его словам, дал

---

[15] Примечания: 15

И для того у нас в руках колки от струн душевных, дабы сердца на свой настроить лад. — Ср.: «Держа в руках колки от струн душевных, он все сердца на свой настроил лад». У. Шекспир. Буря. Акт II, сц. 2. Здесь и далее цитаты из «Бури» в речи Просперо приведены в переводе М. Донского.

знание вещей, показал ему все качества людского рода… и какую пользу это принесло мне, или миру, или лживому рабу?

Все качества людского рода, фыркает Сетебос, делает пять шагов на огромных ходильных руках, так что старика накрывает его тень. *Я научил его силе. Ты научил его боли.*

— Когда это невежественное, дикое существо разучилось выражать свои мысли и лишь мычало, как дикий зверь, я по заслугам заточил его в скалу, где составлял ему общество в собственном обличье.

Ты изгнал мое дитя на орбитальный камень и отправил туда одну из своих голограмм, чтобы столетиями мучить его и дразнить, лживый маг.

— Мучить? О нет. Но когда гнусное земноводное меня не слушалось, я насылал на него корчи и ломоту в костях, и оно так ревело от боли, что другие звери на орбитальном острове дрожали от его воя. Так я поступлю снова, как только его отловлю.

Поздно. Сетебос фыркает. Все его немигающие глаза устремляются на старика в голубых одеждах. Пальцы подергиваются и колышутся. *Ты сам сказал, что мой любезный сын вырвался на*

волю. Разумеется, я об этом знал. И скоро к нему присоединюсь. Вместе с тысячами маленьких калибанов, которых ты так кстати создал, когда еще жил среди постлюдей и считал тот обреченный мир добрым, отец и внук превратят твой зеленый шарик в куда более приятное место.

— В болото, ты хотел сказать? — говорит Просперо. — В гнилые топи, наполненные вонью, и гнусными тварями, и всякой нечистотой, и всякой заразой, что паром поднимается с трясин глухих болот, и горечью падения Просперо.

Да. Огромный розовый мозг как будто приплясывает на длинных пальценогах, раскачиваясь, словно под звуки неслышной собеседнику музыки или радостных возгласов.

— Тогда Просперо не должен пасть, — шепчет волшебник. — Никак не должен.

Ты сдашься, волшебник. Что ты такое? Лишь тень отзвука ноосферы, персонификация бездушного, неорганизованного биения никчемной информации, бессвязный лепет расы, давно впавшей в слабоумие; кибернетически сшитый кишечный газ на ветру. Ты падешь, и с тобой твоя жалкая биошлюха Ариэль.

Старик поднимает посох, словно хочет ударить чудовище, но тут же опускает и опирается на

него, словно вдруг лишился последних сил.

— Она по-прежнему добрая и верная служанка нашей Земли. Ариэль никогда не покорится ни тебе, ни твоему гнусному сыну, ни твоей голубоглазой ведьме.

Зато послужит нам своею смертью.

— Ариэль*и есть* Земля, чудище, — выдыхает Просперо. — Моя милая выросла в полное сознание из ноосферы, вплетенной в осознающую себя биосферу. Уничтожишь ли ты целый мир в угоду своему гневу и тщеславию?

О да.

Сетебос прыгает вперед на исполинских пальцах и, схватив волшебника пятью руками, подносит к двум парам глазок.

Отвечай, где Сикоракса?

— Гниет.

Цирцея мертва? Дочь и наложница Сетебоса не может погибнуть.

— Она гниет.

Где? Как?

— Старость и злоба согнули ее в дугу, а я превратил в рыбу, которая сейчас портится с головы.

Многорукий издает хлюпающий звук, отрывает Просперо ноги и швыряет их в море. Потом отрывает ему руки, которые отправляет в глубокую

пасть, разверзшуюся меж извилин и складок. Наконец он вспарывает волшебнику живот и всасывает кишки, словно длинную макаронину.

— Развлекаешься? — спрашивает голова Просперо, но серые обрубки-пальцы разламывают ее, как орех, и пихают в ротовое отверстие.

Серебристые щупальца на берегу начинают мерцать, параболические отростки вспыхивают, и старец как ни в чем не бывало появляется чуть поодаль на пляже.

— Какой же ты зануда, Сетебос. Вечно голодный, вечно злой, но скучный и утомительный.

Я все равно найду твое истинное телесное воплощение, Просперо. Можешь поверить. На твоей Земле, в ее коре, под ее морями или на орбите я отыщу ту органическую массу, что когда-то была тобой, медленно разжую и съем. Не сомневайся.

— Надоел, — отмахивается волшебник. Вид у него усталый, печальный. — Какая бы судьба ни постигла здесь, на Марсе, моих зеков или твоих глиняных божков, что бы ни приключилось с любезными моему сердцу людьми на Земле Илиона — мы с тобой скоро встретимся. На сей раз — на Земле. Война между нами затянулась, настала пора к добру или к худу положить ей конец.

Точно.

Выплюнув кровавые ошметки, многорукое существо разворачивается на нижних ладонях, семенит к морю и скрывается под водой, выплеснув напоследок алый фонтанчик из отверстия между верхними складками.

Просперо вздыхает, затем, подав знак войниксам, подходит к ближайшему МЗЧ и обнимает его.

— Возлюбленные, как я хотел бы поговорить с вами, узнать, о чем вы думаете. Но стариковское сердце не выдержит, если сегодня умрет еще кто-нибудь из вашего рода. В лучшие времена я непременно вернусь, а пока, умоляю,*corragio*![16] Мужайтесь, друзья! *Corragio!*

Войниксы отключают проектор и, как только волшебник растворяется в воздухе, бережно сворачивают серебряные щупальца, грузят аппарат в паровую одноколку и поднимаются по лесенке в обитый красным салон. Лесенка складывается. Мотор громко кашляет.

Пыхтя и переваливаясь, плюясь песком, громоздкий экипаж описывает круг по берегу — зеки молча расступаются — и неуклюже вкатывается

---

[16] Примечания: 16
Мужество!*(ит.)*

в бран-дыру, где в то же мгновение исчезает.

Через несколько секунд бран-дыра съеживается обратно в одиннадцатимерный энергетический лист спектральных цветов, съеживается еще сильнее, мерцает и пропадает из виду.

Какое-то время на берегу слышен только плеск, с которым сонные волны накатывают на красный песок. Затем МЗЧ расходятся по фелюгам и баржам, поднимают паруса и вновь отправляются ставить каменные головы.

21

Уже пришпорив коня и замахнувшись копьем Афины для смертельного удара, Пентесилея осознала два своих, возможно роковых, упущения.

Прежде всего — трудно поверить, но Афина не уточнила, какая из пяток мужеубийцы уязвима, а царица не догадалась поинтересоваться. Амазонке почему-то представлялось, что смертный Пелей вытащил сына-младенца из Небесного пламени за правую ногу. Однако Афина сказала только, что уязвима одна из пяток.

Пентесилея понимала, как трудно будет попасть герою в пяту, пусть даже и зачарованным копьем. Ахиллеса нипочем не обратить в бегство, тут сомнений не было. Но амазонка заранее

велела боевым подругам как можно яростнее атаковать ахейцев за спиной героя. Настоящий военачальник непременно обернется посмотреть, кто из его людей убит, а кто ранен. Вот тут царица и нанесет роковой удар. Правда, чтобы стратегия сработала, Пентесилее самой придется держаться сзади, позволив сестрам по оружию вырваться вперед. Ей, привыкшей повелевать и главенствовать, особенно в убийствах! И хотя амазонки знали, что так нужно, иначе быстроногого не убить, царица покраснела от стыда, когда прочие всадницы налетели на мужчин, оставив ее позади.

И тут она осознала свою вторую ошибку. Ветер дул со стороны Ахиллеса, а не к нему. Исполнение замысла частично зависело от чудесных духов Афродиты, но для этого мускулистому идиоту нужно было *почуять* их. Если ветер не переменится — или Пентесилея не приблизится настолько, чтобы оказаться буквально над белобрысым ахейцем, — волшебный аромат не подействует.

«Плевать, Аид побери, — подумала Пентесилея, глядя, как подруги мечут копья и выпускают оперенные стрелы. — Да свершится воля Судеб! Арес, отец! Будь со мной и защити меня сегодня!»

Она почти ожидала, что бог войны появится

рядом, может быть даже вместе с Афиной и Афродитой, ведь они хотели, чтобы Ахиллес сегодня погиб. Однако ни бог, ни богини не показались в последние мгновения до того, как огромные скакуны налетели на стремительно воздетые пики, копья застучали по быстро поднятым щитам и неудержимые амазонки столкнулись с неколебимыми аргивянами.

Поначалу казалось, будто удача и боги на стороне воительниц. Кони-великаны, хотя некоторые из них угодили на острия копий, смяли ахейские ряды. Одни греки были убиты, другие отступили. Амазонки быстро взяли в кольцо человек пятьдесят вокруг Ахиллеса и принялись орудовать мечами и пиками.

Любимая помощница Пентесилеи, лучшая амазонская лучница Клония, беспрерывно спускала тетиву, поражая воинов за спиной Ахиллеса, так что тому приходилось то и дело оборачиваться. Ахеец Менипп рухнул с длинной стрелой в горле. Его товарищ Подарк, бесстрашный отпрыск Ификла и брат погибшего Протесилая, в ярости рванулся вперед, целя пикой в бедро наездницы Клонии, однако Бремуса на скаку рассекла древко пополам и мощным ударом наотмашь разрубила Подарку руку у локтя.

Кони боевых сестер царицы, Эвандры и Фермодосы, грохнулись на землю, пронзенные ахейскими копьями, но обе амазонки тут же вскочили, встали спина к спине, подняли сверкающие щиты в форме полумесяца и принялись отражать атаки вопящих греков.

Вторая волна увлекла Пентесилею вперед, и та начала пробиваться сквозь ахейские щиты бок о бок с подругами Алкивией, Деримахией и Дерионой, рассекая мечом перекошенные от злости бородатые лица. Стрела, пущенная из задних ахейских рядов, звонко ударила в ее шлем и отлетела в сторону. Глаза на миг застелил багровый туман.

Где Ахиллес?

В неразберихе битвы царица на миг утратила чувство направления… Да вот же он, в двадцати шагах справа от нее! Мужеубийцу окружали аргивские военачальники — Аяксы, Идоменей, Одиссей, Диомед, Сфенел, Тевкр. Издав боевой клич амазонок, Пентесилея ударила коня пятками по бокам и устремилась в самую гущу героев.

Тут толпа расступилась в тот самый миг, когда Ахиллес обернулся посмотреть, как один из его людей, не то Эвхенор, не то Дулихий, падает, сраженный в глаз длинной стрелой Клонии.

Пентесилея отчетливо видела его голые икры под ремешками поножей, пыльные щиколотки, заскорузлые пятки.

Копье Афины как будто гудело в руке. Пентесилея откинулась назад и метнула его со всей силы. Копье угодило в цель — прямо в незащищенную правую пятку быстроногого мужеубийцы — и… отскочило.

Ахиллес развернулся, вскинул голову. Его голубые глаза нашли Пентесилею. Он зловеще ухмыльнулся.

Амазонки схватились с основной группой противников, и тут удача от них отвернулась.

Бремуса метнула пику в Идоменея, однако сын Девкалиона почти небрежно прикрылся круглым щитом, и древко переломилось пополам. Затем он бросил свое более длинное копье, оно вонзилось рыжеволосой Бремусе точно под левую грудь и вышло через хребет. Она спиной вперед упала со взмыленного коня. Дюжина незнатных греков бросилась к ней — снимать богатые доспехи.

Алкивия и Деримахия закричали от ярости и направили скакунов на Идоменея, но два Аякса ухватили коней под уздцы, заставив этих великанов повиноваться своей мощи. Когда амазонки соскочили на землю, дабы сражаться пешими,

Диомед, сын Тидея, обезглавил обеих одним взмахом меча. Пентесилея с ужасом видела, как голова Алкивии, все еще хлопая ресницами, упала в пыль, прокатилась и замерла; как Одиссей со смехом поднял ее за волосы.

Тут некий безымянный аргивянин вцепился царице в ногу. Та всадила второе копье ему в грудь, пронзив тело до кишок. Он беззвучно разинул рот и рухнул, но увлек ее копье за собой. Пентесилея схватила боевой топор и пришпорила коня, удерживаясь лишь коленями.

Дериону, ту, что ехала справа от царицы, стащил с лошади Малый Аякс. Лежа на спине, задыхаясь от удара, воительница потянулась к мечу. Малый Аякс захохотал и пронзил ей грудь копьем. Он поворачивал оружие до тех пор, пока амазонка не перестала корчиться.

Клония прицелилась ему в сердце, но латы отразили стрелу. Тут побочный отпрыск Теламона, Тевкр, лучший из лучников, проворно пустил в сопящую от злости Клонию три стрелы: первую — в горло, вторую — через доспехи — в живот, а третью — в обнаженную левую грудь, да так, что снаружи остались лишь перья да три дюйма древка. Ближайшая подруга Пентесилеи замертво пала с окровавленного скакуна.

Эвандра и Фермодоса по-прежнему бились спина к спине, хотя истекали кровью и чуть не падали от изнеможения. Внезапно атакующие ахейцы отхлынули от них, и Мерион, сын Мола, друг Идоменея и вождь критян, метнул обеими руками по тяжелому копью. Наконечники пробили легкие латы амазонок, и сестры бездыханными рухнули в прах.

К тому времени все остальные всадницы были повержены. Пентесилея получила множество порезов и ран — правда, ни одной смертельной. Оба лезвия топора обагрила аргивская кровь, но у царицы не осталось сил поднимать тяжелое оружие. Она достала из ножен короткий меч. Между нею и Ахиллесом как раз открылся промежуток.

Словно по воле Афины копье, отскочившее от правой пяты Ахиллеса, лежало на земле возле правого копыта ее утомленного боевого коня. В любое другое время амазонка на полном скаку наклонилась бы за божественным копьем, но сейчас она слишком устала, доспехи внезапно потяжелели, да и жестоко израненный скакун еле держался на ногах. Поэтому Пентесилея выскользнула из седла и вовремя пригнулась: над шлемом просвистели две оперенные стрелы Тевкра.

Выпрямившись, она уже никого не видела, кроме Ахиллеса. Все прочие ахейцы, напиравшие орущей толпой, превратились в расплывчатые пятна.

— Метни еще раз, — сказал Ахиллес, улыбаясь все той же жуткой ухмылкой.

Пентесилея вложила в бросок все свои силы без остатка, целясь в нагое мускулистое бедро под кругом прекрасного щита.

Ахиллес присел с проворством пантеры. Копье Афины ударило в его щит, древко раскололось.

Пентесилее осталось лишь вновь сжать топор, но тут Ахиллес, все так же улыбаясь, поднял собственное копье, то самое легендарное копье, всегда попадавшее в цель, которые кентавр Хирон изготовил для его отца Пелея.

Он метнул копье. Пентесилея подняла свой щит в форме полумесяца. Копье пронизало его, не замедлившись, пропороло доспехи и правую грудь, вышло через спину и вонзилось в стоявшего позади коня, проткнув и его сердце.

Царица амазонок и ее боевой скакун вместе упали в пыль, тяжелое копье, на которое были насажены они оба, качнулось маятником, так что ноги Пентесилеи высоко задрались. Ахиллес приближался с мечом в руках. Пентесилея пыта-

лась удержать его затуманенным взором. Топор выпал из ее ослабевших пальцев.

— Фу-ты, черт, — прошептал Хокенберри.

— Аминь, — ответил Манмут.

Бывший схолиаст и маленький моравек во все время схватки находились почти сразу за Ахиллесом. Теперь они подошли туда, где он стоял над бьющейся в судорогах Пентесилеей.

–*«Tum saeva Amazon ultimus cecidit metus»*, — пробормотал Хокенберри. — «Погибла амазонка, наш последний страх»[17].

— Опять Вергилий? — спросил Манмут.

— Нет, это Пирр в трагедии Сенеки «Троянки».

И тут случилось нечто странное.

Ахейцы уже столпились вокруг, намереваясь сорвать с мертвой или умирающей Пентесилеи ее доспехи. Ахиллес стоял, сложив руки на груди и раздувая ноздри, словно вбирал запах пролитой крови, конского пота и смерти. Внезапно быстроногий мужеубийца закрыл лицо огромными руками и зарыдал.

Большой Аякс, Диомед, Одиссей и прочие полководцы, которые подошли ближе — глянуть

[17] Примечания: 17

«Погибла амазонка, наш последний страх». — Сенека. Троянки. Перев. С. Ошерова.

на убитую царицу амазонок, — замерли в недоумении. Крысомордый Терсит и кое-кто из вояк помельче, не обращая внимания на рыдающего полубога, по-прежнему спешили снять с Пентесилеи доспехи. Они сорвали шлем с ее головы, и кудри мертвой царицы рассыпались золотой волной.

Ахиллес запрокинул голову и застонал, как в то утро, когда Хокенберри в облике Афины якобы убил Патрокла и похитил его тело. Военачальники отступили еще на шаг от мертвой женщины и ее коня.

Терсит ножом перерезал ремни нагрудного доспеха и пояс, кромсая нежное тело мертвой царицы, — так спешил завладеть незаслуженным трофеем. Царица лежала почти нагая. Лишь один из поножей, серебряный пояс да одна сандалия остались на ее изрезанном, избитом, но по-прежнему совершенном теле. Длинное копье Пелея все еще пришпиливало ее к мертвому коню, однако Ахиллес не спешил выдернуть свое оружие.

— Отойдите, — сказал он, и почти все мгновенно повиновались.

Безобразный Терсит (латы Пентесилеи — под мышкой одной руки, ее окровавленный шлем — под другой) расхохотался.

— И что ж ты за дурень, сын Пелея! — прокаркал он, срывая с умершей пояс. — Это же надо — так рыдать над убитой девкой, сокрушаясь о ее красоте! Поздно, теперь она пойдет на корм червям, и толку-то…

— Отойди, — повторил Ахиллес невыразительным — и оттого более жутким — тоном. По его пыльному лицу все так же катились слезы.

При виде бабьей слабости грозного мужеубийцы Терсит осмелел еще больше и, пропустив повеление мимо ушей, рванул серебряный пояс на себя, приподняв бедра Пентесилеи, и бесстыже задвигал ляжками, как если бы совокуплялся с трупом.

Ахиллес шагнул вперед, ударил Терсита кулаком, разбив тому скулу и челюсть, и вышиб все до единого желтые зубы. Терсит, перелетев через тела коня и Пентесилеи, рухнул в пыль. Кровь хлынула у него из носа и рта.

— Ни могилы тебе, мерзавец, ни погребения, — сказал Ахиллес. — Как-то раз ты скалил зубы над Одиссеем, и тот тебя простил. Теперь ты надумал издеваться надо мной, и я тебя убил. Сын Пелея не позволит насмехаться над собой безнаказанно. Ступай в Аид и дразни там бесплотные тени своими жалкими остротами.

Терсит закашлялся кровью, захлебнулся блевотиной и умер.

Ахиллес медленно, чуть ли не с нежностью, потянул на себя копье — вначале из праха, потом из конского трупа, затем из тела Пентесилеи. Ахейцы отступили еще дальше, недоумевая, отчего мужеубийца стенает и плачет.

–*«Aurea cui postquam nudavit cassida frontem, vicit victorem candida forma virum»*, — шепнул Хокенберри себе под нос. — «Но когда шлем золотой с чела ее пал, победитель был без сраженья сражен светлой ее красотой…»[18] — Он посмотрел на Манмута. — Проперций, книга третья, одиннадцатая поэма «Элегий».

Манмут потянул схолиаста за руку:

— Кто-нибудь напишет элегию про нас двоих, если мы не унесем отсюда ноги. Причем*сейчас же*.

— Почему? — Хокенберри огляделся и заморгал.

Гудели сирены. Воины-роквеки сновали среди отступающих ахейцев, усиленными механическими голосами побуждая их немедленно пройти

---

[18] Примечания: 18

«Но когда шлем золотой с чела ее пал, победитель был без сраженья сражен светлой ее красотой». — Проперций. Элегии. Перев. Л. Остроумова.

в Дыру. Шло массовое отступление. На колесницах и бегом люди спешили на другую сторону, однако не громкоговорители моравеков гнали их прочь. Олимп извергался.

Земля… ну то есть марсианская земля, тряслась и содрогалась. Пахло серой. За спинами отступающих ахейцев и троянцев далекая вершина Олимпа светилась под эгидой красным, выбрасывая к небу многомильные столпы огня. По верхним склонам величайшего вулкана Солнечной системы уже текли лавовые потоки. Воздух наполнился красной пылью и запахом страха.

— Что происходит? — спросил Хокенберри.

— Боги вызвали здесь некое извержение, и еще бран-дыра закроется в любую минуту, — сказал Манмут, уводя Хокенберри от того места, где Ахиллес стоял на коленях над павшей царицей.

С остальных амазонок сняли доспехи, и все, за исключением главных героев, торопливо отступали к Дыре.

Вам надо оттуда выбираться, передал Орфу с Ио по фокусированному лучу.

Да, мы видим извержение, ответил Манмут.

Все куда хуже, раздался по фокусированному лучу голос Орфу. *По нашим данным, пространство Калаби-Яу сворачивается обратно в состояние*

черной дыры и кротовины. Струнные вибрации совершенно нестабильны. Олимп, возможно, разнесет эту часть Марса на куски, а возможно, не разнесет, но у вас не больше нескольких минут до того, как бран-дыра исчезнет. Скорее тащи Хокенберри и Одиссея на корабль.

В просветы между движущимися латами и пыльными ляжками Манмут различил Одиссея — тот говорил с Диомедом шагах в тридцати от них.

Одиссей? Хокенберри не успел с ним даже поговорить, не то что убедить его лететь с нами. Нам правда нужен Одиссей?

Анализ первичных интеграторов утверждает, что да, передал Орфу. *Кстати, мы наблюдали за битвой через твои видеоканалы. Чертовски занятное зрелище.*

Для чего нам Одиссей? — спросил Манмут.

Почва гудела и колебалась. Безмятежное море на севере утратило свое обычное спокойствие. О красные скалы разбивались огромные валы.

Откуда мне знать? — пророкотал Орфу с Ио. *На твой взгляд, я похож на первичного интегратора?*

Может, есть предложения, как убедить Одиссея, чтобы тот бросил товарищей и войну с

троянцами ради полета с нами? — передал Манмут. *Судя по всему, он и другие военачальники, за исключением Ахиллеса, сейчас вскочат на колесницы и устремятся в Дыру. Вонь и грохот от вулкана сводят коней с ума… Да и людей тоже. Как мне привлечь внимание Одиссея в таких обстоятельствах?*

Придумай что-нибудь, сказал Орфу. *Разве капитаны европеанских подлодок не славятся умением проявлять инициативу?*

Манмут покачал головой и пошел к центурион-лидеру Мепу Аху, который в громкоговоритель убеждал ахейцев немедленно вернуться через бран-дыру. Даже его усиленный голос тонул в грохотании вулкана, топоте копыт и обутых в сандалии ног. Люди сломя голову бежали прочь от Олимпа.

Центурион-лидер? — обратился Манмут напрямую по тактическим каналам связи.

Двухметровый воин развернулся и замер по стойке смирно.

Да, сэр.

Формально Манмут не имел командирского звания, однако роквеки видели в нем и Орфу начальство уровня легендарного Астига/Че.

Идите к моему шершню и ждите дальнейших

указаний.

Есть, сэр.

Передав громкоговоритель и свои полномочия одному из коллег, Меп Аху затрусил к летательному аппарату.

— Мне надо усадить Одиссея в шершень! — крикнул Манмут Хокенберри. — Поможешь?

Хокенберри, переводивший взгляд с содрогающейся вершины Олимпа на подрагивающую бран-дыру и обратно, рассеянно посмотрел на маленького моравека, потом кивнул и зашагал вместе с ним к ахейским полководцам.

Манмут и Хокенберри быстро прошли мимо двух Аяксов, Идоменея, Тевкра и Диомеда туда, где Одиссей мрачно смотрел на Ахиллеса. Хитроумный тактик казался погруженным в раздумья.

— Просто замани его к шершню, — шепнул Манмут.

— Сын Лаэрта! — позвал Хокенберри.

Одиссей вскинул голову и обернулся:

— В чем дело, сын Дуэйна?

— Мы получили известие от твоей жены.

— Что? — Одиссей нахмурился и положил руку на меч. — О чем ты?

— Я говорю о твоей жене Пенелопе, матери Телемаха. Она поручила нам передать тебе

сообщение, доставленное при помощи магии моравеков.

— К Аиду магию моравеков! — рявкнул Одиссей, глядя на Манмута сверху вниз. — Убирайся, Хокенберри, и забери с собой эту мелкую железную пакость, пока я не раскроил вас обоих от мошонки до подбородка. Почему-то… Не знаю почему, но я нутром чую… Это вы навлекли на нас последние бедствия. Ты и проклятые моравеки.

— Пенелопа велела напомнить тебе про кровать, — сказал Хокенберри, импровизируя и надеясь, что правильно помнит перевод Фицджеральда. Обычно он рассказывал студентам про «Илиаду», оставляя «Одиссею» профессору Смиту.

— Кровать? — нахмурился Одиссей, отходя от толпы военачальников. — Что ты несешь?

— По словам Пенелопы, описание вашего супружеского ложа докажет тебе, что известие действительно от нее.

Одиссей вытащил меч и опустил отточенное лезвие на плечо Хокенберри:

— Если это шутка, то не смешная. Опиши мне кровать. За первую ошибку я отрублю тебе одну руку, за вторую — другую. Дальше примусь за ноги.

Хокенберри с трудом подавил желание убежать или обмочиться.

— Пенелопа велела сказать, что рама украшена золотом, серебром и слоновой костью, стянута ремнями воловьей кожи, окрашенными в яркий пурпур, и накрыта множеством мягких овчин.

— Пфа! — сказал Одиссей. — У каждого знатного человека такая постель. Проваливай, пока цел.

Диомед и Большой Аякс, подойдя к Ахиллесу, который по-прежнему стоял на коленях, убеждали его бросить тело убитой амазонки и поспешить с ними. Бран-дыра уже заметно вибрировала, ее края расплылись. Вулкан ревел так, что людям приходилось кричать.

— Одиссей! — воскликнул Хокенберри. — Это важно! Идем с нами, и узнаешь, что хочет сообщить тебе прекрасная Пенелопа.

Коренастый бородач, не опуская меча, грозно глянул на схолиаста и моравека:

— Скажи, куда я переставил кровать, когда привел молодую жену в супружескую спальню, и я, возможно, оставлю тебе обе руки.

— Ее нельзя переставить. — Несмотря на то что сердце у Хокенберри бешено колотилось, его громкий голос звучал ровно. — Пенелопа сказала, что, строя дворец, ты не стал корчевать

огромную, прямую, словно колонна, маслину, которая пышно росла там, где теперь спальня. Возведя вокруг стены, ты отсек от дерева ветки, срубил ствол и приладил к отрубку раму. Вот что велела передать твоя жена, дабы ты поверил нашим словам.

Минуту Одиссей молча смотрел на чужака. Потом вложил меч в ножны и произнес:

— Передай мне ее сообщение, сын Дуэйна. Да побыстрее. — Он покосился на грозовое небо и грохочущий Олимп.

Внезапно три десятка шершней и военно-транспортных кораблей вылетели из Дыры, унося моравеков в безопасность. На марсианскую почву посыпались звуковые удары, так что бегущие люди в страхе пригнулись и закрыли руками голову.

— Давай отойдем к моравекской машине, сын Лаэрта. Эта новость не для чужих ушей.

Они прошли через вопящую толпу туда, где стоял на инсектоидных шасси черный шершень.

— Говори же! — сказал Одиссей, крепкой рукой беря Хокенберри за плечо.

Манмут по фокусированному лучу передал Мепу Аху:

У вас есть тазер?

Да, сэр.

Отключите Одиссея и погрузите его в шершень. Поручаю вам управление. Мы немедленно стартуем на Фобос.

Роквек тронул Одиссея за шею. Сверкнула искра, и бородач рухнул в шипастые руки моравекского воина. Меп Аху втащил бесчувственного Одиссея на борт, запрыгнул следом и включил двигатель.

Манмут огляделся — никто из ахейцев вроде бы не заметил, как похитили одного из их вождей, — и вскочил в открытую дверь.

— Давай сюда, Хокенберри. Дыра схлопнется в любую секунду. Любой, кто застрянет на этой стороне, останется на Марсе навечно. — Он кивнул на Олимп. — А если вулкан взорвется, эта вечность будет измеряться минутами.

— Я не лечу с вами, — сказал Хокенберри.

— Не сходи с ума! — крикнул Манмут. — Глянь! Все ахейское начальство — Диомед, Идоменей, Тевкр, Аяксы — бежит к Дыре.

— Ахиллес не бежит, — ответил Хокенберри, наклоняясь ближе, чтобы Манмут его слышал.

Вокруг сыпались искры, барабаня по шершню, словно огненный град.

— Ахиллес спятил! — крикнул Манмут, думая

про себя: «Сказать ли Мепу Аху, чтобы он и Хокенберри оглушил тазером?»

Словно прочитав его мысли, Орфу вышел на связь по фокусированному лучу. Манмут забыл, что по-прежнему в режиме реального времени передает изображение и звук на Фобос и на «Королеву Маб».

Не надо его отключать, передал Манмут. *Мы у Хокенберри в долгу. Пусть сам решает.*

К тому времени, как он примет решение, его не будет в живых, ответил Орфу с Ио.

Он уже умирал, сказал Манмут. *Быть может, он хочет умереть снова.*

Хокенберри он крикнул:

— Давай! Запрыгивай! Ты нужен на корабле, Томас.

При звуке своего имени Хокенберри заморгал. Потом мотнул головой.

— Разве ты не хочешь снова увидеть Землю? — крикнул маленький моравек.

Почва вибрировала от марсотрясения, шершень качался на черных шипастых шасси. Вокруг бран-дыры, которая вроде стала меньше, клубились тучи пепла и серы. Манмут вдруг осознал, что, если удержать Хокенберри разговором еще на минуту-две, тому не останется иного выбора,

кроме как лететь с ними.

Однако Хокенберри отступил от шершня на шаг и указал на последних бегущих ахейцев, на мертвых амазонок, на конские трупы, на далекие стены Илиона и сражающиеся армии, едва различимые сквозь подернувшуюся рябью бран-дыру.

— Я заварил эту кашу, — сказал он. — По крайней мере, помог заварить. Думаю, я должен остаться и попытаться исправить дело.

Манмут указал на сражающихся по другую сторону бран-дыры:

— Илион падет, Хокенберри. Силовых щитов, воздушного заслона и антиквит-поля больше нет.

Хокенберри снова улыбнулся, прикрывая лицо от падающих углей и пепла.

–*«Et quae vagos vincina prospiciens Scythas ripam catervis Ponticam viduis ferit escisa ferro est, Pergannum incubuit sibi!»* — крикнул он.

«Ненавижу латынь, — подумал Манмут. –И наверное, филологов-античников тоже». Вслух он сказал:

— Опять Вергилий?

— Сенека! — крикнул Хокенберри. — «И те, что с кочевыми рядом скифами над Понтом скачут толпами безмужними… — Он имел в виду амазонок.

— Мечами разоренный, наземь пал Пергам…»[19] Ну ты знаешь, Манмут. Илион, Троя…

— Живо на борт, Хокенберри! — заорал Манмут.

— Удачи, Манмут. — Хокенберри отступил еще дальше. — Передай привет Земле и Орфу, мне будет недоставать их обоих.

Он развернулся и неспешной трусцой пробежал туда, где коленопреклоненный Ахиллес по-прежнему рыдал над мертвой Пентесилеей — все живые бежали, оставив его наедине с мертвой, — а затем, когда шершень Манмута взлетел и устремился в космос, Хокенберри со всех ног рванулся к заметно уменьшившейся Дыре.

---

[19] Примечания: 19

«И те, что с кочевыми рядом скифами над Понтом скачут толпами безмужними… Мечами разоренный, наземь пал Пергам…» — Сенека. Троянки. Перев. С. Ошерова.

Часть 2

22

После веков субтропического тепла в Ардис-холл пришла настоящая зима. Снег еще не выпал, но почти все деревья в окрестных лесах облетели, и только самые упрямые листья еще цеплялись за ветки. Теперь даже после запоздалого рассвета в тени огромного дома целый час не таял иней. Каждое утро Ада смотрела, как солнечные лучи понемногу стирают со склонов западной лужайки белую изморозь, оставляя лишь узенькую искристую полосу перед самым домом. Гости рассказывали, что две речушки, пересекающие дорогу к факс-узлу в миле с четвертью от Ардис-холла, затянуты хрупкой коркой льда.

Сегодняшний день был одним из самых коротких в году; вечер подкрался рано, и Ада прошла по дому, зажигая керосиновые лампы и бесчисленные свечи. Несмотря на пятый месяц беременности, она двигалась с завидным изяществом. Старинный дом, возведенный восемь столетий назад, еще до финального факса, до сих пор сохранял дух радушного уюта. Две дю-

жины растопленных каминов, которые прежде лишь развлекали и радовали гостей, теперь по-настоящему обогревали бóльшую часть из шестидесяти восьми комнат. Для остальных Харман, сиглировав чертежи, соорудил то, что называл «франклиновскими печами»[20]. Они так жарили, что Аду, когда та поднималась по лестнице, клонило в сон.

На третьем этаже она помедлила у большого сводчатого окна в конце коридора. Ей подумалось, что впервые за тысячи лет леса вновь падают под ударами людей с топорами. И те рубили деревья не только на дрова. В зимних сумерках за кривыми стеклышками высился серый частокол, который уходил вниз по южному склону, загораживая вид, но успокаивая сердце. Частокол опоясывал весь Ардис-холл, местами подступая к дому на тридцать ярдов, местами удаляясь от него на добрую сотню к самой кромке леса позади дома. По углам вздымались дозорные башни, тоже бревенчатые, и еще больше деревьев ушло

[20] Примечания: 20

…соорудил то, что называл «франклиновскими печами». — Печь Франклина («циркуляционная печь» или «пенсильванский камин») — экономичная чугунная печь, изобретенная Бенджамином Франклином и используемая в основном для отопления помещений. Франклиновские печи требуют куда меньше дров и дают значительно больше тепла, чем традиционный английский камин.

на то, чтобы превратить летние палатки в дома и казармы для более чем четырехсот нынешних обитателей Ардиса.

Где Харман?

Ада часами гнала от себя назойливую тревогу, находила десятки домашних дел, чтобы отвлечься, но беспокойство нарастало. Ее любимый — сам он предпочитал архаичное слово «муж» — ушел после рассвета с Ханной, Петиром и Одиссеем (который теперь требовал называть его «Никто»), ведя запряженные волом дрожки. Им предстояло прочесывать луга и леса за десять миль и далее от реки — охотиться на оленей и разыскивать разбежавшийся скот.

«Почему их до сих пор нет? Харман обещал вернуться задолго до темноты».

Ада спустилась на первый этаж и пошла в кухню. В большом помещении, которое столетиями видело лишь сервиторов, да еще войниксы изредка приносили сюда оленей, забитых в охотничьих угодьях, теперь кипела жизнь. Сегодня готовкой руководили Эмма и Реман (в самом Ардис-холле ели обычно около пятидесяти человек). Примерно десять помощников и помощниц пекли хлеб, резали салаты, жарили мясо на вертеле в огромном старом очаге и в целом создавали ту

уютную суматоху, которая завершалась накрытым длинным столом.

Эмма поймала взгляд Ады:

— Вернулись уже?..

— Нет еще. — Ада улыбнулась с деланой беззаботностью.

— Скоро вернутся, — сказала Эмма и похлопала ее по бледной руке.

Не впервые и без злости (Эмма была ей симпатична) Ада мысленно подивилась, отчего люди считают, будто беременных можно сколько угодно трогать и гладить.

Она сказала:

— Вернутся, конечно. И я надеюсь, с дичью и по меньшей мере с четырьмя пропавшими бычками… а еще лучше двумя бычками и двумя коровами.

— Нам нужно молоко, — согласилась Эмма; она еще раз похлопала Аду по руке и продолжила руководить готовкой.

Ада выскользнула наружу. От холода у нее на миг перехватило дыхание, однако она плотнее укутала шалью плечи и шею. После жаркой кухни ледяной воздух покалывал щеки. Ада постояла во дворике, давая глазам привыкнуть к темноте.

«К черту!»

Она подняла левую ладонь и, вообразив зеленый треугольник внутри желтого круга, в пятый раз за последние два часа вызвала ближнюю сеть.

Над ладонью возник синий овал, но голографические картинки по-прежнему были размытые и с помехами. Харман как-то предположил, что эти временные перебои в работе ближней и дальней сети и даже старой поисковой функции не связаны с их телами («Наноаппараты у нас по-прежнему в генах и крови», — сказал он со смехом), но как-то зависят от спутников и передатчиков на астероидах п- либо э-кольца, быть может из-за ночных метеоритных дождей. Ада подняла глаза к вечереющему небу. Полярное и экваториальное кольца вращались над головой двумя перекрещенными полосами света. Каждое состояло из тысяч отдельных светящихся объектов. Почти все двадцать семь лет Адиной жизни их вид успокаивал и обнадеживал: там лазарет, где человеческое тело обновляется каждые два десятилетия, там живут постлюди, которые за ними приглядывают и к которым они вознесутся после Пятой и последней Двадцатки. Но после того как Харман и Даэман там побывали, Ада знала, что постлюдей на кольцах нет. Пятая Двадцатка

оказалась многовековой ложью — финальным факсом к смерти от зубов человекоядного существа по имени Калибан.

Падучие звезды — на самом деле обломки орбитальных объектов, которые Даэман и Харман столкнули восемь месяцев назад, — прочерчивали небосвод с запада на восток, но это был уже слабенький метеоритный дождик по сравнению с ужасной бомбардировкой в первые недели после Падения. Ада задумалась об этом слове, прочно вошедшем в обиход за последние месяцы.*Падение*. Падение чего? Падение обломков орбитального астероида, уничтоженного по воле Просперо при участии Хармана и Даэмана, падение сервиторов, отключение электричества и то, что войниксы, прежде верно служившие людям, вышли из-под контроля в ту самую ночь — ночь Падения. Все рухнуло в тот день чуть больше восьми месяцев назад — не только небо, но и целый мир, каким его знали современники Ады и многие поколения людей старого образца на протяжении четырнадцати Пяти Двадцаток.

К горлу подступила тошнота, от которой Ада страдала первые три месяца беременности, однако причина была не в токсикозе, а в беспокойстве. Голова трещала от напряжения. «Отменить», —

подумала Ада, и окно ближней сети погасло. Она попробовала дальнюю сеть. Бесполезно. Попробовала примитивную поисковую функцию, но трое мужчин и женщина, которых она хотела найти, ушли слишком далеко, и значок не загорался красным, зеленым или желтым. Ада отменила все ладонные функции разом.

Всякий раз, как она включала какую-нибудь функцию, ей хотелось читать книги. Ада глянула на светящиеся окна библиотеки. Она видела головы сиглирующих людей, и ей хотелось оказаться с ними, скользить ладонями по корешкам новых томов, привезенных в последние дни, смотреть, как золотые буквы текут по рукам в сердце и разум. Однако за этот короткий зимний день она прочла пятнадцать толстых книг, и от одной мысли о сиглировании ее замутило еще сильнее.

«Чтение — по крайней мере, сигл-чтение — чем-то похоже на беременность», — подумала Ада и, довольная сравнением, принялась его развивать. Оно тоже вызывает чувства, к которым ты не готова. Ощущаешь себя наполненной и не совсем собой, двигаешься к некой определенной минуте, которая переменит твою жизнь навсегда.

Интересно,*что* сказал бы по этому поводу Харман, беспощадный критик собственных метафор

и аналогий? Неприятное ощущение поднялось от живота к сердцу, беспокойство вернулось.

«Где они? Где он? Как там мой милый?»

С бьющимся сердцем Ада зашагала туда, где мерцал открытый огонь в обрамлении деревянных подмостков — литейная площадка Ханны. Теперь здесь круглосуточно изготавливали оружие из бронзы, железа и других металлов.

— Добрый вечер, Ада-ур! — воскликнул один из молодых людей, которые поддерживали огонь, высокий и худой Лоэс. После стольких лет знакомства он до сих пор предпочитал официально-почтительное обращение.

— Добрый вечер, Лоэс-ур. Ничего не слышно с дозорных башен?

— Ничего, к сожалению! — крикнул сверху Лоэс, отступая от круглого отверстия в куполе.

Ада рассеянно отметила, что он сбрил бороду и что лицо у него красное и потное. Лоэс работал голым по пояс, и это ближе к ночи, от которой все ожидали снега!

— Сегодня будет литье? — спросила Ада.

Ханна всегда предупреждала ее заранее — на ночное литье стоило полюбоваться. Однако Ада плавильной печью не занималась и не особо следила, что там происходит.

— К утру, Ада-ур. Я уверен, что Харман-ур и остальные скоро вернутся. При свете колец и звезд легко найти дорогу.

— Да, конечно! — крикнула Ада. — Кстати, — вдруг припомнила она, — ты не видел Даэмана-ур?

Лоэс утер лоб, негромко посовещался с товарищем, который уже спускался за дровами, и крикнул:

— Даэман-ур сегодня вечером отправился в Парижский Кратер, помнишь? Хочет забрать оттуда свою мать.

— Ах да, конечно. — Ада прикусила губу, однако не удержалась от вопроса: — Ушел-то он засветло? Очень надеюсь, что так.

В последние недели войниксы все чаще нападали на людей по пути к факс-узлу.

— Само собой, Ада-ур. Он ушел к павильону задолго до заката и взял с собой один из новых арбалетов. И он дождется рассвета, прежде чем возвращаться с матерью.

— Вот и хорошо, — сказала Ада, глядя на северный частокол, за которым начинался лес; здесь, на открытом склоне холма, уже стемнело, последний свет на западе скрыли тучи, и она могла вообразить, как темно под деревьями. — Увидим-

ся за ужином, Лоэс-ур.

— До скорой встречи, Ада-ур.

Налетел холодный ветер, и Ада накинула на голову шаль. Она шла к северным воротам и дозорной башне, хотя знала, что не дело отвлекать часовых беспокойными расспросами. К тому же сегодня она уже простояла там час, глядя на север и почти упиваясь радостным ожиданием. Тогда тревога еще не накатила, как дурнота. Ада бесцельно брела в обход восточной стороны Ардис-холла, кивая часовым, которые стояли, опираясь на копья. Вдоль подъездной дороги горели факелы.

Она не могла вернуться в дом — слишком много тепла, веселья и разговоров. На пороге юная Пеаэн говорила с одним из своих юных поклонников, переехавших в Ардис из Уланбата после Падения, учеником Одиссея в ту пору, когда старик еще не замкнулся в молчании и не велел называть его Никто. Аде не хотелось даже здороваться, и она повернула в сумрак заднего двора.

Что, если Харман умрет? Что, если он уже погиб где-то там, в темноте?

Наконец-то страх обрел форму слов, и на сердце немного полегчало, дурнота отступила. Слова подобны предметам, они придают идее

вещественность, делают ее менее похожей на отравленный газ, больше — на жуткий куб кристаллизованной мысли, который можно вертеть в руках, разглядывая ужасные грани.

Что, если Харман умрет?

Трезвый рассудок подсказывал: Ада перенесет и это горе. Продолжит жить, родит ребенка, возможно, полюбит снова…

От последней мысли опять накатила тошнота. Ада села на холодную каменную скамейку, с которой могла видеть пылающий купол плавильной печи и закрытые северные ворота.

До Хармана Ада никого по-настоящему не любила. И девушкой, и молодой женщиной она понимала, что флирт и мимолетные романы — это не любовь. В мире до Падения и не было ничего, кроме флирта и мимолетных романов — с другими, с жизнью, с самим собой.

До Хармана Ада не ведала, какое счастье — спать с любимым, и здесь она употребляла это слово не как эвфемизм, а думала о том, чтобы спать с ним рядом, просыпаться рядом с ним ночью, чувствовать его руку, погружаясь в дрему и пробуждаясь утром. Она знала, как Харман дышит, знала его прикосновения и запах — мужской запах природы, ветра, кожаной сбруи и

осенней листвы.

Ее тело помнило его касания — не только частые занятия любовью, но и то, как Харман мимоходом гладил ее по спине, плечу или руке. Она знала, что будет тосковать по его взгляду почти так же, как по телесным прикосновениям. Ада привыкла чувствовать его заботу, его внимание как нечто осязаемое. Она закрыла глаза и вообразила, как его широкая, шершавая, теплая ладонь сжимает ее тонкие бледные пальцы. Этого тепла ей тоже будет не хватать. Ада осознала, что, если Хармана не станет, ей будет больше всего недоставать воплощенного в нем будущего. Чувства, что з*автра* означает видеть Хармана, смеяться с Харманом, есть вместе с Харманом, обсуждать с Харманом их еще не рожденного ребенка и даже спорить с Харманом. Ей будет недоставать чувства, что жизнь — это не просто еще один день, но подаренный ей день, который она во всем разделит с любимым.

Сидя на холодной скамье под вращающимися над головой кольцами и усилившимся метеоритным дождем, глядя на свою длинную тень, протянувшуюся по заиндевелой траве в отблесках плавильной печи, Ада осознала, что легче думать о собственной смертности, чем о смер-

ти любимого. Это не стало для нее таким уж откровением: она и прежде воображала такую перспективу, а воображать Ада умела очень-очень хорошо. Однако ее поразила реальность и полнота этого чувства. Как и ощущение новой жизни внутри, любовь к Харману и страх его потерять наполняли ее целиком и были каким-то образом больше не только ее самой, но ее способности чувствовать и мыслить.

Ада ждала, что близость с Харманом ей понравится; ей хотелось соединиться с ним и узнать те радости, которые может принести ей его тело. Однако она с удивлением обнаружила, что каждый из них как будто открыл для себя другое тело — не его и не ее, но что-то общее и необъяснимое. Об этом Ада не говорила ни с кем, даже с мужем, хотя знала, что он разделяет ее чувства, и думала, что Падение высвободило в человеческих существах нечто доселе неведомое.

Восемь месяцев после Падения должны были стать для Ады временем скорби и тягот. Сервиторы перестали работать, легкая и праздная жизнь закончилась, мир, который она знала с детства, исчез навсегда, мать, отказавшаяся вернуться в опасный Ардис-холл, осталась в Поместье Ломана на восточном побережье вместе с двумя

тысячами человек и вместе с ними погибла при нападении войниксов, кузина и подруга Ады Вирджиния исчезла из своего жилища под Чомом за Северным полярным кругом, людям впервые за много столетий было нужно бороться за выживание, за то, чтобы не умереть от голода и холода. Лазарета не стало, восхождение на кольца после Пятой Двадцатки оказалось злонамеренным мифом, людям пришлось осознать, что когда-нибудь они умрут и даже жизнь в Пять Двадцаток им больше не гарантирована, каждый может умереть в любую минуту… Казалось бы, двадцатисемилетнюю женщину это должно сломить и вогнать в тоску.

А она была счастлива, как никогда прежде. Испытания приносили ей радость — радость находить в себе мужество, радость полагаться на товарищей, радость принимать и дарить любовь, невозможную в мире вечных праздников и безотказных сервиторов, в мире факсов и ни к чему не обязывающих связей. Ада, естественно, страдала, когда Харман уходил на охоту, или возглавлял атаку на войниксов, или улетал в соньере то к Золотым Воротам в Мачу-Пикчу, то в какие-нибудь другие древние места, или отправлялся учить людей в какой-нибудь из трехсот с лишним факс-

узлов, где еще теплилась жизнь –*со дня Падения население Земли уменьшилось по меньшей мере вдвое, к тому же теперь мы знаем, что постлюди солгали нам столетия назад и нас всегда было меньше миллиона,* –но тем сильнее она радовалась всякий раз, как Харман возвращался. И как же она была счастлива даже в холодные, полные опасностей дни, когда он был рядом с ней!

Если ее любимого Хармана не станет, она будет жить дальше — Ада знала в душе, что будет жить дальше, родит и воспитает ребенка, возможно, полюбит снова, но окрыляющая радость последних восьми месяцев уйдет навсегда.

«Хватит глупить», — приказала себе Ада.

Она встала, поправила шаль и собралась идти в дом, когда на сторожевой башне ударили в колокол и от северных ворот донесся голос дозорного:

— Трое приближаются со стороны леса!

На литейной площадке все побросали работу и, схватив копья, луки и арбалеты, бросились к ограде. Часовые из западного и восточного дворов тоже бежали к лестницам и парапетам.

Трое. Ада окаменела. Утром ушли четверо. У них были переделанные дрожки, запряженные волом. Они бы не бросили дрожки и вола в лесу, не случись что-нибудь ужасное. И если бы кто-

нибудь сломал или вывихнул ногу, его привезли бы на дрожках.

— К северным воротам подходят трое! — крикнул дозорный. — Откройте ворота! Они несут тело!

Ада уронила шаль и со всех ног побежала к частоколу.

23

За несколько часов до нападения войниксов у Хармана возникло предчувствие чего-то ужасного.

В их вылазке не было особой нужды. Одиссей — вернее, Никто, напомнил себе Харман, хотя для него коренастый силач с курчавой седеющей бородой так и остался Одиссеем, — решил добыть свежего мяса, разыскать хотя бы часть пропавшего скота и провести разведку на северных холмах. Петир предлагал не мудрить и полететь на соньере, но Одиссей возразил, что даже в оголившихся лесах тяжело разглядеть корову с высоты. К тому же ему хотелось поохотиться.

— Войниксам тоже, — заметил Харман. — Они наглеют с каждой неделей.

Одиссей — Никто — пожал плечами.

Харман отправился в эту маленькую экспеди-

цию, хотя и понимал, что у всех ее участников есть дела поважнее. Ханна сейчас готовилась бы к утреннему литью; ее отсутствие могло нарушить все планы. Петир составлял бы каталог книг, доставленных в библиотеку за последние две недели, помечая те, которые нужно сиглировать в первую очередь. Никто обещался взять соньер и в одиночку полететь наконец на поиски заброшенного автоматизированного завода на берегу водоема, когда-то называвшегося озером Мичиган. Сам Харман, вероятно, провел бы весь день, с упорством одержимого пытаясь проникнуть во всеобщую сеть и открыть новые функции. Впрочем, возможно, он отправился бы с Даэманом — помочь другу перевезти мать из Парижского Кратера в Ардис-холл.

Однако сегодня Никто, который постоянно уходил охотиться в одиночку, отчего-то пожелал общества. Бедная Ханна, влюбленная в Одиссея со встречи на мосту Золотые Ворота в Мачу-Пикчу более девяти месяцев назад, вызвалась пойти с ними. Тогда Петир — он был учеником Одиссея перед Падением (в то время, когда старик еще преподавал свою странную философию), а теперь смотрел в рот только Ханне, в которую был безнадежно влюблен, — объявил, что пойдет с

ними. В конце концов и Харман согласился к ним примкнуть, потому что… он сам толком не знал почему. Возможно, просто не хотел отпускать злосчастных влюбленных в лес втроем, на целый день и с оружием.

«Злосчастных влюбленных»! Шагая за этими тремя по морозному лесу, Харман невольно улыбнулся. Слово «злосчастный» впервые попалось ему лишь день назад, когда он читал — глазами, не прибегая к сигл-функции, — пьесу «Ромео и Джульетта».

В ту неделю он упивался Шекспиром. Три пьесы за два дня! Он удивлялся, как держится на ногах, как может поддерживать беседу. Мозг переполняли невообразимые ритмы, разум захлебывался потоками неведомых доселе слов, а главное — Харман заглянул в сложность человеческой природы глубже, чем смел надеяться. Ему хотелось плакать.

Если бы Харман заплакал, то (как он осознавал со стыдом) не от красоты и мощи пьес — сама концепция театрального действа была для него совершенно нова. Нет, он плакал бы от эгоистичного сожаления, что узнал о Шекспире лишь за три месяца до конца отпущенных ему пяти двадцатилетий. Хотя Харман своими руками помог

уничтожить орбитальный лазарет и твердо знал, что больше никто из людей старого образца не отправится на кольца в свою Пятую Двадцатку (да и в какую бы то ни было), — трудно было отделаться от убеждения, с которым он прожил девяносто девять лет, — что его жизнь оборвется в полночь накануне сотого дня рождения.

В преддверии сумерек четверка брела по краю обрыва, возвращаясь домой с пустыми руками. Они не могли идти быстрее, чем запряженный в дрожки медлительный вол. До Падения повозка балансировала на одном колесе за счет встроенных гироскопов, а вез ее войникс. Теперь, без подпитки, треклятые колымаги не держали равновесия, так что люди повынимали из них механическую начинку, раздвинули дышла пошире и смастерили хомуты для тягловой скотины. Изящное центральное колесо заменили парой более широких на специально выкованной оси. Харману эти самодельные устройства казались до обидного нескладными, но, с другой стороны, то были первые изготовленные человеком повозки за пятнадцать с лишним выброшенных на ветер веков.

От этой мысли ему еще сильнее хотелось плакать.

Они прошли мили четыре на север — в основном по низким обрывам над притоком реки, которая, как знал теперь Харман, когда-то звалась Екей, а еще раньше — Огайо. Дрожки взяли, чтобы везти оленьи туши (хотя Никто, бывало, проходил целые мили с убитым оленем на плечах), так что они плелись со скоростью неторопливого вола.

Время от времени двое оставались у повозки, а двое других уходили в лес с луками и арбалетами. Петир захватил дротиковую винтовку — один из немногих огнестрелов в Ардис-холле, — однако четверка предпочитала охотиться с более бесшумным оружием. Войниксы, хотя и не имеют ушей, слышат отлично.

Все утро трое людей старого образца проверяли свои ладони. Непонятно почему, но поисковая функция, дальняя сеть и редко используемая общая не показывали войниксов, но обычно показывала ближняя. С другой стороны, как узнали Харман и Даэман с Сейви девять месяцев назад в месте под названием Иерусалим, войниксы тоже отслеживали людей по ближней сети.

Впрочем, сегодня это не имело значения. К полудню функции отказали полностью. Полагаясь лишь на собственные глаза, охотники, шагая

по лугам или над невысокими обрывами, еще внимательнее всматривались в кромку леса.

Северо-восточный ветер пробирал до костей. Старые распределители отключились в день Падения, а до того теплая одежда была почти не нужна, так что на трех людях старого образца были грубые плащи и пальто из шерсти и шкур. Одиссей… Никто… словно не чувствовал холода и носил все те же нагрудные латы и набедренник да еще короткую красную накидку на плечах.

Они не встретили ни одного оленя, что было странно. По счастью, аллозавры и другие восстановленные по РНК динозавры им тоже не попадались. Обитатели Ардис-холла сошлись на том, что немногих динозавров, которые до сих пор охотились так далеко на севере, прогнали на юг морозы. Дурная новость состояла в том, что саблезубые тигры, явившиеся прошлым летом,*не* мигрировали вслед за крупными рептилиями. Никто первым указал на свежие отпечатки огромных лап неподалеку от тропы, по которой бóльшую часть дня шел отряд.

Петир на всякий случай проверил, что в винтовке есть еще полная обойма флешетт.

Они повернули назад после того, как наткнулись на остовы и окровавленные кости двух

растерзанных коров. Десять минут спустя они увидели шкуру, позвоночник и череп, оскалившийся причудливо изогнутыми зубами.

Никто вскинул голову и, двумя руками сжимая копье, повернулся вокруг своей оси, оглядывая каждый валун или дерево.

— Его убил другой саблезубый тигр? — спросила Ханна.

— Либо так, либо это был войникс, — ответил Никто.

— Войниксы не едят, — сказал Харман и тут же понял, что ляпнул глупость.

Никто покачал головой, тряхнув седеющими кудрями:

— Да, но, возможно, тигр напал на стаю войниксов, а съели его другие тигры либо падальщики. Видите вон там, на рыхлой земле, отпечатки лап? Рядом с ними следы войниксов.

Харман увидел следы, но лишь после того, как Никто на них указал.

Они вновь повернули назад, но глупый вол тащился медленнее обычного, хотя Никто подгонял его древком копья, а порой и острым наконечником. Колеса и ось скрипели; один раз пришлось остановиться и править расшатавшуюся втулку. Ветер нагнал низкие тучи, стало еще холоднее.

Когда начало смеркаться, до дому оставалось еще две мили.

— Они подержат наш ужин в тепле, чтобы не остыл, — сказала Ханна; до своей несчастной любви эта высокая спортивная девушка всегда была оптимисткой, но сейчас ее беззаботная улыбка смотрелась вымученной.

— Попробуй ближнюю сеть, — посоветовал Никто.

У старого грека не было ладонных функций. Зато его тело древнего образца, свободное от двух тысячелетий наногенного вмешательства, не регистрировалось ни в одной из сетей, которыми пользовались войниксы.

— Только помехи, — сказала Ханна, глянув на голубой овал над ладонью, и отключила поиск.

— Что ж, они нас тоже не видят, — отозвался Петир; молодой человек нес в руке копье, на плече у него висела дротиковая винтовка, но смотрел он только на Ханну.

Они двинулись через луг. Высокая острая трава царапала ноги, починенные дрожки скрипели громче обычного. Харман глянул на голые икры Одиссея над ремнями сандалий и подивился, отчего их не покрывает сплошная сеть рубцов.

— Похоже, целый день прошел зря, — заметил

Петир.

Никто пожал плечами:

— Теперь мы знаем, что нечто большое истребляет оленей в окрестностях Ардиса. Месяц назад на такой долгой охоте я добыл бы двух или трех.

— Новый хищник? — спросил Харман и закусил губу.

— Может, и так, — ответил Никто. — Или же войниксы убивают дичь и угоняют скот, чтобы уморить нас голодом.

— Им хватит на такое ума? — спросила Ханна.

Люди старого образца привыкли смотреть на органико-механических существ как на рабочую силу — бессловесную и тупую, способную лишь выполнять команды, запрограммированную, подобно сервиторам, заботиться о людях и защищать их. Однако в день Падения сервиторы сломались, а войниксы убежали и стали смертельно опасными.

Никто снова пожал плечами:

— Хотя войниксы могут действовать автономно, они выполняют приказы. Всегда. Чьи и откуда — я точно не знаю.

— Не Просперо, — тихо заметил Харман. — После того как мы побывали в Иерусалиме, который кишел войниксами, Сейви сказала, что

ноосферная сущность по имени Просперо создала Калибана и калибанов для защиты от войниксов. Они не из нашего мира.

— Сейви… — хмыкнул грек. — Не могу поверить, что старухи больше нет.

— Она мертва, — сказал Харман; на орбитальном острове они с Даэманом видели, как чудовище по имени Калибан убило Сейви и уволокло ее тело. — Как долго ты ее знал, Одиссей… Никто?

Старик погладил короткую седую бороду:

— Давно ли я знал Сейви? В пересчете на реальное время — несколько месяцев… растянутых на более чем тысячу лет. Иногда мы спали вместе.

Ханна даже остановилась.

Никто рассмеялся:

— Она — в своей криоколыбели, а я — в моем временно́м саркофаге на Золотых Воротах. Рядышком, но по отдельности. Очень прилично. Два младенца в отдельных люльках. Если помянуть всуе имя одного из моих соотечественников, я бы назвал это*платоническими* отношениями. — Никто от души рассмеялся, хотя ни один из его спутников даже не улыбнулся. Отсмеявшись, он произнес: — Не верь всему, что говорила тебе старуха. Она о многом врала, а многого не знала сама.

— Я не встречал более мудрой женщины, — ответил Харман. — И никогда не встречу такую, как она.

Никто холодно улыбнулся:

— Насчет второго ты прав.

Им пришлось пересечь ручей, опасно балансируя на камнях и поваленных стволах — не хотелось в такой холод промочить одежду или ноги. Вол шагал по ледяной воде, таща за собою дрожки. Петир добрался до берега первым и встал на страже с дротиковым ружьем наготове, дожидаясь товарищей. Они шли не той же тропой, что от дома, но были сейчас в нескольких сотнях ярдов от нее. Оставалось перевалить через пологий лесистый увал, миновать длинный каменистый луг, потом еще один луг, а там уже — Ардис-холл, тепло, еда и относительная безопасность.

Солнце село в тучи на юго-западе. Через несколько минут стемнело так, что свет давали почти только одни кольца. В дрожках были два фонаря, а у Хармана в рюкзаке — свечи, однако пока хватало звезд и колец.

— Интересно, Даэман отправился за своей матерью? — сказал Петир, которого, видимо, тяготило долгое молчание.

— Лучше бы он подождал меня, — ответил Хар-

ман. — Или, по крайней мере, дня на той стороне. В Парижском Кратере теперь небезопасно.

Никто хмыкнул:

— Удивительно, но из всей вашей братии Даэман лучше других может о себе позаботиться. Он ведь и тебя удивил, Харман?

— Не особенно, — ответил Харман и тут же понял, что это неправда.

Меньше года назад, при первой встрече, перед ним предстал вечно ноющий, пухлый маменькин сынок, у которого в жизни было две страсти: ловить бабочек и соблазнять молоденьких женщин. Более того, Харман был убежден, что Даэман приехал тогда в Ардис-холл с целью соблазнить свою кузину Аду. В начале их похождений Даэман трусил и постоянно на все жаловался. Однако Харман вынужден был признаться себе, что события изменили молодого человека в лучшую сторону куда сильнее, чем самого Хармана. Именно голодный, но решительный Даэман, потерявший сорок фунтов, зато злой как черт, одолел Калибана в условиях почти нулевой гравитации на орбитальном острове Просперо. Даэман вытащил Хармана и Ханну живыми. Со дня Падения Даэман стал молчаливее, серьезнее и упорно осваивал все навыки борьбы и выжива-

ния, которым учил Одиссей.

Харман даже немного завидовал. Он считал себя естественным вожаком Ардиса: все-таки самый старший, самый мудрый, каких-то девять месяцев назад — единственный на Земле, кто умел — или желал — читать книги, единственный, кто знал, что Земля круглая… Почему те же испытания, что закалили Даэмана, ослабили дух и тело Хармана? «Неужели дело в моем возрасте?» Внешне он выглядел лет на сорок, как любой мужчина на Пятой Двадцатке в эпоху до Падения. Синие черви и булькающие химикаты в лазарете успешно обновляли его во время четырех прошлых визитов. А психологически? Вот о чем стоило беспокоиться. Возможно, старость есть старость, как бы искусно ни восстанавливали человеческое тело. Это чувство усугублялось тем, что Харман до сих пор хромал после увечья, полученного на адском острове Просперо девять месяцев назад. Не было больше лазаретных баков, где устраняли любое повреждение, сервиторы больше не подплывали перевязать и залечить последствия самых мелких несчастных случаев. Харман знал: нога никогда не станет вполне здоровой, он обречен хромать до конца дней. Веселее от этой мысли не становилось.

Охотники шли через лес в молчании, и каждый чувствовал, что и остальные погружены в тяжелые думы. Харман в свой черед вел в поводу вола, который с наступлением темноты начал упрямиться еще сильнее. Если норовистая скотина свернет не туда и разобьет дрожки о дерево, им придется либо всю ночь чинить клятую повозку, либо бросить ее на дороге. И то и другое было плохо.

Одиссей-Никто ступал легкой походкой, подстраиваясь под шаг медлительного вола и хромого Хармана. Тот посмотрел на Ханну, которая пожирала глазами Одиссея, и на Петира, пожирающего глазами Ханну, — и ему захотелось сесть на холодную землю и зарыдать о мире, где насущные заботы не оставляют места слезам. Ему вспомнилась потрясающая, только что прочитанная пьеса Шекспира — «Ромео и Джульетта». Неужели некоторые страсти свойственны людям даже теперь, спустя почти два тысячелетия самоэволюции, наноинженерии, генетических манипуляций?

Возможно, я зря разрешил Аде забеременеть. Эта мысль мучила Хармана сильнее всего.

Она хотела ребенка. Он хотел ребенка. Более того, они, может быть единственные на нынешней

Земле, мечтали о семье, когда мужчина остается с женщиной и родители, а не сервиторы вместе воспитывают дитя. До Падения люди старого образца знали матерей, но почти никто не знал, да и не хотел знать, кто его отец. В мире, где мужчины оставались молодыми и здоровыми до Пятой и последней Двадцатки, при малочисленном населении (возможно, меньше трехсот тысяч на всей планете) и культуре вечных праздников и коротких романов, в которой больше всего ценилась юная красота, почти наверняка многие отцы, не ведая того, спали с дочерьми, молодые люди — с матерями.

Хармана это тревожило с тех самых пор, как он выучился читать и получил первое *–запоздалое!* — представление о прежних культурах и давно утраченных ценностях, однако никого больше девять месяцев назад инцест не смущал. Те же генноинженерные наносенсоры в теле женщины, которые позволяли ей выбирать между пакетами спермы, тщательно законсервированными на месяцы и даже годы после каждого соития, не дали бы ей предпочесть близкого родственника в качестве производителя. Такого просто не могло произойти. Нанопрограмма не допускала промашек, хотя человечество совер-

шало их на каждом шагу.

Но теперь все иначе, думал Харман. Семьи необходимы — это вопрос выживания. Дело даже не в нападениях войниксов и трудностях, обрушившихся на людей после Падения; семьи помогут людям организоваться для войны, которая, по словам Одиссея, скоро начнется. Старый грек ничего не добавил к своему пророчеству в ночь Падения, но тогда он сказал, что грядет великая война. Некоторые предполагали, что она будет связана с осадой Трои, которую они смотрели в туринских пеленах до того, как вшитые микросхемы тоже перестали работать. «Новые миры возникнут на твоем дворе», — сказал Одиссей Аде.

Они вышли на широкий луг перед последним кольцом леса. Харман чувствовал, что устал и напуган. Устал от постоянных попыток решить, что правильно. Кто он такой? По какому праву уничтожил лазарет, возможно, выпустил на волю Просперо, а теперь поучает других, что им надо создавать семьи и объединяться для самозащиты? Что он знает — девяностодевятилетний Харман, растративший почти всю жизнь и не научившийся мудрости?

Его пугала не столько смерть (хотя все они впервые за полтора тысячелетия вновь испыты-

вали этот страх), сколько перемены, виновником которых он стал. И ответственность.

«Верно ли мы поступили, позволив Аде забеременеть?» В новом мире они решили, что правильно будет — даже невзирая на тяготы и неопределенность — завести семью, хотя им трудно было даже думать о том, чтобы родить больше чем одного ребенка. В полуторатысячелетнее правление постлюдей женщинам старого образца разрешалось иметь лишь одного ребенка. Аде и Харману трудно было свыкнуться с мыслью, что они могут родить нескольких детей, если захотят и биология позволит. Не нужно записываться в очередь, не нужно ждать, когда сервиторы доставят подтверждение от постлюдей. С другой стороны, они не знали, может ли человек завести более чем одного ребенка. Допустят ли это их измененная генетика и нанопрограммы?

Они решили завести ребенка сейчас, пока Аде еще нет тридцати, надеясь показать другим, не только в Ардис-холле, но и в остальных уцелевших общинах у факс-узлов, что это такое — семья, где есть отец.

Все это пугало Хармана. Пугало, хотя он и не сомневался в своей правоте. Во-первых, переживут ли мать и дитя роды вне лазарета? Никто из

ныне живущих людей старого образца не видел, как появляется на свет ребенок. Рождение, как и смерть, происходило на э-кольце, куда факсировали в одиночку. И подобно восстановлению после тяжелой травмы или преждевременной смерти, как это было с Даэманом, когда того съел аллозавр, роды считались травматическим событием и полностью стирались из памяти. Женщина помнила о родах в лазарете не больше младенца.

Сервитор сообщал, что настало время, женщина факсировала на небо и возвращалась через два дня, стройная и здоровая. В следующие месяцы о малыше заботились исключительно сервиторы. Матери обычно поддерживали связь с детьми, но почти не участвовали в их воспитании. Мужчины до Падения даже не подозревали о своем отцовстве, ибо между половым актом и рождением ребенка подчас проходили годы, а то и десятилетия.

И вот сейчас, когда Харман и другие читали в книгах о древнем обычае деторождения, процесс казался невероятно опасным и варварским, даже если происходил в больнице (примитивной версии лазарета) под присмотром профессионалов, а ведь на Земле не осталось людей, хотя бы видев-

ших рождение ребенка.

Кроме Одиссея. Грек однажды признался, что в прошлой жизни — той невероятной жизни, полной кровопролитных сражений, которую показывали туринские пелены, — хотя бы частично видел процесс рождения детей, в том числе своего сына Телемаха. Теперь Одиссей был повитухой Ардис-холла.

В новом мире, где не было врачей — никто не знал, как лечить даже простейшие травмы или проблемы с сердцем, — Одиссей-Никто стал верховным целителем. Он умел ставить компрессы, зашивать раны, вправлять переломы. В своих почти десятилетних странствиях через пространство и время после бегства от некой особы по имени Цирцея он усвоил некоторые современные познания в области медицины — например, что надо помыть руки и нож, прежде чем резать по живому.

Девять месяцев назад Одиссей рассчитывал пробыть в Ардис-холле всего две-три недели. Теперь, соберись он уходить, его бы наверняка скрутили и связали, лишь бы удержать при себе столь опытного наставника, умеющего делать оружие, охотиться, свежевать дичь, готовить еду на костре, ковать металл, шить одежду, програм-

мировать соньер, лечить, перевязывать раны… или помочь малышу появиться в мир.

Они уже видели луг за краем леса. Тучи наползли на кольца, надвигалась кромешная тьма.

— Я хотел сегодня увидеться с Даэманом… — начал Никто.

Это было последнее, что он успел сказать.

Войниксы спрыгнули на них с деревьев бесшумно, словно огромные пауки. Их было не меньше дюжины, и все до единого выпустили убийственные лезвия.

Двое приземлились на спину волу и перерезали ему горло. Двое напали на Ханну, полетели брызги крови и клочья одежды. Ханна отскочила назад, попыталась поднять арбалет, но войниксы свалили ее с ног и склонились над жертвой, дабы закончить дело.

Одиссей закричал, активировал меч (подарок Цирцеи, как он рассказал им когда-то давно) и бросился вперед. Полетели обломки панцирей и механических рук, Хармана обдало белой кровью и синим маслом.

Один из войниксов прыгнул на Хармана и чуть не вышиб из него дух, но тот успел откатиться из-под режущих лезвий. Другой войникс приземлился на четвереньки и резко выпрямился,

двигаясь будто в ускоренном ночном кошмаре. Харман кое-как вскочил, поднял копье и ударил второго войникса в то самое мгновение, когда первый полоснул его по спине.

Грянул выстрел: это Петир вскинул винтовку. Флешетты просвистели у Хармана над ухом. Войникс, напавший сзади, завертелся и рухнул под ударами тысячи хрустальных дротиков. Харман обернулся в ту самую секунду, когда второй войникс прыгнул, и вогнал копье тому в грудь. Тварь упала, но в падении вырвала у него копье. Харман выругался, потянулся к древку, но тут же отскочил и сорвал с плеча лук: еще три войникса бросились в его сторону.

Четверо людей встали спиной к повозке. Восемь оставшихся войниксов окружили их и начали сужать кольцо, лезвия поблескивали в гаснущем свете.

Ханна всадила две арбалетные стрелы в грудь ближайшему войниксу. Тот упал, но продолжал атаковать на четвереньках, подтягивая себя вперед лезвиями. Одиссей-Никто шагнул вперед и Цирцеиным мечом рассек его надвое.

Три войникса бросились на Хармана. Тому некуда было отступать. Он выпустил единственную стрелу, увидел, как она отскочила от металличе-

ской груди, и все три войникса атаковали разом. Харман пригнулся, почувствовал, как что-то рассекло ему ногу, прокатился под дрожками — чувствуя запах бычьей крови, металлический привкус во рту — и выпрямился по другую сторону повозки. Три войникса прыгнули через нее.

Петир резко повернулся, присел и выпустил по тварям обойму из нескольких тысяч флешетт. Три войникса разлетелись на куски в брызгах органической крови и машинного масла.

— Прикройте, мне нужно перезарядить! — крикнул Петир и сунул руку в карман за новой обоймой.

Харман отбросил лук (враги были слишком близко), вытащил меч, выкованный под присмотром Ханны всего два месяца назад, и принялся рубить ближайшие металлические фигуры. Однако те двигались куда стремительнее его. Один войникс увернулся. Другой выбил у Хармана меч.

Ханна запрыгнула на дрожки и выстрелила из арбалета в спину атакующему Хармана войниксу. Чудище развернулось и тут же снова бросилось на человека, подняв металлические руки с вращающимися лезвиями. У него не было ни рта, ни глаз.

Харман упал на руки, уворачиваясь от смертоносного удара, и пнул тварь по ногам. Это было все равно что пинать вмурованные в бетон железные трубы.

Теперь уже пятеро оставшихся войниксов были по одну сторону дрожек и атаковали Хармана с Петиром. Молодой человек не успел даже поднять винтовку.

В это мгновение Одиссей, обежав дрожки, с бешеным воплем ринулся на врагов. Все пять войниксов повернулись к нему, их руки и вращающиеся лезвия разом пришли в движение.

Ханна подняла тяжелый арбалет, но никак не могла прицелиться: Одиссей был в самой гуще боя, и все двигались чересчур быстро. Харман схватил с дрожек запасное охотничье копье.

— Ложись, Одиссей! — крикнул Петир.

Грек упал — то ли потому, что услышал совет, то ли под натиском войниксов. Двух он разрубил, но оставшиеся трое были невредимы и по-прежнему смертоносны.

Трррррррррррртрррррррррртрррррррр!

Очередь из винтовки, переведенной в автоматический режим, прозвучала словно грохот деревянного весла по лопастям включенного вентилятора. Последних трех войниксов отшвыр-

нуло на шесть футов; их панцири, утыканные десятью с лишним тысячами хрустальных флешетт, блестели в гаснущем свете колец, словно мозаика из битого стекла.

— Господи Исусе, — выдохнул Харман.

Войникс, которого ранила Ханна, поднялся за ее спиной по другую сторону дрожек.

Харман метнул копье, вложив в бросок все оставшиеся силы. Войникс зашатался, вытащил копье из своей груди и переломил древко.

Харман запрыгнул на дрожки и схватил со дна повозки еще копье; Ханна выпустила в войникса еще две арбалетные стрелы. Одна улетела во мглу между деревьями, другая попала в цель. Харман соскочил с повозки и вогнал последнее копье в грудь последнего войникса. Тварь дернулась и отступила еще на шаг.

Харман выдернул копье — и в исступлении безумия всадил обратно, провернул зазубренный наконечник, вытащил его наружу и снова вонзил.

Войникс рухнул на спину, лязгнув о корни векового вяза.

Харман встал над поверженной тварью, не обращая внимания на судорожно дергающиеся металлические руки и лезвия, занес над головой

копье, облитое молочно-голубой жидкостью, вонзил его, повернул, вытащил, поднял, загнал еще глубже в корпус, вырвал, вогнал туда, где у человека находился бы пах, сделал несколько оборотов, чтобы как можно сильнее покалечить мягкие внутренние части, выдернул вместе с изрядным куском панциря и воткнул с такой яростью, что наконечник вошел в корни и почву. Он снова выдернул копье, вогнал еще раз, выдернул, занес для нового удара…

— Харман… — Петир положил ему руку на плечо. — Он мертв. Он мертв.

Харман огляделся. Он не узнал Петира и никак не мог набрать в легкие достаточно воздуха. В ушах стоял грохот, и он понял, что это его собственное натужное дыхание.

Кольца скрылись за тучами, под деревьями было темно, хоть глаз коли. В сумраке могли таиться еще пятьдесят войниксов, готовых к прыжку.

Ханна зажгла фонарь.

В круге света новых войниксов не было. Поверженные уже не дергались. Одиссей по-прежнему лежал на земле, придавленный убитым войниксом. Ни тот ни другой не шевелились.

— Одиссей! — Ханна, держа фонарь, спрыгнула с дрожек и ногой отшвырнула труп войникса.

Петир подбежал к ней и встал на одно колено рядом с лежащим. Харман дохромал до них, опираясь на копье. Глубокие порезы на спине и ногах как раз начали болеть.

— Ой, — проговорила Ханна. Она стояла на коленях и держала фонарь над лицом Одиссея. — Ой, — повторила она.

Нагрудный доспех был сорван, ремни рассечены. Широкую грудь исполосовали глубокие раны. Один удар отхватил кусок левого уха и часть кожи с головы.

Однако ахнул Харман не из-за этого.

В тщетной попытке заставить Одиссея выронить меч Цирцеи войниксы искромсали ему правую руку в клочья, а потом почти совсем оторвали от тела. Фонарь озарил кровавое месиво, в котором белела кость. И все же рука по-прежнему сжимала гудящий меч.

— Боже мой, — прошептал Харман.

За восемь месяцев после Падения никто в Ардисе или в других уцелевших поселениях не выжил с такими ранами.

Ханна молотила по земле свободным кулаком. Другую руку она прижимала к окровавленной груди Одиссея.

— Я не слышу сердцебиения, — сказала она

почти спокойно, и только блестящие в темноте белые глаза выдавали ее истинное состояние. — Не чувствую сердцебиения.

— Положим его на дрожки… — начал Харман.

Он чувствовал знакомые слабость и тошноту, как всегда после выброса адреналина. Нога и рассеченная спина кровоточили.

— К черту дрожки, — сказал Петир.

Он повернул рукоять Цирцеиного меча — вибрация прекратилась, клинок опять сделался видимым, — отдал Харману меч, винтовку и две запасные обоймы, затем нагнулся, встал на одно колено, закинул на плечи мертвого или бесчувственного Одиссея и встал.

— Ханна, пойдешь впереди с фонарем. Перезаряди арбалет. Харман, ты с винтовкой прикрываешь тыл. Стреляй по всему, что движется.

Петир, шатаясь, побрел к лугу с окровавленным телом на плечах. По жестокой иронии он походил сейчас на Одиссея, когда тот гордо возвращался с убитым оленем.

Харман осоловело кивнул, отбросил копье, повесил на пояс Цирцеин меч и с винтовкой наперевес двинулся из лесу следом за двоими уцелевшими.

24

Факсировав в Парижский Кратер, Даэман сразу пожалел о своей поспешности. Надо было дождаться рассвета. Или хотя бы возвращения Хармана. Или взять иного попутчика.

Было около пяти вечера и уже смеркалось, когда он дошел до частокола факс-павильона в миле от Ардис-холла. Здесь, в Парижском Кратере, был час ночи, в непроглядной темноте хлестал ливень. Даэман факсировал в узел, ближайший к маминому домкомплексу, — факс-павильон, по неведомым никому из живых причинам называемый «Инвалидный отель», — и вышел из факс-портала с поднятым арбалетом. С крыши павильона потоками бежала вода, и Даэман смотрел на город словно через водопад.

Это его разозлило. Уцелевшие жители Парижского Кратера не охраняли свои факс-узлы. Примерно в трети сохранившихся общин по примеру Ардиса вокруг павильонов возвели стены и поставили круглосуточный караул, но обитатели Парижского Кратера попросту отказались это делать. Никто не знал, могут ли войниксы факсировать (возможно, они в этом и не нуждались, их и без того было много повсюду), но люди этого и

не выяснят, если общины вроде здешней не будут следить за своими узлами.

Поначалу в Ардисе павильон охраняли не от войниксов, а от беженцев, хлынувших туда после Падения. Когда отказали сервиторы и отключилось электричество, люди бросились искать еду и надежное укрытие, так что в первые недели и месяцы десятки тысяч беспорядочно метались между случайными факс-узлами, сменяя за день полсотни участков; истощали запасы продуктов и факсировали дальше. Тогда мало где существовали собственные пищевые склады, а по-настоящему безопасных мест не осталось вовсе. Ардисская община одной из первых вооружилась и первая остановила нашествие обезумевших беженцев. Здесь принимали лишь тех, кто владел каким-нибудь полезным навыком. Однако после четырнадцати с лишним веков того, что Сейви назвала «тошнотворной никчемностью элоев», полезных навыков не было почти ни у кого.

Через месяц после Падения, когда неразбериха чуть улеглась, Харман на ардисском совете настоял, что надо искупить своей прежний эгоизм — отправить в другие узлы представителей, которые научат выживших растить зерно, защищаться от врагов, забивать и разделывать

скот. После того как Харман нашел сигл-функцию, к этим занятиям добавились семинары, как получить из старых книг необходимые для жизни сведения. Вдобавок Ардис менял оружие на продукты и теплую одежду, а также раздавал советы по изготовлению луков, стрел, арбалетов, пик, ножей, наконечников для копий и другого оружия. По счастью, почти все люди старого образца пол-Двадцатки смотрели туринскую драму и были знакомы со всем, что проще арбалета. Наконец Харман отправил в триста с лишним узлов представителей Ардиса с просьбой ко всем уцелевшим помочь в поиске легендарных автоматизированных заводов и распределителей. Он показывал одну из немногочисленных винтовок, которые добыл из музея на Золотых Воротах в Мачу-Пикчу во время второго визита, и объяснял, почему для выживания человеческим общинам нужны тысячи таких.

Вглядываясь во мрак через струи воды, Даэман осознал, что охранять все факс-узлы в городе было бы очень трудно. Каких-то восемь месяцев назад Парижский Кратер был одним из самых больших поселений на планете: двадцать пять тысяч жителей, больше десяти действующих факс-порталов. Теперь, если верить маминым друзьям,

здесь осталось менее трех тысяч мужчин и женщин. Войниксы беспрепятственно рыскали по улицам, лазили по подвесным дорогам и жилым небоскребам. Даэману давно следовало забрать маму отсюда. Но та упрямилась, а Даэман, всю жизнь — почти две Двадцатки — исполнявший любую ее прихоть, не мог настоять на своем.

К тому же здесь вроде было не так уж опасно. Более ста уцелевших жителей, в основном мужчины, укрепили башенный комплекс у западной кромки кратера — тот, где находились апартаменты Марины. У них была вода, поскольку от крыши к крыше тянулись водосборники, а дождь в Парижском Кратере лил почти не переставая. У них были овощи и зелень из террасных садов, а скотину, которую прежде пасли войниксы, горожане загнали на огороженные луга у кратера. Неподалеку, на Улиссовых Полях[21], в середине недели открывался рынок под открытым небом, на котором все уцелевшие лагеря Западного Парижского Кратера обменивались продуктами, одеждой и прочими необходимыми вещами. Им даже поставляли по факсу вино из далеких

[21] Примечания: 21

…на Улиссовых Полях… — Как и другие названия в Парижском Кратере, это измененное современное — Champs Ulysses вместо Champs-Élysées, Елисейские Поля.

виноградников. У них было оружие, в том числе арбалеты из Ардис-холла, несколько дротиковых винтовок и энергетический излучатель, который кто-то нашел в заброшенном подземном музее. Как ни странно, излучатель работал.

Однако Даэман знал, что Марина остается в Парижском Кратере из-за старого козла по имени Гоман, который был ее основным любовником почти целую Двадцатку. Даэману он никогда не нравился.

Парижский Кратер часто называли Городом Света — таким он и был на памяти Даэмана, выросшего среди парящих светопузырей на каждой улице и бульваре, горящих электрическими огнями башен, тысяч фонарей и высящегося над всем тысячефутового подсвеченного сооружения — символа города. Однако теперь пузыри потухли и упали, ток отключился, окна либо погасли, либо укрылись за плотно закрытыми ставнями, а Исполинская блудница впервые за две тысячи лет стояла темная. Даэман на бегу глянул в ее сторону: голова и тяжелые груди, в которых обычно булькала красная фотолюминесцентная жидкость, скрывались за грозовыми тучами, на месте знаменитых бедер и ягодиц чернела стальная арматура, в которую то и дело били грохотавшие

над городом молнии.

Именно молнии помогли Даэману пересечь три длинных квартала между Инвалидным отелем и Маринимым домкомплексом. В анораке с капюшоном, который хотя бы символически защищал от проливного дождя, Даэман с арбалетом наготове замирал на каждом перекрестке, дожидался, когда очередная молния осветит темноту под арками и в дверных проемах, и, лишь убедившись, что там не прячутся войниксы, бегом пересекал открытое пространство. В павильоне он проверил ближнюю и дальнюю сеть. Обе не работали. Это было хорошо, поскольку войниксы с их помощью выискивали людей. В поисковой функции Даэман не нуждался, как-никак здесь он был дома, несмотря на то что сволочь Гоман занял его место рядом с матерью.

В некоторых озаренных молниями дворах стояли позабытые алтари. Даэман, пробегая, видел грубые статуи из папье-маше, которые должны были изображать богинь, голых лучников и бородатых старцев — печальные свидетельства человеческого отчаяния. Алтари посвящались олимпийским богам из туринской драмы: Афине, Аполлону, Зевсу и прочим. Безумная мода на жертвоприношения возникла еще до Падения не

только в Парижском Кратере, но и в других факс-общинах на континенте, про который Харман, Даэман и все остальные в Ардис-холле, кто умел читать, знали теперь, что он называется Европа.

Постоянные дожди размочили папье-маше, и вновь заброшенные боги на открытых ветрам алтарях походили на горбатых чудищ из какого-то иного мира. «Это правильнее, чем поклоняться туринским богам», — подумал Даэман. Он побывал на орбитальном острове Просперо и слышал о Тихом. Сам Калибан похвалялся перед тремя пленниками могуществом своего бога, многорукого Сетебоса, прежде чем убил Сейви и утащил ее в канализационное болото.

До маминой башни оставалось полквартала, когда раздался скрежет. Даэман укрылся во мгле мокрого подъезда и снял арбалет с предохранителя. Это было оружие последней модели: стальная тетива выпускала за раз две острые зазубренные стрелы. Он поднял арбалет и стал ждать.

Только молния позволила ему разглядеть в половине квартала впереди шесть бегущих на запад войниксов. Они мчались по стенам старых домов, словно металлические тараканы, цепляясь за камни зазубренными лезвиями-пальцами и шипастыми ногами. Впервые Даэман видел

такое в Иерусалиме месяцев девять назад.

Теперь он знал, что войниксы видят в инфракрасном свете, так что темнота сама по себе его бы не спрятала, однако твари спешили — они неслись в противоположном от Марининой башни направлении и через три секунды уже скрылись из виду, так и не направив в сторону Даэмана ИК-датчики на груди.

Даэман пробежал последние сотню ярдов до маминой башни над западным краем кратера. Корзина подъемника, приводимого в движение ручной лебедкой, разумеется, не стояла на уровне улицы — Даэман едва разглядел ее двадцатью пятью этажами выше, где над бывшей торговой эспланадой начинались личные жилища. Снизу висела веревка, чтобы сообщить о приходе гостей. Целую минуту Даэман дергал за нее, но свет нигде не зажегся, и за веревку никто с другой стороны не потянул.

Еще не отдышавшись после бега, Даэман сощурился сквозь дождевые струи, раздумывая, не вернуться ли к Инвалидному отелю. Ему предстояло подняться на двадцать пятый этаж по темным старым лестницам без всякой гарантии, что пятнадцать этажей под брошенной эспланадой свободны от войниксов.

После Падения людям пришлось бросить многие факс-поселения в древних городах или небоскребах. Без электричества (люди старого образца даже не знали, откуда оно берется) лифты и подъемники не работали. Никто не будет преодолевать двести пятьдесят футов вверх-вниз (или даже больше, как, например, в Уланбате с его двухсотэтажными «Кругами неба») всякий раз, как нужно сходить за водой или провизией. Тем не менее в Уланбате по-прежнему жили люди, хотя башня высилась посреди бесплодной пустыни, где не было дичи и нельзя было выращивать съедобные растения. Секрет заключался во внутренних факс-узлах раз в шесть этажей. Покуда остальные общины поставляли еду в обмен на замечательную одежду, которой издавна славился Уланбат (и которой здесь было с избытком: до того как местные обитатели сумели блокировать верхние уровни, треть населения истребили войниксы), «Кругам неба» вымирание не грозило.

В башне Марины факс-узлов не было, но горожане проявили недюжинную смекалку, приспособив для своих целей маленький наружный подъемник, служивший когда-то сервиторам. Из тросов создали сложную систему блоков, поз-

волявшую втаскивать до трех человек в особой корзине, правда только до эспланады, но одолеть последние десять этажей не составляло непосильного труда. Разумеется, о частых поездках не могло быть и речи, да и подниматься было очень страшно, ибо корзина дергалась, а по временам ухала вниз, но обитатели башни — человек сто — попросту махнули рукой на внешний мир. Раза два в неделю кто-нибудь из них отправлялся на рынок, а в остальном они обходились террасными садами и водосборниками.

Почему никто не отзывается? Даэман еще минуты две дергал за веревку, потом еще три минуты ждал.

Со стороны широкого бульвара в двух кварталах на юге донесся скрежет.

«Решайся. Туда или обратно, только быстрее».

Даэман отошел от башни и запрокинул голову. Молния выхватила из мрака черную паутину опор и бамбуковые террасы над заброшенной эспланадой. В нескольких окнах горели светильники. Отсюда Даэман видел сигнальный огонь, который Гоман поддерживал под бамбуковой крышей на Марининой террасе со стороны города.

И снова послышался скрежет, на этот раз — из

северных проулков.

— К черту, — сказал Даэман.

Пора вызволять маму отсюда. Если Гоман и его дружки попытаются ему помешать, он готов сбросить их через перила террасы в кратер. Даэман поставил арбалет на предохранитель, чтобы ненароком не всадить себе в ногу пару зазубренных наконечников, зашел в здание и начал подниматься по темной лестнице.

Уже добравшись до эспланады, он почуял неладное. Когда в последние месяцы Даэман наведывался к матери — правда, всегда днем, — он всякий раз видел здесь часовых, вооруженных примитивными пиками и более сложными ардисскими луками. Сегодня тут никого не было.

Они что же, по ночам отпускают охрану?

Да нет, вряд ли. Какой в этом смысл: войниксы активнее всего по ночам. И потом, Даэман неоднократно бывал у матери — последний раз больше месяца назад — и слышал, как ночью меняются дозорные. Как-то он сам стоял в карауле с двух ночи до шести утра, после чего факсировал в Ардис усталый и невыспавшийся.

По крайней мере, лестница над эспланадой была открыта с двух сторон. Как только молния озаряла следующий пролет или площадку,

Даэман пробегал вверх по ступеням или через темный участок. Арбалет он держал наготове, почти касаясь пальцем предохранителя.

Еще не успев шагнуть на первый жилой этаж, он понял, что его там ожидает.

Сигнальный огонь в металлическом бочонке на обращенной к городу террасе почти догорел. Бамбуковый настил забрызгала кровь. Багровые разводы темнели на стенах, на нижней стороне карниза. Дверь в первые апартаменты — не его матери — стояла нараспашку.

Кровь была повсюду. Даэман не мог поверить, что в сотне с чем-то людей, даже вместе взятых, может быть столько крови. Всюду в глаза бросались свидетельства паники: наспех забаррикадированные двери, сметенные вместе с дверями баррикады, кровавые отпечатки ног на лестницах и террасах, разбросанные обрывки пижам… И никаких следов сопротивления. Ни одной окровавленной стрелы или пики, вонзившейся в косяк. Никаких признаков того, что кто-то схватился за оружие.

А главное, не было тел.

Даэман обыскал еще три жилья, прежде чем набрался мужества заглянуть к матери. Везде его встречали пятна крови, изломанная мебель, рас-

терзанные подушки, сорванные со стен ковры, искромсанная набивка кресел — кровь на белых перьях и белом пенопласте… Но ни единого тела.

Дверь в Маринины апартаменты была заперта. Прежние автоматические замки, реагировавшие на отпечатки пальцев, перестали работать после Падения; Гоман поставил обычный засов и цепочку — чересчур ненадежные, по мнению Даэмана. Так оно и оказалось. Несколько раз постучавшись и не получив ответа, он трижды пнул посильнее — и дверь разлетелась. Даэман с поднятым арбалетом протиснулся в темноту.

В прихожей пахло кровью. В дальних комнатах, окна которых выходили на кратер, горел свет, но в коридоре и прихожей было почти совсем темно. Даэман шел как можно тише. Нога то и дело ступала в невидимые лужицы; от этого и от запаха крови желудок сводили спазмы. Теперь уже глаза привыкли к полутьме, и он видел: никто его здесь не подкарауливает. Трупов под ногами тоже не было.

— Мама! — Даэмана испугал собственный крик. И снова: — Мама! Гоман! Кто-нибудь!

Звякнули потревоженные ветром колокольчики на террасе. Молния озарила главную гостиную. Сине-зеленые ковры на южной стене, не люби-

мые Даэманом, но такие привычные, покрылись красно-бурыми полосами и кляксами. Уютное гофрокартоновое кресло, в котором Даэман сидел всегда, когда бывал дома, было изорвано. Трупов не было. Даэману оставалось только гадать, готов ли он увидеть то, что должен увидеть.

Красные пятна, разводы и отпечатки вели с террасы в общую комнату, а оттуда — в большую столовую, где Марина любила принимать гостей за длинным столом. Даэман дождался следующей вспышки (тучи отползали на восток, так что промежутки между молнией и раскатами грома становились все длиннее) и, вскинув оружие на плечо, тронулся по багровым следам.

Три вспышки подряд позволили увидеть все до мелочей. Тел как таковых по-прежнему не было, но на двадцатифутовой столешнице красного дерева громоздилась почти до потолка пирамида из черепов. Десятки пустых глазниц смотрели на Даэмана. Костяная белизна казалась послеобразом на сетчатке после яркой молнии.

Даэман опустил арбалет, защелкнул предохранитель и подошел ближе. Все в комнате было залито кровью, за исключением девственно-чистого стола. Перед скалящимися черепами, точно по линии верхнего, лежала аккуратно расправ-

ленная старая туринская пелена.

Даэман встал на стул, на котором обычно сидел за маминым столом, и наступил на столешницу, так что верхний череп оказался у него перед глазами. Во вспышках уходящей грозы он видел, что остальные черепа добела очищены от кожи и мяса, но только не верхний. На макушке и на затылке вились несколько рыжих прядей.

Такие волосы были у самого Даэмана. И еще — у его матери.

Он спрыгнул со стола, распахнул стеклянную дверь, неверными шагами вышел на террасу, перегнулся через перила и сблевал в красный зрачок лавового кратера пятьюдесятью милями ниже. Потом его снова вывернуло, и еще, и еще, и потом еще несколько раз, хотя в животе уже ничего не осталось. Наконец он повернулся, уронил тяжелый арбалет, умылся и прополоскал рот над медным тазом, подвешенным на декоративных цепях в качестве птичьей купальни, после чего рухнул на пол, спиной к бамбуковым перилам, и безучастно уставился в комнату через открытые стеклянные створки.

Молнии полыхали все реже, однако алое зарево кратера озаряло затылки бесчисленных черепов. И рыжие прядки.

Девятью месяцами ранее Даэман разрыдался бы, как тридцатисемилетний ребенок, каким он тогда был. Теперь, хотя желудок обжигала боль, а в груди сжимался черный кулак ярости, он пытался размышлять трезво.

В том, кто или что подстроило увиденный кошмар, сомнений не было. Войниксы не съедают и не уносят тела жертв. Бойню устроили не войниксы. Нет, это послание Даэману, и лишь одно из порождений тьмы могло его оставить. Всех в башне убили, разделали, как рыбу, а черепа сложили, словно белые кокосовые орехи, с единственной целью — передать это послание. Судя по запаху свежей крови, все произошло считаные часы назад.

Даэман встал на четвереньки, потом на ноги — просто потому, что не хотел больше пачкать ладони о кровь на террасе, — вернулся в комнату, обогнул длинный стол, взобрался на него и снял материнский череп. Руки тряслись. Плакать совсем не хотелось.

Люди лишь недавно узнали, как погребать своих мертвецов. За последние восемь месяцев в Ардис-холле скончались семеро: шестерых убили войниксы, а еще одну девушку за ночь унесла таинственная лихорадка. Даэман не знал, могут

ли люди старого образца заражаться болезнями.

«Забрать ее отсюда? Провести какую-нибудь погребальную службу у стены, на месте, которое Харман и Никто выбрали для нашего кладбища?»

Нет. В мире, полном факс-узлов, Марина более всего была привязана к этому дому в Парижском Кратере.

«Но я не могу оставить ее среди других черепов», — думал Даэман, ощущая, как невыразимые чувства прокатываются волна за волной. Где-то среди них лежит мерзавец Гоман.

Даэман отнес череп обратно на террасу. Ливень хлестал еще сильнее, а вот ветер поутих. Целую минуту Даэман стоял у перил, чтобы струи стекали по лицу и омывали без того чистый череп. Затем бросил череп и следил за его долгим падением, пока крохотная белая точка не исчезла на фоне багрового ока.

Он поднял арбалет и пошел назад, через столовую, общую гостиную, прихожую, коридор…

Тут Даэман застыл. Не потому, что услышал какой-то звук: дождь барабанил так, что даже аллозавр незаметно подкрался бы среди такого шума. Нет, Даэман понял: он что-то забыл.

Что?

Он вернулся в столовую, избегая смотреть в укоризненно глядящие глазницы. «Что я мог сделать?» — безмолвно спросил он. И черепа беззвучно отозвались:*Умереть вместе с нами.* Даэман схватил туринскую пелену.

Убийца оставил ее не случайно. Только она и стол во всем домкомплексе не были запачканы кровью. Даэман засунул ее в карман куртки и вышел.

На лестнице к эспланаде было темно, на нижних пятнадцати этажах — еще темнее. Даэман даже не поднял арбалета. Если *он* подкарауливает во мраке, так тому и быть. Еще неизвестно, чья возьмет, когда человек пустит в ход когти, зубы и бешеную ярость.

Никто его не подкарауливал.

Даэман прошел полпути до факс-павильона, шагая посередине бульвара под проливным дождем, когда за спиной раздались грохот и треск.

Он повернулся, упал на одно колено и вскинул к плечу тяжелый арбалет. Это не *его* звук. *Он* передвигается бесшумно на перепончатых лапах с кривыми желтыми когтями.

Даэман поднял голову — и замер, раскрыв рот. В направлении кратера, где-то между ним и маминой башней, закрутился вихрь. Вернее, там

что-то вращалось — гигантское, в сотни метров диаметром, и с огромной скоростью. Молнии трещали вокруг, словно электрический терновый венец, наружу из сферы били лучи света. Влажный воздух наполнился раскатами, от которых сотрясалась мостовая. Текучие фрактальные узоры пробегали по сфере, пока та не превратилась в круг и круг не опустился на землю — и даже чуть-чуть под землю, — разрезав древнее здание.

Из круга брызнул солнечный свет, но такой, какого никогда не видели на Земле. Круг перестал опускаться, войдя в мостовую на четверть, словно некий исполинский портал. Он был всего в двух кварталах от Даэмана и закрывал небо на востоке. Сзади налетел ураган и едва не сбил Даэмана с ног.

Поверхность еще подрагивала, но глаз уже различал синие волны теплого ленивого моря, красную почву, камни и гору… нет, вулкан невероятной высоты на фоне голубоватого неба. Что-то огромное, розовато-серое и мокрое вылезло из моря и засеменило в открывшуюся дыру на множестве ног, которые показались Даэману похожими на огромные руки. Затем воздух впереди наполнился мусором и пылью. Это столкнулись встречные ветры, сразились, смешались — и

улеглись.

Даэман постоял еще минуту, глядя из-под руки, чтобы не ослепнуть от рассеянного, но все равно необычно яркого света. Здания Парижского Кратера к западу от дыры, а также арматурные бедра и опустевший живот Исполинской Блудницы блеснули под холодными лучами чужого солнца и тут же скрылись в облаке пыли из портала. Остальной город, невидимый и мокрый, по-прежнему окутывала тьма.

С юга и севера донесся торопливый скрежет множества железных ног.

Из темного дверного проема на бульваре выскочили два войникса и бросились на Даэмана, лязгая хищными лезвиями.

Даэман прицелился, подпустил их поближе, всадил стрелу в кожаный капюшон дальнего войникса (тот упал), а вторую — в грудь вожаку. Тварь рухнула, но продолжала ползти вперед.

Даэман вытащил из колчана за спиной две зазубренные стрелы, перезарядил и заново взвел арбалет, опять прицелился, затем с десяти футов всадил обе в кожаный вырост, где у существа сходились нервы. Войникс перестал ползти.

Теперь скрежет слышался с юга и запада. Красноватый свет из дыры озарил каждый закоулок,

укрыться Даэману стало негде. В клубящемся пыльном облаке что-то низко, угрожающе ревело. Даэман никогда не слышал такого звука: как будто невнятный рык на каком-то ужасном нечеловеческом языке, пущенный задом наперед.

Даэман не спеша перезарядил арбалет, последний раз обернулся на багровую гору в дыре посреди небосвода и Парижского Кратера и легкой трусцой, без паники, побежал к Инвалидному отелю.

25

Никто умирал.

Харман то и дело заходил в комнатку на первом этаже Ардис-холла, превращенную в импровизированный — и большей частью бесполезный — лазарет. Здесь были книги, из которых они сиглировали анатомические таблицы и указания, как лечить переломы и тому подобное, однако до сего дня один лишь Никто имел дело с серьезными ранами. Двое из тех, кого похоронили на свежем кладбище у северо-западного края ограды, умерли в этом самом лазарете после нескольких дней мучений.

Ада была с Харманом с той минуты, как он час назад, пошатываясь, вошел через северные во-

рота, трогала его то за локоть, то за руку, словно желая удостовериться, что он действительно здесь. Харману только что перевязали раны на койке рядом с той, на которой лежал Никто. У него были глубокие порезы, на некоторые пришлось наложить несколько болезненных стежков и — что было еще больнее — обработать их самодельными антисептиками, в том числе спиртом. Однако раны на руке и голове Одиссея были куда серьезнее. Их как могли вычистили, наложили стежки на голову, промыли открытые раны обеззараживающим средством — Никто даже не пришел в сознание, когда на них лили спирт, — однако рука держалась только на поврежденных связках и раздробленной кости. Ее перевязали, но бинты сразу пропитались кровью.

— Он умрет, да? — спросила Ханна.

Она не вышла из лазарета даже для того, чтобы сменить окровавленную одежду. Все время, пока ей зашивали и обрабатывали порезы на левом плече, она не сводила глаз с Одиссея.

— Похоже на то, — отозвался Петир. — Да, бедолаге не выжить.

— Почему он по-прежнему без сознания?

— Думаю, из-за сотрясения мозга, не из-за ран, — сказал Харман.

Ему захотелось выругаться. Сотни просиглированных книг по нейроанатомии не научат, как вскрыть череп и снизить давление в мозгу. Если они попытаются провести операцию без опыта, грубыми инструментами, Никто умрет быстрее, чем это произошло бы естественным чередом. Так или иначе, Одиссей-Никто обречен.

Ферман — добровольный санитар лазарета, просиглировавший больше медицинских книг, чем Харман, задумчиво поднял голову (он точил пилу и мясницкий нож на случай, если они все же решат ампутировать руку).

— Насчет руки скоро придется решать, — тихо сказал он и снова сосредоточился на точильном камне.

Ханна повернулась к Петиру:

— Я слышала, по дороге, когда ты его нес, он несколько раз начинал бормотать. Ты хоть что-нибудь разобрал?

— Почти ничего. Кажется, это был язык, на котором другой Одиссей говорил в туринской драме…

— Греческий, — вставил Харман.

— Не важно, — сказал Петир. — Какие-то слова были по-английски, но тоже без особого смысла.

— Какие слова? — спросила Ханна.

— Что-то про ворота. И потом «колы бей»... Вроде бы. Он бормотал невнятно, я пыхтел, часовые на стене кричали... Мы как раз подходили к северным воротам. Наверно, он хотел сказать — если не откроют, ломайте ворота колами.

— Ерунда какая-то, — сказала Ханна.

— Он уже проваливался в кому.

— Возможно, — произнес Харман.

Он вышел из лазарета вместе с Адой, которая по-прежнему держала его за локоть, и принялся расхаживать по просторному дому.

Примерно пятьдесят из четырехсот обителей Ардиса ужинали в главной столовой.

— Тебе надо есть. — Харман погладил Аду по животу.

— А ты проголодался?

— Нет еще.

От свежих ран в больной ноге его немного мутило. А может, из-за того, что мысленно он по-прежнему видел умирающего Одиссея.

— Ханна будет очень горевать, — шепнула Ада.

Харман рассеянно кивнул. Его грызла какая-то подспудная мысль, и он пытался дать ей дозреть.

Они прошли через бывшую бальную залу. Здесь десятки людей трудились за длинными столами: прилаживали перья и бронзовые наконечники

к деревянным стрелам, мастерили копья, гнули охотничьи луки. Многие кивали Аде и Харману. Харман пошел в жаркую пристройку-кузницу, где трое мужчин и две женщины ковали бронзовые мечи и лезвия для ножей, а затем точили их на больших камнях. «К утру, — подумал Харман, — когда принесут расплавленный металл после ночной плавки, здесь будет нестерпимо душно». Он задержался, чтобы коснуться почти готового меча: оставалось лишь обтянуть рукоятку кожей.

«Какая грубая работа, — думал он. — Невозможно грубая не только в сравнении с Цирцеиным мечом, откуда бы он ни взялся, но даже с оружием из старой туринской драмы. И как горько, что первыми предметами, которые мы, люди старого образца, отлили и выковали за два с лишним тысячелетия, стало это грубое оружие, для которого снова пришло время».

В кузницу вбежал Реман — видимо, спешил с вестями в дом.

— Что случилось? — спросила Ада.

— Войниксы, — ответил Реман. Одежда у него была мокрая от дождя, в бороде блестели сосульки. Совсем недавно, покончив с работой на кухне, он ушел дежурить на стену. — Уйма войниксов.

Ни разу столько не видел.

— Уже вышли из леса? — спросил Харман.

— Пока собираются под деревьями. Но их там сотни.

На всех дозорных башнях загудели колокола. Тревога. Если бы войниксы перешли в наступление, звучали бы охотничьи рога.

Столовая быстро пустела; люди одевались на бегу, хватали оружие и спешили занять боевые позиции на стене, во дворе, у торцевой стены, в дверях, окнах и на балконах дома.

Харман не двигался. Поток бегущих людей огибал его, словно камень посреди реки.

— Харман? — шепнула Ада.

Он повел ее против течения — назад, в лазарет, туда, где умирал Никто. Ханна уже оделась и нашла копье, но все никак не могла уйти. Петир как раз выходил, но вернулся, когда Харман и Ада приблизились к залитой кровью койке.

— Он не сказал «колы бей», — прошептал Харман. — Он сказал «колыбель». Колыбель на Золотых Воротах.

И тут на башнях затрубили рога.

26

Даэман понимал, что должен немедленно факсировать в Ардис и рассказать об увиденном, пусть даже милю с четвертью от огороженного факс-узла придется идти в темноте. Понимал, что должен, но не мог. Не был готов вернуться.

Он факсировал в безымянное место, которое нечаянно обнаружил полгода назад, помогая друзьям составлять подробную карту всех четырехсот девяти известных факс-узлов, когда обитатели Ардиса искали связи с уцелевшими жителями планеты, а заодно проверяли новые направления. Здесь было жарко и много солнца. Павильон стоял на холме под пальмами, колыхавшимися от морского ветерка. Сразу под холмом начинался пляж — белоснежный полумесяц, опоясывающий лагуну с такой прозрачной водой, что можно было видеть дно у основания рифа. Ни людей старого образца, ни постлюдей тут не было, хотя Даэман и обнаружил над северной частью пляжа заросшие руины города, стоявшего здесь до финального факса.

Он раз десять заглядывал сюда, чтобы спокойно посидеть и подумать, и ни разу не встретил войниксов. Однажды из прибоя за рифом выныр-

нул огромный безногий ящер и тут же занырнул обратно с тридцатифутовой акулой в зубах, но, помимо этого, никаких угроз Даэман здесь не встречал.

Он сбежал с холма на песок, бросил тяжелый арбалет и сел. Солнце пекло. Он скинул объемистый рюкзак, мокрый анорак и рубашку. Из кармана что-то свисало. Это оказалась туринская пелена со стола, где лежали черепа. Даэман отшвырнул ее и, сняв ботинки, брюки и трусы, побрел к воде, даже не обернувшись на заросли: нет ли кого поблизости.

Мама умерла.

Мысль была словно удар под дых, и Даэмана чуть снова не стошнило.

Умерла.

Он постоял голым на краю лагуны. Теплые волны плескались у ног, уносили песок из-под пальцев.

Умерла.

Он уже никогда не увидит маминого лица, не услышит ее голоса. Никогда, никогда, никогда, никогда, никогда[22].

Даэман тяжело опустился на мокрый песок.

---

[22] Примечания: 22

Никогда, никогда, никогда, никогда, никогда. — Ср.: У. Шекспир. Король Лир. Акт V, сц. 3, где эти слова произносит Лир над телом Корделии.

Он думал, что примирился с новым миром, где смерть окончательна, думал, что принял этот ужас, когда восемь месяцев назад на орбитальном острове Просперо едва не погиб сам.

«Я знал, что когда-нибудь умру… Но только не мама. Не Марина. Это… нечестно».

Он издал рыдающий смешок: надо же, нашел чему удивляться! После Падения умерли тысячи… Тысячи — он это знал наверняка, потому был одним из посланцев Ардис-холла в сотни других узлов, видел могилы, даже сам учил, как рыть ямы и складывать туда тела…

Мама! Долго ли ей пришлось мучиться? Забавлялся ли Калибан с добычей, истязал ли ее до того, как убить?

«Я знаю, что это был Калибан. Он убил их всех. Не важно, что этого не может быть, главное, это правда. Он убил их всех — только ради того, чтобы добраться до моей матери, водрузить ее череп на пирамиду из черепов, оставив несколько рыжих прядей, чтобы я не сомневался в ее гибели. Калибан, ты сучий дерьмоед, падла жаберная, урод сраный, гребаная пасть…»

У Даэмана стиснуло грудь. Он открыл рот, как будто его снова затошнило, но не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Умерла. Навсегда. Умерла.

Он встал, вошел в нагретую солнцем воду, нырнул, шумно вынырнул и, мощно работая руками, поплыл к рифу, где взметались волны и где он однажды видел исполинского ящера с акулой в зубах. Он плыл изо всех сил, чувствуя, как соль обжигает глаза и щеки…

По крайней мере, от этого вернулось дыхание. Даэман проплыл ярдов сто до того места, где лагуна открывалась в море. Он чувствовал холодные струи, смотрел на тяжелые волны за рифом, слышал их изумительный рокот и едва не отдался течению, влекущему дальше, дальше и дальше. В Тихом океане не было Бреши, как в Атлантике, его тело могло бы дрейфовать много дней… но он повернул и поплыл к берегу.

Выходя из воды, Даэман по-прежнему не думал о своей наготе, но уже вспомнил о безопасности. Он поднял левую ладонь и активировал функцию дальней сети. Он был на острове в южной части Тихого океана… Даэман едва не расхохотался. Девять месяцев назад, до встречи с Харманом, он не знал даже, что Земля круглая, не знал названия материков, не догадывался, что океанов больше одного. Теперь ему все это известно — и что проку? Ровным счетом никакого, насколько

можно судить.

Зато дальняя сеть показала, что в окрестностях нет ни одного человека старого образца или войникса. Даэман прошел по пляжу, отыскал одежду и опустился на расстеленный анорак. Его загорелые ноги были в песке.

Как раз когда он вставал на колени, ветер подхватил туринскую пелену и понес над его головой к воде. Даэман машинально поймал ее на лету и вытер волосы краем затейливо расшитой ткани.

Потом лег на спину и, по-прежнему сжимая скомканную ткань, стал смотреть в безоблачное синее небо.

«Она умерла. Я держал в руках ее череп».

Откуда ему знать, что это был тот самый череп из сотни? Несколько прядей рыжих волос еще ничего не доказывают. Однако Даэман не сомневался. Быть может, следовало оставить ее с другими. Нет, только не с Гоманом, чье упорное нежелание покидать Парижский Кратер ее сгубило. Только не с ним. Даэман отчетливо помнил маленький белый череп, падающий в алый магматический глаз кратера.

Он поморщился и закрыл глаза. Боль этой ночи была осязаемой, словно иголки в голове.

Надо было вернуться в Ардис и рассказать об

увиденном: о том, что Калибан вернулся на Землю, о дыре в ночном небе, об огромном существе, пролезшем в дыру.

В голове зазвучали вопросы, которые примутся задавать Никто, Харман, Ада и другие.*Почему ты уверен, что это был Калибан?*

Уверен, и все. Даэман*знал*. Между ним и чудовищем возникла некая связь, когда они вместе кувыркались в почти нулевой гравитации огромного пустого пространства на орбитальном острове Просперо. С ночи Падения Даэман чувствовал, что Калибан жив и, возможно, каким-то немыслимым образом бежал с острова на Землю.

Откуда ты знаешь?

Он просто знал.

Как создание меньше войникса в одиночку убило сотню обитателей Парижского Кратера, по большей части мужчин?

Калибан мог призвать на помощь клонов из Средиземного бассейна — калибанов, которых Просперо создал века назад, чтобы сдерживать войниксов Сетебоса, — но Даэман подозревал, что этого не потребовалось. Он подозревал, что Калибан в одиночку убил его мать и всех остальных. «В качестве послания мне».

Если Калибан хотел оставить тебе послание,

почему не явился в Ардис и не убил нас всех, оставив тебя напоследок?

Хороший вопрос. Даэман догадывался почему. Он видел, как мерзкая тварь забавлялась с безглазыми ящерками, которых ловила в зловонных прудах орбитального города, — дразнила их, мучила, прежде чем заглотить целиком. А еще Калибан издевался над пленниками: над Сейви, Харманом и самим Даэманом, прежде чем кинуться на старуху, перегрызть ей горло и утащить мертвое тело под воду, чтобы там сожрать. «Я для него — игрушка. Да и все мы».

Что именно пролезло в дыру над Парижским Кратером?

Еще один хороший вопрос. Действительно, *что*? Пыль стояла столбом, ураган нес мусор и обломки, свет из дыры слепил. Огромный склизкий мозг, шагающий на руках? Нетрудно вообразить себе реакцию обитателей Ардис-холла и прочих общин на такие слова.

Впрочем, Харман не рассмеется. Харман был с Даэманом и Сейви, которой оставалось жить считаные минуты; слышал, как чудище, свистя и скрежеща, тянуло литанию своему богу и отцу Сетебосу. «Все Сетебос да Сетебос, все лишь о нем! — вопила тварь. — Так думат — спит он в

холоде Луны»[23]. И позже: «Так думат, Сетебос, что многорук, как каракатица, Он, в страх придя от собственных деяний, вверх взглянет — и поймет, что не достичь Того, владеющего счастьем и покоем; поэтому глядит Он вниз и из презренья игрушку-мир творит, реальности в насмешку; равнять их — что терновник с виноградом».

Позже они с Харманом решили, что орбитальный остров Просперо и есть «игрушка-мир», однако сейчас Даэман думал про многорукого, как каракатица, Калибанова бога Сетебоса.

Какого размера было существо, которое вылезло из дыры?

И в самом деле, какого? Дома рядом с ним казались крошечными. Да, но яркий свет, ветер и пыль, гора позади семенящего существа… Даэман не знал, насколько оно велико.

«Мне надо вернуться».

— Господи Исусе! — простонал Даэман, понимая, что привычные с детства слова относятся к некоему забытому богу Потерянной Эпохи. — Господи Исусе…

Он не хотел возвращаться в Парижский Кратер

---

[23] Примечания: 23

Все Сетебос да Сетебос… Так думат — спит он в холоде Луны. — Р. Браунинг. Калибан о Сетебосе. Здесь и далее цитаты из поэмы в речи Калибана приведены в переводе Э. Ермакова с изменениями.

сегодня ночью. Лучше остаться здесь, на теплом, солнечном, безопасном пляже.

Для чего исполинская каракатица явилась в Парижский Кратер? Уж не на встречу ли с Калибаном?

Делать нечего, придется отправиться туда и все разведать. Но не сию секунду. И не сию минуту.

Голова раскалывалась от боли. Чертово солнце светило чересчур ярко. Сперва Даэман прикрыл глаза ладонью. Не помогло. Тогда он расправил туринскую пелену и положил на лицо, как не раз делал прежде. Он никогда особо не увлекался туринской драмой (охота за редкими бабочками и соблазнение девиц — вот и все, что занимало его в недавнем прошлом), но иногда все же ее смотрел — от скуки или из легкого любопытства. Просто по привычке, отлично зная, что все пелены отключились в ночь Падения вместе с электрической сетью и сервиторами, Даэман выровнял вышитые микросхемы по середине лба.

Хлынули образы, голоса и телесные ощущения.

Ахиллес стоит на коленях рядом с трупом амазонки Пентесилеи. Дыра сомкнулась, красный Марс тянется вдоль моря Тетис на юг и восток без всякого следа Илиона или Земли. Почти все

герои, сражавшиеся вместе с Ахиллесом против амазонок, успели вовремя скрыться. Большой и Малый Аяксы бежали, а с ними Диомед, Идоменей, Стихий, Сфенел, Эвриал и Тевкр. Даже Одиссей исчез. Некоторые ахейцы — Менипп, Эвхенор, Протесилай и его боевой товарищ Подарк — лежат мертвыми среди поверженных амазонок. В хаосе и смятении даже верные мирмидонцы устремились в Дыру, уверенные, что Ахиллес с ними.

Ахиллес один с мертвыми. С обрывов у подножия Олимпа дует марсианский ветер, завывает в разбросанных пустых доспехах, треплет окровавленные вымпелы на древках копий, пригвоздивших убитых к алому грунту.

Быстроногий мужеубийца нежно кладет голову Пентесилеи себе на колено, заливаясь слезами при виде того, что сам сотворил. Раны в пронзенной груди уже не кровоточат. Пятью минутами раньше Ахиллес торжествовал победу, восклицая над убитой царицей: «Не знаю, какие богатства наобещал тебе Приам, глупая девчонка, но вот твоя награда! Дикие звери и птицы растерзают твою белую плоть!»

Ахиллес рыдает еще горше, вспоминая о собственных словах. Он не может отвести взгляда от

чистого лба и все еще розовых губ. Усилившийся ветер колышет золотые кудри амазонки; Ахиллес смотрит, не дрогнут ли ее ресницы, не откроются ли глаза. Его слезы падают в пыль на ее щеках, и он краем туники отирает грязь с девичьего лица. Ресницы не дрожат. Глаза не открываются. Удар Ахиллеса был таким яростным, что копье пронзило не только амазонку, но и коня.

— Ты должен был взять ее в жены, сын Пелея, а не убить.

Ахиллес поднимает затуманенный слезами взор. Перед ним, против солнца, стоит знакомая фигура.

— Паллада Афина, богиня… — начинает мужеубийца и тут же давится словами.

Средь сонма олимпийцев у него нет врага злее Афины. Это она вошла к нему в шатер восемь месяцев назад и убила его лучшего друга Патрокла, это ее он больше всего хотел убить, когда наносил бессчетные раны другим богам… Однако теперь в душе не осталось ненависти, одна лишь скорбь о Пентесилее.

— Как странно, — говорит богиня, стоя над ним в золотых доспехах; ее длинное копье блестит в закатных лучах. — Двадцать минут назад ты желал бросить ее зверям и птицам. И вот — опла-

киваешь.

— Я не любил ее, когда убивал, — с трудом произносит Ахиллес, стирая грязные разводы с прекрасного лица убитой.

— Ты вообще никогда не любил, — говорит Паллада Афина. — По крайней мере, женщин.

— Я делил ложе со многими женщинами, — возражает Ахиллес, не в силах оторвать взгляд от лица Пентесилеи. — Из любви к Брисеиде я отказался сражаться на стороне Агамемнона.

Афина смеется:

— Она была твоей рабыней, о сын Пелея! Все женщины, с которыми ты спал, включая ту, что родила тебе Пирра, которого аргивяне однажды назовут Неоптолемом, были твоими рабынями. Рабынями твоего эго. До нынешнего дня ты никогда не*любил* женщину, быстроногий.

Ахиллес хочет встать и сразиться с бессмертной — как-никак она его худший враг, убийца возлюбленного Патрокла, из-за нее он и повел ахейцев на битву с богами, — но у него нет сил выпустить из объятий мертвую амазонку. Ее копье пролетело мимо цели, но она все равно пронзила ему сердце. Никогда — даже после гибели Патрокла — мужеубийца так не скорбел.

— Почему… сейчас? — рыдает он. — Почему…

она?

— Это чары, наложенные на тебя богиней похоти Афродитой, — говорит Афина и не спеша обходит мужеубийцу, поверженного коня и царицу, чтобы герой видел ее, не поворачивая головы. — Это она со своим кровосмесительным братцем Аресом вечно противилась твоим желаниям, сгубила твоих друзей и отняла у тебя всякую радость. Это она восемь месяцев назад убила Патрокла и унесла его тело.

— Но… Я там был… Я видел…

— Ты видел Афродиту в моем обличье, — перебивает Паллада Афина. — Ты сомневаешься, что мы, боги, умеем принимать любой облик? Хочешь, я приму вид Пентесилеи и ты утолишь свою похоть с живым телом, не с мертвым?

Ахиллес в изумлении разевает рот.

— Афродита! — произносит он минуту спустя, словно выплевывает ругательство. — Убью суку.

Афина улыбается:

— Давно пора было совершить сей в высшей степени достойный поступок, о быстроногий мужеубийца. Позволь, я дам тебе кое-что.

Она протягивает ему маленький, украшенный драгоценными камнями кинжал.

По-прежнему обнимая правой рукой Пентеси-

лею, Ахиллес левой принимает подарок.

— Что это?

— Кинжал.

— Сам вижу, что кинжал! — рычит Ахиллес без всякого уважения к богине, третьерожденной среди богов — отпрысков Зевса. — Клянусь Аидом, разве мало мне собственного меча и большого ножа? Забери свою игрушку обратно.

— Этот кинжал особенный, — говорит Афина. — Им можно убить бога.

— Я и с обычным оружием резал их дюжинами.

— Резал, верно, — говорит Паллада. — Но не убивал. Этот клинок для бессмертной плоти — что обычный человеческий меч для вас, жалких смертных.

Ахиллес встает, легко закинув тело Пентесилеи на плечо. Теперь он держит кинжал правой рукой.

— Зачем ты дала его мне, Паллада Афина? Мы враги уже много месяцев. Отчего ты дала мне его сейчас?

— На то есть свои причины, сын Пелея. Где Хокенберри?

— Хокенберри?

— Да, бывший схолиаст, а ныне лазутчик Афро-

диты, — говорит Паллада Афина. — Он еще жив? Мне нужно потолковать с этим смертным, но я не знаю, где его искать. В последнее время защитное поле моравеков туманило наше божественное зрение.

Ахиллес озирается и удивленно моргает, впервые заметив, что, кроме него, на красной равнине Марса живых людей нет.

— Хокенберри был здесь несколько минут назад. Мы разговаривали как раз перед тем, как я… ее… убил… — Он снова начинает рыдать.

— Жду не дождусь, когда мы с ним снова встретимся, — бормочет Афина себе под нос. — Настал день давно просроченной расплаты.

Тонкой могучей рукой она берет Ахиллеса за подбородок и смотрит ему прямо в глаза:

— Желаешь ли ты, о Пелеев сын, увидеть эту женщину… эту амазонку… живой и к тому же своей супругой?

— Я желаю только избавиться от любовных чар, богиня, — говорит Ахиллес.

Афина качает головой в золотом шлеме. Багровое солнце блестит на ее доспехах.

— От этих Афродитиных чар избавления нет. Феромоны вынесли приговор, и он окончателен. Ты будешь любить только Пентесилею, живую

или мертвую. Хочешь ли ты получить ее живой?

–Да!!! — кричит Ахиллес и делает шаг вперед. На плече у него — любимая женщина, глаза сияют безумным блеском. — Воскреси ее!

— Никому из богов и богинь это, увы, не под силу, — печально произносит Афина. — Как ты однажды сказал Одиссею: можно что хочешь добыть — и коров, и овец густорунных, можно купить золотые треноги, коней златогривых, — жизнь же назад получить невозможно (заметь, ни мужу, ни женщине, о быстроногий); ее не добудешь и не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела[24]. Даже отец Зевс не имеет власти воскрешать.

— Тогда какого хрена ты здесь обещаешь? — рявкает мужеубийца.

Ярость вскипает в нем с той же силой, что и любовь, — они словно масло и вода, пламя и… нет, не лед, но другой вид огня. Он очень ясно ощущает и эту ярость, и богоубийственный кинжал в руке, поэтому, чтобы не сделать чего-нибудь опрометчивого, сует оружие за широкий пояс.

---

[24] Примечания: 24

…можно что хочешь добыть — и коров, и овец густорунных, можно купить золотые треноги, коней златогривых, — жизнь же назад получить невозможно… ее не добудешь и не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела. — Гомер. Илиада. Перев. В. Вересаева.

— Вернуть Пентесилею из мертвых можно, — продолжает Афина. — Только не в моих это силах. Я окроплю ее особой амброзией, которая убережет ее от тлена. Мертвое тело навеки сохранит и румянец на щеках, и то угасающее тепло, которое ты сейчас ощущаешь. Ее красота никогда не увянет.

— А мне-то что проку? — рычит Ахиллес. — Я что тебе, поганый некрофил?

— Это твое личное дело. — Афина скабрезно подмигивает, так что Ахиллес чуть вновь не хватается за кинжал. — Но если ты человек действия, — продолжает она, — то отнеси тело своей любимой на вершину Олимпа. Там, в большом здании у озера, скрывается наш божественный секрет — в прозрачных, наполненных жидкостью баках чуждые этому миру создания залечивают наши раны, возвращают нам жизнь, улетевшую, по твоему удачному выражению, за ограду зубов.

Ахиллес поворачивается и смотрит на гору, блистающую в солнечных лучах. Ей нет конца. Вершина теряется за облаками. Крутые скалы у подножия — всего лишь подступ к исполинскому массиву — и сами не ниже четырнадцати тысяч футов.

— Подняться на Олимп… — произносит Ахил-

лес.

— Там был эскалатор… лестница, — говорит Афина, указывая длинным копьем. — Видишь вон те развалины? Это самый легкий путь.

— Я должен буду каждый шаг преодолевать с боем, — мрачно ухмыляется Ахиллес. — Я все еще воюю с богами.

Паллада Афина ухмыляется в ответ:

— Боги теперь воюют между собой, сын Пелея. И еще они знают, что бран-дыра закрылась навеки. Смертные больше не угрожают чертогам Олимпа. Думаю, никто тебя не заметит и не станет тебе мешать по пути. А вот когда ты окажешься на месте, они забьют тревогу.

— Афродита, — шепчет быстроногий мужеубийца.

— Да, она там будет. И Арес. Создатели той преисподней, в которой ты очутился. Дозволяю тебе убить обоих. А за свою поддержку, наставления и чудесную амброзию я попрошу лишь об одной услуге.

Ахиллес оборачивается, молча ждет.

— Как только воскресишь свою амазонку, уничтожь прозрачные баки. Убей Целителя — чудовищную сороконожку, многоглазую и многорукую. Разрушь все в том зале.

— Богиня, разве ты не губишь этим свое собственное бессмертие?

— Это уж моя забота, о сын Пелея.

Афина протягивает руки ладонями вниз, и золотые капли амброзии падают на окровавленное, израненное тело Пентесилеи.

— Иди же. А мне пора заняться своими делами. Скоро решится судьба Илиона. А твоя участь здесь, на Олимпе.

Она указывает на вздымающийся в небо вулкан.

— Ты говоришь так, словно я наделен божественной силой и властью, — шепчет Ахиллес.

— Ты всегда был наделен ими, сын Пелея, — изрекает Паллада и, воздев свободную руку для благословения, квитируется прочь.

Раздается негромкий хлопок — это воздух устремляется в образовавшийся вакуум.

Ахиллес кладет тело Пентесилеи среди других мертвецов, но лишь затем, чтобы завернуть его в самое чистое покрывало из своего шатра. Потом находит щит, копье и шлем, походный мешок с хлебом, кожаные мехи с вином, которыми запасся несколько часов назад — как давно это было! Наконец, приладив оружие, он опускается на колени, поднимает мертвую амазонку и начинает

идти к Олимпу.

— Фу-ты! — Даэман стягивает с лица туринскую пелену.

Сколько прошло минут? Он проверяет ближнюю сеть — ни одного войникса поблизости. Они могли бы разделать его, как рыбину, пока он смотрел драму.

— Фу-ты, — повторяет Даэман.

Никакого ответа. Лишь волны негромко плещут о берег.

— Что важнее? — бормочет он. — Как можно скорее доставить работающую туринскую пелену в Ардис-холл и разобраться, зачем Калибан либо его повелитель ее мне оставили? Или вернуться в Парижский Кратер и узнать, что задумал многорукий-как-каракатица?

С минуту он стоит на коленях, затем одевается, сует туринскую пелену в рюкзак, вешает меч на пояс, поднимает арбалет и начинает подниматься на холм к факс-павильону.

27

Ада проснулась в темноте и увидела в комнате сразу трех войниксов. Один из них держал между длинными пальцами-лезвиями отрезанную

голову Хармана.

Ада проснулась в предрассветных сумерках. Сердце у нее колотилось. Рот был открыт, будто в крике.

— Харман!

Она резко села на край кровати и стиснула руками виски, сердце все еще колотилось так, что перед глазами плыло. Невозможно было поверить, что она ушла в спальню и заснула, когда Харман был еще на ногах. Все-таки глупая штука — беременность, подчас тело тебя предает.

Она заснула в одежде — в рубахе, холщовых штанах, жилетке и толстых носках. Теперь она, как смогла, поправила волосы и разгладила длинную юбку. Прикинула, не взять ли немного драгоценной горячей воды, чтобы помыться в тазу, который Харман называл ее птичьей купальней, но решила, что не стоит. Мало ли что могло произойти за час или два с тех пор, как она задремала. Ада обулась и поспешила вниз.

Харман стоял в парадной гостиной. Здесь сохранились большие стеклянные двери, и через них открывался вид на южную лужайку до ближнего невысокого частокола. Рассвета не было — тучи полностью скрыли солнце. Начинался снегопад. Ада видела снег раньше, но в Ардисе — лишь раз,

да и то в детстве. Человек десять, в том числе странно раскрасневшийся Даэман, стояли у окон, смотрели на сыплющуюся белую крупу и негромко переговаривались.

Ада наспех обняла Даэмана и прижалась к Харману.

— Как Оди… — начала она.

— Никто еще жив, но он при смерти, — тихо ответил Харман. — Слишком много крови потерял. Дышит с усилием, все хуже и хуже. Лоэс думает, он умрет в ближайшие час-два. Вот решаем, как поступить… — Он обнял жену за талию. — Ада, Даэман привез ужасные вести о своей матери.

Ада глянула на друга. Неужели Марина наотрез отказалась переезжать? За последние восемь месяцев они с Даэманом дважды к ней наведывались, но так и не смогли ее убедить.

— Она умерла, — сказал Даэман. — Калибан убил ее и всех обитателей башни.

Ада прикусила сустав пальца чуть ли не до крови, потом сказала:

— О, Даэман, как я тебе сочувствую… — И только потом, осознав услышанное, прошептала в ужасе: *–Калибан?*

После рассказов Хармана об орбитальном острове Просперо она убедила себя, что чудовище

там и подохло.

— Калибан? — беспомощно повторила Ада. Кошмар по-прежнему ощущался как давящая на шею тяжесть. — Ты уверен?

— Да, — сказал Даэман.

Ада обняла его, но тело Даэмана было напряженным и твердым как камень. Он рассеянно похлопал ее по плечу, и Ада подумала, что кузен, возможно, еще не отошел от шока.

Разговор вернулся к обороне дома минувшей ночью.

Войниксы атаковали перед полуночью. Их было не меньше сотни, а то и полутора — моросящий дождь и кромешная мгла не давали разглядеть наверняка, — и они устремились на частокол с четырех сторон разом. Это было самое крупное и самое слаженное нападение в истории Ардиса.

Защитники убивали войниксов до рассвета. Вначале разожгли огромные жаровни, потратив бесценный бензин, который держали нарочно для этой цели, осветили ограду и поля за нею, а затем обрушили на врага шквал стрел из луков и арбалетов.

Стрелы не всегда пробивали панцири или кожаные капюшоны войниксов, вернее, чаще не пробивали, так что к утру защитники Ардиса

лишились заметной части боеприпасов. Десятки войниксов были убиты: с первым светом команда Лоэса насчитала на полях и в лесу пятьдесят три трупа.

Некоторые твари запрыгивали на укрепления (войникс может скакнуть с места на тридцать футов и выше, словно гигантский кузнечик), но резервные бойцы с мечами и пиками не дали им прорваться в дом. Восемь обитателей Ардиса пострадали, но только двое всерьез: женщине по имени Кирик раздробило руку, а Ламан, друг Петира, лишился четырех пальцев на руке — не из-за войниксов, а потому, что его товарищ по оружию неудачно замахнулся мечом.

Однако ход битвы переломил соньер.

Харман поднял овальный диск со старой платформы джинкеров на крыше Ардис-холла. Сам он вел машину, лежа в центральном углублении спереди. Всего там было шесть неглубоких углублений с мягкой обивкой, позволяющих лежать плашмя, но Петир, Лоэс, Реман и Ханна предпочитали стоять на коленях и стрелять вниз. Мужчины взяли все три ардисские дротиковые винтовки, Ханна — лучший арбалет, который смастерила своими руками.

Опускаться ниже шестидесяти футов было

рискованно из-за удивительной прыгучести войниксов, но и этого оказалось достаточно. Несмотря на дождь и темноту, несмотря на то, что войниксы шныряли, как тараканы, и прыгали, как саранча на сковородке, огонь из винтовок и арбалетные стрелы остановили тварей. Харман вел соньер меж высоких деревьев у подножия и на вершине холма, защитники пускали с укреплений горящие стрелы, шары пылающего бензина из катапульт озаряли ночь. Войниксы разбегались, перегруппировывались и нападали еще шесть раз, но наконец отступили — частью к реке далеко под холмом, частью в северные холмы.

— Почему они ушли? — спросила Пеаэн. — Почему перестали атаковать?

— Как это — почему? — удивился Петир. — Мы перебили треть их войска!

Харман скрестил руки на груди и мрачно глядел на тихо падающий снег.

— Я понимаю, о чем говорит Пеаэн. Хороший вопрос. Почему они прекратили атаку? Мы никогда не видели, чтобы войниксы реагировали на боль. Они умирают… но не жалуются. Почему они отступили, вместо того чтобы биться до последнего?

— Потому что кто-то их отозвал, — ответил

Даэман. — Или что-то.

Ада покосилась на него. Даэман говорил глухо, лицо осунулось. В последние девять месяцев его решимость и силы крепли с каждым днем. Сейчас он выглядел безучастным и как будто не замечал никого вокруг. Ада чувствовала, что смерть матери хоть и не подкосила его сразу, но скоро добьет.

— Если войниксов отозвали, кто это сделал? — спросила Ханна.

Ей не ответили.

— Даэман, — заговорил наконец Харман, — пожалуйста, расскажи свою историю еще раз, для Ады. И постарайся припомнить: вдруг ты что-нибудь упустил.

Длинная гостиная мало-помалу заполнялась людьми. Лица у всех были усталые. Слушатели не задавали вопросов и не перебивали рассказчика.

Глухим бесцветным тоном Даэман рассказал о бойне в домкомплексе своей матери, о пирамиде из черепов, о туринской пелене — единственном не забрызганном кровью предмете, о том, как активировал ее позже, факсировав в какое-то другое место (он не уточнил, куда именно). Поведал, как над Парижским Кратером открылась дыра, из которой появилось что-то большое, двигавшееся

как будто на огромных руках.

Он сказал, что факсировал в другое место, чтобы успокоиться, а затем вернулся в Ардис. Охранники павильона, стоявшие на укреплениях с оружием и зажженными факелами, сообщили ему про замеченные в ночи перемещения войниксов, про шум сражения и свет огненных шаров со стороны Ардис-холла. Даэман хотел пойти туда пешком, но его убедили, что это верная смерть. Они насчитали по меньшей мере семьдесят пять войниксов, пробежавших в направлении усадьбы.

Даэман оставил туринскую пелену начальникам караула — Касману и Греоджи, поручив кому-нибудь из них факсировать с ней в Чом или в другое безопасное место, если войниксы захватят павильон до его, Даэмана, возвращения.

«Мы так и так собираемся факсировать отсюда, если они нападут, — ответил Греоджи. — Установили очередность, кто уходит первыми, кто их прикрывает. Мы не намерены гибнуть ради защиты павильона».

Даэман кивнул и факсировал обратно в Парижский Кратер.

Выбери он Инвалидный отель — тот, что поближе, — не говорил бы теперь с ними, однако

Даэман предпочел Гардельон. Главная часть Парижского Кратера изменилась до неузнаваемости. Дыра оставалась на прежнем месте — из нее сочился бледный солнечный свет, — но весь центр города сковал сетчатый голубой ледник.

— Ледник? — перебила Ада. — Там настолько холодно?

— Когда подойдешь поближе — да, — ответил Даэман. — Но уже в нескольких шагах просто зябко и моросит дождь. Думаю, это и не лед вовсе. Просто что-то холодное и прозрачное, органическое, вроде паутины, растущей из айсберга. И оно покрывает все старые жилые башни и бульвары вокруг кратера.

— Ты видел то… существо, которое пролезло в дыру? — спросила Эмма.

— Нет. Не смог подобраться. Никогда еще не видел столько войниксов. Здание Гардельона — как вы помните, это старинный транспортный центр, из него выходят рельсы, а на крыше посадочные площадки — кишело войниксами. — Даэман глянул на Харман. — Мне вспомнился Иерусалим в прошлом году.

— Так много? — спросил Харман.

— Так много. Но это еще не все. Я не рассказал о еще двух обстоятельствах.

Все ждали. Снаружи валил снег. Из лазарета донесся стон, и Ханна убежала проверить, как чувствует себя Одиссей-Никто.

— Из Парижского Кратера бьет голубой луч, — сказал Даэман.

— Голубой? — переспросил Лоэс.

Только трое слушателей понимающе нахмурились: Харман — потому что был в Иерусалиме с Даэманом и Сейви девять месяцев назад, Ада и Петир — потому что слышали их рассказы.

— Он бил в небо, как тот, что мы видели в Иерусалиме? — спросил Харман.

— Да.

— А нельзя говорить яснее? — попросила рыжеволосая Оэллео.

Ей ответил Харман:

— Мы видели похожий луч в прошлом году в Иерусалиме — городе около пересохшего Средиземного бассейна. Сейви, старуха, которая была с нами, сказала, что луч состоит из… Как там правильно, Даэман? Из тахионов?

— Вроде того.

— Тахионов, — продолжал Харман. — И что в нем заключены коды всех представителей ее расы, жившей на Земле до финального факса. Что луч и был финальным факсом.

— Не понимаю, — сказал Реман; вид у него был очень усталый.

Даэман покачал головой:

— И я. Даже не знаю, появился луч вместе с тварью из дыры или каким-то образом ее вызвал. Но есть другие новости. Еще хуже остальных.

— Куда уж хуже? — рассмеялась Пеаэн.

Даэман даже не улыбнулся.

— Мне надо было срочно выбираться из Парижского Кратера, поскольку в Гардельоне войниксы кишели повсюду, и я знал, что здесь еще не рассвело, поэтому факсировал в Беллинбад и дальше в Уланбат, Чом, Дрид, потом в Поместье Ломана, Киев, Фуего, Деви, Сэтл-Хейтс, а после — в Мантую и, наконец, в Кейптаунскую Башню.

— Ты хотел их предупредить, — вставила Ада.

— Да.

— Почему это плохие новости? — спросил Харман.

— В Чоме и в Уланбате открылись такие же дыры. Центр поселений затянут ледяной паутиной. Из обоих городов бьют в небо голубые лучи. Сетебос побывал и там.

28

Четыре десятка слушателей переглянулись, а затем на рассказчика хлынула лавина вопросов. Даэман и Харман объяснили, что Калибан на орбитальном острове назвал своего бога Сетебоса «многоруким, как каракатица».

Все спрашивали про Уланбат и Чом. Второй из узлов Даэман видел лишь издали — тот на глазах зарастал ледяной паутиной. В Уланбат он факсировал на семьдесят девятый этаж «Кругов неба» и с опоясывающей террасы увидел в миле от себя дыру над пустыней Гоби. Паутина льдистого вещества уже переползала с наружных построек на нижние круги. Семьдесят девятый этаж был надо льдом, однако надолго ли?

— Ты видел людей? — спросила Ада.

— Ни одного.

— А войниксов? — спросил Реман.

— Сотни. Шныряли вокруг паутины, по ней и внизу. Только не в самих «Кругах».

— Куда же подевались жители? — жалобно поинтересовалась Эмма. — В Уланбате хватало оружия: мы меняли его на их рис и одежду…

— Должно быть, они факсировали при появлении дыры, — уверенным тоном сказал Петир, но

Ада чувствовала, что уверенность эта напускная.

— Если бы они факсировали, — сказала Пеаэн, — я про людей из Уланбата и Чома, то почему никто не явился к нам просить убежища? В этих трех городах — Парижский Кратер, Чом, Уланбат — по-прежнему жили десятки тысяч людей старого образца, таких же, как мы. Где они? Куда они делись? — Она глянула на Греоджи и Касмана, которые только что вернулись из ночного караула в павильоне. — Греоджи, Кас, сегодня при вас были новые беженцы? Кто-нибудь факсировал из других мест?

Греоджи мотнул головой:

— Только Даэман-ур. Вчера ночью и второй раз сегодня утром.

Ада выступила на середину круга:

— Послушайте… предлагаю обсудить это потом. Сейчас вы все устали. Некоторые не спали всю ночь. Многие не ели с начала атаки. Стоман, Кэл, Боман, Элла, Анна и Уру приготовили на завтрак кучу еды. Те, кому пора идти в караул, сначала ваша очередь. И пейте больше кофе. Остальным тоже стоит подкрепиться перед тем, как ляжете поспать. Реман просил напомнить, что в десять утра будет литье. В три пополудни встречаемся в бывшей бальной зале, устроим общее собрание.

Люди еще потолпились, возбужденно переговариваясь между собой, но все-таки разошлись — на завтрак и по делам.

Харман, поймав взгляды Ады и Даэмана, кивнул в сторону лазарета. Те подождали, когда разбредутся остальные, и пошли за ним.

Ада тихонько поговорила с Томом и Сирис, которые оказывали раненым первую помощь, а сегодня всю ночь приглядывали за Одиссеем. Она отправила их завтракать в общую столовую, и в лазарете остались пятеро. Ханна сидела рядом с койкой, Даэман, Ада и Харман стояли рядом.

— Как в старые времена, — заметил Харман, имея в виду их общее путешествие с Сейви девять месяцев назад. С тех пор они редко оставались впятером.

— Только Одиссей умирает, — без выражения сказала Ханна.

Она с такой силой сжимала руку бесчувственного грека, что пальцы побелели у обоих.

Харман приблизился и посмотрел на Одиссея. Бинты, которые сменили час назад, уже пропитались кровью. Под сомкнутыми веками — никакого движения. Губы такие же белые, как кончики пальцев, рот слегка приоткрыт, дыхание частое, прерывистое и неглубокое.

— Я доставлю его к Золотым Воротам в Мачу-Пикчу, — сказал Харман.

Все уставились на него. Наконец Ханна спросила:

— Ты хочешь сказать, когда он… умрет? Чтобы там похоронить?

— Нет. Сейчас. Чтобы спасти.

Ада так вцепилась в его плечо, что он едва не отпрянул.

— О чем ты? — спросила она.

— О том, что Никто сказал Петиру вчера вечером у стены, прежде чем потерял сознание… Думаю, он просил отвезти его в колыбель в Мачу-Пикчу.

— Что за колыбель? — не понял Даэман. — Я помню только хрустальные гробы.

— Криотемпоральные саркофаги, — ответила Ханна, старательно выговаривая по слогам. — Я помню их в музее. Сейви про них рассказывала. Там она проспала несколько веков. Там, по ее словам, она нашла спящего Одиссея за три недели до нашей первой встречи.

— Да, но Сейви не всегда говорила нам правду, — возразил Харман. — Может, вообще никогда. Одиссей сказал, что знает ее много дольше. Что они вместе распространили на Земле туринские

пелены почти одиннадцать лет назад.

Ада показала туринскую пелену, которую Даэман оставил для нее в другой комнате.

— Просперо сказал нам… там, наверху… что многое насчет Одиссея мы понять не в силах. И раза два, перебрав вина, Одиссей упоминал свою колыбель на Золотых Воротах, шутил, что намерен туда вернуться.

— Должно быть, он имел в виду хрустальные гробы… саркофаги, — предположила Ада.

— Вряд ли. — Харман заходил взад-вперед между пустыми койками; все прочие пострадавшие в ночном сражении предпочли выздоравливать в собственных комнатах дома или в наружных казармах, так что сегодня утром тут лежал только Никто. — Думаю, на Золотых Воротах есть что-то еще, какая-то целебная колыбель.

— Синие черви, — прошептал Даэман, и его бледное лицо побелело еще сильнее.

Ошеломленная Ханна даже выпустила руку Одиссея. Видимо, клетки ее тела сохранили остаточную память о лазарете на орбитальном острове Просперо, пусть даже разум ничего не помнил.

— Нет, вряд ли, — поспешно возразил Харман. — Мы не видели там ничего похожего на целебные

баки лазарета. Ни синих червей, ни оранжевой жидкости. Думаю, колыбель — это что-то иное.

— У тебя есть только догадки, — отрезала Ада почти грубо.

— Да. Только догадки. — Харман устало потер щеку. — Но что-то мне подсказывает: если Никто… Одиссей… переживет полет на соньере, у нас появится надежда его спасти.

— Это невозможно, — сказала Ада.

— Почему?

— Соньер нужен здесь. Чтобы отбиться от войниксов, если они нагрянут сегодня ночью. Вернее,*когда* нагрянут.

— Я вернусь дотемна, — сказал Харман.

— Как это? — Ханна даже вскочила. — Когда мы с Сейви летели от Золотых Ворот, дорога заняла больше суток!

— Он может лететь быстрее, — пояснил Харман. — Сейви летела медленно, чтобы нас не пугать.

— Насколько быстрее? — спросил Даэман.

Харман немного помолчал, потом все же ответил:

— Намного. Соньер сказал мне, что может долететь до Золотых Ворот в Мачу-Пикчу за тридцать восемь минут.

— За тридцать восемь минут! — воскликнула

Ада, которая тоже была в том долгом перелете.

–*Соньер* сказал? — огорченно повторила Ханна. — И когда же? Я думала, он не умеет отвечать на вопросы о месте назначения.

— Так оно и было до сегодняшнего утра, — сказал Харман. — Но после боя я на минутку остался с соньером на джинкерной платформе и сумел подключить мои ладонные функции к его дисплею.

— Как тебе удалось? — удивилась Ада. — Ты много месяцев пытался установить с ним связь через функции.

Харман опять потер щеку:

— Я наконец просто спросил его, как это сделать. Три зеленых круга в трех больших алых кругах. Легко.

— И он сказал тебе, сколько времени займет полет до Золотых Ворот? — недоверчиво спросил Даэман.

— Он*показал*, — мягко ответил Харман. — Диаграммы, карты, векторы скорости. Все это возникло перед глазами, как в дальней сети или…

Он запнулся.

— Как в общей, — закончила Ханна.

Они все испытали головокружительное потрясение от общей сети, доступ к которой показала

им Сейви. Никто из них не научился ею пользоваться. Просто не могли воспринять столько информации.

— Да, — сказал Харман. — Вот я и прикинул: если забрать Одиссея… Никого прямо сегодня утром, я смогу поискать целебную колыбель, а если не найду — уложить его в хрустальный гроб и вернуться к трем часам дня. Успею на общее собрание… даже на ланч.

— Он может не пережить полета, — безучастно произнесла Ханна.

Она смотрела на бесчувственного, хрипло дышащего человека, которого любила.

— Здесь, в Ардисе, без медицинской помощи он точно не проживет и дня. Мы просто… ни хера не умеем. — Харман стукнул кулаком по деревянному комоду и тут же отдернул руку — с костяшек сочилась кровь. Он досадовал на себя за неожиданную вспышку.

— Я с тобой, — заявила Ада. — В одиночку тебе его в пузырь не втащить, понадобятся носилки.

— Нет, — сказал Харман. — Лучше тебе остаться, милая.

Ада вскинула подбородок, и черные глаза на бледном лице сверкнули гневом.

— Потому что я…

— Нет, не потому, что ты беременна. — Харман обхватил большой ладонью ее сжатые в кулак пальцы. — Просто ты очень важна здесь. Даэман привез дурные вести, за час они разлетятся по всему Ардису. Все будут близки к панике.

— Еще одна причина *тебе* не лететь, — шепнула Ада.

Харман покачал головой:

— Сокровище, ты здесь главная. Кому принадлежит Ардис? Ты хозяйка, мы твои гости. Люди станут задавать вопросы не только на общем собрании, а прямо сейчас. Кто лучше тебя сможет их успокоить?

— У меня нет ответов, — тихо сказала Ада.

— Нет, есть, — возразил Харман. — Как ты предложишь поступить в связи с известиями Даэмана?

Ада повернулась к окну. Стекла заиндевели, но дождь и снег прекратились.

— Надо узнать, в какие еще общины вторглись дыры и голубой лед, — тихо сказала она. — Отправим человек десять на разведку к оставшимся узлам.

— Так мало? — спросил Даэман.

Узлов, где еще жили люди, сохранилось около трех сотен.

— Мы не можем отпустить больше десяти, на случай если войниксы нагрянут днем, — отрезала Ада. — Каждый возьмет тридцать кодов и до наступления темноты в этом полушарии постарается охватить из них столько, сколько успеет.

— А я поищу на Золотых Воротах новые обоймы флешетт, — сказал Харман. — Прошлой осенью Одиссей, когда нашел три винтовки, привез триста полных обойм, однако этой ночью их почти растратили.

— Мы отрядили нескольких человек вытаскивать арбалетные стрелы из мертвых войниксов, — сообщила Ада, — но я скажу Реману, что нам нужно изготовить за сегодня как можно больше новых. Отправлю в мастерскую в два раза больше работников. Со стрелами для луков больше возни, но к темноте мы сможем поставить на укреплениях больше лучников.

— Я полечу с тобой, — сказала Ханна. — Действительно, с носилками одному не управиться, и никто не исследовал город зеленых пузырей на Золотых Воротах больше меня.

— Ладно, — ответил Харман.

Он заметил, как жена (какое непривычное слово — «жена»!) мельком покосилась на младшую подругу, как вспыхнула в ее глазах ревность

и быстро погасла. Ада знала, что Ханна любит — пусть безнадежной и неразделенной любовью — одного лишь Одиссея.

— Я тоже с вами, — объявил Даэман. — Лишний арбалет вам не повредит.

— Да, — сказал Харман, — но, по-моему, тебе лучше будет остаться, выбрать факс-посланцев, подробно рассказать им об увиденном и распределить коды.

Даэман пожал плечами:

— Ладно. Заодно возьму тридцать узлов на себя. Удачи.

Он кивнул Харману и Ханне, тронул Аду за плечо и вышел. Харман обратился к Ханне:

— Давай быстро поедим, возьмем оружие, оденемся — и в дорогу. Попросим ребят покрепче, пусть вынесут Одиссея наружу, а я спущу соньер.

— Мы не можем поесть в соньере? — спросила Ханна.

— Думаю, лучше перекусить заранее, — ответил Харман.

Он помнил невозможные траектории полета, которую показал ему соньер: почти вертикальный взлет из Ардиса, крутая дуга над атмосферой — и пулей вниз. При одной лишь мысли об этом сердце у него заколотилось.

— Пойду заберу свои вещи, — сказала Ханна. — Поищу Тома и Сирис. Может, они помогут подготовить Одиссея к полету. — Она чмокнула Аду в щечку и быстро вышла.

Харман наконец глянул на Одиссея — лицо у того было серое, — взял Аду под локоть и повел по коридору в тихое место у черного хода.

— Я по-прежнему думаю, что мне надо лететь с тобой, — сказала Ада.

Харман кивнул:

— Мне бы тоже этого хотелось. Но люди скоро переварят новости Даэмана. Когда до них дойдет, что Ардис, возможно, единственный уцелевший узел, а кто-то или что-то пожирает все прочие города и поселения, начнется паника.

— Думаешь, остались только мы? — прошептала Ада.

— Понятия не имею. Но если то, что на глазах Даэмана выползло из дыры, и есть божество Сетебос, о котором говорили Просперо и Калибан, то мы в большой беде.

— Думаешь, Даэман не ошибся и настоящий Калибан теперь орудует на Земле?

Харман на мгновение прикусил губу.

— Да, — сказал он наконец. — Думаю, Даэман правильно считает, что чудовище перебило всех

в домкомплексе Парижского Кратера, просто чтобы добраться до Марины, матери Даэмана, и оставить ему послание.

Солнце вновь заволокли тучи, снаружи стало темнее. Ада смотрела вдаль, как будто наблюдала за рабочей суетой у литейного купола. Снаружи донесся веселый смех десятка мужчин и женщин, идущих сменить караульных у северной стены.

— Если Даэман прав, — вполголоса, не поворачиваясь к Харману, сказала Ада, — что помешает Калибану и его тварям напасть на нас, когда ты улетишь? Что, если ты вернешься, оставив Одиссея в саркофаге, и увидишь в Ардис-холле пирамиды из черепов? У нас даже не будет соньера, чтобы спастись.

У Хармана вырвался стон. Он отступил на шаг и утер ладонью лоб и щеки: кожа похолодела и стала липкой.

— Любимый! — Ада круто развернулась, шагнула вперед и порывисто его обняла. — Прости, я зря это сказала. Конечно, ты должен лететь. Безумно важно, чтобы мы попытались спасти Одиссея — не только потому, что он наш друг, но и потому, что лишь он, возможно, знает, что это за новая опасность и как с ней бороться. И нам нужен запас флешетт. И я бы не сбежала из Ардис-холла

в соньере, что бы ни случилось. Здесь мой дом, наш общий дом. Как хорошо, что четыреста человек помогают его защищать! — Она поцеловала Хармана в губы, еще раз прижалась щекой к его кожаной куртке и прошептала: — Разумеется, тебе нужно лететь. Нужно. Извини за то, что я сейчас наговорила. Только возвращайся скорее.

Харман открыл было рот, но не нашел слов и лишь крепко притянул ее к себе.

29

Опустив соньер на три фута над землей у черного хода, Харман увидел, что его поджидает Петир.

— Я с вами, — заявил молодой человек.

Он был в дорожном плаще, с коротким мечом и охотничьим ножом за поясом, за спиной висели полный колчан и самодельный лук.

— Я сказал Даэману… — начал было Харман, опершись на локоть и выглядывая из центрального переднего углубления овальной летающей машины.

— Да. Это было разумно… сказать Даэману. Он еще не пришел в себя после смерти матери, работа с посланцами его расшевелит. Но и вдвоем вам лететь нельзя. Ханне хватит сил помочь тебе

с носилками, но кто-то должен вас прикрывать.

— Ты нужен здесь…

— Нет, Харман-ур, я здесь не нужен, — опять перебил Петир. Он говорил тихо, твердо, спокойно, но взгляд прожигал насквозь. — Винтовка с флешеттами нужна, и я оставлю ее вместе с последними обоймами, ноя здесь не нужен. Как и ты, я пробыл на ногах больше суток — теперь мне положено шесть часов сна, прежде чем заступать в караул. Насколько я понял, ты обещал Аде-ур вернуться через несколько часов.

— Я рассчитываю… — Харман не успел договорить.

Ханна, Ада, Сирис и Том вышли, неся на носилках Одиссея. Умирающий был завернут в теплые одеяла. Харман выпрыгнул из зависшего соньера и помог уложить старика в мягкое центральное углубление в задней части машины. Обычно во время путешествия пассажиров удерживали на месте направленные силовые поля, но для неодушевленных предметов в каждом углублении имелась шелковая сеть, и Харман с Ханной закрепили ее поверх коматозного Одиссея. Он мог умереть в полете, и Харман не хотел, чтобы тело выпало из соньера.

Харман забрался на свое место и сообщил

Ханне:

— Петир летит с нами.

Девушка словно и не услышала. Она смотрела только на умирающего.

— Петир, — продолжал Харман, — ты слева сзади. Лук и стрелы держи наготове. Ханна, ты справа сзади. Пристегнись.

Подошла Ада, перегнулась через металлический край и быстро поцеловала его в губы.

— Возвращайся до темноты, а не то я тебе задам, — тихо проговорила она.

Затем повернулась и пошла в дом вместе с Томом и Сирис.

Харман убедился, что все, в том числе он сам, накрыты сетью безопасности, просунул обе ладони под носовой край аппарата, активировал голографическую панель управления и вообразил три зеленых круга в трех алых кругах побольше. Его левая ладонь засветилась голубым, перед глазами возникли немыслимые траектории.

–Место назначения — Золотые Ворота в Мачу-Пикчу? — раздался ровный механический голос.

— Да, — ответил Харман.

–Кратчайший план полета? — спросила машина.

— Да.

–Готовы к старту?

— Готовы, — ответил Харман. — Вперед.

Силовые поля вжали их в углубления. Соньер пролетел над частоколом и кронами деревьев, взмыл почти вертикально и на высоте меньше двух тысяч футов преодолел звуковой барьер.

Ада не стала смотреть, как взлетает соньер, и, когда звуковой удар (сколько же их обрушилось на дом во время метеоритной бомбардировки!) сотряс окна и стены, только спросила у Оэллео, чья на этой неделе очередь убирать и менять разбитые стекла.

В главном зале она сняла с крючка шерстяной плащ и прошла через двор за ворота частокола. Истоптанная скотом и развороченная войниксами земля на бывшем газоне — а ныне пастбище и поле сражений — замерзла колдобинами: того и гляди подвернешь ногу. Вдоль кромки леса мужчины и женщины складывали трупы войниксов в запряженные волами грузовые дрожки. Металлические корпусы можно было переплавить на оружие, а кожаные капюшоны шли на одежду и щиты. Ада посмотрела, как один из первых учеников Одиссея, Каман, особыми клещами, которые придумала и выковала Ханна, выдирает из мертвых войниксов арбалетные стрелы. Их

складывали в ведра и грузили на дрожки, чтобы почистить и заново наточить. И дно повозки, и руки Камана в перчатках, и заледенелая почва посинели от крови войниксов.

Ада обошла палисад, заходя во все ворота по очереди, беседуя с работниками, убеждая дозорных, простоявших в карауле все утро, пойти завтракать, затем поднялась на купол — поговорить с Лоэсом и понаблюдать за последними приготовлениями к литью. При этом она как будто не замечала Эмму и трех молодых людей с заряженными арбалетами, которые держались шагах в тридцати за ее спиной и пристально наблюдали за лесом.

Она вернулась в дом через кухню и по ладонной функции проверила время: Харман улетел тридцать девять минут назад. Если его дурацкий соньер не ошибся в расчетах (Ада не очень-то ему верила, ибо помнила, как долго они летели от Золотых Ворот с остановкой в секвойевом лесу в месте, про которое теперь знала, что оно называется Техас), но, если эти расчеты верны, Харман уже добрался до цели. Час на то, чтобы отыскать мифическую целебную колыбель или, по крайней мере, уложить умирающего Никого в темпоральный саркофаг, и ее любимый вернется

раньше, чем подадут ланч. Ада напомнила себе, что завтра ее дежурство на кухне.

Повесив шаль на крючок, она поднялась в спальню — их общую с Харманом спальню — и закрыла дверь. Потом достала и развернула пелену, которую привез Даэман и которую она во время разговора сунула в самый большой карман.

Харман почти не интересовался туринской драмой. Да и Даэман, насколько помнила Ада, тоже. До Падения он увлекался только соблазнением молоденьких женщин. Хотя, если быть честной, она помнила еще, что, посещая Ардис в ее детстве, он упорно охотился по полям и лесам на бабочек. Молодой человек приходился ей двоюродным братом, хотя еще девять месяцев назад любые слова, обозначавшие кровную связь, ничего не значили. «Сестра» или «кузина» — так обращались друг к другу взрослые женщины, состоящие в долгой дружбе, имея в виду некие особые отношения между своими детьми. Теперь, когда Ада сама была взрослой и к тому же беременной, ей пришло на ум, что именно могло означать слово «кузен». Вероятно, их матери — обе уже покойные, с горечью подумала она, — решили в разное время забеременеть от спермопакетов одного и того же мужчины. Ада улыбнулась, радуясь, что

пухлому сластолюбивому Даэману не удалось ее соблазнить.

Так или иначе, ни Харман, ни Даэман не увлекались туринскими пеленами — в отличие от нее. В те одиннадцать лет, когда повязки исправно функционировали, она почти каждый день переносилась в кровавый мир осажденного Илиона. Надо признаться, ей действительно нравились жестокость и мощь воображаемых героев (по крайней мере, они считались воображаемыми до встречи с постаревшим Одиссеем в Золотых Воротах); ее пьянила даже их варварская речь, которую турины каким-то образом переводили.

Ада легла на кровать, накрыла тканью лицо, пристроила вышитые микросхемы на лбу и закрыла глаза, не особо ожидая, что турина заработает.

Ночь. Она в троянской башне.

Ада знает, что это Троя — Илион, поскольку в прошлое десятилетие сотни раз видела ночные очертания городских зданий и стен. Впрочем, она никогда не видела их с этой точки. Она в полуразрушенной круглой башне, южной стены нет. В нескольких футах от нее сидят в обнимку двое, держа одеяло над догорающим костерком. Ада сразу узнает обоих — Елену и ее мужа Менелая,

— но не может понять, отчего они вместе здесь, в городе, смотрят через стену и Скейские ворота на ночную битву. Как тут оказался Менелай и почему он греется под одним одеялом — нет, понимает Ада, под красным воинским плащом — с Еленой? Почти десять лет Ада наблюдала, как Менелай и другие ахейцы сражаются под стенами города, чтобы пробиться внутрь и убить эту самую женщину.

Очевидно, в эту самую минуту ахейцы сражаются под стенами города, чтобы пробиться внутрь.

Ада поворачивает несуществующую голову, чтобы сменить угол зрения — прежние турины такого не позволяли, — и ошеломленно смотрит на Скейские ворота и высокую стену.

«Очень похоже на вчерашний бой здесь, в Ардисе», — думает она и тут же чуть не смеется над неловким сравнением. Здесь вам не двадцатифутовый хлипкий частокол; Илион окружает каменная стена высотой в сто футов, а шириной — в двадцать, с башнями, потернами, бойницами, рвами, рядами заостренных кольев и парапетами. И осаждает его не сотня с чем-то бессловесных войниксов, а десятки тысяч ревущих, изрыгающих проклятия греков; факелы, костры и горящие

стрелы озаряют волны наступающих героев на мили вокруг, и каждая волна — отдельное войско со своим царем, осадными лестницами и колесницами, каждое войско ведет свой бой внутри большого сражения. И если в Ардис-холле укрылись четыреста душ, то здешние защитники — с высокой башни видны тысячи лучников и копейщиков на парапетах и ступенях длинной южной стены — охраняют жизнь более чем ста тысяч перепуганных родичей, в том числе жен, дочерей, малолетних сыновей и беспомощных стариков. А вместо единственного беззвучного соньера, парящего над задним двором, здесь носятся дюжины летающих колесниц, каждая заключена в свой энергетический пузырь, откуда божественные наездники мечут зигзаги молний и силовые лучи — кто в город, кто в нападающих.

Ада никогда еще не видела, чтобы столько олимпийских богов лично участвовали в сражении. Даже издали она легко различает Ареса, Афродиту, Артемиду и Аполлона, бьющихся на стороне Трои, в то время как Афина, Гера, Посейдон и менее известные боги поддерживают атакующих ахейцев. Зевса нигде не видно.

«Сколько же всего я пропустила за девять месяцев», — думает Ада.

— Гектор не вышел из покоев возглавить войско, — шепчет Елена, и Ада вновь обращает внимание на странную пару.

Они жмутся друг к другу над костерком на разбитой, продуваемой ветрами площадке, растянув красный плащ над тлеющими углями, чтобы снизу не заметили огонек.

— Трус он, — говорит Менелай.

— Ты же знаешь, что это не так. В нынешней безумной войне не было большего храбреца, чем Гектор, сын Приама. Он горюет.

— О ком? — смеется Менелай. — Себя пожалел? Ибо его часы сочтены.

Он указывает на греков, атакующих Трою со всех сторон.

Елена тоже смотрит за стену:

— Муж мой, ты полагаешь, атака завершится успехом? По-моему, ахейцам не хватает слаженности. И осадных орудий не видно.

Менелай сопит:

— Да, возможно, мой брат и впрямь повел их в атаку слишком поспешно. Но если мы не возьмем город сегодня, значит возьмем завтра. Илион обречен.

— Похоже, ты прав, — шепчет Елена. — Хотя ведь это не новость, верно? Нет, Гектор сокру-

шается не о себе, мой благородный супруг. Он скорбит об убитом сыне Скамандрии, а еще о том, что прекратилась война с богами — его единственная надежда отомстить.

— Дурацкая затея, — ворчит Менелай. — Боги легко могли уничтожить нас, как похитили наших родных.

— Ты веришь Агамемнону? — шепчет Елена. — Все исчезли?

— Я верю тому, что Посейдон, Афина и Гера сказали Агамемнону. Что боги вернут наши семьи, друзей, рабов и всех остальных, как только мы, ахейцы, сожжем Илион.

— Разве даже бессмертные способны забрать всех людей из нашего мира?

— Значит, способны, — говорит Менелай. — Мой брат не лжет. А боги сказали ему, что это их рук дело, и вот наши города опустели. Я успел потолковать с теми, кто был с братом в плавании. Все наши имения, все дома на Пелопоннесе… Ш-ш-ш! Кто-то идет.

Он встает, разбрасывает угли ногой, толкает Елену в темноту у разбитой стены и замирает у выхода на винтовую лестницу, держа наготове обнаженный клинок.

Слышен шорох сандалий по ступеням.

Человек, которого Ада ни разу не видела — одетый в доспехи и плащ ахейского воина, но только более хилый и кроткий с виду, чем любой из героев туринской драмы, — выходит с лестницы на открытую площадку.

Менелай бросается вперед, прижимает вошедшего так, что он не может поднять руки, и приставляет к горлу клинок, готовясь одним движением перерезать яремную вену.

— Нет! — кричит Елена.

Менелай замирает.

— Это мой друг, Хок-эн-беа-уиии.

Мгновение Менелай стоит неподвижно, лицо и рука напряжены, как будто он по-прежнему намерен перерезать горло хилому противнику. Затем вытаскивает у того из ножен меч, отбрасывает в сторону и, швырнув пришельца на пол, нависает над ним.

— Хокенберри? Сын Дуэйна? — рычит Менелай. — Я много раз видел тебя с Ахиллесом и Гектором. Ты явился вместе с механическими существами.

«Хокенберри?» — удивляется Ада. Она ни разу не слышала в туринской истории похожего имени.

— Нет, — отвечает Хокенберри, потирая горло и ушибленное колено. — Я был здесь много лет,

только никому не показывался на глаза до того, как разразилась битва с богами.

— Ты друг этого песьего Ахиллеса! — рявкает Менелай. — Ты прихлебатель моего врага Гектора, чей последний час скоро наступит. И твой тоже…

— Нет! — Елена, сделав шаг вперед, хватает мужа за руку. — Хок-эн-беа-уиии — любимец богов и мой друг. Это он рассказал мне об этой башне. И ты помнишь, как он переносил Ахиллеса, куда пожелает, путешествуя, подобно богам, при помощи чудесного медальона.

— Помню, — говорит Менелай. — Однако друг Ахиллеса и Гектора мне не товарищ. Он раскрыл наше убежище и расскажет троянцам, где мы прячемся. Смерть ему!

— Нет, — в третий раз говорит Елена; ее белые пальцы, сжавшие загорелую волосатую руку Менелая, кажутся совсем маленькими. — Хок-эн-беа-уиии выручит нас из беды, муж мой.

Менелай непонимающе хмурится.

Елена указывает на сражение. Лучники посылают сотни — тысячи — смертоносных стрел. Греки бегут к городским укреплениям с осадными лестницами, затем, теряя товарищей, отступают под перекрестным обстрелом. Последние троянские

защитники за стенами мужественно бьются на своей стороне частоколов и рвов — ахейские колесницы сшибаются, дерево разлетается в щепки, а кони ржут от боли в ночи, когда колья пронзают их взмыленные бока, и даже греколюбивые боги и богини — Афина, Гера и Посейдон — отступают перед безумной контратакой главных покровителей Трои — Ареса и Аполлона. Сребролукий осыпает фиолетовыми энергетическими стрелами и аргивян, и их бессмертных союзников, люди и кони падают, как молодые деревца под топором дровосека.

— Не понимаю, — рычит Менелай, — что нам проку от этого тощего ублюдка? У него даже меч не заточен!

По-прежнему держа его руку, Елена грациозно поднимает тяжелый золотой медальон, висящий у Хокенберри на шее на толстой золотой цепочке.

— Возлюбленный муж, он может мгновенно перенести нас в лагерь твоего брата. Это наш единственный способ выбраться из Илиона.

Менелай щурится, — кажется, до него дошло.

— Ну-ка, отойди, жена. Сейчас я перережу ему глотку, и волшебный медальон будет наш.

— Он действует только на меня, — тихо гово-

рит Хокенберри. — Даже моравеки со всей их премудрой техникой не сумели его скопировать или заставить работать для себя. Квит-медальон настроен на мою ДНК и волны моего мозга.

— Это правда, — почти шепчет Елена. — Вот почему и Гектор, и Ахиллес держали Хок-эн-беа-уиии за руку, когда хотели чудесным образом перенестись куда-нибудь вместе с ним.

— Вставай, — говорит Менелай.

Хокенберри поднимается. Менелай не такой высокий, как его брат, не столь широк в груди, как Одиссей или Аякс, но почти богоподобен в сравнении с хилым Хокенберри.

— Забирай нас отсюда, сын Дуэйна, — приказывает Менелай. — В шатер моего брата на берегу.

Хокенберри мотает головой:

— Я уже несколько месяцев не прибегал к помощи медальона, о сын Атрея. Моравеки объяснили, что боги могут выследить меня в чем-то, что называется планковым пространством в матрице Калаби-Яу — в той пустоте, через которую перемещаются сами боги. Я обманул богов, и они меня убьют, если я снова квантово телепортируюсь.

Менелай с улыбкой поднимает меч и тычет Хокенберри в живот, так что сквозь ткань проступает кровь.

— А если ты этого не сделаешь, я убью тебя прямо сейчас, свиная ты задница. И я очень медленно выпущу твои кишки наружу.

Елена кладет свободную руку на плечо Хокенберри:

— Друг мой, посмотри туда, за городскую стену. Боги заняты кровопролитием. Видишь, как Афина отступает вместе со своим воинством фурий? Как могучий Аполлон сеет гибель среди бегущих греков? Сегодня никто не заметит, как ты квитируешься.

Хокенберри, закусив губу, смотрит на поле боя. Сейчас военная удача явно на стороне защитников Трои. Все больше воинов выбегают через потерны и двери у Скейских ворот; Ада замечает Гектора, который наконец-то вышел во главе своих лучших воинов.

— Ладно, — говорит Хокенберри. — Но я перенесу вас поодиночке.

— Ты заберешь нас обоих сразу, — рычит Менелай.

Хокенберри опять качает головой:

— Не могу. Не знаю почему, но медальон позволяет мне телепортировать лишь одного человека. Раз уж ты помнишь меня с Ахиллесом и Гектором, значит помнишь и то, что я переносил их

поочередно.

— Это правда, муж мой, — говорит Елена. — Я видела своими глазами.

— Тогда сначала отправь ее, — приказывает Менелай. — В шатер Агамемнона на берегу, рядом с тем местом, где вытащены на песок наши черные корабли.

Снизу доносятся выкрики, и все трое отступают от края площадки.

Елена смеется:

— Супруг мой, возлюбленный Менелай, я не могу быть первой. Кого из женщин аргивяне и ахейцы ненавидят больше всего? Даже за короткие мгновения, пока мой друг Хок-эн-беа-уиии не вернется вместе с тобой, стражники Агамемнона или другие греки узнают меня и пронзят десятками копий. Ты должен перенестись туда прежде, ведь ты моя единственная защита.

Менелай кивает и берет Хокенберри за горло:

— Пускай в ход свой медальон… живо!

Прежде чем поднять руку, Хокенберри спрашивает:

— Ты сохранишь мне жизнь, если я это сделаю? Отпустишь меня?

— Ну конечно! — рычит Менелай, но даже Ада видит искру в зловещем взоре, который он бро-

сает на Елену.

— Даю слово, что мой муж Менелай не причинит тебе вреда, — говорит Елена. — А теперь квитируйся побыстрее. Я слышу чьи-то шаги на лестнице.

Хокенберри сжимает золотой медальон, зажмуривается, поворачивает что-то на его поверхности, они с Менелаем исчезают, а в воздухе раздается тихий хлопок.

Минуту Ада одна на полуразрушенной площадке с Еленой Прекрасной. Усилившийся ветер свистит между камнями, доносит с озаренной факелами равнины крики бегущих греков и наступающих троянцев. Люди в городе торжествующе вопят.

Внезапно появляется Хокенберри.

— Твоя очередь, — говорит он и берет Елену за руку. — Ты оказалась права — никто из богов меня не преследовал. Им не до того. — Он кивает на колесницы в небе и разряды энергетических стрел, затем тянется к медальону, однако снова медлит. — Елена, ты уверена, что Менелай не убьет меня, когда я доставлю тебя на место?

— Он тебя не тронет, — шепчет Елена почти рассеянно, как будто прислушиваясь к шагам на лестнице.

Ада слышит лишь ветер и далекие крики.

— Погоди секунду, Хок-эн-беа-уиии, — говорит Елена. — Должна сказать, что ты был хорошим любовником… и добрым другом. Я очень тебя люблю.

Хокенберри сглатывает.

— И я… очень тебя люблю… Елена.

Черноволосая женщина улыбается:

— Я не отправлюсь к Менелаю, Хок-эн-беа-уиии. Я его ненавижу. И боюсь. Я никогда больше не отдам себя в его власть.

Хокенберри удивленно моргает и смотрит на далеких ахейцев. Теперь они перестраивают ряды за своим частоколом в двух милях от города, у бесконечной линии палаток и костров, там, где вытащены на песок бессчетные черные корабли.

— Если они возьмут город, он тебя убьет, — тихо говорит Хокенберри.

— Да.

— Я могу квитировать тебя отсюда. В какое-нибудь безопасное место.

— А это правда, мой милый Хок-эн-беа-уиии, что мир обезлюдел? Великие города? Моя Спарта? Каменистые пашни и пастбища? Одиссеев остров Итака? Золотые города Персии?

Хокенберри кусает нижнюю губу.

— Да, — говорит он наконец. — Это правда.

— Тогда куда же мне деться, Хок-эн-беа-уиии? На гору Олимп? Даже Дыра исчезла, а боги посходили с ума.

Хокенберри разводит руками:

— Значит, остается надеяться, что Гектор и его легионы сдержат их, Елена… милая. Клянусь, как бы все ни обернулось, я никогда не скажу Менелаю, что ты сама решила остаться.

— Знаю, — говорит Елена.

Из широкого рукава ее платья в ладонь выскальзывает кинжал. Стремительный взмах — и короткий, но очень острый клинок по рукоять уходит Хокенберри под ребра. Елена поворачивает лезвие, чтобы достать до сердца.

Хокенберри разевает рот в беззвучном крике, хрипит, хватается за обагренный живот и падает как подкошенный.

Но перед этим Елена успевает выдернуть кинжал.

— Прощай, Хок-эн-беа-уиии.

Она быстро и почти бесшумно спускается по лестнице.

Ада сочувственно смотрит на истекающего кровью мужчину. Если бы она могла ему помочь! Но разумеется, она всего лишь зрительница,

невидимая и неосязаемая. Под влиянием порыва, вспомнив, как Харман общался с соньером, она прикасается к туринской пелене, нащупывает вшитую микросхему и представляет себе три синих квадрата в трех красных кругах.

И вдруг*оказывается* на месте. Ада стоит на открытой ветрам платформе безверхой башни Илиона. Она не смотрит туринскую драму откуда-то еще, она действительно *здесь*. Холодный ветер треплет ее блузку и юбку. С рыночной площади далеко внизу долетают запахи скота и незнакомой готовки. До слуха доносится рев битвы у городской стены, воздух содрогается от грома колоколов и гонгов. Ада смотрит вниз и видит собственные ноги на потрескавшейся каменной кладке.

— Помогите… мне… пожалуйста, — шепчет умирающий на стандартном английском.

Ада в ужасе расширяет глаза: неужели он*видит* ее? Смотрит *на нее*? Он из последних сил поднимает левую руку и тянется к ней, без слов умоляя, заклиная, упрашивая…

Ада сорвала турину со лба.

Она была в Ардис-холле, у себя в спальне. Дрожа от страха, с бешено бьющимся сердцем, Ада вызвала ладонную функцию времени.

Прошло всего десять минут с тех пор, как она легла с туринской пеленой, сорок пять — с тех пор, как ее любимый Харман улетел на соньере. Разум слегка мутился, к горлу подкатывала тошнота, как будто вернулся токсикоз. Ада попыталась прогнать неприятное чувство и заменить его решимостью, но дурнота лишь усилилась.

Скомкав туринскую пелену и сунув ее в ящик для белья, Ада поспешила вниз узнать, что происходит в Ардисе и его окрестностях.

30

Харман даже не представлял, что полет к Золотым Воротам окажется настолько захватывающим, а уж воображения Харману было не занимать. И он единственный на борту соньера пронесся некогда на деревянном кресле в циклоне света из Средиземного бассейна к астероиду на экваториальном кольце и думал, что с этим ничего сравниться не может.

Нынешний полет почти не уступал тому.

Соньер преодолел звуковой барьер (Харман знал про звуковой барьер из книги, которую просиглировал меньше месяца назад) еще до того, как поднялся на две тысячи футов над Ардисом. К тому времени, как машина прорвалась

через верхний облачный слой к яркому солнечному свету, она уже летела почти вертикально и обгоняла собственные звуковые удары, хотя ее движение было далеко не бесшумным. Рев и свист воздуха за силовым полем заглушал любые попытки говорить.

Они и не пытались разговаривать. То же самое поле, которое защищало их от ревущего ветра, вжимало всех четверых в мягкие углубления; Никто по-прежнему был без сознания, Ханна обнимала его рукой, а Петир широко раскрытыми глазами смотрел через плечо на облака далеко внизу.

Через минуты рев за бортом ослаб до шипения чайника, потом до слабого вздоха. Голубое небо почернело. Горизонт изогнулся белой дугой, будто натянутый до предела лук, а соньер все так же летел ввысь — серебряный наконечник невидимой стрелы. Затем внезапно проступили звезды, не постепенно, как на закате, а высыпали все разом, точно беззвучный фейерверк заполнил огнями черную бездну. Сверху угрожающе ярко заполыхали оба небесных кольца.

На какой-то ужасный миг Харману показалось, что соньер несет их обратно на кольца (как-никак именно эта машина доставила его самого,

Даэмана и бесчувственную Ханну с орбитального астероида Просперо), но затем траектория начала выравниваться и стало ясно, что они в тысячах тысяч миль от колец, над самой атмосферой. Горизонт изгибался, но Земля все так же заполняла все поле зрения. Девять месяцев назад, когда они с Даэманом и Сейви мчались в воронке-молнии к э-кольцу, Земля внизу представлялась гораздо меньше.

— Харман!.. — крикнула Ханна, когда машина заложила крутой вираж и планета в белых слепящих облаках оказалась над ними. — Все в порядке? Так и должно быть?

— Да, все нормально! — крикнул Харман.

Разные силы, включая страх, пытались вырвать его из мягкой ниши, но силовой пузырь вжимал тело обратно. Желудок и внутреннее ухо реагировали на отсутствие горизонта и гравитации. На самом деле Харман не знал, нормально это или соньер попытался выполнить маневр, на который не способен, и в ближайшие секунды они погибнут.

Петир глянул на Хармана, и тот понял, что молодой человек ему не поверил.

— Кажется, сейчас меня стошнит, — спокойно сообщила Ханна.

Тут соньер под действием невидимых сил устремился вниз, Земля завертелась.

— Закройте глаза и держите Одиссея! — крикнул Харман.

Шум возобновился — они снова вошли в атмосферу. Харман поймал себя на том, что выворачивает шею, пытаясь взглянуть на кольца. Он гадал, уцелело ли что-нибудь от острова Просперо и прав ли Даэман в своей убежденности, что именно Калибан убил его мать и остальных в Парижском Кратере.

Еще несколько минут. Если Харман не ошибся, они вошли в атмосферу над континентом, который некогда звался Южной Америкой. Оба полушария были затянуты облаками — клубящимися, зубчатыми, рваными, приплюснутыми, громоздящимися, подобно башням, — но в просветы между ними Харман различил широкий пролив там, где, по словам Сейви, раньше был перешеек между континентами.

Затем их окутало пламя, свист и завывания стали громче, чем даже во время взлета. Машина ввинчивалась в густые слои атмосферы, словно вращающаяся флешетта.

— Все будет хорошо! — проорал Харман. — Я так летал. Все будет хорошо.

Ханна и Петир не слышали его за оглушительным ревом, поэтому Харман не добавил уточнение, о котором думал: «Я уже так летал…*один раз*». Ханна была на том же соньере, что доставил его и Даэмана с рушащегося орбитального острова Просперо, но ничего толком не помнила.

Харман решил, что и ему не повредит зажмуриться, покуда соньер несется навстречу Земле в облаке плазмы.

«Какого черта я это делаю?» Сомнения нахлынули с новой силой. Он не вожак. По какому праву он рискует соньером и жизнью двух доверившихся ему людей? Он ни разу не летал на соньере таким способом, почему он думает, что машина успешно совершит этот перелет? И даже если все пройдет благополучно, что за непростительное легкомыслие — забирать соньер из Ардиса в самое опасное время! Рассказ Даэмана о Сетебосе, заключившем в лед Парижский Кратер и другие факс-узлы, — вот о чем надо было думать в первую очередь, а не лететь к Золотым Воротам в Мачу-Пикчу ради Одиссея. Как он мог оставить Аду, когда она беременна и нуждается в его помощи? Никто в любом случае почти наверняка умрет. Зачем рисковать сотнями жизней (а то и десятками тысяч, если остальные общины

не получат их предупреждения) в практически безнадежной попытке спасти раненого старика?

Старика. Ветер засвистел пронзительнее, соньер перевернулся, Харман изо всех сил вцепился в рукояти. Если кто-то здесь и старик, так это он сам, ему осталось два месяца до Пятой — последней — Двадцатки. Харман не мог отделаться от мысли, что исчезнет в последний день рождения, что его факсируют на кольца, хотя там и не осталось целебных баков, чтобы его принять. И кто сказал, что этого не случится? Пожалуй, Харман был старейшим человеком на Земле, за возможным исключением Одиссея, чьего истинного возраста они не знали. Однако Никто, скорее всего, умрет в ближайшие минуты или часы. *И все мы, возможно, тоже.*

О чем он только думал, когда решил завести ребенка от женщины, семь лет назад отметившей Первую Двадцатку? По какому праву убеждал других возродить понятие семьи? Кто он такой, чтобы утверждать, будто новая реальность требует от мужчин воспитывать детей наравне с матерями? Что́ старик по имени Харман по-настоящему знает о семье, или о долге, или о чем угодно? Какой из него вождь? Да, он научился читать и некоторое время единственный на

Земле это умел.*Что с того?* Теперь у всех есть функция сиглирования, и многие в Ардис-холле тоже научились превращать значки из старых книг в звуки и слова.

«Я ничем не лучше других».

Плазменный щит вокруг соньера погас, вращение прекратилось, хотя с обеих сторон еще тянулись языки огня.

«Если соньер разрушится, если у него просто кончится горючее, или энергия, или на чем там он летает, Ардис обречен. Ни одна душа не узнает, что с нами случилось, — мы исчезнем, и все тут, а жители Ардиса потеряют единственную летающую машину. Когда нападут войниксы либо появится Сетебос, людям не на чем будет улететь к факс-павильону, а значит, Ада и остальные окажутся в западне. И все из-за меня».

Звезды поблекли, небо стало синим, потом голубым, соньер, сбросив скорость, вошел в верхний слой облаков.

«Уложу Никого в какую-нибудь колыбель — и сразу обратно. Пусть Даэман, Петир, Ханна или кто-нибудь еще из молодых принимает решения и мотается в далекие края. Мое место рядом с Адой, я должен заботиться о ребенке». Последняя мысль испугала его сильнее, чем скачки и кувыр-

ки соньера.

Долгие минуты спускающийся диск окутывали облака, которые сперва клубились за гудящим защитным полем, будто дым вперемешку со снежными хлопьями, а затем понеслись мимо, словно души всех тех миллиардов людей, что жили и умерли на Земле до рождения Хармана. Потом соньер выскочил из облачной густой пелены в трех тысячах футов над горными пиками, и Харман вновь увидел внизу Золотые Ворота в Мачу-Пикчу.

Плато — высокое, крутое, с зелеными уступами — обрамляли зубчатые гребни гор и глубокие каньоны с еще более сочной зеленью. Древний мост со ржавыми башнями высотой больше семисот футов почти (но не совсем) соединял две горы по обе стороны плато, на котором виднелись еще более древние развалины — не более чем очертания зданий на фоне растительности. Сам исполинский мост побурел от времени, словно покрылся коростой засохшей крови; некогда ярко-рыжая краска на нем облупилась, оставив лишь пятна, похожие на лишайник. В полотне кое-где зияли провалы, несущие тросы местами полопались, однако Золотые Ворота по-прежнему оставались мостом — только ниоткуда в никуда.

Впервые увидев это сооружение издалека, Харман подумал, что огромные башни и тяжелые соединительные тросы обвиты ярко-зеленым плющом. Теперь он знал, что зеленые пузыри, висячие гроздья и трубки служили жильем и, возможно, были добавлены через столетия после строительства моста. Сейви даже сказала (и, возможно, не в шутку), что лишь бакигласовые пузыри и вьющиеся лозы удерживают древнюю конструкцию от разрушения.

Харман, Ханна и Петир приподнялись на локтях и смотрели вниз. Соньер замедлился, выровнялся, затем начал по широкой дуге снижаться к плато и мосту. Вид сейчас был даже драматичнее, чем запомнился Харману с первого раза. Тучи нависли низко, лил дождь, за горами на западе сверкали молнии, а солнечные лучи, пробиваясь через разрывы в несущихся облаках, озаряли мост, полотно, зеленые бакигласовые спирали и само плато. Черные завесы дождя на минуту закрывали вид и тут же уносились к востоку, так что игра теней и бликов создавала иллюзию живого движения.

Хотя нет, не иллюзию. Склоны и мост кишели тысячами каких-то существ. Поначалу Харман еще надеялся, что зрение играет с ним злую шут-

ку, но тут соньер зашел на посадку к северной башне и стало ясно, что там, внизу, тысячи, если не десятки тысяч войниксов. Серые безглазые твари с кожаными выростами вместо головы сплошь покрывали зеленые вершины и древние развалины, взбирались на башни, толкались на полуобрушенном полотне, шестифутовыми тараканами сновали по ржавым несущим тросам. Их было не меньше десятка на плоской северной башне, куда в прошлый раз посадила диск Сейви и куда, судя по всему, соньер намеревался сесть.

–Произвести приземление в автоматическом или в ручном режиме? — спросил механический голос.

— В ручном! — крикнул Харман.

Возникла голографическая панель управления, и он крутанул омниконтроллер, успев развернуть машину за считаные мгновения и полсотни футов до посадки в гущу войниксов. Два войникса скакнули в их сторону (один не допрыгнул каких-то десять футов) и беззвучно рухнули на скалы с высоты семидесятиэтажного дома. Оставшиеся на башне войниксы провожали соньер безглазыми инфракрасными взглядами, еще десятки карабкались по ржавым башням наверх, вгрызаясь в цемент шипами и лезвиями.

— Мы не сядем, — сказал Харман.

И мост, и склоны, и даже горные пики кишели войниксами.

— На зеленых пузырях войниксов нет! — крикнул Петир.

Он привстал на колени, держа лук со стрелой на тетиве. Защитное поле отключилось, промозглый воздух сильно пах дождем и гниющей зеленью.

— На пузыри нам не сесть, — ответил Харман, кружа в сотне футов над несущими тросами. — И внутрь не попасть. Надо поворачивать назад.

Он развернул соньер на север и начал набирать высоту.

— Погоди! — крикнул Ханна. — Стоп!

Харман выровнял высоту полета и принялся выписывать плавные круги. На западе, между низкими тучами и высокими пиками, вспыхивали молнии.

— Десять месяцев назад, покуда вы с Адой и Одиссеем охотились на Ужасных птиц, я исследовала это место, — сказала Ханна. — Один пузырь… на южной башне… там стояли вроде как другие соньеры. Это было… не знаю. Что за слово мы сиглировали в книге в сером переплете? «Гараж»?

— Другие соньеры! — воскликнул Петир.

Харман сам чуть не завопил. Новые летающие машины могли бы решить судьбу всех обитателей Ардис-холла. Странно, что Одиссей ни разу не упомянул об этом после того, как несколькими месяцами раньше в одиночку наведывался сюда за дротиковыми винтовками.

— Нет, не соньеры… Не совсем… — торопливо добавила Ханна. — Отдельные части. Корпусы. Запасные детали.

Харман разочарованно тряхнул головой.

— Тогда при чем здесь… — начал он.

— Это было похоже на место, куда они могут*садиться*, — сказала Ханна.

Харман обогнул южную башню, стараясь держаться на расстоянии. На ржавых постройках темнело более сотни войниксов, однако на зеленых гроздьях и стеблях, обвивающих башню подобно винограду, тварей не было.

— Здесь нет ни одного отверстия! — проорал Харман. — А пузырей так много… ты не узнаешь отсюда тот, в котором побывала тогда!

Он помнил с прошлого раза, что бакиглас прозрачен и бесцветен изнутри, но не просвечивает снаружи.

Сверкнула молния. Полил дождь, и силовое поле снова включилось. Войниксы на вершинах

башен и те, что сотнями карабкались по отвесным стенам, поворачивали безглазые тела, следя за кружащим соньером.

— Я его найду, — сказала Ханна; она тоже стояла на коленях, держа бесчувственного Одиссея за руку. — У меня хорошая зрительная память… Мне нужно только вспомнить, как я туда шла, посмотреть вокруг с разных ракурсов и вычислить, в какой пузырь я заходила. — Она огляделась, затем на минуту закрыла глаза. — Вот.

Ханна ткнула в пузырь, выступающий из оранжево-бурого монолита примерно на двух третях его высоты. Сам пузырь выдавался примерно на шестьдесят футов и по виду был такой же, как сотни других.

Харман снизил соньер.

— Отверстия нет, — сказал он, поворачивая омниконтроллер так, что соньер завис футах в семидесяти от пузыря. — Сейви тогда села на вершине северной башни.

— Они должны были как-то залетать в этот…*гараж*, — возразила Ханна. — Пол там плоский и сделан из другого материала, чем в остальных шарах.

— Вы как-то мне говорили, что Сейви назвала это место музеем, — сказал Петир, — а позже я

сиглировал это слово. Соньеры могли вносить туда по частям.

Ханна мотнула головой, и Харман подумал (не в первый раз), что эта милая девушка может быть очень упрямой.

— Давайте подлетим поближе, — сказала она.

— Войниксы… — начал Харман.

— На пузырях их нет, а с башни им до нас не допрыгнуть, — возразила Ханна.

— Они могут вскарабкаться на зеленый пузырь за одну минуту… — начал Петир.

— Сомневаюсь, — сказала Ханна. — Что-то не пускает их на стекло.

— Чепуха какая-то… — возмутился Петир.

— Погоди-ка, — прервал его Харман. — Может, и не чепуха.

И он рассказал о вездеходе, на котором они с Даэманом и Сейви ехали по дну Средиземного бассейна десятью месяцами раньше.

— Верхняя часть машины была как будто стеклянная, тонированная снаружи, но прозрачная изнутри. Однако ничто не могло на ней удержаться — ни дождевые капли, ни даже войниксы, когда пытались запрыгнуть на вездеход в Иерусалиме. Сейви сказала, что некое поле над стеклом уничтожает трение. Правда, не помню, называла

ли она это стекло бакигласом.

— Давайте подлетим поближе, — повторила Ханна.

Харман не увидел бы вход, если бы не побывал на острове Просперо, где шлюз орбитального острова и вход в Лазарет работали по одной технологии. Едва различимый прямоугольник на краю вытянутого пузыря был чуть светлее остального бакигласа. Харман объяснил спутникам про то, что Сейви называла «полупроницаемой мембраной» в шлюзе Просперо и в Лазарете.

— А если это не твоя полу-как-там-ее-мембрана, а просто блик? — спросил Петир.

— Тогда, полагаю, мы разобьемся.

С этими словами Харман тронул омниконтроллер и направил машину вперед.

— Если вы положите его туда, он умрет, — произносит голос из темноты.

Затем на свет выступает Ариэль.

Полупроницаемая молекулярная мембрана оказалась вполне даже проницаемой; прямоугольник сомкнулся за ними. Харман посадил соньер на металлическую палубу среди разобранных на детали машин, все трое быстро уложили Одиссея-Никого на носилки и углубились в закрученный лабиринт зеленых пузырей. Ханна

держала передние ручки носилок, Харман — задние, Петир шел с луком наготове. Они пересекали коридоры и взбирались по застывшим эскалаторам, направляясь в пузырь с хрустальными гробами, где, по словам Сейви, она сама и Одиссей лежали в долгом криосне.

Харман был потрясен не столько памятью Ханны, ни разу не помедлившей у развилки, сколько ее выносливостью. Стройная девушка даже не запыхалась, в то время как Харману не помешала бы передышка. Одиссей-Никто был невысок, но*очень* тяжел. Харман поймал себя на том, что поглядывает на грудь раненого, проверяя, дышит ли тот. Грек дышал… но очень слабо.

В основном коридоре, обвивающем башню, все трое остановились, и Петир поднял лук.

Десятки войниксов висели на металлической конструкции и как будто смотрели на людей безглазыми телами.

— Они нас не видят, — сказала Ханна. — Пузырь снаружи не просматривается.

— Думаю, что видят, — ответил Харман. — Сейви рассказывала, сенсоры в их капюшонах видят на триста шестьдесят градусов вокруг в инфракрасном диапазоне… интервале света, который больше тепло, чем цвет; наши глаза его

не воспринимают… и у меня такое чувство, будто они смотрят прямо на нас через непрозрачное стекло.

Они прошли по закругляющемуся коридору еще шагов тридцать, войниксы повернулись следом. Внезапно полдюжины войниксов прыгнули на стекло.

Петир поднял лук. Харман был уверен, что войниксы пробьют бакиглас, однако вместо звона стекла услышал лишь негромкие хлопки, с которыми войниксы падали на миллиметровое силовое поле и соскальзывали с него. Пол на этом отрезке коридора был почти прозрачен — зрелище не для слабых нервов, но, по крайней мере, Харман и Ханна такое уже видели и не боялись ступать на почти незримый пол. Петир то и дело поглядывал под ноги, как будто мог в любую минуту провалиться сквозь стекло.

Они прошли через самую большую комнату — ту, которую Сейви назвала музеем, — и попали в длинный пузырь с хрустальными гробами. Бакиглас здесь был очень зеленый и почти не просвечивал. Тусклый зеленый свет напомнил Харману время, когда — всего полтора года назад — он прошагал мили по Атлантической Бреши, глядя через вздымающиеся по обе стороны стены

на огромных рыбин на высоте больше своего роста.

Ханна опустила носилки (Харман поспешил последовать ее примеру) и огляделась:

— Которая криоколыбель?

В длинном помещении стояли восемь хрустальных гробов, пустых и тускло поблескивающих в полумраке, каждый соединялся с гудящими механизмами, над металлической поверхностью мигали зеленые, красные и желтые виртуальные индикаторы.

— Понятия не имею, — ответил Харман.

Сейви рассказывала им с Даэманом, что провела в одной или нескольких из этих колыбелей много веков, но разговор состоялся десять месяцев назад, когда они въезжали в Средиземный бассейн, и подробностей, если они и были, Харман не помнил.

— Давайте попробуем ближайшую, — предложил он и взял бесчувственного грека под мышки.

Ханна и Петир подняли Одиссея за ноги, и все вместе начали опускать его в гроб, ближайший к винтовой лестнице, которая, насколько Харман помнил, вела в следующий коридор.

— Если вы положите его туда, он умрет, — про-

изнес из темноты мягкий, не то мужской, не то женский голос.

Они торопливо опустили грека обратно на носилки. Петир поднял лук. Харман и Ханна взялись за мечи. Из тени между аппаратами выступила фигура.

Харман сразу понял, что это Ариэль, о котором говорили Просперо и Сейви, хотя не мог бы сказать, как это определил. Фигура была невысокая — от силы пять футов — и не совсем человеческая. Сквозь белую с зеленоватым отливом кожу (вернее, не совсем кожу) Харман различал изумрудную жидкость, в которой плавали мерцающие искры. Идеально правильное бесполое лицо напомнило ему изображения ангелов, которые он сиглировал из самых старых книг Ардис-холла. Руки у существа были тонкие и почти обычные, если не считать чрезвычайного изящества и длины пальцев, на ногах — что-то вроде зеленых тапочек. Поначалу Харману казалось, что фигура одета — точнее, оплетена лозами винограда, сшитыми в облегающее трико, — но потом он понял, что узоры находятся прямо в коже, а не поверх нее. И нигде ни малейшего намека на пол.

Тонкий длинный нос, пухлые, изогнутые в

легкой усмешке губы, черные глаза, ниспадающие на плечи зеленовато-белые кудри — все напоминало человека, но стоило взглянуть через прозрачную оболочку на плавающие огоньки, как ощущение сходства исчезало.

— Ты Ариэль, — произнес Харман почти утвердительно.

Существо согласно наклонило голову.

— Я вижу, что Сейви поведала тебе обо мне, — пропел умопомрачительно нежный голос.

— Да. Но я полагал, твое тело… неосязаемо… как проекция Просперо.

— Голограмма, — раздалось в ответ. — Нет. Просперо принимает вещественную форму, когда пожелает, но желает он этого редко, я же, хотя столь многие столь давно называют меня духом, предпочитаю материальность.

— Почему ты говоришь, что эта колыбель убьет Одиссея? — вмешалась Ханна.

Она сидела на корточках рядом с бесчувственным телом, пытаясь нащупать пульс. На взгляд Хармана, Никто выглядел мертвым.

Ариэль шагнул — или шагнула — ближе. Петир таращился на прозрачную кожу существа. Лук он опустил, однако по-прежнему смотрел с подозрением и опаской.

— Это, — дух указал на восемь хрустальных гробов, — колыбели, в каких спала Сейви. Да, в них все жизненные процессы замирают, словно у насекомого в янтаре или трупа на льду, но эти ложа не исцеляют ран, о нет. Одиссей веками втайне держал здесь собственный временной ковчег, чьи возможности превосходят мое разумение.

— Кто ты? — спросила, поднимаясь, Ханна. — Харман говорил, ты аватара осознавшей себя биосферы, но я не знаю, что это значит.

— Никто не знает. — Ариэль изящно сделал (или сделала) полупоклон-полуреверанс. — Следуйте за мной к ковчегу Одиссея.

Дух подвел их к винтовой лестнице вверх, но вместо того, чтобы подняться, приложил правую ладонь к полу, и там раскрылось отверстие, явив глазам винтовую лестницу вниз. Ширина ступеней позволяла нести носилки, однако спускаться оказалось все-таки тяжело и неудобно. Петиру пришлось идти рядом с Ханной и придерживать раненого, чтобы не соскользнул.

Зеленый коридор вывел в помещение еще меньше и темнее комнаты с хрустальными гробами. Харман внезапно осознал, что они не в бакигласовом пузыре; комната была вырублена в бетоне и стали самой башни. Здесь стоял

один-единственный саркофаг, не похожий на хрустальные гробы: больше, тяжелее, темнее, с прозрачным окошком над лицом того, кто лежал бы внутри. Мириады кабелей, шлангов, гибких и металлических трубок тянулись от него к огромной черной машине без единого дисплея или шкалы. Запах напомнил Харману воздух после сильной грозы.

Ариэль тронул (или тронула) пластину на боковой стороне ковчега — и длинная крышка с шипением открылась. Внутри лежали затертые полинялые подушки, еще хранящие отпечаток человека, телосложением похожего на Одиссея.

Харман и Ханна переглянулись, помедлили секунду и, не сговариваясь, опустили Одиссея-Никого в ковчег.

Заметив, что Ариэль собирается закрыть саркофаг, Ханна быстро шагнула вперед и поцеловала Одиссея в губы, затем отступила. Крышка со зловещим шипением закрылась.

Тут же между саркофагом и темным аппаратом вспыхнул янтарный шар.

— Что это значит? — спросил Харман. — Он будет жить?

Дух грациозно пожал тоненькими плечами:

— Кто из живущих ведает мысли обычной

машины? Уж верно, не Ариэль. Однако машина решит участь того, кто в ней, за три оборота вашей планеты. А теперь пойдемте. Скоро здешний воздух станет непригоден для дыхания: его наполнят густые зловонные пары. Выйдем же на свет и потолкуем как цивилизованные существа.

— Я не оставлю Одиссея, — сказала Ханна. — Если через семьдесят два часа будет известно, выживет он или нет, я подожду.

— Ты не можешь остаться! — возмутился Петир. — Нам нужно поскорее разыскать оружие и возвращаться в Ардис.

Температура в тесном помещении стремительно росла. У Хармана под рубашкой потекли ручейки пота. Запах грозы усиливался. Ханна на шаг отступила от товарищей и скрестила руки на груди, всем видом показывая, что не тронется с места.

— Здесь ты погибнешь, остужая смрадный воздух своими вздохами, — промолвил (или промолвила) Ариэль. — Но коли ты желаешь следить, жив ли твой возлюбленный, то подойди ко мне.

Ханна подошла. Она была намного выше светящегося духа.

— Дай руку, дитя.

Ханна несмело протянула ладонь. Ариэль при-

жал (или прижала) ее к своей зеленоватой груди. Миг — и рука Ханны погрузилась *внутрь*. Девушка ахнула и попыталась вырвать руку, но ей не хватило сил.

Харман и Петир не успели опомниться, как все закончилось. Ханна, высвободив руку, в ужасе смотрела на оставшийся в кулаке шарик — золотой с зеленоватым отливом. На глазах у людей он растаял и как будто впитался Ханне в ладонь.

Девушка снова ахнула.

— Это всего лишь индикатор, — произнес дух. — Теперь, едва состояние твоего милого изменится, ты об этом узнаешь.

— Как? — спросила Ханна; она была бледна, лоб покрылся испариной.

— Ты узнаешь, — повторил дух.

Они прошли за слабо светящейся фигурой обратно в зеленый бакигласовый коридор и поднялись по лестнице.

Все четверо молча прошли по коридорам и замершим эскалаторам, а затем по спирали из пузырей, обвивающей гигантский несущий трос. Остановились в стеклянной комнате, закрепленной на железобетонной поперечной балке южной башни. Сразу за стеклом войниксы на горизонтальном сегменте моста беззвучно кида-

лись на зеленые стены, царапали их и скребли, но не находили ни входа, ни опоры. Ариэль, не обращая на них внимания, провел (или провела) людей в самый большой пузырь. Здесь были столы, стулья и встроенные в столешницы машины.

— Я помню это место, — сказал Харман. — Мы здесь ужинали. Одиссей жарил на мосту Ужасную птицу… в грозу. Помнишь, Ханна?

Ханна рассеянно кивнула, покусывая нижнюю губу.

— Мне подумалось, что вы голодны, — сказал (или сказала) Ариэль.

— Нам некогда… — начал Харман, однако Петир его перебил:

— Да, мы хотим есть. На это время найдется.

Дух движением руки пригласил их за круглый стол, разогрел в микроволновке три деревянные миски с похлебкой, разложил салфетки и ложки, налил в четыре стакана чистой холодной воды и присоединился к трапезе. Харман осторожно попробовал похлебку — она оказалась изумительной, из свежих овощей — и с удовольствием принялся за еду. Петир ел медленно, с опаской поглядывая на аватару биосферы. Ханна так и не притронулась к своей миске. Девушка как

будто ушла в себя, почти как растворившийся в ее ладони золотисто-зеленый шарик.

«Безумие, — думал Харман. — Эта зеленоватая… зеленоватый… это существо только что засунуло руку Ханны себе в грудь, я видел какой-то светящийся золотой орган… и мы все трое едим горячую похлебку, войниксы скребут бакиглас в десяти футах от нас, а осознающая себя аватара планетарной биосферы исполняет роль сервитора. Я сошел с ума».

Однако Харман должен был признать, что, даже если он сошел с ума, похлебка очень вкусна. Он подумал про Аду и стал есть дальше.

— Почему ты здесь? — спросил Петир.

Он отодвинул миску и пристально смотрел на духа. Лук по-прежнему оставался у юноши под рукой.

— Что ты хотел бы от меня услышать? — спросил (или спросила) Ариэль.

— Что здесь происходит? — спросил Петир с обычной своей прямотой. — И кто ты на самом деле? Почему войниксы здесь и почему они атакуют Ардис? Что за тварь Даэман видел в Парижском Кратере? Опасна ли она, и если да, как ее убить?

— Первые вопросы, которые всегда задает человек, — улыбнулось мерцающее существо. — Что

это такое и как его убить?

Петир ждал. Харман опустил ложку.

— Впрочем, вопрос хороший, — продолжал (или продолжала) Ариэль. — Ибо, если вы прыгаете первыми, а не последними, не вам кричать: «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»[25] Но это повесть такая же длинная, как у Одиссея, и ее трудно рассказывать над остывшей похлебкой.

— Тогда для начала расскажи о себе, — вмешался Харман. — Ты служишь Просперо?

— Так было когда-то. Не совсем слуга, не совсем в рабстве, однако у него в кабале.

— Почему? — спросил Петир.

Снаружи припустил ливень, и, хотя вода срывалась с изогнутого бакигласа, как и наскакивающие войниксы, стук дождевых струй по мосту сливался в грохот.

— Логосферный маг спас меня от рабства у проклятой ведьмы Сикораксы, — сказала аватара. — Ибо это она овладела кодами биосферы, она призвала своего повелителя Сетебоса, но за мою

---

[25] Примечания: 25

«Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!» — У. Шекспир. Буря. Акт I, сц. 2. Перев. М. Донского. У Шекспира Ариэль рассказывает, что королевский сын Фердинанд первым прыгнул в воду с подожженного корабля, выкрикивая эти слова. Далее при переводе измененных цитат из «Бури», которыми пересыпана речь Ариэля и Просперо, использован перевод М. Донского.

чистоту, за мой отказ исполнять ее скотские и злые приказы колдунья в ярости своей заключила меня в расщелину одинокой сосны, и лишь через двенадцать раз по двенадцать лет Просперо меня оттуда вызволил.

— Просперо тебя спас, — проговорил Харман.

— Выпустил, но взял клятву — исполнять его повеления. — Тонкие бледные губы существа чуть искривились. — Те же двенадцать раз по двенадцать лет.

— И тебе пришлось ему служить? — спросил Петир.

— Да.

— Служишь ли ты ему сейчас? — уточнил Харман.

— Я не служу ни смертному, ни магу.

— Калибан когда-то служил Просперо, — сказал Харман, стараясь припомнить все, что слышал от Сейви, все, что голограмма Просперо говорила на орбитальном острове. — Ты знаешь Калибана?

— Знаю. Он груб и страшен, я не люблю встречаться с ним.

— Тебе известно, вернулся ли Калибан на Землю? — напирал Харман, жалея, что рядом нет Даэмана.

— Ты сам знаешь, что это так. Он хочет превра-

тить всю Землю в свое болото, полное вонючей жижи, а небосвод — в пещеру ледяную.

«А небосвод — в пещеру ледяную…» — повторил про себя Харман, а вслух сказал:

— Так Калибан — сообщник Сетебоса?

— Да.

— Для чего тебе было нам показываться? — спросила Ханна.

Ее взгляд был по-прежнему затуманен грустью, однако она повернула голову и посмотрела на духа.

Ариэль запел (или запела):

Ем и пью с того стола[26],
Где нектар сосет пчела,
И постель моя мягка
В желтом венчике цветка.
На нетопыря вскочу,
Вслед за летом улечу.
Весело, весело я заживу,
Навек вернувшись в цветы и листву.

— Это существо безумно, — сказал Петир.

Он резко встал и подошел к изогнутой прозрач-

[26] Примечания: 26

Ем и пью с того стола… <…>…навек вернувшись в цветы и листву. — У. Шекспир. Буря. Акт V, сц. 1. Перев. О. Сороки.

ной стене, выходящей на мост. Три войникса прыгнули на него, ударились о защитное поле и скатились. Один уцепился лезвиями за бетон, два других исчезли в облаках внизу.

Аватара негромко засмеялась, потом заплакала:

— Наш общий дом, Земля, в осаде. Сюда пришла война. Сейви погибла. Одиссей умирает. Сетебос уничтожит все, что составляет мою суть и мой исток, все, ради чего я существую. Вы, люди старого образца, либо мои враги, либо мои союзники. Я выбираю второе. А вашего мнения никто не спрашивает.

— Так ты поможешь нам победить войниксов, Калибана и этого самого Сетебоса? — спросил Харман.

— Нет, это*вы* мне поможете.

— Как? — спросила Ханна.

— Для вас у меня три поручения. Во-первых, вы явились за оружием…

— Да! — хором ответили все трое.

— Те двое, что останутся здесь, найдут его в потайной комнате в нижней части южной башни, за старыми мертвыми компьютерами. На непрозрачной зеленой стене увидите круг с начертанной внутри пентаграммой. Просто

скажите «открыть» — и попадете туда, где хитроумный Одиссей и бедняжка Сейви прятали игрушки Потерянной Эпохи.

— Что значит: «Те*двое*, что останутся здесь»? — нахмурился Петир.

— Один из вас троих должен вернуть соньер в Ардис-холл до того, как Ардис падет. Второй останется здесь и будет заботиться об Одиссее, если тот не умрет. Он один ведает тайны Сикораксы, ибо некогда разделил с ней ложе, а тот, кто делил ложе с голубоглазой ведьмой, меняется навсегда. Третий последует за мной.

Все трое переглянулись. Из-за ливня казалось, будто они глубоко под водой и смотрят друг на друга в холодном зеленом сумраке.

— Останусь я, — сказала Ханна. — Я так и так не собиралась улетать. Если Одиссей очнется, кто-то должен быть рядом.

— Я отведу соньер в Ардис, — произнес Харман, сгорая от стыда за собственную трусость. Плевать на все. Ему нужно вернуться к Аде.

— А я отправлюсь с тобой, Ариэль, — объявил Петир, делая шаг к изящной фигурке.

— Нет, — отрезал (или отрезала) аватара.

Трое снова переглянулись.

— Нет, со мной должен отправиться Харман. Я

прикажу соньеру доставить Петира обратно, но в два раза медленнее, чем вы летели сюда. Это старая машина, не годится пришпоривать ее без нужды. Харман идет со мной.

— Почему? — спросил Харман.

Что за бред? Никуда они его не затащат. Он возвращается домой, к Аде, и точка.

— Потому что тебе суждено утонуть и потому что от этого зависит жизнь твоей жены и ребенка. И сегодня участь Хармана — идти со мной.

Существо невесомо воспарило над полом, проплыло над ними, замерло в шести футах над столом и, пристально глядя на Хармана черными глазами, запело:

Наш Харман спит на дне морском[27],
Он тиною затянут,
И станет плоть его песком,
Кораллом кости станут.
Он не исчезнет, будет он
Лишь в дивной форме воплощен.
Чу! Слышен похоронный звон!
Дин-дон, дин-дон!

---

[27] Примечания: 27

Наш Харман спит на дне морском… <…> *…хранят его последний сон.* — Измененная песня Ариэля из «Бури» (акт I, сц. 1. Перев. М. Донского).

Морские нимфы, дин-дин-дон,
Хранят его последний сон.

— Нет, — сказал Харман. — Извини, но… нет.

Петир положил стрелу на тетиву и натянул лук.

— Будешь стрелять нетопырей? — спросил дух, взмывая еще на двадцать футов в сумеречном зеленоватом воздухе и улыбаясь Петиру.

— Не надо… — начала Ханна.

К кому она обращалась, Харман так и не узнал.

— Пора в путь, — со смехом проговорил (или проговорила) аватара биосферы.

Свет погас. В непроглядном мраке раздался звук, будто пролетела сова. Хармана оторвало от пола — легко, словно ястреб подхватил крольчонка, — и понесло спиною вперед сквозь темноту. Он извивался, дергался, а потом сорвался в черную бездну между высокими опорами Золотых Ворот в Мачу-Пикчу.

31

Первый день полета от Марса и Фобоса.

Под действием серии взрывов, буквально пинающих его под зад, тысячефутовый космолет на атомном ходу покидает колодец марсианской

гравитации.

Вторая космическая скорость для Фобоса всего десять метров в секунду, но «Королева Маб» быстро достигает двадцати километров в секунду, чтобы преодолеть тяготение Марса. Для полета к Земле этого довольно, но моравеки намерены разогнать тридцать восемь тысяч тонн корабельной массы до семисот километров в секунду. На палубах, где хранятся импульсные единицы, превосходно смазанные цепи, храповые механизмы и желоба подают бомбы — каждая мощностью сорок пять килотонн, а величиной с банку кока-колы — в эжекторный механизм, проходящий через середину тяговой плиты в хвосте судна. Путешествие только началось, поэтому бомбы выбрасываются каждые двадцать пять секунд и детонируют в шестистах метрах от «Королевы Маб». После каждого выброса сопло эжекторной трубы сбрызгивается абляционной смазкой, и плита после каждой детонации тоже. Тяжелая тяговая плита вдавливается внутрь корабля на тридцатитрехметровых амортизаторах, затем гигантские поршни возвращают ее назад, к следующей плазменной вспышке. Очень скоро «Королева Маб» уже несется к Земле с удобным и постоянным ускорением 1,28*g*, наращивая ско-

рость с каждым взрывом. Разумеется, моравеки способны короткое время выдерживать стократные и даже тысячекратные перегрузки, однако на борту есть человек, похищенный Одиссей, и члены экипажа единодушно не желают превратить его в размазанную по палубе кашицу.

В машинном отделении Орфу с Ио и другие техвеки следят за манометрами пара и масла, не забывая проверять датчики напряжения и уровень охладителя. Атомные бомбы взрываются каждые полминуты, так что смазки уходит много; масляные резервуары размером с небольшие океанские танкеры Потерянной Эпохи занимают нижние десять палуб. Само машинное отделение с его бесчисленными трубами, клапанами, индикаторами, поршнями и громадными манометрами напоминает пароход начала двадцатого столетия.

Даже при скромных 1,28*g* «Королева Маб» будет разгоняться достаточно быстро и долго, а затем довольно быстро затормозит, так что достигнет системы Земля — Луна за тридцать три стандартных дня с небольшим.

Манмут в этот первый день проверяет системы «Смуглой леди». Подлодку не просто уютно разместили в одном из трюмов «Королевы Маб»,

но и подсоединили к крылатому челноку для спуска в земную атмосферу. Манмут хочет убедиться, что интерфейс и контроллеры новых устройств работают исправно. Разделенные двенадцатью палубами Манмут и Орфу болтают по личному фокусированному лучу, наблюдая по разным корабельным видео и радарным каналам, как Марс остается все дальше позади. Камеры хвостового обзора требуют сложных компьютеризированных фильтров, иначе ничего было бы не рассмотреть за почти беспрерывными вспышками «импульсных единиц»… проще говоря, бомб. Орфу, хоть и слепой в видимой части спектра, «смотрит» на удаляющийся Марс через радиолокаторы.

Как-то странно покидать Марс после всех трудов, чтобы туда попасть, передает Манмут по фокусированному лучу.

И впрямь, отвечает Орфу с Ио. *Особенно теперь, когда олимпийские боги сцепились между собой.*

Дабы проиллюстрировать свою мысль, он увеличивает Манмутово изображение удаляющегося Марса и показывает ледяные склоны и зеленую вершину Олимпа. Орфу с Ио воспринимает лишь колонки инфракрасных данных, но Манмут отлично все видит. Повсюду взрывы, а

кальдера, сутки назад представлявшая собой озеро, светится в инфракрасном диапазоне желтым и алым — она вновь наполнена лавой.

Астиг/Че, Ретроград Синопессен, Чо Ли, генерал Бех бен Ади и другие первичные интеграторы вроде бы здорово напуганы, передает Манмут, продолжая обследовать энергосистемы своей подлодки. *Когда они объясняли Хокенберри про неправильную марсианскую гравитацию — что кто-то увеличил ее почти до земного уровня, — мне тоже стало жутко.*

С самого начала полета им в первый раз выпала возможность пообщаться без посторонних, и Манмут рад случаю поделиться своими тревогами.

Это еще даже не верхушка merde[28] *айсберга,* передает Орфу.

Ты о чем? У Манмута внезапно холодеют органические части тела.

А, ну да, рокочет Орфу. *Ты все время сновал между Илионом и Марсом, некогда было послушать о новых открытиях Комиссии первичных интеграторов, верно?*

Выкладывай.

---

[28] Примечания: 28
Дерьмового*(фр.).*

Лучше тебе не знать, друг мой.

Заткнись и давай… Ну, ты меня понял. Рассказывай.

Орфу вздыхает — звук такой, будто все тысяча тридцать футов корабля мгновенно разгерметизировались.

Прежде всего терраформирование…

Ну?

За долгие недели путешествия по Марсу на «Смуглой леди», фелюге и воздушном шаре маленький моравек свыкся с лазурным небосводом, синим морем, лишайником, деревьями, с изобилием кислорода.

Полтора столетия назад ни воды, ни воздуха, ни жизни на Марсе не было, передает Орфу.

Знаю. Во время первого совещания на Европе, почти стандартный год назад, Астиг/Че об этом говорил. Почти невозможно, чтобы планету терраформировали так быстро. И что же?

А то, что это и впрямь невозможно. Пока ты чесал языком с ахейцами и троянцами, наши ученые, представители Пояса и Пяти Лун изучали терраформированный Марс. Планета преобразилась не по волшебству. Одними астероидами растопили ледяные шапки и высвободили углекислый газ, другими — бомбардировали гигантские

залежи подземных вод, так что через миллионы лет аш-два-о снова вытекла на поверхность, занесли лишайники, водоросли и земляных червей, дабы подготовить почву для более крупных растений, и все это могло произойти лишь после того, как установки по выработке кислорода и азота увеличили плотность марсианской атмосферы в десять раз.

Манмут прекращает барабанить пальцами по экрану компьютера и отключается от виртуальных портов; схемы и изображения подлодки и челнока гаснут.

Это значит… нерешительно начинает он.

Да. На терраформирование Марса до сегодняшнего состояния ушло почти восемь стандартных тысячелетий.

Но… но… Манмут беспомощно заикается и ничего не может с этим поделать. Астиг/Че показывал им снимки прежнего Марса — холодного, безжизненного, безвоздушного Марса, сделанные с Юпитера и Сатурна всего полтора стандартных века назад. Да что там — только три тысячи лет миновало с тех пор, как человечество послало во Внешнюю Систему первых моравеков! Тогда Марс точно не был терраформирован: если не считать нескольких китайских колоний под ку-

полами на Фобосе и на поверхности планеты, она выглядела так же, как на снимках с первых земных зондов не то в двадцатом, не то в двадцать первом столетии.

Но… повторяет Манмут.

Обожаю минуты, когда ты лишаешься дара речи, передает Орфу, правда без громыхания, которым обычно сопровождаются его шутки.

Получается, речь о волшебстве, или о подлинных богах… божествах вроде Бога… или… Манмут начинает злиться.

Или что?

Это не настоящий Марс.

Вот именно, отвечает Орфу. *Вернее, Марс настоящий, только не наш. Не тот, что находился в Солнечной системе миллиарды лет.*

То есть кто-то… подменил… наш Марс… каким-то… другим?

Похоже на то. Первичные интеграторы вместе с нашими ведущими учеными тоже не хотели в такое верить, но это единственный ответ, который объясняет все факты. Солнечный день — лишнее тому доказательство.

Внезапно Манмут замечает дрожь в руках, сжимает их, отключает зрение и внешние телесигналы, чтобы лучше сосредоточиться, потом

переспрашивает:

Солнечный день?

Мелочь, но важная, поясняет Орфу. *Замечал ли ты при переходах через Бран-дыру между Землей Илиона и Марсом, что дни и ночи в обоих мирах совпадали по длительности?*

Кажется, да, но… Маленький моравек осекается.

Ему не нужно сверяться с неорганическими банками памяти. Он и так прекрасно помнит: Земля совершает оборот за двадцать три часа пятьдесят шесть минут, Марс — за двадцать четыре тридцать семь. Разница пустяковая, однако за месяцы, проведенные моравеками на Марсе и на Земле, где греки сражались с троянцами, должна была накопиться. Но этого не произошло. Сутки на обеих планетах были полностью синхронизированы.

Господи Исусе, шепчет Манмут. *Господи Исусе.*

Может быть. На сей раз слова Орфу сопровождает рокот. *Или кто-то с подобными божественными способностями.*

Кто-то или что-то с Земли наделало дыр в многомерном пространстве Калаби-Яу, говорит Манмут, *соединило с их помощью разные вселенные, обменяло наш Марс на «их»… что бы это*

ни значило… терраформированный, с богами на вершине Олимпа… по-прежнему соединенный с Землей Илиона квантовой бран-дырой. И заодно изменило гравитацию, а также период вращения Марса. Иисус, Мария, Иосиф и прочая святая братия!

Да, отвечает Орфу. *И первичные интеграторы полагают, что исполнитель этого маленького фокуса находится на Земле или околоземной орбите. Все еще рвешься к нашей общей цели?*

Я… я… если бы… я… Маленький моравек умолкает.

Вызвался бы он в этот полет, если бы знал все заранее? В конце концов, про опасности он знал с тех самых пор, как после совещания на Европе согласился лететь к Марсу. Неведомые существа — то ли эволюционировавшие постлюди, то ли создания из иных миров — уже показали свое умение манипулировать квантовой тканью Вселенной. Что им стоило после этого менять местами планеты, увеличивать период обращения и силу тяжести? И какого черта он делает на «Королеве Маб», несущейся к Земле и поджидающим богам-чудовищам со скоростью сто восемьдесят километров в секунду и постоянным ускорением? Неведомый противник управляет

квантовой изнанкой Вселенной — либо вселенных. Что ему их жалкое оружие и тысяча спящих воинов-роквеков?

Да уж, отрезвляет, выдавливает Манмут наконец.

Аминь, отзывается его друг.

Тут по всему кораблю включаются сигналы тревоги и аварийные огни, заглушая все личные и общие каналы коммуникации.

— На корабль проник посторонний! — сообщает голос «Королевы Маб».

Это шутка? — спрашивает Манмут.

Нет, отвечает Орфу. *Твой друг Томас Хокенберри только что… появился… здесь, у нас, в машинном отделении. Судя по всему, квант-телепортировался.*

С ним все в порядке?

Нет. Он истекает кровью… Всю палубу залил. По-моему, он уже мертв, Манмут. Я поднял тело и несу на своих манипуляторах в больницу для людей. Спешу как могу.

Корабль огромен, в условиях настолько сильной гравитации Манмуту работать не доводилось, так что он несколько долгих минут выбирается из подлодки, затем из трюма и дальше на палубы, которые мысленно называет «человеческими

уровнями». Помимо камбузов, кают, туалетов и противоперегрузочных коек на пятьсот человек, помимо кислородно-азотной атмосферы с давлением на уровне моря, на палубе номер семнадцать имеется работающий лазарет, оборудованный по последнему слову хирургии и диагностики начала двадцать второго века согласно чертежам, которые отыскали моравеки Пяти Лун, — самым свежим, какие нашлись в архивах.

В первый день единственным обитателем этой палубы был разъяренный Одиссей, пассажир поневоле, но к приходу Манмута здесь толпится бóльшая часть моравеков. Орфу занимает собой всю ширину коридора. Также здесь первичный интегратор с Ганимеда Сума IV, каллистянин Чо Ли, генерал роквеков Бех бен Ади и два техвека-пилота с мостика. Дверь операционной закрыта, однако Манмуту сквозь стекло видно, как первичный интегратор Астиг/Че наблюдает за паукообразным коллегой с Амальтеи по имени Ретроград Синопессен, который суетится над окровавленным телом Хокенберри. Два моравека-помощника по его указаниям орудуют лазерными скальпелями и пилами, подсоединяют какие-то трубки, подносят бинты, направляют

виртуальные зонды. Металлическое тельце и элегантные серебристые манипуляторы Ретрограда Синопессена в крови.

«Это человеческая кровь, — думает Манмут. — Кровь Хокенберри».

Он видит брызги крови на палубе, в коридоре, на стенах, а больше всего — на побитом панцире и широких манипуляторах своего товарища Орфу с Ио.

— Как он? — спрашивает Манмут у Орфу, произнося слова вслух. Говорить по фокусированному лучу в присутствии других моравеков считается дурным тоном.

— Сюда я принес его мертвым, — отвечает Орфу. — Сейчас его пытаются вернуть к жизни.

— А что, интегратор Синопессен знает человеческую анатомию и медицину?

— Он всегда увлекался человеческой медициной Потерянной Эпохи, — говорит Орфу. — Как ты — шекспировскими сонетами или как я — Прустом.

Манмут кивает. Почти все знакомые ему по Европе моравеки интересовались какой-либо областью древних искусств и наук. Этот интерес вложили программно в первых автономных роботов и киборгов, которых запустили в Пояс

астероидов и во Внешнюю Систему; их эволюционные потомки-моравеки сохранили эту страсть. Но достаточно ли познаний Синопессена для того, чтобы воскресить Хокенберри?

Из каюты появляется Одиссей. При виде толпы в коридоре он замирает и привычно тянется к рукояти меча — вернее, к пустой петле на поясе, ибо моравеки обезоружили его, пока в бесчувственном состоянии везли на борту шершня. Манмут пытается вообразить, как сын Лаэрта воспринимает это все: металлическое судно, которое ему описали, плывущее по космическим просторам, которых он не видит, а теперь и собрание разнообразных моравеков в коридоре. Среди них не найдется и двух одного размера и формы — от великана Орфу, весящего не меньше двух тонн, до блестящего черного Сумы IV и воинственного, покрытого хитином роквекского генерала Беха бен Ади.

Одиссей, не обращая на них внимания, идет прямиком к окну операционной. Лицо его бесстрастно, и Манмут снова гадает, что думает бородатый крепыш, видя, как длинноногий серебристый паук и два техвека склонились над Хокенберри — человеком, с которым Одиссей так часто встречался и разговаривал в последние

девять месяцев. Одиссей и моравеки смотрят на кровь, на вскрытую грудь и ребра, распластанные, словно в мясницкой лавке. Не подумает ли Одиссей, будто Ретроград Синопессен пожирает Хокенберри?

Не отрывая глаз от операции, Одиссей обращается к Манмуту на древнегреческом:

— Зачем твои друзья убили Хокенберри Дуэйнида?

— Они его не убили. Хокенберри внезапно возник здесь, на судне… Помнишь, у него есть божественная способность мгновенно переноситься с места на место?

— Помню, — говорит Одиссей. — Я видел, он перенес Ахиллеса в Илион, исчезнув и появившись опять, как сами боги. Только я никогда не верил, что Хокенберри бог или сын бога.

— Нет, он не бог, и он никогда такого не говорил. А теперь, похоже, его кто-то зарезал, однако он смог квитироваться… перенестись, как это делают боги… к нам за помощью. Серебряный моравек, которого ты видишь, и два его помощника пытаются спасти Хокенберри жизнь.

Одиссей переводит взгляд на Манмута:

— Спасти ему жизнь, маленькая машинка? Я вижу, что он умер. Паук вынимает его сердце.

Манмут поворачивается взглянуть. Сын Лаэрта совершенно прав.

Чтобы не отвлекать Синопессена, Манмут обращается к Астигу/Че по коммуникационной линии:

Он умер? Необратимо умер?

Первичный интегратор, стоящий рядом с операционным столом и наблюдающий за процедурой, не поднимая головы, отвечает по общей линии:

Нет, Синопессен заморозил активность мозга всего через минуту после того, как остановились жизненные функции, и полагает, что успел избежать необратимых повреждений. Интегратор Синопессен сообщает мне, что в обычном случае достаточно было бы ввести в кровь несколько миллионов наноцитов для восстановления поврежденной аорты и сердечной мышцы, потом запустить специализированные молекулярные машинки, чтобы восполнить запас крови и укрепить иммунную систему. Интегратор Синопессен обнаружил, что в случае схолиаста Хокенберри это невозможно.

Почему? — спрашивает каллистянский интегратор Чо Ли.

Клетки схолиаста Хокенберри помечены.

Помечены? — повторяет Манмут.

Он никогда особо не интересовался биологией и генетикой — человеческой или моравекской, — хотя довольно долго изучал биологию кракенов, ламинарий и прочих обитателей европеанского океана, который он бороздил на подлодке стандартное столетие с лишним.

Снабжены копирайтом и защитой от копирования, поясняет Астиг/Че по общей линии. Сейчас его слышат все на корабле, за исключением Одиссея и бесчувственного Хокенберри. *Этот схолиаст был не рожден, а… сконструирован. Ретроинженерия на основе начальных ДНК и РНК. Тело не примет никаких пересаженных органов, а главное — отвергнет новые наноциты, поскольку и так наполнено самой передовой нанотехнологией.*

Какой? — спрашивает одетый в бакикарбоновый панцирь ганимедянин Сума IV. *Как она действует?*

Мы пока не знаем. Последнюю фразу произносит сам Синопессен; между тем его тонкие пальцы проворно орудуют лазерным скальпелем, иголками и микроскопическими ножницами, а одной из других рук он по-прежнему держит сердце Хокенберри. *Эти наномемы и микроциты намного сложнее всего, что мы разработали для*

моравеков. Клетки и субклеточная механика не отвечают на наши нанозапросы и уничтожают все, что вводится извне.

Но ты его все равно спасешь? — спрашивает Чо Ли.

Думаю, да, говорит Ретроград Синопессен. *Я закончу восполнять запасы крови схолиаста Хокенберри, завершу восстановление поврежденных клеток, зашью разрез, вновь запущу нейронную активность, включу стимулирующее поле Грвского, дабы ускорить выздоровление, и все будет хорошо.*

Манмут оборачивается, чтобы сообщить утешительный прогноз Одиссею, однако ахеец уже развернулся и ушел.

Второй день полета от Марса и Фобоса.

Одиссей ходит по коридорам, поднимается по трапам, избегая пользоваться лифтами, обшаривает каюты и не обращает внимания на изделия Гефеста — так называемых моравеков. Он ищет выход из этого металлического преддверия Аида.

— О Зевс, — шепчет он в тишине пустого и длинного помещения, нарушаемой лишь гудением непонятных ящиков, шепотком вентиляторов и бульканьем в трубах, — великодержавный отец смертных и вечных богов повелитель, отец,

которого я ослушался и на кого безрассудно дерзнул ополчиться, о ты, со звездных высот секущий землю громогласными перунами, ниспославший однажды любимую дщерь Афину, дабы облагодетельствовать меня ее милостью и покровительством, отец, я прошу о знамении. Выведи меня из этого железного Аида призраков, теней и бессильной злобы, куда я до срока низвергнут. Об одном прошу: дай мне умереть в бою, о Зевс, о правитель, держащий и твердую землю, и пространное море! Исполни это мое последнее желание, и я буду преданно служить тебе до последнего вздоха.

Ни ответа, ни даже смутного эха.

Одиссей, сын Лаэрта, отец Телемаха, муж Пенелопы, любимец Афины, сжимает кулаки и скрежещет зубами от ярости, продолжая мерить шагами сверкающие туннели в лабиринтах Аида.

Железные игрушки рассказывали, будто он на борту небесного корабля, плывущего в черном море*космоса*, но это ложь. Говорили, будто забрали Одиссея с поля битвы в день, когда закрылась Дыра, чтобы помочь ему вернуться к жене и сыну, однако и это ложь. Уверяли, будто способны мыслить, как люди, будто у них есть душа и сердце,

но это ложь.

Здесь огромная гробница из металла, вертикальный лабиринт без окон. Тут и там Одиссей находит прозрачные поверхности, через которые можно заглянуть в другие помещения, но ниоткуда нельзя взглянуть на пресловутый черный океан, только стеклянные пузыри показывают неизменно черное небо с обычными созвездиями. Порой звезды вращаются, словно он перепил вина. Когда никого из машинок нет поблизости, Одиссей колотит по стенам и окнам, разбивая в кровь тяжелые, загрубелые в боях кулаки, но ни на железе, ни на стекле не остается следа. Ничто не ломается. Ничто не открывается по его воле.

Некоторые комнаты ему доступны, многие заперты, а некоторые — например, так называемый мостик, который ему показали в первый день заточения в этом Аиде прямых углов, — охраняют черные шипастые игрушки под названием роквеки или боевеки Пояса. Одиссей видел их в те месяцы, когда они помогали защищать Илион и ахейский лагерь от ярости богов, и знает, что у них нет чести. Это просто машины, применяющие другие машины против машин. Беда в том, что они гораздо больше и тяжелее Одиссея, снабжены встроенным оружием и непробиваемыми

панцирями, а у него отняли и меч, и доспехи. Если больше ничто не поможет, он попытается отнять оружие у кого-нибудь из боевеков, но лишь когда исчерпает другие средства. Владеть оружием — мастерство, коему следует учиться и в коем следует упражняться, — эту истину Одиссей, сын Лаэрта, усвоил еще в раннем детстве. И он не знает, как управляться с тяжелым, незаостренным, тупоносым оружием роквеков.

В помещении, где громко ревут машины и ездят вверх-вниз огромные цилиндры, ахеец беседует с чудищем, похожим на гигантского металлического краба. Каким-то образом Одиссей понимает, что существо слепо, но прекрасно находит дорогу без помощи глаз. Герой встречал на своем веку немало храбрых мужей, утративших зрение, посещал немало слепых гадателей и оракулов, наделенных взамен даром предвидения.

— Я хочу обратно под стены Трои, — говорит он. — Чудовище, сейчас же верни меня туда.

Краб рокочет. Он изъясняется на языке Одиссея, на языке цивилизованных людей, но так отвратительно, что слова звучат как грохот прибоя о камни — или как стук огромных поршней наверху, — а не как человеческая речь.

— Впереди… у меня… у нас… долгое странствие…

о благородный… Одиссей, достопочтенный сын Лаэрта. Когда оно скончается… порешится… кончится… мы надеемся отвернуть… возвратить тебя… к Пенелопе и Телемаху.

«Как смеет эта одушевленная железяка коснуться имен моей жены и ребенка своим невидимым языком», — думает Одиссей. Будь у него хоть самый тупой меч, хоть самая простая дубина, он разбил бы ненавистную тварь на куски, раскроил бы ей панцирь и вырвал этот язык.

Одиссей уходит от чудовищного краба и отправляется на поиски стеклянного пузыря, в котором видны звезды.

На сей раз они неподвижны. И не мерцают. Одиссей кладет загрубелые ладони на холодное стекло:

— Афина, богиня… пою великую, бессмертную Афину[29], голубоокую, божественную деву, богиню мудрости, богиню грозных сил, необоримую защитницу градов… услышь мою мольбу.

Эгидоносная, всемощна Тритогена, которую родил сам Дий многосоветный, покрытая златой, сияющей броней… услышь мою мольбу.

---

[29] Примечания: 29

….пою великую, бессмертную Афину… <…> …слух ко мне склони благоприятный… — Гомеров гимн Минерве. Перев. Н. Гнедича (с изменениями).

Оцепенение объяло всех богов… когда из Зевсовой главы священной… исторглась, копием великим потрясая, во основаниях вострепетал Олимп, под крепостью ея… услышь мою мольбу.

О громовержцева эгидоносна дщерь… о мудрость воплощенна, слух ко мне склони благоприятный… услышь мою мольбу.

Одиссей открывает серые глаза, но видит лишь немигающие звезды да собственное отражение.

Третий день полета от Фобоса и Марса.

Далекий наблюдатель — скажем, некто, глядящий на «Королеву Маб» в мощный оптический телескоп с орбитального земного кольца, — увидел бы копейный наконечник, составленный из опутанных решетками сфер, овалов, резервуаров, ярко раскрашенных прямоугольников, многораструбовых реактивных двигателей, соединенных по четыре, и массы черных бакикарбоновых шестиугольников, — все это нанизано на стержень из цилиндрических жилых отсеков и балансирует на колонне из атомных вспышек растущей яркости.

Манмут идет в лазарет навестить Хокенберри. Человек быстро выздоравливает, отчасти благодаря процессу Грвского, заполнившему послеоперационную палату на десять коек запахом грозы.

Манмут принес цветы из обширной оранжереи «Королевы Маб»: по сведениям из банков его памяти, так полагалось делать в дорубиконовом двадцать первом веке, откуда родом Хокенберри — или хотя бы его ДНК. При виде букета схолиаст смеется и говорит, что, насколько он помнит, ему еще никогда не дарили цветов. Однако он добавляет, что его память о прошлой жизни на Земле — его настоящей жизни университетского ученого, а не схолиаста богов — далеко не полна.

— Большая удача, что ты квитировался на «Королеву Маб», — говорит Манмут. — Больше нигде не нашлось бы анатомических познаний и хирургических навыков, чтобы тебя вылечить.

— Или паукообразного моравека-хирурга, — подхватывает Хокенберри. — Мог ли я знать, знакомясь с Ретроградом Синопессеном, что через двадцать четыре часа он спасет меня от смерти? Чего только не случается!

Манмут не находится с ответом. Через минуту он говорит:

— Знаю, ты беседовал с Астигом/Че о том, что с тобой произошло. Ты не против обсудить это еще раз?

— Конечно.

— Ты сказал, что тебя зарезала Елена?

— Да.

— Только чтобы ее муж — Менелай — не узнал о ее предательстве после того, как ты квант-телепортировал его обратно в ахейский лагерь?

— Думаю, да.

Хотя Манмут и не большой знаток выражений человеческих лиц, даже он понимает, что Хокенберри огорчен.

— Но ты говорил Астигу/Че, что вы с Еленой были близки… были когда-то любовниками.

— Да.

— Прошу простить мое невежество в подобных вопросах, доктор Хокенберри, но мне представляется, что Елена Прекрасная — очень дурная особа.

Несмотря на кислый вид, Хокенберри улыбается и пожимает плечами:

— Она продукт своей эпохи, Манмут, ее характер складывался в суровое время, и ее мотивов мне не понять. Когда я рассказывал студентам про «Илиаду», я всегда подчеркивал, что любые попытки превратить рассказанную Гомером историю во что-то приемлемое для современного взгляда обречены на провал. Эти персонажи… эти *люди*, хотя и абсолютно человечные, жили в самом начале нашей так называемой циви-

лизованной эры, за тысячелетия до зарождения современных гуманистических ценностей. Нам так же трудно понять действия и побуждения Елены, как, например, почти полную безжалостность Ахиллеса или бесконечную хитрость Одиссея.

Манмут кивает:

— Ты знаешь, что Одиссей на корабле? Он тебя навещал?

— Нет, мы еще не виделись. Но первичный интегратор Астиг/Че сказал, он на борту. Вообще-то, я боюсь, что Одиссей меня убьет.

— Убьет? — потрясенно переспрашивает Манмут.

— Если помнишь, я по твоей просьбе помог его похитить. Убедил Одиссея, что у тебя для него послание от Пенелопы, соловьем разливался про ствол оливы — часть его кровати на родной Итаке. А когда я подвел его к шершню… бац! Меп Аху оглоушил его и загрузил на борт. Я бы на месте Одиссея затаил обиду против некоего Томаса Хокенберри.

«Оглоушил», — повторяет про себя моравек, радуясь новому английскому слову. Роется в банках памяти, обнаруживает, к своему удивлению, что это не непристойность, — и записывает для

дальнейшего использования.

— Извини, что я поставил тебя в опасное положение.

Манмут думает сказать, что в неразберихе при закрытии Дыры Орфу передал ему приказ первичных интеграторов доставить Одиссея на корабль, но вовремя спохватывается. Доктор филологических наук Томас Хокенберри родился в эпоху, когда отговорка «я только исполнял приказы» вышла из моды раз и навсегда.

— Я поговорю с Одиссеем… — начинает Манмут.

Хокенберри мотает головой и снова улыбается:

— Я сам с ним рано или поздно поговорю. А пока Астиг/Че приставил ко мне охранника-роквека.

— А я-то думал, зачем моравек Пояса торчит у дверей палаты, — замечает Манмут.

Хокенберри касается золотого медальона, блестящего в открытом вороте больничной пижамы:

— Если совсем прижмет, я просто квитируюсь прочь.

— Куда? — спрашивает Манмут. — Олимп — зона боевых действий, Илион, возможно, уже пылает.

Хокенберри перестает улыбаться:

— Ага. Есть такое дело. Я всегда могу поискать своего товарища Найтенгельзера там, где оставил, — в Индиане примерно тысячного года до нашей эры.

— В Индиане… — тихо повторяет Манмут. — На какой Земле?

Хокенберри трет грудь в том месте, откуда меньше трех суток назад Ретроград Синопессен извлек его сердце.

— На какой Земле? Странно звучит, согласись.

— Да, — говорит Манмут, — но я подозреваю, нам всем нужно учиться думать по-новому. Твой друг Найтенгельзер остался на Земле, с которой ты квитировался. Мы можем называть ее Землей Илиона. Этот корабль летит к Земле, где прошло три тысячи лет с тех пор, как ты впервые жил и… мм…

— Умер, — заканчивает Хокенберри. — Не волнуйся, я свыкся с этой идеей. Уже принимаю спокойно… ну, почти.

— Удивительно, что ты сумел отчетливо вообразить машинное отделение «Королевы Маб» после того, как получил удар кинжалом, — замечает моравек. — Сюда ты попал без чувств, так что, видимо, активировал медальон, уже теряя сознание.

Хокенберри мотает головой:

— Не помню, чтобы я поворачивал медальон или что-нибудь воображал.

— Что последнее вы помните, доктор Хокенберри?

— Женщина стояла надо мной с выражением ужаса на лице, — отвечает человек. — Высокая, бледная, с темными волосами.

— Елена?

Хокенберри снова мотает головой:

— Она уже ушла к тому времени. Нет, эта женщина просто… возникла там.

— Одна из троянок?

— Нет. На ней была… странная одежда. Что-то вроде блузы и юбки… Больше похоже на женский наряд моего времени, чем на все, что я видел в Илионе и на Олимпе за последние десять лет. Но все-таки не моей эпохи… — Он растерянно умолкает.

— Это не могла быть галлюцинация? — спрашивает Манмут.

Он не добавляет очевидное: что клинок задел сердце, кровь брызнула из груди, а значит, отхлынула от мозга.

— Могла… но это была не галлюцинация. Однако, глядя на женщину и видя, что она на меня

смотрит, я испытал очень странное чувство.

— Да?

— Не знаю, как описать. — Хокенберри морщит лоб. — Уверенность, что мы скоро снова встретимся где-то еще. Где-то очень далеко от Трои.

Манмут обдумывает услышанное. Некоторое время оба — человек и моравек — сидят и спокойно молчат. Удары больших поршней — грохот, отдающийся по всему кораблю каждые полминуты, за которым следуют полуслышные-полуощущаемые вздохи и шипение цилиндров, — стали привычным фоновым шумом, как слабый шорох вентиляции.

— Манмут… — говорит Хокенберри, касаясь груди в разрезе пижамы. — Знаешь, почему я не хотел лететь с вами на Землю?

Манмут мотает головой. Он знает, что Хокенберри видит собственное отражение на черной полированной зрительной панели в передней части его красной металлической головы.

— Я достаточно понял про этот корабль — эту «Королеву Маб» — и догадался, зачем она летит на Землю.

— Первичные интеграторы назвали тебе истинную цель. Разве нет?

Хокенберри улыбается:

— Нет. Конечно, я услышал от них часть правды, но далеко не все. Если уж вам понадобилось лететь на Землю, ни к чему было строить такую чудовищную махину. У вас уже есть шестьдесят пять военных космических кораблей, которые кружат по марсианской орбите или снуют между Марсом и Поясом астероидов.

— Шестьдесят пять? — переспрашивает Манмут. Он знал, что в космосе есть корабли — от маленьких, чуть больше челноков-шершней, до огромных, способных долететь до Юпитера с тяжелым грузом, — но не подозревал, что их так много. — Откуда вы знаете, что их шестьдесят пять, доктор Хокенберри?

— Центурион-лидер Меп Аху сказал мне, когда мы еще были на Марсе и на Земле Илиона. Я спрашивал о двигателях, он отвечал неопределенно — все-таки он воин, а не специалист по космотехнике, — но у меня создалось впечатление, что у тех, других кораблей двигатели термоядерные или ионные. Посовременнее атомных бомбочек в банках.

— Да, — говорит Манмут.

Он тоже не слишком разбирается в космическом транспорте: корабль, доставивший их с Орфу на Марс, был снабжен солнечными парусами

и одноразовыми термоядерными двигателями, а через Солнечную систему его запустили при помощи двухтриллионноваттного требуше ускорительных ножниц Юпитера. Однако даже он, простой подводник с Европы, понимает: «Королева Маб» примитивна и чересчур велика для заявленной миссии. Он догадывается, куда клонит Хокенберри, но не уверен, что хочет это услышать.

— Каждые тридцать секунд — по одной атомной бомбе, — тихо продолжает человек. — За кораблем величиной с Эмпайр-стейт-билдинг, как подчеркивали Орфу и первичные интеграторы. Мало того, у «Маб» нет стелс-покрытия, хотя оно есть даже у шершней. Итак, что мы имеем? Громадную штуковину с ярким… как вы это называете?.. альбедо… и хвостом из атомных вспышек, который к тому времени, как вы достигнете земной орбиты, будет виден с Земли даже днем… черт, может, его уже и сейчас видно невооруженным глазом.

— И отсюда ты делаешь вывод… — говорит Манмут; он транслирует весь разговор Орфу, но тот пока отмалчивается.

— Отсюда я делаю вывод, что настоящая цель этой миссии — как можно раньше засветиться,

— отвечает Хокенберри. — Выглядеть как можно более угрожающе и напроситься на ответный удар неизвестных сил на Земле или ее орбите — тех самых сил, которые, по вашим словам, мухлюют с квантовой тканью Вселенной. Вы пытаетесь вызвать огонь на себя.

— Разве? — Не успев договорить, моравек осознает, что доктор Томас Хокенберри прав… и что сам он, Манмут с Европы, подозревал нечто подобное с начала полета, однако не решался взглянуть фактам в лицо.

— Да, — говорит Хокенберри. — Я предполагаю, что корабль напичкан записывающей аппаратурой и, когда неведомые силы разнесут его на атомы, подробная информация о характере взрыва и природе супероружия будет мгновенно передана на Марс, или на Пояс астероидов, или на Юпитер, или куда там еще. Знаешь, что мне напоминает «Королева Маб»? Троянского коня, которого греки не додумались построить на Земле Илиона и могут уже не построить, поскольку я изменил ход событий, а Одиссея вы умыкнули на этот корабль. Только вы уверены… или почти уверены, что вашего Троянского коня сожгут. Вместе со всеми нами.

Орфу, это правда? — взывает Манмут по фоку-

сированному лучу.

Да, друг мой, но не вся, звучит мрачный ответ.

Человеку Манмут говорит:

— Не со всеми нами, доктор Хокенберри. У тебя по-прежнему есть твой квит-медальон. Ты можешь покинуть судно в любое время.

Хокенберри перестает тереть грудь — шрам виден как тонкая линия, бледная, но исчезающая там, где молекулярный клей залечивает разрез, — и касается тяжелого квит-медальона:

— Да. Могу покинуть, когда захочу.

32

Даэман отобрал девять обитателей Ардиса (пятерых мужчин и четырех женщин), чтобы факсировать во все триста известных факс-порталов, проверить, не побывал ли там Сетебос, и, если не побывал, предупредить жителей об опасности. Однако он решил дождаться возвращения Хармана, Ханны и Петира на соньере. Харман обещал Аде прилететь к ланчу или чуть позже.

Соньер не вернулся ни к назначенному сроку, ни часом позже.

Даэман ждал. Он чувствовал общее беспокойство (разведка и дровосеки заметили передвижение войниксов в лесах на востоке, юге и севере от

Ардиса, словно те готовились к серьезной атаке) и не хотел забирать десять человек, включая себя, пока не вернулись еще трое.

Наступил вечер, а их все не было. Дозорные на сторожевых башнях то и дело поглядывали на низкие серые облака в надежде увидеть летящий соньер.

Даэман понимал, что медлить нельзя и Харман был прав: провести разведку и предупредить другие поселения нужно безотлагательно, — однако подождал еще час. Потом два. Вопреки здравому смыслу он не хотел бросать Аду до возвращения Хармана и соньера. Если что-нибудь случится с Харманом, Ада будет сломлена, но община в Ардисе может выжить. Без соньера они, вероятно, не переживут следующей атаки войниксов.

Ада весь день занималась делами и лишь изредка выходила постоять у литейного купола и поглядеть в небо. Даэман, Том, Сирис, Лоэс и еще несколько человек стояли поблизости, но не заговаривали с ней. Тучи набрякли, потемнели, опять повалил снег. Короткий зимний вечер все больше походил на кошмарные сумерки.

— Ладно, пора на кухню, — сказала наконец Ада, плотнее кутаясь в шаль.

Даэман и остальные смотрели ей вслед. По-

том Даэман тоже отправился в дом, поднялся на третий этаж, в свою комнатушку под крышей, порылся в комоде и вытащил то, что искал, — зеленый термоскин и осмотическую маску, полученные от Сейви десять с лишним месяцев назад.

После возвращения с орбитального острова костюм был в дырах от когтей и зубов Калибана, залит кровью и заляпан грязью при жесткой посадке соньера, однако чистка удалила пятна, а ткань постаралась срастить разрывы. Ей это почти удалось. Местами зеленый термоизоляционный материал истончился до прозрачности, обнажив серебристый молекулярный слой, однако герметичность почти не пострадала: Даэман для проверки факсировал в заброшенный узел на высоте четырнадцати тысяч футов над уровнем моря, на безлюдной, продуваемой ветрами ледяной вершине Пайкспик[30]. Термоскин исправно сохранял тепло, осмотическая маска позволяла спокойно дышать в разреженной атмосфере.

Уложив невесомый костюм в рюкзак вместе с

---

[30] Примечания: 30

…продуваемой ветрами ледяной вершине Пайкспик. — Как многие другие топонимы в мире «Илиона» и «Олимпа», это искаженное современное название. Пайкс-Пик — гора в штате Колорадо высотой 4301 м, национальный исторический памятник.

арбалетными стрелами и запасом воды, Даэман спустился по лестнице — собирать ожидавшую сигнала команду.

Тут снаружи донесся крик, и Даэман выбежал наружу одновременно с Адой и половиной обитателей дома.

Соньер был виден в миле от Ардис-холла. Он довольно плавно вылетел из туч на юго-западе, пошел по дуге на посадку, потом вдруг закачался, нырнул, выровнялся, опять задергался и спикировал на южную лужайку. В последний миг он взял чуть выше, но все же задел верхушку частокола (трое дозорных едва успели спрыгнуть на землю), ударился о мерзлую почву, подскочил на тридцать футов, снова ударился, пропахал носом землю, взметая мерзлые комья, и наконец замер, оставив за собой неглубокую борозду.

Ада первой бросилась к машине, Даэман очутился на месте несколькими секундами позже.

В соньере они увидели одного Петира. Оглушенный и истекающий кровью молодой человек лежал в центральной передней нише. Остальные пять пассажирских мест были забиты… оружием. Даэман узнал дротиковые винтовки, похожие на те, что привез Одиссей, но бóльшая часть оружия была ему незнакома.

Петиру помогли выбраться из соньера. Ада оторвала от своей блузы полосу ткани и приложила к кровоточащему лбу юноши.

— Это я головой ударился, когда силовое поле исчезло… — объяснил Петир. — По глупости. Надо было дать машине приземлиться самой… Когда она вышла из облаков и отключился автопилот… я сказал «ручной режим»… Думал, умею водить соньер… Ан нет…

— Тсс, — сказала Ада, помогая Тому, Сирис и другим вести шатающегося Петира в усадьбу. — Все расскажешь дома. Караульные… возвращайтесь на посты, пожалуйста. И остальные тоже, у вас у всех есть свои дела. Лоэс, попроси мужчин, занесите оружие и боеприпасы в дом. Посмотрите в грузовом отделении соньера, там наверняка есть еще. Сложите все в главном зале. Спасибо за помощь.

К тому времени, как Том и Сирис принесли в гостиную бинты и обеззараживающие средства, Петир уже рассказывал свою историю по крайней мере трем десяткам слушателей.

Он описал осажденные войниксами Золотые Ворота и знакомство со странным существом по имени Ариэль.

— …Потом в пузыре потемнело на несколько

минут, а когда стекло вновь стало прозрачным и солнце пробилось внутрь, Харман исчез.

–*Куда* исчез, Петир? — твердым голосом спросила Ада.

— Неизвестно. Мы с Ханной три часа прочесывали весь комплекс, наткнулись на склад оружия в музейном пузыре, где раньше никогда не бывали, но Хармана не нашли.

— А где Ханна? — вмешался Даэман.

— Осталась там. — Петир приподнял перевязанную голову. — Мы знали, что надо как можно скорее доставить в Ардис оружие и соньер. Ариэль перепрограммировал… или перепрограммировала машину так, чтобы та на обратном пути летела медленнее, — полет длился часа четыре. И еще он… она сказала, что Одиссей, если машина спасет ему жизнь, выйдет из колыбели через трое суток, и Ханна решила подождать, когда станет известно… выкарабкался он или нет. Кроме того, там еще уйма оружия, за ним придется снова лететь на соньере — тогда заберем и ее. Так она сказала.

— А войниксы вот-вот пробьются в пузыри? — спросил Лоэс.

Петир мотнул головой и тут же поморщился от боли.

— Не похоже на то. С бакигласа они соскальзывают, а входов и выходов там нет, если не считать полупроницаемой мембраны, но она сомкнулась, едва я вылетел из гаража.

Даэман кивнул. Он помнил и лишенный трения купол над вездеходом, в котором они с Сейви путешествовали по Средиземному бассейну, и полупроницаемые мембранные входы на орбитальном острове Просперо.

— На крайний случай у Ханны полсотни дротиковых винтовок, — мрачно усмехнулся Петир. — Мы натаскали их из музея в сундуках и на одеялах. Она сможет перебить много войниксов, если те к ней сунутся. Плюс комната, где стоит колыбель Одиссея, вроде как потайная.

— Мы ведь не отправим соньер обратно прямо сегодня? — спросила женщина по имени Салас. — Я хочу сказать… — Она покосилась на окна, за которыми сгущались сумерки.

— Нет-нет, сегодня не отправим, — сказала Ада. — Спасибо тебе, Петир. Иди в лазарет, отдохни. Мы вернем соньер на крышу и составим опись оружия и боеприпасов, которые ты привез. Возможно, ты спас Ардис.

Все разошлись по своим делам. Даже на дальней лужайке стоял гул взволнованных разговоров.

Лоэс и другие, кто уже имел дело с дротиковыми винтовками, испытали новое оружие — все проверенные винтовки работали, — после чего устроили на задворках Ардис-холла учебный полигон для начинающих стрелков. Даэман осмотрел соньер. После реактивации управляющей системы аппарат ожил, загудел и вновь повис над землей на высоте трех футов. Грузовые отделения сзади и с боков — те, куда Одиссей складывал копья, отправляясь охотится на Ужасных птиц, — и впрямь оказались набиты оружием.

Уже поздно вечером, когда гасли зимние сумерки, Даэман отправился проведать Аду. Она стояла у пылающей плавильной печи. Он открыл было рот, однако так и не нашел подходящих слов.

— Тебе пора, — сказала Ада. — Удачи.

Она поцеловала его в щеку и подтолкнула к дому.

В последнем свете снежного вечера Даэман и девять человек из его группы сложили в рюкзаки запас арбалетных стрел, печенье, сыр и бутыли с водой (поначалу думали взять новые винтовки, но потом ограничились привычными арбалетами и ножами) и быстро прошли милю с четвертью от ардисского частокола до факс-павильона. Время от времени они переходили на

бег. В лесу мелькали подозрительные тени, хотя на открытых участках войниксы еще не появлялись. Птицы отчего-то смолкли, не слышно было даже хлопанья крыльев. Настороженные караульные у павильона поначалу обрадовались гостям, приняв их за пришедшую раньше времени смену, и огорчились, узнав, что те собрались куда-то факсировать. За последние сутки никто не факсировал в Ардис или из него, зато дозорные приметили войниксов, десятками уходящих на запад. Люди понимали, что в случае серьезного нападения не смогут защитить павильон, поэтому хотели вернуться в Ардис до темноты. Даэман объяснил, что смена может из-за войниксов не поспеть засветло, но в ближайшие часы кто-нибудь слетает сюда на соньере. Если войниксы нападут и караульные смогут отправить в Ардис гонца, соньер доставит подкрепление — по пять человек за один перелет.

Потом Даэман последний раз объяснил своей команде задачу. Рамис, Каман, Дорман, Кауль, Эдида, Кара, Симан, Око и Элла получили каждый по тридцать кодов — просто в порядке номеров, поскольку в мире факсов расстояния ни на что не влияли. Даэман напомнил, что каждый должен до возвращения посетить все тридцать мест.

Увидев признаки голубого льда или многорукого Сетебоса, надо отметить это в списке, рассмотреть что удастся из павильона и уносить ноги. Воевать не их дело. Если поселение выглядит как обычно, нужно предупредить жителей об опасности и немедленно факсировать дальше. Даэман рассчитывал, что даже с задержкой на передачу сообщения помощники уложатся в двенадцать часов. Некоторые узлы малонаселены — от силы несколько домов вокруг павильона, — и предупредить жителей можно будет быстро. Если люди оттуда бежали, времени уйдет и того меньше. Если кто-нибудь из посланцев не вернется в течение суток, он будет считаться пропавшим без вести и его список узлов передадут другому. Возвращаться, не посетив тридцать факс-узлов, можно лишь в случае серьезной травмы или если посланец узнал что-то действительно важное для выживания всех в Ардисе.

Темнело. Симан с тревогой поглядывал на окрестные холмы и луга. Хотя он не промолвил ни слова, Даэман без труда читал его мысли: «Каковы шансы преодолеть милю с четвертью в темноте, когда вокруг так и снуют войниксы?»

Даэман подозвал караульных к общему кругу и разъяснил их задачу: если кто-нибудь вернется с

важными новостями, а соньер будет недоступен, пятнадцать из двадцати охранников должны сопроводить посланца в Ардис-холл. Ни при каких обстоятельствах не следует оставлять павильон без защиты.

— Вопросы есть? — Он в полутьме обвел глазами бледные овалы обращенных к нему лиц; вопросов не последовало. — Тогда факсируем в порядке увеличения кодов.

Даэман не стал желать им удачи, чтобы не терять время. Один за другим они набирали на пульте колонны верхнюю строчку списка и пропадали из виду. Себе Даэман оставил последние тридцать кодов — главным образом потому, что среди них был Парижский Кратер и несколько узлов, куда он уже наведывался. Однако набрал он не код из списка, а номер необитаемого тропического острова.

Очутившись на месте, Даэман сощурился от яркого света. Вода в лагуне была голубая, за рифами — синяя. На западе громоздились облака, про которые он знал теперь, что они называются «слоисто-кучевые», утреннее солнце озаряло их верхушки.

Даэман, оглядевшись по сторонам, убедился, что он один, скинул одежду и натянул термоскин.

Капюшон он поднимать не стал, а маску повесил на шею на тонком ремешке. Поверх костюма Даэман снова надел брюки, рубашку и ботинки, а нижнее белье спрятал в рюкзак.

Затем перебрал все остальное, что захватил из Ардиса. Нарезанные полоски желтой ткани. Примитивные молотки с загнутыми клювами, выкованные по его просьбе Реманом (после Ханны тот был самым искусным ардисским кузнецом). Моток веревки. Запасные арбалетные стрелы.

Даэман предпочел бы сразу вернуться в Парижский Кратер, но там была глубокая ночь, а для задуманного требовалось дневное время. До рассвета в Парижском Кратере оставалось еще семь часов, и Даэман рассчитывал за это время наведаться в бóльшую часть оставшихся узлов из списка. Некоторые он успел посетить после бегства из Парижского Кратера: Киев, Беллинбад, Уланбат, Чом, Дрид, Поместье Ломана, Фуего, Кейптаунскую Башню, Деви, Мантую и Сэтл-Хейтс. Из них только Чом и Уланбат находились во власти голубого льда, и Даэман надеялся, что так оно и осталось. Даже если на то, чтобы предупредить людей в остальных пунктах списка, уйдет полных двенадцать часов, в Парижском

Кратере, куда он собирался факсировать в последнюю очередь, будет еще светло.

И там Даэман планировал осуществить свой замысел.

Он надел тяжелый рюкзак, поднял арбалет, вернулся к павильону и, мысленно попрощавшись с тропическим ветерком и шелестом пальмовых листьев, ввел первый код из списка.

33

Более тридцати лиг — почти девять миль — одолел Ахиллес вверх по склону Олимпа с мертвым, но идеально сохранившимся телом Пентесилеи на плечах и готов был тащить свою ношу еще пятьдесят, или сто, или тысячу лиг, если потребуется. Вот только здесь, на высоте примерно шестьдесят тысяч футов, тепло и воздух внезапно кончаются.

Три дня и три ночи, позволяя себе лишь короткие передышки да сон урывками, сын Пелея и богини Фетиды, внук Эака, взбирался по стеклянному туннелю хрустального эскалатора на Олимп. В первые же дни войны между богами и объединенными силами Гектора/Ахиллеса нижняя часть эскалатора была разрушена, но выше сохранились и атмосфера, и нагревательные

элементы. Вплоть до отметки в шестьдесят тысяч футов. До этой точки. До сих пор.

Здесь не то зигзаг молнии, не то плазменный луч полностью перерезал трубу, оставив зияющий прогал длиною в четверть мили, если не больше. Хрустальный эскалатор на красном вулканическом склоне похож на разрубленную тяпкой змею. Ахиллес протискивается сквозь силовое поле в открытом конце туннеля и пересекает опустошенную полосу, неся свое оружие, щит и тело Пентесилеи — труп амазонки, окропленный консервирующей амброзией Паллады Афины и бережно завернутый в некогда белую простыню из его собственного шатра. К тому времени, как он добирается до другой стороны, его легкие готовы разорваться, в глазах резь, из ушей от низкого давления сочится кровь, мороз обжигает кожу. И тут он видит, что туннель разбит на мили вверх. На месте лестницы — мешанина осколков стекла и покореженного металла, которой не видно конца. Ледяная безвоздушная труба не укрывает даже от неистово ревущего ветра.

Хрипя и ругаясь, Ахиллес возвращается по открытому склону, протискивается сквозь гудящее поле в хрустальную трубу и, бережно положив обернутую ношу, валится на металлические

ступени. Кожа потрескалась от мороза и саднит. «Почему так холодно в такой близи от солнца?» — недоумевает он. Быстроногий Ахиллес уверен, что взобрался выше самого Икара, а ведь солнечные лучи растопили воск на крыльях мальчика, мечтавшего стать птицей. Разве нет? Однако вершины гор в земле Хирона, в краю кентавров, где прошло детство Ахиллеса, были таким же стылыми и бесприютными; чем выше, тем разреженнее становился воздух. Ахиллес понимает, что от Олимпа он ждал чего-то другого.

Он достает из-под плаща бурдючок и выжимает на запекшиеся губы последние капли вина. Остатки сыра и хлеба Ахиллес съел десять часов назад, полагая, что вершина близка. Однако у Олимпа как будто нет вершины.

Кажется, миновали месяцы с того утра, когда три дня назад он тронулся в путь, — с того утра, когда он убил Пентесилею, когда Дыра закрылась, отрезав его от Трои, ахейцев и верных мирмидонцев. Не то чтобы исчезновение Дыры волновало Ахиллеса — он не намерен возвращаться, пока Пентесилея не оживет и не станет его женой. Однако он не готовился к этому путешествию. Тремя днями ранее, покидая свой шатер у подножия Олимпа, Ахиллес рассчитывал вернуться

через несколько часов и потому захватил лишь жалкие крохи съестного. В то утро мнилось, будто его сила беспредельна, как и его гнев.

Теперь Ахиллес не знает, достанет ли ему сил спуститься обратно по металлической лестнице длиною тридцать лиг.

Может, и хватит, если бросить мертвую женщину.

Однако Ахиллес знает, что не бросит тело. Не сможет. Как там выразилась Афина? «От этих Афродитиных чар избавления нет. Феромоны вынесли приговор, и он окончателен. Ты будешь любить только Пентесилею, живую или мертвую».

Ахиллес, сын Пелея, понятия не имеет о феромонах, зато понимает неотвратимость проклятия Афродиты. Любовь к женщине, которую он так безжалостно убил, грызет его изнутри сильнее голодных болей в животе. Назад пути нет. Афина говорила о целебных баках на вершине Олимпа, тайне богов, источнике их телесного восстановления и бессмертия, тропинке, что ведет в обход «ограды зубов», разделяющей свет и тьму. Целебные баки. Туда он положит Пентесилею. И когда она снова задышит, то станет его женой. Даже Судьбы не помешают ему исполнить за-

думанное.

Правда, сейчас его сильные загорелые руки дрожат от усталости; Ахиллес наклоняется и кладет их на колени выше поножей. Потом глядит сквозь прозрачные своды туннеля и — впервые за трое суток — по-настоящему осознает увиденное.

Близится закат, и тень Олимпа накрыла багровый пейзаж далеко внизу. Дыра исчезла, нет больше лагерных костров на красной равнине. Извивы эскалатора тянутся на тридцать лиг вниз; стекло блестит на фоне погруженного в сумрак склона. Дальше тень ложится на линию берега, на холмы и даже на море, чьи теплые волны лениво накатывают на песок. Это на севере, а на востоке перед Ахиллесом высятся, пронзая низкую пелену закатных облаков, еще три белоснежных пика. Край земли закругляется. Ахиллес удивлен: все знают, что мир либо плоский, либо похож на блюдце и края его загибаются вверх, а не вниз, как тут. Очевидно, что Олимп не в Греции, но это Ахиллес усвоил еще много месяцев назад. Мир с красной почвой и немыслимо высокой горой под голубым небом — истинная обитель богов, а значит, здешний горизонт может закругляться вниз и вообще вытворять все, что ему вздумается.

Ахиллес поворачивается глянуть вверх, и тут

на склон квитируется бог.

Маленький такой божок по меркам Олимпа, чуть ли не карлик — ростом всего шесть футов, бородатый, уродливый и (как замечает Ахиллес, когда бог обходит эскалатор, оценивая повреждения) калека, почти горбун. Ахиллес не хуже любого аргивского героя знает олимпийский пантеон; он тут же узнает Гефеста, бога огня и главного ремесленника богов.

Похоже, осмотр почти закончен. Гефест стоит на пронизывающем ветру посреди открытого склона, почесывает бороду и что-то бормочет себе под нос, спиной к человеку, которого, как и его ношу, судя по всему, не заметил.

Не дожидаясь, когда бог обернется, Ахиллес разгоняется, пробивает защитное поле, хватает бога огня и применяет серию своих излюбленных приемов: для начала обнимает Гефеста за дебелую талию (этот знаменитый захват принес Ахиллесу бесчисленные награды на борцовских состязаниях), переворачивает вверх ногами и швыряет головой о красную скалу. Бог изрыгает проклятие и пытается вскочить. Ахиллес хватает гнома-олимпийца за крепкую руку и бросает через плечо с полным переворотом (прием называется «летящая кобылица»), так что тот падает

спиной на камни.

Гефест ревет и разражается по-настоящему черной бранью.

Зная, что сейчас бог телепортируется прочь, Ахиллес кидается на грузного коротышку, сжимает того ногами, так что хрустят бессмертные ребра, левой рукой придавливает его шею, а правой тянет из-за пояса короткий богоубийственный кинжал и приставляет лезвие к горлу противника.

— Если улетишь, я улечу с тобой и прирежу тебя одновременно, — шипит Ахиллес в волосатое ухо искусника.

— Хрена ты… убьешь… бога… — хрипит Гефест, пытаясь короткими заскорузлыми пальцами оттолкнуть Ахиллесову руку от своего горла.

Вместо ответа ахеец проводит клинком Афины по бессмертной шее. Порез хотя и длинный, чуть более трех дюймов, но неглубокий. На косматую бороду брызжет золотой ихор. Одновременно Ахиллес еще сильнее сжимает ноги, и ребра хрустят ощутимее.

Бог пропускает через себя электрический разряд. Ахиллес морщится, но хватку не ослабляет. Бог прилагает сверхчеловеческие усилия, чтобы освободиться; Ахиллес, проявляя еще более

сверхчеловеческую мощь, крепче сжимает его ногами, упирая кинжал в самый подбородок красномордого бога.

Гефест мычит, рычит и наконец обмякает.

— Ладно… хватит, — выдыхает он. — Ты выиграл эту битву, Пелид.

— Дай слово, что не исчезнешь.

— Даю… слово, — хрипит Гефест.

Ахиллес сильнее сжимает ноги, Гефест стонет.

— И помни, — рычит Ахиллес, — нарушишь обещание — убью.

Он откатывается в сторону, понимая, что в таком разреженном воздухе потеряет сознание в ближайшие секунды. Схватив бессмертного за тунику и спутанные космы, Ахиллес тащит его через силовое поле в теплую и пригодную для дыхания атмосферу хрустального туннеля.

Там он бросает бога на металлическую лестницу и снова сжимает ногами. Ахиллес насмотрелся на Хокенберри и самих богов, поэтому знает: квитируясь прочь, они уносят за собой того, с кем находятся в телесном контакте.

Тяжело сопя и постанывая, Гефест косится на завернутое тело Пентесилеи:

— Что привело тебя на Олимп, о быстроногий Ахиллес? Постирушку больше негде устроить?

— Заткнись, — выдыхает Ахиллес.

Трехдневный подъем на шестьдесят тысяч футов почти без еды дорого ему обошелся: нечеловеческая сила уходит, словно вода из решета. Еще минута, и он вынужден будет отпустить Гефеста — или убить.

— Откуда у тебя этот кинжал, смертный? — спрашивает истекающий ихором бородатый бог.

— Его мне доверила Паллада Афина.

Ахиллес не видит причин лгать и, в отличие от некоторых — от хитроумного Одиссея, к примеру, — вообще никогда не лжет.

— Афина? — хмыкает Гефест. — Наиболее любезная моему сердцу богиня.

— Да, я наслышан, — говорит Ахиллес.

Он и впрямь слышал, что Гефест много веков домогался девственной богини, тщетно пытаясь ею овладеть, и однажды был настолько близок к желаемому, что Афине пришлось оттолкнуть его член от своих чресл — а чреслами греки стыдливо называли женские половые органы — и распаленный бог кончил на ее бедра. В юности Ахиллес узнал от кентавра Хирона, своего названого отца, немало историй, в которых клок шерсти*эрион*, которым Афина вытерла с себя Гефестово семя, и пыль, куда оно упало, играли весьма любопыт-

ную роль. Как мужчина и величайший воитель на земле, Ахиллес слышал немало сказателей, певших о «брачной росе», *херсе* или *дросос* на языке его родного острова, но эти же слова означают новорожденного младенца. Поговаривали, что многие смертные герои — некоторые включали в список Аполлона — родились из окропленной семенем шерсти или горстки праха.

Ахиллес решает не упоминать эти россказни. Силы у него на исходе, надо беречь дыхание.

— Отпусти меня, я буду твоим союзником, — пыхтит Гефест. — Мы и без того с тобой как братья.

— Почему это? — хрипит Ахиллес.

Он уже решил, что не выпустит Гефеста живым, если придется разжать хватку. Вгонит Афинин кинжал через подбородок в череп, насадит мозги на лезвие и выдернет, как рыбу на остроге из ручья.

— Когда вскоре после Великой Перемены меня зашвырнули в море, дочь Океана Эвринома и твоя мать взяли меня к себе, — хрипит бог. — Я бы захлебнулся и утонул, не спаси меня дражайшая Фетида, дочь Нерея. Так что мы почти братья.

Ахиллес молчит.

— Даже не просто братья, — сипит Гефест. — Мы

еще и союзники.

Ахиллес не раскрывает рта, чтобы не обнаружить подступающую слабость.

— Да, союзники! — кричит Гефест, чьи ребра ломаются одно за другим, как молодые деревца на морозе. — Моя любезная мать Гера ненавидит бессмертную сучку Афродиту, твою врагиню. Ты говоришь, что моя обожаемая Афина доверила тебе некое поручение, а значит, я хочу одного — всемерно тебе помогать.

— Отведи меня к целебным бакам, — с трудом выговаривает Ахиллес и немного ослабляет хватку.

— К целебным бакам? — Гефест глубоко вздыхает. — Тебя там сразу обнаружат, о сын Пелея и Фетиды. Олимп охвачен хаосом и гражданской войной, потому что Зевс куда-то пропал, но у целебных баков по-прежнему выставлена охрана. Еще даже не стемнело. Лучше стань моим гостем, выпей, поешь, освежись, а под покровом ночи я сам перенесу тебя к бакам, когда поблизости будет только чудовищный Целитель и спящие стражники.

«Еда?» — думает Ахиллес. Сказать по чести, драться ему сейчас и впрямь не с руки, тем паче заставлять кого-то воскрешать Пентесилею, так

что подкрепиться действительно не помешает.

— Ладно. — Ахиллес встает с бородатого бога и убирает клинок Афины за пояс. — Перенеси меня в свой чертог на вершине Олимпа. И без выкрутасов, понял?

— Конечно без выкрутасов, — рычит Гефест, ощупывая синяки на животе и переломанные ребра. — Ну и времена настали, никакого почтения к бессмертному! Возьми меня за руку, и квитируемся отсюда.

— Минутку, — говорит Ахиллес и с трудом взваливает на плечо тело Пентесилеи, затем стискивает волосатую руку бога. — Теперь можем отправляться.

34

Войниксы напали чуть позже полуночи.

После ужина, который она помогала готовить, Ада направилась на самую тяжелую работу — укреплять оборону Ардиса. Изис, Пеаэн, Лоэс и Петир — все они знали о ее беременности — отговаривали Аду выходить на снег и холодный ветер, но она все равно пошла и вместе с другими принялась рыть канаву в ста футах от частокола, с внутренней стороны. Это была идея Хармана и Даэмана — наполнить рвы бесценным горючим

для ламп и поджечь, если войниксы прорвутся за частокол. Как же Ада жалела, что Хармана и Даэмана сейчас с ними нет!

Земля промерзла, Аде не хватало сил копать, хотя лопата у нее была одна из самых острых; приходилось, утирая слезы досады, ждать, когда Эмма или Греоджи взломают заледенелую почву, чтобы Ада ее сгребла. По счастью, было темно и никто на Аду не смотрел. Если бы ее слезы заметили, она от стыда разревелась бы в голос. Когда пришел Петир (он занимался укреплением первого этажа) и вновь попросил ее вернуться в дом, Ада, не кривя душой, ответила, что ей нравится работать рядом с сотнями других: физический труд и близость такого множества людей отвлекают от мыслей о Хармане. И это была чистая правда.

Часам к десяти вечера рвы докопали — пять футов шириной, меньше двух глубиной — и застелили целлофановыми пакетами, которые на прошлой неделе добыли в Чоме. В передней поставили наготове канистры с драгоценным горючим для ламп — «керосином», как называл его Харман.

— Что будет, когда мы за две-три минуты истратим годовой запас горючего для освещения?

— спросила Анна.

— Будем сидеть в темноте, — ответила Ада. — Зато живыми.

Положа руку на сердце, она не очень-то в это верила. Если войниксы прорвутся за внешний периметр, вряд ли их остановит невысокая стена пламени (даже если ров успеют поджечь). Даэман и Харман придумали, как укрепить дверные проемы и закрыть окна первого и второго этажей тяжелыми внутренними ставнями (эта работа шла уже три дня и, по словам Петира, близилась к завершению), но Ада не особо верила и в эту последнюю линию обороны.

Когда канавы дорыли и удвоили караул у частокола, когда назначили, кто будет тащить бочонки к рвам в случае атаки, раздали все новые винтовки и пистолеты (оружие досталось каждому шестому обитателю Ардиса — огромное достижение в сравнении с теми двумя винтовками, что были у них раньше) и Греоджи поднялся на соньере, чтобы осматривать окрестности, — только тогда Ада вошла в дом и предложила Петиру свою помощь.

Тяжелые ставни, выструганные из крепкого дерева и прилаженные к старинным дубовым рамам Ардис-холла, закрывались на железные

засовы, недавно выкованные в мастерской Ханны. Выглядело это настолько уродливо, что Ада лишь молча кивнула и тут же отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся слезы.

Она не забыла, как прекрасен и радушен был ее дом еще год назад. Ардис-холл хранил почти двухтысячелетнюю традицию гостеприимства, уюта и утонченной роскоши. Меньше двенадцати месяцев назад они отмечали здесь девяносто девятый день рождения Хармана. Огромный стол под сенью дубов и раскидистого вяза, гирлянды фонариков на деревьях, летающие сервиторы подают еду со всех концов мира, послушные войниксы подвозят одноколки и дрожки, из которых выходят люди в красивой одежде, с изящными прическами… Ада огляделась. В переполненном коридоре толпились десятки людей в грубых рубахах, лампы шипели и потрескивали в полумраке, в каминах горели дрова, но не ради уюта, а чтобы хоть как-то согреть изможденных женщин и мужчин, храпящих на одеялах, которые раскатывали прямо на голом полу, у стены составлены винтовки и арбалеты, везде натоптано, а теперь еще и тяжелые ставни заняли место чудесных маминых штор. Неужели до такого дошло?

Да.

Сейчас в Ардисе и рядом с ним жили четыреста человек. Ада больше не могла назвать его своим домом. Вернее, это был дом для каждого, кто хотел здесь поселиться и оборонять это место.

Петир показал ей бойницы в ставнях, через которые можно стрелять из луков, арбалетов и дротиковых винтовок, если войниксы прорвутся через частокол; кипящие чаны на третьем этаже — их можно поднять лебедками на верхние террасы и поливать войниксов. Харман нашел эту идею в старинной книге. Теперь огромные чаны с водой и маслом булькали на самодельных печах в прежних хозяйских спальнях. Выглядело это отвратительно, но, похоже, могло сработать.

Вошел Греоджи.

— Где соньер? — спросила Ада.

— На платформе для джинкеров. Реман готовится взлететь вместе с лучниками.

— Что-нибудь видел? — спросил Петир.

Разведчики уже не бродили по лесам после захода солнца: войниксы ориентировались в темноте намного лучше людей. Особенно опасны были пасмурные ночи, когда луна и кольца скрывались за тучами. Тогда глазами людям служили полеты на соньере.

— Что там разглядишь впотьмах, да еще сквозь

дождь со снегом? — сказал Греоджи. — Но мы бросили в лес несколько факелов. Войниксы повсюду, я никогда еще столько не видел…

— Откуда они только*берутся*? — спросила немолодая женщина по имени Уру, растирая локти, словно от холода. — Они точно не факсируют. Вчера я была в карауле и…

— Не до того сейчас, — перебил Петир. — Что ты еще видел, Греоджи?

— Они все таскают камни с реки, — ответил невысокий рыжеволосый мужчина.

Ада вздрогнула. Пешие патрули еще в полдень заметили войниксов, которые носили тяжелые камни и складывали грудами в лесу. Прежде люди такого не видели, и новое поведение войниксов пугало Аду до тошноты.

— Может, строят что-нибудь? — почти с надеждой спросил Касман. — Стену? Укрытия?

— Нет, просто укладывают рядами и кучами у края леса.

— Наверно, собрались использовать их как снаряды, — тихо сказала Сирис.

Ада подумала о тех годах… да что там, столетиях, когда сильные, но послушные войниксы выполняли все те работы, от которых отказались люди старого образца: пасли, а затем резали для

них скот, охраняли поселения от динозавров и других репликантных существ, таскали одноколки и дрожки, словно упряжные животные. Говорили, что за столетия до финального факса, случившегося тысячу четыреста лет назад, войниксы были повсюду, однако не шевелились и никак не проявляли себя, просто стояли безголовыми статуями в металлических панцирях и с кожаными горбами на месте головы. Вплоть до Падения, когда остров Просперо посыпался с неба десятками тысяч метеоритов, никто не видел, чтобы войниксы сделали что-нибудь неожиданное, а уж тем более действовали по собственной воле.

Времена изменились.

— Как защититься от летящих камней? — спросила Ада. У войниксов сильные руки.

Каман, один из первых учеников Одиссея, вышел на середину круга, собравшегося в гостиной на втором этаже:

— Месяц назад я просиглировал книгу о древних осадных приспособлениях еще до Потерянной Эпохи. Там упоминались машины, которые забрасывали валуны на целые мили.

— А чертежи там были? — спросила Ада.

Каман прикусил губу.

— Да, один. Я так и не понял, как эта штука работала.

— Все равно она не для обороны, — сказал Петир.

— Зато мы сможем кидать их камни обратно, — ответила Ада. — Каман, найди, пожалуйста, ту книгу и дай Реману, Эмме, Лоэсу, Каулю и еще кому-нибудь из тех, кто работал с Ханной на куполе…

— Кауля нет, — напомнила Салас, женщина с самой короткой в Ардисе стрижкой. — Он отправился с Даэманом и его группой.

— Ладно, дай ее всем, кто что-то может делать руками, — сказала Ада Каману.

Худощавый бородач кивнул и побежал в библиотеку.

— Так мы будем кидать их камни обратно? — с улыбкой спросил Петир.

Ада пожала плечами. Как бы ей хотелось, чтобы Даэман и девять его товарищей остались здесь. И чтобы Ханна вернулась от Золотых Ворот. А главное, чтобы Харман был дома.

— Ладно, пошли заканчивать работу, — сказал Петир.

Часть людей Греоджи увел вверх по лестнице, на платформу для джинкеров, готовиться к за-

пуску соньера. Прочие отправились ненадолго прикорнуть.

Петир тронул Аду за локоть:

— Тебе надо поспать.

— Я в караул… — начала Ада; в ушах у нее звенело, как будто вернулось лето и затрещали цикады.

Петир мотнул головой и повел Аду в ее комнату.

«В нашу с Харманом комнату», — подумала она.

— Ты еле держишься, Ада. Шутка ли, двадцать часов на ногах. Все, кто трудился днем, давно уже спят. Охрана и так усилена. На сегодня все дела уже переделаны. Тебе необходимо набраться сил. Ты здесь самый важный человек.

Ада сердито вырвала руку:

— Я такая же, как все!

В темных глазах Петира плясали огни фонарей.

— Нет, хочешь ты этого или не хочешь. Ты часть Ардиса. И для многих из нас — живое воплощение этого места. Можешь не соглашаться, но мы по-прежнему у тебя в гостях. Как бы ни обернулось дело, люди ждут твоего решения, и не только потому, что много месяцев Харман

был фактически нашим вождем. И к тому же ты единственная беременная в Ардисе.

С этим Ада поспорить не могла. Она позволила отвести себя в спальню.

Ада знала, что ей нужно поспать, если она хочет быть хоть чем-то полезна Ардису или себе, но сон не шел. Она могла только волноваться о надежности укреплений и думать о Хармане. Где он? Жив ли? Вернется ли к ней?

Она уже решила, как только минует нынешняя угроза со стороны войниксов, полететь к Золотым Воротам в Мачу-Пикчу (пусть только кто-нибудь посмеет возразить!) и отыскать своего любимого, своего*мужа*, во что бы то ни стало.

Ада поднялась в темноте и, достав из комода туринскую пелену, вернулась на кровать. Ей не хотелось вновь использовать функцию для взаимодействия с туриной — воспоминания об умирающем, который смотрит на нее,*видит* ее, были слишком свежи, — но она хотела еще раз поглядеть на древнюю Трою. Осажденный город — чей-то осажденный родной дом. Возможно, это даст ей надежду.

Ада опустила голову на подушку, положила пелену с микросхемами на лоб и закрыла глаза.

В Илионе утро. Елена Прекрасная вступает

в главную залу временного дворца Приама (бывшего их с Парисом жилища) и спешит присоединиться к Андромахе, Кассандре, Герофиле и великанше-рабыне с острова Лесбос по имени Гипсипила — все они стоят слева и чуть позади царского трона, среди других знатных женщин.

Андромаха сердито сверкает глазами.

— Мы уже посылали служанок на поиски, — шепчет она. — Где ты была?

Елена еле-еле успела помыться и сменить одежду после того, как спаслась от Менелая и бросила Хокенберри умирать в башне.

— Гуляла, — шепчет она в ответ.

— Она гуляла, — говорит прекрасная Кассандра тем хмельным голосом, которым часто сопровождаются ее трансы. Она подмигивает. — Гуляла… с кинжалом, дорогая Елена? Ты хоть лезвие-то обтерла?

Андромаха шикает на Кассандру и еле заметно кивает Гипсипиле. Рабыня склоняется над провидицей и крепко сжимает ее бледную руку. Кассандра морщится от боли, но тут же улыбается вновь.

«Нам придется ее убить», — думает Елена. Кажется, будто последний раз она видела двух уцелевших подруг по тайному обществу Тро-

янских женщин месяцы назад, а в самом деле меньше суток прошло с тех пор, как она с ними простилась и Менелай ее похитил. Четвертая и последняя из них, Герофила, «возлюбленная Герой», старейшая сивилла в городе, тоже здесь, стоит среди знатных женщин, но взгляд у нее отсутствующий; прошедшие восемь месяцев состарили жрицу лет на двадцать. Елена сознает, что Герофила, как и Приам, уже одной ногой в могиле.

Возвращаясь мыслями к внутренней политике Илиона, Елена дивится, что Андромаха до сих пор не убила Кассандру. Если Приам и все остальные узнают, что Астианакт, сын Гектора и Андромахи, жив, а его мнимая смерть была лишь уловкой, чтобы развязать войну с богами, жену Гектора разорвут в клочки. Сам же Гектор ее и убьет.

Где Гектор? Елена вдруг понимает, что ждут именно его.

Она уже хочет шепнуть свой вопрос Андромахе, но тут Гектор входит вместе с десятком военачальников и ближайших друзей. Хотя царь города — древний Приам — восседает на троне рядом с пустым троном Гекубы, все понимают: вошел истинный царь Трои. Копейщики с красными хвостами на шлемах вытягиваются по

струнке, приосаниваются усталые полководцы в запыленных и залитых кровью доспехах, и даже знатные женщины поднимают подбородки.

Гектор здесь.

Десять лет Елена восхищалась его героизмом и мудростью, тянулась к нему, как цветок к солнцу, и все-таки в десятитысячный раз сердце ее начинает биться быстрее, когда входит Гектор, сын Приама, истинный вождь Илиона.

Он в боевых доспехах, но пришел не с поля сражения: лицо умытое, латы начищены, даже волосы свежевымыты и завиты, однако его изможденный вид говорит о душевной боли.

Гектор приветствует отца и запросто садится на трон покойной матери. Верные полководцы встают за его спиной.

— Какова обстановка? — спрашивает он.

Деифоб, его брат, в крови после ночного боя, смотрит на Приама, как будто докладывает царю, но обращается к Гектору:

— Стены и Скейские ворота стоят надежно. Внезапное нападение Агамемнона застало нас врасплох, поскольку многие наши воины ушли через Дыру сражаться с богами, однако к рассвету мы все-таки отбросили аргивян, оттеснили ахейцев к их кораблям.

— И Дыра закрылась? — спрашивает Гектор.

— Исчезла, — отвечает Деифоб.

— Все наши люди успели через нее выйти?

Деифоб косится на одного из полководцев и получает еле приметный знак.

— Мы полагаем, что да. Правда, в сумятице, когда тысячи бойцов отступали через Дыру, моравеки проносились над головой на летучих машинах, а вероломный Агамемнон начал коварную атаку, многие лучшие ратники пали у городской стены, оказавшись между аргивским воинством и нашими лучниками. Однако мы почти уверены, что по другую сторону Дыры не осталось никого, кроме Ахиллеса.

Гектор вскидывает голову.

— Ахиллес не вернулся? — спрашивает он.

Деифоб кивает:

— Перебив амазонок, Ахиллес остался на месте. Прочие ахейские цари и военачальники бежали к своим шатрам.

— Пентесилея убита? — спрашивает Гектор.

Елена понимает, что величайший из сынов Приама ни с кем не говорил больше двадцати часов.

— Пентесилея, Клония, Бремуса, Эвандра, Фермодоса, Алкивия, Деримахия, Дериона… Все

тринадцать амазонок перебиты.

— А что боги? — вопрошает Гектор.

— Яростно бьются между собой, — отвечает Деифоб. — Совсем как прежде… Когда мы еще не сражались с ними.

— Сколько их тут? — спрашивает Гектор.

— Со стороны ахейцев — Афина и Гера, их главные союзницы и покровительницы. Посейдона, Аида и еще десяток богов видели сегодня на поле боя: они побуждали ахейские орды наступать, осыпали наши стены стрелами и молниями.

Старый Приам прочищает горло:

— Тогда почему наши стены еще стоят, сын мой?

Деифоб ухмыляется:

— Все как прежде, отец: на каждого враждебного бога у нас есть свой защитник. Здесь был Аполлон со своим серебряным луком. Арес на заре повел нас в контрнаступление. Деметра и Афродита… — Он осекается.

— Афродита? — Голос Гектора холоден и глух, словно звук упавшего на мрамор кинжала. Эта богиня, по словам Андромахи, убила его сына. Из-за нее величайшие враги в истории — Гектор и Ахиллес — объединились для войны с богами.

— Да. Афродита вместе с другими любящими

Трою богами сражается на нашей стороне. И клянется, что не она убила нашего Скамандрия, нашего Астианакта, нашего юного владыку города.

Губы Гектора белеют.

— Продолжай, — говорит он.

Деифоб набирает в грудь воздуха. Елена оглядывает бледные, взволнованные лица собравшихся.

— Агамемнон, его войска и бессмертные союзники перестраиваются у своих черных судов, — говорит лысеющий брат Гектора. — Ночью они подошли к Илиону так близко, что смогли поставить осадные лестницы и отправили в Аид многих храбрых сынов Трои, однако действия их были плохо скоординированы, и они пошли на штурм до того, как главная часть их войска вернулась через Дыру. Под предводительством Ареса и с помощью Аполлона мы отбросили неприятелей за Лесной холм, за их старые рвы и брошенные укрепления моравеков.

Долгое время в зале стоит мертвая тишина. Гектор сидит, опустив взор, погруженный в глубокое раздумье. В начищенном шлеме, лежащем в изгибе его локтя, отражаются лица, полные ожидания.

Гектор встает, подходит к Деифобу, стискивает на миг его плечо и обращается к отцу:

— О благородный Приам, любезный отец, дражайший среди моих братьев Деифоб спас наш город, покуда я сидел взаперти, точно старая баба, горюющая о прошлом. И вот я молю о прощении и прошу позволить мне вернуться в ряды защитников города.

В слезящихся глазах старика как будто пробуждаются искры жизни.

— Сын мой, готов ли ты забыть раздоры с богами — заступниками Трои?

— Враг Илиона — мой враг, — отвечает Гектор. — Мой союзник — тот, кто убивает врагов Илиона.

— Ты будешь биться бок о бок с Афродитой? — напирает старый Приам. — Объединишься с богами, которых пытался убить в последние месяцы? Убивать тех самых аргивян, которых учился считать друзьями?

— Враг Илиона — мой враг, — твердо повторяет Гектор и надевает шлем. Сквозь круглые дыры его глаза полыхают свирепым огнем.

Приам встает, обнимает Гектора и с бесконечной нежностью целует ему руку.

— Веди же наши войска к победе, благородный

Гектор.

Гектор поворачивается, на секунду сжимает плечо Деифоба, потом возвышает голос, обращаясь ко всем изнуренным битвой соратникам:

— Сегодня мы сожжем наших врагов. Наполним же долину звучными криками, все дружно! Зевс подарил нам этот день, сто́ящий больше, чем вся наша долгая жизнь! Сегодня мы захватим корабли данайцев, убьем Агамемнона и покончим с этой войной!

Наступает гулкое молчание, затем внезапно огромный зал взрывается ревом. Елена вздрагивает и в испуге отступает за спину Кассандры; та скалится, словно мертвец, от уха до уха.

Зал пустеет, как если бы людей унесло волной их собственного крика — крика, который не утихает, но становится даже громче после того, как Гектор выходит из бывшего дворца Париса и тысячи людей приветствуют его снаружи.

— Они возвращаются. — Страшный оскал застыл у Кассандры на лице. — Наши прежние будущие возвращаются, чтобы возродиться в крови.

— Заткнись! — шипит Елена.

— Вставай, Ада! Вставай!

Ада отбросила туринскую пелену и села на кро-

вати. Эмма трясла подругу за плечи. Та сверилась с ладонной функцией: было едва за полночь.

Снаружи доносились крики, треск дротиковых винтовок, звуки арбалетных выстрелов. Что-то тяжелое ударило в стену дома, секундой позже в соседней комнате разлетелось окно. За стеклами бушевал огонь.

Ада вскочила с постели (она даже не разувалась), одернула помятую рубаху и ринулась вслед за Эммой. Коридор содрогался от топота ног. Все были вооружены, все бежали на свои посты.

У подножия лестницы ждал Петир.

— Они прорвались через западную стену частокола. У нас много погибших. Войниксы совсем близко.

35

За порогом Ардис-холла царили смятение, мрак, ужас и гибель.

Ада вместе с Петиром и еще несколькими людьми выбежала через парадный вход на южную лужайку, но было так темно, что она видела лишь факелы на частоколе и смутные очертания несущихся к дому людей, слышала только крики и вопли.

Подбежал Реман — крепко сложенный боро-

дач, один из тех, кто явился в Ардис слушать уроки Одиссея. В руках у него был разряженный арбалет.

— Сперва войниксы прорвались через северную стену! Триста-четыреста разом…

— Триста-четыреста? — прошептала Ада.

Во время вчерашнего нападения, самого страшного из пережитого Ардисом до сих пор, тварей, по их прикидкам, было не больше полутора сотен по всему четырехугольному периметру.

— Сейчас минимум двести лезут через каждую стену, — прохрипел Реман. — Но начали они пробиваться с севера, за градом камней. Многие наши сразу выбыли из строя… мы в темноте даже не видели летящих камней… нам пришлось пригнуться, некоторые сбежали, тут-то войниксы перемахнули через стену, прыгая друг другу на спину. Они напали на скот, мы не успели даже позвать подкрепление. Мне нужны арбалетные стрелы и новое копье…

Он рванулся было в прихожую, где раздавали оружие и боеприпасы, однако Петир удержал его за руку:

— Вы унесли раненых со стены?

Реман замотал головой:

— Там настоящий ужас. Войниксы добивали

упавших, даже с легким ранением или ссадиной от камня. Мы не смогли… не смогли… никого спасти.

Он отвернулся, пряча лицо.

Ада побежала в обход дома к северной стене.

Литейный купол ярко пылал, озаряя хаос. Временные деревянные казармы и палатки, где ночевало большинство обитателей Ардиса, горели. Люди в панике бежали к Ардис-холлу. Мычали коровы, которых резали стремительно движущиеся войниксы — те же самые войниксы когда-то забивали скот для людей, и у них были все те же смертоносные лезвия-манипуляторы на могучих стальных руках. Ада в ужасе смотрела, как в сотне ярдов от нее коровы падают на перемешанный с грязью снег, — и вдруг войниксы огромными прыжками устремились в их сторону.

Петир схватил ее за руку:

— Уходим, пора отступать!

— Огненные рвы… — Ада вырвалась и побежала наперерез людскому потоку.

На заднем дворе она отыскала факел, схватила его и побежала к ближайшему рву. Прокладывать дорогу пришлось через бегущую к дому толпу; Реман и другие безуспешно пытались остановить обезумевших людей, но те по-прежнему бежа-

ли, бросая луки, арбалеты, винтовки. Войниксы уже миновали пылающий купол; серебристые фигуры прыгали по горящим перекладинам, убивая тех, кто пытался тушить огонь. Десятки войниксов прыгали, скакали, семенили в сторону Ады. До рва было пятьдесят ярдов, до войниксов — меньше восьмидесяти.

— Ада!

Она рванула вперед. Петир и еще несколько человек побежали за ней. Передовые войниксы уже прыгали через первый ров.

Бочки стояли на месте, однако никто не вылил керосин в канаву. Ада сорвала крышку, пинком опрокинула бочку и покатила ее вдоль края; резко пахнущая жидкость полилась с неглубокую траншею. Петир, Салас, Пеаэн, Эмма и еще несколько человек открывали другие бочки.

И тут нагрянули войниксы. Один перескочил через канаву и отсек Эмме руку у самого плеча. Девушка даже не вскрикнула, только в изумлении смотрела на рану. Войникс вскинул манипулятор, блеснули лезвия.

Ада бросила факел, схватила оброненный кем-то арбалет и всадила стрелу в кожаный вырост войникса. Тот начал разворачиваться, приседая для прыжка. Петир выплеснул ему на панцирь

полбочонка керосина, а Лоэс почти одновременно кинул в него факел.

Войникс вспыхнул и, шатаясь, двинулся по кругу, взмахивая металлическими руками, — его инфракрасные датчики были перегружены. Двое мужчин рядом с Петиром выпустили в него облако флешетт. Наконец тварь упала в канаву, и целый отрезок рва занялся огнем. Эмма начала заваливаться, Реман подхватил ее, легко поднял и развернулся, чтобы отнести девушку в дом.

Из мрака вылетел камень величиной с кулак. Быстрый, как флешетта, и почти такой же незаметный, он попал Реману в затылок. По-прежнему держа Эмму, тот спиной вперед рухнул в горящую траншею. Оба тела объял огонь.

— Уходим! — крикнул Петир, хватая Аду за локоть.

Из пламени выпрыгнул войникс и приземлился перед ними. Ада выпустила ему в живот последнюю арбалетную стрелу, схватила Петира за руку, отскочила от зашатавшегося войникса и повернулась, чтобы бежать.

Теперь, когда весь участок был охвачен огнем, она видела войниксов повсюду. Многие уже миновали пылающие рвы. Некоторые падали под флешеттным огнем, кого-то замедляли удачно

пущенные стрелы, кого-то флешеттные выстрелы отбрасывали назад, однако напуганные люди стреляли редко, поодиночке и плохо целились. Дисциплины не осталось. Тем временем невидимые войниксы за стеной по-прежнему осыпали их градом камней. Совсем юной рыжей девушке камень попал в бок, и она кашляла кровью. Ада швырнула на землю пустой арбалет, обеими руками помогла девушке встать и повела ее к Ардис-холлу.

Траншеи полыхали уже со всех сторон, однако войниксы прыгали через огонь или пробегали сквозь него. По лужайке метались тени, температура за считаные секунды поднялась градусов на десять.

Девушка начала заваливаться. Падая, она едва не увлекла Аду за собой. Ада присела рядом на корточки, дивясь, сколько крови вытекло у девушки изо рта на рубашку. Петир потянул ее за руку:

— Ада, уходим!

— Нет.

Ада нагнулась, взвалила девушку на плечо и кое-как встала. Их окружили пять войниксов.

Петир поднял с земли сломанное копье и попытался их оттеснить, но войниксы были проворнее

— они отпрыгивали и бросались вперед быстрее, чем Петир успевал поворачиваться. Один ухватил копье и вырвал у Петира из рук. Петир упал на живот почти под ноги войниксу. Ада заозиралась, ища хоть что-нибудь похожее на оружие. Она попыталась поставить рыжеволосую девушку на ноги, чтобы освободить руки, но у той подогнулись колени, и она снова упала. Ада ринулась на войникса, стоящего над Петиром, готовая драться голыми руками.

Затрещала флешеттная очередь, и два войникса, включая того, что уже занес лезвие над Петиром, повалились на землю. Трое других развернулись навстречу атакующему.

Товарищ Петира Ламан, потерявший прошлой ночью четыре пальца на правой руке, стрелял из дротикового пистолета левой. Правой он держал деревянно-бронзовый щит, защищаясь от камней. За Ламаном бежали Оэллео, Салас и Лоэс — ученики Одиссея и друзья Ханны; у каждого было флешеттное оружие и щит. Еще два войникса упали, третий отскочил назад за горящую траншею. Однако десятки других бежали и прыгали к людям.

Петир с усилием встал, помог Аде поднять девушку, и они двинулись к дому, до которого

оставалось еще более ста футов; Ламан прокладывал путь, Салас, Лоэс и хрупкая Оэллео прикрывали группу щитами.

Два войникса прыгнули Салас на спину, повалили ее в грязь и вырвали ей хребет. Ламан обернулся и всадил очередь флешетт в кожаный нарост войникса. Тварь отлетела на мерзлую землю, но Салас была уже мертва. Послышался свист, камень ударил Ламана в висок, и тот рухнул на землю.

Ада оставила Петира держать девушку, а сама подхватила тяжелый дротиковый пистолет. Из темноты по-прежнему летели камни, но люди пригнулись за щитами Лоэса и Оэллео. Петир поднял щит Ламана и присоединил к общему заграждению. Большой камень, пробив кожу и дерево, покалечил Оэллео левую руку. Молодая женщина — близкая знакомая отсутствующего Даэмана — заорала от боли.

Вокруг были уже десятки — нет, сотни войниксов. Они добивали раненых на земле и неуклонно приближались к Ардис-холлу.

— Нас отрезали! — закричал Петир.

Траншеи позади горели все слабей, и войниксы легко их преодолевали. Среди убитых было много больше людей, чем войниксов.

— Надо прорываться! — крикнула Ада.

Держа левой рукой бесчувственную девушку и стреляя из пистолета, она велела Оэллео надеть щит на правую руку и придвинуть к щиту Лоэса. За этим слабым укрытием все пятеро побежали к дому.

Двадцать или тридцать войниксов преградили им путь. У некоторых в панцирях и горбах блестели хрустальные дротики, вспыхивая в огненном зареве красными и зелеными искрами. Войникс схватил щит Оэллео, оторвал ее от земли и взмахом левой руки перерезал ей горло. Другой потянул у Ады ее ношу; Ада приставила дуло пистолета к его горбу и четырежды спустила курок. Выстрелы развороти ли ему панцирь, войникс рухнул на бесчувственную девушку, заливая ее бело-голубой кровью, но еще с десяток войниксов приближались скачками, а пистолет у Ады был разряжен.

Петир, Лоэс и Ада встали на колени, пытаясь закрыть упавшую девушку. Лоэс отстреливался из последней винтовки, Петир держал наготове короткое сломанное копье. На них наступали десятки войниксов.

«Харман», — успела подумать Ада и поняла, что произнесла это имя со смесью безграничной

любви и безграничного гнева. Почему его нет рядом? Почему он бросил ее в этот последний день? А теперь ребенок у нее в животе обречен, как и она сама, а Харман не может их защитить. В этот миг Ада любила Хармана больше всего на свете — и ненавидела всей душой. «Прости», — подумала вдруг она, обращаясь не к исчезнувшему мужу и не к себе самой, но к зародышу внутри себя. Ближайший войникс прыгнул на нее, и она швырнула в его металлический панцирь разряженный пистолет.

Войникс разлетелся на куски. Ада заморгала. Пять войниксов по обе стороны от нее либо упали, либо были отброшены назад. Остальные пригнулись к земле, вскинув металлические руки; сокрушительный град флешетт поливал их с соньера. Не меньше восьми человек палили с перегруженного диска.

Греоджи опустил соньер совсем низко, на уровень груди. «Глупо!» — подумала Ада. Войниксы могли запрыгнуть на машину, утащить ее вниз. Если они лишатся соньера, Ардис обречен.

— Скорей! — заорал Греоджи.

Лоэс прикрыл Петира и Аду, пока те вытаскивали бесчувственную девушку из-под мертвого войникса и грузили на соньер. Чьи-то руки втя-

нули Аду следом. Петир забрался сам. Вокруг свистели камни. Три войникса прыгнули выше голов тех, кто был на соньере, но кто-то — кажется, Пеаэн — выстрелил из винтовки, сбив двоих. Последний опустился на край диска, прямо перед Греоджи. Тот мечом ударил войникса в грудь. Войникс в падении увлек меч за собой.

Лоэс повернулся и тоже запрыгнул в машину. Перегруженный соньер дернулся, закачался и рухнул на мерзлую почву. Войниксы бежали теперь со всех сторон; Аде, лежавшей на окровавленной поверхности упавшего соньера, они казались гораздо больше обычного.

Греоджи что-то проделал с виртуальной панелью, соньер качнулся и взмыл вертикально. Войниксы прыгали на него, но их расстреливали из винтовок.

— У нас кончаются флешетты! — крикнул с кормы Стоман.

Петир наклонился к Аде:

— Как ты, цела?

— Да, — с усилием проговорила Ада, стараясь остановить кровотечение у девушки, но оно было внутренним. Ада никак не могла нащупать пульс у нее на шее. — Мне кажется…

По дну и краям соньера застучали камни. Один

угодил в грудь Пеаэн; та упала на тело девушки. Другой попал Петиру за ухом; голова молодого человека дернулась вбок.

— Петир! — воскликнула Ада и привстала на колени, чтобы его поймать.

Тот поднял лицо, глянул на нее как-то странно, улыбнулся краешками губ и спиной вперед упал с высоты пятидесяти футов в самую гущу войниксов.

— Держитесь! — крикнул Греоджи.

Соньер описал над Ардис-холлом широкую петлю. Ада, нагнувшись, увидела войниксов у каждой двери. Они кишели на крыльце, карабкались по всем стенам, ломали ставни на всех окнах. Ардис-холл окружал гигантский прямоугольник пламени, купол и казармы тоже горели. Ада никогда не умела хорошо прикидывать на глаз, но догадывалась, что внизу не менее тысячи войниксов. И все они стекались к усадьбе.

— Флешетты кончились! — прокричал мужчина из правой передней ниши.

Ада узнала его. Не далее как вчера Боман готовил ей завтрак.

Греоджи поднял побледневшее лицо в грязных разводах и пятнах крови.

— Придется лететь к павильону, — сказал он.

— Ардис мы потеряли.

Ада решительно замотала головой:

— Поступайте как знаете, а я остаюсь. Высадите меня вон там. — Она указала на древнюю платформу для джинкеров между мансардами и застекленным потолком.

Ей вспомнился день, когда она, еще почти девочка, карабкалась туда по лестнице и Даэман, заглянув ей под юбку, увидел, что она без трусов. Ада поступила так нарочно, зная, что́ на уме у похотливого неюного мальчишки, каким был в ту пору ее «кузен».

— Высадите меня, — повторила она.

Люди на крыше — их сгорбленные тени напоминали склонившихся горгулий — стреляли из винтовок, луков и арбалетов в кишащих внизу войниксов. С тем же успехом можно было остановить прилив, кидая в него галькой.

Соньер завис над платформой. Ада спрыгнула и приняла на руки тело рыжеволосой девушки, возможно уже мертвой. Из машины спустили Пеаэн — та стонала, не приходя в сознание. Обеих пострадавших Ада уложила на пол. Боман соскочил с диска только затем, чтобы закинуть на борт четыре тяжелых мешка флешеттных обойм, и торопливо вскарабкался обратно. Машина

беззвучно повернулась и улетела. Руки Греоджи порхали над виртуальной панелью, а лицо было так сосредоточенно, что Аде вспомнилась мать, когда та играла на фортепьяно в парадной гостиной.

Ада, пошатываясь, подошла к самому краю платформы. Голова кружилась, и она сорвалась бы, не поддержи ее кто-то в темноте. Спаситель (или спасительница) вернулся на прежнее место и вновь принялся стрелять из винтовки. Из мрака вылетел камень, темный силуэт спиной вперед упал с джинкерной платформы, скользнул по скату и канул вниз. Ада так и не узнала, кому обязана жизнью.

Теперь она стояла у края, глядя вниз отстраненно, почти безучастно, как если бы смотрела туринскую драму — что-то вульгарное и ненастоящее, развлечение на дождливый осенний вечер.

Войниксы карабкались по наружным стенам дома, лезли внутрь через разбитые ставни. Из парадного входа на кишащую тварями лестницу падал свет, и Ада поняла, что двери высадили. Это значило, что в передней не осталось ни одного живого защитника. Войниксы двигались с немыслимой скоростью насекомых. До крыши

им оставались даже не минуты — считаные мгновения. Западное крыло дома, где жила Ада, пылало, но было ясно, что войниксы доберутся до нее быстрее огня.

Ада повернулась и ощупью принялась искать среди влажных тел винтовку, которую перед падением выронил ее спаситель. Она не собиралась умирать безоружной.

36

Факсируя в Парижский Кратер, Даэман ожидал, что там будет холодно, но не настолько.

От морозного воздуха в Гардельонском факс-павильоне перехватывало дыхание. Сам факс-павильон опутывали толстые жгуты голубого льда; находящие друг на друга волокна пучками разбегались от центра, словно сухожилия, плотно оплетшие кость.

Около тринадцати часов потребовалось Даэману, чтобы посетить остальные двадцать девять узлов и предупредить их обитателей о появлении Сетебоса и голубого льда. Слухи опережали его: люди, которых предупредили раньше, беспорядочно метались по факс-узлам, и его везде встречали вопросами. Даэман рассказывал, что знал, и спешил дальше, но везде

его спрашивали одно: «Где безопасно?» Повсюду наблюдали скопления войниксов. Некоторые общины подверглись небольшим набегам, но мало где случались серьезные атаки, как накануне в Ардисе. «Куда бежать? — допытывались люди. — Где сейчас безопасно?» Даэман говорил, что знал, о Сетебосе, многоруком божестве Калибана, рассказывал про голубой лед и факсировал прочь, хотя дважды ему пришлось расчищать себе дорогу, угрожая арбалетом.

Чом в полумиле от факс-узла на холме выглядел безжизненным пузырем голубого льда. Уланбатские «Круги неба» полностью скрылись под странными голубыми волокнами, и Даэман сразу факсировал прочь, пока не закоченел. Он набрал код Парижского Кратера, не зная, что его там ждет.

Теперь он знал. Голубая стужа. Гардельонский факс-узел, погребенный под странным Сетебосовым льдом. Даэман торопливо натянул капюшон термоскина, надел осмотическую маску, но даже после этого каждый вдох обжигал легкие. Он забросил арбалет на плечо, где уже висел тяжелый рюкзак, и задумался, что делать.

Никто, даже собственная совесть, не осудил бы Даэмана, вернись он в Ардис, чтобы рассказать

об увиденном и услышанном. Работа окончена. Факс-павильон похоронен под толщей голубого льда. Самое большое отверстие из десятка заметных глазу было не больше тридцати дюймов в поперечнике и вело, изгибаясь во льду, неведомо куда. Даже если сунуться в этот лабиринт, сотворенный Сетебосом на костях погибшего города, как отыскать потом дорогу назад? Возможно, он нужен в Ардисе, и уж точно там ждут рассказа о том, что он видел в последние тринадцать часов.

Даэман вздохнул, снял рюкзак и арбалет, сел на корточки у самого большого входа — тот располагался почти над полом, — протолкнул рюкзак заряженным арбалетом и пополз по льду, даже сквозь термоскин чувствуя руками и коленями космический холод.

Ползти было сперва тяжело, потом мучительно. Ярдов через сто туннель раздвоился; Даэман выбрал левое ответвление, где было вроде немного светлее. Еще через пятьдесят ярдов коридор сделался наклонным и заметно расширился, а дальше пошел вертикально вверх.

Даэман сел (чувствуя задом холод даже через теплую одежду и термоскин) и достал из рюкзака бутылку с водой. После утомительного факсирования и разговоров с перепуганными людьми

сильно хотелось пить. В прошлые часы он позволял себе отпивать понемногу, но бутылка все еще была наполовину полной. Впрочем, это не имело значения, поскольку вода замерзла. Убрав бутылку под рубашку, поближе к молекулярному термоскину, он стал осматривать ледяную стену.

Она не была идеально гладкой, как и голубой лед вообще: он состоял из слоев, горизонтальных или косых, так что Даэман рассчитывал найти зацепки для рук и ног. Однако стена уходила вверх почти на сто футов, постепенно изгибаясь, так что продолжения шахты он не видел, но вроде бы здесь было чуть светлее.

Он вытащил из рюкзака два одинаковых ледовых молотка, которые накануне по его просьбе выковал Реман. До того как Даэман просиглировал это слово в Харманової старой книге, он вообще не знал, что такое молоток. До Падения самая мысль о таком инструменте повергла бы его в скуку. Люди не пользовались инструментами. Теперь от них зависела его жизнь.

Молотки были по четырнадцать дюймов в длину, одна сторона головки прямая и гладкая, другая — изогнутая и зазубренная. Реман помог Даэману плотно обмотать рукояти крест-накрест кожей, чтобы крепко сжимать их даже через

молекулярные перчатки. Острия заточили на лучшем шлифовальном камне Ханны.

Он встал, запрокинул голову, плотнее приладил маску, закинул на спину рюкзак, убедился, что ремень арбалета надежно держится на левом плече, а сам арбалет лежит поперек рюкзака, забил один молоток в стену и подтянулся на четыре фута. Туннель был немногим шире трубы главного камина в Ардисе; Даэман уперся ногой в противоположную стену, чтобы чуть-чуть передохнуть, потом забил второй молоток так высоко, как мог дотянуться, и повис на нем, опираясь на первый. «В следующий раз, — подумал он, — надо будет снабдить ботинки шипами».

Тяжело дыша и смеясь над мыслью, что когда-нибудь это повторит, выдыхая через осмотическую маску морозный пар, рискуя каждый миг сорваться под тяжестью рюкзака, Даэман прорубал очередную зацепку, подтягивался, втискивал носок ботинка, забивал правый молоток выше, подтягивался, вырубал зацепку левой. Одолев еще двадцать футов, он повис на двух вбитых в лед молотках и, откинувшись назад, посмотрел вперед. «Пока неплохо, — подумал он. — Еще десять-пятнадцать раз подтянуться, и я доберусь до изгиба в ста футах надо мной». Другая часть

сознания нашептывала: «И обнаружу тупик». А еще более мрачная часть сознания говорила: «Или ты сорвешься и погибнешь». Даэман тряхнул головой, прогоняя голоса. Руки-ноги дрожали от напряжения и усталости. Для следующей остановки надо бы прорубить опору поглубже, так будет удобнее. На случай спуска по ледяному камину в рюкзаке лежала веревка. Скоро он узнает, достаточно ли длинный моток захватил.

За ледяным камином туннель футов шестьдесят шел горизонтально, затем еще дважды раздвоился и наконец вывел в широкий каньон на поверхности льда. Даэман дрожащими руками убрал молотки в рюкзак и снял со спины арбалет. У выхода в трещину он глянул вверх, увидел яркий солнечный свет и голубое небо. Расщелина тянулась вправо и влево, слоистый пол местами нырял футов на тридцать-сорок, между стенами, заросшими сталактитами и сталагмитами, перекинулись ледяные мосты. Из голубого льда тут и там торчали части зданий; Даэман видел куски кладки, рамы без стекол и заиндевевшие окна, бамбуковые башенки и бакиволоконные дополнения к постройкам Потерянной Эпохи — лед сковал все без разбора. Даэман понял, что вышел на улицу Рамбуйе неподалеку от Гарде-

льонского факс-узла, только в шести этажах над улицей, по которой всю жизнь гулял или ездил в запряженных войниксами дрожках.

Впереди, на северо-западе, дно трещины медленно понижалось почти до прежнего уровня улицы. Даэман дважды падал на скользком склоне, но он заранее вынул из рюкзака один молоток, так что оба раза успевал вбить в лед острый железный клюв и не скатиться дальше.

Солнце по-прежнему светило, воздух все так же обжигал легкие. Идя по дну двухсотфутового ущелья со стенами из бесчисленных волокон того, в чем он все больше подозревал живую ткань, Даэман увидел вторую трещину — она пересекала первую по диагонали — и сразу признал авеню Домениль. Он хорошо знал эти места, где играл ребенком, в юности соблазнял девиц, а в более зрелом возрасте гулял с матерью.

Если пойти по второй трещине вправо, на юго-восток, то расщелина уведет его от городского центра в сторону Венсенского леса. Однако он не хотел уходить от центра Парижского Кратера, поскольку Дыра возникла на северо-западе, неподалеку от дома его матери. Значит, следовало идти по трещине авеню Домениль в сторону бам-

букового рынка под названием Опербастель[31] прямо напротив заросших развалин, именуемых Бастилией. В детстве Даэман и другие ребята из его дома кидали камни и комья земли в мальчишек с запада, которых по неведомой ни им, ни взрослым причине обзывали «радиоактивными бастилятами».

В направлении Опербастеля лед казался более толстым и зловещим, но выбирать не приходилось. В первый раз Даэман заметил Сетебоса именно в той стороне.

Перед пересечением с более глубокой авеню Домениль трещина сворачивала к востоку. Даэман решил не тратить время на спуск, а перебраться по ледяному мосту. Внизу он видел бамбуковые и эверпластовые развалины улиц и авеню, которые знал всю жизнь, однако трещина уходила еще ниже, вскрывая слои железного и каменного города под знакомым ему Парижским Кратером. Даэману представилась ужасная картина: розовато-серый мозг роет землю бесчисленными руками, раскапывая кости города под городом. Что он там искал? И тут же в голову пришла еще

---

[31] Примечания: 31

...в сторону бамбукового рынка под названием Опербастель... — Современная Опера Бастилии (Opéra Bastille) — оперный театр в Париже на площади Бастилии, между Рю-де-Лион и Рю-де-Шарантон.

более жуткая мысль: что он там зарыл?

На уровне улицы голубые жгуты и сталагмиты росли так часто, что идти по самой авеню Домениль было невозможно, но, к удивлению Даэмана, параллельно ей тянулась полоска зеленой травы. Он загнал в лед согнутую арбалетную стрелу, перекинул через нее веревку и аккуратно спустился на тридцать футов вниз, зная, что перелом ноги будет стоить ему жизни. Футах в десяти от земли из стены выдавался карниз. Даэман откачнулся и заскользил по веревке к невероятной зеленой полосе.

В темноте под карнизом ждала дюжина войниксов.

От неожиданности Даэман выпустил веревку, чтобы сорвать с плеча арбалет. Он упал с высоты четырех футов, поскользнулся на траве и покатился, так и не успев его достать. Теперь он лежал на спине, безоружный, и видел воздетые стальные руки, острые лезвия и панцири войниксов, застывших в восьми футах от него.

Заледеневших. Все двенадцать тварей почти целиком были во льду, наружу торчали части лезвий, ног, панцирей. Ни один не опирался на землю полностью: лед сковал их на бегу или в прыжке. Войниксы очень проворны. Как голубой

лед мог возникнуть так быстро?

Даэман не знал ответа, но радовался, что так произошло. Кое-как поднявшись (бок и спина отозвались болью там, куда при падении подвернулись угловатый рюкзак и арбалет), он стянул веревку вниз. Можно было не забирать ее: в запасе оставалось еще сто футов, и он не исключал, что на обратном пути придется спешить, — в таком случае лучше залезть по веревке, чем взбираться на ледяную стену, вырубая ступени молотком. Однако Даэман подозревал, что до конца дня ему потребуется вся веревка. Идя на северо-запад параллельно авеню Домениль по тому, что именовал про себя Променад Планте[32] (хотя знакомый бамбуковый переход нависал сейчас в шестидесяти футах над головой, оплетенный голубым льдом), Даэман снял со спины арбалет, убедился, что оружие взведено, и двинулся дальше по невероятной здесь зеленой траве к сердцу Парижского Кратера.

Все в Парижском Кратере называли мост наверху Променад Планте. То было одно из редких старинных названий, предшествовавших все-

[32] Примечания: 32

Идя на северо-запад параллельно авеню Домениль по тому, что именовал про себя Променад Планте... — Променад Планте — парковая аллея длиной 4,5 км, устроенная на железнодорожном виадуке XIX в.

мирному языку, и никто на памяти Даэмана не спросил, что оно значит. Теперь, идя по зеленой дорожке по все более глубокому и темному каньону среди голубого льда и обнажившихся развалин, Даэман гадал, не назвали ли знакомый ему с детства переход в честь этой древней, забытой дороги, таившейся под городом века, пока Сетебос зачем-то не раскопал ее своими бесчисленными руками.

Даэман шагал осторожно, чувствуя нарастающую тревогу. Он сам не знал, что рассчитывает найти. Главной целью было получше разглядеть Сетебоса, если это вообще Сетебос, и, возможно, рассказать всем в Ардис-холле, что происходит с городом после вторжения. Однако сейчас, когда он видел то, что вмерзло в органический лед по обе стороны Променада, — еще полдюжины войниксов, груды человеческих черепов, развалины, столетиями не видевшие солнечного света, — ладони у него вспотели, а во рту пересохло.

Даэман пожалел, что не взял пистолет или винтовку из привезенных Петиром. Он отчетливо помнил, как Сейви выпустила в Калибана тучу флешетт при почти нулевой гравитации в подземной пещере на орбитальном острове Просперо. Она не убила чудовище; Калибан исте-

кал кровью, ревел от боли, но все равно схватил Сейви длинными руками, перекусил ей горло и уволок тело в лабиринт канализационных труб и затопленных туннелей.

«Я пришел сюда, чтобы найти Калибана», — впервые осознал Даэман.

Калибан — его враг, его немезида. Это слово Даэман узнал всего месяц назад и сразу же понял, что в его жизни оно относится только к Калибану. И после того как он пытался убить существо, а потом бросил его умирать, направив на остров орбитальную машину с черной дырой, логично было бы предположить, что и Калибан считает Даэмана своей немезидой.

Даэман надеялся на это, хотя при мысли о новой схватке с Калибаном во рту совсем пересохло, а ладони взмокли еще сильнее. Потом он вспомнил, как держал в руках мамин череп, вспомнил пирамиду из черепов — на такое глумливое оскорбление был способен только Калибан, сын Сикораксы, творение Просперо, поклонник божества произвола и деспотической власти, Сетебоса, — и двинулся дальше, держа наготове арбалет, с двумя пусть жалкими, но все же острыми шипастыми металлическими стрелами.

Он шел в тени другого карниза, больше преды-

дущего, когда увидел вмерзшие в голубой лед фигуры. То были не войниксы, а вроде как люди, великаны с мощной мускулатурой, сероватосизой кожей и пустыми, обращенными внутрь глазами.

Даэман поднял арбалет и оцепенел на тридцать секунд, прежде чем осознал, что перед ним.

Статуи. Подобия человека, сделанные из камня или иного материала. Даэман узнал это слово от Ханны. В Парижском Кратере никаких «статуй» не было, как и во всем мире факсов, где прошла его молодость. Впервые он увидел их в Золотых Воротах около десяти месяцев назад. Сооружение, по крайней мере обвивавшие его зеленые пузыри, было скорее музеем, чем мостом, но только Ханна, которая всегда интересовалась работой с металлом, смогла объяснить, что металлические фигуры — это «статуи», произведения искусства. Сама мысль тогда показалась ему дикой. Очевидно, «статуи» создавались с единственной целью — радовать глаз. Даже сейчас Даэман невольно улыбнулся, вспомнив, как они считали Одиссея музейной статуей, пока тот не шевельнулся и не заговорил.

Эти статуи не двигались. Даэман подошел ближе и опустил арбалет.

Огромные, больше чем в два человеческих роста, они словно тянулись к нему, поскольку украшенное ими древнее здание накренилось вперед. Все статуи из серого бетона были одинаковые — безбородый мужчина с кудрями вокруг того, что изображало волосы, голые, не считая короткой задранной майки. Поднятая левая рука касалась затылка, правая, согнутая в локте и запястье, лежала на голом животе, под грудью, сдвигая бетонные складки майки. Левой ноги видно не было, правая уходила в фасад — во что-то вроде полки над рядом небольших окон, рассекающей ряд одинаковых статуй примерно на уровне бедра.

Даэман шагнул вперед. Глаза начинали свыкаться с полумраком под карнизом голубого льда. Голова мужчины — вернее, статуи — была наклонена вбок, так что серая щека почти касалась серого плеча. Выражение бетонного лица — закрытые губы, напоминающие изогнутый кверху лук, — озадачило Даэмана. Агония? Оргазм? То и другое сразу? А может, более сложное чувство, известное людям Потерянной Эпохи, но утраченное с тех пор?.. Череда одинаковых фигур, выступающих из развалин и голубого льда, показалась Даэману рядом жеманных мужчин, раздеваю-

щихся в танце перед невидимыми зрителями. Что это за постройка? Зачем она понадобилась Древним? К чему эти украшения?

Рядом на фасаде были буквы. После нескольких месяцев сиглирования Даэман не мог ошибиться: это и впрямь были буквы.

М НУНЬЕС
ЯНОВСКИЙ[33]
1991

Читать Даэман так и не научился, но по привычке приложил обтянутую термоскином руку к холодному камню и вообразил пять синих треугольников в ряд. Никакого результата. Он рассмеялся над собой. Нельзя сиглировать камень, только книги, да и то не все. Да и действует ли новая функция сквозь молекулярный термоскин? Этого было не проверить.

Впрочем, цифры Даэман знал. Один-девять-девять-один. У факс-узлов таких больших номеров не бывает. Может, это какое-то объяснение статуй? Или некая древняя попытка закрепить их во времени, как человеческое подобие закреплено в

---

[33] Примечания: 33

М НУНЬЕС ЯНОВСКИЙ. — Мануэль Нуньес-Яновский (р. 1942) — испанский архитектор-урбанист. Даэман видит один из самых знаменитых его проектов — здание центрального комиссариата 12-го округа Парижа. Здание украшают исполинские атланты — копии «Умирающего раба» Микеланджело.

камне?*Как обозначают время цифрами?* Даэман на мгновение попытался вообразить, что один-девять-девять-один — это число лет… число лет с правления какого-нибудь древнего царя вроде Агамемнона или Приама из туринской драмы. А может, таким образом творец статуй провозглашал свою личность. Может ли быть, что люди Потерянной Эпохи назывались цифрами вместо имен?

Даэман тряхнул головой и вышел из голубого ледяного грота. Хватит терять время. К тому же это все: и здания, и «статуи», которым следовало оставаться погребенными, мысли о людях, не похожих на всех, кого он знал, о том, что кто-то мог обозначать себя цифрами, — выбивало из колеи так же, как воспоминания о Сетебосе, лезущем в Дыру, — раздутом бестелесном мозге на семенящих крысах.

Даэман рассчитывал найти Калибана и Сетебоса (или позволить им найти себя) в куполе-соборе.

Разумеется, собор был не настоящий. Само это слово Даэман узнал несколько месяцев назад, сиглируя Харманову книгу, из которой почерпнул уйму новых слов, не поняв почти ничего. Однако внутренность огромного купола очень

напоминала то, каким Даэман представлял себе собор. Однако, безусловно, в городе, называемом теперь Парижским Кратером, таких соборов никогда не было.

Уже стемнело. В последнем свете дня Даэман прошел зеленой дорожкой Променад Планте, вдоль каньона авеню Домениль и уперся в ледяной массив, в котором угадал Опербастель. Хотя расщелина сомкнулась над головой, он продолжил путь по туннелю, который вроде бы вел по Рудольону к перекрестку под названием Бастилия. Отсюда другие туннели и узкие открытые трещины — в одной он смог, расставив руки, дотронуться сразу до обеих стен — уводили налево, в сторону Сены.

На жизни Даэмана и в течение ста человеческих сроков по Пять Двадцаток дно пересохшей реки было вымощено человеческими черепами. Никто не знал, отчего здесь черепа, только что они были всегда, похожие на бурые и белые булыжники с мостов, по которым проезжаешься на дрожках, в ландо или одноколках. Никто из Даэмановых знакомых не задавался вопросом, куда делась вода из реки, ибо старое русло рассекал посередине сам кратер. Теперь черепов заметно прибавилось за счет свежих — они покрывали

стены ущелья, по которому Даэман шел к острову Сите и восточному краю кратера.

Согласно малочисленным легендам, которые сохранились в культуре, лишенной истории, устной или какой-нибудь другой, кратер появился две тысячи лет назад, когда постлюди утратили контроль над крохотной черной дырой, созданной для демонстрации в месте под названием Институт Франции. Дыра несколько раз прошла через центр Земли, но оставила на ее поверхности лишь одно отверстие — между факс-узлом Инвалидного отеля и Гардельонским узлом. Легенды утверждали, будто на северном краю нынешнего кратера стояло тогда огромное здание — иногда его называли Лув, иногда Лавр — и дыра засосала его в центр Земли вместе с кучей «искусства» людей старого образца. Из «искусства» Даэман видел только несколько «статуй». Если все оно было таким же дурацким, как танцующие голые мужики в ущелье авеню Домениль, то утрата Лува была, на его взгляд, небольшой потерей.

Из открытой расселины, ведущей к острову Сен-Луи и острову Сите, ничего видно не было, и Даэман почти час взбирался по стене: вырубал ступени, загонял в лед тяжелые крюки, перекидывал через них веревку, часто повисал на одном

или двух ледовых молотках, дожидаясь, когда пот скатится с глаз, а сердце перестанет биться так часто. Одно хорошее было в этом невероятно трудном подъеме — Даэман больше не мерз.

Он выбрался на гребень голубого льда прямо над тем местом, где раньше был западный конец острова Сите. Лед здесь был толщиной футов сто, и Даэман ожидал увидеть на западе за кратером хотя бы верхушки привычных ему зданий — высокие бамбуковые башни по краю самого кратера, в том числе мамину, а дальше на западе — тысячефутовую*La putain enorme*[34], гигантскую обнаженную женщину из железа и полимера. «Статую, — подумал он сейчас. — Просто большую статую, но я и слова такого не знал».

Ничего этого не было. Прямо перед ним, на западе, колоссальный купол органического голубого льда вставал самое меньшее на две тысячи футов над уровнем прежнего города. Лишь углы, тени да кое-где выступающая изо льда терраса напоминали о некогда величественных башнях, окружавших кратер. Ни комплекса, где жила мать. Ни*putain* дальше на западе. За огромным голубым куполом, который загораживал и погло-

[34] Примечания: 34
Исполинская блудница*(фр.).*

щал последние вечерние лучи, все за кратером превратилось в скопление воздушных замков, летучих арок и сталагмитов высотой в сто этажей и больше. Между парящими башнями висели нити голубого льда, хрупкие с виду, но, как сообразил Даэман, шире прежних авеню. Все блестело в закатных отблесках, и казалось, искорки света движутся в башнях, паутине и самом куполе.

— Господи Исусе, — прошептал Даэман.

Как ни сжималось у него внутри от вида сияющих ледяных башен, встающих на шестьдесят, восемьдесят и сто этажей над ледяной шапкой на месте старого города, купол выглядел еще более впечатляющим.

Не менее двухсот этажей в высоту (Даэман прикинул на глаз, посмотрев на старые постройки по краю купола), он тянулся больше чем на две мили в диаметре, от острова Сите на юге и до громадной свалки, которую мать называла Люксембургским садом, далеко на севере, за зеленой полосой, именуемой бульваром Осман, накрывая башню у вокзала Сен-Лазар, где жил раньше последний мамин любовник, и доходя почти до Марсова поля, где стояла, расставив ноги,*putain*, видимая из любой точки города. Только не сегодня. Купол закрывал даже тысячефутовую женщину.

«Если бы я факсировал в Инвалидный отель, я бы оказался внутри купола».

Сердце заколотилось сильнее, чем при подъеме по ледяной стене, но тут ему пришли одна за другой две еще более жуткие мысли.

Первая: «Сетебос воздвиг купол над кратером». Это было невозможно, однако приходилось поверить. Более того, теперь, когда отблески заката на башнях и куполе начали угасать, Даэман различил пробивающееся сквозь лед красное мерцание, которое могло исходить только от кратера.

Вторая: «Мне надо идти туда».

Если Сетебос еще в Парижском Кратере, он поджидает именно там. И если Калибан до сих пор в городе, он тоже под куполом.

Дрожащими руками (от холода, убеждал он себя) Даэман затянул веревку на бамбуковых перилах, торчащих из голубого льда, и спустился обратно в трещину.

Внизу уже стемнело — глядя вверх, он видел звезды в сумеречном небе, — и в сторону острова Сите вели только узкие туннели, черневшие во льду, подобно глазам. А в них было еще темнее.

Даэман выбрал туннель на уровне своей груди и пополз, чувствуя руками и коленями еще более

обжигающий холод. Если бы не термоскин, он не протянул бы здесь и двух минут. Лишь благодаря осмотической маске дыхание не замерзало у него в горле.

Держа перед собою заряженный арбалет и задевая рюкзаком за наклонный потолок, Даэман полз к багровому зареву в куполе-соборе впереди.

37

Хокенберри приходит в астрогационный пузырь для встречи с Одиссеем, ожидая брани, а то и побоев, однако в итоге они вместе напиваются в стельку.

Почти неделю Хокенберри набирался мужества, чтобы встретиться с единственным человеком на корабле. За это время «Королева Маб» достигла точки разворота, и моравеки предупредили, что впереди сутки невесомости, прежде чем судно повернется к Земле кормой, бомбы снова начнут взрываться и на время торможения вернется сила тяжести 1,28 от земной. И Манмут, и Астиг/Че заходили убедиться, что его каюта приспособлена к невесомости: все углы обиты мягким, все предметы закреплены, тапочки и коврики на липучках на месте. Однако никто не преду-

предил Хокенберри, что самая частая реакция на невесомость — морская болезнь.

Хокенберри выворачивает. Раз за разом. Внутреннее ухо твердит, что он падает, а горизонта, чтобы зацепиться взглядом, разумеется, нет — у него каюта без иллюминаторов. Удобства в санузле рассчитаны на 1,28 *g*, и Хокенберри скоро научается пользоваться бортовыми пакетами, которые Манмут приносит пачками, как только пассажир объявляет, что ему опять худо.

Однако шести часов рвоты вполне достаточно, и ученому становится легче. Ему даже нравится отталкиваться от обитых мягким стен и плыть от привинченной к полу кровати до закрепленного письменного стола. Хокенберри просит разрешения покинуть каюту, немедленно его получает и в свое удовольствие парит по длинным коридорам, отталкивается ногами от широких трапов, таких нелепых в этом поистине трехмерном мире, перебирает руками по скобам восхитительно архаического машинного отделения. Манмут повсюду сопровождает человека, следя, чтобы тот по неосторожности не ухватился за важный рычаг и не забыл, что отсутствие веса у предметов не означает отсутствия массы.

Когда Хокенберри говорит, что хочет навестить

Одиссея, Манмут объясняет, что грек в носовом астрогационном пузыре, и ведет Хокенберри туда. Хокенберри понимает, что моравека надо бы отослать — лучше принести извинения и, возможно, подвергнуться побоям без свидетелей, — но, видимо, трусливая природа ученого берет верх, и он позволяет Манмуту следовать за собой. Уж точно моравек не даст Одиссею разорвать его в клочки, даже если тот имеет на это полное моральное право.

Астрогационный пузырь — это круглый стол в океане звезд. К столу присоединены три стула. За один, просунув босые ноги между перекладин, зацепился Одиссей. Когда «Королева Маб» поворачивает (в последние сутки это происходит часто), звезды проносятся с такой быстротой, что еще несколько часов назад Хокенберри побежал бы на поиски бортовых пакетов, но сейчас его это ничуть не смущает, как будто он с детства существовал в свободном падении. С Одиссеем, по-видимому, творится то же самое, ибо ахеец опустошил три винных калебаса из девяти или десяти, привязанных к столу длинными шнурами. Одиссей щелчком отсылает один гостю. Несмотря на пустой желудок, Хокенберри не может отвергнуть жест примирения. К тому же

вино отменное.

— Артефактоиды ферментируют его и выдерживают где-то на своем безбожном корабле, — говорит Одиссей. — Пей, человеческий артефакт. Присоединяйся к нам, моравек.

Последние слова он обращает к Манмуту, который занял один из стульев, но от вина отказывается, мотнув металлической головой.

Хокенберри просит прощения за то, что обманом заманил Одиссея к шершню, чтобы моравеки его похитили. Грек только отмахивается:

— Думал я тебя убить, сын Дуэйна, да только зачем? Очевидно, боги судили мне отправиться в это долгое путешествие. Кто я, чтобы противиться их воле?

— Ты по-прежнему веришь в богов? — спрашивает Хокенберри, отпивая большой глоток крепкого вина. — Даже после войны с ними?

Бородатый стратег мрачнеет, затем улыбается и почесывает щеку.

— Иногда, Хокенберри, сын Дуэйна, трудно верить в друзей, но в своих врагов надо верить всегда. Особенно если тебе выпала привилегия числить врагами богов.

Проходит минута. Собеседники молча пьют. Корабль снова вращается. Солнечный свет на

мгновение затмевает звезды и тут же гаснет, когда корабль поворачивается в собственную тень. Звезды загораются вновь.

От крепкого вина по телу разливается приятное тепло. Хокенберри по-настоящему хорошо; он прикладывает руку к груди, касаясь не только квит-медальона, но и тонкого рассасывающегося шрама под рубашкой, — и вдруг осознает, что впервые за десять лет жизни среди греков и троянцев пьет и болтает по душам с одним из серьезных героев и главных персонажей «Илиады». Странно, особенно если вспомнить, сколько лет он преподавал эту историю в университете.

Какое-то время двое мужчин толкуют о событиях, свидетелями которых стали незадолго до вылета: о захлопнувшейся Дыре между мирами, о бое между амазонками и людьми Ахиллеса. Одиссей удивлен, что Хокенберри так много знает о Пентесилее и амазонках, а Хокенберри не считает нужным объяснить, что читал про них у Вергилия. Собеседники вслух размышляют, как скоро возобновится настоящая война и смогут ли ахейцы с аргивянами под предводительством вернувшегося к власти Агамемнона разрушить стены Илиона.

— У Агамемнона есть грубая сила, которой,

возможно, хватит, — говорит Одиссей, глядя на вращающиеся звезды. — Но если он не сможет взять числом, сомневаюсь, что ему достанет хитроумия.

— Хитроумия? — повторяет Хокенберри.

Он так часто общается на древнегреческом, что редко задумывается над словами. А теперь вот задумывается. Употребленное Одиссеем слово*долос*[35] можно толковать и как одобрение, и как осуждение.

Одиссей кивает:

— Агамемнон есть Агамемнон. Всем известно, на что он способен, и большего ждать не приходится. А вот я, Одиссей, известен всяческим хитроумием.

Хокенберри вновь слышит слово*долос* и понимает, что Одиссей бахвалится теми самыми предусмотрительностью и коварством, из-за которых Ахиллес сказал о нем (Хокенберри слышал это своими ушами во время посольства к Ахиллесу месяцы назад): «Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада, кто на душе сокрывает одно, говорит же другое…»

Той ночью Одиссей наверняка понял, что

---

[35] Примечания: 35
Обман, хитрость*(др. — греч.).*

Ахиллес хочет его оскорбить, но предпочел не оскорбляться. Теперь, после четырех калебасов вина, сын Лаэрта выказывает гордость своим хитроумием. Хокенберри не в первый раз задается вопросом: возьмут ли данайцы Трою без Одиссеева деревянного коня? Он думает о многослойности слова *долос* и невольно улыбается.

— Над чем ты скалишься, сын Дуэйна? Я сказал что-то смешное?

— Нет-нет, достославный Одиссей. Просто я вдруг подумал об Ахиллесе… — Хокенберри умолкает, боясь рассердить собеседника.

— Я видел его вчера во сне. — Одиссей легко поворачивается в воздухе, чтобы оглядеть почти сферический звездный купол; астрогационный пузырь обоими концами выходит на внутреннее пространство «Королевы Маб», однако металл и пластик по большей части отражают звездный свет. — Мне снилось, что я говорил с Ахиллесом в Аиде.

— Так сын Пелея умер? — спрашивает Хокенберри, открывая новый калебас.

Одиссей пожимает плечами:

— Это был просто сон. Сны не признают рубежей времени. Не знаю, дышит сейчас Ахиллес воздухом живых или уже скитается среди теней,

но так или иначе однажды Аид станет ему домом, как и всем нам.

— А, — говорит Хокенберри. — И что Ахиллес сказал тебе во сне?

Одиссей вновь смотрит на схолиаста темными глазами:

— Он спрашивал о своем сыне Неоптолеме, стал ли тот героем под стенами Трои.

— И что ты ответил?

— Что ничего об этом не знаю. Что судьба увлекла меня от стен Илиона прежде, чем Неоптолем появился на поле брани. Пелида мой ответ не устроил.

Хокенберри кивает. Ему хорошо знакомо упрямство Ахиллеса.

— Я постарался утешить Ахиллеса, — продолжает Одиссей. — Говорил, что аргивяне чтут его как бога и что живые будут вечно петь о его подвигах и отваге, но Ахиллес не захотел слушать.

— Правда?

Вино оказалось не просто хорошим, а превосходным. Тепло растекается в животе, и Хокенберри кажется, будто он парит еще свободнее, чем просто в невесомости.

— Ага. Он велел мне засунуть эти песни в задницу.

Хокенберри давится смехом, изо рта вылетают пузырьки и бусины красного вина. Он пытается отогнать их, но красные шарики лопаются, оставляя на пальцах липкие пятна.

Одиссей не отрывает задумчивого взора от звезд.

— Призрак Ахиллеса сказал мне вчера ночью, что предпочел бы за ничтожную плату вечно батрачить на безнадельного бедняка и по десять часов на дню пялиться в зад неповоротливому волу, натирая мозоли не рукоятью меча, но грубой сохой, нежели быть первым героем Аида или даже царем бездыханных теней. Ахиллесу не нравится быть мертвым.

— Да уж, — хмыкает Хокенберри. — Могу представить.

Одиссей выписывает сложный пируэт, хватается за спинку стула и смотрит на схолиаста:

— Я никогда не видел тебя в бою, Хокенберри. Ты сражаешься?

— Нет.

Одиссей кивает:

— Вот это умно. Это мудро. Предки твои, должно быть, были сплошь философами.

— Отец у меня воевал, — говорит Хокенберри, удивляясь нахлынувшим воспоминаниям. За

долгие десять лет второй жизни он ни разу не вспоминал об отце.

— А где? — спрашивает Одиссей. — Назови место битвы. Возможно, мы встречались.

— Окинава, — произносит Хокенберри.

— Не слыхал о таком сражении.

— Отец остался в живых, — говорит Хокенберри, чувствуя, как у него перехватывает горло. — Он был очень молод. Девятнадцать лет. Служил в морской пехоте. В том же году он вернулся домой, а я родился тремя годами позже. Отец никогда не распространялся на эту тему.

— Никогда? Не хвастал подвигами, не описывал сыну сражения? — недоверчиво переспрашивает Одиссей. — Немудрено, что ты вырос философом, а не воином.

— Он вообще не упоминал о тех событиях, — говорит Хокенберри. — Я только и знал, что он был на войне, а про Окинаву узнал годы спустя, когда прочел письменные благодарности его командира, лейтенанта немногим старше отца. Письма и медали я нашел в отцовском солдатском чемодане. После его смерти. Тогда я как раз получал степень доктора филологии, так что применил навыки научного исследования, чтобы больше узнать о битве, за которую отец получил

«Пурпурное сердце» и «Серебряную звезду».

Ахеец не спрашивает, что это за награды. Спрашивает он другое:

— Достойно ли твой отец показал себя на поле брани, сын Дуэйна?

— Думаю, да. Двадцатого мая тысяча девятьсот сорок пятого года он дважды был ранен в бою за место под названием Шугар-Лоаф-Хилл на острове Окинава.

— Не знаю такого острова.

— Неудивительно, — говорит Хокенберри. — Это очень далеко от Итаки.

— И много людей участвовало в сражении?

— На стороне отца — сто восемьдесят три тысячи человек. — Теперь и Хокенберри глядит на звезды. — Его армию доставили к Окинаве более тысячи шестисот кораблей. Их ждало стодесятитысячное вражеское войско, окопавшееся в скалах, в пещерах и среди кораллов.

— Там не было города, который можно осадить? — С начала разговора в глазах Одиссея впервые появляется интерес.

— Настоящего города? Нет, — отвечает Хокенберри. — Это была всего лишь одна битва в большой войне. Противник хотел убить наших людей, чтобы они не вторглись на его остров.

Наши в итоге принялись убивать неприятелей всеми доступными средствами: заливали пещеры огнем, погребая врагов заживо. Товарищи моего отца убили более ста тысяч из ста десяти тысяч японцев на острове. — Хокенберри отхлебывает вина. — Тогда нашими противниками были японцы.

— Блестящая победа, — говорит Одиссей.

Хокенберри издает неопределенный звук.

— Числа, которые ты называл, — людей, кораблей — напомнили мне нашу осаду Трои.

— Да, очень похоже, — соглашается Хокенберри. — И жестокостью схваток тоже. Рукопашные, днем и ночью, под дождем и в грязи…

— Твой отец вернулся с богатой добычей? Золота привез, рабынь?

— Он привез самурайский меч — меч, принадлежавший вражескому офицеру, — но убрал в чемодан и мне не показывал.

— Многие ли товарищи твоего отца сошли в Аид?

— Американцев, если считать сражавшихся и на море, и на суше, погибло двенадцать тысяч пятьсот двадцать, — говорит Хокенберри; ум ученого и сердце сына без труда извлекают из памяти числа. — Раненых с нашей стороны было

тридцать три тысячи шестьсот тридцать один. Противник, как я уже сказал, потерял более ста тысяч убитыми, многие тысячи были похоронены заживо или сгорели в пещерах и норах, где они окопались для боя.

— У стен Илиона пало более двадцати тысяч ахейцев, — говорит Одиссей. — Троянцы сожгли на погребальных кострах по меньшей мере столько же своих.

— Да. — Губы Хокенберри трогает слабая улыбка. — Но это за десять лет. А битва на Окинаве длилась три месяца.

Наступает молчание. «Королева Маб» поворачивается вокруг своей оси, величественно и грациозно, словно некое исполинское морское животное перекатывается в волнах. На мгновение их заливает ослепительным светом, так что оба человека прикрывают глаза ладонями, потом возвращаются звезды.

— Странно, что я не слышал об этой войне, — говорит Одиссей, передавая схолиасту новый калебас. — И все-таки ты должен гордиться своим отцом, сын Дуэйна. Ваш народ наверняка почитает победителей в той битве как богов. Песни о них будут звучать столетиями. Внуки и правнуки тех, кто бился там и сложил голову, не

забудут имена героев, аэды воспоют подробности каждого поединка.

— Вообще-то… — Хокенберри отпивает большой глоток, — почти никто из моих сограждан не помнит о той битве.

Ты слушаешь? — передает Манмут по фокусированному лучу.

Да.

Орфу с Ио сейчас на внешней обшивке «Королевы Маб» — в те двадцать четыре часа, что корабль движется без ускорения, он вместе с другими высоковакуумными моравеками разыскивает и устраняет мелкие повреждения от микрометеоритов, солнечных вспышек и детонации бомб за кормой. На корпусе можно работать и при разгоне либо торможении — за последние две недели Орфу успел побывать снаружи несколько раз (для этой цели на обшивке есть переходные мостики и трапы), — но иониец говорит, что ему больше нравится работать в невесомости, чем ползать по разгоняющемуся стоэтажному дому при полном ощущении, что корма и тяговая плита*внизу*.

Мне кажется, Хокенберри здорово набрался, замечает Орфу.

Думаю, так и есть, отвечает Манмут. *Вино*

довольно крепкое. По распоряжению Астига/Че его воспроизвели на основе образца из амфоры, позаимствованной в подвалах Гектора. Хокенберри годами пил с троянцами и греками красное мидийское вино похуже, но почти наверняка умеренно: греки наливают в кубки больше воды, чем вина. Иногда они добавляют морскую воду или ароматизатор вроде смирны.

Вот это *я называю варварством,* рокочет иониец.

Так или иначе, передает Манмут, *Хокенберри не ел с тех пор, как у него началась космическая болезнь, а пить на голодный желудок — не лучший способ сохранить голову трезвой.*

Похоже, вечером нас ожидает новый приступ космической болезни.

Если что, сам понесешь ему пакеты, теперь твоя очередь. С меня хватит.

Черт, я бы с удовольствием, говорит Орфу, *да только, боюсь, коридоры в людском пассажирском отсеке для меня тесноваты.*

Погоди, перебивает его Манмут. *Лучше послушай.*

— Ты любишь игры, сын Дуэйна?

— Игры? — переспрашивает Хокенберри. — Какие игры?

— Те, которые устраивают на праздниках и похоронах, — говорит Одиссей. — Такие, какие были бы на погребении Патрокла, если бы Ахиллес согласился признать любимого друга мертвым и позволил нам провести обряд как положено.

Помолчав с минуту, Хокенберри наконец произносит:

— Диски, копья и все в таком роде? Ты об этом?

— Ага, — говорит Одиссей. — И гонки на колесницах, состязания в беге, борьба и кулачный бой.

— Я видел ваши кулачные бои на берегу, перед черными кораблями, — говорит Хокенберри; язык у него заплетается лишь самую малость. — Бойцы дрались, обмотав руки ремнями сыромятной воловьей кожи.

Одиссей смеется:

— А чем же еще, сын Дуэйна? Прикажешь им привязывать на руки большие мягкие подушки?

Хокенберри пропускает вопрос мимо ушей.

— Прошлым летом у вас в лагере Эпей на моих глазах измолотил до крови дюжину человек, переломал им ребра и сломал челюсти. Он принимал каждый вызов, боролся чуть ли не до полудня и закончил уже после восхода месяца.

Одиссей ухмыляется:

— Я помню те состязания. Соперников было не счесть, но сын Панопея превзошел искусством лучших.

— Двое умерли.

Одиссей пожимает плечами и отпивает еще вина.

— Эвриала, сына Мекестия, третьего вождя аргосцев, готовил к бою Диомед — заставлял бегать каждое утро перед восходом и укреплять кулаки ударами о туши только что забитых волов. Однако Эпей вырубил его всего за двенадцать подходов. Диомеду пришлось вытаскивать своего бойца из круга, и ноги бедного Эвриала оставляли борозды на песке. Впрочем, он выжил и еще поборется. И в следующий раз не будет считать ворон, осел.

— «Грязная штука этот бокс, — цитирует Хокенберри. — Стоит задержаться в нем подольше, и вот уже на ваших плечах не голова, а концертный зал, где беспрестанно играют китайскую музыку».

Одиссей хохочет:

— Забавно. Кто это сказал?

— Мудрец по имени Джимми Кэннон[36].

— Но что такое китайская музыка? — все еще посмеиваясь, спрашивает Одиссей. — И что такое концертный зал?

— Проехали, — отвечает Хокенберри. — А знаешь, я не припомню, чтобы ваш лучший борец, Эпей, хоть раз отличился в*аристейе* — единоборстве ради славы.

— Да, верно, — соглашается Одиссей. — Эпей и сам признает себя не великим воином. Иногда отваги, которая нужна для кулачного боя, не хватает на то, чтобы копьем пропороть врагу живот, а затем выдернуть наконечник, выпустив кишки на землю, как требуху.

— Но ты на это способен, — ровным голосом произносит Хокенберри.

— О да, — смеется Одиссей. — Такова воля богов. Я из поколения ахейцев, которому Зевс судил от юных лет до седин вести жестокие войны, пока не ляжем костьми все до единого.

А наш Одиссей — тот еще оптимист, комментирует Орфу.

Реалист, поправляет его Манмут по фокусиро-

---

[36] Примечания: 36

Мудрец по имени Джимми Кэннон. — Джеймс Кэннон (1909–1973) — прославленный американский спортивный журналист, которому принадлежит немало афоризмов о боксе.

ванному лучу.

— Но ты говорил про игры, — напоминает Хокенберри. — Я видел, как ты боролся. И выходил победителем. И выигрывал состязания по бегу.

— Да, — говорит Одиссей. — Не раз я уносил с состязания кубок, тогда как Аяксу приходилось довольствоваться волом. Тут мне помогла Афина — подставила верзиле подножку перед самой чертой, чтобы я пришел первым. И я победил Аякса в борьбе! Двинул ему пяткой в подколенок, так что он рухнул навзничь, и придавил его раньше, чем тупица понял, что упал.

— И что, это сделало тебя лучше? — спрашивает Хокенберри.

— Конечно! — рокочет грек. — Во что превратился бы этот мир без *агона*, без того, чтобы люди тягались между собой, чтобы стало ясно, кто из них лучший, ибо даже вещи не бывают идеально схожими. Как, если не в единоборстве, узнать, где воплощенное совершенство, а где посредственность? А ты в каких играх преуспел, сын Дуэйна?

— На первом курсе я занимался бегом, — признается Хокенберри. — Но в команду меня не взяли.

— А вот я бы сказал, что искусен во многих состязаниях, — говорит Одиссей. — Я могу упра-

виться с полированным луком и прежде других поражу противника острой стрелою в гуще врагов, хоть кругом бы и много товарищей было и все бы толкались, целя одновременно. Знаешь, почему еще я пошел за Ахиллесом и Гектором биться с богами? Мечтал помериться в стрельбе из лука с Аполлоном. Хотя, конечно, в душе я понимал, что это глупость. Всякий раз, как смертный побеждает бога в стрельбе из лука — взять хотя бы беднягу Еврита, царя Эхалии, — можно биться об заклад, что он умрет внезапно, а не от старости в собственном доме. Да и вряд ли я бы превзошел дальноразящего, разве что со мной был бы мой лучший лук, но я никогда не беру его на войну, отплывая на чернобоких кораблях. Сейчас он висит на стене у меня дома. Ифит подарил мне его в знак дружбы при первой встрече. Лук отдал ему перед смертью отец, величайший среди стрелков Еврит. Ифит пришелся мне по сердцу; жаль, что в обмен за лучший на свете лук я подарил ему только меч и грубо сработанное копье. Геракл убил Ифита раньше, чем мы успели как следует познакомиться. Что до копий, копье я бросаю дальше, чем иные пускают стрелу. В кулачном бою и борьбе ты сам меня видел… Что до бега, ты видел, как я обогнал Аякса, и я могу

бежать часами, не сблевав, а вот на коротких дистанциях многие оставляют меня позади, если только Афина не вмешается на моей стороне.

— Я бы мог пройти отбор, долгие дистанции — мой конек, — бормочет Хокенберри себе под нос. — Но был там один тип, Бред Малдрофф, мы еще звали его Гусем, он меня выдавил из команды.

— У поражения вкус желчи и собачьей блевотины. Позор тому, кто свыкнется с этим вкусом. — Одиссей, запрокинув голову, отпивает вина, затем утирает капли с каштановой бороды. — Мне снилось, что я говорил с мертвым Ахиллесом в темных чертогах Аида, но на самом деле я хотел узнать про моего сына Телемаха. Раз уж боги посылают мне грезы, то почему не о сыне? Я оставил его ребенком, робким и неразумным. Хотелось бы знать, вырос ли он мужчиной или бездельником из тех, что отираются у порогов достойных людей, ищут богатую жену, держат мальчиков-наложников и день-деньской бряцают на лире.

— А у нас детей не было. — Хокенберри потирает лоб. — Так мне кажется. Когда пытаюсь припомнить свою настоящую жизнь, все как-то расплывчато, скомкано, зыбко. Я ушедший ко дну корабль, который для своих целей подняли на поверхность, а воду полностью откачать не

потрудились — так, лишь бы держался на плаву. Слишком много отсеков еще затоплено.

Одиссей глядит на собеседника; он явно ничего не понял, но и не заинтересовался настолько, чтобы задать вопрос.

Хокенберри смотрит на греческого царя-полководца с внезапной сосредоточенностью во взгляде:

— Нет, ты мне скажи, если сможешь… В смысле, что значит быть мужчиной?

— Что значит? — переспрашивает Одиссей.

Он открывает последние два сосуда и протягивает один Хокенберри.

— Д-да… Прошу прощения, да. *Быть* мужчиной. *Стать* им. В моих краях обряд инициации — это получить ключи от машины… или первый раз переспать с женщиной.

Одиссей кивает:

— Переспать в первый раз — это важно.

— Но ведь не в этом же дело! А, сын Лаэрта? Так что же такое — быть мужчиной? Человеком, если на то пошло?

Это становится интересным, передает Манмут Орфу по фокусированному лучу. *Я и сам не раз задавался таким вопросом, и не только когда пытался понять шекспировские сонеты.*

Все задавались, отвечал Орфу. *Любой из нас одержим тем, что связано с людьми. Я имею в виду — любой моравек, поскольку в наши программы и нашу искусственную ДНК изначально заложено стремление изучить и постичь наших создателей.*

— Быть человеком? — повторяет Одиссей серьезным, немного растерянным тоном. — Сейчас мне нужно отлить. А тебе нужно, Хокенберри?

— Я вот о чем, — настаивает схолиаст, –по-моему, все дело в последовательности… — Последнее слово дается ему со второй попытки. — Последовательности, да. Я о чем? Взять хотя бы ваши олимпиады по сравнению с нашими. Нет, ты послушай!

— Тот, другой моравек объяснял мне, как мочиться в здешнем нужнике, там вроде как вакуум, который все всасывает даже в такое время, как сейчас, когда мы парим, но у меня все равно пузыри разлетаются, а у тебя, Хокенберри?

— Двенадцать веков подряд вы, древние греки, проводили свои игры, — говорит Хокенберри. — Пять дней игр каждые четыре года. Двенадцать веков, пока какой-то долбаный христианский император Рима их не запретил. Двенадцать веков! Наводнения, мор, чума и прочие язвы

— ничто не мешало. Каждые четыре года все войны прекращались и ваши атлеты отправлялись со всех концов своей земли в Олимпию, дабы почтить богов и помериться силами в колесничных гонках, беге, борьбе, метании копья и диска и*панкратионе* — странной смеси рестлинга и кикбоксинга, которой я ни разу не видел и ты, держу пари, тоже. Двенадцать веков, сын Лаэрта! Когда мой народ решил возродить игры, и века не проходило, чтобы по меньшей мере три олимпиады не отменили из-за войны, страны отказывались присылать участников из-за мелочных обид, случалось, террористы мочили спортсменов-евреев…

— Мочились? Ага. — Одиссей отпускает пустой сосуд прыгать на веревочке, а сам разворачивается, готовясь уплыть. — Отлить надо. Я щас.

— А может быть, единственное, в чем человек последователен, — это… Как там выразился Гомер? «Любим всем сердцем пиры, хороводные пляски, кифару, ванны горячие, смену одежды и мягкое ложе».

Лаэртид замирает в воздухе у выхода из астрогационного пузыря:

— Гомер — это кто?

— Ты его не знаешь. — Хокенберри отпивает

еще вина. — Зато тебе известно, что…

Он умолкает. Одиссея уже след простыл.

Манмут проходит через шлюз медицинской палубы, привязывается на всякий случай, несмотря на то что у него реактивный ранец, и по трапам и мосткам движется вдоль корпуса «Королевы Маб». Он находит Орфу у входа в грузовой отсек, где стоит «Смуглая леди», убранная под сложенные крылья челнока. Иониец наваривает на дверь небольшую заплату.

— Не очень-то содержательный получился у них разговор, — говорит Манмут на личной радиочастоте.

— Это свойство почти всех разговоров, — отвечает Орфу. — Даже наших.

— Да, но мы не напиваемся во время бесед.

Искры от сварки озаряют ярким сиянием корпус, конечности и датчики Орфу.

— Поскольку моравеки не употребляют алкоголь, чтобы улучшить или ухудшить настроение, теоретически ты прав. Однако мы беседовали, когда ты был в гипоксии, отравлен токсинами переутомления и, как сказали бы люди, напуган до усрачки. Так что бессвязный треп Одиссея и Хокенберри не звучал для моих ушей незнакомо… хотя у меня и ушей-то нет.

— Интересно, что сказал бы Пруст о сути человека? — спрашивает Манмут.

— Ах, Пруст, этот зануда, — говорит Орфу. — Сегодня утром его перечитывал.

— Ты мне однажды пытался объяснить, по каким ступеням он поднимался к истине, — говорит Манмут. — Правда, сначала их было три, потом четыре, потом снова три, потом опять четыре. Ты вроде бы так и не сказал мне, в чем они состояли. И вообще, по-моему, ты сам тогда утратил нить рассуждений.

— Это была проверка, — рокочет Орфу. — Слушаешь ли ты меня.

— Как скажешь. А мне кажется, у тебя был просто глюк.

— Если так, то не в первый раз, — говорит Орфу с Ио.

Перегрузка органического мозга и банков кибернетической памяти все чаще грозили каждому моравеку, чей возраст перевалил за двести-триста лет.

— Что ж, — замечает Манмут, — вряд ли представления Пруста о сути человека близки к понятиям Одиссея.

Четыре из членистых передних конечностей ионийца заняты сваркой, но он пожимает сво-

бодной парой плеч.

— Ты помнишь, рассказчик испробовал дружбу и даже любовь в качестве одного из путей, — говорит Орфу, — так что это у него общее и с Одиссеем, и с нашим схолиастом. Однако рассказчик у Пруста обнаруживает, что его призвание к истине — писать, исследовать нюансы внутри других нюансов своей жизни.

— Однако он еще раньше отверг искусство как путь к глубинной человеческой сути. Ты вроде бы говорил, что он обнаружил: искусство вовсе не путь к истине.

— Он обнаруживает, что подлинное искусство есть на самом деле форма*творения*. Вот послушай отрывок из книги «У Германтов»:

«Люди со вкусом говорят нам сегодня, что Ренуар — великий живописец восемнадцатого века[37]. Но они забывают о Времени и о том, что даже в конце девятнадцатого века далеко не все отваживались признать Ренуара великим художником. Чтобы получить такое высокое звание, и оригинальный художник, и оригинальный писатель действуют по способу окулистов. Лечение их живописью, их прозой не всегда при-

[37] Примечания: 37

«Люди со вкусом говорят нам сегодня, что Ренуар — великий живописец восемнадцатого века». — М. Пруст. У Германтов. Перев. Н. Любимова.

ятно для пациентов. По окончании курса врач говорит нам: „Теперь смотрите“. Внезапно мир (сотворенный не однажды, а каждый раз пересоздаваемый новым оригинальным художником) предстает перед нами совершенно иным и вместе с тем предельно ясным. Идущие по улицам женщины не похожи на прежних, потому что они ренуаровские женщины, те самые ренуаровские женщины, которых мы когда-то не принимали за женщин. Экипажи тоже ренуаровские, и вода, и небо; нам хочется побродить по лесу, хотя он похож на тот, что, когда мы увидели его впервые, казался нам чем угодно, только не лесом, а, скажем, ковром, и хотя в тот раз на богатой палитре художника мы не обнаружили именно тех красок, какие являет нашему взору лес. Вот она, новая, только что сотворенная и обреченная на гибель вселенная. Она просуществует до следующего геологического переворота, который произведут новый оригинальный художник или новый оригинальный писатель».

— Это он, разумеется, в переносном смысле, — говорит Манмут, — насчет сотворения вселенных.

— А я полагаю, в прямом. — Голос Орфу на радиочастоте абсолютно серьезен. — Ты слушаешь

доклады Астига/Че о сенсоре квантового потока по общему каналу?

— Вообще-то, нет. Квантовая теория меня усыпляет.

— Это не теория, — говорит Орфу. — Каждый день нашего перелета Марс — Земля нарастала квантовая нестабильность между этими двумя планетами и внутри всей нашей Солнечной системы. Земля находится в центре квантового потока. Как будто все матрицы ее пространственно-временны́х вероятностей вошли в воронку, в некую область самонаведенного хаоса.

— И при чем здесь Пруст?

Большая заплата на двери грузового отсека приварена. Орфу отключает сварочный аппарат.

— Кто-то или что-то химичит с этими планетами, а то и с целыми вселенными. Нарушает математику втекающих квантовых данных, как будто в бране пытаются сосуществовать разные пространства Калаби-Яу. Почти как если бы там силились возникнуть новые миры — как если бы их вызвал к существованию некий исключительный гений, подобно описанному у Пруста.

Где-то включаются невидимые двигатели, и длинное, громоздкое, однако по-своему красивое судно из черного бакикарбона и стали начинает

вращаться. Манмут хватается за скобу, его ноги отрываются от корпуса. Трехсотметровый атомный корабль делает переворот, словно цирковой акробат. Солнечный свет пробегает по двум моравекам и остается за тяговой плитой на корме. Манмут перенастраивает свои поляризационные фильтры и снова видит звезды. Ему известно, что Орфу не видит их в зримой части спектра, но слышит их радиовизг — «термоядерный хор», как выразился однажды иониец.

— Орфу, друг мой, ты мне религию впариваешь?

Иониец рокочет на инфразвуке:

— Если так — и если Пруст не ошибся и новые вселенные создаются всякий раз, как уникальный гений сосредоточивается на их создании, — не хотел бы я повстречаться с творцами нашей нынешней реальности. Уж больно зловеще выглядят плоды их усилий.

— Не вижу, почему бы… — Манмут умолкает и прислушивается к общей линии. — Что такое тревога двенадцать-ноль-один?

— Секунду назад вес «Королевы Маб» уменьшился на шестьдесят четыре килограмма, — говорит Орфу.

— Мы сбросили мусор и мочу?

— Не совсем. Наш приятель Хокенберри только что квант-телепортировался прочь.

Первая мысль Манмута: «Хокенберри не в том состоянии, когда можно квитироваться. Надо его было остановить. Друзья не позволяют друзьям телепортироваться пьяными». Впрочем, он держит свои мысли при себе.

Секунду спустя Орфу спрашивает:

— Ты это слышишь?

— Нет, а что?

— Я мониторю радиочастоты. Мы только что повернули к Земле — вернее, к полярному орбитальному кольцу — антенну с высоким усилением и поймали модулированное радиосообщение, направленное прямо на нас.

— Что в нем говорится? — Органическое сердце Манмута начинает биться чаще; он не блокирует адреналин, а позволяет сердцу стучать.

— Это определенно с полярного кольца, примерно в тридцати пяти тысячах километров над Землей, — говорит Орфу. — Голос женский. Повторяет одно и то же: «Доставьте мне Одиссея».

38

Под голубыми сводами ледяного купола эхом шелестел монотонный шепот:

— Так думат, сотворил огню он в пару горящий глаз средь клока ваты, что рыскает и жрет; так думат, добычу ночью ищет он, и светят луной глаза; и с длинным языком сороку — его засунет дубу под кору, ища червей, урчит, свой приз найдя, а муравьев не ест; и самых муравьев, соорудивших вал из сора и семян у входа в дыру свою. Он сделал их и прочих, все сделал, даже нас. С досады — как иначе?

Даэман сразу узнал голос. Калибан. Свистящий шепот эхом отражался от ледяных стен ледяного туннеля и шел как будто со всех сторон, успокаивающе далекий, пугающе близкий. Каким-то образом голос одного Калибана был хором, множеством голосов в ужасающей гармонии. Страшнее, чем ожидал Даэман, — много, много страшнее, чем он надеялся. Даэман низко склонил голову и шагнул из ледяного туннеля на ледяной балкон внутри купола.

После часа в туннеле (все это время ему приходилось ползти, иногда на животе, царапая спину о ледяной потолок, толкая перед собой рюкзак и арбалет, и часто возвращаться, когда очередной ход сужался или заканчивался тупиком либо, наоборот, расширялся до десяти ярдов, однако упирался в стену или выводил в отвесную шахту)

Даэман вышел в центр ледяного купола-собора.

Он не знал старинных слов, чтобы описать это место, а если б знал, то сейчас бы в них запутался: шпили, купол, контрфорс, аркбутан, апсида, неф, базилика, хоры, портик, капелла, окно-розетка, альков, колонна, алтарь. Все это было бы применимо к той или иной части представшего ему сооружения, однако и тогда ему понадобились бы новые слова. Много новых слов.

Внутреннее пространство собора было чуть больше мили в диаметре и высотой примерно две тысячи футов от светящего багровым пола до вершины ледяного свода. Догадка Даэмана подтвердилась: Сетебос накрыл куполом весь кратер в сердце Парижского Кратера. Огромный круг пола светился красным, пульсируя, словно в ритме исполинского сердца. Даэман не знал, связано это с неким природным феноменом — магма поднялась оттуда, где черная дыра когда-то пробилась к центру Земли, — или Сетебос каким-то образом вызвал ее для тепла и света. Остальной собор переливался красками, которые Даэман не сумел бы описать словами: разные оттенки красного и оранжевого по краям кратера и в основании стен, дальше по янтарным сталагмитам и контрфорсам вились алые прожилки, еще даль-

ше горячие тона переходили в холодное свечение исполинских голубых столпов. В ледяных стенах, колоннах, жгутах и башнях пробегали желтые и зеленые вспышки, алые пульсирующие лучи расходились по скрытым туннелям, как электрический ток, искры соединяли ветвящиеся секции собора, словно нервные импульсы.

Местами оболочка купола была настолько тонкой, что последний вечерний свет снаружи рисовал на западных сводах розовые круги. Верхняя часть купола была не толще стекла — овал темнеющего неба, лишь слегка приглушающий первые звезды. Но самое удивительное — по низу стен шли сотни крестообразных углублений, каждое примерно шесть футов высотой. Они опоясывали весь собор, и Даэман, перегнувшись с грубого карниза, видел такие же ниши под собой, словно проплавленные в голубом льду. С виду они были металлические и пустые, стальные полости отражали красное свечение из центра кратера.

Сам багрово-алый пол под куполом отнюдь не пустовал. Повсюду вставали шипастые сталагмиты и зубчатые шпили. Некоторые доходили до потолка, порождая аккуратные ряды голубоватых ледяных колонн. Не был пол и ровным — его

испещряли маленькие кратеры и фумаролы, над которым вились струйки газа, паров или дыма. Горячие тепловые потоки пахли серой. Посередине красного мерцающего круга располагался приподнятый кратер с неровными краями, обрамленный ледяными ступенями и фумаролами поменьше. Этот кратер в кратере был доверху наполнен (как сперва показалось Даэману) обкатанными белыми камнями. Лишь через минуту он понял, что это не камни, а человеческие черепа — десятки тысяч черепов, по большей части под массой, которая почти заполнила собой кратер. Сам кратер больше всего походил на гнездо, и это впечатление еще усиливалось тем, что внутри колыхался серый мозг со множеством извилистых складок, бесчисленными ртами, парами глаз и прочими отверстиями. Отверстия разевались и захлопывались не в такт, десятки рук внизу иногда переступали, устраивая серую массу поудобнее. Другие руки (каждая не уместилась бы в ардисской комнате Даэмана) вытягивались на длинных стеблях, расползались по мерцающему полу и выпускали щупальца. Некоторые были так близко, что Даэман видел на концах исполинских пальцев мириады изогнутых черных шипов или крюков. Крючки (возможно, какие-то

эволюционировавшие волосы) были длиннее кинжала у Даэмана за поясом и легко проникали в лед. Впиваясь черными кривыми клинками, руки могли ползти по любой поверхности, будь то каменная кладка, лед или сталь.

Сам Сетебос оказался значительно больше, чем два дня назад, когда на глазах Даэмана пролез в Дыру. Тогда его длина была футов сто, теперь — не меньше трехсот. Высота в середине, где сходящиеся извилины делила глубокая мерцающая щель, составляла ярдов тридцать. Он полностью заполнял гнездо, а когда ворочался, черепа хрустели, как сухая солома.

— Так думат: ни добра, ни зла не видно в Нем, не тих и не жесток: он просто Сила, Вождь. Скажи, что Он ужасен: зри примеры гнева!

Свистящее шипение Калибана эхом отражалось от сводов, зиккуратов и фумарол, отдавалось в лабиринте ледяных коридоров и как будто неслось к Даэману спереди, сзади и с боков.

Постепенно глаза привыкли к алому полумраку и огромности купола. Теперь Даэман различил подвижных мелких существ, которые суетились у подножия гнезда, взбегали на четвереньках по ледяным ступеням и быстро спускались, уже на задних конечностях, таща большие яйцевидные

предметы, поблескивающие склизкой млечностью.

В первую минуту Даэман принял их за войниксов. Ползя по ледяному лабиринту, он видел бесчисленные останки войниксов — не замерзших, как те, что снаружи, а выпотрошенных: там пустой панцирь, там оторванная нога или искромсанный кожаный вырост, где-то пара рук-клешней. Однако теперь, вглядевшись через туман от фумарол, он видел, что это не войниксы. Все они имели облик Калибана.

Калибаны. Он встречал их в Средиземном бассейне год назад и теперь понял, что за крестообразные ниши опоясывают собор. «Зарядные устройства» — так назвала Сейви полые кресты, и Даэман сам наткнулся на голого калибана в такой конструкции. Он думал тогда, что тварь мертвая, пока она не открыла желтые кошачьи глаза.

Сейви рассказала, что Просперо и незнакомая им биосферная сущность по имени Ариэль эволюционно вывели из людей калибанов, дабы войниксы не захватили Средиземный бассейн и другие места, куда Просперо не хотел их допускать. Теперь Даэман знал со слов Просперо, что Сейви либо ошиблась, либо солгала: калибаны не эволюционировали от людей, а были клона-

ми изначального, более страшного Калибана. Однако тогда Харман спросил старую еврейку, зачем постлюди вообще создали войниксов, если затем им — или Просперо — пришлось создавать других чудовищ для борьбы с ними.

«Они не создавали войниксов, — ответила старуха. — Войниксы явились из какого-то другого места, служат кому-то еще, и цели у них свои».

В то время Даэман не понял ни слова, а сейчас понимал и еще меньше. Калибаны, которые сновали, подобно гнусным розовым муравьям, таща млечные яйца, служили явно не Просперо, а Сетебосу.

Кто наводнил Землю войниксами? Если они не служат Сетебосу, то почему нападают на Ардис и другие общины людей старого образца? Кому служат войниксы?

Одно он знал наверняка: явление Сетебоса в Парижском Кратере стало для войниксов бедствием. Тех, кого не сковал стремительно растущий лед, поймали и ободрали, как сочных крабов. Кто ободрал? На ум приходило лишь два объяснения, и оба не сулили ничего доброго. Панцири войниксов раздавили либо зубы и когти калибанов, либо руки Сетебоса.

Внезапно Даэман понял, что розовато-серые

рубчики на дне кратера — на самом деле тоже щупальца Сетебоса. Мясистые стебли уходили в отверстия на стенах и…

Даэман круто развернулся и вскинул взведенный арбалет. Где-то позади, в ледяном туннеле, послышался легкий скользящий шорох. «Одна из Сетебосовых рук, в три раза толще моего туловища, протискивается в туннеле позади меня».

Даэман сидел на корточках и ждал, руки тряслись от тяжести арбалета, но из туннеля так ничего и не появилось. Однако эхо шуршания доносилось по-прежнему.

«Руки уже в туннелях и, возможно, в расщелинах, — думал Даэман, силясь унять колотящееся сердце. — И в туннелях, и снаружи темно. Что, если на обратном пути я наткнусь на щупальце?»

Он видел на ладонях Сетебоса пульсирующие кормовые отверстия; несколько калибанов пожирали из них куски сырого красного мяса — не то человеческого, не то войниксового.

Наконец Даэман лег животом на карниз, чувствуя через термоскин холод льда. Он был уверен, что этот лед — органическая ткань, выделяемая самим Сетебосом.

«Можно уже отсюда выбираться. Я увидел достаточно».

Лежа на животе, выставив дурацкий арбалет и не поднимая головы, когда внизу пробегали на четвереньках калибаны, Даэман ждал, пока в его трусливые руки и ноги не вернутся силы, чтобы убраться подобру-поздорову из этого нечестивого собора.

«Нужно сообщить обо всем в Ардис, — твердил голос разума. — Я сделал все, что мог».

«Нет, не все, — отвечала честность, которая когда-нибудь его погубит. — Надо бы взглянуть поближе на эти сероватые склизкие яйца».

Калибаны уложили яйца в дымящуюся фумаролу ярдах в ста от карниза.

«Мне туда не спуститься. Слишком высоко».

«Не лги. Тут меньше ста футов. У тебя есть почти вся веревка и крюки. И молотки. А дальше нужно только добежать до яиц, посмотреть на них, если получится, схватить одно, потом залезть обратно на карниз и сматывать».

«Безумие. Я все время буду на виду. Калибаны между мной и гнездом. Они меня схватят. Сожрут на месте или отдадут Сетебосу».

«Вот сейчас путь свободен. Отличная возможность. Давай вниз!»

— Нет.

Даэман вдруг понял, что прошептал короткое

слово вслух.

Однако минуту спустя он уже загнал в пол карниза крюк, затянул на нем веревку и, закинув на плечо арбалет поближе к рюкзаку, начал нелегкий спуск на дно кратера.

«Молодец. Наконец-то для разнообразия ты проявил хоть немного смелости…»

«Заткнись!» — приказал Даэман отважному, но безмозглому голосу внутри себя.

Голос умолк.

— Считат, что так дела и будут продолжаться и все мы будем в страхе ползать перед Ним, — донеслась откуда-то песнь-заклинание-шепоток Калибана.

Даэман был уверен, что слышит его, а не калибанов. Изначальное чудовище где-то под куполом — возможно, по другую сторону Сетебоса и гнезда.

— Так думат, что в один престранный день Сетебос, господин, танцующий безлунными ночами, настигнет нас, как зубы — горло, иль вырастет, как бабочка из куколки: тогда — вот мы, а вот и Он — и помощи не будет ниоткуда.

Даэман продолжал спускаться по скользкой веревке.

39

Квантово телепортировавшись в Илион, доктор филологических наук Томас Хокенберри первым делом отыскал проулок, где можно проблеваться.

Это было нетрудно даже в нынешнем опьянении, поскольку бывший схолиаст изучал Трою почти десять лет и квитировался на улочку неподалеку от дворцов Гектора и Париса. Здесь он бывал тысячу раз. По счастью, в Илионе была ночь; хозяева давно закрыли лавочки и харчевни на площади, городская стража не заметила его беззвучного появления. Тем не менее ему нужен был проулок, который он быстро нашел и блевал, пока не кончились последние сухие позывы. Дальше ему требовалось еще более темное и безлюдное место. По счастью, рядом с дворцом покойного Париса — нынешней временной резиденцией Приама и домом Елены — улочек было много. Хокенберри быстро нашел самую темную и узкую, не шире четырех футов, присмотрел охапку соломы, завернулся в одеяло, которое захватил из каюты на «Королеве Маб», и крепко заснул.

Он проснулся вскоре после рассвета с сильней-

шим похмельем. Уши резал какой-то гвалт на площади перед дворцом. В тот же миг Хокенберри осознал, что квитировался с «Королевы Маб» в неправильной одежде. На нем был серый хлопковый комбинезон и тапочки для невесомости — то, что моравеки сочли подходящим для человека двадцать первого столетия. В таком наряде не затеряешься среди туник, кожаных поножей, сандалий, тог, плащей, мехов, бронзовых лат и грубого домотканого полотна.

Кое-как отряхнувшись от уличной грязи, Хокенберри выбрался на площадь. Невзирая на похмелье, он шел упругим шагом, ощущая прилив сил и бодрости: сказывалась разница между земным притяжением и перегрузкой в 1,28*g*. Площадь была на удивление безлюдной. Обычно после восхода рынок оживлялся, но сейчас торговцы одиноко сидели в лавках, уличные столы пустовали, и только на дальнем конце площади перед дворцом Париса, Елены, а в последнее время — Приама стояли несколько стражников.

Рассудив, что подходящая одежда важнее раннего завтрака, Хокенберри отправился торговаться с одноглазым и однозубым дедом в потертом красном тюрбане. У старика была самая большая телега, заваленная самым разнообраз-

ным товаром — в основном обносками, снятыми со свежих трупов, — однако он пререкался из-за каждой тряпки, словно дракон, берегущий свои сокровища. Карманы у Хокенберри были пусты, так что пришлось отдать корабельный костюм и одеяло. Он соврал, будто явился в таком виде из самой Персии, и получил за свои диковинные вещицы тогу, сандалии с высокой шнуровкой, красный шерстяной плащ какого-то бедолаги-воина, исподнее и тунику. Хокенберри выбирал самые чистые вещи, а если не находил, то брал те, на которых не было вшей. Кроме того, он ушел с площади обладателем широкого кожаного пояса, на котором висел повидавший немало сражений, но достаточно острый меч, и двух кинжалов: один теперь был за поясом, другой — в потайной складке красного плаща. Еще он получил пригоршню монет. Обернувшись и заметив однозубую ухмылку торговца, Хокенберри понял, что продешевил: старик обменяет экзотический комбинезон на боевого коня, золотой щит или что-нибудь получше. Ну и на здоровье.

Он не стал спрашивать у старика и его полусонных товарищей, куда подевались люди с площади, где воины и почему в городе так тихо, но знал, что скоро сам все выяснит.

Когда он переодевался за телегой, старик и два соседних торговца предложили ему золото за квит-медальон. Толстяк, торговавший фруктами, повысил цену до двухсот мер золота и пятисот серебряных фракийских монет, но Хокенберри отказался, радуясь, что забрал меч и кинжалы прежде, чем снять одежду.

Потратив несколько монет на завтрак из свежевыпеченного хлеба, сушеной рыбы и сыра под тепловатое пойло, которое ничуть не заменяло утренний кофе, Хокенберри вернулся в тень и посмотрел на дворец Елены через дорогу.

Он мог бы квитироваться прямо в ее покои. Он легко проделывал это прежде.

А если она там? Что дальше?

Быстрый удар мечом — и назад, на корабль, идеальный невидимый убийца? Но кто поручится, что стража его не заметит? В десятитысячный раз за последние девять месяцев он пожалел об утрате морфобраслета — устройства, которым боги в первую очередь снабжали схолиастов и которое позволяло им до такой степени изменять квантовые вероятности, что Хокенберри, Найтенгельзер и любой другой несчастный служитель Музы мог мгновенно превратиться в любого человека в Илионе и окрестностях, при этом не

только позаимствовав его облик и одежду, но и вытеснив его на квантовом уровне реальности. Таким образом грузный Найтенгельзер мог морфировать в тощего юнца, не нарушая правила, которое один подкованный в физике схолиаст годы назад в разговоре с Хокенберри назвал законом сохранения массы.

Что ж, больше Хокенберри морфировать не мог: браслет остался на Олимпе вместе с тазером, остронаправленным микрофоном и непробиваемыми доспехами. Однако у него по-прежнему оставался квит-медальон.

Он тронул золотой кружок на груди… и замер. Как именно он поступит при встрече с Еленой Прекрасной? Хокенберри понятия не имел. Он никого прежде не убивал, а уж тем более самую красивую женщину, которой когда-либо обладал, самую красивую из всех, кого он видел, соперницу бессмертной Афродиты. Поэтому он медлил в нерешительности.

Народ двигался в сторону Скейских ворот. Хокенберри пошел за всеми, на ходу дожевывая хлеб, неся на плече только что купленный бурдюк с вином и гадая, что происходит в Илионе.

«Меня здесь не было больше двух недель. В ту ночь, когда я покинул Трою, — в ту ночь,

когда Елена пыталась меня убить, — представлялось, что ахейцы вот-вот ворвутся в город. По всему, троянцам с их немногочисленными олимпийскими союзниками — Аполлоном, Аресом, Афродитой и несколькими богами помельче — было не устоять перед натиском Агамемнона при поддержке Афины, Геры, Посейдона и прочих».

Хокенберри достаточно насмотрелся на эту осаду и знает, что ни в чем нельзя быть уверенным. Разумеется, здесь, на этой реальной Земле, в этой реальной Трое, события до определенного времени развивались согласно великой поэме Гомера. Теперь из-за вмешательства некоего Томаса Хокенберри все резко повернуло в другую, неизвестную сторону. Поэтому он торопливо шагал за толпой горожан, которая, очевидно, направлялась к главным воротам.

Елена стояла среди членов царской семьи и прочих важных особ на площадке над Скейскими воротами, там же, где десятью годами раньше называла Приаму, Гекубе, Парису, Гектору и остальным имена данайских героев, собиравшихся у стен города. И вот Гекуба, Парис и многие тысячи троянцев погибли, а Елена по-прежнему рядом с Андромахой по правую руку от Приама. Десять лет назад Приам смотрел на армии

стоя, теперь он полулежал на троне-паланкине — сморщенная, усохшая карикатура на полного сил царя, которого Хокенберри видел каких-то десять лет назад.

Впрочем, сейчас мумия держалась бодрячком.

— До сих пор я жалел себя! — воскликнул Приам, обращаясь к свите и нескольким сотням царских телохранителей на ступенях и у подножия стены.

Лесной холм и подступы к Илиону были пусты, однако, проследив взгляд Елены и сощурившись, Хокенберри различил огромную толпу на расстоянии примерно двух миль, у вытащенных на берег ахейских кораблей. Судя по всему, троянцы окружили ахейцев, преодолели ров и частокол и сократили многомильный ахейский лагерь до полукруга поперечником в несколько сот ярдов. Оставалось лишь нанести последний удар.

— Да, я жалел себя, — повторил Приам, и его дребезжащий голос окреп. — И требовал сострадания от многих из вас. С тех пор как царица погибла от рук богов, я превратился в немощного, обреченного калеку… не просто дряхлого старца, но человека, переступившего порог бессилия… убежденного, что Громовержец назначил мне ужасную участь.

За десять лет пало много моих сынов, и я был уверен, что Гектор последует за ними в Аид раньше отца. Я готовился увидеть, как моих дочерей увлекут в рабство, как разграбят мои сокровищницы, как палладий похитят из храма Афины, а беззащитных младенцев сбросят с нашей стены!

Месяц назад, друзья и родные, воины и женщины, я ждал, что жен моих сыновей угонят в плен аргивяне с обагренными кровью руками, Елена падет от меча кровожадного Менелая, над моей Кассандрой надругаются, а я стану слезно молить аргивских псов съесть меня живьем, после того как меня повергнет копье Ахиллеса, Агамемнона, хитроумного Одиссея или немилосердного Аякса, грозного Менелая или могучего Диомеда. Ждал, что мою жизнь вырвут из дряхлого тела и бросят мои внутренности моим же псам, тем преданным псам, что стерегут сейчас ворота и двери моих покоев, — и те, внезапно взбесившись, начнут лакать хозяйскую кровь и грызть хозяйское сердце у всех на глазах.

Так стенал я десять месяцев назад, две недели назад… но узрите утро заново рожденного мира, возлюбленные троянцы! Зевс отозвал от города всех богов — и тех, кто желал избавления Илиона, и тех, кто жаждал нашей погибели! Отец

бессмертных поразил ударом небесной молнии саму Геру! Всемогущий Кронид сжег ахейские черные корабли, повелел всем бессмертным возвращаться на Олимп и принять заслуженную кару за неповиновение! Как только боги перестали наполнять наши дни и ночи огнем и грохотом, Гектор повел войска от победы к победе. Без Ахиллеса некому было остановить моего благородного сына. Аргивских свиней отбросили к берегу, к обгорелым остовам черных судов. Их южные шатры порваны в клочья, северные сожжены дотла. И вот враг зажат в кольцо. На западе его теснят троянцы с Гектором во главе, Эней со своими дарданами, Акамас и Архелох, оба сыны Антенора, искусные в битвах.

На юге дорогу к отступлению отрезают блистательные отпрыски Ликаона и наши верные союзники из священной Зелии, что у подножия Иды, Зевсова престола.

На севере на пути врага встали Адраст и Амфий в полотняной броне, предводители мужей Апеза и Адрастеи, облаченных в пышные латы из бронзы и золота, которые они сорвали с убитых ахейцев.

Любезные нам Гиппофоой и Пилей, пережившие десять лет кровопролития, готовы были

сложить голову вместе с троянскими друзьями и братьями, но сегодня ведут смуглокожих пеласгов бок о бок с военачальниками Абидоса и дальней Арисбы. Нет, не поражение, не постыдная смерть ожидали наших сынов и союзников! Не пройдет и нескольких часов, как они увидят голову Агамемнона, вознесенную на острие пики! Грозные фракийцы, пеласги, киконы, пеоны, пафлагоны, гализоны и троянцы увидят конец этой долгой войны и получат золото разбитых аргивян, доспехи Агамемнона и его ратников! Черные корабли уже не спасут греческих царей; тех, кто пришел на нашу землю грабить и убивать, убьют и ограбят!

Слово Зевса непреложно: в сей день благосклонные боги позволят моим друзьям и близким насладиться победой на глазах у врагов. Вкусим же блага мира! Приготовимся нынче же вечером с ликованием встретить Гектора и Деифоба, будем неделю — нет, месяц! — праздновать избавление, ибо теперь ваш смиренный слуга Приам умрет счастливым!

Так вещал Приам, царь Илиона, отец Гектора, а Хокенберри не верил своим ушам.

Елена отошла от Андромахи и других женщин, затем спустилась по широким ступеням в город

в обществе одной лишь воинственной рабыни Гипсипилы. Хокенберри укрылся за широкой спиной дородного стражника, подождал, когда Елена отойдет подальше, и двинулся следом.

Женщины свернули в тесный проулок, почти утонувший в тени западной городской стены, а из него — в еще более узкий, и Хокенберри понял, куда они направляются. Несколько месяцев назад, когда Елена прекратила с ним встречаться, он из ревности начал за ней следить. Так он нечаянно раскрыл секрет Андромахи: прознал о тайных чертогах, где она прячет Астианакта, доверив мальчика заботам Гипсипилы и еще одной няньки. Даже Гектор еще не ведал, что сын жив, а его мнимое убийство Афиной и Афродитой было подстроено участницами общества Троянских женщин, дабы положить конец войне и обратить ярость Гектора против самих богов.

«Что ж, уловка сработала, — думал Хокенберри, стоя в конце проулка, чтобы женщины его не заметили. — Однако теперь война с богами окончена, да и Троянская война, похоже, вот-вот завершится».

Хокенберри не хотел, чтобы женщины вошли в дом: там будут киликийские стражники. Он нагнулся и поднял гладкий овальный камень

размером как раз по своей ладони.

«Я что, и впрямь собираюсь убить Елену?» Ответа не было. Пока не было.

Елена и Гипсипила стояли у ворот, ведущих во двор тайного дома, когда Хокенберри неслышно догнал и похлопал рабыню с Лесбоса по смуглому плечу.

Гипсипила стремительно развернулась.

Хокенберри с размаху ударил великаншу в челюсть. Несмотря на камень в руке, он едва не сломал пальцы. Тем не менее Гипсипила рухнула навзничь, словно поверженная статуя, в падении ударившись головой о дверь, да так и осталась лежать — судя по всему, без сознания и с переломом челюсти.

«Отлично, — подумал Хокенберри. — Впервые за десять лет Троянской войны ты наконец-то вступил в бой. Справился с бабой, поздравляю».

Елена отшагнула назад, из рукава в ее ладонь выскользнул кинжал, однажды уже вонзившийся в сердце Хокенберри. Тот перехватил ее запястье, вывернул и прижал руку Елены к грубо обтесанной двери, после чего разбитой в кровь правой рукой вытащил из-за пояса собственный длинный кинжал и приставил к шее Елены чуть ниже подбородка. Елена бросила нож.

— Хок-эн-беа-уиии, — проговорила она, откинув голову, однако под острием уже выступила кровь.

Хокенберри замер. Правая рука дрожала. Нет, если он собирался ее убить, нужно было действовать быстро, пока эта гадина не заговорила. Она предала его, зарезала и бросила умирать, но как восхитительны были их ночи любви!

— Ты все-таки бог, — прошептала Елена; ее глаза расширились, но в них не было страха.

— Не бог, — процедил он сквозь зубы. — Просто кот. Ты забрала одну мою жизнь. Одну лишнюю я уже получил. Получается, осталось еще семь.

Не обращая внимания на кинжал у горла, Елена рассмеялась:

— У кошки девять жизней? Красивая мысль. Ты неплохо играешь словами… для чужеземца.

«Сейчас же решайся, убивать ее или нет… Бред какой-то».

Хокенберри отвел клинок, но прежде, чем Елена Прекрасная шевельнулась или заговорила снова, намотал на левый кулак ее черные волосы и, приставив ей кинжал к ребрам, потащил женщину за собой по проулку, прочь от дома Андромахи.

Они описали полный круг — вернулись к забро-

шенной башне с видом на Скейские ворота, где Хокенберри застал прячущихся Менелая с Еленой и где Елена заколола его после того, как он квитировал ее мужа в стан Агамемнона. Хокенберри заставил Елену подняться по узкой винтовой лестнице на самый верх, к открытой площадке, стены которой обрушились несколько месяцев назад, во время божественной бомбежки.

Он толкнул Елену к неогражденному краю, но так, чтобы снизу ее не заметили, и приказал:

— Раздевайся.

Елена откинула волосы с глаз:

— Ты собираешься изнасиловать меня перед тем, как сбросить вниз, Хок-эн-беа-уиии?

— Раздевайся.

Он стоял с кинжалом наготове, покуда Елена снимала с себя немногочисленные слои шелковых одежд. Утро было теплее того зимнего, когда она его зарезала, однако здесь, высоко над городом, свистел холодный ветер. Соски у Елены заострились, живот и голые руки покрылись гусиной кожей. Каждый упавший предмет одеяния Хокенберри приказывал ей ногой отбросить в его сторону. Затем, не сводя настороженного взгляда с Елены, он ощупал мягкое платье и шелковую нижнюю рубашку. Никаких больше спрятанных

кинжалов не обнаружилось.

Елена стояла перед ним в утреннем свете, чуть расставив ноги, не прикрывая ни грудь, ни лобок, но естественно уронив руки по бокам. Под вскинутым подбородком алела тонкая линия. Во взоре читался спокойный вызов и вместе с тем легкое любопытство: что дальше? Даже кипя от гнева, Хокенберри понимал, как эта женщина заставила сотни тысяч мужчин убивать друг друга. Его поразило другое. Оказалось, он может испытывать исступленную, кровожадную ярость — и все равно чувствовать вожделение. Семнадцать суток при 1,28 g сделали его здесь, на Земле, сильным и мускулистым. Он знал, что может поднять эту красавицу одной рукой, унести куда угодно, делать с ней что захочет сколько захочет.

Хокенберри швырнул невесомые тряпки ей под ноги:

— Одевайся.

Опасливо косясь на него, Елена подобрала одежду. От Скейских ворот долетели крики, аплодисменты, кто-то стучал древками копий по звонким щитам: это Приам закончил речь.

— Расскажи, что произошло за семнадцать дней, пока меня не было, — хрипло сказал Хокенберри.

— Ты за этим вернулся, Хок-эн-беа-уиии? Узнать у меня новости? — спросила Елена, завязывая пояс под грудью.

Он указал ей на обломок камня, а когда она села, опустился на другой в шести футах от нее. Даже с кинжалом в руке он не хотел подпускать ее ближе.

— Расскажи мне про последние недели, — повторил он.

— Ты не хочешь узнать, почему я тебя заколола, Хок-эн-беа-уиии?

— Я знаю, — устало сказал Хокенберри. — Ты велела мне квитировать Менелая из города, но решила за ним не следовать. Если б ахейцы ворвались в Трою, в чем уже никто не сомневался, ты, в случае моей смерти, могла бы сказать Менелаю, что я отказался тебя квитировать. Или что-нибудь в таком роде. Но он бы все равно тебя убил. Мужчины, даже Менелай, который умом не блещет, могут простить одно предательство. Второе — нет.

— О да, он убил бы меня, Хок-эн-беа-уиии. Дело не в этом. Я заколола тебя, Хок-эн-беа-уиии, чтобы лишить себя выбора. Чтобы мне пришлось остаться в Илионе.

— Как это?

Бывший схолиаст ничего не понял. Голова раскалывалась.

— Когда Менелай меня отыскал, я поняла, что счастлива уйти за ним. Умереть от его руки, если он пожелает. Все эти годы в Илионе я была потаскухой, ненастоящей женой Париса, виновницей бесконечного кровопролития, и сердце огрубело — в любом смысле слова. Я стала грязной, черствой, пустой. Такой же, как все.

«Ну уж нет, Елена, — чуть не сказал он. — Говори что хочешь, но ты ни на кого не похожа».

— Но после смерти Париса, — продолжала Елена, — я осталась без мужа, без господина — впервые с детства. И эта моя радость при виде Менелая в Илионе была, как я скоро поняла, радостью раба при виде привычных оков. К тому времени, когда ты нашел нас на башне, я хотела лишь остаться в Илионе, одна, не Еленой, женой Менелая, не Еленой, женой Париса, а просто… Еленой.

— Это не объясняет, зачем ты меня заколола, — заметил Хокенберри. — Сказала бы прямо, что хочешь остаться. Или попросила бы перенести тебя в любую точку мира. Я бы подчинился.

— Вот поэтому я и пыталась тебя убить, — тихо сказала Елена.

Хокенберри лишь нахмурился в ответ.

— В тот день я решила не связывать свою судьбу с мужчиной, только с городом… с Илионом. И я знала, что, покуда ты здесь и жив, я могу прибегнуть к твоей магии, перенестись куда угодно… в безопасное место… даже если Агамемнон и Менелай вступят в город и предадут его огню.

Целую минуту Хокенберри размышлял над ее словами. Смысла он так и не нашел — и, зная, что не найдет никогда, решил об этом не думать.

— Что здесь произошло за последние недели? — спросил он в третий раз.

— Дни после того, как я бросила тебя в башне, сочтя мертвым, были для города черными. В ту ночь Агамемнон едва не взял Илион. Гектор затворился у себя еще до того, как амазонки отправились навстречу погибели. После того как Дыра закрылась и стало ясно, что больше она не откроется, Гектор оставался в доме, не делясь своими мыслями ни с кем, даже с Андромахой. Она думала рассказать ему, что Астианакт жив, но так и не решила, как объяснить ему обман и не заплатить собственной жизнью. В следующие дни многие троянцы пали от рук аргивян и союзных им богов. Если бы не наш защитник, сребролукий Феб-Аполлон, осыпавший аргивские полчища

градом стрел, Илион пал бы в мрачные дни до того, как Гектор вышел на битву.

Аргивяне под предводительством Диомеда пробились за нашу стену там, где она ниже всего, — возле большой смоковницы. Трижды за десять лет до злополучной войны с богами аргивяне подступали к этому уязвимому месту, которое, верно, открыл им какой-нибудь искусный гадатель, но всех отбивали Гектор, Парис и другие славные герои: сперва Большого и Малого Аяксов, потом сынов Атрея, а после и самого Диомеда. Однако на сей раз, через четыре дня после того, как я пыталась тебя убить и бросить стервятникам, Диомед повел своих аргосцев на четвертый штурм у старой смоковницы. Покуда воины Агамемнона приставляли осадные лестницы к западной стене, а Скейские ворота трещали под ударами таранов величиной с вековые деревья, Диомед тайком, но с огромными силами атаковал самый низкий участок стены, и на закате четвертого дня аргивяне ворвались в город.

Только отвага Деифоба, Гекторова брата, избранного царским семейством стать моим следующим мужем, — только отвага Деифоба спасла город. Когда другие трепетали из-за лестниц и стенобитных орудий Агамемнона, Деифоб заме-

тил подлинную опасность. Собрав уцелевших воинов, своих и Гелена, вождя по имени Азий Гиртакид, и несколько сотен бежавших бойцов Энея, и закаленного в боях Астеропея, он повел контратаку по захваченным городским улицам, превратив близлежащую рыночную площадь во вторую линию боя. В ужасной схватке с торжествующим Диомедом он сражался как бог, отбил даже брошенное Афиной копье — ибо бессмертные воевали с тем же, если не с бóльшим остервенением, что и люди!

К рассвету нового дня целые кварталы были сожжены и заняты лютующими врагами, полчища Агамемнона по-прежнему пытались взять приступом наши северные и восточные стены, Скейские ворота едва держались на тяжелых петлях. Тогда-то Гектор и объявил Приаму, что выходит на бой.

— И что, вышел?

Елена рассмеялась:

— Вышел ли? Мир еще не видел столь великой и славной*аристейи*. В первый день своего гнева Гектор, которого Аполлон с Афродитой хранили от молний Афины и Геры, встретился с Диомедом в честном поединке, сразил его своим лучшим копьем и обратил аргосцев в бегство. К закату

город был освобожден, и каменщики надстраивали стену у старой смоковницы, так чтобы она не уступала стене у Скейских ворот.

— Диомед погиб? — потрясенно выговорил Хокенберри.

Десять лет наблюдений за ходом троянской осады уверили схолиаста, что Диомед неуязвим, как Ахиллес или боги. В гомеровской «Илиаде» подвиги Диомеда занимают всю пятую песнь и начало шестой, уступая лишь гневу Ахиллеса в песнях с двадцатой по двадцать вторую — гневу, который Ахиллес уже не обрушит на троянцев, ибо Хокенберри вмешался в историю.

— Диомед погиб, — ошеломленно повторил он.

— Да, и Аякс тоже, — ответила Елена. — На следующий день Гектор и Аякс сошлись вновь — ты помнишь, что они уже сходились в единоборстве, однако расстались друзьями, явив равную доблесть. На сей раз вышло иначе. Гектор ударил мечом по огромному щиту Теламонида, так что медь согнулась, а когда Большой Аякс вскричал: «Пощады! Пощади меня, сын Приама!», Гектор не сжалился над ним, но ударом меча разрубил ему грудь, отправив героя в Аид еще до того, как солнце поднялось на ладонь выше горизонта. Люди Аякса, прославленные саламинские воины,

в тот день рыдали и рвали на себе одежды, но и они отступили в смятении и столкнулись с войсками Агамемнона и Менелая, хлынувшими на Лесной холм. Знаешь тот кряж на западе, который бессмертные боги называют курганом амазонки Мирины?

— Знаю, — сказал Хокенберри.

— Вот там бегущая армия убитого Аякса и столкнулась с наступающими людьми Агамемнона и Менелая. Произошло замешательство. Полнейшее замешательство. И в эту беспорядочную толпу врубился Гектор, ведя за собой троянцев и союзников: Деифоб следовал за братом, за ним вели своих фракийцев Акамас и старец Пирой, Месфл с Антифовым сыном криками подгоняли своих меонийцев — все уцелевшие троянские герои, два дня назад считавшие себя побежденными, атаковали вместе с Гектором. В то утро я стояла на стене, Хок-эн-беа-уиии, под тем местом, где мы сейчас, и три часа мы все: троянские женщины, старый Приам, который уже не может ходить, но которого принесли в паланкине, мы, жены, дочери, матери, сестры, мальчики и старики, — три часа мы ничего не видели, такую пыль подняли тысячи воинов и сотни колесниц. Порой тучи стрел затмевали солнце. Но когда

пыль улеглась и боги удалились на Олимп после утренней сечи, Менелай присоединился к Аяксу и Диомеду в обители мертвых и…

— Менелай убит? Твой муж погиб? — Хокенберри был потрясен до глубины души.

Все эти люди десять лет сражались друг с другом, потом еще десять месяцев с богами — и уцелели.

— А я что говорю? — сказала Елена, досадуя, что ее перебили. — Не Гектор его сразил. Ахеец пал от стрелы, пущенной юным Пальмом, сыном убитого Пандара, внуком Ликаона, из того же богоданного лука, из которого Пандар ранил Менелая в бедро всего год назад. Однако на сей раз незримая Афина не отбросила стрелу, и наконечник, войдя в глазное отверстие шлема, пронзил Менелаю мозг и пробил бронзу с другой стороны.

— Юный Пальм? — сказал Хокенберри, осознавая, что повторяет имена как идиот. — Ему же нет и двенадцати…

— Одиннадцати, — улыбнулась Елена. — Но мальчик стрелял из взрослого лука — из лука своего отца Пандара, павшего год назад от руки Диомеда. Стрела избавила моего мужа от всех долгов и разрешила все наши семейные сомне-

ния. Окровавленный шлем Менелая сейчас в моих покоях, можешь посмотреть, если хочешь. Мальчику Пальму достался его щит.

— Господи, — проговорил Хокенберри. — Диомед, Большой Аякс, Менелай погибли за какие-то сутки. Немудрено, что вы оттеснили аргивян к их кораблям.

— О нет, — возразила Елена. — Ахейцы в тот день еще могли бы взять верх, если бы не появился Зевс.

— Зевс! — воскликнул Хокенберри.

— Зевс, — подтвердила Елена. — В день, который начался со славной победы, боги и богини с аргивской стороны были в такой ярости из-за гибели своих любимцев, что одни лишь Афина с Герой поразили молниями тысячи доблестных троянцев. Колебатель земли Посейдон от ярости взревел столь громогласно, что в Илионе рухнули два десятка прочных зданий. Лучники падали со стен, точно сухие листья. Приама сбросило с его трона-носилок. Все, чего мы достигли за день, было утрачено в несколько минут. Гектор хотя и с боем, но отступил, унося раненного в ногу Деифоба; троянцы пробились обратно к Лесному холму, а оттуда — к Скейским воротам. Мы, женщины, бросились со стены, чтобы помочь

задвинуть огромный запор на расщепленных створках. У ворот шел жестокий бой. Десятки аргивцев ворвались в город вместе с нашими отступающими. И вновь содрогнулась земля от зычного голоса Посейдона, и люди попадали на колени. Афина и Аполлон сражались в небе на колесницах, а Гера собственноручно метала в наши стены силовые разряды… И тут на востоке появился Зевс, больше и ужасней, чем видел его кто-либо из смертных…

— Ужаснее, чем тогда, в облаке атомного гриба? — спросил Хокенберри.

Елена рассмеялась:

— Гораздо ужаснее, мой Хок-эн-беа-уиии. Этот Зевс был колоссом, его ноги вздымались над заснеженным пиком Иды на востоке, широкая грудь рассекала тучи, а грозный лик почти терялся в небесах — выше верхушек самых высоких кучевых облаков, громоздящихся друг на друга жарким летним днем перед грозой.

— Ничего себе, — сказал Хокенберри, пытаясь это вообразить.

Однажды он сразился с Зевсом — ну, не сразился, а просто во время землетрясения на Олимпе проскользнул у Громовержца между ногами и схватил оброненный квит-медальон, чтобы те-

лепортироваться прочь. Даже тогда, при своих обычных пятнадцати футах, отец богов выглядел устрашающе. Теперь Хокенберри попытался вообразить десятимильного колосса.

— Продолжай, — сказал он.

— Когда появился исполинский Зевс, все воины словно окаменели — подняв мечи, замахнувшись копьями, вскинув щиты; даже божественные колесницы застыли в небе, Афина и Аполлон замерли, как и тысячи смертных внизу, а Зевс прогремел… я не смогу изобразить его голос, Хок-эн-беа-уиии, это было как если бы все грозы, землетрясения и вулканы грянули разом… но Зевс прогремел: «ДЕРЗКАЯ ГЕРА! СНОВА ТЫ И ТВОИ КОЗНИ! Я И ТЕПЕРЬ ПОЧИВАЛ БЫ, НЕ РАЗБУДИ МЕНЯ ТВОЙ СЫН-КАЛЕКА И СМЕРТНЫЙ! КАК ПОСМЕЛА ТЫ ОСЛЕПИТЬ МОЙ УМ ЖЕЛАНИЕМ, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ СВОЕГО И РАЗРУШИТЬ ТРОЮ ВОПРЕКИ ВОЛЕ ГОСПОДИНА?!»

— Сын-калека и смертный? — повторил Хокенберри.

Сын-калека, очевидно, бог огня Гефест. А кто смертный?

— Да, так он прорычал, — сказала Елена, потирая бледную шею, как будто от подражания громовому голосу у нее заболело горло.

— И что дальше?

— А дальше, не успел кто-нибудь из богов двинуться, не успела Гера промолвить хоть слово в свое оправдание, Зевс-Тучегонитель поразил ее молнией и, видимо, убил, хоть мы все считали ее бессмертной.

— Боги умеют восстанавливаться после смерти, — пробормотал Хокенберри, вспомнив огромные баки, клубки из синих червей и гигантского насекомовидного Целителя в просторном белом здании на Олимпе.

— Да, мы все это знаем! — раздраженно ответила Елена. — Наш Гектор за последние восемь месяцев шесть раз убивал Ареса, а через несколько дней тот вновь вступал в бой. Но то было другое, Хок-эн-беа-уиии.

— Как это?

— Молния Зевса *уничтожила* Геру. Обломки ее колесницы разлетелись на мили вокруг, крыши домов в Илионе забрызгало кипящим золотом и сталью. Обугленные куски самой богини падали от океана до Парисова дворца — горелые ошметки розового мяса. Никому из нас не хватило храбрости к ним прикоснуться, но они дымились и шипели много дней.

— Господи, — прошептал Хокенберри.

— После этого могучий Зевс поразил Посейдона: разверз бездну под ногами убегающего морского божества и сверг его вниз. Эхо Посейдоновых воплей отдавалось часами, пока все смертные — равно ахейцы и жители Трои — не зарыдали от этого звука.

— Зевс что-нибудь сказал, разверзая бездну?

— Да. Он вскричал: «Я — ЗЕВС-ТУЧЕГОНИТЕЛЬ, СЫН КРОНА, ОТЕЦ БОГОВ И ЛЮДЕЙ, Я ВЛАДЕЛ ПРОСТРАНСТВОМ ВЕРОЯТНОСТЕЙ ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК ВЫ ПЕРЕМЕНИЛИ СВОИ ЖАЛКИЕ ОБЛИЧЬЯ ПОСТЛЮДЕЙ! Я БЫЛ ХОЗЯИНОМ И ХРАНИТЕЛЕМ СЕТЕБОСА, КОГДА ВЫ ЕЩЕ НЕ СМЕЛИ МЕЧТАТЬ О БЕССМЕРТИИ! А ТЫ, ПОСЕЙДОН, КОЛЕБАТЕЛЬ ЗЕМЛИ, ПРЕДАТЕЛЬ, ДУМАЕШЬ, Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ВЫ С МОЕЙ ВОЛООКОЙ ЦАРИЦЕЙ ЗАМЫШЛЯЛИ МЕНЯ СВЕРГНУТЬ? ИЗГОНЯЮ ТЕБЯ В ТАРТАР, ГЛУБОКО ПОД АИДОМ! В ПРОПАСТЬ, ГДЕ ЯПЕТ И КРОН ТОМЯТСЯ И НИ ОДИН СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ НЕ СОГРЕЕТ ИХ СЕРДЦЕ, В БЕЗДНУ ТАРТАРА, ЧТО ОКРУЖЕНА ПУЧИНОЮ ЧЕРНЫХ ДЫР!»

Елена вновь прочистила горло.

— Хок-эн-беа-уиии, у тебя есть вода?

Он протянул ей мех, наполненный водой из фонтана на площади, и молча ждал, пока она пила.

— Так вещал державный Зевс, когда разверз под ногами Посейдона бездонную яму и сбросил Колебателя земли в Тартар. Копейщики, заглянувшие в бездну со стены, несколько дней потом не могли говорить, только мычали и вскрикивали.

Хокенберри молчал.

— Потом Громовержец повелел всем богам возвращаться на Олимп и принять от него кару… Прости меня, Хок-эн-беа-уиии, — если позволишь, я не буду изображать его рев… И в то же мгновение всех точно ветром сдуло: колесницы, сребролукого, Афину, багровоглазого Аида, сучку Афродиту, кровожадного Ареса — весь наш пантеон исчез, квитировался на Олимп, словно нашкодившие дети, ждущие отцовских розог.

— А Зевс тоже исчез?

— О нет, Кронид только вошел во вкус. В своем исполинском обличье он прошествовал по Илиону и двинулся к побережью, словно Астианакт, когда идет по песочнице, переступая через игрушечных солдатиков. Сотни троянцев и аргивян погибли в тот день под стопами Зевса, Хок-эн-беа-уиии, а дойдя до ахейского стана, он простер руку и сжег все сотни черных кораблей, вытащенных там на песок. Потом он сжал пылающую ладонь в кулак, на море поднялась огромная волна и

выбросила на берег все суда, что стояли на якоре или прибыли с Лемноса, везя вино от Язонида Эвнея в дар Атридам Агамемнону и Менелаю, — опять же как игрушки, как Астианакт, купаясь в ванне, для забавы топит сработанные рабами игрушечные деревянные лодочки.

— Святый боже, — прошептал Хокенберри.

— Да, именно, — сказала Елена. — И лишь после этого Зевс исчез. Раздался гром — еще ужаснее, нежели его голос, оглушивший сотни людей, и ветер с ревом устремился в пустоту, где только что был Зевс, сорвал шатры ахейцев и унес их на тысячи футов в воздух, а сильных троянских жеребцов выбросил из стойл через самую высокую городскую стену.

Хокенберри посмотрел на восток, где троянское войско окружило поредевшие аргивские рати.

— Это было почти две недели назад. Боги возвращались? Хоть кто-нибудь? Зевс, например?

— Нет, Хок-эн-беа-уиии. Никто из бессмертных больше не показывался.

— Да, но это было две недели назад, — повторил Хокенберри. — Почему Гектор окружил аргивское войско только сейчас? После смерти Большого Аякса, Диомеда и Менелая ахейцы наверняка пали духом.

— Да. Однако обе стороны были не готовы сражаться. Многие из наших оглохли на несколько дней. Как я говорила, воины со стены и те, кто оказался слишком близко к разверстой бездне Тартара, на целую неделю превратились в слюнявых дурачков. Перемирие заключили, не сговариваясь. Мы собрали наших мертвецов — очень многие, как ты помнишь, погибли при натиске Агамемнона, — и почти неделю погребальные костры полыхали и здесь, в городе, и вдоль берега, где по-прежнему стоял аргивский лагерь. Затем, на второй неделе, когда Агамемнон велел своим людям валить деревья у подножия Иды — для строительства новых кораблей, разумеется, — Гектор повел троянцев в наступление. Долго и трудно шла битва. Прижатые к морю аргивяне дрались, точно загнанные в угол крысы. Зато нынче, как видишь, оставшиеся несколько тысяч окружены у самой кромки воды, и сегодня Гектор нанесет последний удар. Сегодня окончится Троянская война, Илион устоит, Гектор станет величайшим из героев, а Елена обретет свободу.

Какое-то время мужчина и женщина молча сидели на каменных плитах и смотрели на запад, где сверкали на солнце латы и копья и трубили боевые рога.

Наконец Елена сказала:

— Как ты теперь со мной поступишь, Хок-энбеа-уиии?

Хокенберри моргнул, посмотрел на кинжал, который по-прежнему держал в руке, и спрятал его за пояс.

— Можешь идти.

Елена глянула ему в лицо, однако не тронулась.

— Уходи! — рявкнул Хокенберри.

Елена медленно ушла. На винтовой лестнице раздались ее тихие шаги — этот звук Хокенберри слышал две с половиной недели назад, когда лежал здесь, истекая кровью.

Куда теперь?

Всю свою вторую жизнь Хокенберри был схолиастом, и его первая мысль — доложить об отклонениях от «Илиады» Музе, а через нее и всем богам. Он невольно улыбается. Много ли богов уцелело в этой другой вселенной, где Олимп на Марсе стал греческим Олимпом? Насколько велик был гнев Зевса? Произошел ли там геноцидальный деицид? Возможно, он никогда это не узнает. Ему не хватит духу квантово телепортироваться на Олимп.

Хокенберри потрогал квит-медальон под одеж-

дой. Вернуться на корабль? Ему хотелось увидеть Землю –*свою* Землю, пусть даже на три тысячи лет позже его времени. Хотелось быть с моравеками и Одиссеем, когда «Королева Маб» достигнет цели. В этой вселенной Илиона он никому ничего больше не должен и ни за чем не нужен.

Хокенберри достал медальон и погладил тяжелое золото.

Нет, рано. Пусть он больше не схолиаст (боги, возможно, и думать забыли о взбунтовавшемся смертном), зато по-прежнему ученый. Воспоминания нахлынули потоком, заполняя пробелы: десятки лет преподавания «Илиады», любимые пыльные аудитории, вереница юных лиц: бледных, прыщавых, пышущих здоровьем, загорелых, безучастных, увлеченных, унылых. Как может он пропустить завершающую главу в этой новой, нелепо переработанной версии?

И Томас Хокенберри, доктор филологических наук, повернув золотой диск, телепортировался в центр обреченного ахейского стана.

40

Позже Даэман и сам не помнил, когда именно решил выкрасть яйцо.

Явно не в то время, когда спускался по веревке

на дно купола-кратера. Тогда он думал только, как удержаться и не попасть кому-нибудь на глаза.

Пока бежал по горячему, изрезанному трещинами полу? Но в мыслях было одно — добраться до фумаролы, где лежат яйца. Дважды, увидев за ближайшими струями дыма семенящих калибанов, он падал ничком и пережидал. Дно было так раскалено, что он сжег бы ладони, не будь у него под одеждой термоскин. За минуту лежания на животе рубашка и брюки задымились. Пригнувшись и тяжело дыша, Даэман припустил вперед, достиг фумаролы и полез по ней. Она была высотой футов двенадцать, но неровная, из того же голубого льда, что все остальное, и можно было взбираться без помощи молотков.

Фумарола — шипящий кратер внутри большого кратера, одна из десятка в этом соборе, — была наполнена человеческими черепами. Многие раскалились докрасна, между ними змеились зловонные струйки серных испарений. Но по крайней мере, смрадная пелена прикрыла Даэмана, когда тот прыгнул на гору черепов, чтобы лучше рассмотреть яйца Сетебоса.

Овальные, серовато-белесые, длиной около трех футов, они пульсировали изнутри какой-то живой энергией. Двадцать семь штук насчитал

Даэман только в этом одном гнезде. Помимо раскаленных черепов, кладку окружала липкая синевато-сизая слизь. Даэман подполз ближе, скребя ногами и пальцами по черепам, и, не поднимая головы над бортиком фумаролы, посмотрел на яйца вблизи.

Скорлупа у них была тонкая, теплая, полупрозрачная. Некоторые уже ярко светились, другие лишь слабо поблескивали в центре. Даэман опасливо протянул руку и ощутил странное головокружение, как будто некая нестабильность яйца просочилась в него через скорлупу и термоскин. Он поднял одно, прикинул вес. Фунтов двадцать или около того.

Что дальше?

Дальше надо было бегом отступать, взбираться по веревке, ползти через туннели к трещине авеню Домениль и возвращаться к Гардельонскому факс-узлу, чтобы как можно скорее сообщить обо всем в Ардис.

«Но раз уж я, рискуя собственной шкурой, проделал такой путь, почему бы не прихватить сувенир?»

Даэман вытряхнул из рюкзака все, кроме арбалетных стрел, и освободил место для яйца. Поначалу оно не лезло, однако Даэман бережно,

но настойчиво протиснул его широким концом в отверстие, а стрелы вставил по бокам.*Что, если оно разобьется?* Тогда в рюкзаке будет мерзкая каша. Зато Даэман узнает, что там внутри.

«Да, но я не хочу расколотить эту штуку так близко от Сетебоса и калибанов. Отнесу ее в Ардис, тогда и займемся изучением».

Аминь, подумал Даэман. Дышать становилось все труднее, и, хотя он не снимал осмотическую маску, ему сделалось дурно от серных испарений и нестерпимой жары. Окажись он под куполом без термоскина и маски, давно бы потерял сознание в этой отравленной атмосфере.*Как здесь дышат калибаны?*

К черту калибанов, подумал он и, выждав, когда дым и пар заслонят его густой завесой, соскользнул по стенке фумаролы. В пяти футах от пола он спрыгнул. Яйцо тяжело качнулось в рюкзаке, и Даэман чуть не упал.

«Спокойно, спокойно».

— Грит: «Что ему гнусно, будет слать Тебе хвалы и прославлять Твое величие и стать». И думат: «А что мне гнусно — прославлять, все то, что может он сожрать».

Полунапев-полузаклинание Калибана звучало на дне значительно громче. Каким-то образом

акустика исполинского купола-собора не только усиливала, но и перенаправляла голос чудовища. Либо Калибан был где-то рядом.

Пригибаясь на бегу и припадая на колено всякий раз, когда за струями пара чудилось какое-нибудь движение, Даэман одолел сотню ярдов до веревки, закрепленной на ледяном карнизе.

«О чем я только думал? Да здесь добрых восемьдесят футов! Мне не взобраться на такую высоту — тем более с грузом за плечами».

Даэман огляделся в поисках другого туннеля. Ближайший вход располагался справа, в трех или четырех сотнях футов, но его заполняла толстая ползучая рука Сетебоса.

«Эта рука в ледяных туннелях ждет меня… И не одна».

Такие же руки уходили в другие туннели, гадко поблескивая серой слизью. Некоторые, взбираясь на сотни футов по стене, свешивались мясистыми трубами, извиваясь и сокращаясь, когда ладонь вытягивала за собою новый отрезок руки-стебля.

«Сколько же у этого гребаного мозга конечностей?»

— Так думат: вместе с жизнью кончится и боль. Но нет, Он мучает врагов и пожирает друзей. Он зло, что мог, уже содеял, следя, чтоб жили в

непрерывной боли мы, и худшую приберегая напоследок, под конец.

Оставалось лезть наверх или погибнуть здесь. За последние десять месяцев Даэман сбросил с полсотни фунтов и неплохо накачал мышцы, однако сейчас он жалел, что не тренировался на Одиссеевой полосе препятствий каждый день и не занимался с гирями все свободное время.

— К черту, — прошептал Даэман.

Он подпрыгнул, ухватился за веревку, сжал ее ногами и начал подтягиваться, по возможности не давая себе отдыхать.

И все-таки лез он медленно. Страшно медленно. Но самым ужасным было даже не это. На трети пути Даэман понял, что не справится. Что ему даже не хватит сил держаться за веревку, чтобы соскользнуть вниз. Однако, если он спрыгнет, яйцо разобьется. То, что внутри, окажется снаружи. А Сетебос или Калибан тут же узнают.

Почему-то, вообразив эту картинку, Даэман захихикал, да так, что глаза наполнились слезами, затуманив окошко маски. Он слышал каждый свой хриплый вздох, чувствовал, как сжимается термоскин, стараясь охладить тело. «Ну давай же, Даэман, ты уже на середине. Еще несколько футов — и отдохнешь».

Он не стал отдыхать через десять футов. И через тридцать тоже, зная, что если остановится, чтобы намотать веревку на руки и просто повисеть, то уже не двинется дальше.

Один раз веревка скользнула по крюку, и у Даэмана оборвалось сердце. Он преодолел больше половины пути; свалиться значило сломать себе ногу или руку и корчиться на шипящем, дымящемся дне кратера.

Крюк выдержал. С минуту Даэман висел без движения, на виду у калибанов по всему кратеру. Быть может, они уже столпились под стеной и ждали, когда он рухнет в их чешуйчатые лапы. Даэман не смотрел вниз.

Еще чуть-чуть. Выбросить трясущуюся, ноющую руку над головой, обернуть веревку вокруг запястья, подтянуться, держась ногами. И снова. И снова. Никаких передышек. И еще.

Наконец Даэман понял, что больше не может. Последние силы иссякли. Он висел, дрожа всем телом, арбалет и яйцо тянули назад. В любую секунду он мог сорваться. Часто моргая, Даэман высвободил одну руку и протер запотевшие стекла маски.

Он висел под самым карнизом, в футе от края.

Последним невозможным рывком он выбрался

наверх, распластался на животе, дотянулся до крюка и остался лежать, раскинув руки и ноги.

Только бы не стошнило… Только бы не стошнило! Либо он задохнется от рвоты в маске, либо сорвет ее и сразу потеряет сознание от ядовитых паров. Даэман умрет здесь, и никто даже не узнает, что он влез на восемьдесят… даже нет, на девяносто футов по веревке, — он, пухлый сынок Марины, ребенок, не способный даже раз подтянуться на бакикарбоновой перекладине.

Через какое-то время способность соображать вернулась, и Даэман заставил себя пошевелиться. Он снял с плеча арбалет, убедился, что тот заряжен и взведен. Проверил яйцо: оно пульсировало ярче, но нигде не треснуло. Закрепил на поясе молотки, втянул наверх сто футов веревки. Она показалась непомерно тяжелой.

А потом Даэман заблудился в туннелях. Когда он впервые полез в холодную нору, на улице еще только смеркалось и вечерний свет пробивался сквозь голубой лед, теперь снаружи было темно, лишь янтарные электрические разряды пробегали через живую ткань вокруг: Даэман был уверен, что голубой лед — что-то органическое, часть самого Сетебоса.

По пути сюда он у каждой развилки вбивал в

лед желтую пластиковую метку, но одну из них, видимо, пропустил и теперь натыкался на новые развилки, туннели, которых раньше не видел. Вместо того чтобы возвращаться — развернуться в туннеле негде было, ползти ногами вперед страшно, — он выбрал нору, которая вроде бы вела наверх.

Дважды туннель заканчивался тупиком либо круто уходил вниз, так что все же приходилось ползти назад к развилке. Наконец туннель понемногу пошел вверх и расширился. Даэман, к своему бесконечному облегчению, уже во весь рост зашагал по плавному ледяному склону с арбалетом наперевес.

Внезапно он замер, пытаясь затаить тяжелое дыхание.

Менее чем в десяти футах перед ним была развилка, в тридцати футах позади осталась другая, и из одной, а может, сразу из обеих слышался скребущий звук.

«Калибаны». Ужас ощущался как космический холод, проникающий через термоскин, однако тут пришла еще более леденящая мысль: «Одна из рук».

Это была рука. Ладонь толщиной с тело Даэмана и намного длиннее его, подтягиваясь на острых

десятидюймовых когтях, впиваясь в лед черными роговыми шипами, выползла из развилки перед Даэманом и замерла. Ротовое отверстие посередине сжималось и разжималось.

«Она ищет меня, — подумал Даэман, не смея дышать. — Чувствует тепло».

Он не шевельнулся, даже не поднял арбалет. Теперь все зависело от изношенного термокостюма: если тот излучает тепло, рука схватит Даэмана через миллисекунду. Он пригнулся к ледяному полу — не из страха, но чтобы скрыть тепло от осмотической маски.

Снова заскрежетало. Даэман вскинул голову и увидел, что рука выбрала туннель справа от него. Извивающийся мясистый стебель заполнил собой почти всю развилку.

«Будь я проклят, если поверну назад», — решил Даэман и двинулся вперед как можно тише.

Рука ползла через развилку; ярдов сто ее уже проскользнуло мимо, но она казалась бесконечной. Даэман уже не мог выносить скрип когтей по льду.

«Что, если она опишет круг и вернется сюда, за мной?»

— Огни небес напали! Вспышка света — трещат дерев верхушки — там, и там, и там, ударил

следом гром! Глупец, над кем смеялся! Смотри! Лежит он, славит Сетебоса!

Расстояние и лед заглушали шипение Калибана, но оно неслось из туннеля сзади.

В каких-то дюймах от ползущей руки Даэман взвесил варианты.

Туннель был футов шесть шириной и шесть высотой. Приплющенная рука заполняла всю ширину развилки, но над ней оставался зазор фута в три. По другую сторону туннель постепенно расширялся и уходил вверх. Даэман сквозь термокостюм чувствовал движение воздуха. Возможно, до поверхности оставались какие-то сотни футов.

Как перебраться через руку?

Он подумал про ледорубы. Нет, ему не проползти шесть футов по потолку. Вернуться назад? Он подумал о возвращении в лабиринт, по которому полз, казалось, часами, и отбросил эту мысль.

Может, она проползет мимо? Надо же, какая чушь лезет в усталую голову! Рука тянется от Сетебоса, оставшегося далеко позади в сердце кратера.

«Он заполнит все туннели своими руками и скребущими пальцами. Он выслеживает меня!»

Даэман отстраненно отметил про себя, что у

панического ужаса вкус крови, и тут же понял, что прокусил щеку. Во рту была кровь, но он не мог снять маску и сплюнуть, так что пришлось проглотить солоноватую жидкость.

«К черту».

Убедившись, что арбалет на предохранителе, Даэман перебросил его через серую скользящую массу. Арбалет пролетел в нескольких дюймах над мясистым стеблем и скользнул дальше по льду. С рюкзаком и яйцом пришлось повозиться.

«Оно разобьется. Всмятку. Мутное свечение (сейчас оно ярче, я уверен, что ярче) выльется, и это будет рука, не серая, а маленькая и розовая, она откроет рот и будет визжать, визжать, визжать, и большая серая рука вернется на крик или вынырнет позади, схватит меня…»

— К черту! — сказал Даэман вслух, не боясь, что его услышат.

Он ненавидел себя за трусость, за всегдашнюю трусость. Кто он такой? Пухлый Маринин малыш, способный только соблазнять девиц и ловить бабочек.

Он снял рюкзак, обмотал яйцо как можно плотнее и бросил боком над ползущей маслянистой массой.

Судя по звуку, скорлупа не треснула. Рюкзак

плавно скользнул по стене на пол.

«Теперь моя очередь».

Чувствуя себя без рюкзака и арбалета легким и свободным, Даэман отступил на тридцать шагов по почти горизонтальному коридору и побежал вперед, не давая себе времени на раздумья.

Он чуть не поскользнулся, однако удержался на ногах и с разбега нырнул вперед, выставив вперед руки. Прыгнул он высоко — капюшон термоскина проехался по ледяному потолку — и все же недостаточно высоко: носки ботинок задели толстую извивающуюся руку. Лишь бы не упасть на рюкзак! Он приземлился на руки, ударился о лед, так что перехватило дыхание, и перекатился через арбалет, но тот не выстрелил, потому что стоял на предохранителе.

Бесконечная рука позади него замерла.

Даже не успев отдышаться, Даэман подхватил рюкзак с арбалетом и побежал вверх по ледяному склону к темноте, из которой тянуло ветром.

Он выбрался в холодную ночь в одном-двух кварталах южнее острова Сите. Ни рук, ни калибанов в свете звезд и электрических вспышек, пробегавших по голубому льду, видно не было.

Даэман сорвал маску и принялся жадно глотать свежий воздух.

Предстояло еще добраться до факс-узла. С рюкзаком за спиной и арбалетом в руках он пошел по трещине в сторону острова Сен-Луи. Справа высилась ледяная стена, слева темнели норы.

«Я больше не полезу в этот лабиринт». Дрожащими от усталости руками (а ведь он еще ничего не сделал) Даэман вытащил из-за пояса молотки, забил их в мерцающую ледяную стену и полез вверх.

Через два часа он понял, что заблудился. Ориентируясь по звездам, кольцам, очертаниях встающим надо льдом зданий и фрагментам каменной кладки в темных трещинах, Даэман думал, что идет параллельно каньону авеню Домениль, но теперь понял, что ошибался: впереди был широкий черный провал, уходящий в непроглядную тьму.

Даэман лег на живот у края, из последних сил удерживаясь, чтоб не расплакаться. Яйцо заворочалось в рюкзаке, словно живое, хотящее проклюнуться. Из туннелей и трещин, которые он миновал, слышался скрежет, и Даэман не сомневался, что это руки. Здесь, в свете звезд и колец, он рук еще не видел, но купол за его спиной светился ярче прежнего.

«Сетебос обнаружил, что одно из его яиц про-

пало».

Его? Даэман переборол желание захихикать, понимая, что смех может быть предвестником истерики.

Что-то на краю бездонной пропасти впереди привлекло его взгляд. Даэман подтянулся на локтях.

Его крюк с обрывком желтой ткани.

Это был ледяной камин всего в ста пятидесяти ярдах от Гардельонского факс-узла.

Уже не сдерживая слез, Даэман вбил последний крюк, закрепил веревку — простым узлом, не тем особым, который потом легко распустить, — и, перевесившись через край, скользнул в темноту.

То неровным шагом, то ползком Даэман одолел сотню с чем-то ярдов. Позади осталась последняя развилка, помеченная желтым клочком, дальше пришлось ползти. Наконец он выбрался наружу и съехал по льду к Гардельонскому факс-узлу, где ноги обрели долгожданную опору. На колонне посреди круглого павильона тускло светилась панель.

Из темноты сбоку на него выпрыгнула голая фигура. Даэман покатился по полу, арбалет отлетел в сторону.

Тварь — не то калибан, не то сам Калибан,

трудно было определить в синеватой мгле, — длинными пальцами вцепилась ему в горло, желтые зубы защелкали у лица.

Даэман снова перекатился, пытаясь сбросить противника, но тот крепко держался руками и ногами.

«Яйцо!» — подумал Даэман, стараясь не упасть на рюкзак. Они катались туда-сюда, задевая колонну.

На секунду он освободился и кинулся к арбалету у дальней стены. Человекообразная амфибия зарычала, схватила Даэмана и швырнула на лед. В голубоватой дымке глаза и клыки существа светились желтым.

Даэман уже сражался с Калибаном и теперь видел, что это не он: тварь была меньше, не такая сильная, не такая проворная, но все равно очень опасная. Зубы щелкали, норовя схватить за лицо.

Человек левой рукой уперся калибану в подбородок; чешуйчатое лицо с приплюснутым носом запрокинулось назад, желтые глаза горели. Остатки адреналина хлынули Даэману в кровь, он ощутил прилив сил и попытался сломать калибану шею.

Калибан по-змеиному вывернул голову и отку-

сил ему два пальца на левой руке.

Даэман с криком отскочил. Калибан раскинул руки, помедлил, чтобы проглотить пальцы, и прыгнул.

Даэман здоровой рукой поднял арбалет и выпустил обе железные стрелы. Калибана отбросило назад. Одна длинная зазубренная стрела пригвоздила его ко льду, пройдя через плечо, другая вонзилась в ладонь, поднятую к воющему лицу. Голое существо заизвивалось, взревело, оскалилось и вырвало одну стрелу.

Даэман тоже взревел. Он вытащил из-за пояса нож и вогнал длинное лезвие калибану под челюсть и дальше через мягкое нёбо в мозг. Затем, словно любовник, прижался к калибану всем телом и принялся поворачивать клинок — снова, снова и снова, пока отвратительные подергивания не прекратились.

Даэман упал на плиточный пол, придерживая изувеченную кисть. Удивительно, но крови не было: термоскин плотно сомкнулся вокруг обоих обрубков. А вот от боли подкатывала рвота.

Впрочем, почему бы нет? Встав на колени, Даэман согнулся, и его рвало до сухих судорог.

Из одного, а может, из нескольких туннелей в противоположной стене доносился скрежет.

Даэман встал, выдернул длинный нож из нижней челюсти калибана — тварь обмякла, но по-прежнему висела на пробившей плечо стреле, — вытащил эту стрелу, поднял вторую, подобрал арбалет и шагнул к панели.

Что-то выскочило из мерцающей норы за его спиной.

Даэман факсировал в Ардис-холл. Там был день. Даэман на подкашивающихся ногах отошел от колонны, нашарил в рюкзаке арбалетную стрелу, вставил ее в нужный желоб и ногой взвел тугой механизм. Потом нацелил арбалет на платформу и стал ждать.

Никто не появился.

Через долгую минуту он опустил арбалет и, шатаясь, вышел на солнечный свет.

В Ардисе была середина дня. Узел никто не охранял. В частоколе зияли дюжины проломов. Вокруг павильона лежали трупы по меньшей мере двадцати войниксов. Однако, если не считать кровавых полос, которые тянулись через луг к лесу, от людей не осталось и следа.

Рука болела так, что тело и голова превратились в эхо пульсирующей боли, однако Даэман прижал искалеченную кисть к груди, вставил в арбалет еще стрелу и побрел к дороге. Ему оста-

валось одолеть менее полутора миль.

Ардис-холла не было.

Даэман подходил осторожно, держась между деревьями, подальше от главной дороги, узкую речушку пересек вброд выше моста. Он приблизился к частоколу с северо-востока, готовый окликнуть часового, чтобы тот его не застрелил, приняв за войникса.

Часовых не было. Полчаса Даэман выжидал, спрятавшись у кромки леса, но не заметил никакого движения, только вороны и сороки клевали человеческие останки. Тогда он начал заходить слева — старался подобраться к казармам и восточным воротам как можно ближе, при этом не покидая укрытия.

Частокол зиял проломами. Почти вся стена лежала на земле. Прекрасный Ханнин купол с плавильным горном был сожжен и разбит. Казармы и палатки, в которых еще недавно жили четыреста человек, сгорели дотла. Сам Ардис-холл — большая усадьба, простоявшая больше двух тысяч зим, — превратился в несколько почернелых труб, обгорелые стропила и груды камней.

Пахло гарью и смертью. В бывшем переднем дворе валялись десятки убитых войниксов, дру-

гие громоздились на месте крыльца, однако среди разбитых панцирей глаз различал останки сотен мужчин и женщин. Никого из них Даэман не мог узнать. Вот обугленное тело, вроде бы слишком маленькое для взрослого, обгорелые руки сжаты в кулаки и выставлены, как у боксера, вот ребра и череп, почти начисто обклеванные птицами, вот на черной траве лежит невредимая на первый взгляд женщина. Даэман подбежал, перевернул ее на спину и увидел, что у нее нет лица.

Даэман упал коленями на холодную окровавленную траву и попытался заплакать. Он мог лишь отгонять отяжелевших ворон и скачущих сорок, которые норовили вновь подобраться к трупам.

Солнце садилось. Небо постепенно блекло.

Даэман встал оглядеть трупы, разбросанные по мерзлой земле, словно тюки со стиркой: кто-то лежал под убитыми войниксами, кто-то — отдельно, другие — группами, словно сгрудились перед смертью. Даэману предстояло отыскать среди них Аду. Похоронить ее — и как можно больше остальных, — прежде чем пробираться к павильону.

«Куда мне податься? В какой общине меня примут?»

Он не успел ответить на этот вопрос или даже подойти к ближайшим телам. В быстро сгущающихся сумерках что-то двигалось на опушке восточного леса.

Уцелевшие после бойни жители Ардиса? Даэман уже поднял здоровую руку в приветственном жесте, когда увидел отблеск серого панциря.

Тридцать, шестьдесят, сто войниксов надвигались на него со стороны дороги и леса на востоке.

Сил бежать не было. Даэман вздохнул и шатаясь прошел несколько шагов к лесу на юго-западе, но заметил движение и там. Войниксы выскакивали из темноты, прыгали с деревьев и на четвереньках перебегали открытое пространство. Считаные мгновения — и они на него набросятся.

Даэман понимал, что бежать в обход дымящихся развалин на север бесполезно. Там тоже будут войниксы.

Он встал на колени (яйцо в рюкзаке светилось так ярко, что на заиндевелую траву легла длинная тень) и вытащил последние арбалетные стрелы.

Шесть. Их оставалось только шесть. Плюс две, что уже заряжены.

С мрачной ухмылкой, чувствуя, как его захле-

стывает зловещий восторг, Даэман прицелился в ближайшую группу приближающихся теней. До них было шестьдесят футов. Он решил подпустить их ближе, зная, что на полной скорости они преодолеют это расстояние за несколько секунд. Тремя уцелевшими пальцами на изувеченной руке он навел арбалет.

Позади что-то затрещало, захлопало. Даэман круто развернулся, готовясь отразить атаку, и увидел приближающийся с запада соньер. Два человека в носовых нишах палили по войниксам из винтовок. Войниксы прыгали на низко летящую машину, но их сбивали тучи флешетт.

— Прыгай! — закричал Греоджи, когда соньер подлетел ближе и завис рядом с Даэманом на уровне его головы.

Войниксы ринулись к людям со всех сторон, подскакивая, как огромные серебристые кузнечики. Пассажиры — Даэман узнал Бомана и темноволосую женщину (это была не Ада, а Эдида из числа его факс-посланцев) — стреляли в разные стороны очередями, выпуская облака хрустальных дротиков.

— Прыгай! — снова закричал Греоджи.

Даэман мотнул головой, забросил в пустую нишу сперва рюкзак с яйцом, затем арбалет и уже

потом запрыгнул сам. В тот же миг соньер начал набирать высоту.

Получилось не слишком удачно. Он крепко вцепился здоровой рукой во внутренний край соньера, но изувеченная левая ударилась о металл. Боль ослепила его, и он, разжав правую руку, заскользил в скопление безмолвных войниксов внизу.

Боман схватил его за руку и втащил на борт.

Бóльшую часть полета Даэман не мог говорить. Соньер пролетел несколько миль на северо-восток, над лесом, затем описал дугу и зашел на посадку к голой скале, торчащей на двести с лишним футов над облетевшими деревьями. Даэман видел этот гранитный утес, когда гостил у Ады и ее матери в Ардис-холле. Тогда он еще охотился на бабочек, и в конце долгого дня блужданий Ада указала ему на каменную глыбу, почти отвесно встающую над зарослями ежевики:

— Тощая скала. — В голосе девушки звенела гордость юной собственницы.

— Откуда такое название? — спросил он.

Ада пожала плечами.

— Не хочешь забраться наверх? — предложил Даэман, думая, что, возможно, удастся соблазнить ее на зеленой вершине.

Ада рассмеялась:

— На Тощую скалу забраться нельзя.

Теперь, при свете угасающего заката и разгорающихся колец, Даэман видел, что людям это удалось. Вершина оказалась вовсе не зеленой — просто голая каменная площадка не больше ста футов, кое-где серые валуны, примитивные навесы, полдюжины костров. Темные фигуры жались поближе к огню. По краям гранитного монолита недвижно стояли люди — без сомнения, часовые.

Поле у подножия Тощей скалы как будто шевелилось. Оно и впрямь шевелилось. Войниксы сновали по разбитым панцирям своих собратьев.

— Сколько наших уцелело? — спросил Даэман, когда Греоджи начал заходить на посадку.

— Около пятидесяти, — ответил пилот.

В отблесках виртуальной панели управления его перепачканное сажей лицо выглядело бесконечно усталым.

«Пятьдесят из более чем четырехсот», — безучастно подумал Даэман и осознал, что его тело не оправилось от шока после потери пальцев, а разум впал в оцепенение после увиденного в Ардисе. Оцепенение и безучастность были скорее

приятны.

— Как Ада? — помедлив, спросил он.

— Жива, — ответил Греоджи. — Однако без сознания уже почти сутки. Когда дом загорелся, она не соглашалась улетать, пока мы не отвезем всех остальных… Да и потом, думаю, отказалась бы, но ее оглушило рухнувшей балкой. Неизвестно, как ее ребенок… жив… или нет.

— А Петир? Реман? — спросил Даэман.

Он пытался сообразить, кто возглавит общину теперь, когда Хармана нет, Ада в тяжелом состоянии и стольких унесла смерть.

— Погибли.

Соньер завис и пошел на снижение к гранитной вершине. Как только он сел, к нему направились несколько фигур от костров.

Покуда остальные вылезали из соньера, Даэман удержал Греоджи за рубашку:

— Почему вы еще здесь? Чего вы ждете, ведь войниксы близко?

Греоджи легко оторвал его руку.

— Мы пытались воспользоваться факс-узлом, но войниксы напали раньше, чем кто-либо добрался до павильона. Мы потеряли четверых, пока отбивались. А больше лететь некуда. Ада и еще человек десять в тяжелом состоянии. Перене-

сти всех разом не получится, а партиями нельзя: чертовы твари доберутся до вершины и оставшихся гораздо раньше. Для защиты от войниксов нужна каждая пара рук. Даже и так нам может не хватить флешетт на сегодняшнюю ночь.

Даэман огляделся. Жалкие костры едва горели — кучки мха и тонких веточек, ничего больше. Ярче всего на скале светилось яйцо Сетебоса, млечно сияющее в его рюкзаке.

— Неужели все так плохо? — сказал Даэман, обращаясь к самому себе.

— Боюсь, что да, — ответил Греоджи, спрыгнув с соньера. Его шатало. Очевидно, он еле стоял на ногах от усталости. — Уже стемнело. Войниксы могут напасть со всех сторон в любую минуту.

Часть 3

41

Харман и Ариэль невероятно долго падали в беспросветной тьме.

Полет оборвался не роковым ударом о камни у подножия Золотых Ворот в Мачу-Пикчу, а мягким приземлением на пружинистую почву джунглей, покрытую вековыми слоями палой листвы и гумуса.

В первую секунду Харман никак не мог поверить, что остался жив, потом неуклюже встал, оттолкнул своего спутника или спутницу — аватара с легкостью упорхнула — и застыл, изумленно моргая.

Откуда взялась темнота? Только что на Золотых Воротах сиял белый день. Значит, Харман попал… куда-то еще. На неосвещенную сторону планеты, и к тому же в джунгли. Пахло прелостью, соками и жирной землей. Душный, влажный воздух лип к телу, точно сырое одеяло. Рубашка мгновенно вымокла и пристала к коже. Ночь звенела голосами бесчисленных насекомых, полнилась шелестом папоротников, пальмовых листьев

и зарослей, где жили своей жизнью большие и маленькие существа. Дожидаясь, когда глаза свыкнутся с темнотой, сжимая кулаки в надежде двинуть аватару в морду, если она окажется в пределах досягаемости, Харман запрокинул голову: далеко-далеко, в тончайших прорезях черных крон, слабо мерцали звезды.

Через минуту он различил футах в десяти от себя призрачную бесполую фигуру.

— Отнеси меня назад! — рявкнул Харман.

— Куда назад?

— К мосту. Или в Ардис. Но только быстрее!

— Не могу, — промолвил издевательский голос.

— Сможешь! — прорычал Харман. — И поспеши. Не знаю, как тебе удался этот фокус, но лучше отыграй назад, пока не поздно.

— И какие же кары грозят мне, если не повинуюсь? — с легкой усмешкой спросила светящаяся фигура.

— Я тебя убью, — просто сказал Харман.

И тут же понял, что говорит серьезно. Он был готов наброситься на зеленоватое привидение, удавить его, плюнуть на труп. «И тогда ты останешься один в неведомых джунглях», — предупредил голос разума. Харман не стал его

слушать.

— О горе! — воскликнул (или воскликнула) Ариэль, изображая испуг. — Теперь меня защиплет он до смерти!

Харман прыгнул, выбросив руки перед собой. Малорослое, не выше четырех футов, создание остановило его на лету и отшвырнуло на тридцать футов сквозь листву и путаницу лиан.

После падения Харман минуты две не мог отдышаться, потом еще минуту поднимался на колени. Поступи с ним Ариэль вот так же в любом другом месте — скажем, на Золотых Воротах в Мачу-Пикчу, где они только что были, — Харман наверняка сломал бы спину. Наконец он встал на мягкий гумус, вгляделся в обступившую тьму и ринулся, разрывая густые растения и лианы, на полянку, где ожидал его призрак.

— Смотри-ка, — радостным и невозмутимым тоном произнесла аватара. — Мы уже не одни.

Здесь, на поляне, куда просачивались звездные лучи, Харман видел гораздо лучше — и то, что предстало глазам, заставило его остолбенеть.

Под деревьями и среди папоротников стояли пять или шесть десятков довольно странных двуногих созданий. То были не люди, однако не войниксы и не калибаны. За свои девяносто

девять лет и девять месяцев жизни Харман вообще не видел ничего похожего. Невысокие, как Ариэль, и, как Ариэль, с органами, плавающими в зеленоватой жидкости под прозрачной кожей, эти гуманоидные существа выглядели схематичным изображением человека. Но если у аватары были губы, щеки, нос и глаза юноши или девушки, да и телосложение, свойственное людям, то мелкие зеленые существа не имели рта, а вместо нормальных глаз на Хармана смотрели не мигая черные угольные точки. И во всем — от бескостных с виду форм до трехпалых рук — существа выглядели совершенно одинаковыми.

— Полагаю, ты не знаком с моими сослужителями, — негромко произнес, а может, произнесла Ариэль, мягким женственным жестом указывая на силуэты в тени. — Орудия сего мира, они появились прежде вашего рода. Прозвания у них разные; Его Просперчество кличет их и так и этак, а все-таки у меня с ними больше общего, чем различий: мы произошли из хлорофилла и умных пылинок, рассеянных по лесу во времена до постлюдей. Они зеки — помощники, работники и узники; хотя кто из нас не то, не другое и не третье сразу?

Харман изумленно смотрел на зеленоватых

существ, они не мигая смотрели на него.

— Взять его, — шепнул (или шепнула) Ариэль.

Четверо зеков вышли вперед (Харман никак не ожидал от этих пряничных человечков столь изящных движений), и не успел Харман убежать или дать отпор, как трехпалые руки схватили его стальной хваткой. Покуда двое держали пленника, третий придвинулся вплотную, а четвертый стиснул его руку (Харману сразу вспомнилась недавняя сцена: Ариэль хватает руку Ханны) и втолкнул через податливую кожу-мембрану в грудь третьего. Мягкий сердцеподобный орган, словно ручной зверек, лег Харману в ладонь, и в мозгу отдались непроизнесенные слова:

НЕ СЕРДИ
АРИЭЛЯ,
ОН
УБИВАЕТ
НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ.
ИДИ
ЗА НАМИ
И НЕ
ПЫТАЙСЯ
ПРОТИВИТЬСЯ.
ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ
ДЛЯ ТЕБЯ

И ДЛЯ ТВОЕЙ ГОСПОЖИ
АДЫ.
СЛЕДУЙ
ЗА
НАМИ.

— Откуда вы знаете про Аду? — вслух прокричал Харман.

ИДЕМ.

Это было последнее слово, перетекшее через дрожащую ладонь в раскалывающуюся голову Хармана. Внезапно его рука оказалась снаружи — вместе с вырванным сердцем зека, которое быстро сморщилось и умерло, а потом и сам зек завалился назад, без звука осел на землю, усох, съежился и умер. Ни Ариэль, ни другие зеки не обратили внимания на смерть переговорщика. Призрачная аватара отвернулась и ушла в темные джунгли по еле заметной тропке.

Два зека по-прежнему держали Хармана за руки, но хватку ослабили. Он не сопротивлялся, просто шагал с другими сквозь влажный сумрак.

Мысли двигались куда быстрее ног. Харман, стараясь не отставать от провожатых, то и дело спотыкался в темноте. Временами, когда листва над головой сплетала непроницаемый полог, он вообще ничего не видел, даже собственных ног,

поэтому позволял зекам вести себя, точно слепого, и сосредоточивался на размышлениях. Он уже понял, что если хочет увидеть когда-нибудь Аду и Ардис-холл, то в ближайшие часы должен быть гораздо умнее, чем в последние месяцы.

Итак, первый вопрос: где он? На Золотых Воротах в Мачу-Пикчу бушевала гроза, но там было утро, а здесь, в джунглях, царила ночь. Харман попытался припомнить все, что знал из книг о земной географии, но карты перемешались в голове, названия вроде «Азия» или «Европа» не значили почти ничего. Однако темнота подсказывала, что он не просто в джунглях на том же континенте, где находился мост. Значит, пешком ему до Мачу-Пикчу, Ханны, Петира и соньера не добраться.

Отсюда вытекал второй вопрос: как Ариэль перенес его сюда? В зеленых пузырях на Золотых Воротах видимых факс-павильонов не было. Будь они там — намекни Сейви хоть раз на факс-связь с мостом, — он точно не полетел бы туда на соньере, чтобы добыть оружие и уложить Одиссея в целебную колыбель. Нет… Ариэль доставил его в это темное грязное место каким-то иным способом.

Поскольку его тащили через заросли менее чем

за десять шагов от биосферной аватары — во всяком случае, так Просперо как-то назвал Ариэля, — можно было просто спросить. В худшем случае призрачное существо, которое Харман различал в свете звезд всякий раз, как джунгли немного редели, ничего не ответит.

Но Ариэль ответил (или ответила), причем на оба вопроса.

Сначала на второй:

— Недолго мне оставаться с тобой. Мое дело — доставить тебя хозяину немногим позже того, как мы услышим пенье петуха — если в этом треклятом месте есть петухи.

— Твой хозяин, Просперо? — спросил Харман.

Аватара промолчала.

— И как называется это треклятое место? — решил не сдаваться Харман.

Дух рассмеялся; смех у него был как звон серебряных колокольчиков, только радости не внушал.

— Его следовало бы наречь Зыбкой Ариэля, ибо здесь десятикратно двести лет назад мне довелось родиться, а вернее — возникнуть из миллиарда крохотных датчиков-ретрансляторов, которых люди старого-старого образца, твои предки, гость, именовали умными пылинками. Деревья

говорили со своими человеческими хозяевами и друг с другом, болтали по старой замшелой сети, из которой и зародилась ноосфера, трындели о температурах, и птичьих гнездах, и выводках, и фунтах на квадратный дюйм осмотического давления, пытались исчислять фотосинтез — ни дать ни взять подслеповатый писарь, что теребит костяшки счет, мня их сокровищами. Зеки, любезные мои орудия, — жаль, что хозяин, сей маг-чудовище, похитил столь многих для никчемных трудов на красной планете, — возникли так же, о да, почтенный гость, но нет, не здесь.

Харман почти ни слова не понимал, однако решил поддерживать разговор: рано или поздно Ариэль сболтнет что-нибудь полезное.

— Просперо, твой хозяин, назвал тебя аватарой земной биосферы, когда я говорил с ним, с твоим хозяином, на орбитальном острове девять месяцев назад.

— Ага, — откликнулся дух и вновь рассмеялся. — А я зову Просперо, которого ты назвал моим хозяином, Вонючкой Томом.

Обращенное к Харману зеленоватое личико мерцало во тьме под сплошным лиственным покровом, словно фосфоресцирующее тропическое растение.

— Харман, друг Никого, муж Ады, в моих очах ты грешник, чья судьба значима, по крайней мере в этом мире, не столько для него, сколько для его бледного образа. Ты недостоин жить среди людей — тем более прожить все Пять Двадцаток, подобно яствам брата-Калибана, поскольку время и его отливы тебя безумью обрекли. И ты же понимаешь, жалка отчаянность самоубийцы.

Харман ничего не понял и, хотя задал еще много вопросов, ни на один ответа не получил. Его провожатый молчал и заговорил уже после восхода, тремя часами и многими милями позже.

Через час после того, как у Хармана окончательно закончились силы, ему позволили привалиться к большому валуну и передохнуть. С первыми проблесками утра он понял, что это не валун.

«Валун» оказался частью стены, а стена — частью огромного здания, уступами уходящего вверх. По книгам Харман догадался, что это храм. А потом сообразил, на что смотрят его глаза и чего касаются его руки.

Каждый дюйм огромного храма покрывала резьба; некоторые барельефы были с человеческий локоть, но большинство из них Харман мог бы прикрыть ладонью.

На этих барельефах, все явственнее проступавших по мере того, как тропический рассвет просачивался сквозь джунгли над головой, мужчины и женщины занимались любовью… совокуплялись… а также мужчины более чем с одной женщиной, мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, женщины и мужчины с животными, в которых Харман узнал коней из туринской драмы, мужчины со слонами, женщины с быками, женщины и женщины с обезьянами, мужчины и мужчины с мужчинами…

Харман мог только таращить глаза. За свои девяносто девять лет он не видел ничего подобного. На уровне его глаз мужчина просунул голову между ногами женщины, другой мужчина, стоя над ним, вкладывал эрегированный пенис ей же в открытый рот, другая женщина с чем-то вроде искусственного члена входила в первую сзади, тогда как первая, обслуживая двоих мужчин и женщину, левой рукой мастурбировала возбужденного жеребца, а правой массировала гениталии человеку, стоявшему рядом с конем.

Харман отступил от храмовой стены и оглядел все заплетенное лианами сооружение. Тысячи, а то и десятки тысяч вариаций на ту же тему являли Харману такие формы секса, о которых

он не помышлял и даже не мог помыслить… Взять хотя бы изображения со слонами. Человеческие фигурки были упрощенные, лица и груди — овальные, глаза — миндалевидные, и все — мужчины и женщины — довольно улыбались.

— Что это? — спросил Харман.

И призрак фальцетом пропел:

Вот в полумраке рисуются статуи
Древних творцов над моей головой.
Канули в Лету твои почитатели,
Памятник похоти жадной людской![38]

Харман сделал еще одну попытку:

— Что это за место?

Впервые аватара ответила просто:

— Кхаджурахо.

Слово ни о чем Харману не сказало.

Дух биосферы сделал знак рукой, два маленьких зеленых, почти прозрачных зека тронули Хармана за руки, и процессия двинулась прочь от храма по едва различимой тропинке в джунглях. Обернувшись, Харман последний раз увидел каменное здание — здания, понял он теперь, ибо

---

[38] Примечания: 38

Вот в полумраке рисуются статуи… <…> *…памятник похоти жадной людской!* — Лоренс Хоуп (настоящее имя Вайолет (Адела Флоренс) Николсон; 1865–1904). Грезы Мухаммеда Акрана у финикового бассейна.

храмов здесь было несколько, все украшенные эротическими фризами, — и снова отметил, что джунгли их практически поглотили. Совокупляющиеся фигуры закрывала трава, обвивали лианы, крепко сжимали корни и зеленые плети.

Наконец место под названием Кхаджурахо исчезло в зелени, и Харман сосредоточился на ходьбе.

Когда солнце озарило густую растительность — десять тысяч оттенков зеленого, бóльшую часть которых Харман раньше не мог даже вообразить, — он думал об одном: как вернуться в Ардис, к Аде, или хотя бы на Мост, прежде чем Петир улетит на соньере. Ему не хотелось ждать три дня до того, как Петир вернется за Ханной и — если колыбель может вернуть жизнь и здоровье — Одиссеем-Никем.

— Ариэль! — окликнул он маленькое создание, словно парящее впереди вереницы зеков.

— Да, сэр?

Не будь этот голос таким бесполым, он бы гораздо меньше действовал на нервы.

— Как тебе удалось перенести меня от Золотых Ворот в эти джунгли?

— Разве переход не был достаточно плавным, о человек?

— Был, — ответил Харман, боясь, как бы бледное существо вновь не ударилось в бессвязную болтовню. — Но все-таки каким образом?

— Каким образом вы путешествуете с места на место, кроме как лежа брюхом на соньерном блюдце?

— Факсируем, — ответил Харман. — Но я не видел павильонов в Мачу-Пикчу… Там нет факс-узлов.

Ариэль подплыл (или подплыла) ближе, отодвигая ветки, так что Хармана и зеков окатило дождем росы.

— Нуждался ли твой друг Даэман в павильонах, когда десять месяцев назад его съел аллозавр?

Харман застыл как вкопанный. Провожатые зеки тоже остановились и пока не тянули его вперед.

Ну конечно же, думал Харман. Разгадка была у него перед глазами всю жизнь, а он не видел. Когда кто-нибудь факсировал на кольца по случаю очередной Двадцатки, этот человек шел к ближайшему павильону. Однако если кто-нибудь получал травму или погибал, как это случилось с Даэманом, когда того сожрал динозавр, *–кольца* сами его забирали.

Харман был на острове Просперо, среди целеб-

ных резервуаров, куда прибывали голые тела и откуда их после восстановления факсировали обратно. Харман и Даэман сами и факсировали их по указаниям Просперо — уничтожили сервиторов и отправили на Землю всех, кого смогли.

Люди способны факсировать без помощи павильонов. Исходной точкой не обязательно должен быть один из трехсот с чем-то факс-узлов. Всю свою жизнь, почти сотню лет, Харман видел — и не понимал. Слишком укоренилось представление, что пострадавших или убитых до Пятой Двадцатки забирают наверх постлюди. Факс-узлы были наукой, перенесение в лазарет для аварийного восстановления скорее религией.

Однако в лазарете на острове Просперо стояли машины, которые могли факсировать кого угодно без всяких павильонов и узлов.

И Харман с Даэманом уничтожили лазарет вместе с островом.

Зеки мягко потянули Хармана за руки: дескать, пора идти. Харман не тронулся с места. От напряженной мысли кружилась голова; если бы зеки не держали его с двух сторон, он мог бы упасть.

Остров Просперо уничтожен: Харман и другие люди старого образца много месяцев наблюдали, как падают, сгорая, его обломки… Но Ариэль

по-прежнему может факсировать — свободно, независимо от узлов, порталов и павильонов. Что-то на кольцах или даже на Земле отыскало этого духа, закодировало его и перенесло — вместе с Харманом — сюда, в Кхаджурахо, где бы ни находилось это «здесь». На другой стороне планеты, если не хуже. Стало быть, есть еще надежда вернуться к Аде, если только Ариэль откроет ему тайну свободного факса.

Зеки потянули снова, на сей раз понастойчивей. Ариэль парил (или парила) далеко впереди, направляясь к просвету в джунглях. Харману не хотелось навлекать неприятности на зеков, да и терять полупрозрачное существо из виду он не собирался, понимая теперь, что Ариэль — его факс-билет домой.

И он, спотыкаясь, поспешил догонять аватару земной биосферы.

Когда они вышли на поляну, Харман от яркого света зажмурился и закрыл ладонью глаза, так что в первые секунды не увидел конструкцию впереди, а когда увидел, то остолбенел.

Перед ним вздымалось гигантское… нет, не здание, скорее сооружение. Тысяча футов высоты, может, чуть больше, прикинул Харман (у него всегда был хороший глазомер). Конструк-

ция являла собой ажурный скелет из темных металлических балок на четырех полукруглых арках и сужалась по плавной дуге, заканчиваясь шпилем высоко-высоко в небе. В памяти всплыло выражение Ханны: «кованое железо». Харман чувствовал, что все эти опоры, фермы, арки и перекладины под жарким солнцем сделаны именно из железа.

— Что это? — выговорил он.

Зеки уже отпустили его и отступили в джунгли, как будто боялись приближаться к основанию невероятной башни. Харман присмотрелся и увидел, что по меньшей мере на целом акре у ее подножия ничего не растет, кроме аккуратно подстриженной травы, как будто исходящая от башни энергия не подпускает джунгли.

— Это семь тысяч тонн металла, — произнес биосферный дух почти что мужским голосом. — Два с половиной миллиона заклепок. Возраст — четыре тысячи триста одиннадцать лет, если считать от оригинала. На эйфельбане хана Хо-Тепа таких более четырнадцати тысяч[39].

–*На эйфельбане*… — повторил Харман. — Я не…

---

[39] Примечания: 39

На эйфельбане хана Хо-Тепа таких более четырнадцати тысяч. — В современном нам мире эйфельбаном называется построенная в XIX в. железная дорога в нагорье Эйфель (Айфель) на западе Германии.

— Идем! — рявкнул Ариэль. Голос у него теперь был, безусловно, мужской, низкий, не терпящий возражений.

У основания одной из арок стояла клетка из кованого железа.

— Заходи, — приказал Ариэль.

— Я должен узнать…

— Заходи, и узнаешь все, что тебе нужно знать, — промолвила биосферная аватара. — В том числе и то, как тебе вернуться к своей драгоценной Аде. Останешься здесь — умрешь.

Харман шагнул в клетку. Железная решетка захлопнулась. Залязгали шестерни, раздался металлический скрежет, и клетка заскользила вверх по тросам и рельсам.

— А ты? — крикнул Харман.

Дух не ответил. Лифт продолжал подниматься на башню.

42

Судя по всему, в башне было три площадки. Первая и самая широкая располагалась сразу над зеленым пологом джунглей. Лифт проехал мимо нее.

Вторая площадка была настолько высока, что лифт уже ехал почти вертикально; Харман пере-

двинулся на середину маленькой клети. Глядя наверх и по сторонам, он видел системы тросов — они тянулись от верхушки башни на запад и на восток, слегка провисая на расстоянии. На второй площадке лифт не остановился.

Третья и последняя площадка находилась в тысяче футов над землей, прямо под куполом с антенной-шпилем. Здесь клетка замедлила ход и остановилась. Залязгали древние шестеренки, что-то соскользнуло, лифт пролетел шесть футов вниз. Харман вцепился в железные прутья клетки и приготовился умереть.

Тут сработал тормозной механизм. Клетка остановилась. Ажурная железная дверь отъехала в сторону. Харман боязливо прошел по шестифутовому железному мосту, застеленному гнилыми досками. Более вычурная дверь впереди — вставки полированного красного дерева в кованой железной филиграни — клацнула, дрогнула и с шипением отворилась. Харман лишь секунду помедлил, прежде чем войти в темноту за дверью. Все, что угодно, было лучше открытого мостика в тысяче футов над железным кружевом, уходящим в головокружительную даль внизу.

Он был в комнате. Дверь с шипением и лязгом закрылась. Теперь Харман заметил, что здесь

на двадцать-тридцать градусов прохладнее, чем снаружи, под солнцем. Несколько мгновений он стоял на месте, дожидаясь, когда глаза привыкнут к относительному сумраку.

Он находился на маленькой, застеленной ковром и уставленной книжными шкафами антресоли, составляющей часть комнаты побольше. Винтовая лестница кованого железа вела с антресоли вниз, к полу основной комнаты, и вверх через потолок — надо думать, на второй этаж.

Харман спустился.

Такой обстановки ему еще видеть не доводилось. Причудливая мебель, обитая алым бархатом, на окнах по южной стене — тяжелые шторы с золотой бахромой до красно-бурого ковра с затейливым рисунком. У северной стены камин — черное железо и зеленая керамика. Длинный стол на резных ножках тянулся по меньшей мере на восемь из пятнадцати футов стены с окнами — их переплет мог помериться сложностью с паутиной. Мягкие кресла и оттоманки, резные стулья блестящего темного дерева с инкрустацией золотом и повсюду то, что Ханна как-то в его присутствии назвала полированной бронзой.

Здесь была странная переговорная труба с раструбом из полированной бронзы, полированные

бронзовые рычаги, выступающие из ящиков темно-вишневого дерева по стенам, на длинном дощатом столе стояло несколько бронзовых инструментов (у некоторых были бронзовые кнопки и медленно вращающиеся шестерни), дальше астролябия, в которой бронзовые кольца вращались внутри больших бронзовых колец, и мягко светящая бронзовая лампа. На столе были разложены карты, придавленные маленькими бронзовыми полушариями, другие карты, свернутые, торчали из бронзовой корзины на полу.

Харман подбежал и жадно уставился на карты, вытащил еще несколько и развернул, придавив бронзовыми полушариями.

Он в жизни не видел таких карт. Они были с координатной сеткой, но внутри сетки вились десятки тысяч тончайших параллельных линий — они теснились на бурых и зеленых участках карты, широко расходились на белых. В синих пятнах неправильной формы Харман угадывал озера, моря и океаны, возле синих извилистых линий — он догадывался, что это реки, — были написаны невообразимые названия: Тунгабхадра, Кришна, Годавари, Нормада, Маханади, Ганг…

На западной и восточной стенах между окнами поменьше, но с такими же сложными перепле-

тами, Харман видел еще книжные шкафы, еще книги, еще бронзовые безделушки, нефритовые статуэтки, бронзовые механизмы.

Он подбежал к шкафам и вытащил наугад три книги, вдыхая запах столетий, которым веяло от древних, но еще крепких страниц и толстых кожаных переплетов. От названий у него заколотилось сердце: «Третья династия хана Хо-Тепа, 2601–2939 н. э.», «Тексты „Рамаяны“ и „Махабхараты“ по Ганеше Киборгу», а также «Эйфельбан. Руководство по техобслуживанию и интерфейс искусственного интеллекта».

Харман положил правую ладонь на верхнюю книгу, закрыл глаза, чтобы вызвать функцию сиглирования, и… задумался. Будь у него время, он предпочел бы прочесть эти книги — проговаривая каждое слово и пытаясь угадать его значение по контексту. Медленно? Да. Трудно, мучительно? Разумеется. Но чтение давало ему гораздо больше, чем сиглирование.

Он благоговейно положил тома на полированную, без единой пылинки столешницу и поднялся по винтовой лестнице на высокий второй этаж.

Там была спальня — изголовье кровати из столбиков полированной бронзы, красное бархатное покрывало с каймой, украшенной причудли-

вым завивающимся узором, рядом с бронзовым торшером — широкое кресло с растительным орнаментом, к нему придвинута высокая кожаная оттоманка. К спальне примыкало помещение поменьше. Там были необычный фарфоровый унитаз под фарфоровым бачком с бронзовой цепью и гирькой, витражные окна в западной стене, бронзовые краны над раковиной и огромная фарфоровая ванна на кривых ножках. Харман вернулся в спальню. Здесь северная стена тоже состояла из окон — вернее, из стеклянных дверей с коваными железными ручками.

Харман открыл две створки и увидел балкон кованого железа в тысяче футов над джунглями. Солнце и зной ударили в лицо, как горячий кулак. Харман заморгал и попятился, не решаясь выйти на балкон, откуда ничего не стоило свалиться в пустоту.

Не отпуская двери, он высунулся ровно настолько, чтобы рассмотреть железную мебель с красными подушками и столик. Ширина балкона была футов десять. Наверху Харман видел огромный маховик под золотистым куполом на вершине башни и тросы шире его бедра, уходящие на запад и на восток. Сощурившись на восток, он различил еще одну вертикальную

линию: милях в сорока темнела другая такая же башня. Он глянул на запад, куда уходило с десяток тросов, но там были только иссиня-черные грозовые тучи.

Харман аккуратно закрыл стеклянные двери и спустился по винтовой лестнице, утирая рукавом вспотевшие лоб и шею. Восхитительная прохлада совершенно отбила у него желание возвращаться в джунгли.

— Здравствуй, Харман, — произнес знакомый голос из полумрака у стола и тяжелых занавесей.

Просперо выглядел гораздо более материальным, чем Харман помнил его по встрече на э-кольце несколько месяцев назад. Морщинистая кожа не просвечивала, как у голограммы. Голубая мантия из шелка и тонкой шерсти, расшитая золотыми планетами, серыми кометами и горящими алыми звездами, висела теперь тяжелыми складками и волочилась по турецкому ковру. Харман видел длинные серебристо-белые пряди за острыми ушами, старческие пятна на лбу и руках, желтизну ногтей. Он отметил видимую увесистость резного жезла в правой руке Просперо и то, как шаркали по полу и ковру синие домашние туфли.

— Отправь меня домой, — потребовал Харман,

надвигаясь на старика. — Сейчас же!

— Терпение, терпение, человек по имени Харман, друг Никого. — Маг чуть улыбнулся, показав желтоватые зубы.

— К черту терпение! — рявкнул Харман.

Только теперь он почувствовал всю силу собственной ярости. Как они смели похитить его, разлучить с Ардисом, с Адой, будущим ребенком! Ариэль наверняка действовал по приказу этого шаркающего старика в голубой мантии. Харман сделал еще шаг к Просперо, ухватил того за развевающийся рукав…

И отлетел на восемь футов с ковра на полированный пол, где и остался лежать на спине, моргая, чтобы прогнать оранжевые круги перед глазами.

— Я никому не позволю меня касаться, — вполголоса произнес маг. — Не вынуждай меня пускать в ход старческую клюку. — И он чуть оторвал от пола тяжелый посох.

Харман встал на одно колено:

— Отправь меня обратно. Прошу тебя. Я не могу оставить Аду в такое время.

— Ты уже избрал сей путь, разве нет? Никто не заставлял тебя везти Никого в Мачу-Пикчу, но при этом никто не остановил.

— Чего ты хочешь, Просперо? — Харман встал, безуспешно пытаясь сморгнуть последние красно-оранжевые круги, и сел на ближайший деревянный стул. — Как ты пережил разрушение астероида? Я полагал, твоя голограмма заключена там вместе с Калибаном.

— Так оно и было, — ответил Просперо, расхаживая взад-вперед. — Малая часть меня по большому счету, но существенная малая часть. Вы вернули меня на Землю.

— Мы… — Харман запнулся. — Соньер, да? Ты как-то сумел загрузить голограмму в память машины?

— Да.

Харман тряхнул головой:

— Ты мог вызвать соньер на орбитальный остров в любое время.

— Ошибаешься, — ответил старик. — Машина Сейви совершает орбитальные визиты исключительно для людей, а я… не вполне вписываюсь в данную категорию.

— А как спасся Калибан? — спросил Харман. — Я точно знаю, что*его* в соньере со мной, Даэманом и Ханной не было.

Старик пожал плечами:

— Похождения Калибана — его личное дело.

Негодяй мне больше не служит.

— Он вновь служит Сетебосу.

— Да.

— Но Калибан как-то выжил и возвратился на Землю после стольких веков.

— Да.

Харман провел по лицу рукой. Он внезапно понял, что смертельно устал и хочет пить.

— Деревянный шкапчик под антресолью — это нечто вроде холодильника, — сказал Просперо. — Там есть еда и… бутылки с чистой водой.

Харман резко выпрямился:

— Ты читаешь мои мысли, маг?

— Нет. Твое выражение. Нет карты более легкой для понимания, чем человеческое лицо. Иди попей. А я присяду здесь, у окна, и подожду, когда ты вернешься освеженным и готовым к беседе.

На ватных ногах Харман дошел до вместительного деревянного холодильника, потянул за бронзовую ручку и на минуту застыл, глядя на бутылки и завернутые во что-то прозрачное продукты. Затем надолго припал к воде.

Просперо восседал за столом на фоне солнечного окна. Харман вышел на середину красно-коричневого ковра:

— Зачем ты приказал Ариэлю доставить меня

сюда?

— Если быть точным, я велел моему биосферному духу перенести тебя в джунгли у Кхаджурахо, поскольку в пределах двадцати километров от эйфельбана факсирование запрещено.

— Эйфельбана? — повторил Харман, продолжая потягивать ледяную воду. — Та́к вы с Ариэлем называете эту башню?

— Нет-нет, мой дорогой Харман. Так мы… или, правильнее сказать, хан Хо-Теп, поскольку именно этот джентльмен построил эйфельбан несколько тысячелетий назад, назвал систему в целом. Это лишь одна… постой-ка, дай припомнить… из четырнадцати тысяч восьмисот точно таких же башен.

— Зачем столько?

— Так захотелось хану, — ответил маг. — И ровно столько Эйфелевых башен потребовалось, чтобы соединить восточное побережье Китая с Атлантической Брешью на берегу Испании. Считая магистрали, тупики и боковые ветки.

Харман решительно не понимал, о чем старик говорит.

— Эйфельбан — это какая-то транспортная система?

— Твой шанс для разнообразия прокатиться с

комфортом, — ответил Просперо. — Я бы даже сказал,*наш* с тобой шанс, ибо небольшую часть пути мы проделаем вместе.

— Никуда я с тобой не поеду, пока…

Харман осекся, выронил бутылку и двумя руками вцепился в стол.

Вся двухэтажная платформа на вершине накренилась. Послышался лязг и ужасающий скрежет, конструкция вздрогнула и накренилась еще сильнее.

— Башня падает! — заорал Харман.

За стеклышками в прихотливых железных переплетах зеленый горизонт наклонился, закачался, наклонился снова.

— Ничего подобного, — спокойно возразил Просперо.

Двухэтажный жилой блок падал — скользил вправо от башни, скрежеща по сухому металлу, как будто исполинские железные руки толкали его в пустоту.

Харман метнулся было к лестнице — и рухнул на четвереньки. Верхняя часть башни отделилась, пролетела вниз по крайней мере пятнадцать футов и после сильного толчка поплыла по воздуху на запад.

Харман с бешено бьющимся сердцем даже не

пытался встать с колен. Огромный жилой модуль опасно раскачивался туда-сюда, пока наконец не обрел равновесие. Пронзительный скрип над крышей сменился оглушительным гудением. Только тогда Харман поднялся на ноги, неуверенной походкой добрел до стола и выглянул в окно.

Башня осталась слева и быстро уменьшалась. В просвете на месте двухэтажных апартаментов на высоте тысячи футов синело небо. Харман видел над головой тросы и теперь понимал, что гул как-то связан с маховиком наверху. Эйфельбан оказался своего рода фуникулером, а большой железный дом — кабиной. Вертикальная черточка на востоке — еще башня, такая же, как та, от которой они уехали. И кабина стремительно двигалась на запад.

Харман повернулся к Просперо, сделал шаг, но остановился вне досягаемости тяжелого посоха.

— Ты должен отпустить меня к Аде. — Харман хотел говорить твердо, но с отвращением услышал в своем голосе плаксивые нотки. — Ардис-холл осаждают войниксы. Я не могу бросить ее в такой опасности. Прошу тебя, владыка Просперо, очень прошу.

— Тебе уже поздно вмешиваться, — проговорил Просперо хриплым старческим голосом. — То,

что случилось с Ардис-холлом, уже случилось. Но полно, сударь, забудем наши мытарства и не будем отягощать нашу память минувшими несчастьями. Ибо мы пустились в новое странствие, Харман, друг Никого, и один из нас вскоре станет мудрее, глубже, полнее, а наши враги — а именно исчадье Сикораксы, которое я приютил, будет пить одну морскую воду, есть коренья неудач да скорлупу позора.

43

На Олимпе и в окрестностях назревала гроза. Планетарная пыльная буря багровым саваном окутала Марс, воющие вихри завивались воронками у силового поля эгиды, которую исчезнувший Зевс оставил вокруг обители богов. Концентрация электростатических частиц на щите была такова, что у вершины день и ночь слышались инфразвуковые раскаты грома. Солнечный свет превратился в тусклое багровое свечение, разрываемое вспышками молний и несмолкающим ревом ветра.

Ахиллес, по-прежнему неся на плече мертвую, но возлюбленную царицу амазонок Пентесилею, квант-телепортировался в дом своего пленника Гефеста, бога огня, главного ремесленника бо-

гов, мужа Аглаи, иначе известной как Харита, «изящество искусства», одной из прекраснейших граций. Кое-кто поговаривал, будто мастер сотворил себе жену собственными руками.

Гефест квант-телепортировался не прямо в дом, а к парадному входу. Белый камень, белые колонны, белый портик — на первый взгляд такое же жилище, как у остальных бессмертных. Но то был только вход. На самом деле хромоногий кузнец устроил себе дом и просторную мастерскую в крутом южном склоне Олимпа, вдали от Кальдерного озера и домов-храмов большей части богов. Он жил в пещере.

Хромоногий повел Ахиллеса внутрь, закрывая за ними многочисленные железные двери.

Пещера была прорублена в твердом черном камне Олимпа, и комната, куда они вступили, тянулась на сотни ярдов во мрак. Повсюду были столы, увеличительные стекла, инструменты, загадочные приспособления и машины в различной степени сборки или расчленения. В глубине пещеры ревел открытый очаг; в котле оранжевой лавой пузырилась расплавленная сталь. Ближе к входу, где бог отделил себе жилое пространство, на что указывали ложа, табуреты, низкие столики, кровать и жаровни, сидели,

стояли и расхаживали золотые женщины — прислужницы Гефеста, механические красавицы с человеческими глазами, металлическими грудями и мягкими вагинами из синтетической плоти, а также — если верить молве — с душами, похищенными у живых людей.

— Клади ее сюда, — сказал бог-карлик, указывая на загроможденный верстак.

Одним движением волосатой руки он сбросил все со стола на пол.

Ахиллес разжал хватку (до сих пор он крепко держал хромоногого карлика) и с благоговейной нежностью опустил свою ношу.

Гефест целую минуту смотрел на лицо Пентесилеи.

— Куколка, что и говорить. И сохранилась отменно: узнаю работу Афины. После стольких дней — ни единого пятна. Смотри-ка, даже румянец на щечках. Ты не против, если я загляну под эту тряпку: хотелось бы грудки оценить…

— Только тронь ее или саван, — промолвил Ахиллес, — и я тебя убью.

Гефест примирительно воздел руки:

— Да ладно, ладно, я же из чистого любопытства… — Он хлопнул в ладоши. — Сначала — еда. Потом обсудим, как нам оживить твою милую.

Золотые прислужницы поставили на круглый стол в кольце лож большие кубки с вином и блюда с горячими яствами. Быстроногий Ахиллес и волосатый Гефест жадно набросились на еду и долго не разговаривали, только требовали добавки или просили передать через стол общую чашу.

В качестве закуски перед обедом подали дымящуюся жареную печень, завернутую в бараньи кишки, — одно из любимых блюд Ахиллеса. Затем — целого поросенка, начиненного маленькими птичками, изюмом, каштанами, яичными желтками и пряным мясом. Рядом прислужницы поставили миски свинины, тушенной с яблоками и грушами, а потом самые изысканные кушанья: жареную свиную матку и маслины с давленым нутом. Главным блюдом стала огромная рыба, запеченная до хрустящей коричневой корочки.

— Поймана в сеть в Кальдерном озере самого Зевса, на вершине Олимпа, — с набитым ртом похвастался Гефест.

Чтобы очистить рот между блюдами, у них были плоды, орехи и сласти. Золотые девушки принесли на стол чаши со смоквами, горы миндаля на подносах, сочные финики и плоские блюда с медовыми лепешками (Ахиллес пробовал такие

лишь раз, когда гостил в Афинах). Последним был любимый десерт Агамемнона, Приама и прочих царей над царями — запеканка из мягкого домашнего сыра.

После пира золотые прислужницы убрали со стола, подмели полы, затем подали новые бочонки с вином — по меньшей мере десяти сортов — и двуручные кубки. Желая оказать гостю честь, Гефест сам смешивал вино с водой.

Бог-карлик и богоподобный человек пили около двух часов, и ни один из них не впал в состояние, которое на языке Ахиллеса именовалось *параинией* — «пьяным безумием».

По большей части они молчали, а золотые обнаженные прислужницы их развлекали: чувственно танцевали вокруг стола вереницей, которую эстеты вроде Одиссея назвали бы *комосом*[40].

Оба по очереди вышли справить нужду, а когда снова уселись пить, Ахиллес спросил:

— Ну как, уже ночь? Не пора перенести меня в чертоги Целителя?

— Ты правда думаешь, сын мокрогрудой Фети-

---

[40] Примечания: 40

…которую эстеты вроде Одиссея назвали бы комосом. — Комос в Древней Греции — ритуальное пьяное шествие в сопровождении кифар и флейт.

ды, что целебные баки на Олимпе вернут жизнь твоей амазонке? Эти баки и черви созданы для воскрешения бессмертных, а не смертной девки, будь она хоть трижды раскрасавицей.

Ахиллес был так пьян, что пропустил оскорбление мимо ушей.

— Богиня Афина сказала мне, что баки воскресят Пентесилею. Афина не лжет.

— Афина только и делает, что лжет, — фыркнул Гефест, поднимая огромный двуручный кубок. — Несколько дней назад, помнится, ты ждал у подножия Олимпа, швырял камнями в непробиваемую эгиду Зевса и ревел, чтобы Афина вышла сразиться с тобой, дабы ты убил ее острым копьем, как убил эту амазонку, пронзив ее сладкую грудку. Что изменилось, о благородный мужеубийца?

Ахиллес помрачнел:

— В истории Троянской войны было много… сложного, калека.

— За это надо выпить, — рассмеялся Гефест и снова поднял огромный кубок.

Когда они готовы были квитироваться в чертог Целителя, Ахиллес вновь облачился в доспехи, препоясался наточенным на шлифовальном камне Гефеста мечом, поднял начищенный до

блеска щит и шагнул было к верстаку, чтобы взвалить на плечо Пентесилею.

— Оставь ее, — сказал Гефест.

— О чем ты? Оставить? — возмутился Ахиллес. — Мы отправляемся к Целителю ради нее.

— Мы же не знаем, какие там будут сегодня боги или стражники, — ответил кузнец. — Возможно, тебе придется пробиваться через фалангу. Труп амазонки на плече станет лишней обузой. Или ты хочешь использовать ее прекрасное тело как щит?

Ахиллес задумался.

— Здесь ей ничто не повредит, — прибавил Гефест. — Раньше у нас водились тараканы, крысы, летучие мыши, но я очистил от них пещеру, создав механических кошек, соколов и богомолов.

— Да, но…

— Если чертог Целителя пуст, мы за три секунды квитируемся обратно и заберем тело. А покуда за ней присмотрят мои золотые девочки. — Бог-искусник щелкнул мясистыми пальцами, и шесть металлических прислужниц встали у тела Пентесилеи. — Теперь готов?

— Да.

Ахиллес схватил Гефеста за покрытый шрамами локоть, и оба исчезли.

В чертогах Целителя было пусто. Ни одного бессмертного стражника. Мало того, к изумлению самого Гефеста, пустовали даже многочисленные стеклянные цилиндры. Ни один бог не лечился и не воскресал нынче ночью. На всем огромном пространстве, освещенном лишь тусклыми жаровнями да лиловым мерцанием булькающих баков, ничто не двигалось, кроме хромого Гефеста и быстроногого Ахиллеса, высоко поднявшего щит.

И вот из полумрака между чанами выступил Целитель.

Ахиллес поднял щит еще выше.

Афина сказала ему над телом Пентесилеи: «Убей Целителя — чудовищную сороконожку, многоглазую и многорукую. Разрушь все в том зале». Однако Ахиллес думал, что Афина обозвала Целителя сороконожкой уничижительно, не в качестве буквального описания.

Существо и впрямь напоминало сороконожку, только тридцати футов ростом; членистое тело раскачивалось, круги глаз, опоясывающие его верхний сегмент, были устремлены на Ахиллеса и Гефеста. У Целителя были усики-щупальца, членистые руки — чересчур много — и паучьи пальцы на дюжине верхних рук. Жилет на вто-

ром сверху сегменте топорщился множеством карманов, из которых торчали инструменты, другие инструменты висели на ремнях и черных кожаных полосах, обвивающих другие отделы подвижного туловища.

— Целитель, — крикнул Гефест, — где все?

Гигантская сороконожка качнулась, всплеснула руками и разразилась неразборчивым треском из нескольких невидимых ртов.

— Ты понял? — спросил Ахиллеса Гефест.

— Что — понял? Звук такой, будто ребенок ведет палкой по грудной клетке скелета.

— Да нет же, он изъясняется на отличном греческом языке, — возразил кузнец. — Надо просто мысленно замедлять его речь, слушать более внимательно. — И он обратился к Целителю: — Мой смертный друг не разобрал твоих слов. Не мог бы ты повторить, о Целитель?

— ВладыкаЗевсПовелелНеПомещатьНикогоИзСмертныхВРегенерационныеБакиБезЕгоПрямогоУказания. ВерховногоБогаВладыкуЗевсаНиктоНайтиНеМожет.АПосколькуЦелительНаОлимпеПовинуетсяЛишьЕму, ЯНеПозволюСмертномуПройти, ПокудаЗевсНеВернетсяНаСвойОлимпийскийПрестол.

— Теперь понял? — спросил искусник Ахил-

леса.

— Что-то в том смысле, что эта тварь подчиняется только Зевсу и не разрешит положить Пентесилею в чан без личного распоряжения Зевса?

— Точно.

— Я могу убить эту большую букашку, — сказал Ахиллес.

— Может, и так, — сказал Гефест. — Хотя, по слухам, Целитель куда бессмертнее нас, недавних богов. Но если ты его убьешь, Пентесилея уже никогда не воскреснет. Только Целитель умеет управляться с механизмами и командовать синими червями, которые участвуют в лечении.

— Ты искусник, — сказал Ахиллес, постукивая мечом по золотому ободу щита. — Ты наверняка знаешь, как управлять этими машинами.

— Хрена с два. Это не простые технологии вроде тех, что мы применяли в бытность постлюдьми. Я так и не разобрался в квантовых механизмах Целителя… а если б и разобрался, все равно не заставил бы синих червей работать. Думаю, они отзываются только на телепатические сигналы и только исходящие от Целителя.

— Насекомое сказало, что повинуется Зевсу лишь*на Олимпе.* — Судя по голосу, Ахиллес был

опасно близок к тому, чтобы потерять терпение и убить на месте бога огня, исполинскую сороконожку и всех богов, еще оставшихся на Олимпе. — Кто другой может ему приказать?

Гефест осклабился:

— Крон. Однако Крон и другие титаны навеки брошены в Тартар. В этой вселенной лишь Зевс может приказывать Целителю.

— Тогда где Зевс?

— Никто не знает, — прорычал Гефест. — А пока его нет, олимпийцы перегрызлись между собой за власть. Бои сейчас идут главным образом на Земле Илиона, где боги по-прежнему поддерживают своих троянцев или греков, а на Олимпе сегодня затишье, поэтому я и поперся на долбаный склон проверять мой эскалатор.

— Зачем Афина дала мне богоубийственный кинжал и велела убить Целителя, как только Пентесилея воскреснет? — спросил Ахиллес.

Глаза у Гефеста расширились.

— Она велела убить Целителя? — тихо и озадаченно переспросил малорослый бородатый бог. — Понятия не имею, зачем ей это. Какая-то ее очередная интрига, но на сей раз безумная. Без Целителей от баков не будет никакого проку… и все наше бессмертие — псу под хвост. Мы можем

прожить еще долго, но в мучениях, сын Пелея. В ужасных мучениях без наноомолаживания.

Ахиллес подошел к Целителю, поднял свой прославленный щит к глазам, сверкающим в отверстиях боевого шлема, и вытащил меч:

— Я заставлю эту тварь активировать баки для Пентесилеи.

Гефест стремительно подошел и схватил его за локоть:

— Нет, мой смертный друг. Поверь, Целитель не боится смерти, и ты его не принудишь. Он повинуется только Зевсу. Без гребаного Целителя синие черви ни хрена не станут работать. Без долбаных синих червей баки не стоят ломаного гроша. Без треклятых баков твоя сукина дочь амазонка останется мертвой, едрить ее мать.

Ахиллес гневно стряхнул руку искусника:

— Букашке… придется… поместить Пентесилею в целебный чан.

Говоря, Ахиллес вновь вспомнил приказ Афины убить Целителя. «Что затевает эта бессмертная стерва? Для чего решила меня использовать? Зачем? Она не безумна и явно не намерена убить того единственного, кто сохраняет ее бессмертие».

— Целитель не страшится тебя, сын Пелея. Мо-

жешь убить его, но тогда уж точно не увидишь свою царицу живой.

Ахиллес отошел от карликового бога, протиснулся мимо великана-Целителя и ударил своим прекрасным щитом (со всеми его кругами символов) по прозрачному пластику огромного регенерационного резервуара. Эхо удара прокатилось под сумрачными сводами.

Ахиллес вновь развернулся к Гефесту:

— Ладно. Букашка слушается Зевса. Где Зевс?

Бог огня засмеялся было, но быстро умолк, заметив, как сквозь отверстия в шлеме сверкают очи ахейца.

— Ты что, серьезно? Ты рассчитываешь покорить своей воле Громовержца, отца богов?

–*Где* Зевс?

— Никто не знает, — повторил кузнец и, приволакивая ногу, побрел к высоким дверям.

Снаружи ярко полыхали молнии, эгида искрилась под натиском пыльной бури. В пещеру хлынул серебристый свет, очертив вырубленные из камня колонны.

— Зевса нет больше двух недель! — прокричал Гефест, обернувшись через плечо, и потянул себя за косматую бороду. — Мы все подозреваем какие-то долбаные Герины козни. Может, она бросила

мужа в бездну Тартара к изгнанным родителям Крону и Рее.

— Ты сумеешь его найти? — Ахиллес повернулся спиной к Целителю, вставил меч в петлю на широком поясе и закинул на спину тяжелый щит. — Доставишь меня к Зевсу?

Гефест только вытаращил глаза:

— Ты сойдешь в Тартар, чтобы покорить бога богов своей смертной воле? Из всего первоначального пантеона лишь одно существо, помимо Зевса, может знать, где он. Эта же ужасная сила единственная из бессмертных на Марсе может отправить нас в Тартар. Ты действительно пойдешь в Тартар, если потребуется?

— Ради моей амазонки я полезу к смерти в зубы и вырвусь обратно, — вполголоса ответил Ахиллес.

— Тартар тысячекратно хуже смерти и мрачных чертогов Аида, Пелеев сын.

— Веди меня к той силе, о которой говорил, — приказал Ахиллес; его глаза в отверстиях шлема горели нездоровым огнем.

Целую минуту искусник тихонько сопел и рассеянно тянул себя за спутанную бороду, глядя куда-то в пустоту. Потом сказал: «Будь по-твоему», с неимоверной скоростью прохромал по

мраморному полу и крепко стиснул Ахиллесу руку выше локтя.

44

Харман не собирался спать. Несмотря на усталость, он согласился лишь поесть и что-нибудь выпить. Горячая похлебка оказалась очень вкусной, и он ел с аппетитом, пока Просперо, утопая в мягком кресле, читал огромный том в потрепанном кожаном переплете.

Когда Харман вновь повернулся к Просперо с твердым намерением в более решительных выражениях потребовать возвращения в Ардис, ни мага, ни книги уже не было. Несколько минут Харман сидел за столом, едва сознавая, что едет по воздуху в девяти сотнях футов над джунглями в поскрипывающей кабине величиной с дом. Затем — просто чтобы еще раз взглянуть на второй этаж — он устало поднялся по железной винтовой лестнице, примерно минуту стоял на пороге, глядя на большую кровать, а потом повалился на нее ничком.

Когда он проснулся, была уже ночь. Через окна струился свет луны и колец, такой яркий, что казалось, на бронзе и бархате лежат полосы белой краски. Харман открыл двери и вышел на

террасу.

Несмотря на высоту почти в тысячу футов и ветер от движения кабины, Хармана обдало жаром, влажностью и органическими запахами зеленой жизни внизу. Кольца и луна в третьей четверти заливали белым сплошной растительный полог. Иногда сквозь ровный гул маховиков и скрежет длинного троса снизу долетали странные звуки. Харман потратил минуту, чтобы сориентироваться по э- и п-кольцам.

От первой башни они поехали на запад. Спал он десять часов. Но теперь, без всяких сомнений, кабина двигалась на северо-северо-восток. На юго-западе, в той стороне, откуда они ехали, над горизонтом виднелась вершина башни, а с противоположной стороны надвигалась еще одна: до нее оставалось меньше двадцати миль. Видимо, пока Харман спал, кабина успела поменять направление у какой-то развилки. Все его географические познания были почерпнуты из книг — несколько месяцев назад он единственный из людей старого образца хоть как-то представлял себе географию, знал хотя бы, что Земля — шар. Однако он никогда особенно не обращал внимания на остроконечный субконтинент к югу от того, что когда-то называлось Азией. И все

равно не требовалось быть картографом, чтобы сообразить: если Просперо говорил правду и цель путешествия — побережье Европы, где на сороковой параллели начинается Атлантическая Брешь, то они едут не в ту сторону.

Это не имело значения. Харман не собирался ждать недели, а то и месяцы, которые займет это путешествие. Ада нуждалась в нем*сейчас*.

Он заходил по балкону, хватаясь за перила, стоило кабине качнуться, и только на третий раз заметил сразу за ними железную лестницу. Харман ухватился за перекладину и подтянулся. Теперь между ним и землей были только тысяча футов воздуха и зеленый навес джунглей.

Лестница вывела на плоскую крышу.

Харман осторожно встал на ноги, раскинув для равновесия руки; канатная дорога как раз повела вверх, навстречу мигающим огням следующей башни. До нее оставалось миль десять. За башней из-за горизонта показались озаренные луной и кольцами горные пики.

Несмотря на упоительное ощущение скорости и красоты, Харман кое-что заметил. Футах в трех перед кабиной что-то еле заметно колыхалось, слегка размывая очертания луны, колец и джунглей внизу. Он прошел на самый край и вытянул

руку как можно дальше.

Впереди обнаружилось защитное поле. Не очень мощное — пальцы пронизали его, как упругую, но проницаемую мембрану на входе в лазарет орбитального острова. И тем не менее оно защищало от ветра с неаэродинамической стороны дома-кабины. Рука ощутила настоящую силу воздушного потока, способного вывернуть запястье. Эта штука ехала куда быстрее, чем он думал.

Около получаса Харман стоял и расхаживал по крыше, слушал пение тросов, наблюдал, как приближается следующая башня эйфельбана, и продумывал стратегии для возвращения к Аде. Потом спустился по лестнице, спрыгнул на балкон и вошел в дом.

Просперо ждал на первом этаже с раскрытой книгой на коленях. Посох стоял подле его правой руки.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Харман.

Просперо поднял голову:

— Мой юный друг, я вижу, твои манеры так же оставляют желать лучшего, как и облик нашего общего знакомого Калибана.

— Чего ты от меня хочешь? — повторил Харман, сжимая кулаки.

— Пора тебе на войну, Харман из Ардиса.

— На войну?

— Да. Пришло время сражаться. Всему твоему виду, роду, племени. Тебе.

— О чем ты? С кем сражаться?

— Правильней было бы сказать: с*чем*, — ответил Просперо.

— Ты про войниксов? Мы с ними уже сражаемся. Я привез Одиссея-Никого в Мачу-Пикчу главным образом для того, чтобы пополнить запас оружия.

— Нет, не с войниксами, — ответил Просперо, — и не с калибанами. Хотя этим жалким рабам было велено истребить весь ваш род и племя, их дни сочтены. Я говорю о Враге.

— О Сетебосе? — спросил Харман.

— О да. — Просперо опустил старческую руку на страницу, вложил засушенный длинный лист вместо закладки, бережно закрыл том и встал, опершись на посох. — Сетебос, многорукий, словно каракатица, наконец здесь, в твоем и моем мире.

— Знаю. Даэман видел его в Парижском Кратере. Сетебос оплел голубой ледяной паутиной весь узел и десяток других, включая Чом и…

— А знаешь ли ты, для чего многорукий пришел

на Землю? — перебил маг.

— Нет.

— Чтобы подкормиться, — тихо сказал Просперо. — Чтобы есть.

— Нас?

Кабина замедлила ход, подпрыгнула, и на секунду Харман увидел вокруг другую башню — двухэтажное сооружение встало на платформу, в точности как в первой башне. Затем кабина повернулась, раздался лязг, и они двинулись в новом направлении, больше на восток, чем на север.

— Так Сетебос явился поедать нас? — снова спросил Харман.

Просперо улыбнулся:

— Не совсем… Не напрямую.

— И что это значит, черт побери?

— Это значит, мой юный человек Харман, что Сетебос — упырь. Наш многорукий друг питается остатками страха и боли, темной энергией внезапного ужаса и густым осадком столь же внезапных смертей. Память об ужасах залегает в почве вашей планеты (и любой планеты, населенной воинственными разумными существами), как нефть или каменный уголь, дикая энергия былой эры, дремлющая под землей.

— Не понимаю.

— Это значит, что Сетебос, пожиратель планет, гурман темных веков, заключил некоторые ваши факс-узлы в голубой стазис, да — чтобы отложить яйца, разослать свое семя по всему миру, выкачать из этих мест тепло, подобно суккубу, пьющему дыхание спящей души. Однако именно на вашей истории, на вашей памяти он разжиреет, словно многорукий клещ-кровосос.

— Все равно не понимаю, — сказал Харман.

— Сейчас его гнезда в Парижском Кратере, в Чоме и других провинциальных уголках, в которых вы, люди, спите, веселитесь и прожигаете ваши никчемные жизни. А питаться он будет в Ватерлоо, Хо-Тепсе, Сталинграде, Граунд-Зеро, Курске, Хиросиме, Сайгоне, Руанде, Кейптауне, Монреале, Геттисберге, Эр-Рияде, Камбодже, Чанселорсвилле, Окинаве, Тараве, Сонгми, Берген-Бельзене, Освенциме и Сомме… Названия тебе что-нибудь говорят, Харман?

— Нет.

Просперо вздохнул:

— Вот она, наша беда. Пока какая-то часть вашего человеческого рода не возвратит утраченную память расы, вы не сможете бороться против Сетебоса, не сможете понять Сетебоса. Да вы и

себя-то понять не сумеете.

— Почему это твоя беда, Просперо?

Старец снова вздохнул:

— Если Сетебос пожрет человеческие страдания и память этой планеты — энергетический ресурс, который я называю *умана*, — Земля останется физически живой, но духовно мертвой для всякого разумного существа… включая меня.

–*Духовно* мертвой? — переспросил Харман.

«Дух», «духовный», «духовность» — время от времени эти слова попадались ему в просиглированных и прочитанных книгах. Расплывчатые, темные понятия из давнего прошлого, что-то из области религий, древних мифов и привидений. Они не имели ни малейшего смысла в устах логосферной голограммы — конструкта, составленного из древних компьютерных программ и протоколов связи.

— Духовно мертвой, — повторил маг. — Психически, философски, органически мертвой. На квантовом уровне живая планета записывает бóльшую часть разумных энергий своих обитателей, Харман из Ардиса, — любви, ненависти, надежды, страха, — подобно тому как частички магнетита в магматическом расплаве поворачиваются к северному либо к южному полюсу.

Полюса могут блуждать, меняться местами, исчезать, но летопись остается. Возникшее в итоге энергетическое поле так же реально — хотя и много хуже поддается измерению, — как магнитосфера планеты с вращающимся горячим ядром, и так же защищает ее от самых суровых реалий космоса. Таким образом память о страданиях и боли оберегает будущее разумной расы.*Это* тебе понятно?

— Нет, — сказал Харман.

Просперо пожал плечами:

— Тогда поверь на слово. Если хочешь когда-нибудь увидеть Аду живой, тебе придется научиться… многому. Возможно, чересчур многому. Но тогда ты хотя бы сможешь вступить в сражение. Не исключено, что надежды уже нет (когда Сетебос начинает пожирать память мира, надежды почти нет), но, по крайней мере, мы будем бороться.

— Не все ли тебе равно, сохранится ли человеческий род? Или наши воспоминания?

Маг печально улыбнулся:

— За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я просто функция электронной почты, ярлычок древнего интернета с мантией и посохом?

— Я не знаю, что ты за хрень, — ответил Харман.

— Голограмма.

Просперо шагнул вперед и влепил ему пощечину.

Харман отшатнулся, прижал ладонь к пылающей щеке, сжал кулаки.

Просперо с улыбкой выставил перед собой посох:

— Даже не думай об этом, Харман из Ардиса, если не хочешь очнуться на жестком полу десять минут спустя с такой головной болью, какая тебе и не снилась.

— Я хочу домой, к Аде, — медленно проговорил Харман.

— Ты уже пытался разыскать ее с помощью своих функций?

Харман заморгал:

— Да.

— И работают ли твои функции здесь, в кабине? Или раньше в джунглях?

— Нет.

— И не заработают, пока ты не освоишь все остальные функции в твоем распоряжении, — проговорил старик, возвращаясь к своему креслу и осторожно опускаясь на мягкое сиденье.

— Остальные функции… — начал Харман. — В каком смысле?

— Сколько функций ты уже освоил? — спросил Просперо.

— Пять, — ответил Харман.

Одну из них, поисковую, включающую определение времени, люди знали с древности; еще трем научила их Сейви; пятую Харман открыл сам.

— Перечисли.

Харман вздохнул:

— Поисковая функция… Ближняя, дальняя, общая сеть и сиглирование — чтение ладонью.

— Освоил ли ты функцию общей сети, Харман из Ардиса?

— Вообще-то, нет.

Слишком много информации, слишком широкий диапазон, как выразилась Сейви.

— А думаешь ли ты, Харман из Ардиса, что у людей старого образца *–настоящих* людей старого образца, ваших неусовершенствованных предков, — были эти пять функций?

— Я… я не знаю…

Он никогда об этом не задумывался.

— Нет, не было, — бесстрастно изрек Просперо. — Вы плод четырех тысяч лет генной модификации и нанотехнологического сплайсинга. Как ты обнаружил функцию сиглирования, Харман

из Ардиса?

— Я… просто экспериментировал с воображаемыми квадратами, кругами, треугольниками, пока одно сочетание не сработало.

— Так ты сказал Аде и остальным, но это ложь. Как ты на самом деле научился сиглировать?

— Я увидел код функции во сне, — признался Харман.

Столь непонятным, драгоценным переживанием он и впрямь ни с кем не делился.

— Сон навеял тебе Ариэль. — На тонких губах старика вновь заиграла усмешка. — Мы устали ждать. Угадаешь, сколько функций носит каждый из вас, каждый «человек старого образца», в крови, в клетках тела и мозга?

— Больше пяти? — спросил Харман.

— Сто, — промолвил Просперо. — Ровно сто.

Харман порывисто шагнул к нему:

— Научи меня им!

Просперо мотнул головой:

— Не могу. И не стал бы. Но тебе все равно надо их выучить. В этом путешествии ты их узнаешь.

— Мы едем не в ту сторону, — сказал Харман.

— Что?

— Ты говорил, что эйфельбан доставит меня к европейскому побережью, где начинается Ат-

лантическая Брешь. А мы едем на восток, прочь от Европы.

— Через две башни мы повернем на север. Тебе не терпится туда?

— Да.

— А зря, — сказал маг. — Обучение произойдет во время путешествия, а не после. Тебя ожидает преображение из преображений. И будь уверен, тебе бы вряд ли пришелся по вкусу короткий путь: через перевалы древнего Пакистана и пустыню под названием Афганистан, к югу вдоль Средиземного бассейна и через болота Сахары.

— Почему?

Они с Даэманом и Сейви пролетели на восток над Атлантикой, затем над болотами Сахары и дальше проехали на вездеходе по сухому Средиземному бассейну. Эти места он знал и к тому же хотел бы посмотреть, по-прежнему ли с Храмовой горы Иерусалима бьет в небо голубой тахионный луч. Сейви сказала, что в этом луче закодирована информация обо всех ее современниках, живших четырнадцать веков назад.

— Калибаны вырвались на свободу, — сказал Просперо.

— Как, они покинули Бассейн?

— Прежние оковы их не сдерживают. Анархия

вырвалась в мир — по крайней мере, в его часть.

— Тогда куда мы едем?

— Терпение, Харман из Ардиса. Терпение. Завтра пересечем горный хребет, — пожалуй, эта часть путешествия покажется тебе особенно поучительной. Потом направимся в Азию, где ты, возможно, узришь творения великих покойников, и уж тогда — на запад, только на запад. Брешь подождет.

— Слишком долго, — сказал Харман, расхаживая по комнате. — Слишком долго. Если функции здесь не работают, у меня нет способа узнать, как там Ада. Мне нужно назад. Мне нужно вернуться домой.

— Ты хочешь узнать, как поживает твоя Ада? — без улыбки спросил маг и указал на красную полосу ткани, расстеленную на красном диване. — Возьми посмотри. Но только один раз.

Харман нахмурился, повертел повязку в руках:

— Туринская пелена?

Она была красная (а не рыжевато-коричневая, как обычно) и с другим узором микросхем.

— Существует несметное множество туринских приемных устройств, — сказал Просперо. — И несметное множество сенсорных передатчиков. Им может быть любой человек.

Харман покачал головой:

— Мне плевать на туринскую драму — Трою, Агамемнона и всю эту чушь. Я не в настроении развлекаться.

— Эта пелена не покажет тебе Илион, — сказал Просперо. — Она покажет тебе судьбу твоей Ады. Попробуй.

Харман сел на диван, дрожащими руками расправил на лице алую ткань, коснулся вышивки на лбу и закрыл глаза.

45

«Королева Маб» тормозила на подлете к Земле, выбрасывая каждые полминуты по ядерной бомбе размером с банку кока-колы, бомба взрывалась и вгоняла тяговую плиту обратно в корму тысячефутовой посудины, гигантские поршни в машинном отделении совершали возвратно-поступательные движения, следующая бомба выбрасывалась в отверстие…

Манмут смотрел кормовой видеоканал.

Если кто-нибудь на Земле еще не догадывался о нашем приближении, то теперь знают все, сказал он Орфу по фокусированному лучу.

Их обоих впервые с начала путешествия пригласили на мостик, и в эту минуту они как раз

поднимались на самом большом лифте к носу корабля (который, разумеется, во время торможения был направлен в космос, а не к быстро приближающейся Земле).

Думаю, мы и не имели намерения явиться втихую, ответил Орфу.

Да уж. Неприметнее нас только желудочный зонд. Это так же толсто, как платный клозет в палате для больных диареей, как…

Ближе к делу. Куда ты клонишь? — пророкотал Орфу.

Это слишком *нарочито*, сказал Манмут. *Слишком заметно. Слишком дорого — я имею в виду, корабль по чертежам середины двадцатого века. Эжекторный механизм по образцу завода «Кока-Кола» тысяча девятьсот пятьдесят девятого года…*

И? — перебил Орфу.

В прежние времена он направил бы на Манмута видеокамеры и глаза на органических стебельках — по крайней мере, часть, — но их не восстановили, поскольку его оптические нервы выгорели дотла.

Мне остается предположить, что с нами летят менее заметные моравекские корабли со стелс-покрытием, передал Манмут.

Я тоже так предположил, ответил большой высоковакуумный моравек.

Ты этого раньше не упоминал.

Ты тоже, сказал Орфу.

Почему Астиг/Че и другие первичные интеграторы ничего нам не сказали? — спросил Манмут. *Если мы летим во главе настоящего флота в качестве мишени-приманки, то имеем право об этом знать.*

Орфу ответил инфразвуковыми раскатами, которые заменяли ему пожатие плечами.

Это ничего бы не изменило. Если ПВО Земли нанесет удар и пробьет нашу скромную силовую защиту, мы умрем, не успев пожаловаться.

Кстати, о ПВО Земли: за эти полмесяца голос из орбитального города еще что-нибудь провещал?

Мазерная передача была лаконичной. Записанный женский голос просто повторял в течение двадцати четырех часов: «Доставьте ко мне Одиссея», затем умолк так же резко, как и включился. Передача транслировалась не наобум, а была нацелена точно на «Королеву Маб».

Я мониторил входящие каналы, сказал Орфу, *и ничего нового не слышал.*

Лифт зажужжал и остановился. Широкие гру-

зовые двери разъехались. Впервые со старта Манмут вступил на мостик. Орфу следовал за ним.

Мостик был круглый, диаметром тридцать метров, под куполом; его опоясывали толстые иллюминаторы и голографические экраны, выполняющие функции иллюминаторов. Зрелище это почти порадовало Манмута своей правильностью. Хотя безымянный корабль, доставивший их с Орфу, покойными Коросом III и Ри По на Марс, был на несколько веков современнее: разгон до одной пятой скорости света за счет магнитных ножниц, боровый солнечный парус, термоядерные двигатели и прочие новейшие современные устройства, — но это атомное судно в диковинном ретростиле смотрелось именно так, как положено звездолету. Никаких тебе виртуальных панелей; более дюжины техников-моравеков сидели в допотопных амортизационных креслах перед еще более архаическими станциями наблюдения из металла и стекла. Здесь были настоящие переключатели, тумблеры, наборные диски*(диски!)* — подлинное пиршество для глаз и видеокамер. Пол на вид был из текстурированной стали, возможно извлеченной из трюма боевого корабля эпохи Второй мировой войны.

У центрального навигационного стола ждали Астиг/Че, главный первичный интегратор с Европы; генерал Бех бен Ади — представитель боевых моравеков Пояса; каллистянский штурман Чо Ли (голосом и видом так похожий на покойного Ри По, что Манмуту порой становилось не по себе); Сума IV — крепко сложенный мухоглазый ганимедянин в бакикарбоновом панцире; паукообразный Ретроград Синопессен.

Манмут подошел ближе и встал на металлическую приступку, позволяющую низкорослым моравекам смотреть на светящуюся поверхность стола. Орфу завис в воздухе над столом.

— У нас меньше четырнадцати часов до пересечения с нижней околоземной орбитой, — без предисловий начал Астиг/Че. Его голос — голос Джеймса Мейсона для ушей и аудиоприемников Манмута, натренированных на видеопродукции Потерянной Эпохи, — звучал плавно, но по-деловому. — Надо решать, что нам делать.

Первичный интегратор говорил вслух, а не транслировал по общей линии. На мостике было нормальное земное давление, предпочтительное для европеанцев и терпимое для остальных. Слышимая речь лучше обеспечивала защиту от перехвата, чем разговор по общей линии, но и

не намекала на личные секреты, как фокусированный луч.

— Женщина, которая требовала доставить Одиссея, еще как-то напоминала о себе? — спросил Орфу.

— Нет, — как всегда мелодичным, тонким голоском ответил Чо Ли, грузный штурман с Каллисто. — Однако мы направляемся к орбитальной конструкции, откуда поступили сигналы.

Чо Ли пробежал манипулятором-щупальцем по карте, и над столом появилась большая голограмма Земли. Вокруг ярко светились кольца; бесчисленные искорки перемещались с запада на восток вдоль экватора и с севера на юг вокруг полюсов.

— Изображение дается в реальном времени, — промолвила крохотная серебряная коробочка на тонких паучьих лапках, заключавшая в себе амальтеянина по имени Ретроград Синопессен.

— Я могу считывать информацию по общей линии, — сказал Орфу с Ио. — И вас я «вижу» благодаря радару и инфракрасным сканерам. Однако на голограмме я могу не увидеть каких-то подробностей из-за своей слепоты.

— Я опишу тебе все по фокусированному лучу, — сказал Манмут.

Он подключил высокоскоростную передачу сжатой информации и описал голографическое изображение бело-голубой планеты над навигационным столом и яркие кольца поверх океанов и облаков. Кольца были так близко, что составляющие их бесчисленные объекты блестели на фоне черного космоса.

— Увеличение? — спросил краб.

— Всего десятикратное, — ответил Синопессен. — Уровень слабого бинокля. Мы приближаемся к орбите земной Луны, однако она сейчас по другую сторону планеты от нас. В окололунном пространстве мы прекратим взрывать ядерные бомбы и перейдем на ионную тягу, дабы не выказывать враждебность. Наша скорость снизилась до десяти километров в секунду и продолжает уменьшаться. Вы, вероятно, заметили в последние дни одну целую двадцать пять сотых земной гравитации.

— Как Одиссей переносит перегрузку? — спросил Манмут.

Он не видел единственного оставшегося пассажира всю прошлую неделю. Манмут надеялся, что Хокенберри квитируется обратно на «Королеву Маб», но пока этого не произошло.

— Прекрасно, — пророкотал высокий ганиме-

дянин Сума IV. — Правда, он почти не покидает своей каюты; впрочем, это его обычное поведение.

— Он сказал что-нибудь о послании, которое мы получили по мазеру? — спросил Орфу. — Насчет этих слов: «Доставьте ко мне Одиссея»?

— Ничего, — ответил Астиг/Че. — Только сказал, что не узнает женский голос. Что это точно не Афина, не Афродита и не какая-нибудь из знакомых ему олимпийских богинь.

— Откуда исходил сигнал? — спросил Манмут.

Чо Ли активировал лазерную указку в манипуляторе и указал на пятнышко в полярном кольце, ползущее к южному полюсу на обратной стороне прозрачной планеты.

— Увеличить, — приказал штурман искусственному интеллекту «Королевы».

Точка словно выпрыгнула из голограммы, мгновенно заместив собой Землю. Это оказался город, имеющий форму гантели; длинные стеклянные башни, шары, купола, витые шпили, арки — все состояло из металлических брусьев, мутного оранжевого стекла и света. Манмут по фокусированному лучу пересказал увиденное Орфу.

— Перед нами один из самых крупных искус-

ственных объектов на земной орбите, — сказал Ретроград Синопессен. — Длина около двадцати километров, площадь примерно как у их Манхэттена Потерянной Эпохи до затопления. Судя по всему, внутри находится камень и тяжелое металлическое ядро — вероятно, захваченный астероид, дающий обитателям хотя и маленькое, но притяжение.

— Какое именно? — спросил Орфу с Ио.

— Примерно десять сантиметров в секунду за секунду, — ответил альматеянин. — Достаточно, чтобы человек — или немодифицированный постчеловек — не уплыл и не приобрел вторую космическую скорость из-за прыжка, но при желании мог бы парить.

— Довольно близко к Фобосу по размерам и гравитации, — заметил Манмут. — Есть хоть какие-нибудь догадки, чей был голос и кто там живет?

— Постлюди возвели орбитальные города более двух стандартных тысячелетий назад, — сообщил первичный интегратор Астиг/Че. — Как вам известно, моравеки считали этот вид вымершим: последние радиопереговоры умолкли около тысячи лет назад, тогда же, когда начал возникать квантовый поток между Землей и Марсом. Наши

астрономы не видели ни одного корабля в окололунном пространстве, не наблюдали признаков какой-либо их деятельности на Земле, однако не исключено, что часть популяции выжила. Или эволюционировала.

— В кого? — спросил Орфу.

Астиг/Че ответил самым архаичным, загадочным, но чрезвычайно выразительным человеческим жестом — пожал плечами. Манмут собрался описать это движение другу, но Орфу ответил по фокусированному лучу, что уже уловил все посредством инфракрасных датчиков и радара.

— Позвольте изложить последние полученные нами данные, прежде чем мы решим, спускаться ли вам на «Смуглой леди» в земную атмосферу, — продолжал Астиг/Че; он опер на штурманский стол большую гуманоидную ладонь.

Голограмму орбитального острова сменили голографические Земля и Марс в масштабе по размеру, но не по расстоянию. Мириады голубых, зеленых и белых нитей связывали околоземную орбиту и поверхность Марса. Проступили колонки голографических данных. Обе планеты как будто опутала паутина, только в этом случае она сама пульсировала и росла, нити выпускали другие нити и сплетались как будто по собственной

воле. Манмут поспешил описать увиденное по фокусированному лучу.

Все в порядке, передал Орфу. *Я читаю дата-канал. Это почти так же хорошо, как смотреть графику.*

— Это квантовые процессы за последние десять стандартных дней, — произнес Чо Ли. — Вы заметите, как возросли — почти на десять процентов — их активность и волатильность за время после нашего отлета с Фобоса. Нестабильность близка к критической стадии…

— Насколько критической? — спросил Орфу с Ио.

Астиг/Че повернулся к большому ионийцу лицом-забралом:

— Настолько критическая, что решение надо принять в течение недели. Если волатильность будет нарастать, то еще раньше. Уровень квантовой нестабильности угрожает всей Солнечной системе.

— Какое решение? — спросил Манмут.

— Уничтожить ли экваториальное и полярное кольца Земли как источник квантовых потоков и прижечь ли Олимп и другие квантовые узлы на Марсе, — сказал генерал Бех бен Ади. — И стерилизовать Землю, если потребуется.

Орфу присвистнул, и странный звук эхом отдался под куполом.

— У «Королевы Маб» хватит для этого боевой мощи? — тихо спросил иониец.

— Нет, — ответил генерал.

«Похоже, я был прав насчет прикрытия из невидимых кораблей», — подумал Манмут.

Похоже, мы были правы насчет прикрытия из невидимых кораблей, передал по фокусированному лучу Орфу.

Будь у Манмута веки, он заморгал бы от удивления: надо же, как совпали их мысли.

Повисла тишина. Почти минуту никто из шестерых моравеков вокруг навигационного стола ничего не говорил и не передавал.

— У нас есть для вас еще свежие данные, — сказал наконец Сума IV.

Высокий ганимедянин в бакикарбоновом панцире тронул панель, и появилось другое, увеличенное изображение Земли. Манмут узнал то, что некогда называлось Британскими островами (Шекспир!). Изображение еще увеличилось, остался только Европейский континент. Голокуб заполнили две картинки: странного вида город, расходящийся от черного кратера, и, возможно, он же, густо оплетенный голубой паутиной, отча-

сти схожей с квантовыми перемещениями между Землей и Марсом. Манмут рассказал товарищу о голубой массе.

— И что это за хрень? — спросил Орфу.

— Мы не знаем, — ответил Сума IV, — однако стандартную неделю назад ее здесь не было. Координаты соответствуют древнему Парижу в государстве Франция. Однако там, где наши астрономы с Фобоса и околомарсианского космоса наблюдали деятельность людей старого образца, примитивную, но заметную, теперь остался лишь этот голубой купол, голубая паутина и голубые шпили вокруг старого кратера от черной дыры.

— Кто мог сплести такую паутину? — спросил Манмут.

— Этого мы тоже не знаем, — сказал Сума IV. — Но гляньте на полученные оттуда данные.

На сей раз Орфу не присвистнул, а вот у Манмута возникло такое желание. Температура в опутанных голубой сетью частях Парижа упала до минус ста градусов по Цельсию, меж тем как в нескольких метрах сохранялась естественная для данного региона и времени года температура. А еще через несколько метров она подпрыгивала так, что расплавился бы свинец.

— Это может быть какое-то природное явление?

— спросил Манмут. — Что-нибудь из того, что постлюди породили в эру Деменции, когда напропалую экспериментировали с земной экологией и формами земной жизни?

— Мы ничего подобного не видели за всю историю наблюдений, которые Консорциум вел непрерывно, — ответил Астиг/Че. — И потом, взгляните-ка на это.

На голографической карте, стянувшейся обратно в шарик планеты, появились десятки других районов, отмеченных голубым цветом. Они были в Европе, в Азии, на территории того, что раньше было Южной Америкой, на юге Африки — общим счетом двенадцать. Рядом с каждым таким кружком были столбцы чисел: дата, час, минута и секунда его обнаружения моравекскими сенсорами и результаты измерений, сходные с наблюдаемыми в Париже. Манмут торопливо переслал Орфу описание увиденного.

— И вот еще, — сказал Астиг/Че.

Появилась еще одна Земля, где от Парижа и прочих голубых кружков, включая город, подписанный как Иерусалим, отходили прямые голубые линии. Они продолжались в космос и пропадали за пределами Солнечной системы.

— Такое мы уже видели, — заметил Орфу, вы-

слушав описание. — Такой же тахионный луч возник в Дельфах на другой Земле, древней Земле Илиона, когда с планеты исчезла бóльшая часть жителей.

— Да, — сказал первичный интегратор Астиг/Че.

— Тот луч вроде бы не нацелен ни на что в глубоком космосе. А эти? — спросил Манмут.

— Тоже нет, — подал голос Чо Ли, — если не считать целью самый край Малых Магеллановых Облаков. Плюс здесь мы обнаружили квантовую составляющую.

— Что значит «квантовая составляющая»? — спросил Орфу.

— Лучи фазово смещены на квантовом уровне и существуют больше в пространстве Калаби-Яу, чем в четырехмерном пространстве-времени Эйнштейна, — пояснил штурман с Каллисто.

— Иначе говоря, — сказал Манмут, — они уходят в другую вселенную.

— Да.

— Во вселенную Земли Илиона? — с надеждой спросил Манмут.

С тех пор как захлопнулась последняя брандыра между вселенными современного Марса и Земли Илиона, моравеки утратили всякую связь с

этой древней Землей Трои и Агамемнона, однако Хокенберри смог квант-телепортироваться через вселенную-мембрану Калаби-Яу на «Королеву Маб» и, предположительно, в обратную сторону (хотя никто не знал, куда он телепортировался с атомного корабля). Манмут, знавший многих греков и троянцев, надеялся когда-нибудь восстановить связь с этой вселенной.

— Вряд ли, — сказал Чо Ли. — Причины так же сложны, как математика многомембранного пространства Калаби-Яу, на выкладках которой мы основываем наши предположения, исходя из данных Устройства, которое ты успешно активировал на Марсе восемь месяцев назад, однако мы полагаем, что тахионные лучи фазово смещаются в одну или несколько других вселенных, но не во вселенную Земли Илиона.

Манмут развел руками:

— И как это связано с нашей миссией на Земле? Предполагалось, что я проведу «Смуглую леди» по земным океанам или морям и доставлю Суму Четвертого на место, как в прошлом году должен был отвезти покойного Короса Третьего к Олимпу. Голубая паутина и тахионные лучи меняют этот план?

Наступила очередная пауза.

— Возросли потенциально опасные неизвестные факторы вхождения в атмосферу, — сказал Сума IV.

— Переведи, пожалуйста, — попросил Орфу.

— Прошу, взгляните, — сказал высокий ганимедянин.

Над штурманским столом включилась трехмерная астрономическая запись. Манмут по фокусированному лучу пересказывал Орфу увиденное.

— Обратите внимание на дату, — сказал первичный интегратор Астиг/Че.

— Более восьми месяцев назад, — прочитал Манмут.

— Да, — сказал европеанский интегратор. — Вскоре после того, как мы воспользовались бран-дырой для перехода во вселенную Марса/Илиона. Ты видишь, что разрешение относительно скромное по сравнению с нынешними снимками орбитальных колец. Запись вели с базы на Фобосе.

Орбитальный объект в голокубе походил, пусть и не в точности, на тот, откуда передали сообщение на «Королеву Маб». Крошечный, не длиннее двух километров, астероид напоминал медленно вращающуюся скалу, покрытую

стеклянными башнями, куполами и прочими сооружениями. Внезапно в поле зрения появился еще один объект — трехкилометровая металлическая конструкция, что-то вроде серебристого жезла, облепленного топливными цилиндрами и грузовыми блоками и увенчанного выпуклым мерцающим набалдашником. Из сопел вырывалось пламя, но Манмут чувствовал, что перед ним не космический корабль.

— А это что за хрень? — спросил Орфу, выслушав рассказ Манмута и считав данные.

— Орбитальный линейный ускоритель с уловителем кротовин на носу, — объяснил Астиг/Че. — Обратите внимание: кто-то из астероидного города послал мазерную команду автоматически управляемому ускорителю, отменил протоколы безопасности и наводит его прямо на астероид.

— Зачем? — спросил Орфу.

Никто не ответил. Пятеро моравеков смотрели, а Орфу слушал, как длинный орбитальный аппарат продолжал набирать скорость, пока не врезался в астероидный остров. Астиг/Че замедлил показ. Сверкающие купола и башни взорвались и чрезвычайно медленно брызнули осколками во все стороны. Затем раскололся и сам астероид, когда уловитель кротовин на носу

линейного ускорителя взорвался с силой бесчисленных водородных бомб. За этим последовали замедленные беззвучные взрывы резервуаров, после чего самовоспламенились сопла и основные двигатели.

— Теперь повнимательнее, — сказал Сума IV.

К голографическому изображению взрывов прибавился еще один вид из телескопа и показания радара. Манмут передавал по фокусированному лучу, как по всей плоскости экваториального кольца включились сопла и сотни космических суденышек устремились к разлетающемуся астероиду.

— Какого они размера? — спросил Орфу.

— Каждый примерно шесть метров в длину и три в ширину, — ответил Чо Ли.

— Людей на борту нет, — сказал Орфу. — Моравеки?

— Скорее, что-то вроде сервиторов, которыми люди пользовались много веков назад, — ответил Астиг/Че. — Примитивные ИскИны с одной задачей, как вы сейчас увидите.

Манмут увидел. И описал увиденное Орфу. Сотни, тысячи крохотных аппаратов, которые летели к расширяющемуся облаку фрагментов астероида и линейного ускорителя, были не более

чем мощными лазерами с мозгом и устройством наведения. Следующие часы Астиг/Че показал в ускоренной перемотке: лазеры-сервиторы сновали среди мусора, уничтожая каждый обломок, который имел шанс не сгореть в атмосфере и нанести Земле серьезный ущерб.

— Постлюди были не дураки, — сказал Астиг/Че. — По крайней мере, в том, что касалось инженерного искусства. Если собрать все космические тела, из которых они построили кольца (а это более миллиона объектов, в том числе размером с Фобос, как тот, откуда нам пришло сообщение), получится солидная часть еще одной Луны. А что будет, если все они рухнут на Землю? И вот создатели придумали безотказную защиту. Мощные лазерные шершни, уничтожающие обломки, и есть последняя линия этой обороны. Даже спустя восемь стандартных месяцев метеоры все еще падают на планету, однако катастрофических столкновений не было.

— Орбитальные лейкоциты, — произнес иониец.

— В точности, — согласился первичный интегратор Консорциума Пяти Лун.

— Я понял, — сказал наконец Манмут. — Вы боитесь, что, если спустить в атмосферу шлюпку

со «Смуглой леди», как мы планировали раньше, роботы-лейкоциты уничтожат и нас.

— Масса шлюпки вместе с твоей подлодкой может представлять угрозу для планеты, — ответил Астиг/Че. — Мы наблюдали, как… лейкоциты, по выражению Орфу, превращали в плазму или выбрасывали в космос астероидные обломки гораздо меньшего размера.

Манмут покачал металлопластиковой головой:

— Не понимаю. Эта запись и эти знания были у вас восемь месяцев назад — и все-таки вы потащили «Смуглую леди» и нас с собой… Что изменилось?

Генерал Бех бен Ади вернул голографическую запись столкновения и взрыва астероида.

Изображение увеличилось. Компьютеры улучшали зернистую картинку.

Что там? — спросил Орфу по фокусированному лучу.

Манмут описал ему все, что видит. В гуще осколков среди ярких вспышек летело крошечное судно с тремя людьми на борту, распростертыми в открытых нишах; только слабые отблески силового поля давали понять, почему все трое не умерли в вакууме.

— Что это? — спросил Манмут, окончив рассказ.

Ответил ему Орфу:

— Древнее летающее устройство, какими пользовались тысячи лет назад и люди старого образца, и постлюди. Последние — чтобы перемещаться между планетой и кольцами. Его называли ПЛА — полифункциональным летательным аппаратом, а иногда соньером.

Запись ускорилась, остановилась, снова ускорилась. Манмут описывал Орфу, как соньер уворачивается от обломков астероида, которые разлетаются вокруг под лучами лазеров.

Голограмма показала траекторию соньера: он вошел в атмосферу и, описав спираль над центром Северной Америки, совершил посадку в районе чуть ниже одного из Великих озер.

— Здесь находилась одна из наших целей.

Астиг/Че щелкнул по каким-то значкам и вызвал телескопные фотоснимки большого человеческого дома на холме. Огромный дом окружали бараки и нечто вроде оборонительной деревянной стены. Около стены дома виднелись люди, — во всяком случае, выглядели они людьми. На фотографиях их было несколько десятков.

— Это снято неделю назад, когда мы начали

торможение, — сообщил генерал Бех бен Ади. — А вот что мы получили вчера.

Тот же вид из телескопа, только дом и стена разрушены, сожжены. Среди обломков различались трупы.

— Не понимаю, — сказал Манмут. — Судя по всему, там, где восемь месяцев назад приземлился соньер, произошла бойня. Кто или что могло убить этих людей?

Бех бен Ади показал другой телескопный снимок и увеличил его. Между голыми ветвями деревьев вырисовывались десятки двуногих негуманоидных существ. Существа были тускло-серебристые, с темными выступами вместо головы. Конечности у них были устроены иначе, чем у людей или моравеков любого известного вида.

— Кто это? — спросил Манмут. — Тоже сервиторы? Роботы?

— Мы не знаем, — ответил Астиг/Че, — но эти твари убивают людей старого образца в маленьких общинах по всей Земле.

— Ужасно, — проговорил Манмут, — но почему это требует отменить нашу миссию?

— Я понимаю, — сказал Орфу. — Суть в том, как попасть на поверхность и узнать, что происходит.

А вопрос вот какой: почему лейкоциты-лазеры не стреляли по соньеру? Он достаточно крупный, так что мог представлять угрозу для тех, кто на Земле. Почему его не тронули?

Несколько мгновений Манмут сосредоточенно размышлял и наконец произнес:

— На борту были живые люди.

— Или постлюди, — уточнил Астиг/Че. — Слабое разрешение не позволяет сказать наверняка.

— Лейкоциты пропускают в атмосферу аппараты, на которых есть человеческая или постчеловеческая жизнь, — медленно проговорил Манмут. — И вы это знали уже восемь с лишним месяцев. И потому поручили мне похитить Одиссея.

— Да, — сказал Сума IV. — Человек должен был отправиться на Землю с вами, его ДНК сыграла бы роль отмычки.

— А теперь женский голос с орбитального острова требует доставить Одиссея ей, — закончил за него Орфу и разразился глубоким рокотом, означавшим то ли иронию, то ли несварение желудка.

— Да, — сказал Астиг/Че. — Мы не знаем, позволят ли нашей космошлюпке и вашей подлодке войти в атмосферу Земли без пассажиров-людей.

— Можно проигнорировать приглашение из

астероидного города на полярном кольце, — предложил Манмут. — Взять Одиссея с собой на Землю, потом, возможно, отослать шлюпкой на кольцо… — Он задумался. — Нет, не выйдет. Очень вероятно, что астероидный город откроет огонь по «Королеве Маб», если мы не выполним требования.

— Да, это представляется реальной возможностью, — сказал Астиг/Че. — Требование доставить Одиссея в астероидный город и то, что людей истребляют двуногие негуманоиды, — вот два новых фактора, с которыми мы столкнулись в последнее время.

— Жаль, что доктор Хокенберри от нас квитировался, — посетовал Манмут. — Его ДНК, пусть даже воссозданная олимпийскими богами или кем там еще, вероятно, защитила бы нас от орбитальных лейкоцитов.

— У нас осталось чуть меньше одиннадцати часов, чтобы принять решение, — сказал Астиг/Че. — Потом корабль подойдет к орбитальному городу полярного кольца и сбрасывать шлюпку с подводной лодкой будет уже поздно. Предлагаю вновь собраться через два часа и сделать окончательный выбор.

Заходя в грузовой подъемник вслед за това-

рищем, Орфу хлопнул Манмута тяжелой рукой по плечу.

Что ж, поздравляю, Стэнли, передал Орфу. *Ты втянул меня в очередную передрягу!*..[41]

46

Харман пережил битву при Ардис-холле в реальном времени.

До сих пор смотреть то, что показывала туринская ткань, — видеть глазами и слышать ушами кого-то незримого — было для него драматическим, но неважным развлечением. Теперь это был живой ад. Вместо нелепой и, по всему, вымышленной Троянской войны он наблюдал атаку на Ардис-холл, зная — чувствуя, — что все происходит либо прямо сейчас, либо записано совсем недавно.

Более шести часов провел Харман под пеленой, утратив связь с окружающей действительностью. Он видел все, начиная с нападения войниксов вскоре после полуночи и почти до восхода, когда Ардис пылал и соньер уносил на север его изра-

---

[41] Примечания: 41

Что ж, поздравляю, Стэнли… Ты втянул меня в очередную передрягу!.. — Коронная фраза толстяка Харди из комического дуэта Лорел и Харди (Стэн Лорел и Оливер Харди); тощий Лорел вечно втягивает своего друга Харди в неприятности.

ненную, истекающую кровью, бесчувственную, любимую Аду, которую втащили на борт, словно мешок с нутряным салом.

Харман удивился, увидев в Ардисе Петира с соньером (где же Ханна и Одиссей?), и закричал от горя, когда Петир, пораженный камнем, упал на землю. Столько его ардисских товарищей умерли или умирали: юную Пеаэн сбило булыжником, красавица Эмма, потеряв руку, сгорела вместе с Реманом в заградительной канаве, Салас погибла… Оружие, которое Петир привез из Золотых Ворот в Мачу-Пикчу, не остановило войниксов.

Харман стонал под кроваво-красной туринской пеленой.

Через шесть часов изображение исчезло. Харман поднялся и отшвырнул пелену.

Маг снова исчез. Харман прошел в уборную, воспользовался причудливым унитазом, спустил воду, дернув за бронзовую цепь, повернул фарфоровую ручку крана, плеснул воды себе в лицо и принялся жадно пить из пригоршни. Потом еще раз обыскал двухэтажную кабину канатной дороги.

— Просперо!*ПРОСПЕРО!!!*

Его крики эхом отдавались от металлических стен.

На втором этаже Харман рывком распахнул балконные двери, запрыгнул на лестницу, не думая о бездне под ногами, и быстро выбрался на крышу.

Холод обжигал щеки. Харман провел под туриной целую ночь, и сейчас справа вставало холодное золотое солнце. Тросы тянулись точно на север и поднимались выше. Харман встал на краю и поглядел прямо вниз. Он понял, что и кабина, и эйфельбан поднимались, должно быть, уже много часов. Джунгли и равнины остались позади, предгорья тоже, и теперь они ехали по настоящим горам.

–Просперо!!!

Его крик эхом отразился от скал в сотнях футов внизу.

Харман стоял на крыше, пока солнце не поднялось над горизонтом на две ладони, но и тогда не сделалось теплее. Он понял, что замерзает. Эйфельбан завез его в область камня, льда и небес; все, что могло расти и зеленеть, осталось позади. Харман заглянул за край и увидел огромную ледяную реку. Глетчер — так именовалось это явление в книге, которую он когда-то сиглировал. Точно белая змея вилась между скал и заснеженных пиков, отражая слепящее солнце, морщась

черными бороздами, испещренная глыбами, которые несла вниз.

С тросов над головой сыпался лед. Маховики гудели как-то по-особенному, холодно. На крыше качающейся кабины, на перекладинах лестницы и на самих тросах блестела прозрачная корка. Харман подполз к краю — руки болели, все тело била дрожь, — осторожно спустился, спрыгнул на заиндевелый балкон и, шатаясь, вошел в натопленную комнату.

Просперо грел руки у камина, где жарко пылали дрова.

Харман некоторое время стоял у стеклянных дверей, покрытых морозными узорами. Его трясло и от холода, и от гнева. Он переборол желание броситься на мага. Не хотелось очнуться на полу через десять минут, когда время так дорого.

— Просперо, — усилием воли Харман заставил себя говорить учтиво и убедительно, — я согласен сделать все, что ты от меня хочешь. Я расшибусь в лепешку, но стану тем, кем ты повелишь. Клянусь жизнью моего будущего ребенка.*Только, пожалуйста, верни меня в Ардис. Моя жена ранена, возможно умирает, и я ей нужен.*

— Нет, — сказал Просперо.

Харман бросился вперед. Сейчас он выбьет

мозги из лысой башки старого дурака его же собственной палкой. Сейчас он…

На сей раз он не потерял сознание. Высоковольтный разряд швырнул его через комнату. Отскочив от упругой кушетки, Харман оказался на четвереньках на затейливом ковре. Перед глазами плыли алые круги. Харман зарычал и поднялся снова.

— В следующий раз останешься без ноги, — предупредил Просперо будничным, не вызывающим сомнений тоном. — Так что к женщине своей не побежишь, а поскачешь.

Харман остановился.

— Что я должен делать? — прошептал он.

— Для начала сядь… Да не туда — к столу: оттуда видно, что творится снаружи.

Харман повиновался. Стеклянные панели по большей части оттаяли; солнечный свет, отражаясь от ледяных утесов и глетчера, резал глаза. Горы здесь были еще выше: Харман никогда не видел такого скопления высочайших пиков, куда внушительнее, чем у Золотых Ворот в Мачу-Пикчу. Двухэтажная кабина двигалась вдоль высокого хребта, ледник остался слева внизу. Она с грохотом въехала в очередную башню, закачалась — Харман вцепился в край стола, —

проскрежетала по льду и со скрипом двинулась дальше.

Башня осталась позади. Харман прижался к ледяному стеклу и стал смотреть, как она удаляется. В отличие от прежних, эта была не черная, а сияла на солнце серебром. Ее железные арки и перекладины блестели, как паутина в утренней росе. «Обледенела», — подумал Харман. Он посмотрел в ту сторону, куда уходили, поднимаясь, заиндевелые тросы, и увидел белоснежный склон самой поразительной горы, какую только можно вообразить… хотя нет, она превосходила всякое воображение. Западнее, над зазубренным гребнем, клубились тучи. На склоне, к которому двигалась кабина, чередовались голый камень, лед, опять камень, и наконец все венчала пирамида чистого снега и сверкающего льда. Кабина скрежетала по обледенелым тросам над хребтом, идущим восточнее этого невероятного пика. Харман видел дальше на хребте, много выше, еще одну башню — тросы от нее тянулись вверх, к самой высокой горе, а там, на немыслимо высокой вершине, стоял идеальнейший белой купол. Его поверхность золотило утреннее солнце, его центральную часть окружали четыре белые башни эйфельбана, и все это вместе покоилось на белой

платформе, нависающей над вертикальными обрывами и связанной с соседними пиками по меньшей мере шестью подвесными мостами — каждый мост в сто раз выше, у́же, изящнее Золотых Ворот в Мачу-Пикчу.

— Что это за место? — прошептал Харман.

— Джомолунгма, — ответил Просперо. — Богиня — Мать Мира.

— А здание на вершине?..

— Ронгбук Пумори Чомолангма-Фэн Дудх Коси Лхоцзе-Нупцзе Кхумбу ага Гхат-Мандир хан Хо-Теп Рауза, — сказал маг. — В этих краях оно известно под именем Тадж-Мойра. Мы сделаем там остановку.

47

В ту первую промозглую ночь войниксы не полезли на Тощую скалу сотнями и тысячами. Не атаковали они и во вторую. К третьей ночи все на вершине ослабели от голода, ран, простуды, начинающегося воспаления легких. Левая рука Даэмана — та, на которой калибан откусил ему два пальца, — болела и пульсировала лихорадочным жаром, голова постоянно кружилась. Однако войниксы так и не напали.

Ада пришла в сознание на второе утро. Тело

ее покрывали порезы и ссадины, правая кисть и два левых ребра были сломаны, однако угрозу для жизни представляли только сильное сотрясение мозга и отравление дымом. Ада очнулась с ужасной головной болью, сильным кашлем и смутными воспоминаниями о последних часах ардисской бойни, однако мыслила она ясно. Ровным голосом Ада перечислила друзей, чью смерть видела то ли во сне, то ли в реальности, и лишь движения глаз выдавали, что она слышит скорбную литанию Греоджи.

— Петир? — тихо спросила она, стараясь не закашляться.

— Погиб.

— Реман?

— Тоже.

— Эмма?

— Погибла вместе с Реманом.

— Пеаэн?

— Войниксы разбили ей грудь камнем. Умерла уже здесь, на Тощей скале.

— Салас?

— Убита.

— Оэллео?

— Тоже.

Перечислив еще два десятка имен, Ада вновь

опустилась на грязный рюкзак, служивший ей подушкой. Лицо под сажей и кровью было белым как полотно.

Даэман — он стоял рядом на коленях, яйцо Сетебоса невидимо светилось в его рюкзаке — прочистил горло.

— Многие значимые люди уцелели, Ада, — произнес он. — С нами Боман… И Каман. Каман был одним из первых учеников Одиссея, он просиглировал все по военной истории, что сумел найти. Ламан лишился четырех пальцев на правой руке, но он здесь. Лоэс и Стоман тоже. И некоторые из тех, кого я отправлял с предупреждением в другие узлы: Кауль, Око, Эдида, Элла. Да, еще Том и Сирис.

— Хорошо, — сказала Ада и зашлась кашлем.

Том и Сирис были лучшими врачами в Ардисе.

— Правда, медицинские инструменты и лекарства мы не вывезли, — признался Греоджи.

— А что вывезли? — спросила Ада.

Греоджи пожал плечами:

— Оружие, которое было с нами, флешеттные обоймы, но мало. Одежду, кто в чем был. Несколько одеял и кусков полиэтилена — под ними мы последние три ночи прятались от дождя.

— Вы вернулись в Ардис похоронить убитых?

— спросила Ада. Голос ее звучал твердо, несмотря на хрип и кашель.

Греоджи покосился на Даэмана и отвел взгляд.

— Не вышло, — хрипло ответил он. — Пробовали. Но войниксы… Там засада.

— Вам удалось вывезти из Ардис-холла еще какие-нибудь припасы? — спросила раненая.

Греоджи покачал головой:

— Почти ничего. Все погибло, Ада. Все погибло.

Ада только кивнула. Пожар уничтожил более двух тысяч лет ее семейной истории, ее фамильной гордости, однако думала она не про Ардис-холл, а про уцелевших людей, раненых, голодных, загнанных на вершину Тощей скалы.

— Что у нас с едой и питьем?

— Мы собираем дождевую воду на полиэтилен и несколько раз летали на соньере охотиться. — Греоджи явно был рад сменить тему. — В основном попадаются кролики, но вчера завалили лося. До сих пор выковыриваем из него флешетты.

— Почему войниксы нас не добили? — спросила Ада. В ее голосе сквозило лишь слабое любопытство.

— А вот это хороший вопрос, — сказал Даэман.

У него имелись кое-какие догадки, но делиться ими было рановато.

— Не то чтобы они нас боялись, — сказал Греоджи. — В лесу этих тварей тысячи две-три, а флешетт у нас хватит на несколько сотен. Они могут залезть на скалу, когда захотят. Однако не лезут.

— Вы пробовали пробиться к факс-узлу, — сказала Ада. Это был не совсем вопрос.

— Там тоже была засада. — Греоджи сощурился в голубое небо.

Впервые выдался ясный день, и все спешили просушить одежду и одеяла, расстилая их, как сигнальные полотнища, на плоской вершине Тощей скалы. Однако по-прежнему было очень холодно — никто в Ардисе не помнил такой зимы, — и все дрожали от холода в бледном утреннем свете.

— Мы проверяли, — сказал Даэман. — В соньер можно усадить двенадцать человек, вдвое больше положенного, но уже с тринадцатью искусственный интеллект машины взлетать отказывается. Она и с дюжиной туда-сюда вихляет.

— Сколько нас тут, ты сказал? — спросила Ада. — Всего пятьдесят?

— Пятьдесят три человека, — уточнил Греоджи. — Девять из них, включая тебя до сегодняшнего утра, были нетранспортабельны из-за ран или

болезней.

— Теперь восемь, — твердо сказала Ада. — Получается пять рейсов. Если, конечно, войниксы не нападут, как только мы начнем эвакуацию. И если нам будет куда бежать.

— Да уж, — согласился Греоджи. — Если будет куда.

Когда Ада заснула — именно заснула, заверил Том, а не провалилась в беспамятство, — Даэман взял свой рюкзак и, опасливо держа его на вытянутых руках, подошел к самому краю скалы. Внизу сновали войниксы, Даэман видел сквозь кроны деревьев их серебристые безголовые тела и кожаные горбы. Иногда они группами целеустремленно пересекали луг под южным обрывом Тощей скалы. Никто из них не смотрел вверх.

К Даэману подошли Греоджи, Боман и темноволосая Эдида.

— Прыгать надумал? — спросил Боман.

— Нет, — ответил Даэман, — но мне интересно, есть ли у вас веревка — такая, чтобы спустить меня к войниксам, но чтобы они меня не достали?

— У нас примерно сто футов веревки, — ответил Греоджи. — Это значит, что ты повиснешь футах в семидесяти-восьмидесяти от тварей, хотя это не

помешает им вскарабкаться по стене и сцапать тебя. Какого черта ты хочешь к ним спуститься?

Даэман сел на корточки и вытащил из рюкзака яйцо Сетебоса. Товарищи присели рядом и недоуменно уставились на диковину.

Не дожидаясь вопросов, Даэман сам рассказал, откуда она взялась.

–*Зачем?* — спросила Эдида.

Даэман вынужден был пожать плечами.

— Что-то из разряда «тогда это казалось удачной идеей».

— Мне всегда приходилось за такое расплачиваться, — сказала миниатюрная темноволосая женщина.

Даэман подумал, что ей, наверное, уже исполнилось четыре Двадцатки. Хотя посещения лазарета лишали людей старого образца внешних признаков возраста, старшие обычно были более уверенными в себе.

Даэман поместил слегка пульсирующее серебристое яйцо в небольшую трещину, чтобы не укатилось, и сказал:

— Потрогайте.

Боман решился первым. Он положил ладонь на скорлупу, словно радуясь исходящему от яйца теплу, но тут же отдернул руку как ужаленный:

— Эй, что за черт!

— Да, — кивнул Даэман. — Я испытал то же самое. Как будто эта штуковина высасывает из тебя силы, прямо из сердца. Или из души.

Греоджи и Эдида по очереди коснулись яйца и тут же отодвинулись подальше.

— Разбей эту дрянь, — сказала Эдида.

— Что, если Сетебос явится за своим яйцом? — нахмурился Греоджи. — Матери часто приходят за украденными яйцами. И при этом очень злятся. Особенно если мать — огромный мозг на руках и с желтыми глазами…

— Я об этом думал. — Даэман умолк.

— И?.. — спросила Эдида.

За несколько месяцев их знакомства она проявила себя толковой и здравомыслящей, отчасти поэтому Даэман и выбрал ее участвовать в операции «предупредим-триста-факс-узлов».

— Хочешь, я сама его разобью? — продолжала она, вставая и натягивая кожаные перчатки. — Давай проверим, как далеко мне удастся запустить эту дрянь и смогу ли я попасть по войниксу?

Даэман закусил губу.

— Мы точно не хотим, чтобы оно проклюнулось на Тощей скале, — заявил Боман. Он вытащил арбалет и навел его на млечное яйцо. — Судя по

тому, что ты рассказал про его маму-папу, даже мелкий детеныш может убить нас всех.

— Погодите, — сказал Даэман. — Оно еще не проклюнулось. Может, холод и не убил его, но замедлил созревание… или как там у чудовищ называется срок высиживания яиц… Сначала я хотел бы провести один опыт.

Они полетели на соньере, отключив защитное поле. Греоджи управлял, Боман с Эдидой стояли на коленях в кормовых нишах, держа наготове винтовки.

Войниксы копошились под деревьями на дальнем конце луга, меньше чем в ста ярдах от скалы. Машина зависла в ста футах над землей, выше, чем может прыгнуть войникс.

— Ты уверен? — спросил Греоджи. — Они куда проворнее нас.

Боясь, что голос предательски дрогнет, Даэман просто кивнул.

Соньер пошел вниз, Даэман выпрыгнул. Соньер тут же поднялся вертикально, словно клетка подъемника.

За спиной у Даэмана висела заряженная винтовка, но снял он рюкзак и немного вынул яйцо Сетебоса, стараясь не касаться голыми руками скорлупы. Даже под ярким солнцем яйцо свети-

лось, как радиоактивное молоко.

Даэман пошел к войниксам в дальнем конце луга, протягивая им яйцо, словно подарок. Они явно наблюдали за ним через инфракрасные датчики в металлической груди. Некоторые поворачивались, чтобы держать его в поле зрения сенсоров. Еще войниксы появлялись из леса и замирали по краю луга.

Даэман глянул вверх, на соньер, парящий в шестидесяти футах над головой; Эдида и Боман застыли в нишах с винтовками. Однако он знал, что войниксы бегают со скоростью больше шестидесяти миль в час. Если они бросятся на него, соньер не успеет спуститься за ним, а если войниксы ринутся скопом, то никакое огневое прикрытие его не спасет.

Он шагал вперед; яйцо Сетебоса наполовину торчало из рюкзака, словно подарок на Двадцатку из праздничной упаковки. Раз оно шевельнулось и засветилось ярче — Даэман от неожиданности едва не выронил ношу и еле-еле удержал ее за грязную рваную ткань рюкзака. Он был так близко к войниксам, что почти обонял запах ржавчины и засаленной кожи.

Он со стыдом понял, что ноги и руки у него немного дрожат. «Мне просто не хватило ума

придумать другой выход», — подумал он. Однако другого выхода не было. Тяжелое состояние многих уцелевших и угроза смерти от голода и жажды не оставили ему иного пути.

В пятидесяти футах от первой группы из тридцати с чем-то войниксов Даэман поднял яйцо Сетебоса, как талисман, и двинулся прямо на них.

Тридцать футов… Войниксы попятились в лес.

Даэман ускорил шаг, почти побежал. Войниксы отступали со всех сторон.

Боясь споткнуться и разбить яйцо (воображение рисовало тошнотворную картину, как скорлупа хрустит, из нее на дюжинах лапок и отростков выползает маленький Сетебос и прыгает ему в лицо), Даэман заставлял себя бежать к отступающим войниксам.

Войниксы упали на четвереньки и бросились врассыпную — сотнями, как испуганные травоядные от хищника на доисторической равнине. Даэман бежал, пока не иссякли силы.

Тогда он упал на колени, прижимая к груди рюкзак. Яйцо беспокойно заворочалось, принялось вытягивать из него энергию. Даэман отпихнул ядовитую мерзость от себя и поставил рюкзак на землю.

Греоджи приземлил соньер.

— Боже мой, — повторял лысый пилот. — Боже мой.

Даэман кивнул:

— Отвези меня назад, к подножию Тощей скалы. Я подожду с яйцом, а ты спусти всех, кто в силах дойти до факс-павильона. Я пойду впереди. Ты тем временем погрузишь на борт ослабших и раненых и полетишь за нами.

— Что… — начала Эдида и, осекшись, покачала головой.

— Да, — сказал Даэман. — Я просто вспомнил вмерзших в лед войниксов в Парижском Кратере. Лед захватил их бегущими *от* Сетебоса.

Соньер полетел обратно к Тощей скале в шести футах над землей. Даэман сидел на краю диска с рюкзаком на коленях. Войниксов не было ни на лугу, ни среди деревьев.

— Куда мы собираемся факсировать? — спросил Боман.

— Не знаю, — устало ответил Даэман. — Я решу это по пути к узлу.

48

— Тебе понадобится термоскин, — сказал Просперо.

— Зачем? — рассеянно спросил Харман.

Он смотрел через прозрачные створки на прекрасный тройной купол и мраморные арки Тадж-Мойры. Кабина громко клацнула и встала на площадку юго-восточной башни эйфельбана — одной из четырех, высящихся по углам огромной мраморной платформы, которая удерживала эту великолепную постройку на вершине Джомолунгмы. Харман прикинул, что высота башни примерно тысяча футов, а высота белоснежного здания, увенчанного куполом-луковицей, — раза в полтора больше.

— Высота здесь восемь тысяч восемьсот сорок восемь метров, — сказал маг. — Скорее вакуум, чем воздух. Температура на солнце — минус тридцать градусов по Фаренгейту[42]. Скорость этого ласкового ветерка — пятьдесят узлов. В шкафу у кровати есть синий термоскин. Ступай надень его. Твоя верхняя одежда и обувь тоже понадобятся. Крикни, когда наденешь осмотическую маску: мне надо понизить давление внутри кабины, прежде чем открывать дверь с антресоли.

Спускаясь в лифте на тысячу футов вниз, Харман рассматривал перекладины, арки, распорки

---

[42] Примечания: 42
— 34 °C.

сооружения — и невольно улыбался. Секрет белизны этой башни оказался прост и прозаичен: белая краска по темному железу, из которого состояли прочие постройки эйфельбана. Лифт и вся башня так содрогались под напором ревущего ветра, что краска должна была бы облупиться даже не за годы, а за месяцы или недели. Харман попытался вообразить бригаду маляров, постоянно красящих башню, потом отбросил эту глупую мысль.

Он во всем повиновался магу, ибо это позволит выбраться из кабины-тюрьмы. Где-нибудь в безумном храме, или дворце, или гробнице, или что там это еще, на вершине безумно высокой горы, он найдет способ вернуться к Аде. Если Ариэль может факсировать без узлов и павильонов, сумеет и он. Как-нибудь.

Харман вслед за Просперо прошел от лифта через широкую площадь из красного песчаника и белого мрамора к парадному входу увенчанного куполом здания. Ветер угрожал сбить его с ног, но почему-то льда на мраморе и песчанике не было.

— А маги что, не мерзнут и не нуждаются в воздухе? — крикнул он в спину старику в развевающейся голубой мантии.

— Нисколько, — ответил маг; реактивные струи

ветра сдували вбок его мантию и трепали седые пряди на почти лысой голове. — Одно из преимуществ старости! — крикнул он, перекрывая рев ветра.

Харман свернул вправо, выставив руки против ветра, и приблизился к низкой, не выше двух футов, мраморной ограде, которая шла вокруг площади, как скамейка вокруг катка.

— Куда ты? — окликнул маг. — Осторожнее!

Харман подступил к самому краю и глянул вниз.

Позже, изучая карты, Харман поймет, что смотрел с горы, именуемой Чомолангма-Фэн, или Чжумуланма-Фэн, или Хо-Темпа Чини-ка-Рауза, или Эверест (в зависимости от возраста и происхождения документа), на земли Тибета, или Китая, или Девятого Царства хана, как их некогда называли, раскинувшиеся на сотни миль к северу.

А главное — и это проняло его по-настоящему, — шестью милями *ниже*.

Тадж-Мойра был, по сути, песчаниково-мраморным городским кварталом, нахлобученным на вершину Богини — Матери Мира, словно поднос, насаженный на острый камень, словно бумажный лист, надетый на штырь. То, как он

держался на бакикарбоновых консолях, было почти невероятно: так мог бы похваляться своей инженерной смекалкой какой-нибудь юный бог.

Стоя у мраморных «перил» высотой два фута и шириной десять дюймов, Харман глядел с высоты почти двадцать девять тысяч футов, и ветер дул в спину, пытаясь спихнуть его в бесконечную пустоту. Позже карты сообщат ему названия гор к востоку и западу от ледника Ронгбук, расскажут о бурых китайских долинах, уходящих за горизонт и дальше, но сейчас это не имело значения. Отчаянно размахивая руками, чтобы удержаться под натиском ветра, Харман смотрел вниз *с шестимильной высоты — с выступающей площадки!*

Он встал на четвереньки и пополз к белой гробнице-храму и магу. Футах в тридцати перед огромным входом торчала из мраморных плит небольшая — футов пять — острая глыба, увенчанная тридцатидюймовой ледяной пирамидкой. На глазах у Просперо — тот еле заметно улыбался, скрестив руки на груди, — Харман обхватил декоративный камень и, цепляясь за его шероховатости, кое-как поднялся на ноги. Так он и стоял, обнимая глыбу, положив подбородок на ледяную верхушку, боясь обернуться на крохотную ограду и головокружительный

обрыв, чтобы желание броситься к этой ограде и спрыгнуть не пересилило все остальные чувства. Он закрыл глаза.

— Так и простоишь тут весь день? — спросил маг.

— Я мог бы, — ответил Харман, не открывая глаз. Еще через минуту он прокричал в реве ветра: — Что это за камень? Символ какой-нибудь? Памятник?

— Это вершина Джомолунгмы, — сказал Просперо.

Маг повернулся и вошел под изящную арку сооружения, которое называл Ронгбук Пумори Чомолангма-Фэн Дудх Коси Лхоцзе-Нупцзе Кхумбу ага Гхат-Мандир хан Хо-Теп Рауза. Харман заметил на входе полупроницаемую мембрану. Легкая рябь, пробежавшая по ней от прикосновения мага, лишний раз подтвердила, что сейчас он имеет дело не с голограммой.

Несколько минут спустя, по-прежнему обнимая глыбу-вершину, когда маска и капюшон термоскина почти полностью обледенели из-за шквального ветра со снегом, бьющего в тело, словно ледяные снаряды, Харман задумался, что в здании за мембраной, возможно, намного теплее.

Последние тридцать футов он уже не прополз, а прошел — правда, сгорбившись, опустив лицо и повернув ладони вниз на случай, если придется ползти.

Под куполом было одно огромное помещение. Мраморные ступени поднимались к череде антресолей, соединенных между собой такими же лестницами и опоясывающих купол на сотнях и сотнях уровней, на сотнях этажей, пока туман и расстояние не скрывали его вершину. То, что из кабины походило на дырочки, прорезанные в белом мраморе для украшения, оказалось сотнями плексигласовых окон. Свет из них медленно ползущими квадратами, прямоугольниками и трапециями падал на тома в богатых переплетах.

— Как думаешь, сколько тебе потребуется, чтобы все это просиглировать? — спросил Просперо, опершись на посох и обводя взором бесчисленные антресоли.

Харман раскрыл было рот, но тут же захлопнул его. Недели? Месяцы? Даже если просто проходить от фолианта к фолианту, класть ладонь на обложку и, увидев, как золотые буквы потекли по руке, сразу ее отдергивать, на овладение библиотекой уйдут годы. В конце концов он произнес:

— Ты говорил, функции не работают ни на эйфельбане, ни поблизости. Что, правила изменились?

— Посмотрим, — ответил маг.

Он двинулся дальше, стуча посохом по белому мрамору, и звук этот отдавался по всему акустически безупречному куполу.

Здесь было *тепло*. Харман стянул перчатки и капюшон термоскина.

Внутреннее пространство под куполом делилось на отдельные закутки, не совсем комнаты, лабиринтом белых мраморных экранов. Они имели высоту всего восемь футов и не составляли настоящей преграды для глаз, поскольку состояли из ажурной резьбы с бесчисленными отверстиями в форме овалов, сердечек и листьев. Харман обратил внимание, что стены вокруг основания купола до первой антресоли — приблизительно футов сорок — сплошь покрыты резными изображениями цветов, лоз, изысканных и невозможных растений, расцвеченных инкрустацией из самоцветных камней. Такие же камни украшали сотни мраморных перегородок, сквозь путаницу которых Просперо куда-то его вел. Харман приложил ладонь к одной из них и понял, что, куда бы ни поместил руку, она накро-

ет два или три орнаментальных элемента, а под пальцами будет несколько драгоценных камней. Некоторые цветы были площадью в квадратный дюйм и содержали десятки крошечных вставок.

— Что это за камни? — спросил он.

Люди старого образца любили украшать себя побрякушками, но прежде Харман как-то не задумывался, откуда роботы-сервиторы их достают.

— Эти… камни… — сказал Просперо, — включают яшму, агат, лазурит, гелиотроп и сердолик. Например, на этот крохотный листок гвоздики, которого я сейчас коснулся, пошло тридцать пять разновидностей сердолика. Видишь?

Харман видел. Ему понемногу становилось дурно от окружающего великолепия. По западной стене ползли трапеции света, и мрамор, инкрустированный тысячами самоцветов, сиял, переливался, искрился под солнцем.

— Что это за место? — Харман заметил, что начал говорить шепотом.

— Здание возводилось как мавзолей… гробница, — сказал маг, поворачивая за новую мраморную перегородку.

Он так уверенно шел к центру огромного сооружения, как если бы на полу были нарисованы желтые указательные стрелки, и остановил-

ся перед сводчатым входом в прямоугольное помещение в середине лабиринта из сотен перегородок.

— Можешь прочесть, что здесь написано, Харман из Ардиса?

Харман всмотрелся в вырезанные на мраморе причудливые, витиеватые буквы. Они совсем не походили на сочетания прямых черточек из привычных книг, однако, приглядевшись, он узнал стандартный английский.

— Читай вслух, — сказал маг.

— «Вступи с благоговением в усыпальницу Защитника Земли, Властителя Азии хана Хо-Тепа и его возлюбленной жены Лиас Ло Амумджии, обожаемой по всему свету. Она покинула сей бренный мир в четырнадцатую ночь месяца Раджаб-Септем в год ханства девятьсот восемьдесят седьмой. Она и ее господин обитают теперь на звездных небесах и смотрят на тебя, вошедший под эти своды».

— И что думаешь? — спросил Просперо, стоя под затейливой аркой и закрывая собою вход.

— Ты про надпись или про место?

— И про то, и про другое, — ответил старец.

Харман потер подбородок и щеки, на которых уже пробивалась щетина:

— Ну, место какое-то…*неправильное*. Слишком большое. Слишком богатое. Все здесь чересчур. Разумеется, не считая книг.

Просперо расхохотался. Эхо многократно повторило его смех.

— Согласен с тобою, Харман из Ардиса. Это здание было украдено: замысел, оформление, инкрустации, шахматный узор во дворе… Украдено все, кроме библиотеки и антресолей — их шестью веками позже разместил здесь Раджахар Молчаливый, дальний потомок грозного хана Хо-Тепа. Хан приказал воспроизвести Тадж-Махал, увеличив его более чем в десять раз. То древнее здание было истинным свидетельством любви. Хан повелел сровнять его с землей, желая, чтобы в веках остался лишь этот мавзолей. Так что перед нами скорее памятник дурной тяге к излишествам, нежели чему-либо еще.

— Какое… интересное местоположение, — глухо сказал Харман.

— Да уж, — согласился Просперо, засучивая голубые рукава. — С недвижимостью всегда так, и в наши дни, и во дни Одиссея: главное — местоположение, местоположение, местоположение. Идем.

И они вошли в центр лабиринта, на мраморную

площадку примерно сто на сто ярдов, посередине которой Харман увидел, как ему показалось, зеркальный пруд. Посох Просперо гулко стучал о мрамор, пока они двигались к середине.

Это был не пруд.

— Господи Исусе! — воскликнул Харман и отпрянул от края.

Перед ними была пустота. Слева глаз едва различал отвесный северный склон горы, но ниже, примерно в сорока футах от пола, парил над ледником в шести милях внизу саркофаг из хрусталя и стали. В саркофаге лежала обнаженная женщина. Беломраморная винтовая лестница спускалась на уровень саркофага, последняя ступенька висела как будто над пустотой.

«Не может быть, чтобы над пустотой», — подумал Харман. Из отверстия в полу не вырывался ураганный горный ветер, не слышно было даже его рева. Саркофаг явно стоял на*чем-то*. Прищурившись, Харман разглядел треугольные грани, сетку почти невидимых линий. Пол и стены погребальной камеры состояли из невероятно прозрачного пластика, хрусталя либо стекла. Но почему он не заметил ни саркофага, ни лестницы из подъезжающей кабины или…

— Усыпальницу нельзя увидеть снаружи,

— вполголоса произнес Просперо. — Ты уже посмотрел на женщину?

— На возлюбленную Лиас Ло Амумджию? — спросил Харман, которому вовсе не хотелось пялиться на голый труп. — Ту, что покинула сей бренный мир хрен знает когда? И где хан? Завел себе отдельные хрустальные апартаменты?

Старец рассмеялся:

— Хан Хо-Теп и его обожаемая Лиас Ло Амумджия, дочь Амумджи, цезаря Срединной Африканской империи, — та еще стерва и гарпия, можешь мне поверить, Харман из Ардиса, — были выброшены за борт, не пролежав здесь и двух столетий.

— Выброшены за борт? — переспросил Харман.

— Идеально сохранившиеся тела бесцеремонно швырнули с той самой стены, откуда ты любовался видами полчаса назад, — сказал Просперо. — Выкинули, словно вчерашний мусор с палубы грузового парохода. Преемники хана, все более и более жалкие, желали лежать здесь вечность… которая длилась, пока очередной наследник не забирал мавзолей себе.

Харман легко мог это представить.

— Но четырнадцать веков назад картина изменилась, — продолжал Просперо, вновь обратив

голубые глаза к саркофагу из дерева и стекла глубоко под ними. — Эта женщина была воистину любима кем-то могущественным и пролежала нетронутой тысячу четыреста лет. Приглядись к ней, Харман из Ардиса.

До сих пор Харман смотрел в общем направлении саркофага, стараясь не вглядываться в тело. На его вкус, женщина была слишком голой, слишком молодой для покойницы. Кожа — кровь с молоком, груди слишком заметные — розовые соски отчетливо видны даже с расстояния в сорок футов, черная запятая коротко стриженных волос на белой атласной подушке, и еще одна запятая — пышный темный треугольник в паху… темные брови, широкий рот, решительные черты лица даже издали казались почти… знакомыми.

— Господи Исусе! — снова воскликнул Харман, на сей раз так громко, что эхо прокатилось под куполом, отразившись от белого мрамора и книжных антресолей.

Она была моложе… намного моложе… волосы черные, а не седые, тело крепкое и юное, а не в морщинах и складках, которые Харман видел под обтягивающим термоскином, однако та же сила в лице, те же острые скулы, тот же дерзкий размах бровей и волевой подбородок. Сомнений

не оставалось.

Это была Сейви.

49

— Куда же все подевались? — спрашивает быстроногий Ахиллес, сын Пелея, шагая вслед за Гефестом по зеленой вершине Олимпа.

Белокурый мужеубийца и главный искусник богов идут по берегу Кальдерного озера от чертогов Целителя к Великому чертогу собраний. Все другие постройки с белыми колоннами выглядят темными и покинутыми. В небе ни одной колесницы. Никто не гуляет по мощеным дорожкам, озаренным низкими желтоватыми лампами, про которые Ахиллес замечает, что это не факелы.

— Я же тебе говорил, — произносит Гефест. — Кот из дома — мыши в пляс. Почти все сейчас на Земле Илиона играют последний акт вашей Троянской войнушки.

— И как там дела? — интересуется Ахиллес.

— Тебя нет, Гектора убить некому, троянцы лупят твоих мирмидонцев, а равно ахейцев, аргивян и прочих-как-их-там.

— Агамемнон и его люди отступают? — спрашивает Ахиллес.

— Ага. В последний раз, когда я заглядывал

в голографический пруд Великого чертога — а это было считаные часы назад, перед тем как нелегкая понесла меня чинить эскалатор, — Агамемнон провалил очередное наступление, и ахейцы бежали к заградительным рвам перед черными кораблями. Гектор готовился к вылазке. По большому счету все сводилось к тому, чья команда небожителей пересилит. По всему, нашим крутым стервам Афине с Герой даже с помощью Посейдона, колеблющего землю города (а уж это он умеет, хлебом его не корми, дай поколебать что-нибудь), не удалось взять верх над защитниками Трои: Аполлоном, Аресом и коварной Афродитой с ее подружкой Деметрой. А военачальник из Агамемнона говенный.

Быстроногий молча кивает. Отныне его судьба связана с Пентесилеей, а не с воинством Агамемнона. Ахиллес надеется, что его мирмидонцы поступят как надо: если получится — унесут ноги, если придется — сложат головы на поле брани. С тех пор как Афина (или Афродита в ее обличье, как несколько дней назад уверяла богиня мудрости) убила его любезного Патрокла, сердце Ахиллеса желало лишь мести бессмертным. Теперь, хоть он и знает, что причина в ароматической магии Афродиты, у него две цели:

вернуть к жизни любимую Пентесилею и убить ненавистную Афродиту. Сам того не замечая, Ахиллес поправляет богоубийственный кинжал на поясе. Если Афина сказала правду — а он ей верит, — этот клинок из квантово-смещающей стали убьет и Афродиту, и любого олимпийца, вставшего на его пути, в том числе хромоногого Гефеста, если тот вздумает улизнуть или поступить наперекор.

Гефест ведет Ахиллеса на стоянку перед Великим чертогом собраний, где выстроились в ряд десятки золотых колесниц, металлические шланги тянутся от них под землю, к некоему зарядному устройству. Гефест забирается в безлошадную повозку и зовет Ахиллеса за собой.

— Куда мы направляемся? — недоверчиво спрашивает Ахиллес.

— Я тебе говорил, навестим одну небожительницу, которой, возможно, известно, где сейчас Зевс.

— Почему не прямо к Зевсу? — спрашивает Ахиллес, не двигаясь с места.

Тысячи раз он ездил на колесницах, но никогда еще не летал, как боги, которых часто видел над Илионом. Не то чтобы эта идея его пугала, но все-таки он не спешит покинуть надежную землю.

— Есть технология, известная только Зевсу, которая прячет его от всех моих сенсоров и шпионских устройств, — объясняет Гефест. — Кто-то ее активировал, хотя чует мое сердце, это был не сам бог богов, а его благоверная.

— Кто из бессмертных покажет нам, где он прячется? — спрашивает Ахиллес.

Песчаный ураган разбушевался; молнии и статические разряды вспыхивают в сотне футов над ними, там, где планетарный шторм порывами налетает на защитное поле Олимпа — эгиду Зевса.

— Никта, — говорит хромоногий.

— Ночь? — повторяет Ахиллес.

Быстроногий мужеубийца, конечно, слышал имя дочери Хаоса, одного из первых разумных существ, явившихся из пустого зияющего пространства, которое было в начале времен, когда изначальные боги помогли отделить мрак Эреба от сине-зеленого порядка Геи-Земли. Однако ни в одном известном ему городе Греции, Азии или Африки не поклонялись таинственной Никте-Ночи. Легенды гласили, что Никта — в одиночку, без какого-либо бессмертного оплодотворителя, — родила Эриду (Распрю), Мойр (Судьбы), Гипноса (Сон), Немезиду (Возмездие), Танатоса (Смерть) и Гесперид.

— Я думал, Ночь — это персонификация, — добавляет Ахиллес. — Или просто хрень собачья.

Кузнец ухмыляется:

— Даже персонификация или хрень собачья обзаводится телесной оболочкой в дивном новом мире, созданном при участии постлюдей, Просперо и Сикораксы. Ну что, едем? Или мне пока квитировать в лабораторию и насладиться… э-э-э… прелестями твоей спящей красавицы?

— Ты знаешь, что в таком случае я разыщу тебя и убью, — спокойно, без угрозы обещает герой.

— Знаю, — соглашается Гефест. — Потому и спрашиваю последний раз: залезешь ты в эту гребаную колесницу или нет?

Они летят на юго-восток вокруг доброй половины колоссального марсианского шара, хотя Ахиллес не знает, что смотрит вниз на Марс или что это шар. Зато он знает, что вряд ли согласится повторить крутой подъем над олимпийским Кальдерным озером через эгиду в ревущий пыльный шторм за четверкой коней, возникших из ниоткуда при взлете, и долгий полет сквозь яростный ветер и слепящую бурю. Ахиллес цепляется за деревянный и бронзовый край колесницы, изо всех сил стараясь не зажмуриться. По счастью, силовое поле колесницы — не то уменьшенная

копия эгиды, не то разновидность невидимых щитов, какими боги укрываются в бою, — защищает обоих от песка и ветра.

Они поднимаются над пыльной бурей, над ними черная ночь, ярко горят звезды, а по небу несутся два маленьких спутника. К тому времени, когда колесница пересекает линию трех огромных вулканов, песчаный ураган остается на севере, и черты планетарного ландшафта проступают в отраженном сиянии звезд.

Ахиллес, разумеется, знает, что жилище богов на Олимпе расположено в собственном непонятном мире (еще бы не знать после восьми месяцев сражений на красных равнинах за Бран-дырой, как называли ее союзники-моравеки, у берегов теплого, лишенного приливов северного моря, совсем не похожего на земные), однако он не подозревал, что мир Олимпа окажется *настолько* большим.

Они летят над бесконечным затопленным каньоном, и темноту нарушают лишь отраженный звездный свет на воде и несколько подвижных огоньков во многих лигах внизу, — по словам Гефеста, это фонари на баржах маленьких зеленых человечков. Не видя причин выспрашивать подробности, Ахиллес удовлетворяется услы-

шанным.

Внизу проносятся голые, а потом лесистые горные хребты и бесчисленные круглые углубления (бог огня называет их кратерами) — неровные, выветрелые, кое-где поросшие деревьями; в некоторых поблескивают озера. В лунном и звездном свете четко вырисовываются их острые крутые борта.

Повозка взмывает выше, свист ветра вокруг мини-эгиды стихает, и Ахиллес вдыхает чистый воздух, производимый самой машиной. Содержание кислорода настолько высоко, что он слегка пьянит.

Гефест называет некоторые скалистые, горные и долинные элементы рельефа далеко внизу — на взгляд Ахиллеса, совсем как скучающий лодочник, когда тот объявляет остановки на реке.

— Долина Шалбатана, — говорит бессмертный. И несколько минут спустя: — Жемчужная равнина. Земля Меридиана. Сабейская Земля. Вон та чащоба на севере носит имя Скиапарелли, предгорья прямо перед нами называются Гюйгенс. А сейчас поворачиваем на юг.

Запряженная четверкой горячих, слегка просвечивающих коней колесница не просто поворачивает, а ложится набок на вираже. Ахил-

лес судорожно вцепляется в край, хотя, по его ощущению, дно повозки невероятным образом по-прежнему остается *внизу*.

— А это что? — спрашивает он через несколько минут, глядя на огромное круглое озеро на юге.

Колесница начинает снижаться, и, хотя здесь пыльной бури нет, вокруг опять завывает ветер.

— Бассейн Эллада, — бурчит бог огня. — Тысяча четыреста миль в поперечнике. Больше, чем диаметр Плутона.

— Плутона? — переспрашивает Ахиллес.

— Это долбаная планета, неграмотная ты деревенщина! — рявкает Гефест.

Ахиллес разжимает побелевшие пальцы, освобождая руки. Он думает поднять бессмертного калеку над головой, переломить ему спину о колено и сбросить труп с колесницы. Затем смотрит на горные пики, на черные долины внизу и решает подождать — пусть карлик сперва посадит машину. Темное озеро заполняет весь горизонт на юге. Колесница пересекает дугу северного побережья и, снижаясь, летит над водой, озаренной сиянием звезд. На глазах Ахиллеса то, что с высоты нескольких миль казалось круглым озером, превратилось в маленький круглый океан.

— Глубина здесь — от двух до четырех миль,

— сообщает кузнец, как будто его кто-нибудь спрашивал или слушал. — Вон те реки, текущие с востока, называются Дао и Гармахис. Поначалу мы собирались поселить на здешних тучных равнинах пару-тройку миллионов людей старого образца, пусть, мать их за ногу, плодятся и размножаются, но так и не удосужились повернуть сюда луч и расфаксировать всех закодированных. Честно говоря, Зевс и другие попросту забыли прежнюю, небожественную жизнь — она кажется всем нам сновидением. Вдобавок Зевсу и без того хватало забот: пришлось бороться с родителями, бессмертными первого поколения — Кроном и его сестрой-женой Реей, — и сбросить обоих через бран-дыру в Тартар.

Прочистив горло, Гефест нараспев, точно аэд, читает голосом, который, на слух Ахиллеса, звучит так, будто кто-то перепиливает лиру ржавым клинком:

Страшно земля зазвучала, и небо широкое сверху,

И Океана теченья, и море, и Тартар подземный.

Тяжко великий Олимп под ногами бес-

смертными вздрогнул...[43]

Теперь справа и слева от них лишь темные воды, скалистые берега с невообразимой быстротой исчезли за горизонтом. На юге возникает одинокий скалистый остров.

— Зевс только потому выиграл войну, — продолжает Гефест, — что вернулся к пробивающим бран-дыры постчеловеческим машинам на орбите Земли (я имею в виду настоящую Землю, а не вашу трахнутую терраформированную подделку) и вызвал Сетебоса с его яйцерожденным племенем, дабы сразиться с легионами Крона. Сторукие чудовища с их энергетическим оружием и алчной страстью высасывать ужас из грязи одержали победу, а вот отделаться от этих тварей после войны оказалось труднее, чем вывести со штанов пятна дерьма. Да и потом, один из долбаных отпрысков рода титанов, Япетов мальчишка, Прометей, оказался двойным агентом. Плюс на четыреста двадцать четвертом году войны из бран-дыры явился клонированный в лаборатории стоглавый монстр Тифон. Вот это надо было видеть. Помню день, когда…

---

[43] Примечания: 43

Страшно земля зазвучала… <…>…тяжко великий Олимп под ногами бессмертными вздрогнул… — Гесиод. О происхождении богов. Перев. В. Вересаева.

— Еще не прилетели? — перебивает Ахиллес.

— Остров, — бормочет Гефест во время спуска, — имеет более восьмидесяти ваших лиг в длину и кишит чудовищами.

— Чудовищами? — переспрашивает Ахиллес.

Героя мало занимают подобные глупости. Он хочет узнать, где Зевс, чтобы тот приказал Целителю раскрыть чудесные баки для царицы амазонок, и получить свою Пентесилею живой и невредимой. Все остальное не имеет значения.

— Чудовищами, — повторяет бог огня. — Первые дети Урана и Геи получились демоническими уродами. Зато могучими. Зевс разрешил им жить здесь, а не мучиться вместе с Кроном и Реей в тартарном измерении. Среди них есть и три детеныша Сетебоса.

Ахиллесу это все неинтересно. Он смотрит на растущий остров и замечает на утесе посередине огромный темный замок. В редких окнах между отвесными каменными плитами пляшут оранжевые всполохи: можно подумать, крепость объята пожаром.

— На острове, — бубнит Гефест, — обитают еще и последние циклопы. А также эринии.

— И фурии здесь? — спрашивает Ахиллес. — Я думал, они тоже миф.

— Нет, они не миф. — Бог-калека разворачивает повозку и направляет коней на открытое ровное пространство у подножия замка; вокруг завиваются и клубятся темные тучи, в долинах с обеих сторон шевелятся странные тени. — Когда их выпускают, они до конца вечности преследуют и карают грешников. Это воистину «во тьме приходящие», со змеями в волосах, с багровыми глазами, льющими кровавые слезы.

— Давай уже сажай, — говорит быстроногий.

Повозка плавно садится у подножия колоссальной статуи на громадном уступе черного камня. Деревянные колеса скрипят, кони исчезают. Гаснет загадочная мерцающая панель, с помощью которой искусник управлял колесницей.

— Идем, — зовет Гефест и ведет Ахиллеса к широкой и на первый взгляд нескончаемой лестнице по дальнюю сторону изваяния.

Бессмертный приволакивает на ходу больную ногу.

Ахиллес не в силах оторвать взгляд от грозной скульптуры. Она изображает могучего мужчину не ниже трехсот футов ростом, держащего на плечах земную и небесную сферы.

— Это Япет, — предполагает Ахиллес.

— Нет, Атлант, — рычит бог огня. — Причем

собственной персоной. Старик закоченел здесь навеки.

И вот последняя, четырехсотая ступень. Впереди вздымается черная твердыня. Башенки, шпили, фронтоны прячутся в клубящихся облаках. Гефест указывает на две створки высотой пятьдесят футов и на таком же расстоянии друг от друга.

— Здесь каждый день проходят Никта и Гемера, День и Ночь, — шепчет он. — Одна входит, другая выходит, вместе им быть нельзя.

Ахиллес смотрит на беззвездное небо и черные тучи:

— Так мы, значит, не вовремя. Зачем нам твоя Гемера? Сам же говорил, у нас дело к Ночи.

— Терпение, сын Пелея, — ворчит Гефест. Судя по виду, бог нервничает. Он косится на маленькую выпуклую машинку у себя на запястье. — Эос должна взойти… прямо сейчас.

Восточная кромка черного берега на миг озаряется золотым светом и тут же гаснет.

— Солнечные лучи не проникают сквозь поляризованную эгиду острова, — шепчет Гефест. — Но снаружи уже почти утро. Через несколько секунд над реками Дао и Гармахис и над восточными обрывами Бассейна Эллады покажется

солнце.

Ахиллеса ослепляет внезапная вспышка. Он слышит лишь, как одна створка железных дверей с грохотом захлопывается, другая, скрипнув, распахивается. Когда к нему возвращается зрение, обе створки уже закрыты и перед ним возвышается Ночь.

Сын Пелея и морской богини Фетиды, всегда благоговевший перед Афиной, белорукой Герой и прочими богинями, впервые в жизни чувствует *ужас* перед бессмертным существом. Гефест уже рухнул на колени, почтительно склонив голову перед кошмарным явлением, но Ахиллес принуждает себя оставаться на ногах. Однако он вынужден перебороть отчаянное желание сорвать со спины тяжелый щит и укрыться за ним, выставив перед собой богоубийственный кинжал. Не зная, сражаться или бежать, он выбирает нечто среднее — уважительно склоняет голову.

Конечно, боги способны принимать любой размер (Ахиллес никогда не слышал о законах сохранения массы и энергии, поэтому даже не задавался вопросом, как бессмертные их обходят), но чаще всего их устраивает рост около девяти футов: довольно, чтобы смертные чувствовали себя беспомощными детьми, и в то же время не

нужно укреплять кости ног или неуклюже переваливаться даже в собственных олимпийских чертогах.

Пятнадцатифутовая Ночь-Никта окутана клокочущей мглой и многочисленными слоями черной прозрачной ткани; полосы темной материи разной длины не то накрывают лицо подобием вуали, не то образуют само лицо, похожее на вуаль в складках. Трудно поверить, но ее черные глаза отчетливо видны сквозь покрывало и клубящийся туман. Прежде чем потупиться, Ахиллес успевает заметить огромную грудь, словно готовую напитать мраком весь мир. Бледны только ее узкие, длинные, но очень крепкие пальцы, словно сделанные из отвердевших лунных лучей.

Ахиллес замечает, что Гефест говорит нараспев:

— Фимиам, головни… Буду я Ночь воспевать[44], что людей родила и бессмертных. Внемли, блаженная, в звездных лучах, в сиянии синем! Внемли! Отрадны тебе тишина и сон безмятежный, ты, о веселая, добрая, праздники любишь ночные, мать сновидений, ты гонишь заботы и

[44] Примечания: 44

Фимиам, головни… Буду я Ночь воспевать… — Орфический гимн Никте. Перев. О. Смыки.

отдых приносишь. Все тебя любят, дарящую сон, колесницы хозяйку…

— Довольно, — прерывает богиня. — Если я захочу послушать орфический гимн, я перенесусь через время. Как ты посмел, бог огня, привести в Элладу и сумрачные чертоги Ночи жалкого смертного?

Ахиллес содрогается при звуках ее голоса. Они похожи на грохот прибоя у скал, но все равно чудом складываются во внятные слова.

— О та, чья природная сила разделяет природные дни, — продолжает раболепствовать Гефест, не поднимая головы и не вставая с колен, — сей смертный есть отпрыск бессмертной Фетиды и полубог на своей конкретной Земле. Это Ахиллес, сын Пелея, и молва о его подвигах…

— Я знаю Ахиллеса, Пелеева сына, и наслышана про его подвиги. Разоритель городов, женонасильник и мужеубийца, — произносит Ночь голосом бушующего прибоя. — Что заставило тебя, искусник, привести этого… вояку… к дверям моего жилища?

Ахиллес решает, что пора заговорить.

— Мне надо увидеть Зевса, богиня.

Темный призрак поворачивается в его сторону. Кажется, будто Ночь не стоит, а парит и ее боль-

шегрудая фигура движется без всякого трения. Вокруг курятся и дымятся густые тучи. Окутанное вуалью или похожее на вуаль лицо склоняется, глаза чернее черного пристально смотрят на человека.

— Тебе *надо* увидеть Громовержца, бога богов, Пеласгийского Зевса, Владыку десяти тысяч храмов и Додонского святилища, отца богов и людей, Зевса-Тучегонителя, которому все подвластно?

— Да, — говорит Ахиллес.

— Зачем? — спрашивает Никта.

На этот раз отвечает Гефест:

— Ахиллес желает поместить в баки Целителя смертную женщину, о Праматерь первого черного неоплодотворенного яйца. Он хочет попросить Зевса, чтобы тот приказал Целителю воскресить царицу амазонок Пентесилею.

Богиня смеется. Если ее речь была подобна грохоту волн о скалы, то смех напоминает Ахиллесу завывание зимнего ветра над Эгейским морем.

— Пентесилею? — посмеиваясь, говорит облаченная в черное богиня. — Безмозглую, белокурую, большегрудую лесбийскую телку? Во имя всех миллионов Земель, зачем тебе возвращать к жизни эту мужиковатую бабу, Пелеев сын? В конце концов, я сама видела, как ты насадил ее

вместе с конем на отцовское копье, будто шашлык на вертел.

— У меня нет выбора, — отвечает Ахиллес. — Я ее полюбил.

Ночь усмехается снова:

–Полюбил? Ахиллес, который тащит в постель и рабынь, и плененных царевен, и похищенных цариц без разбора с такой же легкостью, как другие едят маслины, только косточки выплюнутые летят? Ты *полюбил*?

— Во всем виноваты духи́ Афродиты с феромонами, — вставляет Гефест, не поднимаясь с колен.

Богиня обрывает смех:

— Номер?

— Номер девять, — ворчит Гефест. — Зелье Пака[45]. Запускает в кровь самовоспроизводящиеся наномашинки, которые постоянно генерируют все больше молекул зависимости, а также лишают мозг эндорфинов и серотонина, если жертва не действует под влиянием одержимости. Противоядия не существует.

Ночь обращает скульптурное лицо-вуаль к Ахиллесу:

---

[45] Примечания: 45

Зелье Пака. — Любовное зелье Пака играет большую роль в пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь».

— По-моему, тебя как следует поимели, сын Пелея. Зевс ни за что не позволит восстановить смертного, тем паче амазонку, дочь племени, которое он не ставит ни в грош. Отец богов и людей не любит амазонок, а особенно девственниц. Для него воскресить такую смертную — значит осквернить умения и баки Целителя.

— Я все равно его попрошу, — упрямо говорит Ахиллес.

Большегрудая Ночь в эбеновых лохмотьях молча смотрит сперва на него, потом на коленопреклоненного Гефеста.

— Хромой бог огня, усердный ремесленник на службе у более благородных олимпийцев, что ты видишь, взирая на этого смертного?

— Идиота траханого, — хмыкает Гефест.

— Я вижу квантовую сингулярность, — произносит богиня Никта. — Черную дыру вероятностей. Мириады уравнений с одним и тем же трехточечным решением. Отчего это, кузнец?

Гефест еще раз хмыкает.

— Его мать, Фетида со спутанными водорослями на грудях, держала этого дерзкого смертного в небесном квантовом пламени, когда тот был еще щенком, почти личинкой. Вероятность дня, часа, минуты и причины его гибели стопроцентны,

и поскольку изменить ее нельзя, Ахиллес вроде как неуязвим для всех остальных опасностей.

— Да уж-шшш, — шипит окутанная мглой богиня. — Скажи мне, сын Геры, муж безмозглой Грации, она же Аглая Преславная, почему ты помогаешь этому человеку?

Гефест склоняется еще ниже:

— Сначала он одолел меня в честном бою, возлюбленная повелительница ужасного мрака. А дальше получилось так, что наши интересы совпали.

— Ты хочешь найти владыку Зевса? — шепчет Ночь.

Откуда-то справа, из черных каньонов, доносится вой.

— Я хочу, о богиня, отвратить поток нарастающего Хаоса.

Ночь, кивнув, поднимает лик-покрывало к тучам, клубящимся вокруг замковых башен:

— Я слышу крики звезд, хромой искусник. И знаю: говоря о Хаосе, ты имел в виду хаос на квантовом уровне. За исключением Зевса, ты единственный меж олимпийцев, кто помнит нас и наши мысли до Великой Перемены… помнит мелочи вроде физики.

Гефест молчит, не поднимая взгляд от черного

камня.

— Ты следишь за квантовым потоком, кузнец? — В голосе Никты сквозят непонятные Ахиллесу раздражение и гнев.

— Да, богиня.

— И сколько, по-твоему, нам осталось, если воронка хаоса вероятностей продолжит расти логарифмически?

— Несколько дней, богиня, — басит Гефест. — А то и меньше.

— Судьбы согласны с тобой, Герино отродье, — говорит Никта; Ахиллесу хочется прижать мозолистые ладони к ушам, чтобы не слышать раскатов прибоя в ее голосе. — Мойры, эти чужеродные сущности, которых смертные зовут Судьбами, денно и нощно корпят над электронными счетами, манипулируют доменами магнитной энергии на многомильных витках вычислительной ДНК, и с каждым днем их взгляды на будущее становятся все туманнее, нити вероятностей расслаиваются, путаются, как если бы сломался ткацкий челнок Времени.

— Это все гребаный Сетебос, — ворчит Гефест. — Тысяча извинений, мадам.

— Да нет, ты совершенно прав, кузнец, — отвечает черная великанша. — Это все гребаный

Сетебос; он вырвался на волю из арктических морей здешнего мира. Ты знаешь, ведь Многорукий явился на Землю — не на Землю этого смертного, а на нашу прежнюю родину.

— Нет, — говорит Гефест и наконец-то поднимает лицо. — Этого я не знал.

— О да, Мозг пролез в Брану.

Никта хохочет, и Ахиллес не выдерживает — зажимает ладонями уши. Подобные звуки не для смертных.

— Что говорят мойры? Сколько нам осталось? — шепчет Гефест.

— Пряха Клото говорит, нам остались считаные часы до того, как квантовый поток взорвет эту вселенную. Атропа Неотвратимая, владеющая ненавистными ножницами, что в намеченный миг перерезают нить каждой жизни, считает, что, возможно, у нас есть еще месяц.

— А Лахесис? — спрашивает бог огня.

— Та, что распределяет жребии, самая искусная, на мой взгляд, из одолевших фрактальные волны электронных абаков, предвещает победу Хаоса в этой вселенной и в этой Бране через неделю-другую. Как ни крути, а времени остается в обрез, искусник.

— Ты помышляешь о бегстве, богиня?

Ночь не отвечает. По склонам утесов и глубоким долинам эхом разлетается вой. Наконец она говорит:

— А куда бежать, кузнец? Куда нам, горстке первичных бессмертных, скрыться из вселенной, где мы родились, если она будет ввержена в хаос? Какую бы брану мы ни создали, куда бы ни телепортировались, вслед за нами потянутся нити разрушения. Нет, искусник, бежать некуда.

— Что же нам делать, богиня? — рычит Гефест. — Наклонимся ниже, обхватим сандалии руками и поцелуем на прощание свои бессмертные зады?

Ночь издает неразборчивый звук, похожий на веселенький эгейский шторм.

— Нужно посоветоваться со старшими богами. Причем как можно скорее.

— Старшие боги… — начинает Гефест и осекается. — Крон, Рея, Океан, Тефиса… Все сосланные в ужасные бездны Тартара?

— Да, — произносит Ночь.

— Зевс никогда этого не позволит, — говорит Гефест. — Олимпийцам запрещено общаться с…

— Так пусть он посмотрит в лицо действительности! — восклицает Ночь. — Иначе все закончится полным хаосом, и его правление

тоже.

Ахиллес поднимается на две ступени навстречу громадной черной фигуре, перехватив щит, словно для битвы.

— Эй, вы еще не забыли, что я здесь? И по-прежнему жду ответа на свой вопрос.*Где Зевс?*

Ночь наклоняется над человеком и тычет в него костлявым бледным пальцем, словно оружием:

— Пусть квантовая вероятность твоей гибели от моей руки равна нулю, сын Пелея, но, если я распылю твое бренное тело на молекулы и атомы, вселенной, даже на квантовом уровне, нелегко будет подтвердить эту аксиому.

Ахиллес ждет. Как он давно заметил, боги частенько несут ахинею, но, если потерпеть, рано или поздно начинают говорить разумно.

Наконец Никта произносит голосом, в котором грохочут волны:

— Гера, дочь Крона и Реи, сестра и жена Зевса, защитница ахейцев, готовая ради них на вероломство и кровопролитие, соблазном отвлекла Тучегонителя от его обязанностей и впрыснула ему под кожу Неодолимый Сон в огромном доме, где плачет верная жена и ткет при свете дня, а ночами распускает свою работу. Ее прославленный муж не взял своего любимого оружия

на кровавую жатву под стены Трои, но повесил на деревянный гвоздь в потайном чертоге за потайной дверью, подальше от женихов и воров. Это лук, который никто иной натянуть не может, лук, способный послать стрелу через отверстия двенадцати топоров в ряд либо через вполовину столько же тел виноватых и безвинных людей.

— Спасибо за помощь, богиня, — говорит Ахиллес и пятится вниз по лестнице.

Гефест озирается и следует за ним, стараясь не повернуться спиной к исполинской эбеновой фигуре в струящихся одеяниях. Ночь тем временем исчезает.

— Какого Аида она плела? — шепчет ремесленник, активируя виртуальную панель управления и голографических коней. — Чья-то рыдающая жена, долбаные потайные комнаты, отверстия двенадцати топоров в ряд… Похоже на бредни вашего Дельфийского оракула.

— Зевс на Итаке, — отвечает Ахиллес в то время, как колесница взмывает над замком, над островом и воем невидимых чудищ. — Одиссей сам говорил мне, что оставил свой лучший лук во дворце на этом каменистом острове, в тайном покое вместе с благовонными одеждами. В лучшие дни я навещал хитроумного Одиссея и видел

эту диковину. Только он может натянуть этот лук — по крайней мере, по его словам, сам-то я не пробовал. А стрелять после вечерних возлияний через отверстия двенадцати составленных в ряд топоров — любимое развлечение Лаэртида. А если женихи добиваются его соблазнительной Пенелопы, он с еще большей радостью пронзит стрелой их тела.

— Дом Одиссея, Итака, — бормочет Гефест. — Гера отлично знала, где спрятать усыпленного мужа. Ты хоть представляешь, сын Пелея, что сделает Зевс, когда мы его разбудим?

— Нет, но мы это выясним, — говорит Ахиллес. — Можешь квант-телепортировать нас прямо из колесницы?

— Сейчас увидишь, — отвечает Гефест.

В ту же секунду человек и бог исчезают. Опустевшая колесница продолжает лететь на северо-запад над Бассейном Эллады.

50

— Это не Сейви.

— Разве я утверждал обратное, друг Никого?

Харман замер на металлической платформе саркофага, который по виду парил в пяти с лишним милях над землей, за сотню ярдов от

северного склона Джомолунгмы, и — вопреки своему сильнейшему нежеланию — пялился на мертвое лицо и голое тело молодой Сейви. Просперо стоял позади, на железных ступенях. Снаружи дул ветер.

— Очень*похоже* на Сейви, — сказал Харман. Сердце у него бешено стучало. От высоты и близости трупа накатывало головокружение. — Но Сейви умерла, — добавил он.

— Ты уверен?

— Еще как уверен. Твой Калибан убил ее у меня на глазах. А после мы с Даэманом наткнулись на окровавленные объедки. Сейви умерла. И я никогда не видел ее такой*молодой*.

Обнаженная женщина, лежавшая на спине в хрустальном саркофаге, прожила от силы три-четыре года после первой Двадцатки. А Сейви была… древней. Харман помнил, как он и его друзья — Ханна, Ада, Даэман — поразились ее виду: морщинам, седым волосам, дряхлому телу. Никто из людей старого образца не видел до того явных признаков старости. Да и после тоже, но теперь, когда лазарет с регенерационными баками уничтожен, к подобным зрелищам придется привыкать.

— Не*мой* Калибан, — возразил Просперо. — Уже

не мой. В ту пору, когда случай свел вас на орбитальном острове примерно девять месяцев назад, сей гоблин — нечестивый выродок Сикораксы, узник и раб Сетебоса — принадлежал одному себе.

— Это не Сейви, — повторил Харман. — Такого не может быть.

Он заставил себя поднялся по лестнице, грубо задев по пути старца в голубой мантии, однако, прежде чем скрыться в отверстии гранитного потолка, помедлил и тихо спросил:

— Она жива?

— А ты потрогай, — предложил Просперо.

Харман попятился вверх по лестнице:

— Не буду. Зачем?

— Спустись и потрогай ее, — сказал маг; голограмма, проекция, или что это было, теперь стояла у самого саркофага. — Это единственный способ узнать, жива ли она.

— Уж лучше я поверю тебе на слово, — ответил Харман, не трогаясь с места.

— Но я ничего тебе не сказал, друг Никого. Я не говорил, спящая это женщина, или труп, или всего лишь бездушное подобие из воска. Однако я говорю тебе, муж Ады из Ардиса: если она проснется, если ты ее разбудишь, если она окажется настоящей и если ты поговоришь с

этим восставшим из усыпальницы духом, ты получишь ответы на все твои самые насущные вопросы.

— Чего ты хочешь? — спросил Харман и, как ни тянуло его убежать, спустился по ступеням.

Просперо молча поднял хрустальную крышку прозрачного саркофага.

Никакого запаха разложения. Харман изумленно ступил на железную площадку, затем обошел гроб и встал подле мага. Подобно всем людям старого образца, он до последних месяцев не видел покойников, если не считать безволосых тел в целебных баках на острове Просперо. Однако он хоронил людей в Ардис-холле и знал ужасные приметы смерти: бледность и трупное окоченение, запавшие глаза, холодную плоть. У этой женщины *–этой Сейви* — ничего из перечисленного не было. Кожа казалась мягкой, полной жизни. Губы были розовые, почти красные, и соски тоже. Чудилось, что длинные ресницы вот-вот шелохнутся, глаза откроются…

— Прикоснись к ней, — сказал Просперо.

Харман протянул дрожащую руку — и тут же отдернул ее, так и не коснувшись тела. Женщину окружало не сильное, но плотное энергетическое поле, проницаемое, но вполне осязаемое; воздух

под ним был гораздо теплее, чем снаружи. Харман попытался снова. Он тронул шею женщины и ощутил едва заметный пульс, словно биение крыльев мотылька. Он положил руку между ее грудями. Да, сердце билось, но медленно, гораздо медленнее, чем у спящего человека.

— В подобной колыбели лежит твой друг Никто, — тихо сказал Просперо. — Она останавливает время. Но если саркофаг Одиссея должен исцелить его за три дня, что и происходит прямо сейчас, то этот хрустальный гроб стал своей хозяйке прибежищем на четырнадцать с лишним веков.

Харман опять отдернул руку, словно его укусили:

— Невозможно.

— Да? Разбуди ее и спроси.

— Кто она? Это не может быть Сейви.

Просперо улыбнулся. Под ногами у них тучи сбивались к северному склону, клубились вокруг прозрачной гробницы.

— Ну да, не может, верно? — произнес маг. — Я знал ее под именем Мойра.

— Мойра? В честь которой назвали это место — Тадж-Мойра?

— Конечно. Здесь ее усыпальница. По крайней

мере, здесь она спит. Да будет тебе известно, друг Никого, что Мойра — постчеловек.

Харман снова попятился от саркофага:

— Постлюди умерли… Их больше нет. Мы с Даэманом и Сейви видели, как их мумифицированные, обглоданные Калибаном тела плавали в гнилостном воздухе твоего орбитального острова.

— Она последняя, — сказал Просперо. — Сошла с полярного кольца более полутора тысяч лет назад. Она была возлюбленной и женой Ахмана Фердинанда Марка Алонсо хана Хо-Тепа.

— А это еще кто?

Тучи окутали основание Таджа плотной пеленой, и Харман почувствовал себя немного уверенней, видя под ногами сизую мглу вместо головокружительной пустоты.

— Просвещенный потомок первого хана, — пояснил седовласый старец. — Он правил Землей — верней, тем, что от нее осталось, — в ту пору, когда впервые активизировались войниксы. Этот временной саркофаг он создал для себя, но, полюбив Мойру, уступил гроб ей. Она спит здесь много веков.

Харман принужденно рассмеялся:

— Не понимаю. Почему этот Хо-Теп, или как

там правильно, не заказал себе второй гроб?

Улыбка Просперо начинала его бесить.

— Так он и сделал. Второй саркофаг стоял вот здесь, на широком помосте, рядом с Мойрой. Но даже в такое труднодоступное место, как Ронгбук Пумори Чомолангма-Фэн Дудх Коси Лхоцзе-Нупцзе Кхумбу ага Гхат-Мандир хан Хо-Теп Рауза, порой наведываются незваные гости. Один из них вытащил временну́ю колыбель с телом Ахмана Фердинанда Марка Алонсо-хана и сбросил на ледник у подножия.

— А другой саркофаг почему оставили? — спросил Харман, настроенный не верить ни единому слову мага.

Просперо морщинистой рукой указал на спящую:

— А ты бы выбросил такое тело?

— Тогда почему не разграбили храм?

— Наверху есть средства защиты. Чуть позже я буду рад тебе их показать.

— Почему они не разбудили вашу… кто бы она ни была?

— Пытались, — ответил Просперо. — Но так и не сумели открыть саркофаг…

— Ты сделал это без труда.

— Ахман Фердинанд Марк Алонсо-хан разра-

батывал сей аппарат при мне, — сказал маг. — Я знаю шифры и пароли.

— Тогда сам ее и разбуди. Я хочу с ней поговорить.

— Я не могу разбудить эту постженщину, — сказал Просперо. — Как не смогли бы грабители, сумей они обойти систему безопасности и открыть гроб. Мойру пробудит лишь одно.

— И что же?

Харман стоял на нижней ступени, готовый уйти в любую секунду.

— Ахман Фердинанд Марк Алонсо-хан или его потомок-мужчина должен совокупиться с ней, пока она спит.

Харман разинул рот, однако не нашелся что сказать и просто уставился на фигуру в голубой мантии. Маг либо спятил, либо изначально был сумасшедшим — третьего не дано.

— Ты потомок Ахмана Фердинанда Марка Алонсо хана Хо-Тепа и династии ханов. — Просперо говорил спокойно и равнодушно, как если бы речь шла о погоде. — ДНК твоей спермы разбудит Мойру.

51

Манмут и Орфу вышли на внешнюю обшивку «Королевы Маб», чтобы побеседовать без помех.

Миновав орбиту земного спутника, огромное судно перестало выбрасывать атомные бомбы размером с банки кока-колы (экипаж хотел известить о своем прибытии, но не желал напрашиваться на огонь с экваториального или полярного кольца) и теперь тормозил вспомогательными ионными двигателями при слабой гравитации в одну восьмую земной. Голубоватое сияние «внизу» нравилось Манмуту больше, чем периодические вспышки бомб.

Маленькому европеанину приходилось помнить о безопасности в вакууме при торможении: постоянно крепиться к обшивке, держаться переходных мостиков, соблюдать осторожность на лестницах, идущих по всему тысячефутовому корпусу «Королевы»; впрочем, он знал, что, даже если совершит глупость, Орфу с Ио его спасет. Манмут мог спокойно выдержать в полном вакууме всего двенадцать часов, дальше ему требовалось пополнить запасы воздуха, и он редко упражнялся в использовании встроенного реактивного ранца на перекиси водорода. Зато

для Орфу этот внешний мир предельного холода, ужасной жары, высокого вакуума и яростной радиации был природной средой обитания.

— Так что нам делать? — спросил Манмут огромного друга.

— Думаю, нам нужно приготовить шлюпку и «Смуглую леди» к спуску, — ответил Орфу.

— Нам? — удивился Манмут. *–Нам?*

Планировалось, что шлюпку будет пилотировать Сума IV; генерал Бех бен Ади и тридцать боевéков во главе с центурион-лидером Мепом Аху разместятся в пассажирской гондоле, а Манмут будет ждать в «Смуглой леди», в трюме. Когда — и если — настанет время спускать подлодку, Сума IV и остальные сойдут на борт «Смуглой леди» по специальной шахте. Хотя Манмуту очень не хотелось расставаться со старым товарищем, никто не собирался брать на шлюпку огромного, оптически незрячего ионийца. Орфу должен был остаться на «Королеве Маб» в качестве внешнего системного инженера.

— Так как же насчет «нас»? — повторил Манмут.

— Я решил, что буду незаменим в этой миссии, — пророкотал Орфу. — И потом, у тебя на корпусе подлодки есть такая маленькая уютная ниша, к

ней подведены воздушные трубки, силовые кабели, коммуникационные линии, радары, прочие источники данных — чем не курорт?

Манмут покачал головой, спохватился, что перед ним слепой, потом сообразил, что Орфу уловил его движение с помощью инфракрасных сенсоров, и покачал головой еще раз:

— Зачем нам вообще настаивать на спуске? Попытка высадиться на Землю может поставить под угрозу рандеву с астероидным городом на п-кольце, откуда шла передача.

— В задницу астероидный город на п-кольце, откуда шла передача! — прорычал Орфу. — Сейчас главное — добраться до Земли как можно скорее.

— Почему?

— Почему? — повторил Орфу. *–Почему?* Маленький друг, *у тебя* есть глаза. Или ты не видел телескопные снимки, которые мне описывал?

— Ты про сожженную деревню?

— Да, я про сожженную деревню, — громыхнул Орфу. — И тридцать-сорок других человеческих поселений по всему миру, на которые нападают безголовые твари, чья специальность — убивать людей.*Людей старого образца*, Манмут. Тот самый род, что создал наших предшественников.

— С каких пор наша миссия стала спасатель-

ной? — спросил Манмут.

Земля — большой голубой шар — росла с каждой минутой. Экваториальное и полярное кольца были прекрасны.

— С тех пор, как мы увидели изображения убитых людей, — ответил Орфу, и Манмут узнал инфразвуковые тона в голосе друга: тот либо шутил, либо говорил очень-очень серьезно, а Манмут знал, что Орфу сейчас не до веселья.

— Я думал, наша цель — спасти Пять Лун, Пояс и Солнечную систему от полного квантового коллапса, — сказал Манмут.

Орфу низко зарокотал:

— Этим мы займемся завтра. Сегодня у нас еще есть шанс спасти людей.

— Но как? Мы не знаем контекста. Даже понятия не имеем, что там происходит. Вполне может быть, что безголовые машины — это роботы-убийцы, созданные людьми для борьбы с другими людьми. Не стоит ввязываться в местные войны, которые нас не касаются.

— Ты сам в это веришь, Манмут?

Манмут замялся. Он смотрел далеко-далеко, туда, где ионные двигатели стреляли синеватыми лучами в растущую бело-голубую планету.

— Нет, не верю, — произнес он наконец. — По-

моему, внизу творится что-то новое, так же как на Марсе, на Земле Илиона и повсюду, где мы побывали.

— Вот и я так думаю, — сказал Орфу. — Идем убедим Астига/Че и прочих первичных интеграторов, что, как только окажемся на той стороне планеты, нужно спускать подлодку и шлюпку. Со мной на борту.

— И как ты собираешься их убедить? — спросил Манмут.

На сей раз отдающийся в костях инфразвуковой тон Орфу скорее подразумевал усмешку:

— Я сделаю им предложение, от которого они не смогут отказаться.

52

Харман хотел уйти как можно дальше от хрустального гроба. Он бы вернулся в кабину эйфельбана, но снаружи бушевал ветер, который смел бы его с мраморной площадки у Тадж-Мойры, поэтому он просто взбирался по спиральным уровням библиотеки.

Узкие переходы — каждый следующий выступал над предыдущим — очень скоро завели его на головокружительную высоту. Харман наверняка испугался бы, не думай он только о том, как

увеличить расстояние между собой и спящей женщиной.

Все книги были одинакового размера и без названий. Харман прикинул, что здесь должны быть сотни тысяч томов. Он вытащил первый попавшийся и раскрыл наугад. Буквы были маленькие, дорубиконовым английским шрифтом, древнее всех письменных текстов, какие Харман когда-либо видел. У него ушло десять минут, чтобы прочесть первые два предложения и попытаться извлечь из них смысл. Он вернул книгу на место и, положив ладонь на корешок, вообразил пять синих треугольников в ряд.

Не получилось. Золотые слова не потекли по руке, чтобы отложиться в памяти. Либо функция сиглирования здесь не работала, либо древние книги ей не поддавались.

— У тебя есть способ прочитать их все, — сказал Просперо.

Харман подскочил от испуга. Он и не слышал шагов по гулким железным мостикам. Маг просто возник перед ним на расстоянии вытянутой руки.

— Как я могу прочитать их все? — спросил Харман.

— Кабина эйфельбана тронется через два часа,

— сказал маг. — Если не успеешь, следующей придется ждать очень долго. Точнее, ровно одиннадцать лет. Так что, если хочешь прочитать все книги, лучше тебе приступить немедленно.

— Я готов ехать хоть сейчас, — ответил Харман. — Просто там такой ветер, что до кабины мне не добраться.

— Как только будем готовы, я велю сервитору натянуть трос, — сказал Просперо.

— Сервиторы? Здесь есть работающие сервиторы?

— Конечно. Думаешь, механизмы Таджа и эйфельбана сами себя ремонтируют? — Просперо криво усмехнулся. — Ну, в каком-то смысле так оно и есть, ибо сервиторы по большей части нанотехнологические, они встроены в структуру, и тебе их даже не разглядеть.

— Все сервиторы в Ардисе и других поселениях не работают. Просто отказали. И электричество отключилось.

— Естественно, — сказал Просперо. — Вы же разрушили мой орбитальный остров, вот и последствия. Но электрическая сеть планеты и прочие механизмы по-прежнему целы. Даже лазарет при желании можно заменить.

Харман был ошеломлен. Он повернулся и, тя-

жело дыша, прислонился к железным перилам, не замечая пропасти над мраморным полом. Когда девять месяцев назад они с Даэманом под руководством самого Просперо направили на орбитальный остров гигантский «уловитель кротовин», их целью было уничтожить кошмарный банкетный стол, за которым Калибан много лет пировал телами людей, достигших Последней Двадцатки. Вместе с лазаретом погибла извечная уверенность всякого человека в исцелении от недугов, случайных ран и признаков возраста. Конечность земного существования тяжелым грузом легла на плечи людей. Смерть и старение стали печальной действительностью. Но если маг не солгал, человечество снова может выбрать искусственную молодость и вечную жизнь. Харман еще не знал, как относиться к этой возможности, однако даже при мысли о подобном выборе у него скрутило живот.

— А что, есть еще лазарет? — Харман говорил тихо, но его голос эхом разнесся под гигантским куполом.

— Разумеется. На орбитальном острове Сикораксы. Осталось только его активировать, как и орбитальные силовые установки, а также автоматические системы факсирования.

— Сикоракса? — повторил Харман. — Та ведьма, о которой ты говорил, мать Калибана?

— Да.

Харман собирался спросить, как можно попасть на кольцо, чтобы активировать лазарет и систему факсов, потом вспомнил, что оставшийся в Ардисе соньер может летать на кольца.

— Выслушай меня, Харман, друг Никого, — сказал Просперо. — Можешь уехать отсюда по эйфельбану через час сорок пять минут. Или выйти прямо сейчас, шагнуть за край и разбиться на ледниках Кхумбу. Выбор за тобой. Но одна истина непреложна, как то, что день сменяется ночью: ты больше не обнимешь Аду, не вернешься к тому, что осталось от Ардис-холла, не увидишь, как твои друзья Даэман, Ханна и другие переживут нынешнюю войну с войниксами и калибанами, даже не увидишь больше зеленой Земли, не скованной льдом и не убитой голодом Сетебоса, если не разбудишь Мойру.

Харман попятился и сжал кулаки. Просперо опирался на посох, однако Харман знал, что маг одним лишь взмахом этого посоха может перебросить его через перила и низвергнуть с высоты в сотни футов и он разобьется среди беломраморных, выложенных самоцветами стен.

— Должен же быть иной способ, — процедил Харман сквозь стиснутые зубы.

— Иного способа нет.

Харман ударил кулаком по железным перилам:

— Все это какая-то тупая бессмыслица.

— Друг Никого, не напрягай свой ум разгадыванием тайн, — изрек Просперо, и голос его эхом прокатился под куполом. — А на досуге Мойра все происшедшее подробно разъяснит[46]. Но для начала пробуди ее ото сна.

Харман упрямо мотнул головой:

— Не верю, что я потомок вашего Ахмана… как его… хана Хо-Тепа. Как такое может быть? Нас, людей старого образца, создали посты через столетия после финального факса, когда исчез народ Сейви, а…

— Вот именно, — улыбнулся маг. — Откуда, по-твоему, взялись образцы ДНК и сохраненные тела? Ты все, и даже более, узнаешь от Мойры. Она постчеловек, последняя из их рода, и она знает, как тебе прочесть все эти книги, прежде чем

---

[46] Примечания: 46

Друг Никого, не напрягай свой ум разгадыванием тайн… А на досуге Мойра все происшедшее подробно разъяснит. –Ср.: О государь, не напрягайте ум / Разгадыванием тайн. / Сам на досуге / Я происшедшее вам объясню. (У. Шекспир. Буря. Акт V, сц. 1. Перев. М. Донского.)

кабина эйфельбана покинет станцию. Возможно, знает она и то, как вам одолеть калибанов и войниксов, а то и самого Калибана с его повелителем Сетебосом. Но ты должен решить, стоит жизнь твоей Ады маленькой неверности? У тебя есть час сорок пять минут до того, как кабина тронется. Не так-то легко проснуться четырнадцать веков спустя. Мойре понадобится время, чтобы прийти в себя, подкрепиться и разобраться в положении; лишь тогда она будет готова поехать с нами.

— С нами? — глупо переспросил Харман. — По эйфельбану? Обратно в Ардис?

— Почти наверняка, — ответил Просперо.

Харман вцепился в перила, так что костяшки пальцев сперва побелели, потом покраснели. Наконец он разжал руки и вновь обернулся к магу:

— Хорошо. Но ты жди меня здесь. А лучше возвращайся в кабину. Скройся с глаз. Я все сделаю, только мне не нужны свидетели.

Старец мгновенно исчез. Харман постоял у перил, вдыхая затхлый запах старинных кожаных переплетов, и поспешил к ближайшей лестнице.

53

Их было сорок три — потрепанных, замерзших мужчин и женщин, проделавших семимильный

путь от Тощей скалы до факс-павильона.

Даэман шагал впереди с рюкзаком, в котором изредка ворочалось мерцающее белое яйцо Сетебоса; Ада шла рядом, несмотря на сотрясение мозга и сломанные ребра. Первые несколько миль через лес оказались хуже всего: неровная почва окаменела на морозе, к тому же снова посыпал снег, видимость ухудшилась, и все с тревогой ожидали нападения незримых войниксов. Однако прошло полчаса, потом сорок пять минут, потом целый час; чудовища не появлялись, и люди понемногу начали успокаиваться.

В ста футах над головами идущих летел соньер с Греоджи, Томом и восемью неходячими больными, то вырываясь вперед и взлетая высоко над лесом, то возвращаясь и снижаясь так, чтобы Греоджи мог докричаться до своих товарищей:

— Войниксы примерно в полумиле, но они отходят! Держатся подальше от вас и от яйца.

Аду (каждый вздох причинял ей мучения, в висках стучало, в голове и запястье пульсировала боль) мало утешало, что войниксы всего в полумиле от них. Она помнила, как проворно бегают эти твари, как прыгают с деревьев: чтобы настигнуть уцелевших обитателей Ардиса, им хватило бы и минуты. Двадцать пять винтовок и

пистолетов, но ни одной запасной обоймы — вот и все, что у них было. Из-за сломанной кисти и забинтованных боков Ада шла без оружия, отчего, шагая рядом с Даэманом, Эдидой, Боманом и другими, чувствовала себя еще более уязвимой. В лесу намело сугробы почти в целый фут, и Ада едва находила силы пробиваться по мокрому липкому снегу.

Даже после того, как они миновали самый каменистый, самый густой участок леса на пути к дороге между Ардис-холлом и факс-павильоном, группа продолжала плестись мучительно медленно, равняясь на самых слабых, больных, раненых и переохладившихся за прошлые две ночи. Сирис, одна из врачей Ардиса, шла вместе с ними, заботясь, чтобы все получали необходимую помощь, и порой напоминая вожакам замедлить шаг.

— Не понимаю, — сказала Ада, когда они вышли на луг, памятный по сотне летних прогулок.

— Ты о чем? — спросил Даэман.

Он нес рюкзак на вытянутых руках, как если бы оттуда воняло. Впрочем, Ада заметила: оттуда и впрямь попахивало тухлой рыбой и канализацией. Однако яйцо по-прежнему ярко светилось и время от времени беспокойно подрагивало, а

значит, маленький Сетебос внутри был еще жив.

— Почему войниксы не нападают, пока у нас эта штука? — спросила Ада.

— Боятся, наверное, — ответил Даэман.

Он перекинул рюкзак из правой руки в левую. В свободной руке он нес арбалет.

— Это и так ясно, — резче, чем ей хотелось, проговорила Ада; грохот в голове, рези в руке и боках выводили ее из себя. — Я о другом. Какая связь между… существом… в Парижском Кратере и войниксами?

— Не знаю, — ответил Даэман.

— Войниксы окружали нас… всегда, — продолжала рассуждать Ада. — А Сетебос появился только неделю назад.

— Да, — сказал Даэман. — Однако у меня такое чувство, что между ними есть какая-то связь. Может, и прежде была.

Ада кивнула, поморщилась от боли и побрела дальше. Почти не разговаривая, люди прошли через следующий участок леса, пересекли знакомую речку, по большей части заледеневшую, и двинулись вниз по высокой заиндевелой траве.

Соньер спустился ниже.

— Еще четверть мили! — крикнул Греоджи. — Войниксы отошли дальше на юг. По меньшей

мере на две мили.

Выйдя на дорогу, люди приободрились, начали перешептываться, хлопать друг друга по спине. Ада взглянула на запад, в сторону Ардис-холла. Сразу за изгибом дороги виднелся крытый мост, но не было ни дома, ни даже столба черного дыма. Перед глазами заплясали черные точки, желудок на минуту свело. Ада застыла, упершись руками в колени и опустив голову.

— Ада, тебе плохо?

Голос принадлежал бородатому Ламану. Одежда на нем была изодрана, правая рука, на которой после ночной битвы с войниксами недоставало четырех пальцев, обмотана тряпьем.

— Все в порядке. — Ада выпрямилась, выдавила улыбку и поспешила догнать маленькую группу во главе шествия.

До факс-павильона уже оставалось меньше мили; пейзаж смотрелся бы очень знакомо, когда бы не этот непривычный снег. Войниксы никак не давали о себе знать. Соньер, описав широкий круг, вернулся, Греоджи снизился, показал им большой палец и унесся вперед.

— Куда мы факсируем, Даэман? — спросила Ада.

Она слышала безучастность в собственном

голосе, но слишком устала, чтобы вкладывать силы еще и в разговор.

— Не знаю, — произнес поджарый, мускулистый мужчина, который когда-то, в бытность пухлым эстетом, пытался ее соблазнить. — По крайней мере, я не знаю, куда нам деваться надолго. Чом, Уланбат, Парижский Кратер, Беллинбад и прочие узлы из числа самых заселенных уже наверняка подо льдом. Зато я знаю одно необитаемое место, куда иногда заглядываю. Это в тропиках. Там тепло. Просто заброшенный городок, но на берегу океана — правда, неизвестно какого — и в лагуне. Зверья там немного, разве что ящерки, да кабаны иногда пробегают. Людей они не боятся. Там можно будет половить рыбу, поохотиться, наделать новых луков со стрелами, позаботиться о раненых… короче, залечь на дно, пока не придумаем, что делать дальше.

— А как нас отыщут Харман, Ханна и Одиссей-Никто? — спросила Ада.

С минуту Даэман молчал, и Ада почти читала его мысли: «Мы даже не знаем, жив ли Харман. Петир сказал, что он исчез вместе с Ариэлем». Однако в конце концов Даэман сказал:

— Все просто. Кто-нибудь из нас будет регулярно сюда факсировать. А мы можем оставить в

Ардис-холле сообщение с кодом факс-узла нашего убежища в тропиках. Харман умеет читать, а войниксы, по-моему, нет.

Ада печально улыбнулась:

— Они могут многое, чего мы себе раньше даже не представляли.

— Да, — сказал Даэман, и разговор оборвался до конца пути.

Факс-павильон выглядел примерно таким же, каким Даэман покинул его двое суток назад. Разломанный частокол, повсюду засохшая человеческая кровь, но тела тех, кто защищал узел не на жизнь, а на смерть, растащили войниксы или дикие звери. Само открытое круглое сооружение и колонна посередине стояли нетронутыми.

Люди остановились на краю платформы, оглядываясь через плечо на лес. Когда приземлился соньер, товарищи помогли сойти раненым; некоторых пришлось выносить.

— На пять миль вокруг все чисто, — сообщил Греоджи. — Вот чудно́. Я видел нескольких войниксов, так они удирали на юг, словно ты за ними гонишься.

Даэман посмотрел на белесое мерцающее яйцо в рюкзаке и вздохнул:

— Мы-то за ними не гонимся. Просто хотим

убраться отсюда подобру-поздорову.

Тут он изложил уцелевшим членам общины свой план.

Разгорелся короткий спор. Многие стояли за то, чтобы факсировать в известное место, проведать, живы ли друзья и любимые. Кауль был уверен, что Сетебос не захватил Поместье Ломана (там у Кауля осталась мать).

— Ладно, послушайте! — крикнул Даэман, перекрыв общий гомон. — Нам неизвестно,*где* сейчас Сетебос. Ему хватило суток, чтобы превратить Парижский Кратер в крепость из нитей голубого льда. Я был там последним, а после моего возвращения прошло уже более сорока восьми часов. Вот что я предлагаю…

Все сразу притихли. Люди внимательно слушали. Ада поняла, что они признали Даэмана вожаком, как раньше признали ее… и Хармана. Она пересилила внезапное желание заплакать.

— Давайте решим, держаться нам вместе или нет. — Зычная речь Даэмана долетала до края толпы. — Можем проголосовать и…

— А что такое «голосовать»? — спросил Боман.

Даэман объяснил.

— Стало быть, если даже один голос сверх половины будет за то, чтобы остаться вместе, —

сказала Око, — мы поступим, как хотят другие?

— Только на время, — ответил Даэман. — Скажем… на неделю. Держаться рядом теперь безопаснее, чем разбегаться по разным узлам. Как мы после найдем друг друга? И потом, среди нас больные, раненые, они не смогут себя защитить. А как поступить с оружием? Отдать его тем, кто пожелает отделиться, или большинству?

— А что делать эту неделю…*если* мы согласимся отправиться в твой тропический рай? — спросил Том.

— То, что я и говорил, — ответил Даэман. — Придем в себя. Изготовим еще оружие. Возведем укрепления… Там, за рифом, я видел маленький остров. Можно сделать лодки. Построим на острове жилища, крепостной вал…

— Думаешь, войниксы не умеют плавать? — крикнул Стоман.

Все нервно засмеялись; Ада покосилась на Даэмана. Это был «юмор висельника» (выражение, на которое она наткнулась, сиглируя древние книги в ардисской библиотеке), шутка разрядила напряжение.

Даэман легко хохотнул:

— Понятия не имею, но, если не умеют, лучшего места нам не сыскать.

— Ага! До тех пор, пока мы не наплодим детишек, так что перестанем там помещаться, — сказал Том.

На сей раз все рассмеялись повеселее.

— Мы будем посылать оттуда разведчиков, — продолжал Даэман. — Начнем прямо с первого дня. Так можно будет разузнать, что творится в мире, и выяснить, в каких факс-узлах безопасно. Через неделю каждый, кто захочет, отправится куда угодно. Я просто считаю, что нам лучше быть вместе, пока не поправятся больные, пока все не выспятся и не поедят вдоволь.

— Голосуем, — объявил Кауль.

Так и поступили. Люди прыскали в кулаки, смущаясь тем, что решают серьезный вопрос столь диковинным способом — поднимая руки. Сорок три человека были за то, чтобы не расставаться, семеро — против, и трое больных не голосовали, поскольку были без сознания.

— Вот и хорошо.

Даэман уже направился к помосту, но тут вмешался Греоджи:

— Минутку! Как быть с соньером? Он не раз спасал нам жизнь. Соньер не протащить через факс, а если бросить, его захватят войниксы.

— Черт, — сказал Даэман. — Об этом я не по-

думал.

Он провел рукой по грязному лицу в кровавых разводах, и Ада заметила, как он устал и бледен, хотя и напускает на себя бодрый вид.

— У меня предложение, — сказала она.

Дружелюбные лица обернулись к ней.

— Почти все вы знаете, что в прошлом году Сейви показала нам новые функции: дальнюю, ближнюю и общую сеть… Кое-кто даже пробовал ими пользоваться. Как только доберемся до тропического рая, мы вызовем функцию дальней сети, узнаем его расположение, кто-нибудь факсирует сюда, заберет соньер и вернется на остров по воздуху. Харман, Ханна, Петир и Никто добрались до Золотых Ворот в Мачу-Пикчу за час, так что дорога в рай не должна занять много времени.

Почти все закивали, многие засмеялись.

— Есть идея получше, — подал голос Греоджи. — Вы все факсируете, а я караулю соньер. Потом кто-нибудь вернется, скажет, куда лететь.

— Я тоже останусь, — вызвался Ламан; винтовку он держал здоровой левой рукой. — Вдруг нагрянут войниксы, тебе понадобится прикрытие. И товарищ, который не позволит заснуть во время полета.

Даэман устало улыбнулся.

— Согласны? — спросил он у всех.

Люди начали подтягиваться: им не терпелось факсировать.

— Погодите, — снова сказал Даэман. — Неизвестно, что нас там ожидает. Давайте вначале факсируем всемером: я и шестеро с винтовками — Кауль, Каман, Элла, Боман, Касман, Эдида. Если не увидим опасности, один из нас вернется минуты через две. Затем переправим больных и раненых. Том, Сирис, назначьте, кто возьмет носилки. Греоджи, ты организуй вооруженное прикрытие, пока факсируют остальные. Договорились?

Все нетерпеливо закивали. Команда с винтовками вышла вперед, на звезду, выложенную в полу павильона.

— Поехали, — произнес Даэман и набрал код необитаемого узла.

Ничего не произошло. Не раздалось слабого шипения, люди со звезды не исчезли.

— Попробуем по очереди, — сказал Даэман, хотя прежде узлы легко факсировали шестерых. — Кауль, встань на звезду.

Кауль встал, нервно теребя винтовку. Даэман снова набрал код.

Никакого результата. Ветер с воем заметал открытый павильон снегом.

— Наверное, тот узел больше не работает, — подала из толпы голос женщина по имени Сиэс.

— Попробую Поместье Ломана.

Даэман набрал привычный код.

Опять ничего.

— Чтоб мне провалиться! — воскликнул плечистый Каман, протискиваясь вперед. — Ты ничего не напутал? Дай я попытаюсь.

Следом за ним попытались еще пятеро. Проверили три дюжины знакомых факс-узлов. Ни один из них не отвечал. Ни Чом, ни Беллинбад, ни павильоны «Кругов неба» в Уланбате — ни единый.

В конце концов все замерли, не в силах вымолвить ни слова. На каждое лицо легла печать ужаса и отчаяния. Никакие кошмары последнего времени — метеоритные дожди, отключение электричества, поломка сервиторов, первые атаки войниксов, новости из Парижского Кратера, даже бойня в Ардисе и безнадежное положение на Тощей скале, — еще не вселяли в сердца такой обреченности.

Факс-узлы не работали. Привычный с детства мир окончательно рухнул. Бежать было некуда, оставалось лишь ожидать неминуемой смерти.

Ждать, когда вернутся войниксы или когда мороз, истощение и болезни прикончат беженцев одного за другим.

Ада взобралась на маленький помост у основания колонны, чтобы все не только слышали ее, но и видели.

— Мы возвращаемся в Ардис-холл! — сказала она сильным, не терпящим возражений голосом. — До него отсюда чуть больше мили. Даже при нашей усталости дорога займет около часа. Том и Греоджи перевезут больных на соньере.

— За каким чертом туда возвращаться? — спросила невысокая женщина; Ада не признала ее лица. — Что там осталось, кроме трупов, ворон, пепла и войниксов?

— Не все сгорело! — громко возразила ей Ада, хотя не имела об этом никакого понятия: она была без сознания, когда ее увезли на соньере из пылающих руин.

Впрочем, Даэман и Греоджи будто бы видели участки, не поврежденные огнем.

— Не все сгорело, — повторила Ада. — Сохранились толстые балки, остатки палаток и бараков. В крайнем случае разберем частокол и построим деревянные хижины. Что-нибудь еще из вещей уцелело. Возможно, даже ружья. Мы многое там

оставили…

— Например, войниксов, — вставил мужчина со шрамом.

— Пожалуй, ты прав, Элос, — сказала Ада, — но войниксы теперь повсюду. И они боятся яйца Сетебоса у Даэмана в рюкзаке. Покуда оно с нами, войниксы не подойдут. И где ты предпочтешь с ними встретиться? В холодном ночном лесу или у большого костра, в теплой лачуге, когда твои друзья будут стоять в карауле?

Толпа озлобленно затихла. Кое-кто еще пытался вводить код, после чего бессильно бил кулаком по колонне.

— Почему не остаться прямо здесь? — спросила Элла. — Крыша есть. Построим стены, разложим огонь. Частокол тут поменьше, его проще будет восстановить. А если факс опять заработает, сразу и выберемся отсюда.

Ада кивнула:

— Все верно, подруга. Но как быть с водой? Придется то и дело посылать кого-нибудь к реке, а это за четверть мили отсюда, и путь опасен. Запасы будет негде хранить, да мы и не поместимся под этой крышей. И еще здесь холодно. Ардис стоит на солнечном месте, там куча строительного материала и главное — есть колодец. Построим

новый Ардис-холл*вокруг* колодца, чтобы не ходить за водой наружу.

Люди переминались с ноги на ногу, однако не отвечали. Никому не хотелось брести назад по мерзлой дороге, все дальше от павильона и надежд на спасение.

— Я иду сейчас, — объявила Ада. — Через несколько часов стемнеет. Я собираюсь развести славный костер до того, как на небе зажгутся кольца.

Она действительно вышла из павильона и зашагала на запад, к дороге. Даэман тронулся следом. За ним — Эдида и Боман. Затем потянулись Том, Сирис, Каман и многие другие. Греоджи занялся погрузкой больных обратно в соньер.

Догнав Аду, Даэман нагнулся к ней и прошептал:

— У меня две новости: хорошая и плохая.

— Давай хорошую, — устало проговорила Ада, чувствуя, как раскалывается голова.

Она шагала зажмурившись, лишь иногда разжимая веки, чтобы не сбиться с каменистой тропы.

— Все двинулись за нами, — сообщил Даэман.

— А плохая? — спросила Ада, думая про себя: «Только не плакать! Только не плакать!»

— Треклятое яйцо Сетебоса начинает трескаться, — ответил Даэман.

54

Только сняв верхнюю одежду в хрустальной усыпальнице под мраморным полом Тадж-Мойры, Харман ощутил, как же здесь холодно. В исполинском сооружении тоже, видимо, царил мороз, но в термоскине Харман этого не замечал. И вот он застыл в изножье прозрачного гроба, наполовину сняв термокостюм (обычная одежда грудой валялась на невидимом полу). Голые руки и грудь покрылись пупырышками.

«Это неправильно. Совершенно, абсолютно неправильно».

Современники Хармана ничего не знали о религии, если не считать благоговения перед постлюдьми на кольцах и веры в вечную жизнь с ними после своего финального факса да еще отдаленного понятия о религиозных обрядах, почерпнутого из туринской драмы, где фигурировали воскрешенные греческие боги.

И все же в эту минуту Харман чувствовал, что совершает грех.

«Жизнь Ады, жизнь всех, кого я знаю и люблю, возможно, зависит от пробуждения последней

постчеловеческой женщины».

— От секса с мертвой или коматозной женщиной, которую я впервые вижу? — вслух прошептал он. — Бред какой-то. Безумие.

Харман оглянулся через плечо на лестницу (Просперо вроде бы сдержал слово; по крайней мере, его нигде не было видно) и разделся догола. Холод пробирал до костей. Харман глянул вниз и чуть не рассмеялся: какой же он замерзший и съежившийся.

«Что, если полоумный старик надо мной подшутил?» И кто знает, не прячется он где-нибудь поблизости под покровом невидимости или других магических штучек?

Харман а била дрожь: отчасти от озноба, но больше от непреодолимой гадливости. Одна только мысль, что он происходит от Ахмана Фердинанда Марка Алонсо хана Хо-Тепа вызывала тошноту.

Ему вспомнилась Ада — израненная, без сознания, заброшенная на вершину Тощей скалы вместе с жалкой кучкой беженцев, уцелевших после резни в Ардисе.

«Кто сказал, что это было на самом деле? Просперо ничего не стоит показать через туринскую пелену лживые образы».

Да, но действовать придется так, будто увиденное было правдой. Будто правдивы слова Просперо, что ему необходимо учиться, необходимо изменить себя и встать на борьбу против Сетебоса, войниксов и калибанов, а иначе все потеряно.

«Но что может сделать один человек, проживший свои Пять Двадцаток?» — спросил себя Харман.

И словно бы в ответ на это он вполз на край массивного гроба, стараясь не коснуться босых ног обнаженной женщины. Полупроницаемое защитное поле рождало ощущение, что он погрузился в теплую воду через что-то щекочущее. Лишь голова и плечи по-прежнему оставались на холоде.

В длинном и просторном саркофаге можно было лечь подле спящей, не касаясь ее. Материал, на котором она лежала, с виду походил на шелк, однако под коленями Хармана ощущался скорее как мягкое металлическое волокно. Теперь он чувствовал пульсацию той энергии, которая охраняла молодость и, возможно, сон двойника Сейви.

«А что, если я нырну под силовое поле и тоже засну на пятнадцать веков? Это решило бы все

мои затруднения. А главное — избавило бы от вопроса, что делать дальше».

Он опустил лицо сквозь щекочущую полупроницаемую преграду, словно пловец, робеющий войти в реку, и теперь стоял на четвереньках над ногами спящей. Нагретый воздух, пронизанный гулом приборов саркофага, окатывал тело волнами странной энергии, однако не усыплял.

И что теперь?

В жизни Хармана почти наверняка бывали случаи, когда он чувствовал себя так же неловко, но сейчас он не мог их припомнить.

Мир Хармана, не знавший понятия о грехе, не знал и понятия «изнасилование». В этом ныне исчезнувшем мире людей старого образца не было ни законов, ни тех, кто следил бы за их исполнением, но не было и агрессии между представителями разных полов, ни близости без обоюдного согласия. «Законы», «полиция», «тюрьмы» — все эти слова Харман просиглировал за последние восемь месяцев. Однако негласные правила заставляли каждого беречься дурной славы: никто не желал стать изгоем в крохотной компании, предающейся веселым вечеринкам, танцам и факсам туда-сюда.

К тому же секса хватало всем желающим. И

почти все его желали.

За свои почти полные Пять Двадцаток Харман часто хотел секса. Только в последние лет десять, научившись разбирать таинственные каракули в книгах, он положил конец привычному ритму жизни: факсируй куда-нибудь — переспи с кем-нибудь. Из книг Харман почерпнул странную мысль, будто на свете есть, может или могла бы существовать женщина, близость с которой будет для них обоих чем-то особенным, не таким, как бездумные связи и дружеский секс остальных людей старого образца.

Все-таки это была дикая мысль. Делиться ею не имело смысла, да Харман и не пытался. Возможно, именно молодость Ады (прошло около семи лет с ее Первой Двадцатки, когда они начали заниматься любовью и*полюбили* друг друга) помогла ей принять его романтические бредни об особенных отношениях. Странная пара сыграла даже своеобразную «свадьбу» в Ардис-холле. Из четырехсот гостей большинство посмеивалось над этой причудой, видя в ней лишь новый повод устроить вечеринку; только Петир, Даэман, Ханна и несколько самых близких друзей понимали более глубокий смыл происходящего.

«Не думай об этом, иначе никогда не сделаешь

того, что, по словам Просперо, должен сделать».

Харман стоял на четвереньках над незнакомкой, проспавшей — если верить лживой логосферной аватаре, именующей себя Просперо, — почти полтора тысячелетия. И он еще удивляется, что не готов заняться сексом?

Ну почему она так похожа на Сейви? Старуха была, возможно, самым интересным человеком в жизни Хармана: смелая, загадочная, древняя, из иной эпохи, скрытная, как никто из людей старого образца. Однако она никогда не привлекала его как женщина. Он помнил ее тощее тело в облегающем термоскине.

Эта молодая Сейви тощей не была. Мышцы ее не атрофировались за столетия. Волосы были темные — не черные, как ему показалось сначала, не цвета воронова крыла, как у Ады, а очень темно-каштановые. Облака над северным склоном Джомолунгмы разошлись, и в отраженных лучах восходящего солнца некоторые пряди отливали медью. Харман видел поры на ее коже. Соски на грудях были скорее бурыми, чем розовыми. На уверенном подбородке темнела ямочка — в точности как у Сейви, недоставало только морщин у рта, на лбу и в уголках глаз.

«Кто она?» — в пятидесятый раз спросил себя

Харман.

Не важно, кто она! — кричал разум. *Если Просперо говорит правду, она — женщина, которой ты должен овладеть, чтобы она проснулась и научила тебя всему, без чего ты не вернешься домой.*

Харман чуть опустился на женщину. Она лежала на спине, вытянув руки по бокам, ладонями вниз, и слегка раздвинув ноги. Ощущая себя насильником, Харман правым коленом подвинул левую ногу спящей немного в сторону, а левым — правую. Незнакомка не могла бы открыться ему с большей уязвимостью.

А Харман еще никогда не был настолько холоден.

Он уперся руками и отжался над распростертым телом. Вскинул голову, прорвал тихонько гудящее силовое поле и принялся большими глотками пить студеный воздух. Потом вновь нырнул в энергетическое поле саркофага и в третий раз почувствовал себя утопающим.

Теперь он лег на женщину всем телом. Та не шелохнулась. Ее длинные темные ресницы не дрожали, зрачки под веками не двигались, как у Ады, когда Харман, лежа ночью без сна, смотрел на ее лицо, залитое лунными светом.

Ада.

Харман зажмурился и вообразил ее — не раненую и потерявшую сознание на Тощей скале, какой показала ее туринская пелена Просперо, а такую, какой она была последние восемь месяцев в Ардис-холле. Вспомнил, как просыпался ночью полюбоваться ее сном. Вспомнил чистый запах мыла и женского тела по ночам в их спальне с эркером в древней ардисской усадьбе.

Кажется, что-то зашевелилось…

«Не обращай внимания. Пока не думай. Просто вспоминай».

Харман позволил себе вспомнить первую близость с Адой девять месяцев, три недели и два дня назад. Тогда они путешествовали вместе с Ханной, Даэманом и Сейви и только что разбудили Одиссея на Золотых Воротах в Мачу-Пикчу. Каждому выделили отдельную спальню — зеленоватый шар, прилепленный к оранжевой башне в семистах с лишним футах над развалинами внизу.

Когда они разошлись по комнатам — всем было страшно идти по стеклянному полу, такому же прозрачному, как здесь, в гробнице… нет, не думай об этом сейчас… Харман выскользнул из спальни и постучался к Аде. Она впустила его, и

он заметил, как сверкают ее глаза.

Вообще-то, Харман пришел побеседовать, а не заниматься любовью. По крайней мере, он сам так думал. Однажды он уже ранил чувства Ады. Это случилось в Парижском Кратере, в доме матери Даэмана Марины, высоко на бамбуковой башне, на краю красноглазого кратера. Рискуя жизнью — во всяком случае, она рисковала факсировать в лазарет, — Ада перебралась к нему на балкон над тысячемильной черной дырой кратера. А Харман ответил: «Нет». Сказал: «Нужно подождать». И она ждала, хотя наверняка ни один мужчина прежде не отвергал прекрасную черноволосую Аду из Ардис-холла.

Однако в ту ночь, в прозрачном шаре на Золотых Воротах в Мачу-Пикчу, среди гор (позже Харман предположил, что это должны быть Анды), в тысяче футов над развалинами, он пришел поговорить… о чем? Ах да, хотел убедить ее остаться в Ардис-холле с Одиссеем и Ханной, пока они с Даэманом отправятся вместе с Сейви в легендарное место под названием Атлантида, где, возможно, сохранился космический корабль, способный доставить их на кольца. Харман был очень убедителен, хотя бессовестно лгал. Он сказал Аде, что будет лучше, если именно она

представит Одиссея обитателям и гостям Ардис-холла, а они с Даэманом точно вернутся через несколько дней. На самом деле он боялся, что Сейви втянет их в опасную историю (так оно и вышло, старуха даже поплатилась жизнью), и не хотел, чтобы с Адой случилось что-нибудь дурное. Уже тогда он чувствовал: если Ада пострадает, для него это будет словно его собственная душа рассталась с телом.

На ней была шелковая ночная сорочка, короткая и почти прозрачная. Лунный свет озарял бледные руки и ресницы Ады, пока Харман с жаром убеждал ее остаться в Ардис-холле с чужаком по имени Одиссей.

Потом он ее поцеловал. О нет, всего лишь в щечку, словно отец или друг — маленького ребенка перед сном. Это*она* первой поцеловала его по-настоящему, прижимая к себе в сиянии луны и звезд. Молодые груди коснулись Хармана сквозь легкий голубой шелк сорочки.

Он вспомнил, как отнес ее на узкую кровать у прозрачной стены. Ада помогла ему снять пижаму. Они раздевались торопливо, но с какой-то особой, неловкой грацией.

Неужто с горных пиков налетел ураган в тот самый миг, когда они занялись любовью на узкой

кровати? Наверняка так и было. Харман помнил лунный свет на лице Ады и на ее сосках, когда он по очереди целовал ее груди.

Однако он помнил, как налетел шквал, как спальня опасно и чувственно закачалась в то самое время, как Ада, сжимая ногами его бедра, скользнула правой рукой вниз, нашла его, направила…

Никто не направлял Хармана сейчас, когда он тыкался в спящую женщину.*Не получится,* мелькнуло среди нахлынувших воспоминаний и возвратившегося желания. *Она же сухая. Придется…*

Остаток мысли куда-то улетучился, когда Харман осторожно попробовал… Она оказалась мягкой, открытой, даже мокрой, как будто только и ждала его все эти годы.

Ада тоже была мокрая, ее нежные губы такие же теплые, как теплое влагалище, жадные пальцы сжимали его голую спину, когда он мягко двигался в ней и вместе с ней. Они целовались, покуда Харман — проживший Четыре Двадцатки и девятнадцать лет, самый старый из всех, кого знала Ада, — чуть не лишился чувств от одних только поцелуев, словно подросток.

Комната раскачивалась под резкими порыва-

ми ветра, а они продолжали двигаться: сначала (казалось, целую вечность) очень нежно, потом с нарастающей страстью, затем Ада заставила его окончательно забыться, открываясь ему, требуя проникать еще глубже, целуя его, стискивая сильными руками, сжимая ногами, впиваясь ногтями в кожу.

Кончив, Харман содрогался в ней несколько долгих мгновений. Ада отзывалась серией внутренних сокращений, которые ощущались как толчки землетрясения из какого-то бесконечно глубокого центра, пока ему не стало казаться, будто это ее маленькая ручка, а не все тело сжимает его крепче, отпускает и снова сжимает.

Харман несколько раз содрогнулся внутри женщины, которая походила на Сейви, но не могла ею быть, и тут же вышел из нее. Сердце, все еще переполненное любовью к Аде и воспоминаниями о ней, тяжело стучало от ужаса и стыда.

Он откатился в сторону и лежал, несчастный, тяжело дыша, на подушках из металлического шелка. Теплый воздух овевал его и баюкал. Харман почувствовал, что может уснуть на полтора тысячелетия, подобно этой женщине, проспать все беды, грозящие миру, друзьям и единственной, идеальной, бессовестно предан-

ной возлюбленной.

Едва ощутимое движение стряхнуло с него дрему.

Харман разлепил веки, и сердце у него чуть не остановилось, когда он увидел, что женщина открыла глаза. Она повернула голову и смотрела на него холодным умным взглядом, почти невозможным после долгого сна.

— Кто ты? — спросила молодая женщина голосом покойной Сейви.

55

В конце концов не красноречие Орфу, но тысячи разных факторов вынудили моравеков спустить в атмосферу космошлюпку со «Смуглой леди» на борту.

Совещание состоялось гораздо раньше, чем через два часа, которые назначил Астиг/Че. События происходили чересчур быстро. Через двадцать минут после разговора на внешней обшивке «Королевы Маб» Орфу и Манмут вновь оказались на мостике в обществе каллистянина Чо Ли, первичного интегратора Астига/Че, генерала Беха бен Ади, Мепа Аху, грозного Сумы IV, взволнованного Ретрограда Синопессена и еще полудюжины интеграторов-моравеков и военных-роквеков.

Разговор проходил в устной форме, в условиях земного давления и гравитации.

— Эту передачу мы получили восемь минут назад, — сказал штурман Чо Ли.

Почти все ее слышали, но он все равно продублировал сообщение по фокусированному лучу.

Как и прежде, источник мазерной передачи находился на астероиде размером с Фобос, расположенном на полярном кольце, однако на сей раз женский голос ничего не требовал; послание просто содержало координаты точки рандеву и параметры характеристической скорости.

— Дама желает, чтобы мы доставили Одиссея прямо к ней, — заметил Орфу, — а не теряли время попусту, заскочив по дороге на ту сторону Земли.

— А это выполнимо? — спросил Манмут. — В смысле, затормозить прямо на ее полярной орбите?

— Можно снова прибегнуть к атомным бомбам и тормозить с высокой перегрузкой следующие девять часов, — ответил Астиг/Че. — Но мы этого не хотим по ряду причин.

— Прошу прощения, — сказал Манмут. — Я не инженер и не штурман, всего лишь подводник, но я вообще не понимаю, как мы сбросим скорость, учитывая слабое торможение ионными

двигателями. Или у нас в запасе есть какое-то особое средство?

— Аэродинамическое торможение, — сказал маленький многочленный каллистянин Чо Ли.

Манмут рассмеялся, вообразив, как трехсотдевятиметровая «Королева Маб» со всеми ее внешними конструкциями аэродинамически тормозит в атмосфере Земли, но тут до него дошло, что это не шутка.

— Вы можете затормозить ее аэродинамически? — наконец проговорил он.

Ретроград Синопессен выбежал вперед на серебристых паучьих ножках:

— Разумеется. Мы изначально это планировали. Шестидесятиметровая тяговая плита с абляционным покрытием немного меняет форму и становится тепловым экраном. Плазменное поле вокруг нас во время маневра не должно достигнуть критических величин; при желании мы сможем даже общаться при помощи мазерных передатчиков. Исходно планировалось мягкое аэродинамическое торможение на высоте сто сорок пять километров над уровнем земного моря в несколько этапов для регуляции орбиты. Сложнее всего было бы миновать искусственные полярное и экваториальное кольца, несравни-

мые с очищенным от мусора кольцом F щели Кассини вокруг Сатурна, но эти вычисления довольно простые. Нам бы просто пришлось вертеться ужом. Однако теперь нам велено явиться к даме на астероидный город п-кольца, так что мы планируем спуститься до тридцати семи километров, сбавить ход гораздо быстрее, чем намечалось, и выйти на нужную эллиптическую орбиту с первого раза.

Орфу присвистнул.

Манмут попытался представить себе эту картину.

— Мы пролетим в ста с чем-то тысячах футов над поверхностью? Мы сможем рассмотреть лица людей внизу.

— Не совсем, — сказал Астиг/Че. — Однако все будет несколько эффектнее, чем планировалось. Мы определенно прочертим полосу на небе. Впрочем, людям старого образца сейчас хватает своих забот, вряд ли они заметят полосу в небе.

— В каком смысле? — спросил Орфу с Ио.

Астиг/Че передал самые свежие фотографии. Манмут описал товарищу подробности, которых тот не мог разобрать из сопроводительной информации.

Новые сцены побоищ. Разоренные селения,

трупы, брошенные воронам. Инфракрасные снимки показывали горячие здания, холодные тела и движение таких же холодных безголовых существ-убийц. С ночной стороны планеты на месте жилищ и городов пылали пожары. По всей Земле на людей старого образца нападали металлические безголовые существа, которых эксперты моравеков опознать не смогли. На четырех континентах множились и продолжали расти сооружения из голубого льда. Дальше пошли снимки огромного существа, похожего на усеянный глазами человеческий мозг, но только размером с товарный склад, затем видео, снятое почти вертикально вниз: существо перемещалось на чем-то вроде гигантских ладоней, другие руки, стеблеобразные, тянулись из тела наподобие нервных узлов. Из отверстий для кормления высовывались мерзкие хоботки, которые что-то сосали прямо из почвы.

— Данные я получил, — произнес Орфу. — А вот с визуализацией что-то неладно. Существо не может быть настолько уродливым.

— Мы на него смотрим, — ответил генерал Бех бен Ади, — и тоже не верим. Оно и впрямь*настолько* уродливо.

— Есть уже предположения, что это и откуда

оно взялось? — спросил Манмут.

— Оно связано с ледяными сооружениями, впервые замеченными на месте бывшего Парижа, — ответил Чо Ли. — Но ты сейчас не об этом, верно? Происхождение существа нам попросту неизвестно.

— Моравеки столетиями наблюдали Землю в телескопы из окрестностей Юпитера и Сатурна. Они видели что-нибудь подобное? — спросил Орфу.

— Нет, — разом ответили Астиг/Че и Сума IV.

— Рукомозг путешествует с эскортом, — сказал Ретроград Синопессен, включая ряд новых голографических и двумерных проекций. — Вот эти существа появлялись на всех восемнадцати участках, где он был замечен.

— Люди? — спросил Орфу; данные были неоднозначны.

— Не совсем, — ответил Манмут и описал ему чешую, клыки, чересчур длинные руки и перепончатые ноги существ на снимках.

— По числовым данным, их сотни, — сказал Орфу.

— Тысячи, — поправил центурион-лидер Меп Аху. — Мы просмотрели фотографии, снятые одновременно в местах, удаленных друг от друга

на тысячи километров, и насчитали не менее тридцати двух сотен полуамфибий.

— Калибан, — сказал Манмут.

— Что? — В красивом голосе Астига/Че звучало удивление.

— На Марсе, первичный интегратор, — сказал Манмут, — маленькие зеленые человечки говорили о Просперо и Калибане… из шекспировской «Бури». Каменные головы, если помните, изображали Просперо. Маленькие зеленые человечки предупредили нас опасаться Калибана. Существа очень похожи на версии Калибана из театральных постановок этой пьесы на протяжении веков.

Никто из моравеков не нашелся что ответить. Наконец заговорил Бех бен Ади:

— С тех пор как две недели назад мы засекли пик квантовой активности, на планете возникло одиннадцать новых бран. Насколько можно судить, ходячий мозг создал их — или, по крайней мере, использует — для перемещения себя самого и чешуйчатых амфибиоподобных существ, которых ты назвал калибанами. И есть закономерность в том, где они появляются.

Над штурманским столом материализовались очередные голографические снимки. Манмут

хотел описать их для своего друга по фокусированному лучу, но Орфу уже переварил сопроводительную информацию.

— Поля боя и места великих исторических зверств, — сказал он.

— Именно так, — подтвердил генерал Бех бен Ади. — Обратите внимание, первая брана открылась в Париже. Как известно, около двадцати пяти веков назад, во время Обмена черными дырами между Империей Евросоюза и Глобальным Исламским суринатом, в Париже и окрестностях погибло более четырнадцати миллионов человек.

— Другие браны тоже попадают в эту категорию, — сказал Манмут. — Хиросима, Освенцим, Ватерлоо, Хо-Тепса, Сталинград, Кейптаун, Монреаль, Геттисберг, Окинава, Сомма, Нью-Веллингтон… Места кровавых исторических событий, свершившихся тысячелетия назад.

— Получается, мы имеем дело с интермембранным мозгом-туристом, путешествующим через пространство Калаби-Яу? — спросил Орфу.

— Или с чем-то похуже, — возразил Чо Ли. — Нейтринные и тахионные лучи, растущие в тех местах, которые посещает… э-э-э… существо, несут некую сложную закодированную инфор-

мацию. Лучи не направлены в нашу вселенную, а проходят между измерениями. Мы просто не можем их перехватить, чтобы расшифровать…

— По-моему, этот мозг — упырь, — сказал Орфу с Ио.

— Упырь? — переспросил Астиг/Че.

Орфу объяснил значение слова и прибавил:

— Думаю, он питается темной энергией планеты.

— Ну, это маловероятно, — пропищал Ретроград Синопессен. — Никогда не слышал, чтобы на месте зверств оставалась какая-нибудь… энергия. Это метафизика… бред… это ненаучно.

Орфу пожал четырьмя плечами.

— А не кажется ли вам, — начал центурион-лидер Меп Аху, — что исполинский мозг спроектировали и биологическим путем воспроизвели люди старого образца либо постлюди в эру Деменции после рубикона? А также калибаноподобных существ и безголовых роботов-убийц? Может, все это плоды безумных генетических экспериментов вроде возвращенных на Землю анахронических растений и животных?

— Он слишком велик, — возразил высокий ганимедянин Сума IV. — Мы бы раньше заметили. Мозг с руками явился через бран-дыру из другой

вселенной несколько дней назад. Неясно, откуда пришли существа-калибаны и горбатые твари, устроившие децимацию людей старого образца. Может, они и вправду продукты генетических манипуляций. Не будем забывать: постлюди создали сами себя на основе человеческого генофонда более пятнадцати стандартных веков назад.

— Я видел голографические снимки динозавров, саблезубых тигров и Ужасных птиц, бродящих по земле, — сказал центурион-лидер.

— Горбатые металлические существа убили десять процентов людей старого образца? — спросил Манмут, у которого был пунктик по поводу правильного употребления слова «децимация».

— Да, — ответил генерал Бех бен Ади. — Возможно, больше. И только за время нашего перелета с Марса.

— Так что будем делать? — осведомился Орфу с Ио. — Если ни у кого нет немедленного ответа, я готов внести предложение.

— Говори, — сказал первичный интегратор Астиг/Че.

— Предлагаю разморозить тысячу воинов-роквеков, раскочегарить шлюпку и дюжину атмосферных шершней, загрузить их солдатами

по планширь и вступить в бой.

— В бой? — переспросил каллистянин Чо Ли, штурман судна.

— Первым делом прихлопнем ядерной бомбой рукастый мозг и размажем его в радиоактивный гной, — продолжал Орфу. — Затем высадимся на Землю и защитим человечество. Убьем калибанов и безголовых горбунов, которые убивают людей. Вступим в бой.

— Какое неожиданное предложение, — потрясенно вымолвил Чо Ли.

— У нас недостаточно сведений, чтобы выбрать план действий, — вмешался Астиг/Че. — Насколько мы знаем, мозг-существо может оказаться единственным миролюбивым разумным организмом на планете. Вдруг это путешествующий между измерениями археолог, историк или антрополог…

— Или упырь, — ввернул Манмут.

— Мы прилетели сюда наблюдать, — непререкаемым тоном объявил Сума IV, — а не развязывать войну.

— Можно получить и то и другое за одну цену, — возразил Орфу. — На борту «Королевы Маб» хватит огневой силы, чтобы переменить ситуацию внизу, что бы там ни творилось. И еще. Хотя

ни Манмуту, ни мне официально этого не говорили, мы знаем, что за судном летят современные боевые корабли со стелс-покрытием. Отличная возможность прихлопнуть эту тварь и всех тварей скопом, пока они не успели опомниться.

— Какое*неожиданное* предложение, — повторил Чо Ли. — Совершенно из ряда вон.

— Прямо сейчас, — проговорил Астиг/Че голосом Джеймса Мейсона, который Манмут помнил по старым двумерным фильмам, — наша цель — не воевать, а доставить Одиссея в астероидный город размером с Фобос на полярном кольце по требованию Голоса.

— А прежде того, — вставил Сума IV, — надо решить, спускать ли нам шлюпку, прикрываясь аэродинамическим торможением, или сначала побывать в орбитальном городе Голоса и доставить туда нашего пассажира-человека.

— У меня вопрос, — сказал Манмут.

— Да? — Первичный интегратор Астиг/Че тоже был европеанином, как и Манмут, и не сильно превосходил его ростом; оба уставились друг на друга зрительными панелями.

— А наш пассажир-человек*хочет*, чтобы его передали Голосу? — спросил Манмут.

В наступившей тишине стало слышно, как

жужжат вентиляторы, тихо переговариваются моравеки за приборами, иногда срабатывают двигатели.

— Боже милостивый, — проговорил Чо Ли, — как это мы забыли спросить его мнение?

— Мы были заняты, — ответил генерал Бех бен Ади.

— Пойду спрошу, — вызвался Сума IV. — Хотя выйдет неловко, если Одиссей скажет «нет».

— Мы ему и одеяние приготовили, — вставил тонконогий Ретроград Синопессен.

— Одеяние? — пророкотал Орфу. — Разве сын Лаэрта мормон[47]?

Никто не ответил. Все моравеки в какой-то мере интересовались человеческой историей и обществом (это было запрограммировано в их саморазвивающиеся ДНК и микросхемы), но мало кто погрузился в мышление людей так глубоко, как великан-иониец; в особенности это касалось его необычного чувства юмора.

— На борту «Королевы Маб» Одиссей носит сделанную нами одежду, — пискнул Ретроград

---

[47] Примечания: 47

Одеяние?.. Разве сын Лаэрта мормон? — Одеяние (garments — храмовое белье) — нижняя одежда, которую мормоны обязаны носить постоянно (даже в супружеской постели — для этого в нижней части есть специальные клапаны). Эта священная для мормонов одежда служит предметом неиссякаемых шуток со стороны немормонов.

Синопессен. — Однако при встрече с Голосом на орбитальном астероиде его одежда будет содержать всевозможные записывающие и передающие устройства наноразмера. Мы сможем наблюдать за происходящим в режиме реального времени.

— Даже те из нас, кто полетит на Землю в космошлюпке? — спросил Орфу.

И снова все замолчали. Моравеки не часто приходят в замешательство, но при случае способны и на такое.

— Тебя не назначали в команду шлюпки, — отчеканил наконец Астиг/Че отрывистым, однако не лишенным приятности голосом.

— Знаю, — сказал Орфу, — однако думаю, мне удастся убедить вас*непременно* спустить шлюпку во время аэродинамического торможения, причем со мной на борту. Меня вполне устроит уютный уголок у Манмута в трюме. Там есть все нужные соединения, к тому же мне нравится вид из окна.

— В грузовом отсеке подлодки нет окон, — отозвался Сума IV. — Только видеолиния, но и она может прерваться в случае нападения.

— Это шутка, — ответил Орфу.

— И потом… — произнес Чо Ли, издав тихий

звук, похожий на кашель крохотного зверька. — Ты… технически, оптически… слепой.

— Спасибо, я заметил, — сказал Орфу. — Но помимо политики отрицательной дискриминации при приеме на работу… ладно, проехали, некогда объяснять… я могу назвать три неоспоримые причины, почему меня следует включить в наземную миссию.

— Мы еще не определились, состоится ли миссия вообще, — произнес Астиг/Че. — Впрочем, изложи свои доводы. Затем в течение пятнадцати минут совет первичных интеграторов примет несколько важных решений.

— Прежде всего, разумеется, — начал Орфу, — я буду лучшим послом для переговоров с любыми разумными расами, какие мы можем встретить на Земле.

Генерал Бех бен Ади грубо усмехнулся:

— До или после того, как ты размажешь их в радиоактивный гной?

— Во-вторых, это менее очевидно, но ни один моравек на корабле, а возможно, и вовсе ни один моравек не знаком, как я, с романами Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Уильяма Фолкнера, Джорджа Марии Вонга, не говоря уже о поэзии Эмили Дикинсон и Уолта Уитмена, а следова-

тельно, никто из моравеков не знает про человеческую психологию больше меня. Если выпадет случай поговорить с людьми старого образца, мое присутствие будет жизненно необходимо.

Не знал, что ты изучаешь еще и Джойса, Фолкнера, Дикинсон и Уитмена, заметил по фокусированному лучу Манмут.

Да как-то к слову не пришлось, ответил Орфу. *Но у меня было много времени читать в жестком вакууме и серном торе Ио за последние тысячу двести стандартных лет.*

Тысячу двести стандартных лет! Манмут опешил. Век моравеков долог, но даже трехсотлетние считались долгожителями. Манмут и сам существовал меньше полутора веков. *Ты никогда не говорил о своем возрасте!*

Опять же к слову не пришлось, ответил Орфу.

— Я не совсем уловил логику твоих устных рассуждений, прежде чем вы с другом вступили в разговор по фокусированному лучу, — сказал первичный интегратор Астиг/Че, — однако прошу, продолжай. Если не ошибаюсь, ты говорил о *трех* неоспоримых причинах взять тебя в команду.

— Третья причина уделить мне кресло в шлюпке, фигуративно выражаясь, разумеется, — сказал Орфу, — что я все разгадал.

— Разгадал? Что? — спросил Сума IV.

Черный бакикарбоновый ганимедянин, конечно, не стал открыто смотреть на хронометр, однако в его голосе это чувствовалось.

— Все, — сказал Орфу с Ио. — Откуда на Марсе греческие боги. Зачем проложен туннель через пространство и время к другой Земле, где до сих пор идет гомеровская Троянская война. Откуда взялся немыслимо терраформированный Марс. Что Просперо и Калибан, два персонажа древней шекспировской пьесы, делают в ожидании нас на этой настоящей Земле и почему бран-дыры растут как грибы после дождя, разрушая квантовые основы Солнечной системы… Одним словом, все.

56

Женщину, похожую на молодую Сейви, действительно звали Мойрой, хотя в следующие часы Просперо иногда называл ее Мирандой, а один раз, к замешательству Хармана, даже Монетой[48]. Впрочем, смущение Хармана и без того не знало границ. Весь первый час он не мог

[48] Примечания: 48

…а один раз, к замешательству Хармана, даже Монетой. — Монета — имя Мнемозины в поэме Китса «Падение Гипериона» (хотя чаще это одно из именований Юноны).

смотреть даже в сторону Мойры, не то что ей в глаза. Когда Просперо поставил на стол завтрак и все сели за стол, Харман наконец поглядел в ее направлении, но взгляд так и не поднял. Потом он сообразил, что это выглядит так, будто он пялится на ее грудь, и снова отвернулся.

Мойра как будто не замечала его терзаний. Она пила свежий апельсиновый сок, поданный летающим сервитором, и болтала с магом.

— Просперо, старый ты сумасброд! Сам, что ли, придумал такой способ меня будить?

— Разумеется, нет, дорогая Миранда.

— Оставь эти глупости. Если я Миранда, то ты мандрагоровый корень, так и знай. Никогда я не приходилась, да и сейчас не прихожусь тебе дочерью.

— Ты была и есть моя дочь, дорогая Миранда, — промурлыкал старец. — Разве есть на Земле хотя один постчеловек, кому я не помог сделаться таковым? Разве ты зародилась не во чреве моих генетических лабораторий и не они стали твоей первой колыбелью? И после этого я не твой отец?

— А что, на Земле и впрямь остался кто-то из постлюдей? — спросила Мойра.

— Насколько мне известно, нет.

— Ну и катись в жопу.

Она повернулась к Харману, отпила горячего кофе, разрезала апельсин пугающе острым ножом и сказала:

— Меня зовут Мойра.

Они сидели за столом в маленькой комнате, которой Харман раньше не замечал. Это была неглубокая ниша в изогнутой, заставленной фолиантами стене колоссального купола, примерно в трехстах футах над беломраморным лабиринтом. Легко понять, почему Харман ее не разглядел: стены ниши были тоже заставлены книжными шкафами. На подъеме сюда Харман видел еще несколько таких ниш; в одних стояли похожие столы, в других — мягкие скамьи, загадочные инструменты и экраны. Металлические лестницы оказались эскалаторами, иначе все трое долго взбирались бы на такую высоту. Харман боялся глядеть вниз — у мраморных переходов не было перил, а кованые ступени лестниц-эскалаторов больше походили на кружево, — поэтому он смотрел на книги и жался боком к шкафам.

Женщина оделась, как Сейви в день их первой встречи: на ней был синий жакет из плащовки, вельветовые брюки, высокие кожаные ботинки и даже короткая шерстяная накидка того же покроя

— невероятно сложного, со множеством складок, разве что темно-желтая, а не красная, как у Сейви. Главное отличие — не считая впечатляющей разницы в возрасте — состояло в том, что старшая Сейви целилась в пришельцев из пистолета (Харман тогда впервые увидел огнестрельное оружие), а эта ее версия — Мойра, Миранда, Монета — при их первой встрече абсолютно точно вооружена не была.

— Что же произошло, пока я спала, Просперо? — спросила она.

— Прошло четырнадцать веков. Ты желаешь услышать изложение в десяти фразах?

— Да, пожалуйста.

Она разделила сочный апельсин и протянула Харману дольку; тот прожевал, не ощутив вкуса.

— «Леса гниют, — продекламировал Просперо, — гниют и облетают[49],

И тучи, плача, ливнями исходят,

Устав пахать, ложится в землю пахарь,

Пресытясь небом, умирает лебедь.

И лишь меня жестокое бессмертье

---

[49] Примечания: 49

Леса гниют, гниют и облетают… — А. Теннисон. Тифон. Перев. Г. Кружкова.

Снедает: медленно я увядаю
В твоих объятьях на краю вселенной —
Седая тень, бродящая в тумане
Средь вечного безмолвия Востока,
В жемчужных, тающих чертогах утра».

И он немного склонил седовласую, лысеющую голову.

— «Тифон», — поморщилась Мойра. — Теннисон перед завтраком? У меня от него кишки сводит. Лучше ответь, Просперо, исцелился ли этот мир?

— Нет, Миранда.

— А мое племя? Неужели все они умерли или изменились, как ты говоришь?

Она ела виноград с пахучим сыром и пила холодную воду из кубка, который усердно наполняли порхающие сервиторы.

— Умерли, изменились, либо и то и то.

— Они вернутся, Просперо?

— Бог весть, дочь моя.

— Не надо мне тут про Бога, — сказала Мойра. — А что с девятью тысячами ста тринадцатью евреями, собратьями Сейви? Их извлекли из нейтринной петли?

— Нет, милая. Все евреи и пережившие рубикон

в этой вселенной остаются лишь голубым лучом, бьющим в небо из Иерусалима.

— Стало быть, мы не сдержали слова? — спросила Мойра, отодвинув тарелку и стряхивая с ладоней крошки.

— Нет, дочка.

— Ну а ты, Насильник, — обратилась она к заморгавшему от неожиданности Харману, — есть у тебя в жизни какая-нибудь цель, кроме как пользоваться беззащитностью спящих незнакомок?

Харман раскрыл рот, но, так и не придумав ответа, захлопнул его. Настолько скверно он уже давно себя не чувствовал.

Мойра коснулась его руки:

— Не кори себя, мой Прометей. У тебя не было выбора. Воздух внутри саркофага напоен парами афродизиака столь мощного, что Просперо отослал это средство прочь с одной из первых изменившихся, самой Афродитой. К счастью для нас обоих, средство действует очень недолго.

Хармана захлестнуло облегчение. Следом пришла ярость.

— Ты говоришь, у меня не было выбора…

— Да, если в твоей крови содержится ДНК покойного Ахмана Фердинанда Марка Алонсо хана Хо-Тепа, — ответила Мойра. — А таковы

все мужчины вашей расы. — Она повернулась к Просперо. — Кстати, где Фердинанд Марк Алонсо? Вернее, что с ним сталось?

Старец опустил голову:

— Через три года после твоего сошествия в саркофаг зацикленного факса, любезная Миранда, он скончался от одного из штаммов рубикона, которые проносились по планете с постоянством летнего зефира. Тело заключили в хрустальный саркофаг рядом с твоим, хотя факс-оборудование могло лишь сохранять труп от разложения, ибо лазаретные баки еще не научились бороться с рубиконом. Прежде чем баки самообучились, два десятка мандроидов Халифата взобрались на Эверест, обошли систему безопасности и принялись грабить Тадж. Первым делом они похитили тяжелый гроб с останками бедного Фердинанда Марка Алонсо — сбросили его со стены.

— Почему они не сбросили и меня? — спросила Мойра. — Или, если на то пошло, не дограбили Тадж? Я видела яшму, агаты, гелиотропы, изумруды, лазурит, сердолик и прочие камешки на стенах купола и лабиринта — они все на месте.

— Калибан факсировал в усыпальницу и ради тебя уничтожил двадцать мандроидов Халифата, — сказал Просперо. — Сервиторы потом месяц

отмывали кровь.

Мойра вскинула голову:

— Калибан еще жив?

— О да. Можешь спросить нашего друга Хармана.

Мойра посмотрела на Харман и сразу перевела пристальный взгляд на старца:

— Удивляюсь, что Калибан меня не изнасиловал.

Просперо печально улыбнулся:

— Он пытался, милая Миранда, и не раз, однако не сумел открыть саркофаг. Если бы мир был послушен воле и члену Калибана, он бы давно населил этот остров-землю рожденными от тебя калибанчиками.

Мойра поежилась. Наконец она, не обращая на старика внимания, снова повернулась к Харману.

— Мне нужно знать твою историю, судьбу и личность, — произнесла она. — Подай ладонь. — И, поставив правый локоть на стол, протянула ему руку ладонью вверх.

Харман смущенно сделал то же самое, однако по-прежнему не коснулся ее.

— Не так, — сказала Мойра. — Неужели люди старого образца забыли функцию обмена све-

дениями?

— Вообще-то, забыли, — подал голос Просперо. — Прежде чем оказаться на эйфельбане, где мало что работает, наш друг умел вызывать лишь поисковую функцию, общую, ближнюю и дальнюю сеть. Да и то воображая какие-то геометрические фигуры.

— Царица Небесная… — Мойра уронила руку на стол. — Ну хоть читать-то они умеют?

— Лишь Харман и горстка тех, кого он научил в последние месяцы, — ответил Просперо. — Да, забыл сказать: несколько месяцев назад наш друг освоил функцию сиглирования.

— Сиглирования? — Мойра рассмеялась. — Да ведь его никогда не использовали, чтобы понимать книги. Это функция каталогизации. Все равно что глянуть на кулинарный рецепт и считать, что пообедал. Пожалуй, его народ — самый скучный вид гомо сапиенс из носивших это название.

— Эй, — вмешался Харман, — не надо говорить так, будто меня здесь нет. Пусть я не знаком еще с вашей функцией обмена, но быстро научусь. А пока мы можем беседовать словами. Знаете, у меня тоже найдется пара вопросов.

Мойра устремила на него яркие серо-зеленые

глаза.

— Да уж, — сказала она, помолчав. — Я проявила бестактность. Ты совершил долгий путь, чтобы меня разбудить, и сделал это против собственной воли, и я уверена, предпочел бы оказаться где угодно, лишь бы не здесь. За это я могу, по крайней мере, быть с тобой вежливой и ответить на твои вопросы.

— Тогда покажи, как пользоваться этой вашей функцией обмена, — ответил Харман. Он решил не срываться в разговоре с этой женщиной, так похожей на Сейви внешностью и говорящей ее голосом. — Или научи факсировать без помощи павильонов, — прибавил он. — Как Ариэль.

— Ах, Ариэль… — Мойра покосилась на мага. — Люди старого образца забыли даже свободный факс?

— Чего они только не забыли, — сказал Просперо. — Их заставили забыть. Твой народ, Мойра. Вала, Тирза, Рахав — все ваши Уризеновы дщери Беулы[50].

---

[50] Примечания: 50

Вала, Тирза, Рахав — все ваши Уризеновы дщери Беулы. — В мифологии Уильяма Блейка Беула — царство подсознательного, одно из четырех духовных состояний, через которое проходит вселенная; Тирза, Рахав, Вала — ипостаси Женщины-Воли; Уризен — творец материального мира, сатанинское начало, символ человеческого разума, завистливый и мстительный тиран, опутывающий людей сетями, которые символизируют законы и общество.

Мойра постучала по ладони плоской стороной ножа.

— Почему ты велел этому человеку меня разбудить? Неужто Сикоракса упрочила силу и выпустила на свободу твое чудовище — Калибана?

— Так и есть, — негромко ответил Просперо. — Но я нарушил твой сон по иной причине. Час пробил, ибо в этот мир явился Сетебос.

— Сикоракса, Калибан и Сетебос. — Мойра со свистом втянула воздух между зубами.

— Ведьма, полудьявол и порождение тьмы, — глухо произнес маг. — Втроем они заставят Луну и Землю служить себе покорно, приливы и отливы вызывать в угоду[51], все силы подчинят своим веленьям.

Мойра кивнула и на миг закусила нижнюю губу.

— И когда твоя кабина эйфельбана тронется в путь?

— Через час, — ответил Просперо. — Ты едешь, дорогая Миранда? Или предпочитаешь улечься

---

[51] Примечания: 51

...они заставят Луну и Землю служить себе покорно, приливы и отливы вызывать в угоду... — В «Буре» Просперо говорит о Калибане и Сикораксе: «Вот этот безобразный раб — сын ведьмы, / Колдуньи столь искусной, что луна / Служила ей покорно, вызывая / Приливы и отливы ей в угоду...» (Акт V, сц. 1. Перев. М. Донского.)

обратно во временну́ю факс-гробницу, дабы твои атомы и воспоминания вечно восстанавливались в бессмысленной петле?

— Я поеду в твоей треклятой кабине, — ответила Мойра. — Заодно найду в свежих банках данных то, что мне нужно знать о дивном новом мире, в котором я опять родилась. Но сначала пусть юный Прометей задаст свои вопросы, а затем у меня есть предложение, как восстановить его функции.

Она глянула на вершину гигантского купола.

— Нет, Мойра, — сказал Просперо.

— Харман, — тихо произнесла Мойра, мягко накрыв ладонью его руку, — спрашивай.

Харман облизал губы.

— Ты правда из постлюдей?

— Правда. Так называл нас до финального факса народ Сейви.

— Почему ты на нее похожа?

— А… Вы были знакомы? Что ж, я узна́ю о ее здоровье и судьбе, когда вызову функцию обновления. Я знала Сейви, но, что важнее, Ахман Фердинанд Марк Алонсо хан Хо-Теп полюбил ее, а Сейви не ответила ему взаимностью; они принадлежали, так сказать, к разным племенам. Поэтому я приняла ее вид, воспоминания, голос…

и все другое… прежде чем явиться сюда, в Тадж.

— Как ты приняла ее вид?

Мойра снова повернулась к Просперо:

— Его народ вообще ничего не знает? — Харману она сказала: — Мы, постлюди, достигли уровня, при котором не имели собственных тел, молодой Прометей. По крайней мере, таких, в которых ты признал бы тела. Нас было всего лишь несколько тысяч, но мы вывели себя из человеческого генофонда благодаря генетическим умениям вот этой аватары киберпространственной логосферы.

— Всегда рад помочь, — вставил Просперо.

— Когда мы хотели принять человеческий облик — всегда женский, должна добавить, — мы просто занимали чужое тело.

— Но*как*?

Мойра вздохнула:

— Кольца еще на небе?

— Конечно, — ответил Харман.

— Оба, экваториальное и полярное?

— Да.

— И чем вы считаете их, о Харман-Прометей? Там больше миллиона различных объектов… Что это, по-вашему?

Харман снова облизал губы. В гигантской усыпальнице воздух был очень сухой.

— Мы знаем, что там был лазарет, в котором нас омолаживали. Большинство из нас считали: прочие объекты — жилища постов. Твоего народа. И ваши машины. Города на орбитальных островах, как у Просперо. Год назад я был на острове Просперо, Мойра. Я помог его уничтожить.

— Правда? — Мойра перевела взгляд на старца. — Очень мило с твоей стороны, юный Прометей. Но ты заблуждаешься, полагая, что миллион искусственных орбитальных объектов, многие из которых гораздо меньше острова Просперо, служили исключительно для наших целей. Там, конечно, есть десяток обиталищ плюс гигантские генераторы кротовин, уловители черных дыр, ранние эксперименты нашей программы путешествий между измерениями, генераторы бран-дыр, общим числом несколько тысяч… Однако бóльшая часть орбитальных объектов обслуживает тебя.

— Меня?

— Ты знаешь, что такое факс?

— Я факсировал всю жизнь.

— Разумеется, но знаешь ли ты,*что* это?

Харман вздохнул:

— Мы никогда всерьез об этом не задумывались, но в прошлом году, во время нашего последнего

путешествия, Просперо и Сейви объяснили, что факс-павильоны превращают наше тело в закодированную энергию, а затем наше тело, разум и воспоминания воссоздаются в другом узле.

Мойра кивнула.

— Однако в узлах и павильонах нет необходимости, — произнесла она. — Это всего лишь уловка для того, чтобы вы, люди старого образца, не совались, куда вам не положено. Факсовая форма квантовой телепортации требовала огромных объемов компьютерной памяти, даже с учетом самых продвинутых технологий Калаби-Яу-ДНК и памяти на магнитных доменах. Ты хоть примерно представляешь себе, сколько занимают данные о молекулах одного человека, не говоря уже о целостном волновом фронте личности?

— Нет, — сказал Харман.

Мойра указала на верхнюю точку купола, но Харман догадался, что на самом деле она имеет в виду полярное и экваториальное кольца, медленно кружащие в небе.

— Миллион орбитальных банков памяти, — сказала она, — каждый из которых посвящен одному человеку старого образца. И среди множества других громоздких орбитальных машин, телепортационных устройств, использующих

энергию черных дыр, спутников глобальной системы навигации, сканеров, преобразователей, компиляторов, приемников и передатчиков — где-то над тобой каждую ночь твоей жизни, Харман-Прометей, обращается твоя собственная звезда.

— Почему миллион? — спросил Харман.

— Предполагалось, что это минимальное жизнеспособное поголовье, — сказала Мойра. — Впрочем, подозреваю, что сейчас вас гораздо меньше, поскольку мы позволяли каждой женщине родить только одного ребенка. В мое время на Земле оставалось всего девять тысяч триста четырнадцать представителей вашего вида со встроенными и активированными наногенетическими функциями да несколько сотен тысяч вымирающих людей старого-старого образца, таких как мой возлюбленный Ахман Фердинанд Марк Алонсо хан Хо-Теп, последний в царской династии.

— Кто такие войниксы? — спросил Харман. — Откуда они взялись? Почему так долго молча служили нам, а потом, когда мы с Даэманом разрушили остров Просперо и лазарет, начали нападать на людей? Как их остановить?

— Столько вопросов сразу, — вздохнула Мойра.

— Если хочешь получить ответы на все, тебе нужно знать контекст. А значит, придется прочесть эти книги.

Харман запрокинул голову и оглядел изогнутые стены с нескончаемыми полками. Он не мог сосчитать квадратные или кубические футы книг, но подумал — вслепую, с ужасом, — что тут не меньше миллиона томов.

— Какие? — спросил он.

— Все! — ответила Мойра и отпустила его руку, чтобы описать ладонью широкий круг. — Знаешь, тебе это под силу.

— Мойра, нет, — снова вмешался Просперо. — Ты убьешь его.

— Чепуха, — сказала женщина. — Он молод.

— Ему девяносто девять, — возразил Просперо. — Тело Сейви, когда ты клонировала его для собственных целей, было на семьдесят пять лет моложе, и оно уже хранило воспоминания. Они и теперь с тобой. Наш друг — не*tabula rasa*.

Мойра пожала плечами:

— Он здоров и полон сил. Сам посмотри.

— Ты убьешь его, — повторил Просперо. — А с ним и одно из лучших наших орудий против Сетебоса и Сикораксы.

Харман кипел от ярости и возбуждения.

— О чем вы тут говорите?! — воскликнул он и быстро отдернул руку, когда Мойра попыталась вновь накрыть ее ладонью. — Хотите, чтобы я просиглировал все здешние книги? Это займет месяцы… годы. А то и десятилетия.

— Не просиглировал, — поправила Мойра, — а*съел* их.

— А, съел, — повторил Харман, думая: «Была она безумна до того, как лечь во временной саркофаг, или столетия воспроизведения — клетка за клеткой, нейрон за нейроном — превратили ее в сумасшедшую?»

— Съесть, — подтвердила Мойра. — В том смысле, что подразумевался в Талмуде. Книги нужно не читать, а есть.

— Не понял.

— Ты знаешь, что такое Талмуд? — спросила Мойра.

— Нет.

Она опять указала на верхнюю точку гигантского полушария, этажах в семидесяти над головой.

— Там, наверху, мой юный друг, в крохотном куполе чистейшего стекла, спрятан чертог из жемчуга, хрусталя и золота, открытый в мир и маленькую ночь с чудесной маленькой луной.

— Вроде твоего саркофага? — спросил Харман.

Сердце у него колотилось.

— Да нет, между ними нет ничего общего, — рассмеялась Мойра. — Этот гроб — лишь еще один узел в системе факсов, он веками воспроизводил меня, пока не настало время проснуться и взяться за дело. Я говорю о машине, с помощью которой ты прочтешь и*постигнешь* эти книги, прежде чем кабина эйфельбана покинет станцию Таджа через… — она глянула на свою ладонь, — пятьдесят восемь минут.

— Остановись, Мойра, — сказал Просперо. — Он не пригодится нам в войне против Сетебоса, если умрет или превратится в слюнявого идиота.

— Замолчи! — рявкнула Мойра. — Взгляни, ведь он уже идиот. Впечатление, будто со дней Сейви всю их расу подвергли лоботомии. Он все равно что мертв. Но если мой замысел удастся и молодой человек выживет, он еще сумеет послужить и себе, и нам. — Она снова взяла Хармана за руку. — Чего ты желаешь больше всего на свете, о Харман-Прометей?

— Вернуться домой к жене, — ответил Харман.

Мойра вздохнула:

— Не могу гарантировать, что хрустальный чертог — глубокое познание всех этих книг, собранных за столетия моим бедняжкой Ахманом

Фердинандом Марком Алонсо ханом Хо-Тепом, — позволит тебе свободно факсировать к твоей жене… Как ее зовут?

— Ада.

Произнеся два коротеньких слога, Харман чуть не зарыдал. Слезы душили его по двум причинам: во-первых, от жгучей тоски, во-вторых, из-за собственного предательства.

— К Аде, — закончила Мойра. — Но я гарантирую, что ты *никогда* не увидишь ее живой, если упустишь эту возможность.

Харман поднялся и шагнул на лишенный перил каменный выступ в трехстах футах над холодным мраморным полом и посмотрел вверх, но так и не разглядел вершины купола в почти семистах футах над головой, лишь неясную мглу, где металлические мостки сходились, будто черные и почти невидимые паутинки.

— Харман, друг Никого… — начал Просперо.

— Заткнись, — оборвал Харман логосферного мага. Мойре он сказал: — Идем.

57

— Я квант-телепортировался, куда ты сказал, — ворчит Гефест. — И где мы, провалиться мне в бездны Аида?

— На Итаке, — говорит Ахиллес. — Это скалистый остров, но отличное место для воспитания мужчин из мальчиков.

— А по виду и по запаху — душный вонючий нужник, — бормочет бог огня, хромая по пыльной, усеянной острыми камнями тропе, ведущей по крутому склону мимо пастбищ, где бродят стада коз и коров, туда, где под немилосердным солнцем блестит красная черепица нескольких строений.

— Я здесь бывал, — произносит Ахиллес. — Первый раз — в детстве.

Тяжелый щит пристегнут у него на спине, меч надежно покоится в ножнах. Белокурый герой ничуть не вспотел от жары и подъема, а вот ковыляющий следом Гефест пыхтит и обливается потом. Даже борода бессмертного искусника взмокла.

Узкая крутая тропа заканчивается на вершине холма. Впереди видны несколько больших зданий.

— Дворец Одиссея, — сообщает Ахиллес, пробегая последние пятьдесят ярдов.

— Дворец! — пыхтит бог огня. Он, хромая, доходит до высоких ворот и, упершись обеими руками в изувеченную ногу, сгибается пополам, будто

собирается извергнуть содержимое желудка. — Похоже на долбаный свиной хлев.

Ярдах в пятидесяти справа от главного дома, на выступе над скалой, каменным пнем стоят остатки маленькой заброшенной крепости. Сам дом, или Одиссеев дворец, возведен из дерева и камня поновее, но главные двери — они открыты — составлены из пары древних каменных плит. Пол террасы аккуратно выложен дорогой терракотовой плиткой (здесь явно поработали лучшие ремесленники и каменщики), хотя и давно не видел метлы. Стены расписаны яркими красками. Белые колонны у входа перевиты нарисованными лозами с нарисованными гнездами и птицами, но здесь вырос и настоящий виноград, манящий живых птиц; в гуще листвы виднеется по меньшей мере одно гнездо. В тенистом преддверии за воротами, которые почему-то оставили открытыми, видны фрески.

Ахиллес делает шаг вперед, но Гефест хватает его за локоть:

— Осторожнее, сын Пелея. Там силовое поле.

— Не вижу.

— И не увидишь, пока не войдешь. Любого другого смертного оно бы убило, да и тебя, быстроногий мужеубийца, с твоим, как выразилась

Никта, уникальным фактором вероятности, долбанет так, что мама не горюй. Мои приборы намерили свыше двухсот тысяч вольт и столько ампер, что мало не покажется. Ну-ка, отойди.

Бородатый карлик возится с коробочками и похожими на штопоры железками, висящими на кожаных нагрудных ремнях, проверяет маленькие датчики, пускает в ход короткий жезл с зажимом типа «крокодил», чтобы закрепить на краю невидимого поля нечто вроде металлического дохлого хорька, затем соединяет разноцветными проводами четыре ромбоидных устройства и нажимает медную кнопку.

— Ну вот, — говорит бог огня. — Поле снято.

— За это и люблю верховных жрецов, — замечает Ахиллес. — Пальцем о палец не ударят, а похвальбы-то…

— Увидел бы ты «пальцем о палец», если бы вошел в это поле, — ворчит Гефест. — Узнаю руку Геры, а машинки, кстати, мои.

— Ну тогда спасибо, — говорит Ахиллес и бодро проходит под каменной аркой в переднюю Одиссеева жилища.

Внезапно слышится рычание, и на них выпрыгивает темный зверь.

Ахиллес мгновенно выхватывает меч, но пес

уже рухнул на пыльные плиты.

— Это Аргус, — говорит Ахиллес, поглаживая по голове тяжело дышащего пса. — Одиссей натаскивал его малым щенком больше десяти лет назад, но отплыл к берегам Трои, так и не успев поохотиться с Аргусом на кабана или лесного оленя. В отсутствие Одиссея о псе должен был заботиться Телемах, сын нашего хитроумного друга.

— Никто о нем не заботился несколько недель, — говорит Гефест. — Сейчас издохнет от голода, бедолага.

И это правда: Аргус не может даже поднять морду и только следит огромными умоляющими глазами за рукой Ахиллеса, который ласково треплет его по загривку. Ребра выпирают через шкуру, утратившую здоровый лоск, словно остов недостроенного корабля через старую парусину.

— Не смог выйти из защитного поля Геры, — бормочет Ахиллес. — А здесь, готов поспорить, и есть-то нечего. Хорошо, если воды хватало в лужах и дождевых желобах.

Он достает из мешочка на поясе несколько хлебцев, позаимствованных в доме Гефеста, и скармливает два псу. Тот с трудом жует. Оставив собаке еще три хлебца, Ахиллес встает.

— Здесь даже трупов нет, чтобы ими питаться,

— замечает Гефест. — По всей вашей Земле, кроме Илиона, люди рассеялись… словно долбаный туман поутру.

Ахиллес обходит хромающего бога:

— Где наши люди? Что ты и другие бессмертные с ними сделали?

Искусник вскидывает ладони кверху:

— Это не мы, сын Пелея. Даже не великий Зевс. Эту Землю опустошила иная, неведомая нам сила. Мы, олимпийцы, нуждаемся в поклонении. Когда никто не раболепствует, не возводит алтарей и не приносит жертв, разве это жизнь? Все равно что нарциссисту — я хорошо знаю Нарцисса — маяться в мире без единой отражающей поверхности. Нет, мы тут ни при чем.

— Думаешь, я поверю, что, кроме вас, есть и другие боги? — спрашивает Ахиллес.

— На блохе живет блоху кусающая блошка[52]; на блошке той блошинка-крошка, в блошинку же вонзает зуб сердито блошиночка, и так *ad infinitum*[53] или что-то в этом роде, — отвечает бородатый карлик.

---

[52] Примечания: 52

На блохе живет блоху кусающая блошка… — Дж. Свифт. Рапсодия. Перев. С. Маршака.

[53] Примечания: 53

До бесконечности*(лат.)*.

— Умолкни, — обрывает его Ахиллес и, на прощание погладив заметно повеселевшую собаку, поворачивается к богу спиной.

Через переднюю они проходят в главную комнату — тронный зал. Здесь много лет назад Одиссей с Пенелопой принимали в гостях Ахиллеса. Сын Одиссея Телемах, тогда еще робкий шестилетний мальчонка, едва дорос до того, чтобы несмело кивнуть собравшимся мирмидонцам и быстро уйти вслед за кормилицей. Нынче тронный чертог совершенно пуст.

Гефест сверяется с показаниями какого-то прибора в коробочке, говорит: «Сюда» — и ведет Ахиллеса по коридору с яркими фресками в длинное полутемное помещение. Это пиршественный зал, и главное место в нем занимает стол длиной тридцать футов.

На столе, раскинув неестественно вывернутые конечности, распластался Громовержец. Он голый и громко храпит. Вокруг царит беспорядок: везде раскиданы кубки, чаши, прочая утварь, пол усеяли стрелы из огромного колчана, упавшего со стены; с другой сорван ковер, помятые края которого торчат из-под спящего отца бессмертных и смертных.

— Все ясно: это Неодолимый Сон, — ворчит

Гефест.

— Вижу, что неодолимый, — соглашается Ахиллес. — У меня даже уши заложило. Как только стропила не треснут от храпа?..

Он осторожно переступает через зазубренные наконечники рассыпанных по полу стрел. Хотя мало кто из греческих воинов в этом сознается, большинство смазывает наконечники стрел и копий сильнейшим ядом, а из пророчеств оракула и своей матери Фетиды Ахиллес знает одно: его убьет отравленная стрела, вонзившаяся в единственную уязвимую часть тела. Однако никто не уточнил, где и когда это произойдет. Обидно было бы наступить сейчас на старую Одиссееву стрелу и умереть в муках, не разбудив Зевса, чтобы тот воскресил Пентесилею.

— Нет, Неодолимый Сон — это гребаный наркотик, которым Гера его вырубила, — поясняет бог огня. — Я сам помогал создать его аэрозольную форму, хотя само вещество синтезировала Никта.

— Ты можешь его разбудить?

— Думаю, да, думаю, да…

Гефест снимает с кожаных ремней, опоясавших его широкую грудь, и достает из карманов жилета какие-то мешочки, коробочки, заглядывает

внутрь, расставляет на столе подле исполинского Зевсова бедра пузырьки и приборчики. Ахиллес тем временем впервые смотрит вблизи на Тучегонителя, отца богов и людей.

В Зевсе пятнадцать футов роста, и даже сейчас, когда он лежит, раскинув ноги, на столе, отец богов выглядит величественно: безупречные пропорции, литые мускулы, даже умащенная борода завивается идеальными колечками, но если оставить в стороне такие мелочи, как размеры и совершенство форм, видно, что это здоровенный мужик, который хорошенько потрахался и уснул. Божественный пенис — длиной почти с Ахиллесов меч, — по-прежнему розовый и набухший, лежит на умащенном бедре верховного олимпийца. Молниевержец храпит и пускает слюну, как свинья.

— Вот что его поднимет. — Гефест берет в руку шприц с иголкой больше чем в фут длиной.

— Клянусь богами! — Ахиллес видит шприц первый раз в жизни. — Ты что, воткнешь это в отца Зевса?

— Прямо в его *лживое*, порочное сердце, — гадко хмыкает Гефест. — Здесь ровно тысяча кубиков божественного адреналина со смесью амфетаминов, составленной по моему особому рецепту.

Единственное противоядие от Неодолимого Сна.

— Что он сделает, когда проснется? — спрашивает Ахиллес, прикрываясь круглым щитом.

Гефест пожимает плечами:

— Я не собираюсь этого проверять. Квитируюсь отсюда в ту же секунду, как вколю ему коктейль. Что будет, когда Зевс очухается со здоровенной иголкой в сердце, уж твоя беда, сын Пелея.

Ахиллес хватает бога-карлика за бороду и подтягивает к себе:

— Ну нет, если это будет беда, то наша общая, хромоногий искусник, даже не сомневайся.

— Чего ты от меня хочешь, смертный? Чтобы я остался и держал тебя за ручку? В конце концов, будить его — твоя дебильная затея.

— Разбудить Зевса и в твоих интересах, колченогий, — говорит Ахиллес, не выпуская его бороды.

Гефест щурит здоровый глаз:

— Почему?

— Поможешь мне, — шепчет Ахиллес в изуродованное ухо безобразного бога, — и через неделю, возможно, на золотом троне в Чертоге собраний будешь сидеть ты, а не Зевс.

— Как это? — Гефест тоже переходит на шепот, по-прежнему щуря глаз, но уже скорее от жадно-

сти, чем от недоверия.

Не повышая голоса и не выпуская косматой бороды, Ахиллес излагает кузнецу свой план.

Зевс просыпается с ревом.

Верный своему слову, Гефест ретировался, как только ввел адреналин в могучее сердце отца бессмертных, задержавшись лишь на миг, чтобы выдернуть иглу и отшвырнуть шприц. Тремя секундами позже Зевс уже сидит и орет так, что Ахиллес зажал уши ладонями. Затем отец богов вскакивает, опрокинув тяжелый тридцатифутовый стол, и сносит всю южную стену Одиссеева дворца.

–ГЕРА!!! — грохочет Зевс. — *ЧТОБ ТЕБЕ ПРОВАЛИТЬСЯ!!!*

Ахиллес заставляет себя не втягивать голову в плечи, но все-таки отступает на шаг, увидев, как Зевс разносит остаток стены, потом оторванной балкой разбивает в щепки висячий светильник размером с тележное колесо, ударом исполинского кулака ломает поваленный массивный стол и начинает яростно расхаживать из угла в угол.

Наконец отец богов вроде бы замечает Ахиллеса на пороге передней.

–ТЫ!

— Я, — соглашается Ахиллес, сын Пелея.

Его меч — в петле на поясе, щит вежливо пристегнут за плечом, а не надет на руку; пустые ладони открыты. Кинжал, полученный от Афины для убийства Афродиты, за поясом, но не на виду.

— Что ты делаешь на Олимпе? — ревет Зевс, не обращая внимания на свою наготу.

Он держится за лоб огромной левой рукой, и в его налитых кровью глазах Ахиллес угадывает пульсирующую головную боль. Очевидно, Неодолимый Сон оставляет похмелье.

— Мы не на Олимпе, владыка Зевс, — негромко произносит Ахиллес. — Это остров Итака, под золотым облаком невидимости, и здесь — пиршественный зал Одиссея, Лаэртова сына.

Громовержец, прищурясь, оглядывается. Потом еще мрачнее хмурит лоб. Наконец вновь опускает взор на Ахиллеса:

— Сколько я спал, смертный?

— Две недели, отец, — отвечает Ахиллес.

— Ты, аргивянин, быстроногий мужеубийца,*ты* не мог разрушить чары моей белорукой Геры, к какому бы зелью она ни прибегла. Кто из богов и зачем вернул меня к жизни?

— О Зевс-Тучегонитель, — Ахиллес опускает голову и очи почти смиренно, как часто дела-

ли другие в его присутствии, — я расскажу все, что тебе будет угодно знать. И да, в то время, когда почти все бессмертные олимпийцы тебя покинули, по меньшей мере один остался твоим верным слугой. Но прежде я попрошу тебя о благодеянии…

— Благодеянии?! — ревет Зевс. — Я тебя так облагодетельствую, что век будешь помнить, если еще раз откроешь рот без разрешения. Стой и помалкивай.

Он тычет пальцем в одну из трех уцелевших стен — ту, на которой висел колчан с отравленными стрелами и которая хранит очертания огромного лука. Поверхность расплывается и заменяется трехмерным изображением, как в голографическом пруду Великого чертога богов.

Ахиллес понимает: перед ним вид сверху на дворец Одиссея. Вот и пес Аргус. Собака доела хлебцы и ожила настолько, что уползла в тень.

— Гера наверняка оставила бы защитное поле под золотым облаком, — бормочет Зевс. — А его мог снять один Гефест. Ладно, я с ним позже потолкую.

Он опять поднимает руку. Виртуальный дисплей перемещается на вершину Олимпа: всюду пустые чертоги, брошенные колесницы.

— Сошли на Землю поиграть с любимыми игрушками, — бормочет Зевс.

У стен Илиона кипит сражение. Судя по всему, силы Гектора теснят аргивян с их осадной техникой обратно к Лесному холму и дальше. В воздухе висят тучи стрел и проносятся десятки летающих колесниц. Над полем простреливают красные лучи и зигзаги молний. Земля содрогается от взрывов. Боги бьются друг с другом, пока их любимцы сражаются внизу.

Зевс качает головой:

— Нет, ты видишь, Ахиллес? У них такая же зависимость, как у кокаинистов или картежников. Больше пяти веков, с тех пор как я одолел титанов, этих первых изменeнцев, когда низверг Крона, Рею и прочих чудовищ в газообразную бездну Тартара, мы развивали наши олимпийские силы, распределяли олимпийские роли… ради*ЧЕГО???*

Ахиллес помалкивает — недвусмысленного приказа говорить еще не было.

–ПРОКЛЯТЫЕ ДЕТИШКИ С ИХ БИРЮЛЬКАМИ!!! — рычит Зевс, и Ахиллес опять вынужден заткнуть уши. — Хуже героинщиков или подростков Потерянной Эпохи, уткнувшихся в компьютерные игры. Десять лет

они интриговали и тайно сражались вопреки моему строгому запрету, замедляли время, чтобы наделить своих любимцев нанотехнологической мощью. Теперь они не успокоятся, пока не доведут игру до конца, и готовы на все, лишь бы их команда победила! *КАК БУДТО, ГРОМ И МОЛНИЯ, ОТ ЭТОГО ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ ИЗМЕНИТСЯ!!!*

Ахиллес знает, что менее великий воин — то есть в его представлении любой — уже упал бы на колени от боли, однако и ему слегка не по себе от акустических ударов и раскатов могучего голоса.

— Игроманы, — говорит Зевс, и его рев становится терпимее. — Надо было пять лет назад принудительно записать их в общество анонимных илионщиков, тогда им не пришлось бы сейчас расплачиваться. Гера и ее союзники перешли все границы.

Между тем Ахиллес внимательно следит за битвой. Изображение на стене так объемно, так правдоподобно, что кажется, из дома прорублена дверь на залитые кровью илионские поля. Ахейцы во главе с бестолковым Агамемноном явно сдают позиции. Сребролукий Аполлон — похоже, самый опасный среди богов на этом поле сражения — теснит летающие колесницы Ареса, Афины и Геры обратно к морю, хотя, с другой стороны,

это еще не окончательный разгром ни в небе, ни на земле. При виде схватки у Ахиллеса в жилах вскипает кровь, его тянет броситься в бой, повести своих мирмидонцев в контрнаступление и убивать, убивать, убивать, покуда его колесница не загремит по мраморному полу Приамова дворца, причем желательно, чтобы позади, оставляя кровавый след, волочилось тело Гектора.

–НУ??? — ревет Зевс. — Говори!

— О чем, о великий отец всех богов и людей?

— Какого… благодеяния… ты от меня хочешь, сын Фетиды? — спрашивает Зевс; за время просмотра битвы на стене он успел одеться.

— Владыка, в награду за то, что я отыскал и разбудил тебя, прошу возвратить жизнь Пентесилее в целебном баке и…

— Пентесилее? — рокочет Зевс. — Амазонской девке? Стервозной блондинке, что угробила родную сестру Ипполиту ради своего никчемного трона? Как же она умерла? И какое отношение она имеет к Ахиллесу или Ахиллес к ней?

Ахиллес стискивает зубы, однако не поднимает пылающего яростью взора.

— Я люблю ее, отец Зевс, и…

Зевс разражается хохотом:

–Любишь ее, ты сказал? Сын Фетиды, я смотрю

на тебя — и лично, и через мои голографические стены и пруды — с тех пор, как ты был младенцем, с тех пор, как ты сопливым юнцом учился у многотерпеливого кентавра Хирона, и ни разу не видел, чтобы ты полюбил женщину. Даже девчонку, родившую тебе сына, ты бросал, словно бесполезную ношу, всякий раз, как тебя тянуло на войну или по бабам. Ты любишь Пентесилею, безмозглую белокурую телку с копьем?.. Расскажи это кому-нибудь другому, сын Фетиды.

— Я*люблю* Пентесилею и хочу, чтобы ее оживили, — цедит сквозь зубы Ахиллес.

Все его думы занимает богоубийственный кинжал за поясом. Впрочем, Афина лгала ему прежде, и если она солгала насчет этого клинка… надо быть полным дураком, чтобы напасть на Зевса. Ахиллес понимает, что он в любом случае дурак, если пришел к отцу богов с такой просьбой. Однако он продолжает, глядя в пол, хотя и сжав кулаки:

— Идя на битву, амазонка получила от Афродиты особые духи́…

Зевс опять хохочет:

— Надеюсь, не девятый номер! Что ж, дружище, тебя поимели на всю катушку. И как умерла эта бабенка? Нет, погоди, я сам посмотрю…

Зевс вновь поднимает правую руку, картинка на стене-экране затуманивается, перескакивает во времени и пространстве. Подняв глаза, Ахиллес видит, как обреченные амазонки скачут на его людей по красной равнине у подножья Олимпа. Клония, Бремуса и другие всадницы падают под стрелами и клинками. А потом Ахиллес на экране, метнув неотвратимое отцовское копье, пронзает Пентесилею и коня за ней, пригвождая их к земле, словно извивающееся насекомое.

— Отличный удар, — грохочет Зевс. — А теперь ты хочешь воскресить ее в баке моего Целителя?

— Да, владыка, — отвечает Ахиллес.

— Не знаю, кто тебе сказал про чертоги Целителя, — говорит Зевс, расхаживая взад и вперед, — но знай, что даже Целителю не под силу вернуть к жизни умершего смертного.

— Владыка, — глухо, упрямо произносит Ахиллес, — чары Афины сберегли тело моей возлюбленной от всякого тления, так что еще возможно…

–МОЛЧАТЬ!!! — Рев Зевса отбрасывает Ахиллеса спиной вперед к экрану. — *НИКТО В ИЗНАЧАЛЬНОМ ПАНТЕОНЕ БЕССМЕРТНЫХ НЕ УКАЗЫВАЕТ ЗЕВСУ, ЧТО ВОЗМОЖНО И НУЖНО ДЕЛАТЬ, А УЖ ТЕМ БОЛЕЕ СМЕРТНЫЙ*

ПЕРЕКАЧАННЫЙ КОПЕЙЩИК!!!

— Да, отец, — Ахиллес поднимает глаза на бородатого исполина, — но я надеялся…

— Молчать, — повторяет Зевс, но намного тише, так что Ахиллес убирает ладони от ушей. — Я ухожу — уничтожить Геру, низвергнуть ее с сообщниками в бездны Тартара, покарать других богов, чтобы запомнили навсегда, а потом наконец-то стереть с лица планеты захватчиков-аргивян. Кичливые, льстивые греки, вы у меня уже в печенках сидите. — Он медленно направляется к двери. — Ты на Земле Илиона, сын Фетиды. Дорогу домой отыщешь сам, за несколько месяцев доберешься. Возвращаться в Илион не советую, живых ахейцев ты там не найдешь.

— Нет, — говорит Ахиллес.

Зевс резко поворачивается к нему, улыбаясь в бороду:

— Что ты сказал?

— Я сказал — нет. Ты*обязан* исполнить мою просьбу.

Ахиллес надевает свой щит на руку, словно идет в бой, и вынимает меч.

Зевс смеется, запрокинув огромную голову:

— А если не исполню… что тогда, незаконный сын Фетиды?

— Или я скормлю печенку Зевса голодному Одиссееву псу во дворе, — твердо отвечает герой.

Зевс усмехается и качает головой:

— Знаешь ли, почему ты жив до сих пор, насекомое?

— Потому что я Ахиллес, сын Пелея, — молвит ахеец и делает шаг вперед, жалея, что у него нет при себе копья. — Величайший воин и благороднейший из героев, неуязвимый для врагов, друг убитого Патрокла, не склонявшийся ни перед кем из людей… или бессмертных.

Зевс снова мотает головой:

— Ты не сын Пелея.

Ахиллес замирает на полушаге:

— Что ты несешь, Повелитель мух? Повелитель конского навоза? Я сын Пелея, сына Эака, сын смертного, разделившего ложе с бессмертной богиней Фетидой, царь из древнего рода мирмидонских царей.

— Нет, — отвечает Зевс и теперь уже сам делает два шага вперед, нависая над Ахиллесом. — Ты сын Фетиды, но от моего семени, а не от Пелеева.

— Ты! — Ахиллес пытается рассмеяться, но из глотки у него вырывается сиплый лай. — Бессмертная мать рассказала мне…

— Твоя бессмертная мать врет и не краснеет,

— смеется Зевс. — Почти тридцать лет назад я возжелал Фетиду — тогда не совсем богиню, зато смазливее большинства смертных. Правда, мойры, эти треклятые бухгалтерши с абаками на ДНК-памяти, сказали, что дитя, зачатое мною от Фетиды, может навлечь на меня гибель и даже разрушить власть Олимпа.

Сквозь дыры в шлеме глаза Ахиллеса пылают злобой и неверием.

— Но я хотел Фетиду, — продолжает Зевс. — И отымел ее. Но сперва я морфировал в Пелея — обычного земного молодчика, который ей нравился. Однако ты рожден от моего божественного семени, Ахиллес, сын*Фетиды*. Думаешь, почему морская богиня услала тебя подальше от недоумка Пелея, отдав на воспитание старому кентавру Хирону?

— Врешь! — рычит Ахиллес.

Зевс чуть ли не печально качает головой.

— Еще мгновение — и ты умрешь, юный Ахиллес, — молвит отец бессмертных и смертных. — Однако знай, что я сказал истинную правду.

— Тебе меня не убить, Повелитель лобковых вшей.

Зевс потирает бороду:

— Сам — не смогу, спасибо Фетиде, позаботи-

лась. Узнав, что обрюхатил ее не жалкий червяк Пелей, а сам Зевс, и ведая о предсказании мойр, она поняла, что я убью тебя, как мой отец Крон, пожиравший отпрысков, чтобы не выросли и не взбунтовались. Я бы так и сделал, юный Ахиллес, съел бы тебя младенцем, если бы Фетида не окунула тебя в вероятностное пламя чистого небесного огня. Ты квантовый уродец, единственный во вселенной, незаконный сын Фетиды и Зевса. Твоя смерть (и даже я не знаю подробностей, мойры всего не раскрыли) предначертана совершенно точно.

— Тогда сразись со мной, бог говна! — кричит Ахиллес и надвигается со щитом и мечом наготове.

Зевс поднимает руку. Ахиллес застывает на месте. Кажется, само время замерзло.

— Убить я тебя не смогу, мой маленький горячий ублюдок, — бормочет олимпиец как бы себе под нос. — Но что, если я отделю твою плоть от костей и растерзаю на составляющие клетки, на молекулы? Квантовой вселенной придется долго собирать тебя по крупицам — столетия, возможно, — и я не думаю, что процесс будет безболезненным.

Окаменевший на полушаге Ахиллес знает, что

по-прежнему может говорить, однако не раскрывает рта.

— Или отослать тебя подальше, — Зевс указывает на потолок, — туда, где нет воздуха, пригодного для дыхания. Занятная головоломка вероятностной сингулярности небесного пламени.

— Воздух есть везде, кроме морских пучин! — рявкает Ахиллес и тут же вспоминает, как только вчера задыхался на высоких вершинах Олимпа.

— Космос опровергнет это утверждение. — Зевс издевательски ухмыляется. — Где-нибудь за орбитой Урана или в Поясе Койпера. Тартар тоже подойдет. Атмосфера там состоит в основном из метана и аммиака. Твои легкие обратятся в головешки. Но если протянешь в ужасных терзаниях несколько часов, успеешь пообщаться со своими прадедом и прабабкой. Знаешь, они даже любят смертных… на ужин.

— В жопу! — кричит Ахиллес.

— Быть по сему, — изрекает Зевс. — Доброго путешествия, сынок. Короткого, мучительного, но доброго.

Царь богов правой рукой описывает в воздухе плавную дугу, и плитки под ногами Ахиллеса начинают растворяться. В полу Одиссеевой пиршественной залы возникает круг пустоты, так

что быстроногий мужеубийца стоит как будто на огнистых всполохах. Далеко-далеко снизу, из ужасной бездны под бурлящими серными облаками, где гнилыми драконьими зубами торчат черные горы, булькают озера расплавленного свинца, пузырится шипящая лава и движутся исполинские тени, доносится несмолкающий рев чудовищ, некогда звавшихся титанами.

Зевс снова поводит рукой, и Ахиллес летит в пропасть. Он исчезает без единого вскрика.

С минуту Зевс смотрит на пламя и черные клубы облаков, затем поводит ладонью слева направо: круг смыкается, пол затвердевает и вновь покрывается плиткой ручной работы. В доме вновь повисает могильная тишина, лишь где-то во дворе жалобно лает оголодавший пес по кличке Аргус.

Зевс со вздохом телепортируется прочь — пора призвать к ответу ничего не подозревающих богов.

58

Просперо не стал подниматься; Мойра сама повела Хармана по круглому мраморному балкону без ограждения, вверх по движущейся металлической лестнице, снова кругом, снова вверх и так

далее, покуда пол Таджа не превратился в кружок, оставшийся, казалось, в милях под ногами. Сердце у Хармана стучало все громче.

В стене бесконечно вздымающегося купола были прорезаны маленькие круглые окошки, которых он не замечал ни снаружи, ни снизу. Они пропускали свет, а главное — давали предлог перевести дыхание и набраться храбрости; у каждого Харман задерживался посмотреть на горные пики, сверкающие под утренним солнцем. На севере и востоке изрезанные трещинами ледники скрылись под массой громоздящихся облаков. А в туманной дали за ними — за сотню, двести, а то и более миль, кто знает, — виднелся слегка изогнутый горизонт.

— Все порядке, — тихо сказала Мойра.

Харман обернулся.

— Я о том, как ты меня разбудил. Все в порядке. Прости, нам очень жаль. У тебя правда не было выбора. Механизмы для возбуждения установили задолго до того, как родился прапрапрадед отца твоего отца.

— Но какова была вероятность, что я окажусь потомком этого вашего Фердинанда Марка Алонсо хана Хо-Тепа? — спросил Харман. Он не прятал сожаления в голосе — да и не хотел прятать.

К его удивлению, Мойра рассмеялась. Непринужденно, внезапно, совсем как Сейви; недоставало разве что легкого привкуса горечи, всегда присущего веселью старухи.

— Сто процентов, — сказала Мойра.

Харман ошеломленно промолчал.

— Когда мы создавали новое поколение людей старого образца, Фердинанд Марк Алонсо позаботился, чтобы все мужчины этого рода получили часть его хромосом.

— Понятно теперь, почему мы такие тщедушные, безмозглые и ни на что не годные, — сказал Харман. — Чего ждать от плодов близкородственного скрещивания.

Три недели назад (теперь казалось, прошло много лет) он просиглировал книгу об основах генетики. Ада спала рядом с ним, а он смотрел, как по его пальцам, запястью, руке бегут золотые буквы…

Мойра снова рассмеялась:

— Готов одолеть остаток пути до хрустального чертога?

Прозрачный купол на вершине Тадж-Мойры оказался гораздо больше, чем могло показаться снизу, — шестьдесят-семьдесят футов в поперечнике. Здесь уже не было мраморных выступов;

металлические эскалаторы и чугунные мостки заканчивались в центре купола, и все сверкало под солнцем из окон, опоясывающих заостренную верхушку Таджа.

Харман никогда не бывал так высоко (даже на Золотых Воротах, в семистах футах над подвесной дорогой) — и никогда так не боялся упасть. Глядя вниз, он мог бы закрыть ладонью весь мраморный пол Тадж-Мойры. Лабиринт и усыпальница в центре казались вышивкой-микросхемой на туринской пелене. Харман старательно не смотрел вниз, поднимаясь вслед за Мойрой по лесенке на паутину мостков и оттуда на кованую площадку.

— Это оно? — спросил он, кивая на десятидвенадцатифутовое сооружение посередине платформы.

— Да.

Харман ожидал, что так называемый хрустальный чертог будет похож на прозрачный саркофаг Мойры, но перед ним было что-то совершенно иное. Харману вспомнилось слово «додекаэдр», однако он его не вычитал, а просиглировал и не был уверен, правильно ли запомнил. Хрустальный чертог имел примерно шарообразную форму и состоял из двенадцати граней, разделенных переплетом цвета старого олова на стеклянные

треугольники. Десятки разноцветных трубок и проводов тянулись к его черному основанию по стенам купола, рядом на платформе стояли кресла из металлической сетки, странные приборы с темными дисплеями и клавиатурой и тончайшие вертикально стоящие пластины из прозрачного пластика высотой пять или шесть футов.

— Что это? — спросил Харман.

— Нексус Таджа.

Мойра включила несколько приборов с экранами, коснулась вертикальной пластины. Пластик исчез, его заменила голографическая панель управления. Руки женщины заплясали среди виртуальных изображений, стены купола запели низким, глубоким голосом, и в основание хрустального чертога полилась золотая жидкость — не желтая, а именно жидкое золото, по виду не плотнее воды.

Харман шагнул поближе к двенадцатиграннику:

— Он наполняется жидкостью.

— Да.

— Это бред. Я не смогу войти, я утону.

— Нет, не утонешь.

— Ты ждешь, что я буду там, когда туда нальется на десять футов золотой жидкости?

— Да.

Харман помотал головой и попятился, пока не замер в шести футах от края металлической платформы.

— Нет, нет и нет. Я не настолько свихнулся.

— Как пожелаешь, но другого способа обрести знание всех этих книг нет, — сказала Мойра. — Жидкость — это проводящая среда, способная передать содержание миллиона собранных в Тадже томов. Здесь знания, без которых тебе не обойтись, если ты собираешься стать нашим Прометеем в битве против Сетебоса и его племени. Если хочешь сделаться наставником своего народа. И если желаешь спасти свою любимую Аду.

— Да, но если вода… или что там это такое… его заполнит… там будет футов десять, если не глубже. А я плохо плаваю… — начал Харман.

Внезапно, хотя он не слышал шагов по металлическим ступеням, рядом на площадке возник Ариэль. Маленькое полупрозрачное существо держало в руках некий объемистый предмет, обернутый в подобие красной туринской пелены.

— О, милый Ариэль! — Голос Мойры звенел от восторга и обожания, каких Харман еще ни разу не слышал ни от нее, ни даже от Сейви за время

их знакомства.

— Привет тебе, Миранда, — сказал дух и, развернув алую ткань, преподнес Мойре какой-то древний музыкальный инструмент со струнами.

Люди старого образца умели петь, но владели лишь несколькими инструментами и, разумеется, не умели их делать.

— Гитара! — Постчеловеческая женщина взяла странный инструмент из рук мерцающего зеленым существа и длинными пальцами провела по струнам.

Раздавшиеся звуки напомнили Харману певучий голос Ариэля.

Дух низко поклонился и учтиво изрек:

Возьми вот этого раба
Созвучий нежных, чья судьба
Слугой быть Музыки; его
Во имя ты прими того,
Кто раб влиянья твоего,
И влей в него свои лучи,
Его всем звукам научи,
В которых ты, и только ты
Рождаешь столько красоты,
Что дух лучам теряет счет,

И так восторг его растет,
Что до терзания дойдет;
Сам принц, сам Фердинанд сказал,
Твой повелитель приказал,
Чтобы несчастный Ариэль,
Чей голос – звукам колыбель,
Послал того безмолвный знак,
Чего сказать нельзя никак.

Мойра поклонилась духу, отложила еще гудящий инструмент и поцеловала Ариэля в зеленоватый мерцающий лоб.

— Благодарю, мой друг, порой слуга, но никогда не раб. Как поживал мой Ариэль с того дня, когда я крепко уснула?

И дух промолвил:

Чуть ты умрешь, и вот Луна,
В тюрьме ущербности и сна,
Не так туманна и грустна,
Как бесприютный Ариэль,
Утративший для жизни цель.
Чуть вновь родишься на земле —
Звездой рождения, во мгле,
По морю жизни, сквозь метель,

Твой путеводный – Ариэль[54].

Мойра коснулась его щеки, перевела взгляд на Хармана, потом обратно — на призрачную аватару земной биосферы:

— Вы знакомы?

— Встречались, — ответил Харман.

— Что было с миром, Ариэль, с тех пор как я его покинула? — спросила Мойра, опять отвернувшись от человека.

И призрак отвечал:

Как изменились все мечты,
С тех пор как Фердинанд и ты
Доверились любовным снам,
И Ариэль был верен вам!

И уже не столь официально, словно завершая некий торжественный ритуал, прибавил:

— А ты, моя госпожа, как чувствуешь себя, заново родившись в нашем мире?

Видимо, настала очередь Мойры изъясняться размеренным, церемонным тоном, какого Харман ни разу не слышал от Сейви.

---

[54] Примечания: 54

Возьми вот этого раба… <…> *…Твой путеводный — Ариэль.* — П. Б. Шелли. С гитарой, к Джен (Ариэль к Миранде). Перев. К. Бальмонта.

Заброшенный, печальный этот храм[55]
—

Все, что оставила война титанов
С мятежными богами. Этот древний
Колосс, чей лик суровый искажен
Морщинами с тех пор, как он низвергнут, —
Просперо изваянье; я – Миранда,
Последняя богиня этих мест,
Где ныне лишь печаль и запустенье…

К ужасу Хармана, постчеловеческая женщина и нечеловеческая биосферная сущность без стеснения разрыдались.

Ариэль с учтивым поклоном отступил на шаг и, плавно указав рукой на человека, молвил:

— Этот смертный, никому не причинивший вреда, доставлен в хрустальный чертог для казни?

— Нет, — ответила Мойра. — Для просвещения.

---

[55] Примечания: 55

Заброшенный, печальный этот храм… — Измененная цитата из поэмы Китса «Падение Гипериона». Перев. Г. Кружкова.

59

Детеныш Сетебоса вылупился в первую ночь после возвращения в Ардис-холл.

При виде разоренного семейного гнезда у Ады сжалось сердце. Когда ее увозили в соньере, она была без сознания, а из-за сотрясения и ран от предыдущих ужасных часов остались только смутные воспоминания. Теперь она видела руины своего дома, жизни и памяти при свете дня. Ей хотелось упасть на колени и плакать до полного бессилия, но, поскольку за ней брели сорок четыре человека, а в небе парил соньер с восемью наиболее пострадавшими, она продолжала идти среди опаленных руин, высоко подняв голову, не проронив ни слезинки, только смотрела по сторонам, отмечая то, что уцелело и может пригодиться для нового лагеря.

Ее дом, усадьба Ардис-холл, две тысячи лет семейной гордости, — все погибло, остались черные обугленные балки и каменные остовы каминных труб, однако кое-что все-таки сохранилось.

Еще здесь лежали гниющие тела ее товарищей — во всяком случае, части тел.

Ада посовещалась с Даэманом и несколькими другими; решили, что первым делом необходи-

мо разжечь костер и возвести укрытие — для начала хотя бы самый простой навес, куда положить больных и раненых, — пока не кончился короткий зимний день, и там все смогут продержаться зимнюю ночь. Усадьбу они потеряли, зато казармы, сараи и прочие сооружения, построенные за последние девять месяцев перед Падением, частично сохранились. Некоторые — даже полностью, но люди не рискнули бы в них заночевать: слишком близко к лесу, слишком трудно защищать и чересчур далеко от колодца, расположенного перед самым Ардис-холлом.

Они собрали кучу хвороста и сухой древесины и, потратив, как показалось Аде, чересчур много спичек из тающего запаса, развели большой костер. Греоджи приземлил соньер, пострадавших (кто-то был без сознания, кто-то с трудом понимал, что происходит) устроили на импровизированных лежанках вокруг огня. Особо отряженные люди продолжали разбирать развалины на дрова: никто не хотел идти в сумрачный лес, к тому же Ада запретила подобные подвиги, по крайней мере до утра. Соньер опять поднялся в небо и принялся описывать круги шириной в милю — усталый Греоджи управлял, Боман держал винтовку, оба высматривали войниксов. В одной

казарме (ее несколько месяцев назад возвели Одиссей с учениками) обнаружилась настоящая сокровищница: одеяла и рулоны брезента, вполне пригодные, хоть и пропахшие гарью. Еще в одном поваленном, наполовину сгоревшем сарае неподалеку от сожженного литейного купола Ханны Кауль нашел кирки, лопаты, ломы, тяпки, молотки, гвозди, мотки нейлоновой веревки, карабины и прочие бывшие инструменты сервиторов, которые теперь могли спасти людям жизнь. Другая команда занялась сооружением не то навеса, не то хижины из неповрежденных бревен, которые искали на развалинах казарм и частокола. Временное укрытие для всех — и, возможно, не на одну только ночь — строили вокруг глубокого колодца рядом со все еще дымящимися руинами Ардиса. Боман предлагал возвести постоянное жилище с башней, бойницами и частоколом, но Ада убедила его отложить мечты о крепости на будущее, а покуда решать насущные жизненные вопросы.

Войниксы по-прежнему никак о себе не напоминали. Правда, еще не стемнело, хотя ждать оставалось недолго; так что Ада и Даэман выставили по большому периметру десять лучших стрелков под началом Камана. Остальные несли

дозор ближе к огню и убежищу. Всего насчитали двадцать четыре винтовки в рабочем состоянии, одну с подозрением на неисправность и менее ста двадцати флешеттных обойм.

Чуть больше трех часов ушло на то, чтобы сколотить и установить каркас убежища: шестифутовые стены из бревен от частокола и покатую крышу из досок от казарм, которую накрыли брезентом. Надо было на что-то укладывать больных, но времени настелить пол не хватало, поэтому из бывшего хлева у северной стены натаскали сена, а сверху положили брезент в несколько слоев. Скотину перебили войниксы, или она просто разбежалась. Сегодня никто не собирался искать в лесу коров, а у соньера были другие задачи.

К вечеру укрытие было готово. Ада, занимавшаяся новыми колодезными ведрами и цепями, а потом возглавившая отряд могильщиков, которые лопатами и ломами пробивали в мерзлой почве неглубокие ямы, вернулась, осмотрела постройку и прикинула, что там смогут спать сорок пять человек, если лечь вплотную (предполагалось, что остальные восемь будут нести дозор), а есть при необходимости все вместе, хотя и в тесноте. Лишь три стены были бревенчатые: четвертую, северную, обращенную к колодцу

и двум кострам, завесили брезентом, который сейчас почти целиком откинули, чтобы впустить внутрь побольше тепла. Эдида и Ламан набрали в развалинах Ардис-холла железа и кирпичей, чтобы сделать дымоход, но это усовершенствование пришлось отложить до следующего дня. Стекла для окон так и не нашли, поэтому сделали в бревенчатых стенах несколько маленьких отверстий на разной высоте, а на ночь закрыли их сдвижными створками и завесили брезентом. Даэман согласился, что в случае нападения можно будет укрыться здесь и стрелять через бойницы, однако при первом же взгляде на брезентовые крышу и четвертую стену становилось ясно: долго тут против войниксов не продержаться.

Впрочем, яйцо Сетебоса вроде бы их отпугивало.

Уже почти стемнело, когда Даэман отвел Аду, Тома и Ламана в сторону от общего костра на пепелище литейного купола Ханны, раскрыл рюкзак и показал проклюнувшееся яйцо. Оно светилось ярче прежнего каким-то болезненным белесым светом; скорлупу изрезали тонкие трещинки, но отверстия пока не было.

— И скоро он вылупится? — спросила Ада.

— Я-то откуда знаю? — ответил Даэман. — Ска-

жу одно: маленький Сетебос внутри еще жив и хочет вылезти наружу. Если приложишь ухо, можешь услышать, как он пищит и чавкает.

— Нет уж, спасибо, — сказала Ада.

— Что будет, когда он выберется? — спросил Ламан; он с самого начала настаивал на уничтожении яйца.

Даэман пожал плечами.

— Что именно ты собирался делать с этой штукой, когда стащил ее из гнезда Сетебоса в Парижском Кратере? — спросил врач Том, слышавший всю историю.

— Не знаю, — ответил Даэман. — Тогда это казалось мне удачной затеей. По крайней мере, способ хоть что-нибудь узнать о Сетебосе.

— А если мамуля придет за малышом? — спросил Ламан.

Даэман слышал этот вопрос не в первый раз, поэтому снова пожал плечами.

— Если что, мы можем убить его, когда вылупится, — тихо сказал он, глядя, как под деревьями за руинами старого частокола сгущается зимний сумрак.

— Сможем ли? — Ламан положил руку на потрескавшуюся скорлупу, но тут же отдернул, словно обжегшись.

Все, кто прикасался к яйцу, испытывали гадкое чувство, будто что-то тянет из них энергию.

Даэман хотел ответить, но Ада опередила его:

— Даэман, не принеси ты сюда это яйцо, большинства из нас уже не было бы в живых. До сих пор оно держало войниксов на расстоянии. Может, и детеныш, когда вылупится, будет их отпугивать.

— Если только не сожрет нас, пока мы спим, или не позовет на помощь мамку-папку, — буркнул Ламан, баюкая искалеченную правую руку.

Позже, когда стемнело, к Аде подошла Сирис и шепнула, что умер Шерман, один из тяжелораненых. Ада кивнула, подозвала еще двоих — Эдиду и не потерявшего упитанности Раллума; вместе они отнесли тело подальше от костра, к поваленным казармам, и прикрыли его камнями и бревнами, чтобы похоронить утром. Дул пронизывающий ветер.

Ада простояла четыре часа в карауле с дротиковой винтовкой, вдали от согревающего костра, в пятидесяти ярдах от ближайшего дозорного. Голова после сотрясения болела так, что Ада не заметила бы войникса или Сетебоса у себя на коленях. Из-за сломанного запястья винтовку приходилось держать на локте. Когда Аду сменил

Кауль, она, шатаясь, добрела до забитого храпящими людьми укрытия и провалилась в сон, нарушаемый только кошмарами.

Даэман разбудил ее перед рассветом, нагнувшись и зашептав в ухо:

— Детеныш вылупился.

Ада уселась в темноте, ощущая со всех сторон прижатые дышащие тела, и в первый момент думала, что страшный сон продолжается. Ей хотелось, чтобы Харман тронул ее за плечо и она проснулась бы в свете солнца. Хотелось чувствовать его руку, но вокруг были только ледяной мрак, чужие тела и отблески костра на брезенте.

— Он вылупился, — повторил Даэман. — Не хотел тебя будить, но надо что-то решать.

— Да, — шепнула Ада.

Она спала в одежде, поэтому сейчас выскользнула из-под сырых одеял, осторожно пробралась между спящими и пошла за Даэманом мимо костра к другому, гораздо более слабому огоньку.

— Я спал там, не со всеми, — сказал Даэман уже не совсем шепотом.

Говорил он по-прежнему тихо, но каждый слог отдавался болью у Ады в голове. Высоко в небе вращались, как и всегда, э- и п-кольца, скрещиваясь на фоне звезд и тоненького лунного серпа.

Ада заметила там какое-то движение, и примерно минуту сердце у нее колотилось, прежде чем она сообразила, что это соньер беззвучно кружит в ночи.

— Кто пилот? — глухо спросила Ада.

— Око.

— Не знала, что она умеет водить соньер.

— Греоджи вчера ее научил, — ответил Даэман.

Впереди, при свете маленького костра, вырисовывались очертания стоящего человека.

— Доброе утро, Ада-ур, — сказал Том.

Ада лишь улыбнулась, услышав почти забытое в последние месяцы официальное обращение.

— Доброе утро, Том, — прошептала она. — Где оно?

Даэман вытащил из костра головню и протянул во тьму, словно факел.

Ада попятилась.

Даэман и Том успели бревнами от частокола отгородить треугольное пространство вокруг… существа. Однако оно металось в этом пространстве, явно пытаясь выбраться за пределы хлипкой двухфутовой баррикады.

Ада взяла у Тома факел и села на корточки, чтобы в дрожащем свете рассмотреть маленького

Сетебоса.

Несметные желтые глазки моргали и щурились на свет. Малыш Сетебос — если это был действительно он — имел около фута в длину, то есть уже превосходил размерами обычный человеческий мозг, но все же сильно напоминал его формой и омерзительно-розовыми складками. Ада видела серую борозду между полушариями, покрывающую ее тонкую слизистую мембрану и легкую пульсацию, словно существо дышит. Однако у этого мозга были еще пульсирующие рты — или какие-то еще отверстия — и множество розовых детских ручек. Их пальцы напомнили Аде кишащих червей.

Желтые глазки раскрылись и не мигая уставились на нее. Одно из отверстий разразилось визгливым клекотом.

— Он пытается говорить? — шепотом спросила Ада.

— Понятия не имею, — ответил Даэман. — Так ведь ему несколько минут от роду. Не удивлюсь, если через час он будет с нами разговаривать.

— Лучше не дожидаться, пока ему исполнится час, — негромко, но твердо сказал Том. — Давайте сейчас же прикончим гада. Разнесем в клочья из винтовок, труп сожжем и развеем пепел.

Ада изумленно посмотрела на врача-самоучку, самого беззлобного человека в Ардисе.

— Для начала, — сказал Даэман, глядя, как существо успешно карабкается на невысокую ограду, — посадим его на поводок.

Он надел толстые брезентовые рукавицы на шерстяной подкладке (их сшили в Ардисе ранней зимой для работы со скотом), нагнулся и вогнал острый крюк в толстую связку волокон (их еще называют мозолистым телом, вспомнилось Аде), соединявшую полушария маленького Сетебоса, затем дернул за шляпку, проверяя, надежно ли вошло острие, пристегнул карабин и продел в него двадцать футов нейлоновой веревки.

Малыш завизжал и взвыл от боли. Ада в испуге обернулась на главное укрытие, уверенная, что оттуда выбегут разбуженные, перепуганные люди, однако не заметила никакого движения, только караульный у костра сонно глянул в их сторону и вновь погрузился в созерцание пламени.

Детеныш Сетебоса извивался, катался по земле, с разбега ударился о бревенчатую перегородку и наконец полез по ней, точно краб. Даэман укоротил поводок до шести футов.

Из разинутых ртов среди розовых складок моз-

га полезли новые ручонки на гибких стеблях больше ярда длиной. Одни принялись тянуть веревку, другие руки тем временем ощупывали карабин и пытались вырвать крюк, однако тот сидел крепко. На секунду Даэмана потянуло вперед, но он тут же сдернул упирающийся мозг обратно в клетку, на заиндевелую траву.

— Сильный, гаденыш, — прошептал Даэман.

— Пусть погуляет, — сказала Ада. — Давай поглядим, куда он пойдет и что будет делать.

— Ты серьезно?

— Да. Далеко отпускать не надо, но мне интересно, что ему нужно.

Том ногой откатил бревно, и существо побежало на волю. Розоватые пальцы двигались в унисон, словно лапки омерзительной сороконожки.

Даэман позволил существу тянуть себя, не ослабляя короткого поводка. Ада и Том шли рядом с Даэманом, готовые отпрянуть, если детеныш устремится к ним. Его быстрота и целеустремленность пугала. Том держал наготове свою винтовку. Вторая висела на плече у Даэмана.

Существо направилось не к огню и не к укрытию, а протащило людей двадцать ярдов по залитой мраком западной лужайке. Потом оно

спустилось в оборонительную траншею, которую помогала рыть Ада, и присело на растопыренных ручках.

На концах существа появились два новых отверстия, оттуда вылезли два пульсирующих хоботка и, покачавшись в воздухе, резко припали к земле. Послышался звук, похожий не то на чавканье свиньи, не то на чмоканье младенца, сосущего грудь.

— Что за черт? — Том упер металлический приклад в плечо и прицелился.

Первый же выстрел всадил бы в пульсирующее розоватое чудище несколько тысяч хрустальных дротиков, летящих быстрее звука.

Аду бросило в дрожь; к стучащей в висках боли прибавилась тошнота.

— Я помню это место, — дрожащим голосом прошептала она. — Здесь погибли Реман и Эмма… Сгорели заживо, когда мы сражались с войниксами.

Детеныш продолжал похрюкивать и причмокивать.

— Так он… — Даэман запнулся.

— Ест, — закончила Ада.

Том поставил палец на спусковой крючок:

— Можно я убью его, Ада-ур? Пожалуйста.

— Обязательно, — ответила Ада. — Только не сейчас. Я уверена, если он умрет, войниксы сразу почувствуют и вернутся. А мы не готовы отразить атаку. Идем назад, в лагерь.

Они вместе пошли к лагерному костру. Даэман тащил за собой на поводке упирающегося маленького Сетебоса.

60

Харман тонул.

За мгновение до того, как влага хлынула в легкие, он успел подумать: «Эта гадина Мойра меня обманула!» — и тут же поперхнулся, закашлялся и захлебнулся бурлящей золотой жидкостью.

До этого он наблюдал снаружи, как жидкость наполняет хрустальный додекаэдр. До верхней крышки оставалось еще около фута. Сейви-Мойра-Миранда назвала золотой бульон «проводящей средой», через которую он просиглирует (хотя она этого слова не употребляла) все колоссальное книжное собрание Таджа. Харман разделся до термоскина.

— И это тоже придется снять, — сказала Мойра.

Ариэль удалился в сумрак, оставив молодую женщину в ярком сиянии, льющемся в окна ку-

пола. На столике рядом лежала гитара.

— Зачем? — спросил Харман.

— Жидкость должна иметь свободный доступ к телу, — сказала Мойра. — Через молекулярный слой термокостюма передача не состоится.

— Какая передача?

Харман облизал губы. Сердце у него колотилось.

Мойра указала на бесконечные шкафы с книгами, опоясавшие стоэтажный купол под ногами собеседников.

— А как мне узнать, что в этих старых книжках найдутся сведения, которые помогут вернуться к Аде? — спросил Харман.

— Никак.

— Вы с Просперо можете отослать меня домой прямо сейчас, если захотите, — сказал Харман, отворачиваясь от наполняющегося хрустального резервуара.

— Это не так легко, — возразила Мойра.

— Да уж, хрена с два! — взорвался Харман.

Молодая женщина продолжала говорить как ни в чем не бывало:

— Во-первых, ты знаешь из турины и со слов Просперо, что факс-узлы на планете отключены.

— И кто их отключил? — Харман вновь повер-

нулся к хрустальному чертогу.

Золотая жидкость бурлила за фут от крышки, однако прибывать перестала. Мойра откинула верхнюю панель из прозрачных стеклышек, и Харман разглядел короткие металлические скобы для спуска в открывшееся отверстие.

— Сетебос или его сообщники, — сказала Мойра.

— Какие сообщники? Кто они? Просто скажи мне, что я должен знать.

Мойра покачала головой:

— Мой юный Прометей, ты слушал разговоры почти год. Это ничего не дает, если не знать контекста, в который поместить информацию. Тебе пришло время получить этот контекст.

— Почему ты все время зовешь меня Прометеем? — рявкнул он. — Похоже, у всех тут по десять имен. Я не знаю такого имени — Прометей. Отчего ты зовешь меня так?

Мойра улыбнулась:

— Обещаю, уж это ты после хрустального чертога поймешь.

Харман сделал глубокий вдох, понимая, что еще одна такая самодовольная улыбочка — и он ударит женщину по лицу.

— Просперо говорил, это может меня убить,

— сказал он, глядя на резервуар, а не на постчеловеческую женщину в человеческом обличье Сейви.

Мойра кивнула:

— Да. Но я думаю, что не убьет.

— Какие у меня шансы? — Вопрос прозвучал как-то жалобно и плаксиво.

— Трудно сказать. Думаю, очень хорошие, иначе я бы не подвергла тебя подобной… неприятности.

— А ты сама это делала?

— Погружалась ли я в хрустальный чертог? — проговорила Мойра. — Нет, у меня лично не было причин.

— Тогда у кого они были? — допытывался Харман. — Сколько выжило? Сколько погибло?

— Погружению подвергали каждого главного библиотекаря, — ответила Мойра. — Многие поколения хранителей Таджа. И всех прямых потомков первого хана Хо-Тепа.

— Включая твоего любимого Фердинанда Марка Алонсо?

— Да.

— Сколько хранителей Таджа пережили погружение?

Харман пока оставался в термоскине, но здесь,

так близко к вершине купола, открытое лицо и ладони обжигало холодом, и он изо всех сил старался не дрожать.

Ему было страшно за себя, страшно, что, если Мойра еще раз пожмет плечами, он просто развернется и уйдет навсегда. А он этого не хотел. По крайней мере, пока. Обещанные знания притягивали. Нелепый хрустальный чертог с золотой жидкостью мог его убить… но мог и ускорить его возвращение к Аде.

Мойра не пожала плечами. Она посмотрела ему в глаза (знакомый взгляд Сейви!) и просто сказала:

— Я точно не знаю, сколько умерло. Иногда слабые умы не справлялись с потоком информации. Сомневаюсь, что твой ум настолько беспомощен, Прометей.

— Не называй меня так!

Коченеющие пальцы сами собою сжались в кулаки.

— Хорошо.

— Сколько это продлится?

— Передача? Около часа.

— Так долго? Кабина эйфельбана уходит через час.

— Мы успеем, — сказала Мойра.

Харман представил, как будет хвататься за гладкие стены или барахтаться, пытаясь удержаться на плаву. Целый час, да еще на таком холоде…

— Проводящая среда очень теплая, — сказала Мойра, словно прочла его мысли; вернее, гусиную кожу и дрожь в коленях.

После этих слов Харман решился. Он неловкими движениями стянул молекулярный термокостюм, смущаясь своей наготы в присутствии женщины, с которой два часа назад занимался довольно странным сексом. К тому же здесь было *очень* холодно.

Он быстро поднялся по скобам на хрустальной стене додекаэдра, чувствуя ступнями и ладонями ледяной металл.

Облегчением было опуститься в теплую золотую жидкость. Она совсем не имела запаха. И вкуса тоже, понял Харман, слизнув брызги с губ.

А потом невесомый Ариэль возник из тени, взлетел и захлопнул крышку над его головой.

А потом Мойра коснулась какого-то рычага виртуальной панели управления, возле которой стояла все это время.

А потом снова запыхтел какой-то мотор, скрытый в основании хрустального чертога, и в замкнутый резервуар снова хлынула золотая

жидкость.

Харман отчаянно закричал, требуя немедленно его выпустить, а когда постчеловеческая женщина и биосферный нечеловек даже ухом не повели, принялся колотить по верхней панели, одновременно пиная ногами прозрачные стены. Жидкость продолжала подниматься. Харман отыскал под крышкой последний дюйм пустоты и жадно сделал глубокий вдох, не переставая барабанить по хрусталю. А потом воздуха вообще не осталось, ни единого пузырька, не считая тех, что вырывались у него изо рта и носа.

Харман задерживал дыхание сколько мог. В последние мгновения жизни ему страшно хотелось думать про Аду, про их любовь, раскаиваться в собственной измене, однако теперь, зажимая рот руками, чувствуя, как пылают легкие, он ощущал лишь смесь ужаса, ярости и сожаления.

А потом он уже не смог удерживать дыхание, хотя по-прежнему колотил по неподдающемуся хрусталю, — и выдохнул, закашлялся, подавился, выругался, еще сильней поперхнулся, глотнул густой жидкости… Тьма захлестнула рассудок, паника продолжала накачивать тело бесполезным адреналином.

А потом легкие наполнились жидкостью, но

Харман этого не узнал. Отяжелев без воздуха, уже не дергаясь, не двигаясь, не дыша, он медленно упал на дно хрустального чертога.

61

Когда от Голоса с астероида на полярной орбите Земли пришла новая мазерная передача, на мостике «Королевы Маб» воцарилось оживление и разговоры по фокусированному лучу. Однако Голос лишь повторил прежде названные координаты места встречи, и, когда после подтверждения новых сообщений не последовало, главные моравеки вновь собрались у навигационного стола.

— На чем мы остановились? — спросил Орфу.

— Ты собирался изложить нам Теорию Всего, — напомнил первичный интегратор Астиг/Че.

— И ты сказал, что знаешь, кому принадлежит Голос, — вставил Чо Ли. — Кто это или что?

— Я не знаю, кому принадлежит Голос, — пророкотал Орфу, не прибегая к фокусированному лучу и стандартным каналам корабельной связи. — Однако у меня есть догадки.

— Говори, — сказал генерал Бех бен Ади тоном не просьбы, а приказа.

— Я предпочел бы изложить всю свою… Тео-

рию Всего, — ответил Орфу. — В контексте будет понятней.

— Излагай, — сказал первичный интегратор Астиг/Че.

Орфу глубоко вдохнул кислород, хотя и располагал многонедельным, если не многомесячным запасом. Манмут хотел спросить по фокусированному лучу: «Ты уверен, что надо развивать эту тему?», но поскольку понятия не имел, что Орфу собирается сказать, то промолчал. Однако он волновался за друга.

— Прежде всего, — начал Орфу с Ио, — официальной информации пока не было, но я уверен, что вы идентифицировали почти все спутники, числом около миллиона, составляющие экваториальное и полярное кольца планеты, к которым мы так стремительно приближаемся, и готов держать пари: по большей части это не астероиды и не обиталища.

— Верно, — сказал Астиг/Че.

— Некоторые, как мы знаем, — это первые сооруженные постлюдьми устройства для создания и хранения черных дыр, — продолжал Орфу. — Громадные установки вроде ускорителя частиц, который, как вы нам показали, врезался девять месяцев назад в орбитальный астероид-

ный город. Но много ли там подобных устройств? Несколько тысяч?

— Чуть менее двух тысяч, — подтвердил Астиг/Че.

— Готов поспорить, оставшуюся часть миллиона… объектов… размещенных постлюдьми на орбите, составляют хранилища данных. Не знаю точно, какого рода. Вероятно, банки ДНК, хотя они требовали бы непрерывного жизнеобеспечения, так что, скорее всего, это запоминающие устройства на цилиндрических магнитных доменах в сочетании с некими квантовыми компьютерами и памятью настолько сложной, что мы, моравеки, еще до такого не додумались.

Орфу умолк. Манмуту казалось, что пауза затягивается на часы. Первичные интеграторы и другие главные моравеки не переглядывались, но Манмут подозревал — они совещаются по личным каналам.

Наконец Астиг/Че нарушил молчание, которое в реальном времени длилось лишь несколько секунд.

— Да, в основном это запоминающие устройства, — сказал первичный интегратор. — Мы еще не разобрались в их природе, однако, судя по всему, перед нами блоки хранения квантового

волнового фронта на цилиндрических магнитных доменах.

— И каждый блок по большей части независим, — сказал Орфу. — Можно сказать, у каждого свой собственный жесткий диск.

— Да, — подтвердил Астиг/Че.

— А бóльшая часть остальных спутников на кольцах, тысяч примерно десять, — это стандартные энергопередатчики плюс некие передатчики модулированных тахионных волн.

— Шесть тысяч четыреста восемь энергопередатчиков, — сообщил штурман Чо Ли. — Ровно три тысячи передатчиков тахионных волн.

— Откуда тебе все это известно, Орфу с Ио? — спросил могучий ганимедянин Сума IV. — Ты хакнул наши файлы или каналы связи?

Орфу поднял два членистых передних манипулятора ладонями кверху:

— Нет-нет, я не столь подкован в программировании, чтобы хакнуть даже дневник своей сестры… конечно, если б у меня была сестра и она вела дневник.

— Тогда как же… — начал Ретроград Синопессен.

— Логическим путем, — сказал Орфу. — Меня всегда интересовали человеческая культура и ли-

тература. Столетиями я отслеживал результаты наблюдений за Землей, постчеловеческими кольцами и любую информацию о немногочисленных оставшихся на Земле людях, какую Консорциум Пяти Лун публиковал для общего доступа.

— Консорциум никогда не публиковал сообщений о запоминающих устройствах на орбите, — заметил Сума IV.

— Да, — согласился Орфу. — Но это самое логичное предположение. По всем данным, четырнадцать веков назад, когда постлюди покинули Землю, их численность составляла считаные тысячи, так ведь?

— Да, — сказал Астиг/Че.

— Тогдашние моравеки-ученые даже не были уверены, что у постлюдей есть тела… в нашем понимании, — продолжал Орфу. — Им не нужен был миллион городов на орбите.

— Отсюда не следует вывод, что кольца по большей части состоят из банков памяти, — возразил генерал Бех бен Ади.

Манмут поймал себя на мысли: «Интересно, как на этом корабле карают за шпионаж?»

— Следует, — возразил Орфу, — если взглянуть на то, чем занимались люди старого образца около полутора тысячелетий… И чем не зани-

мались.

— В каком смысле: «Чем не занимались»? — спросил Манмут.

Он не собирался встревать в разговор, однако любопытство взяло верх.

— Во-первых, они не размножались обычным человеческим порядком, — ответил Орфу. — Несколько столетий их было меньше десяти тысяч. Затем четырнадцать веков назад из Иерусалима забил нейтринный луч, направляемый — как я понял из астрономических онлайн-публикаций — модулированными тахионами. Луч, нацеленный в никуда. И внезапно людей не осталось. Ни единого.

— Но только на короткое время, — сказал Астиг/Че.

— И все-таки… — Орфу как будто забыл, что собирался говорить дальше, затем продолжил: — Прошло чуть меньше ста лет, и на Земле появился миллион людей старого образца. Очевидно, что это не были потомки десяти тысяч исчезнувших. Не наблюдалось никакого постепенного роста популяции, все произошло мгновенно: трам-пам — спасибо, мадам. Миллион человек невесть откуда.

— И какой ты сделал вывод? — спросил Астиг/

Че. В голосе величавого маленького европеанина сквозило приятное изумление, как у профессора, обнаружившего нечаянные успехи у своего студента.

— Я сделал вывод, что эти люди старого образца не рождались, — ответил Орфу с Ио. — Их создали.

— Непорочное зачатие? — съязвил Чо Ли.

— Своего рода, — не смутился Орфу и ровным, раскатистым голосом продолжал: — Полагаю, орбитальные ЗУ хранят и хранили данные примерно о миллионе людей: воспоминания, личность и сведения о теле — может быть, по спутнику на человека, — и постлюди восстановили поголовье. И становится понятно, отчего популяция достигала миллиона каждые несколько веков, падала до нескольких тысяч и вновь как по волшебству вырастала до миллиона.

— Отчего? — спросил центурион-лидер Меп Аху искренне заинтересованным, как показалось Манмуту, тоном.

— Минимальное поголовье, — сказал Орфу. — Судя по всему, людям старого образца разрешали иметь лишь половину числа детей, необходимых для воспроизводства численности, — по одному ребенку на женщину. И только после того, как

кто-нибудь умрет. Я читал предположение, что люди старого образца живут ровно сто земных лет и потом исчезают. Этого достаточно, чтобы стадо пережило перемены климата и тому подобное, но и не начинало безудержно плодиться и не разбредалось из резерваций. Однако население стремительно тает. Поэтому примерно раз в тысячелетие поголовье увеличивают до максимальной величины в один миллион человек. Поскольку у женщин только по одному ребенку, популяция падает — до следующего искусственного возрождения.

— Где ты прочел, что люди старого образца живут ровно сто лет? — потрясенно выговорил Чо Ли.

— В издании «Научный ганимедянин». Я восемь с лишним веков подписан на его передачи.

Первичный интегратор Астиг/Че поднял свою очень гуманоидную руку:

— Прошу прощения, Орфу с Ио, меня восхищают твои блестящие выводы о назначении орбитальных устройств и кропотливые исследования всего, что связано с оставшимися ста тысячами людей старого образца (впрочем, за последние месяцы их число значительно снизилось из-за нападений неизвестных существ), но ты обещал

рассказать, отчего на Марсе греческие боги, кому принадлежит Голос, кто и как чудесным образом терраформировал Марс и что стало причиной нынешней квантовой нестабильности на Земле и на Марсе.

— К этому я и веду, — пророкотал Орфу. — Хотите, чтобы я сжал Теорию Всего в высокоскоростную передачу по фокусированному лучу? Все займет не больше секунды.

— Нет, в этом нет нужды, — сказал первичный интегратор Астиг/Че. — Только не мог бы ты объяснять немного быстрее? У нас меньше трех часов до того, как мы, прикрываясь аэродинамическим маневром, запустим — или не запустим — шлюпку.

Орфу отозвался инфразвуковыми раскатами, в которых его друг давно привык узнавать смех.

— Люди старого образца собраны примерно в трех сотнях поселений на пяти континентах планеты, не так ли? — произнес иониец.

— Так, — подтвердил Чо Ли.

— И население узлов меняется, — продолжил Орфу. — Между тем наши телескопы ни разу не засекли каких-либо видов транспорта — ни действующих автомагистралей, ни летающих аппаратов, ни кораблей (хотя бы допотопных па-

русников вроде того, на котором мы с Манмутом преодолели марсианские долины Маринера), ни даже воздушных шаров. Мы предполагали, что люди старого образца перемещаются при помощи квантовой телепортации, хотя моравеки с их развитой технологией до сих пор не освоили этот способ путешествий.

— Вполне разумное предположение, — вставил Сума IV.

— Разумное, — согласился Орфу с Ио, — но неправильное. Из наблюдений за так называемыми олимпийскими богами на Марсе и на Земле из иного измерения, где по сей день идет битва за Трою, нам известно, как со стороны выглядит квантовая телепортация. Люди старого образца не оставляли подобных следов, переносясь из пункта А в пункт Б.

— Но если ты прав, — начал центурион-лидер Меп Аху, — как иначе они мгновенно перемещались по планете более четырнадцати веков?

— Старомодная идея телепортации, — сказал Орфу. — Все сведения о теле, разуме и личности превращаются в код, материя преобразуется в энергию, направляется в виде луча на новое место и собирается заново. Примерно как в телесериалах Потерянной Эпохи — «Стар трюк»,

например.

— «Трек», — поправил его Бех бен Ади.

— Ага! — сказал Орфу с Ио. — Еще один фанат.

Генерал раздраженно клацнул убийственными клешнями.

— Наши ученые давно установили, что хранить подобные объемы информации невозможно, немыслимо, — возразил Чо Ли. — Нужно больше терабайтов памяти, чем число атомов во Вселенной.

— Значит, постлюди умудрились создать именно такой банк, — ответил Орфу, — ибо люди старого образца веками телепортировали свои задницы, куда им вздумается. Однако не на квантовом уровне, как боги Олимпа или наш друг Хокенберри, а более варварским способом: их попросту делили на молекулы, а затем собирали где-нибудь еще.

— С чего бы им так заботиться о людях старого образца? — спросил Манмут. — Затевать проект невероятной сложности ради нескольких сотен тысяч людей, с которыми обращаются будто… будто с животными в зоопарке? За полтора тысячелетия мы не заметили ни следов новых инженерных сооружений, ни градостроительства, ни любого другого созидания.

— Возможно, телепортация сама по себе стала причиной культурного вырождения, — сказал Орфу. — А может, нет. Но я убежден, мы наблюдаем именно ее. Что-то в духе «Поднимай меня, Скути».

— «Скотти», — поправил Ретроград Синопессен.

— Благодарю, — ответил Орфу и тут же передал Манмуту по фокусированному лучу:*Нашего полку прибыло*.

— Возможно, ты прав, и люди старого образца действительно пользовались не настоящей квантовой телепортацией, а грубой формой расщепления и воспроизведения материи, — сказал Астиг/Че, — но это не объясняет Марса…

— Зато одержимость постлюдей идеей проникнуть в другие измерения объясняет, и даже очень!

В пылу разговора иониец не заметил, что перебил самого главного из первичных интеграторов во всем Консорциуме Пяти Лун.

— Откуда ты знаешь, что посты были одержимы идеей проникнуть в другие измерения? — спросил генерал Бех бен Ади.

— Ты шутишь? — сказал Орфу.

Манмут невольно подумал, что суровому гене-

ралу роквеков Пояса астероидов не часто в его карьере задавали такой вопрос.

— Только взгляните,*чем* постлюди захламили орбиту, — продолжал Орфу, замечая, как опешил от его дерзости военный-роквек. — Накопители кротовин, ускорители черных дыр — налицо явные старания прорваться сквозь пространство и время, найти короткие пути через эту вселенную… или в другую.

— Черные дыры и кротовины не работают, — без выражения произнес Чо Ли. — По крайней мере, в качестве транспортного средства.

— Да, теперь мы это знаем. Постлюди выяснили то же самое веков пятнадцать назад. И вот тогда, уже запустив на орбиту спутники с немыслимым объемом памяти, настроив по всей Земле примитивных телепортационных порталов для людей старого образца, которых, готов держать пари, они использовали в качестве подопытных кроликов, — только тогда ученые-постлюди начали возиться с бран-дырами и квантовой телепортацией.

— Наши инженеры и ученые уже много веков… возятся, как ты выразился… с квантовой телепортацией через мембранные дыры вселенной Калаби-Яу, — вмешался Ретроград Синопес-

сен, чуть ли не пританцовывая от волнения на длинных паучьих ножках серебристого цвета. — Безуспешно, — добавил он.

— Потому что у нас не было того единственного, что позволило постлюдям совершить прорыв.

Тут Орфу сделал паузу. Все ждали продолжения. Манмут прекрасно понимал, как упивается его друг этой сладкой минутой.

— Миллиона человеческих тел, умов, личностей, записанных в цифровом виде на орбитальных спутниках, — торжествующе закончил Орфу таким тоном, будто решил наконец сложную математическую головоломку, над которой бился долгое время.

— Не понял, — сказал центурион-лидер Меп Аху.

Радар Орфу обвел их всех — легчайшее касание в электромагнитном спектре. Манмут догадывался, что друг ждет какой-то реакции, возможно возгласов одобрения. Однако все молчали.

— Я тоже не понял, — признался Манмут.

— Что есть человеческий мозг? — риторически вопросил Орфу. — Я имею в виду, все мы, моравеки, обладаем его частицей. Какой он? Как он работает? Подобно двоичным или ДНК-компьютерам, которые тоже служат нам для думанья?

— Нет, — ответил Чо Ли. — Известно, что человеческий мозг не похож на компьютер и не является химическим запоминающим устройством, как считали ученые Потерянной Эпохи. Человеческий мозг… разум есть целостный волновой фронт стоячей волны квантового состояния.

— В точку! — воскликнул Орфу. — Постлюди воспользовались этим пониманием человеческого, чтобы усовершенствовать свои бран-дыры, путешествия во времени и квантовую телепортацию.

— Я до сих пор не вижу, каким образом, — сказал первичный интегратор Астиг/Че.

— Подумай, как работает квантовая телепортация, — сказал Орфу. — Чо, изложи нам, у тебя лучше получится.

Каллистянин загрохотал, затем смодулировал громыхания в членораздельные слова:

— Первые эксперименты по квантовой телепортации — их проводили люди старого образца в глубокой древности, еще в двадцатом столетии, — заключались в следующем: генерировали запутанную пару фотонов и телепортировали один из них — точнее, телепортировали его полное *квантовое состояние* — и в то же время передавали белловское измерение состояния второго фотона

по классическим досветовым каналам.

— Разве это не нарушает принцип Гейзенберга и эйнштейновское ограничение на перемещения со скоростью, превышающей скорость света? — спросил Меп Аху.

Очевидно, он, как и Манмут, не слушал доклады о механизмах, позволяющих богам квитироваться с марсианского Олимпа в Илион.

— Нет, — отвечал Чо Ли. — Мгновенно перемещаясь по этой вселенной, телепортируемые фотоны не переносили никакой информации, даже о собственном квантовом состоянии.

— В таком случае телепортируемые фотоны бесполезны, — заключил центурион-лидер. — По крайней мере, в целях коммуникации.

— Не совсем, — ответил Чо Ли. — Получатель телепортированного фотона может с вероятностью двадцать пять процентов угадать его квантовое состояние — у фотона всего четыре квантовых состояния — и, угадав, использовать квантовые данные. Они называются кубитами, и мы успешно применяем их для мгновенной коммуникации.

Манмут затряс головой:

— Какая связь между фотонами, не несущими информации, и греческими богами, квантово

телепортирующимися в Трою?

— «Воображение можно уподобить сну Адама, — процитировал Орфу, — он пробудился и увидел, что все это — правда»[56]. Джон Китс.

— Нельзя ли изъясняться чуть позагадочней? — насмешливо спросил Сума IV.

— Могу попробовать, — ответил Орфу.

— Что общего между поэтом Джоном Китсом, квантовой телепортацией и причинами нынешнего квантового кризиса? — спросил Манмут.

— Я предполагаю, — начал посерьезневший Орфу, — что полтора тысячелетия назад постлюди добились прорыва в опытах с бран-дырами и квантовой телепортацией именно благодаря пониманию целостной квантовой природы человеческого сознания. Я провел предварительные исследования на квантовом компьютере судна. Представьте человеческое сознание как феномен фронта стоячей волны, чем оно и является в действительности, помножьте на терабайты кубитов квантовой информации о волновом базисе фронта физической реальности, примените к этим волновым функциям разума-сознания-реально-

---

[56] Примечания: 56

«Воображение можно уподобить сну Адама… он пробудился и увидел, что все это — правда». — Джон Китс, из письма к Бенджамину Бейли от 22 ноября 1817 г. Перев. С. Сухарева.

сти релятивистское преобразование кулонова поля — и вы быстро поймете, как постлюди открыли бран-дыры в иные вселенные, а затем и сами туда телепортировались.

— Как? — спросил Астиг/Че.

— Для начала они открыли бран-дыры в те альтернативные вселенные, где имелись точки пространства и времени, в которых запутанные пары волновых фронтов человеческого сознания *уже существовали*, — сказал Орфу.

— Э? — проговорил Манмут.

— Что есть реальность, как не фронт стоячей квантовой волны, схлопывающейся посредством вероятностных состояний? — сказал Орфу. — И как иначе работает человеческий мозг, если не в качестве интерферометра, воспринимающего и схлопывающего эти самые волновые фронты?

Манмут продолжал трясти головой. Он позабыл о других моравеках на мостике, о том, что менее чем через три часа его вместе с подлодкой могут спустить на Землю в космошлюпке, об опасности — забыл обо всем, кроме головной боли от того, что говорил Орфу.

— Постлюди открывали бран-дыры в альтернативные миры, созданные — или, по крайней мере, воспринятые — сфокусированными линзами

уже существовавших голографических волновых фронтов. Человеческим воображением. Человеческим гением.

— Ох, Христа ради! — возмутился генерал Бех бен Ади.

— Возможно, — сказал Орфу. — Если предположить существование бесконечного или почти бесконечного набора альтернативных вселенных, то многие из них будут неизбежно созданы одной лишь силой человеческого воображения. Представьте их как гениальные сингулярности — редакторы-измерители белловского состояния чистой квантовой пены реальности.

— Метафизика! — возмущенно проговорил Чо Ли.

— Чушь собачья, — изрек Сума IV.

— Нет, именно это и произошло, — возразил Орфу. — У нас есть терраформированный Марс с измененной силой тяжести, и нам предлагают поверить, что такое терраформирование можно осуществить за несколько лет. Вот это чушь собачья. У нас весь Марс уставлен изваяниями Просперо, а вулкан Олимп заселен древнегреческими богами, которые шастают через пространство и время на альтернативную Землю, где Гектор с Ахиллесом сражаются за будущее Илиона. Вот

это чушь собачья. Если только…

— Если только мы не поверим, что постлюди открыли порталы в миры и вселенные, ранее созданные силой человеческого гения, — закончил первичный интегратор Астиг/Че. — Что сразу объясняет и статуи Просперо, и калибановидных тварей на Земле, и присутствие Ахиллеса, Гектора, Агамемнона и прочих людей на Земле Илиона.

— А что насчет греческих богов? — усмехнулся Бех бен Ади. — Кого мы повстречаем дальше? Иегову? Будду?

— Возможно, — ответил Орфу с Ио. — Но я бы скорее предположил, что наши знакомые олимпийцы — это трансформированные постлюди. Те самые, что исчезли четырнадцатью веками ранее.

— Зачем бы они решили превратиться в богов? — спросил Ретроград Синопессен. — Особенно в богов, чья сила происходит от нанотехнологий и квантовых фокусов?

— А почему бы нет? — спросил Орфу. — Выбор пола, секс между собой и с любым смертным, с каким пожелают, возможность плодить бессмертных и бренных отпрысков, чего постлюди, судя по всему, уже не могли делать самостоятель-

но, не говоря уже о десятилетней шахматной партии под названием «Троянская война».

Манмут потер голову:

— Получается, терраформирование и перемена гравитации на Марсе…

— Да, — подтвердил Орфу. — Работы здесь — почти на четырнадцать веков, а не на три года. И это при божественных квантовых технологиях.

— Так это *настоящий Просперо* там, внизу или где-то еще? — спросил Манмут. — Просперо из шекспировской «Бури»?

— Или нечто очень к нему близкое, — сказал Орфу.

— А чудовищный мозг, явившийся из бран-ды-ры на Землю несколько дней назад? — спросил Сума IV. В голосе ганимедянина слышалась злость. — Он что, тоже персонаж из твоей драгоценной человеческой литературы?

— Возможно, — ответил Орфу. — Роберт Браунинг написал однажды поэму «Калибан о Сетебосе», где Калибан из шекспировской «Бури» рассуждает о своем боге по имени Сетебос, описывая того очень скупо: «многорук, как каракатица». Это бог-самодур, который кормится страхом и насилием.

— Это очень большая натяжка, — сказал Астиг/

Че.

— Да, — согласился Орфу. — Однако тварь, которую мы недавно сфотографировали, выглядит как исполинский человеческий мозг, семенящий на исполинских человеческих руках. Невероятный плод эволюции в любом из миров, вы согласны? Однако Роберт Браунинг обладал очень богатым воображением.

— Так мы встретим на Земле Гамлета? — фыркнул Сума IV.

— О! — вырвалось у Манмута. — О! О, вот было бы славно…

— Прошу не отвлекаться, — вмешался первичный интегратор Астиг/Че. — Орфу, откуда ты все это взял?

Орфу вздохнул. Вместо вербального ответа голографический проектор из устройства связи на помятом и поцарапанном панцире огромного ионийца создал изображение, которое повисло над навигационным столом.

В виртуальном книжном шкафу стояло шесть толстых томов. Одна из книг — Манмут успел заметить заглавие: «В поисках утраченного времени. Том третий. У Германтов» — раскрылась на четыреста сорок пятой странице. Картинка увеличилась, так что стало можно прочесть пе-

чатный шрифт.

Внезапно Манмут сообразил: ведь Орфу оптически слеп и не*видит* того, что показывает. Значит, он помнит все шесть томов Пруста наизусть. От этой мысли ему захотелось взвыть.

Манмут вместе с другими прочел парящий в воздухе текст:

«Люди со вкусом говорят нам сегодня, что Ренуар — великий живописец восемнадцатого века. Но они забывают о Времени и о том, что даже в конце девятнадцатого века далеко не все отваживались признать Ренуара великим художником. Чтобы получить такое высокое звание, и оригинальный художник, и оригинальный писатель действуют по способу окулистов. Лечение их живописью, их прозой не всегда приятно для пациентов. По окончании курса врач говорит нам: „Теперь смотрите“. Внезапно мир (сотворенный не однажды, а каждый раз пересоздаваемый новым оригинальным художником) предстает перед нами совершенно иным и вместе с тем предельно ясным. Идущие по улицам женщины не похожи на прежних, потому что они ренуаровские женщины, те самые ренуаровские женщины, которых мы когда-то не принимали за женщин. Экипажи тоже ренуаровские, и вода,

и небо; нам хочется побродить по лесу, хотя он похож на тот, что, когда мы увидели его впервые, казался нам чем угодно, только не лесом, а, скажем, ковром, и хотя в тот раз на богатой палитре художника мы не обнаружили именно тех красок, какие являет нашему взору лес. Вот она, новая, только что сотворенная и обреченная на гибель вселенная. Она просуществует до следующего геологического переворота, который произведут новый оригинальный художник или новый оригинальный писатель».

Все моравеки у навигационного стола стояли в молчании. Тишину нарушали только гудение вентиляторов, звуки машин и негромкие переговоры моравеков, на самом деле управляющих «Королевой Маб» в эту критическую минуту приближения к экваториальному и полярному кольцам Земли.

Наконец генерал Бех бен Ади нарушил молчание:

— Какая солипсистская чушь. Какой метафизический вздор. Какой бред сивой кобылы.

Орфу не отвечал.

— Может, это и бред сивой кобылы, — сказал первичный интегратор Астиг/Че, — но это самый правдоподобный бред сивой кобылы, какой я

слышал за девять месяцев сюрреализма. Орфу с Ио заслужил путешествие в трюме «Смуглой леди», когда космошлюпка отправится в атмосферу Земли через… два часа и пятнадцать минут. Что ж, идемте готовиться.

Орфу и Манмут направлялись к лифту — Манмут шел как в тумане, Орфу беззвучно плыл на мощных отталкивателях, — когда первичный интегратор Астиг/Че окликнул:

— Орфу!

Орфу развернулся и вежливо направил на Астига/Че мертвые камеры и остатки глазных стебельков.

— Ты собирался сказать, кому принадлежит Голос, с которым мы сегодня встречаемся.

— Ну, вообще-то… — Орфу впервые замялся. — Это просто догадка.

— Поделись, — велел Астиг/Че.

— Что ж, принимая на веру мою скромную теорию, — проговорил Орфу, — кто мог женским голосом потребовать свидания с нашим пассажиром — Одиссеем, сыном Лаэрта?

— Санта-Клаус? — предположил генерал Бех бен Ади.

— Не совсем, — сказал Орфу. — Калипсо.

По всей видимости, никто из моравеков рань-

ше не слышал этого имени.

— Во вселенной, откуда явились наши новые друзья, — продолжал Орфу, — чародейку еще называют Цирцеей.

62

Харман утонул, но не умер. Впрочем, несколько минут спустя он об этом пожалел.

Золотая жидкость, наполнившая двенадцатигранный хрустальный чертог, оказалась перенасыщена кислородом, который быстро начал всасываться через тончайшие капилляры легких и насытил кровеносную систему. Этого хватило, чтобы заставить сердце биться (точнее сказать, биться снова, поскольку оно пропустило несколько ударов и молчало почти полминуты, пока человек барахтался и шел на дно) и поддержать жизнь мозга… пусть даже вконец отупевшего, охваченного ужасом, отторгнутого, если верить ощущениям, от остального тела. Он не мог вдохнуть, инстинкты требовали воздуха, хотя тело получало кислород.

Наконец Харман с трудом разлепил веки, однако ничего хорошего не увидел; перед глазами стремительно кружилась воронка из миллиарда золотых слов и десяти миллиардов пульсирую-

щих изображений, которые ждали своей очереди возродиться в его голове. Харману смутно удалось различить стеклянную панель заполненного доверху хрустального додекаэдра и чью-то размытую фигуру за ней. Это могла быть Мойра, или Просперо, или даже Ариэль… да какая, собственно, разница?

Харман по-прежнему жаждал дышать привычным ему образом. Не отключись сознание ровно наполовину (видимо, жидкость подействовала как транквилизатор, подготавливая разум к передаче), один только рвотный рефлекс убил бы его или свел с ума.

Впрочем, хрустальный чертог припас иные способы довести его до безумия.

В Хармана начала вливаться информация. Из миллиона старинных книг, как сказали Просперо и Мойра. Слова и мысли почти миллиона давно умерших умов… нет, больше, ведь каждая книга в своих доводах, яростных опровержениях, горячем согласии и пересмотрах содержала множество других умов.

Информация вливалась в Хармана, но это не походило ни на какой его прежний опыт. За долгие десятилетия он выучился читать и стал первым за неисчислимые века человеком старого образ-

ца, способным понимать закорючки, точки и штрихи в истлевающих по всей планете старинных книгах. Однако при чтении слова проникали в разум по порядку, со скоростью разговора — Харман всегда слышал в голове голос, не совсем свой, произносящий их вслух. Сиглирование оказалось более быстрым, но менее эффективным способом усвоить книгу: данные текли по руке в мозг, словно забрасываемый в топку уголь, что было несравнимо с удовольствием от медленного чтения. Просиглировав очередной том, Харман обнаруживал у себя новые сведения, однако бóльшая часть смысла терялась из-за отсутствия нюансов и контекста. При сиглировании он никогда не слышал голоса в голове. Возможно, думал он, функцию создали для усвоения сухих таблиц и заранее подготовленных выжимок. Этот способ не годился для чтения романов или шекспировских пьес. Правда, Харману попало в руки одно-единственное шекспировское творение — упоительная и трогательная трагедия «Ромео и Джульетта». Прежде он и слова такого не слышал — «пьеса». Его современники знали разве что туринскую драму об осаде Трои, да и то лишь в последние десять лет.

Но если чтение было медленным линейным

потоком, а сиглирование — щекочущим ощущением, после которого оставался некий осадок информации, то здесь…

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Информация поступала не через уши, глаза или при помощи каких-либо других чувств, выработанных эволюционно для передачи данных по нервам. Строго говоря, она попадала в него даже не через осязание, хотя миллиарды-миллиарды булавочных уколов информации в золотой жидкости проходили через поры кожи, через каждую его клетку.

ДНК — теперь Харман это знал — предпочитает форму стандартной двойной спирали. Эволюция выбрала двойную спираль для хранения самых ценных своих сведений по многим причинам, но главным образом потому, что это самый удобный и эффективный путь энергообмена, поскольку энергия определяет соединения, вид, форму и функции таких огромных молекул, как белки, ДНК и РНК. Химические системы всегда стремятся к состоянию наименьшей свободной энергии,

а свободная энергия минимальна, если нити комплементарных нуклеотидов переплетаются, как двойная винтовая лестница.

Однако постлюди, преобразовавшие и «железо», и «программное обеспечение» генома Харамановой ветви людей старого образца, добрались и до значительной доли избыточной ДНК в их телах. Они заменили правозакрученную B-ДНК левозакрученными двойными спиралями Z-ДНК обычного размера, диаметром около двух нанометров. На этих Z-ДНК они возвели каркасы из более сложных молекул, таких как ДНК с двойным кроссовером, и стянули шнуры DX-ДНК в герметичные коробочки. В миллиардах и миллиардах таких коробочек в костях, мышечных волокнах, ткани кишечника, яичках, пальцах и волосяных фолликулах Хармана находились биологические макромолекулы, служащие еще более сложными кластерами наноэлектронной органической памяти.

Все тело Хармана — все его клетки — поглощали библиотеку Тадж-Мойры.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь

С чудесной маленькой луной.

Ему было больно. Ужасно больно. Захлебнувшийся золотой жидкостью, всплывший брюхом кверху, словно дохлый карп, он испытывал то, что бывает, когда отсидишь ногу, — тысячи уколов острыми раскаленными иглами. Но не в одной ноге или руке. Клетки в каждой части его тела, клетки на каждой поверхности снаружи и внутри, молекулы в каждом ядре и каждой клеточной оболочке колола информация, которая текла ДНК-каналами Янь-Шень-Юрке по всему коллективному организму, носящему имя Харман.

Боль превосходила всякое воображение. Харман разевал рот, чтобы закричать; однако воздуха не было ни в легких, ни снаружи, и голосовые связки просто вибрировали в золотой жидкости.

Металлические наночастицы, углеродные нанотрубки и более сложные наноэлектронные устройства, бывшие в его в теле и мозгу с рождения, чувствовали ток, поляризовались, вращались, перестраивались в трех измерениях и начинали передавать и накапливать информацию, каждый ДНК-мостик из триллионов, ждущих в его клетках, вращался, перестраивался, рекомбинировался и надежно записывал данные на основном ДНК-хребте.

Харман видел Мойру у самого стекла; ее темные глаза Сейви и лицо, искаженное хрусталем, выражали что-то — тревогу? Сожаление? Чистое любопытство?

Иная Англия была,
Еще неведомая мне, —
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Книги — осознавал Харман сквозь Ниагарский водопад боли — всего лишь элементы практически бесконечной информационной матрицы, существующей в четырех измерениях и эволюционирующей к идее концепции приблизительной тени Истины вертикально во времени и горизонтально посредством знания.

Еще ребенком в яслях Харман рисовал на редком пергаменте еще более редкими маркерами под названием «карандаши» множество точек, а потом часами соединял их между собой. Всякий раз оказывалось, что можно провести еще одну линию, соединить еще две точки, и раньше, чем он успевал закончить, кремовый пергамент покрывался густым слоем графита. В более поздние годы Харман задумывался: не пытался ли таким образом его детский ум осмыслить и выразить

собственное восприятие факс-порталов, в которых он бывал с тех пор, как научился ходить, и даже раньше, когда еще сидел на руках у матери. Триста известных узлов давали девять миллионов комбинаций.

Однако это соединение «точек» знания с макромолекулярными устройствами хранения было в тысячу раз сложнее и бесконечно мучительнее.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три – одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!
Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Теперь Харман знал, что Уильям Блейк зарабатывал на жизнь ремеслом гравера и не достиг на этом поприще ни славы, ни успеха. [*Все — контекст.*] Блейк умер жарким и душным воскресным вечером 12 августа 1827 года, и в день его кончины мало кто подозревал, что молчаливый, нередко вспыльчивый гравер был еще и поэтом, уважаемым среди более прославленных

современников, включая Сэмюэля Кольриджа. [*Для данных контекст — как вода для дельфина.*] [*Дельфины — разновидность водных животных, вымершая в начале двадцать второго века н. э.*] Уильям Блейк на полном серьезе считал себя пророком вроде Иезекииля или Исаии, хотя презирал мистицизм, оккультизм и популярное тогда богоискательство. [*Иезекииль Мао Кент — морской биолог, в чьем присутствии скончался от рака Альмореннан д'Азур, последний дельфин; это случилось в Бенгальском океанариуме жарким душным вечером 11 августа 2134 года н. э. Комитет видов НООН решил не восполнять потерю за счет сохраненных образцов ДНК, но позволил этим морским млекопитающим спокойно вымереть вслед за другими видами семейства дельфиновых и прочими крупными морскими китообразными.*]

Сами сведения, понял голый Харман, глядя из середины кристалла, терпимы; постоянная боль расширяющего нервные связи контекста — вот что его убьет.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья – к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.

Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим[57].

Харман достиг предела вместимости такой боли и сложности. Он пошевелил руками и ногами в густой золотой влаге и понял, что подвижности у него меньше, чем у эмбриона, что пальцы превратились в плавники, мышцы атрофировались, а подлинной средой и плацентарной жидкостью вселенной стала боль.

Я не tabula rasa! — хотел крикнуть он подонку Просперо и распоследней гадине по имени Мойра, зная, что непременно умрет.

Небо и Ад рождены в одно время, подумал Харман и тут же понял, что это мысль Уильяма Блейка, рожденная как протест против сведенборговской кальвинистской веры в предопределение:

Не отличаешь, будучи тупицей,
Людей от их одежды, Сатана!

---

[57] Примечания: 57

На вольной воле я блуждал… <…>…Я плачу, горестью томим. — У. Блейк. Хрустальный чертог. Перев. С. Маршака.

Хватит. Не надо! Пожалуйста, Господи…

Пускай в ряду божественных имен
Есть и твое – ты лишь небес изгнанник,
Сын утра на ущербе ночи, – сон,
Что видит под холмом уснувший странник[58].

Харман кричал, хотя в легких не было воздуха, чтобы зародиться крику, и в горле, чтобы выпустить крик наружу, и в резервуаре, чтобы передать этот крик. [*Устройство, одно из шести триллионов, состоит из четырех двойных спиралей, соединенных посередине двумя непарными молекулярными цепочками ДНК. Область кроссовера может принимать два положения: вселенная часто предпочитает бинарные формы. При вращении двух спиралей на пол-оборота с одной стороны центрального моста возникает так называемое паранемическое кроссоверное состояние.*] Проделайте это три миллиарда раз в секунду — и вы получите самую совершенную пытку, какую не сумели бы вообразить самые

[58] Примечания: 58

Не отличаешь, будучи тупицей… <…> …что видит под холмом уснувший странник. –У. Блейк. Врата рая. Эпилог «К обличителю, что является богом мира сего». Перев. В. Потаповой.

фанатичные изобретатели самых изощренных дыб, крючьев и клещей инквизиции.

Харман попытался закричать снова.

С начала передачи прошло пятнадцать секунд.

Оставалось еще пятьдесят девять минут и сорок пять секунд.

63

Меня зовут Томас Хокенберри. Я доктор классической филологии, специалист по гомеровской «Илиаде».

Примерно тридцать лет я был преподавателем, из них последние пятнадцать — в Блумингтонском университете, штат Индиана. Потом умер. Очнулся — или был воссоздан — на Олимпе, как называли это место существа, выдающие себя за богов, хотя позже я узнал, что это огромный щитовой вулкан Олимп на Марсе. Эти существа, эти боги, либо *их* высшие существа — личности, о которых я слышал, но практически ничего не знаю; одна зовется Просперо, как в шекспировской «Буре», — воссоздали меня для роли схолиаста, наблюдателя за ходом Троянской войны. Десять лет я докладывал одной из муз, записывал ежедневные отчеты на запоминающий кристалл, хотя даже боги здесь безграмотны. Этот рассказ

я диктую на маленький транзисторный магнитофон, который украл на моравекском судне «Королева Маб».

В прошлом году, всего девять месяцев назад, все рухнуло к чертям собачьим, и Троянская война, как она описана Гомером, пошла под откос. Дальше были неразбериха, союз между Ахиллесом и Гектором (и таким образом между греками и троянцами), война против богов, новая сумятица, предательства, закрытие последней бран-дыры между древним Илионом и нынешним Марсом и бегство моравеков с Земли Илиона. Без Ахиллеса — он остался по другую сторону Браны на далеком теперь Марсе будущего — Троянская война возобновилась, Зевс исчез, и в его отсутствие боги спустились повоевать на стороне своих любимцев. Какое-то время казалось, что войска Агамемнона и Менелая вот-вот возьмут город. Диомед его почти что захватил. Тут Гектор нарушил свое уединение — занятно, до чего эта часть нынешней истории похожа на то, как Ахиллес затворился в шатре в настоящей «Илиаде», — и быстро сразил почти неуязвимого Диомеда.

На следующий день, как мне рассказали, Гектор одолел Аякса — Большого Аякса, Великого Аякса, предводителя саламитов. Аякс, по словам Елены,

молил о пощаде, но Гектор без жалости его зарубил. Менелай — бывший муж Елены, обиженная сторона, начавшая эту проклятую войну, — был в тот же день убит стрелой в голову.

Затем, как мне сотни раз доводилось видеть за десять лет наблюдений, инициативу перехватила противная сторона. Афина и Гера повели ахейцев в контрнаступление, Посейдон с ревом крушил городские здания, и Гектор со своими людьми вновь отступил за стены Трои. Мне рассказывали, что при этом он вынес на плечах своего тяжелораненого брата, отважного Деифоба.

Однако два дня назад, когда Троя вновь должна была вот-вот пасть — на сей раз под общим натиском взбешенных ахейцев и самых могущественных, самых беспощадных олимпийцев — Афины, Геры, Посейдона и всей их братии, — вернулся Зевс.

Елена рассказала мне, что Зевс поразил Геру молнией, сбросил Посейдона в адскую бездну Тартара, а прочим бессмертным велел немедленно возвращаться на Олимп, и некогда страшные боги — многие десятки богов на золотых колесницах и в золотой броне — послушно телепортировались на Олимп, как нашкодившие детишки в ожидании отцовской трепки.

Теперь плохо пришлось грекам. Зевс, чья голова, по словам Елены, вздымалась выше кучевых облаков, убил тысячи аргивян, загнал остальных назад к черным судам, а сами корабли сжег молниями. Затем он вызвал исполинскую волну, которая смыла обугленные обломки. После этого Зевс пропал и более не появлялся.

Две недели спустя, когда обе стороны сожгли на кострах тысячи павших героев и соблюли девятидневный погребальный ритуал, Гектор возглавил успешное контрнаступление и отбросил греков еще дальше. Из примерно ста тысяч аргивян уцелела примерно треть; многие, в том числе царь Агамемнон, страдают от ран и отчаяния. Морской путь к отступлению отрезан — флот уничтожен, а лесорубам не добраться до склонов Иды, чтобы сладить новые корабли, но данайцы сделали все, что могли: выкопали глубокие рвы, утыкали их кольями, соединили оборонительные линии траншеями, возвели песочные бермы, поставили лучников и копейщиков щит к щиту по убывающему полукругу смерти. Это последний бой ахейцев.

Нынче третье утро моего пребывания здесь. Я в греческом лагере, внутри обнесенной рвами и стенами дуги чуть меньше мили в поперечнике

вокруг тридцати тысяч несчастных ахейцев, прижатых к морю и догорающим остовам кораблей.

У Гектора все преимущества. Людей у него в четыре раза больше, их боевой дух высок, они гораздо лучше питаются: греки уже голодают, а ветер доносит до них запах жареного мяса из троянского лагеря. Елена и Приам были уверены, что греков перебьют за два дня, однако отчаяние делает человека храбрым, и греки дерутся, как загнанные в угол крысы. Их преимущества — короткая линия обороны и надежные укрепления. Впрочем, это ненадолго. Еда на исходе, запасы воды своевременно не пополняются, поскольку троянцы запрудили реку в миле от побережья, и в антисанитарных условиях перенаселенного лагеря начался тиф.

Агамемнон не сражается. Сын Атрея, царь Микен и вождь этого некогда великого экспедиционного корпуса прячется в шатре. Елена сказала мне, что Агамемнона ранили во время отступления, но, как я слышал от полководцев и охраны, у него всего лишь сломана левая рука, ничего серьезного. Видимо, сильнее всего пострадал его боевой дух. Великий царь — заклятый враг Ахиллеса — не сумел отбить тело погибшего брата. Диомеда, Большого Аякса и прочих павших

героев предали сожжению со всеми подобающими почестями, а тело Менелая видели последний раз, когда Гектор тащил его за своей колесницей под ликующие крики со стен Илиона. Это унижение сломило Агамемнона. Вместо того чтобы в ярости броситься на врага, он впал в уныние.

С другой стороны, греки не нуждаются в его указаниях, чтобы драться за свою жизнь. Командный состав понес существенный урон — Большой Аякс, Диомед и Менелай убиты, Одиссей и Ахиллес исчезли по ту сторону сомкнувшейся Браны, — так что последние два дня оборону возглавляет словоохотливый Нестор. Некогда уважаемый всеми воин вернул себе прежний почет — хотя бы в тающих рядах соотечественников. На своей запряженной четверкой колеснице он появлялся там, где греки готовы были отступить, побуждал восстанавливать порушенный частокол, укреплять внутренние окопы песочными бермами, по ночам отправлял мужчин и юношей воровать у троянцев воду, а главное — постоянно всех ободрял. Сыновья Нестора, Фразимед и Антилох, не слишком отличившиеся в первые десять лет войны и за короткий период сражений с богами, последние два дня сражаются как львы. Только вчера Фразимед был ранен дважды — один раз

копьем и один раз стрелой в плечо, — но отразил со своими пилийцами вражеское наступление, грозившее разрезать полукруг еще на две части.

На востоке поднимается солнце третьего утра — вероятно, последнего, поскольку троянцы всю ночь совершали какие-то перемещения, подтягивали еще войска и колесницы, собирали приспособления для преодоления траншей, и прямо сейчас их относительно свежие силы подступают к оборонительному периметру.

Я принес магнитофон в стан Агамемнона, потому что Нестор собрал уцелевших полководцев на важный совет — по крайней мере, тех, кого смог отозвать с боевых позиций. Усталые, грязные герои как будто не замечают моего присутствия — или, скорее,*мирятся* с ним, поскольку за время восьмимесячной войны с богами часто видели меня в обществе Ахиллеса. А магнитофончик у меня в руке и вовсе никого не интересует.

Не знаю, для кого я наблюдаю и записываю это все. Не являться же с отчетом на Олимп, к одной из муз, которая хочет меня убить. Думаю, я — последний, кого там встретят с распростертыми объятиями. Поэтому я буду делать эти наблюдения и записи как ученый, которым когда-то был, а не как раб-схолиаст, в которого меня обратили.

И пусть я больше не ученый, я могу послужить военным корреспондентом в эти последние часы героической эпохи.

Нестор. Какие вести? Устоят ли сегодня ваши люди?

Идоменей*(командующий критским контингентом. Последний раз, когда я его видел, он поразил ударом копья амазонку Бремусу. Мгновения спустя Брана захлопнулась. Идоменей покинул Ахиллеса одним из последних).* У меня вести худые, о благородный Нестор. На место каждого троянца, убитого нами в прошлые два дня, сегодня встали трое. У них готовы орудия, чтобы засыпать наши рвы, и копья для наступления. Лучники продолжают прибывать. Нынче решится наша судьба.

Малый Аякс*(впервые вижу вождя локров столь хмурым и злым. Эанты — Аяксы — при всем своем различии были близки, как братья. Складки на его лице покрыты грязью и кровью, отчего оно напоминает маску театра кабуки).* Нестор, сын Нелея, герой наших черных дней! Мои славные локры сдерживали врага почти всю ночь, ибо воины Деифоба атаковали на северном фланге. Мы сражались, покуда прибой не заалел от крови. Наш отрезок рва заполняется троянскими и

нашими мертвецами, так что скоро враг сможет пройти по телам. Каждый третий из моих воинов погиб. Гектор прислал новые войска на замену своим убитым.

Нестор. Подалирий, как оставшийся сын Атрея?

Подалирий*(сын Асклепия, один из последних уцелевших врачей в данайском стане. Кроме того, он вместе со своим братом по имени Махаон командует племенем фессалийцев из Трикки).* Благородный Нестор, рука Агамемнона перевязана, он не пьет лекарственных трав от боли и по-прежнему крепок и силой, и разумом.

Нестор. Почему же он не вышел из шатра? Его войско — самое большое в нашей армии, но его люди укрылись в середине лагеря, подобно трепетным девам! Сердца их сокрушены без могучего вождя.

Подалирий. А сердце вождя сокрушила гибель брата Менелая.

Тевкр*(превосходный лучник, побочный брат и близкий друг убитого Большого Аякса).* Выходит, Ахиллес был прав десять месяцев назад, когда сказал Агамемнону, что у того сердце оленя. *(Плюет на песок.)*

Эвмел*(сын Адмета и Алкесты, предводитель*

фессалийцев. Отсутствующие Ахиллес с Одиссеем нередко величали его «владыкой мужей»). И где он, твой обличитель Ахиллес? Не он ли малодушно рассудил остаться лучше у подножий Олимпа, нежели встретить гибель бок о бок с товарищами? Вот уж у кого воистину и сердце, и быстрые ноги оленя.

Менесфей*(огромный и могучий предводитель мирмидонцев, бывший приближенный Ахиллеса).* Я убью всякого, кто скажет так про Пелида. Он не бросил бы нас по своей воле. Мы слышали, как богиня Афина сказала, что Ахиллеса зачаровало заклятие Афродиты.

Эвмел. Амазонская девка его зачаровала.

(Менесфей шагает к нему и тянет из ножен меч.)

Нестор*(становясь между ними).* Довольно! Или троянцы недостаточно быстро нас истребляют, чтобы нам нужно было самим затевать распри? Эвмел, назад! Менесфей, меч в ножны!

Подалирий*(говорит уже как последний ахейский целитель, а не как личный врач Агамемнона).* Нас истребляет болезнь. Еще двести умерших. Особенно много жертв среди эпейцев, защищающих южный берег реки.

Поликсен*(сын Агасфена, один из вождей эпей-*

цев). Это верно, владыка Нестор. Мы потеряли по меньшей мере двести человек, и еще тысяча не может сражаться из-за болезни.

Дрес*(эпеец, только что возведенный в ранг командира)*. Нынче утром половина моих людей не отозвались на перекличке, владыка Нестор.

Подалирий. И болезнь распространяется.

Амфий*(еще один новый командир эпейцев)*. Сребролукий Феб-Аполлон убивает нас, как десять месяцев назад, когда погребальные костры пылали в нашем стане каждую ночь. Это и привело к раздору между Ахиллесом и Агамемноном и стало источником всех наших бед.

Подалирий. В жопу Феба-Аполлона с его серебряным луком! Боги, включая Зевса, наслали на нас эти беды, а сами исчезли, и вернутся ли — ведомо им одним. Мне, впрочем, все равно. Смерти и болезнь — не от стрел Аполлона. Думаю, причина в грязной воде. Мы пьем свою мочу и сидим на собственном кале. Отец мой Асклепий создал теорию о зарождении болезней в загрязненной воде и…

Нестор. Глубокомудрый Подалирий, мы охотно выслушаем теорию твоего отца в другой раз. Сейчас я хочу знать, сможем ли мы отражать противника до наступления ночи и что посоветуют

военачальники, если, конечно, у них найдется совет.

Эхепол*(сын Анхиза)*. Надо сдаваться.

Фразимед*(сын Нестора, столь героически сражавшийся накануне. Раны его перевязаны, однако он явно страдает от них сильнее, чем вчера, в пылу схватки)*. Сдаваться! Кто из нас, аргивян, так напуган, что предложил сдаться? Сдайся мне, Анхизид, я избавлю тебя от мучений быстрее троянцев.

Эхепол. Гектор честен. Приам был честен и, возможно, таким остался. Я был с Одиссеем в Трое, когда итакиец убеждал Приама вернуть Елену без войны. Приам и Гектор показали себя людьми разумными и порядочными. Гектор примет нашу капитуляцию.

Фразимед. Дурак! Это было одиннадцать лет назад, и с тех пор сотни тысяч душ сошли в мрачный Аид. Ты видел вчера милосердие Гектора, когда Большой Аякс молил о пощаде, заливаясь слезами и соплями. Гектор разрубил ему хребет и вырезал сердце. Его люди вряд ли будут к тебе так милосердны.

Нестор. Я знаю, идут разговоры о том, чтобы сдаться. Но Фразимед прав: слишком много крови пролито на троянской земле, чтобы теперь наде-

яться на жалость недругов. Разве мы пощадили бы жителей Илиона, если бы взяли город три недели назад — или десять лет назад? Как вы все знаете, мы убили бы всех мужчин, способных держать меч или лук, зарезали бы старых за то, что породили на свет наших врагов, изнасиловали бы женщин, а оставшихся женщин и детей угнали бы в рабство, сожгли бы город и храмы. Однако боги… или Судьбы… или кто там решает исход войны… отвернулись от нас. Мы не можем ждать от троянцев, переживших десять лет осады, большей милости, чем оказали бы им сами. Нет, если услышите такие разговоры и ропот, объясняйте, что сдаться — безумие. Лучше умереть стоя, чем на коленях.

Идоменей. По мне, так еще лучше вовсе не умирать. Есть предложения, как нам спастись?

Аластор*(вождь Тевкра)*. Корабли сожжены. Еда кончается, но жажда убьет нас прежде голода. Каждый час люди умирают от болезни.

Менесфей. Мои мирмидонцы хотят пробиться через троянские ряды и уходить на юг, к Иде, в леса.

Нестор*(кивая)*. Доблестный Менесфей, не только они думают о прорыве и бегстве. Но мирмидонцам не сделать этого в одиночку, как и

любому нашему племени. Троянские линии протянулись на мили, а дальше стоят их союзники. Они ждут нашего прорыва. Возможно, гадают, отчего мы медлим. Ты знаешь железные законы схватки на мечах и копьях, Менесфей, как знают все ахейцы и мирмидонцы: на одного убитого в битве щитом к щиту приходится сто истребленных при бегстве. У нас не осталось ни одной исправной колесницы, у Гектора их сотни. Нас загонят и перережут, как овец, раньше, чем мы пересечем сухое русло Скамандра.

Дрес. Так мы останемся? И погибнем сегодня или завтра на берегу, рядом с обгорелыми остовами наших великих черных кораблей?

Антилох*(другой сын Нестора)*. Капитуляция исключена для каждого, кто не трус, а эту позицию мы не удержим. Мое слово: прорываться всем вместе. Нас тридцать тысяч, более двадцати тысяч еще в силах бежать и сражаться. Да, четверо из пяти полягут, как зарезанные овцы, прежде чем мы достигнем лесов у подножия Иды, но и тогда четыре-пять тысяч уцелеют. И пусть половину из них загонят троянцы, как царская охота травит по лесам оленей, половина оставшихся может еще найти дорогу из этой проклятой земли и приплыть по винноцветному морю домой.

Меня такие шансы устраивают.

Фразимед. И меня.

Тевкр. Любой шанс лучше, чем точно сдохнуть на этом гребаном берегу, где нечего жрать, кроме говна.

Нестор. Ты голосуешь за то, чтобы прорываться, сын Теламона?

Тевкр. Да, Нестор, едрить меня в качель!

Нестор. Благородный Эпей, что думаешь ты? Совет еще не слышал твоих речей.

Эпей*(переминается и сконфуженно смотрит под ноги. Среди аргивян это первый кулачный борец, его лицо и бритая голова несут следы многих боев: измочаленные уши, приплюснутый нос, сплошные шрамы на щеках, переносице и даже на затылке. Забавно, как моя давняя выходка повлияла и на его судьбу. Так и не стяжав себе славы на поле сечи, Эпей должен был победить в кулачном бою на погребальных играх в честь Патрокла, устроенных исчезнувшим ныне Ахиллесом, и стать главным строителем деревянного коня, придуманного хитроумным Одиссеем. Это если бы около года назад я не спутал все карты. А теперь получилось, что Эпей в совете военачальников только потому, что все выше его рангом, от Менелая и дальше, убиты).* Владыка Нестор,

когда противник уверен в победе, когда надвигается на тебя с убеждением, что тебе конец, самое время ему врезать. В данном случае — врезать как следует, вырубить его и драпать со всех ног. Я был на играх, когда один борец так и поступил.

(Слышен общий смех.)

Эпей. Но действовать нужно ночью.

Нестор. Согласен. Троянцы зорки, а их колесницы быстры, так что при свете дня у нас надежды нет.

Мерион*(сын Мола, товарищ Идоменея, второй полководец критян)*. При свете луны у нас тоже надежды мало, а она сейчас в третьей четверти.

Лаерк*(мирмидонец, сын Гемана)*. Но зимой солнце садится рано, а луна на этой неделе встает поздно. У нас будет почти три часа от наступления темноты до восхода луны.

Нестор. Вопрос в том, продержимся ли мы до темноты и останутся ли у наших людей силы сражаться, — нам нужно будет собрать все силы, чтобы пробить троянские ряды и пробежать больше двадцати миль до лесов Иды.

Идоменей. Им хватит сил сражаться днем, если у них будет надежда уцелеть ночью. Предлагаю ударить в середину троянских линий, туда, где сам Гектор: для сегодняшнего боя он сосредото-

чил основные войска на флангах. Я за то, чтобы прорываться сегодня.

Нестор. Что скажут остальные? Я должен выслушать каждого. Прорвутся либо все, либо никто.

Подалирий. Нам придется бросить больных и раненых, а их к ночи будут тысячи. Троянцы добьют их, если не придумают чего похуже от злости, что мы ушли.

Нестор. Да. Таковы превратности войны. Я должен услышать ваши голоса, благородные предводители данайцев.

Фразимед. Да. Прорываемся нынче ночью. И да помилуют боги тех, кто останется и попадет в плен.

Тевкр. В жопу богов. Я говорю «да». Если нам судьба умереть на этом сраном берегу, бросим Судьбам вызов. Выступаем сегодня, как только стемнеет.

Поликсен. Да.

Аластор. Да. Сегодня.

Малый Аякс. Да.

Эвмел. Да. Все или ничего.

Менесфей. Будь тут мой повелитель Ахиллес, он бы устремился на Гектора. Может, нам повезет убить сукина сына, когда будем прорываться.

Нестор. Еще один голос за прорыв. А ты, Эхе-

пол?

Эхепол. Думаю, мы все погибнем, если останемся здесь и будем обороняться еще день. Думаю, мы все погибнем, если попытаемся уйти. Я за то, чтобы остаться с ранеными и сдаться на милость Гектора в надежде, что в нем сохранились остатки благородства и чести. Однако я скажу своим людям. Пусть каждый решает за себя.

Нестор. Нет, Эхепол. Большинство пойдет за вождем. Ты можешь остаться здесь и сдаться, но я отстраняю тебя от командования и ставлю на твое место Амфия. Можешь идти прямиком в шатер, где ждут раненые, однако ни с кем не говори. Твоя дружина невелика и стоит слева от войска Амфия, так что мы можем их объединить, не перестраивая рядов. Я обещаю Амфию повышение, если он с нами.

Амфий. Я с вами.

Дрес. Голосую за своих эпейцев: мы будем драться и умрем сегодня либо будем драться и спасемся. Я хочу снова увидеть дом и родных.

Эвмел. Люди Агамемнона сказали, а моравеки подтвердили, что наши города и дома опустели, царства обезлюдели, наши родные похищены Зевсом.

Дрес. В жопу Агамемнона, в жопу моравеков и

в жопу Зевса. Я собираюсь домой, узнать, ждут ли меня родные. Верю, что ждут.

Полипет*(другой сын Агасфена, сопредводитель лапифов из Агриссы).* Мои люди будут сегодня держать оборону и первые ночью пойдут в бой, клянусь всеми богами.

Тевкр. Не мог бы ты поклясться чем-нибудь более постоянным? Своими потрохами, например?

(Общий смех.)

Нестор. Итак, все согласились, и я тоже согласен. Сегодня приложим все силы, чтобы устоять под натиском аргивян. Для этой цели, Подалирий, проследи, чтобы утром подали всю еду, кроме той, что ночью каждый сможет унести на себе. И удвой утреннюю выдачу воды. Обыщите личные запасы Агамемнона и покойного Менелая, заберите все съедобное. Ободрите своих людей перед утренним боем, пусть знают, что надо продержаться день, не рискуя понапрасну жизнью, кроме как для спасения товарищей, а с темнотой мы пойдем в наступление. Некоторые из нас доберутся до леса и, если Судьбам будет угодно, вернутся на родину, к семьям. А если нет, наши имена золотом впишут в историю славы, которая вовеки не увянет. Внуки внуков наших детей будут посещать наши курганы в этой проклятой

земле и говорить: «Да, были тогда мужи…» Итак, велите всем плотно позавтракать, ибо бóльшая часть из нас будет ужинать в чертогах Аида[59]. Ночью, когда стемнеет, но до того, как взойдет луна, я поручу нашему любимому борцу Эпею проехать вдоль аргивских рядов, крича *«Anete!»*, как перед началом колесничных состязаний и бега во время игр. И мы устремимся к свободе!

(На этом бы совету и завершиться — воодушевляющий конец, надо сказать, ибо Нестор — прирожденный вождь и знает, как зажечь собрание (не сравнить с моим завкафедрой в Индианском университете), — но, как всегда, кто-нибудь нарушает идеальный ритм идеального сценария. В данном случае это Тевкр.)

Тевкр. Эпей, благородный борец, ты не досказал нам свою историю. Что было дальше с олимпийским борцом, который оглушил противника и сбежал?

Эпей*(все знают, он более честен, нежели умен)*. Ах с этим. Олимпийские жрецы нашли его в лесу и убили как собаку.

Ахейские полководцы разошлись к своим вой-

---

[59] Примечания: 59

Итак, велите всем плотно позавтракать, ибо бóльшая часть из нас будет ужинать в чертогах Аида. — Измененная цитата из речи царя Леонида перед битвой при Фермопилах.

скам, Нестор ушел вместе с сыновьями. Целитель Подалирий собрал отряд и пошел грабить шатер Агамемнона на предмет вина и еды, а я остался на берегу в одиночестве — насколько это возможно среди тридцати тысяч немытых мужчин, пропахших потом и страхом.

Я трогаю квит-медальон под туникой. Нестор не предложил мне проголосовать. За все время обсуждений никто из героев даже и не взглянул в мою сторону. Они знают, что я не сражаюсь, и не осуждают меня. Так же эти древние греки относятся к тем, кто любит рядиться в женское платье и белить лицо — в глазах большинства это не позор, но таких людей попросту не замечают. Я для них урод, изгой, не совсем мужчина.

Я знаю, что не стану вместе с ними ждать горькой развязки. Вряд ли я буду здесь во время сегодняшнего боя, поскольку через полчаса воздух потемнеет от стрел. У меня больше нет морфобраслета и непробиваемых лат, я даже не снял металлические или кожаные доспехи с какого-нибудь трупа, которых вокруг полно. Если я останусь, то вряд ли доживу до вечера. Последние два дня я трусливо прятался в самом тылу, за палатками, где умирают раненые. И даже если я не погибну днем, мои шансы пережить ночное

нападение на троянцев равны нулю.

Да и зачем? У меня на шее устройство для квантовой телепортации! Я могу через две секунды быть в покоях Елены, а через пять минут нежиться в теплой ванне.

Отчего я медлю?

Но я еще не готов квитироваться прочь. Я больше не схолиаст, да и ученому делать здесь уже нечего, но я чувствую себя военным корреспондентом, который, возможно, не сможет написать о своих наблюдениях. Я не хочу пропустить этот последний славный день уходящей славной эпохи.

Пожалуй, подожду немного.

Трубят рога. Никто не успел вкусить обещанного сытного завтрака. Троянцы наступают по всему фронту.

64

Одно дело знать, что все в мире — в истории, науке, поэзии, живописи, музыке, — каждый человек, вещь, идея связаны между собой. Испытать эту связь, пусть даже не в полной мере, — совсем другое.

Девять суток Харман почти не приходил в себя. Рассудок его прояснялся лишь на короткое время,

и тогда Харман кричал от боли, которую не могли вместить его череп и мозг. Он блевал и снова терял сознание.

На девятый день он очнулся. Боль накатила снова — раньше он и не знал, что бывает такая головная боль, — однако худшая часть девятисуточного кошмара наяву осталась позади. Тошнота прошла, желудок был совершенно пуст. Позже Харман обнаружит, что похудел больше чем на двадцать пять фунтов. Сейчас он понимал только, что лежит голый в спальне на втором этаже кабины эйфельбана.

«Кабины, оформленной преимущественно в стиле модерн», — подумал он, вставая и надевая шелковый халат, оставленный на подлокотнике пухлого ампирного кресла. В уме шевельнулся ленивый вопрос: разводит ли еще кто-нибудь тутовых шелкопрядов? Занимались ли этим сервиторы в долгие столетия человеческого бездействия? Или их искусственно создали в промышленных резервуарах, так же как постлюди создали — вернее, воссоздавали — поголовье наноизмененного человечества? Головная боль мешала думать.

Харман задержался на антресоли, закрыл глаза и сосредоточился. Ничего не вышло. Тогда он

попытался еще раз. Ничего.

Слегка пошатываясь от головокружения, он по кованой лестнице спустился на первый этаж и рухнул на единственный стул возле застеленного белой скатертью стола у окна.

Харман не произнес ни слова, пока Мойра ставила перед ним хрустальный бокал с апельсиновым соком, кофе в белом сосуде, яйцо пашот и ломтик лососины. Мойра налила ему кофе в чашку. Харман чуть наклонился, чтобы пар коснулся лица.

— Часто здесь бываете? — спросила Мойра.

Вошел Просперо и остановился в болезненно-ярком утреннем свете из стеклянных дверей.

— А, Харман… Или нам теперь называть тебя Ньюмен, Новый Человек? Рад тебя видеть проснувшимся и ходячим.

— Заткнись, — процедил Харман и, не притронувшись к еде, медленно отхлебнул кофе.

Теперь он знал, что Просперо — голограмма, но физическая; логосферная аватара каждую микросекунду формирует себя из материи, посылаемой с орбиты масс-факс-аккумулятором. Еще он знал, что нападать на мага бесполезно, поскольку материя превратится в неосязаемую проекцию быстрее, нежели сработает человече-

ский рефлекс.

— Вы знали, что мои шансы выжить в хрустальном чертоге примерно один из ста, — сказал Харман, не глядя на Просперо: свет был слишком резкий.

— Думаю, повыше, — ответил маг и великодушно задернул тяжелые шторы.

Мойра придвинула стул и села рядом с Харманом. Она сменила блузку на красную, но в остальном на ней был все тот же наряд путешественницы, что в Тадже.

Харман смотрел на нее в упор:

— Ты знала молодую Сейви. Ты была на вечеринке перед финальным факсом на крыше затопленного Эмпайр-стейт-билдинга в Нью-Йоркском архипелаге и сказала друзьям Сейви, что не видела ее, хотя на самом деле навестила Сейви в Антарктике двумя днями раньше.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Мойра.

— Петра, подруга Сейви, написала небольшое эссе о том, как они — главным образом она и ее любовник Пинхас — пытались найти Сейви. Эссе напечатали и переплели перед самым финальным факсом. Каким-то образом книга попала в библиотеку твоего приятеля Фердинанда Марка Алонсо.

— Но откуда Петра могла знать, что я побывала у Сейви перед нью-йоркской вечеринкой?

— Полагаю, они с Пинхасом нашли какие-то записи в ее жилище на горе Эребус, — ответил Харман.

Кофе не помог избавиться от пульсирующей мигрени, но, по крайней мере, Хармана не стошнило.

— Так ты теперь знаешь все про все? — спросила Мойра.

Харман рассмеялся, но тут же об этом пожалел. Он поставил чашку и взялся за правый висок.

— Нет, — сказал он наконец. — Я узнал ровно столько, чтобы понять, как мало знаю. К тому же в мире осталась сорок одна библиотека, в хрустальные чертоги которых я еще не погружался.

— Вот это тебя точно убьет, — изрек Просперо.

Сейчас Харман был бы не против, если бы его убили. От головной боли вокруг всего, на что он смотрел, возникал пульсирующий ореол. Харман отпил из чашки, надеясь, что тошнота не вернется. Кабина, поскрипывая, ехала вперед, хотя он знал теперь, что ее скорость больше двухсот миль в час. Ее покачивание туда-сюда не способствовало борьбе с тошнотой.

— Хотите, расскажу вам об Александре Гюста-

ве Эйфеле? Он родился в Дижоне пятнадцатого декабря тысяча восемьсот тридцать второго года нашей эры. В тысяча восемьсот пятьдесят пятом окончил Центральную школу искусств и ремесел в Париже. Прежде чем предложить идею башни для Всемирной выставки тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, он уже спроектировал купол обсерватории в Ницце и каркас для статуи Свободы в Нью-Йорке. Потом он…

— Прекрати! — рявкнула Мойра. — Никто не любит выпендрежников.

— Где мы? — Харман с усилием поднялся на ноги и раздвинул шторы.

Кабина проплывала в семистах футах над красивой лесистой долиной. Внизу змеилась река. Вдали, у линии горного хребта, темнели едва заметные развалины старинной крепости.

— Только что миновали Кагор, — сказал Просперо. — На следующей станции повернем на юг, в сторону Лурда.

Харман потер глаза, но все-таки распахнул стеклянную дверь и шагнул наружу. Силовое поле не позволило ураганному ветру сдуть его с балкона.

— В чем дело? — спросил он в открытую дверь. — Вы не хотите заскочить на север, к своему дру-

гу, в собор из голубого льда?

Мойра изумленно подняла брови:

— Откуда ты можешь это знать? В Тадже нет книги…

— Да, — согласился Харман. — Но мой друг Даэман видел начало всего этого — явление Сетебоса. Из книг я узнал, что именно сделает Многорукий в Парижском Кратере. Так он по-прежнему здесь? На Земле, я имею в виду?

— Да, — ответил Просперо. — И он нам не друг.

Харман пожал плечами:

— Изначально его притащили сюда именно вы. И других тоже.

— Мы не хотели, — сказала Мойра.

Харман не выдержал и рассмеялся, несмотря на боль:

— Они находят дверь между измерениями, ведущую во тьму, оставляют ее открытой, а когда оттуда появляется нечто по-настоящему гнусное, говорят: «Мы не хотели!»

— Ты многому научился, — заметил Просперо, — но по-прежнему далеко не все понимаешь…

— Да-да, конечно, — перебил его Харман. — Я бы слушал тебя гораздо внимательнее, Просперо, если б не знал, что ты один из прошедших в ту же дверь. Постлюди тысячу лет пытались войти в

контакт с Иными — меняли в процессе квантовые установки всей Солнечной системы, а получили многорукий мозг и кибервируса-пенсионера из шекспировской пьесы.

Старый маг улыбнулся. Мойра раздраженно тряхнула головой, налила себе кофе и выпила, не проронив ни слова.

— Даже если бы мы хотели к Сетебосу, — сказал Просперо, — это невыполнимо. В Парижском Кратере нет башни. И не было со времен вируса рубикона.

— Да. — Харман вернулся в комнату, взял со стола чашку и стоя допил кофе. — Почему я не могу свободно факсировать?

— Что? — переспросила Мойра.

— Почему я не могу свободно факсировать? Я знаю, как вызвать функцию без воображаемых фигур в качестве учебного подспорья, но, когда я проснулся, у меня ничего не получилось. Я хочу перенестись в Ардис.

— Сетебос отключил факс-систему планеты, — ответил Просперо. — Это относится и к павильонам, и к свободному перемещению.

Харман кивнул, задумчиво потер подбородок и щеки. Ладонь оцарапала полуторанедельная поросль, почти настоящая борода.

— Стало быть, вы двое и, вероятно, Ариэль по-прежнему можете квант-телепортироваться, а я застрял в этой идиотской кабине до самой Атлантической Бреши? Вы правда ждете, что я доберусь пешком по дну океана до Северной Америки? Ада умрет от старости, прежде чем я попаду в Ардис.

— Нанотехнологии, наделившие вашу расу функциями, — грустно проговорил Просперо, — не предусматривают возможность квантовой телепортации.

— Но ты-то можешь квитировать меня домой, — сказал Харман, возвышаясь над сидящим на тахте стариком. — Коснись меня и квитируйся. Это так просто.

— Нет, не так просто, — ответил Просперо. — И ты уже достаточно грамотен, чтобы понимать: ни Мойра, ни я не поддадимся твоим угрозам или запугиванию.

Харман сверился с орбитальными часами сразу, как очнулся, и знал теперь, что пробыл без сознания почти девять суток. Ему хотелось крушить кулаком чашки, кофейник и стол.

— Мы на одиннадцатом маршруте эйфельбана, — сказал он. — Значит, от Эвереста мы ехали по Ха-Силь-Шаньской ветке мимо Пузыря Тарим-Пенди. Там я нашел бы соньеры, оружие,

вездеходы, левитационную сбрую, непробиваемые латы — все, что нужно Аде и ее людям.

— Мы… сделали крюк, — ответил Просперо. — Тебе было бы небезопасно выходить из башни, чтобы исследовать Пузырь Тарим-Пенди.

— Небезопасно! — фыркнул Харман. — Мы должны жить в безопасном мире, а, маг и Мойра?

— До хрустального чертога ты был взрослее, — презрительно бросила Мойра.

Харман не стал спорить. Он поставил чашку, уперся руками в стол, пристально посмотрел Мойре в глаза и сказал:

— Я знаю, что Глобальный Халифат отправил войниксов в будущее убивать евреев. Но почему вы, постлюди, сохранили девять тысяч сто четырнадцать евреев и направили их в космос в виде луча? Почему не взяли с собой на кольца или в безопасное место? Я имею в виду, вы уже нашли Марс другого измерения и терраформировали его. Зачем вы превратили этих людей в нейтрино?

— Девять тысяч сто*тринадцать*, — поправила Мойра. — Сейви осталась.

Харман ждал ответа на свой вопрос.

Мойра поставила кофе. Когда она злилась, у нее, как и у Сейви, гнев полыхал в глазах.

— Мы сказали людям Сейви, что заключим их в нейтринную петлю на несколько тысяч лет, пока не приберемся на планете, — тихо произнесла она. — Люди решили, что речь идет о РНК-конструктах, оставшихся от эры Деменции, — динозаврах, Ужасных птицах и первобытных саговниковых лесах, — но мы имели в виду и прочие мелочи, вроде войниксов, Сетебоса, ведьмы в орбитальном городе…

— Но вы не убрали войниксов, — перебил Харман. — Они были активированы и возвели свой Третий Храм на Мечети Купола…

— Мы не смогли их истребить, — ответила Мойра, — зато поменяли им программу. Войниксы служили вам четырнадцать веков.

— Пока не стали нас убивать. — Харман перевел взгляд на Просперо. — И все началось после того, как ты подучил меня и Даэмана разрушить орбитальный город, где вы с Калибаном были… заточены. Ради чего, Просперо? Чтобы вернуть себе еще одну голограмму?

— Скорее, эквивалент лобной доли мозга, — проговорил старец. — И потом, войниксы начали бы резню, даже если бы вы не уничтожили контролирующие элементы в моем городе на э-кольце.

— Почему?

— Сетебос, — сказал Просперо. — Истек полуторатысячелетний срок его заточения на иных Землях и терраформированном Марсе. Когда Многорукий открыл первую бран-дыру и почуял здешний воздух, войниксы вернулись к исходной программе.

— Заложенной три тысячи лет назад, — сказал Харман. — Люди старого образца, к которым я принадлежу, не происходят от евреев, как народ Сейви.

Маг пожал плечами:

— Войниксы этого не знают. Во времена Сейви все люди были евреями, следовательно… Войниксы не слишком умны. Они заключили, что люди и есть евреи. Если А равняется В, а В равняется С, выходит, что А равняется С. Если Крит — остров и Англия — остров, то…

— Крит и есть Англия, — закончил Харман. — Однако вирус рубикона создали не в лабораториях Израиля. Это просто очередной кровавый навет.

— Ты совершенно прав, — отозвался Просперо. — На самом деле рубикон стал единственным существенным вкладом исламского мира в науку остального мира за две тысячи лет мрака.

— Одиннадцать миллиардов смертей. — Голос Хармана дрогнул. — Девяносто семь процентов населения были стерты с лица Земли.

Просперо снова пожал плечами:

— Война затянулась.

Харман опять рассмеялся:

— И вирус убил почти всех, кроме той группы, для уничтожения которой его создали.

— Израильские ученые накопили к тому времени богатый опыт нанотехнологического манипулирования генами, — сказал Просперо. — Они знали, что, если не вакцинировать ДНК своей популяции быстро, можно не успеть.

— Они могли бы поделиться вакциной с другими, — сказал Харман.

— Они пытались. Времени уже не было. Однако ДНК вашего рода… сохранили.

— Но Глобальный Халифат не изобретал путешествий во времени, — не слишком убежденно, полувопросительно произнес Харман.

— Да, — подтвердил маг. — Первый работающий временной пузырь создал французский ученый…

— Анри Реес Делакур, — пробормотал, вспоминая, Харман.

— …чтобы вернуться в тысяча четыреста семь-

десят восьмой год нашей эры и больше узнать про странный и любопытный манускрипт, приобретенный императором Священной Римской империи Рудольфом Вторым в тысяча пятьсот восемьдесят шестом году[60], — без запинки продолжал Просперо. — Путешествие представлялось несложным. Однако теперь мы знаем, что манускрипт с его зашифрованным тайным языком, удивительными рисунками внеземных растений, звездных систем и голых людей — мистификация. Доктору Делакуру и его родному городу пришлось расплатиться за эту поездку, когда черная дыра, которую его команда использовала в качестве источника энергии, вырвалась за пределы защитного силового поля.

— И все-таки французы вместе с Новым Европейским Союзом передали чертежи машины времени Халифату, — сказал Харман. — Зачем?

Просперо воздел старческие руки, будто желая благословить собеседника:

— Палестинские ученые были их друзьями.

---

[60] Примечания: 60

…любопытный манускрипт, приобретенный императором Священной Римской империи Рудольфом Вторым в тысяча пятьсот восемьдесят шестом году… — Император Рудольф II (1552–1612) был первым известным владельцем манускрипта Войнича, — во всяком случае, чешский ученый Иоганн Марци в 1666 г. написал в письме, что Рудольф приобрел рукопись за 600 дукатов.

— Интересно, мог ли торговец редкими книгами Вильфрид Войнич, живший в начале двадцатого века, представить себе, что в его честь назовут расу самореплицирующихся чудовищ?

— Мало кто из нас подозревает, каким будет его истинное наследие, — изрек Просперо, по-прежнему держа руки как для благословения.

Мойра вздохнула:

— Вы закончили ваше маленькое путешествие по аллее памяти?

Харман посмотрел на нее.

— А ты, мой Прометей, прикрыл бы свое хозяйство. Если это одноглазая игра в гляделки, то ты победил. Я моргнула первая.

Харман покосился вниз и спешно запахнул халат, полы которого разошлись во время разговора.

— В следующий час мы будем ехать через Пиренеи, — продолжала Мойра. — Теперь, когда у Хармана в голове есть что-то помимо термометра удовольствия[61], нам найдется что обсудить и решить по дороге. Предлагаю: пусть наш Проме-

---

[61] Примечания: 61

…что-то помимо термометра удовольствия… — Выражение «термометр удовольствия» Джон Китс употребил в письме издателю Джону Тейлору в январе 1818 г.: «Это устанавливает для меня градации счастья, своего рода термометр удовольствия…»

тей идет наверх, примет душ и оденется. Дедуля может пока вздремнуть. А я, так и быть, помою посуду.

65

Ахиллес размышляет, не слишком ли погорячился, вынудив Зевса низвергнуть себя в глубочайшую и темнейшую бездну преисподнего мира. А ведь поначалу затея казалась удачной…

Во-первых, здесь почти невозможно дышать. Квантовая сингулярность его предначертанной гибели от руки Париса теоретически защищает Ахиллеса от смерти, но не мешает ему с хрипением рухнуть на черный раскаленный камень, в то время как напоенная метаном атмосфера травит и разъедает легкие. С тем же успехом можно вдыхать кислоту.

Во-вторых, этот самый Тартар — прескверное место. Чудовищное давление — как на уровне двухсот футов ниже поверхности земного моря — мучительно сжимает каждый дюйм тела. Жар нестерпимый. Простого смертного и даже героя вроде Диомеда или Одиссея такая температура убила бы, но и полубог Ахиллес страдает. Кожа его покрылась ожогами, на открытых участках вздуваются все новые волдыри.

И наконец он ослеп и почти оглох. В красноватой мгле ничего невозможно разглядеть. Давление так велико, облачный покров такой плотный, что даже свечение вулканов поглощается дрожащим воздухом, дымом из вулканических жерл и завесой постоянного кислотного ливня. Плотная перегретая атмосфера давит на ушные перепонки, так что все звуки кажутся приглушенными раскатами барабанов и тяжелой поступью — под стать свинцовым ударам в голове.

Просунув руку под кожаные доспехи, Ахиллес трогает механический маячок, полученный от Гефеста. Маячок слегка пульсирует. По крайней мере, не сломался от страшного давления, от которого страдают глаза и уши Ахиллеса.

Где-то во мраке движутся громадные тени, но даже самые яркие вулканические вспышки не дают разглядеть, кто или что бродит рядом в ужасной ночи. Ясно одно: существа эти чересчур велики и странно сложены, чтобы оказаться людьми. Кто бы они ни были, пока что им нет до него никакого дела.

Быстроногий Ахиллес, сын Пелея, предводитель мирмидонцев и благороднейший герой Троянской войны, полубог в своем страшном гневе, лежит, раскинув руки и ноги, ослепший

и оглохший, на раскаленном камне и тратит все силы на то, чтобы просто дышать.

«Возможно, — думает он, — надо было придумать другой план, как одолеть Зевса и вернуть к жизни мою обожаемую Пентесилею».

От одной мысли о Пентесилее он готов расплакаться как маленький — но не как маленький Ахиллес, потому что ребенком Ахиллес не плакал. Ни разу. Кентавр Хирон учил его не поддаваться чувствам — не считая злости, ярости, ревности, голода, жажды и похоти, разумеется, ибо все они важны в жизни воина, — но рыдать от любви? Услышав такое, благородный Хирон разразился бы резким хохотом и огрел бы юного Ахиллеса тяжелой учительской палкой. «Любовь — всего лишь другое название похоти», — сказал бы Хирон, а потом еще раз хватил бы семилетнего Ахиллеса палкой по макушке.

Больше всего Ахиллесу в этом невыносимом аду хотелось плакать от сознания, что на самом деле ему глубоко плевать на амазонку, — боги свидетели, она напала на него с отравленным копьем! — и в обычных обстоятельствах он жалел бы только о времени, потраченном на убийство грудастой девахи и ее коня. Но вот он страдает в аду и посягает на самого отца Зевса, чтобы воскре-

сить эту женщину, — и все из-за какой-то химии, которой Афродита полила вонючую амазонку.

Во мгле вырисовываются три исполинские фигуры. Они так близко, что воспаленные, слезящиеся очи Ахиллеса различают в них женщин — если это название подходит к великаншам тридцати футов ростом с грудями больше Ахиллесова торса. Голые тела расписаны яркими красками, узор различим даже сквозь красный фильтр вулканического тумана. Лица вытянутые и на редкость безобразные, волосы то ли извиваются в перегретом воздухе подобно спутанным гадюкам, то ли на головах и впрямь змеиные клубки. Их голоса слышны лишь потому, что каждый грохочущий слог нестерпимо громче общего шума.

— Сестрица Иона, — рокочет первая великанша, склоняясь над ним во мгле, — не скажешь ли, что это за создание распростерлось на камне, подобно морской звезде?

— Сестрица Асия, — отвечает вторая, — я бы рассудила, что сей есть смертный муж, когда бы смертный мог сюда явиться и жив остаться. И когда бы знала, какого пола это существо: ты видишь, лежит оно на брюхе. А волосы у него красивые.

— Сестрицы океаниды, — говорит последняя, — давайте узнаем, какого пола эта морская звезда.

Огромная рука грубо хватает Ахиллеса и перекатывает на спину. Пальцы толщиной с его ногу срывают доспехи, пояс и стаскивают набедренную повязку.

— Оно самец? — спрашивает первую та, которую сестра назвала Асией.

— Если такая мелочь, как у него, дает право так именоваться, — отвечает третья.

— Так или иначе, оно повержено и раздавлено, — произносит великанша по имени Иона.

Внезапно исполинские тени во мраке, которые Ахиллес поначалу принял за утесы, шевелятся, качаются и подхватывают нечеловеческими голосами:

— Повержено и раздавлено!

И незримые голоса дальше в багровой ночи вторят:

— Повержено и раздавлено!

Ахиллес наконец соображает, кто перед ним. Хирон учил его не только почитанию живых и присутствующих богов, но и мифологии. Иона и Асия — дочери Океана; третью зовут Пантея. Они второе поколение титанов, родившихся после изначального совокупления Урана и Геи, и вместе

с Геей правили землей и небом, покуда отпрыск третьего поколения, Зевс, не одолел их всех и не свергнул в Тартар. Одному лишь Океану разрешили поселиться в более уютном месте — в слое особого измерения, под квантовой оболочкой на Земле Илиона. Боги могли навещать Океана, а вот его потомство изгнали в зловонный Тартар: Асию, Иону, Пантею и всех других титанов вместе с братом Океана Кроном и сестрой Океана Реей — отцом и матерью Зевса. Все другие мужские отпрыски совокупления Урана и Геи — Кей, Крий, Гиперион и Япет — и другие дочери — Тейя, Фемида, Мнемосина, златоризная Феба и милая Тефиса — также были сброшены в Тартар, когда тысячи лет назад Зевс одержал победу на Олимпе.

Все это Ахиллес помнит из наставлений, усвоенных при копытах мудрого Хирона.

«И хрена мне от этого пользы?» — мрачно думает он.

— Оно разговаривает? — удивленно басит Пантея.

— Пищит, — уточняет Иона.

Океаниды наклоняются послушать, как Ахиллес пробует объясниться. Каждая попытка стоит ему ужасных мучений, поскольку вынуждает глубже вдыхать ядовитый воздух. Сторонний

наблюдатель без труда определил бы по издаваемым звукам (и оказался бы прав), что в густой, как бульон, атмосфере Тартара, помимо углекислого газа, метана и аммиака, содержится немалая доля гелия.

— Оно пищит, словно расплющенная мышь! — смеется Асия.

— Словно расплющенная мышь, что силится говорить на цивилизованном языке, — грохочет Иона.

— С кошмарным акцентом, — соглашается Пантея.

— Нам нужно отнести его к Демогоргону, — произносит Асия и склоняется ниже.

Две огромные руки грубо хватают Ахиллеса, исполинские пальцы выдавливают из его легких бóльшую часть аммиака, метана, углекислого газа и гелия. Аргивский герой беспомощно разевает рот, как рыба на берегу.

— Демогоргон захочет увидеть это непонятное существо, — соглашается Иона. — Неси его, сестрица, неси к Демогоргону.

— Неси к Демогоргону! — вторят гигантские насекомообразные твари во мраке за великаншами.

— Неси к Демогоргону! — подхватывают еще

более огромные и неузнаваемые тени вдали.

66

Эйфельбан закончился на сороковой параллели, у побережья бывшего государства Португалия, чуть южнее Фигейра-да-Фош. Харман знал, что в двухстах милях юго-восточнее шаблоны модулированных силовых полей, называемые Геркулесовыми Руками, разграничивают Атлантический океан и осушенный Средиземный бассейн. И еще он точно знал, зачем постлюди осушили Бассейн и для чего использовали примерно две тысячи лет. Он знал, что в двухстах милях к северо-востоку от места, где обрывался эйфельбан, располагается шестидесятимильный круг сплавленной в стекло земли, где тридцать два века назад произошло решающее сражение между Глобальным Халифатом и Новым Европейским Союзом: более трех миллионов протовойниксов смяли и уничтожили двести тысяч обреченных рыцарей механизированной человеческой пехоты. Харман знал, что…

В общем, он уже понял, что знает чересчур много. А понимает чересчур мало.

Итак, все трое — Мойра, материальная голограмма Просперо и Харман, у которого по-преж-

нему жутко раскалывалась голова, — стояли на площадке последней башни эйфельбана. Харман покинул подвесную кабину — возможно, навсегда.

За ними зеленели холмы бывшей Португалии. Впереди расстилался Атлантический океан, Брешь продолжалась на запад от линии эйфельбана. День выдался идеальный: не слишком жарко, не слишком холодно, ласковый ветерок, в небе ни облачка. Солнце отражалось от зелени на вершине обрывов, от белого песка и от безбрежной синевы по обе стороны Атлантической Бреши. Харман знал, что даже с вершины башни видит лишь примерно на шестьдесят миль к западу, и все-таки вид казался ему бескрайним, словно тянулся на тысячи миль. Брешь начиналась как стометровая авеню между невысокими зеленовато-синими бермами, но постепенно превращалась в черную линию и упиралась в дальний горизонт.

— Вы правда ждете, что я дойду пешком до Северной Америки? — спросил Харман.

— Мы правда ждем, что ты попытаешься, — ответил Просперо.

— Зачем?

Ни постчеловеческая женщина, ни тот, кто

никогда не был человеком, ему не ответили. Мойра (она несла рюкзак и кое-какое походное снаряжение для Хармана) повела их по лестнице к нижней лифтовой площадке. Двери лифта отворились, все трое вошли в клетку; та загудела и поехала вниз мимо железных решеток.

— Я пройдусь с тобой первые день-два, — сказала Мойра.

— Да? — удивился Харман. — Зачем?

— Вместе веселее.

Харман не нашелся с ответом. Выходя на ровный газон у подножия башни, он сказал:

— Всего в нескольких сотнях миль к юго-востоку отсюда постлюди оставили склады, о которых не ведала Сейви. Она знала про Атлантиду и трехкресельный способ достичь колец, но — и это довольно жестокая шутка постлюдей — не подозревала о соньерах и грузовых космических судах в других стазисных пузырях. Если, конечно, пузыри еще целы…

— Они целы, — сказал Просперо.

Харман обратился к Мойре:

— Ну тогда пройди со мной до Бассейна, тут несколько дней пути, вместо того чтобы посылать меня на трехмесячную прогулку по дну океана… которой я могу и не пережить. Полетим в Ардис

на соньере или отправимся на корабле к кольцам, включим ток и запустим систему факсов.

Мойра мотнула головой:

— Поверь, мой юный Прометей, тебе нельзя в Средиземный бассейн.

— Сейчас там на воле почти миллион калибанов, — сказал Просперо. — Прежде они были заточены в Бассейне, но Сетебос их выпустил. Они перебили войниксов, охранявших Иерусалим, наводнили Северную Африку и Ближний Восток и захватили бы значительную часть Европы, если бы Ариэль их не сдерживал.

— Ариэль? — воскликнул Харман.

Мысль, что этот крохотный… дух в одиночку сдерживает миллион разбушевавшихся калибанов — или хотя бы одного, — казалась верхом нелепости.

— Ему подвластны такие силы, что и не снились вашим мудрецам, о Харман, друг Никого, — изрек Просперо.

— Хмм… — ничуть не убежденным тоном протянул Харман.

Они подошли к самому краю поросшего травой обрыва, откуда серпантином спускалась узкая тропа. С такого близкого расстояния Атлантическая Брешь смотрелась более реально и пугающе.

Волны с обеих сторон били в вырезанный из моря сегмент.

— Просперо, — сказал Харман, — ты создал калибанов для борьбы с войниксами. Почему ты позволил им распоясаться?

— Я их больше не контролирую, — ответил старый маг.

— С тех пор, как явился Сетебос?

Маг улыбнулся:

— Нет, калибаны и сам Калибан перестали повиноваться мне за много столетий до Сетебоса.

— Зачем было вообще создавать этих уродов?

— Для охраны, — ответил старик. И сам усмехнулся.

— Мы, постлюди, — начала Мойра, — просили Просперо и его… спутницу… вывести новую, достаточно свирепую расу для охраны Средиземного бассейна, чтобы реплицирующиеся войниксы не наводнили его и не помешали нашим работам. В Бассейне мы…

— Выращивали хлопок, чай, съедобные и прочие культуры, необходимые для жизни на орбитальных островах, — закончил Харман. — Я знаю. — Тут он помедлил, переваривая слова постженщины. *–Спутницу?* Это ты про Ариэля… Ариэль?

— Нет, — сказала Мойра. — Понимаешь, пятнадцать веков назад та, которую мы зовем Сикораксой, была еще не…

— Достаточно, — перебил ее Просперо; голограмма выглядела смущенной.

Однако Харман не унимался.

— Но то, что ты нам рассказывал в прошлом году, правда? — спросил он. — Сикоракса — мать Калибана, а Сетебос — отец… Или ты снова солгал?

— Нет-нет, — ответил Просперо. — Калибана действительно родила ведьма от чудовища.

— Интересно, как мозг размером с дом, не наделенный ничем, кроме рук толщиной с меня, совокупляется с ведьмой обычного человеческого роста, — заметил Харман.

— Очень осторожно, — ответила Мойра.

«Могла бы придумать шутку посвежее», — мысленно поморщился Харман.

Женщина, похожая на молодую Сейви, указала на Брешь:

— Ну что, в путь?

— Последний вопрос к Просперо, — сказал Харман и обернулся, но маг уже исчез. — Черт, ненавижу, когда он так делает.

— У него срочное дело где-то еще.

— Да уж, не сомневаюсь. Но я хотел еще раз уточнить, какой смысл посылать меня через Атлантическую Брешь. Это же полная чушь. Я не выживу. Сама посуди: еды не будет…

— Я завернула тебе в дорогу двенадцать питательных батончиков, — заметила Мойра.

Харман лишь усмехнулся:

— Ладно, еды не будет через двенадцать дней. Питья никакого…

Мойра достала из рюкзака нечто мягкое, изогнутое, почти плоское, немного похожее на винный мех из туринской драмы, только совершенно пустой и с узенькой трубочкой на конце. Принимая подарок, Харман почувствовал исходящую от его поверхности приятную прохладу.

— Это гидратор, — пояснила Мойра. — Если в атмосфере есть хоть мизерная доля влаги, он соберет ее и очистит для питья. А термоскин собирает твой пот и выдыхаемую влагу, очищает их и обеспечивает тебя водой на день. От жажды ты не умрешь.

— Я не взял с собой термоскин, — сказал Харман.

— А я положила в рюкзак. На охоте пригодится.

— На охоте?

— Правильнее сказать, на рыбалке. Можешь в любое время протиснуться сквозь защитное поле и погоняться за рыбами. Ты уже плавал в этом костюме под водой на орбитальном острове Просперо и знаешь: молекулярный слой защищает от чрезмерного давления, а маска дает возможность дышать.

— А где я возьму наживку?

Мойра сверкнула зубами точь-в-точь как Сейви:

— Акулы, косатки и многие другие глубоководные твари отлично клюнут на твое собственное тело, Прометей.

Харману было не до смеха.

— С чем я выйду на акулу, косатку или другую глубоководную тварь, на которую захочу поохотиться? Может, сражу ее наповал моим остроумием?

Мойра вынула из рюкзака пистолет.

Он был черный, тупоносый, тяжелее и менее изящный, чем знакомое Харману дротиковое оружие, но дуло, рукоять и спусковой крючок выглядели в целом привычно.

— Он стреляет пулями, а не хрустальными дротиками, — сказала Мойра, — и при помощи пороха, а не газа, как ты привык… Хотя принцип

действия тот же. В рюкзаке три коробки боеприпасов. Шестьсот самокавитирующих патронов. Это значит, что под водой пули создают перед собой вакуум… вода их не замедляет. Есть предохранитель — сейчас он включен. Чтобы снять с него, держи большой палец на красной точке. Отдача намного сильнее, чем у ружья, но ты привыкнешь.

Харман несколько раз поднял устройство, прицелился в бескрайнее море, затем убедился, что предохранитель по-прежнему включен, и убрал пистолет в рюкзак. Опробовать можно будет и после, в самой Бреши.

— Подкинуть бы в Ардис десяток-другой таких, — тихо произнес он.

— Отнеси для начала это, — сказала Мойра.

Харман сжал кулаки:

— Отсюда больше двух тысяч миль пути! Не знаю, сколько я смогу проходить в день, даже если научусь охотиться на вашу чертову рыбу и если ваша хреновина под названием «гидратор» будет работать. Двадцать миль в день? Тридцать? Получается двести дней только до восточного побережья Северной Америки. Это при условии, что дно будет плоским… А я сейчас смотрю на карты ближней и дальней сети: впереди горные

хребты! Плюс ущелья — глубже Большого каньона! Глыбы, скалистые расщелины, складки коры на тех участках, где дрейф континентов тащил по океаническому дну целые массивы суши; пропасти там, где тектоническая активность расколола океанское ложе, и оттуда изливается лава. Океанское дно постоянно меняется: оно неровное и каменистее, чем раньше! Год я буду идти до Америки, а дальше надо преодолеть еще тысячу миль до Ардиса. Через леса и горы, кишащие динозаврами, саблезубыми тиграми и войниксами. Ты и эта мутантная киберпространственная личность можете квант-телепортироваться куда пожелаете — вместе со мной. Или ты можешь вызвать соньер из какого-нибудь тайника, где вы, постлюди, прятали свои игрушки. Несколько часов перелета — и я был бы в Ардисе, помогал Аде… Вместо этого вы отправляете меня на верную смерть. И даже если я выживу, путь до Ардиса займет много месяцев. Почти наверняка за это время Ада и все, кого я знаю, умрут: их убьет или выродок Сетебоса, или войниксы, или зима, или голод. За что вы так со мной?

Мойра спокойно выдержала его взгляд.

— Просперо когда-нибудь говорил тебе о предикаторах логосферы? — мягко спросила она.

— В смысле — предикторах? — тупо переспросил Харман, чувствуя, как выброс адреналина постепенно переходит в отчаяние. Через минуту у него затрясутся руки. — Нет.

–Предикаторы настолько же уникальны и настолько же опасны, как и сам Просперо. Иногда он полагается на их суждения. Иногда нет. На сей раз он решил доверить им твою жизнь и, не исключено, будущее всей вашей расы.

Мойра достала из рюкзака свой гидратор и повесила его за спиной, изогнув гибкую трубочку к правой щеке. А потом зашагала вниз по крутой тропинке.

Харман еще минуту медлил на краю обрыва. Надевая рюкзак, он обернулся, прикрылся ладонью, как козырьком, от рассветных лучей и посмотрел на высокую башню эйфельбана, чернеющую на фоне синего неба. Тросы от нее тянулись на восток. Следующей станции с этой точки было не разглядеть.

Он поглядел на запад. Белые птицы, крупные и поменьше («чайки и крачки», всплыло в протеиновых банках памяти ДНК), с криками кружили над спокойным морем. Атлантическая Брешь выглядела все такой же пугающе невозможной, фигурка Мойры, спустившейся до половины об-

рыва, позволяла оценить масштаб этого каньона в восемьдесят футов шириной.

Харман вздохнул, затянул покрепче лямки, чувствуя, как пот уже начинает пропитывать рубашку под рюкзаком, и вслед за Мойрой двинулся по тропе к морю.

67

Все происходило одновременно.

«Королева Маб» — всеми тысячей ста восемнадцатью футами — начала выполнять аэродинамическое торможение, выгнутая тяговая плита прикрывала ее зад, корабль и его поддон охватило пламя и вспышки плазмы.

И в самый разгар ионного шторма вокруг тормозящего корабля Сума IV спустил космошлюпку.

Как и в случае с кораблем, доставившим Орфу и Манмута, никто не удосужился дать ей имя. В разговорах по мазерным и фокусированным лучам она оставалась просто «шлюпкой». Однако «Смуглая леди» была надежно закреплена в ее трюме. Манмут в гермоотсеке описывал видео с внешних камер самой шлюпки и «Королевы Маб», когда заключенный в стелс-покрытие овоид космошлюпки отделился от окутанного пламенем корабля, пронесся через атмосферу,

пятикратно обгоняя звук, и наконец выпустил короткие крылья, сбросив скорость до трех Махов.

Генерал Бех бен Ади планировал отправиться на Землю вместе с разведывательной экспедицией, однако встреча с астероидом Голоса была более насущной угрозой, и первичные интеграторы проголосовали, что генерал остается на «Королеве». Меп Аху разместился на откидном сиденье в грузопассажирском модуле за главным блистерным отсеком управления в верхней части корабля, а за центурион-лидером, сжимая между черными шипастыми коленями тяжелое энергетическое оружие, сидела его команда — двадцать пять размороженных и прошедших инструктаж боевых роквеков.

Сума IV показал себя первоклассным пилотом. Манмут восхищенно смотрел, как тот уверенно ведет шлюпку через верхние слои атмосферы, включая двигатели так ненадолго, что судно как будто летело само по себе, и невольно улыбнулся, вспомнив собственную катастрофическую посадку на Марс. Правда, тогда он сажал неисправное, обгоревшее судно, и все-таки, оказавшись в обществе настоящего пилота, Манмут по достоинству оценил его искусство.

Радарные параметры и прочие данные впечат-

ляют, по фокусированному лучу передал Орфу из трюма. *А как насчет визуальной картинки?*

Белое и голубое, ответил Манмут. *Все белое и голубое. Это красивее любых фотографий. Земля под нами — один сплошной океан.*

Вся?

Манмут редко слышал в голосе друга подобное изумление.

Да, вся. Водный мир. Волны переливаются миллионами солнечных бликов, над ними белые облака — перьевые, в виде ряби, а вот из-за горизонта над нами выплывает масса кучевых… Нет, погоди. Это же циклон диаметром в добрую тысячу километров. Он мощный, белоснежный, удивительный и красиво закручен. Я даже вижу его центр.

Летим штатно, сказал Орфу. *От Антарктиды через Южную Атлантику и на северо-восток.*

«Королева» покинула атмосферу, корабль уже по ту сторону Земли, сообщил Манмут. *Наши спутники связи работают исправно. Скорость «Маб» упала до пятидесяти километров в секунду и продолжает снижаться. Судно взлетает обратно к полярному кольцу, тормозя ионными двигателями. Траектория хорошая. Идет к точке рандеву, которую указал Голос. По «Королеве»*

никто пока не стреляет.

Что еще лучше, передал Орфу. *Никто еще не выстрелил по нам.*

Сума IV позволил атмосфере замедлить ход шлюпки до скорости ниже звуковой. Внизу показалась Африка. Согласно плану полета, они должны были пролететь над осушенным Средиземным морем, записать видео и собрать данные о загадочных сооружениях на его территории, однако теперь приборы показывали над пересохшим дном защитное поле высотой сорок тысяч метров, подавляющее излучение. Залетев туда, шлюпка могла отказать. Хуже того, по словам Сумы IV, могли отказать и моравеки на ее борту. Ганимедянин резко вырулил на восток, через Сахару, и обогнул безводное Средиземноморье по большой дуге.

С «Королевы Маб» продолжали поступать сигналы, передаваемые на другую сторону планеты двумя десятками спутников-ретрансляторов размером со снежинку.

Большое космическое судно достигло координат, которые назвал Голос. Это был крохотный свободный участок у края орбитального кольца примерно в двух тысячах километров над астероидным городом, откуда поступали сообщения.

Очевидно, Голос не хотел, чтобы корабль на атомной тяге приближался к его — или ее — орбитальному дому на расстояние ударной волны.

Шлюпка принимала два с лишним десятка широкополосных каналов информации, включавших сигналы с камер и внешних датчиков «Королевы Маб», линию связи с мостиком, наземные данные с запущенных на орбиту спутников и с многочисленных сенсоров Одиссея. Моравеки не только напичкали платье грека нанокамерами, а также молекулярными передатчиками, но и под легким наркозом (во время обычного сна) начали рисовать ему на лбу и руках устройства для визуализации размером не больше клетки. Велико же было их изумление, когда они обнаружили, что кожа Одиссея на этих участках уже содержит нанокамеры. Ушные каналы у него тоже были модифицированы — снабжены приемниками-наноцитами задолго до того, как он попал на «Королеву Маб». Моравеки перенастроили их все, чтобы визуальные и звуковые сигналы попадали на записывающие устройства корабля. Во все тело Одиссея вживили дополнительные сенсоры, чтобы, даже если он умрет, данные продолжали поступать на судно.

В этот момент Одиссей стоял на мостике в

обществе первичного интегратора Астига/Че, Ретрограда Синопессена, штурмана Чо Ли, генерала Бех бен Ади и прочих членов моравекского командного состава.

Манмут и Орфу оживились, когда внезапно включилась прямая радиосвязь с «Королевой Маб» в реальном времени.

— Поступило мазерное послание, — сообщил Чо Ли.

— ПРИШЛИТЕ МНЕ ОДНОГО ОДИССЕЯ, — томно распорядился женский голос из астероидного города. — НА ЧЕЛНОКЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИКАКОГО ОРУЖИЯ. ЕСЛИ МОИ ДЕТЕКТОРЫ ОБНАРУЖАТ НА БОРТУ ХОТЬ КАКОЕ-НИБУДЬ ОРУЖИЕ ЛИБО ЛЮБОЕ МЕХАНИЧЕСКОЕ ИЛИ ОРГАНИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО, КРОМЕ ОДИССЕЯ, ВАШ КОРАБЛЬ БУДЕТ НЕМЕДЛЕННО УНИЧТОЖЕН.

— Сюжет становится напряженнее, — заметил Орфу по общей линии связи шлюпки.

Моравеки на шлюпке наблюдали с запозданием в секунду, как Ретроград Синопессен проводил Одиссея вниз, к восьмому пусковому отсеку. Поскольку на всех шершнях имелось оружие, требованиям Голоса отвечал только какой-нибудь из трех строительных челноков, оставшихся на борту еще с Фобоса.

Челнок был крохотный — дистанционно управляемый овоид, в котором еле-еле мог поместиться взрослый человек. Из систем жизнеобеспечения присутствовали только подача воздуха и климат-контроль. Помогая Одиссею втиснуться в узкое пространство между проводами и монтажными платами, Ретроград Синопессен спросил:

— Ты точно готов это сделать?

Одиссей долгое мгновение смотрел на паукообразного моравека. Потом произнес по-гречески:

— Покой не для меня; я осушу до капли чашу странствий; я всегда страдал и радовался полной мерой: с друзьями — иль один; на берегу — иль там, где сквозь прорывы туч мерцали над пеной волн дождливые Гиады. Бродяга ненасытный, повидал я многое: чужие города, края, обычаи, вождей премудрых, и сам меж ними пировал с почетом, и ведал упоенье в звоне битв на гулких, ветреных равнинах Трои… К чему же медлить, ржаветь и стынуть в ножнах боязливых, как будто жизнь — дыханье, а не подвиг. Мне было б мало целой груды жизней, а предо мною — жалкие остатки одной; но каждый миг, что вырываю у вечного безмолвья, принесет мне новое. Позор и стыд — беречься, жалеть себя и ждать за годом год, когда душа изныла от желанья умчать вслед

за падучею звездой туда, за грань изведанного мира[62]! Закрывай уже нахер дверь, существо-паук.

— Это же… — начал Орфу с Ио.

— Он был в судовой библиотеке… — начал Манмут.

— Тихо! — скомандовал Сума IV.

Они молча смотрели, как люк челнока загерметизировали. Ретроград Синопессен остался в пусковом отсеке, только вцепился в распорку, чтобы его не унесло в открытый космос, когда из отсека выйдет весь воздух. Яйцевидный челнок выплыл наружу на бесшумной пероксидной тяге, качнулся, стабилизировался, нацелился носом на орбитальный астероидный город — маленькую искру, мерцающую среди тысяч огней п-кольца, — и полетел в сторону Голоса.

— Приближаемся к Иерусалиму, — сообщил Сума IV по линии общей связи.

Манмут вновь обратился к видеомониторам и датчикам шлюпки.

Говори мне, что видишь, друг мой, попросил Орфу.

Хорошо. Мы по-прежнему на высоте больше двадцати километров. На неувеличенном изоб-

---

[62] Примечания: 62

Покой не для меня… <…>…за грань изведанного мира! — А. Теннисон. Улисс. Перев. Г. Кружкова.

ражении я вижу в шестидесяти-семидесяти километрах к западу сухое Средиземное море. Красные скалы, темная почва и что-то вроде зеленых полей. А дальше, у берега, — исполинский кратер на месте бывшего сектора Газа, похоже на след от взрыва или метеорита; бухта в форме полумесяца перед высохшим морем, за ней начинаются возвышенности, и на высоком холме — Иерусалим.

Как он выглядит?

Погоди, я немного увеличу изображение… Ага… Сума Четвертый одновременно показывает исторические снимки со спутников; видно, что более поздние кварталы и окраина уничтожены… Зато Старый город в пределах стены цел и невредим. А вот и Дамасские ворота… Западная стена… Храмовая гора с Куполом Скалы… И какое-то новое сооружение, на старых фотографиях его не было… Что-то высокое, из стеклянных граней и полированного камня. Оттуда и бьет голубой луч.

Я как раз смотрю данные по нему, передал Орфу. *Это нейтринный луч, защищенный оболочкой из тахионов. Не представляю, для чего и кому он мог понадобиться. Бьюсь об заклад, что наши лучшие ученые тоже не в курсе.*

Ой, погоди минутку… сказал Манмут. *Я тут немного увеличил картинку. Оказывается, Старый город… кишит жизнью.*

Это люди?

Нет…

Безголовые горбатые полуорганические роботы?

Нет, ответил Манмут. *Может, позволишь мне самому закончить?*

Извини.

Там тысячи — если не десятки тысяч — существ, похожих на амфибий, с когтистыми перепончатыми лапами. Вроде того, про которого ты сказал, что он похож на Калибана из «Бури».

Чем они заняты? — спросил Орфу.

В основном толкутся без дела, ответил Манмут. *Нет, подожди, у Яффских ворот на улице Давида я вижу трупы… А вот еще — на дороге Эль-Вад у площади Стены Плача…*

Трупы людей? — перебил Орфу.

Нет, безголовых горбатых полуорганических роботов. Здорово их порвали на части. А многих, кажется, еще и выпотрошили.

Чудовища-калибаны полакомились? — спросил Орфу.

Понятия не имею.

— Пролетаем над голубым лучом, — известил по каналу общей связи Сума IV. — Всем пристегнуться крепче, я попробую опустить туда выдвижные сенсоры.

По-твоему, это разумный шаг? — спросил Манмут у своего друга.

Вся наша экспедиция к Земле безумна, друг мой. У нас нет на борту маггида.

Чего-чего?

Маггида, передал Орфу с Ио. *В древние времена, задолго до рубикона и войн Халифата, когда люди ходили в медвежьих шкурах и футболках, древние евреи считали, что у каждого мудрого человека есть свой маггид — нечто вроде духовного наставника из иного мира.*

А может, мы и есть маггиды, предположил Манмут. *Раз уж явились из иного мира.*

Верно, сказал Орфу. *Но мы не такие мудрые. Манмут, я еще не рассказывал тебе, что я гностик?*

Повтори по буквам, попросил Манмут.

Орфу повторил.

И что это значит? — спросил Манмут.

Совсем недавно он узнал о старом друге поразительные вещи (в том числе — что Орфу эксперт

и по Джеймсу Джойсу, и по другим авторам Потерянной Эпохи, помимо Пруста) и не был уверен, что готов к новым откровениям.

Не важно, кто такой гностик, передал Орфу. *Но за сто лет до того, как христиане сожгли Джордано Бруно на костре в Риме, они сожгли в Мантуе гностика, суфийского мудреца по имени Соломон Молхо*[63]*. Соломон Молхо учил, что во времена перемен дракон будет уничтожен без помощи оружия, а на земле и в небесах все преобразится.*

— Какие еще драконы? — выпалил Манмут вслух.

— Что? — переспросил Сума IV из капитанской рубки.

— Не понял, — откликнулся центурион-лидер Меп Аху со своего откидного сиденья в транспортном модуле.

— Прошу пояснить. — Голос Астига/Че с британским акцентом, донесшийся с «Королевы Маб», напомнил Манмуту, что корабль мониторит не только официальные сообщения, но и общую

[63] Примечания: 63

…они сожгли в Мантуе гностика, суфийского мудреца по имени Соломон Молхо. –Соломон Молхо (ок. 1500–1532) — еврейский мистик, каббалист и мессианский пророк. Молхо сожгли за то, что он, будучи португальским марраном, вернулся в иудаизм.

болтовню. Однако он горячо надеялся, что их разговоры по фокусированному лучу не прослушиваются.

Ладно, отложим, передал Манмут. *Про драконов спрошу в следующий раз.*

А по общей связи сказал:

— Простите… ничего такого… нечаянно подумал вслух.

— Прошу соблюдать радиодисциплину! — рявкнул Сума IV.

— Есть… э-э-э… сэр, — ответил Манмут.

В глубоком трюме Орфу громыхнул инфразвуком.

Строительный челнок с Одиссеем медленно приближался к стеклянному городу на астероиде. Сенсоры подтверждали, что сам астероид имеет форму картофелины, его длина около двадцати километров, ширина примерно одиннадцать. Каждый квадратный метр его железоникелевой поверхности был занят светящимся хрустальным городом. Пузыри и башни из стали, стекла и бакикарбона имели высоту до полукилометра. Сенсоры показывали также, что давление внутри всего города нормальное земное, атмосфера состоит из смеси кислорода, азота и углекислого газа в обычных земных пропорциях (о чем

свидетельствовали молекулы газа, который неизбежно улетучивался сквозь стекло), а внутренняя температура вполне подходит для человека, жившего у Средиземного моря до климатических перемен Потерянной Эпохи… например, из эпохи Одиссея.

На мостике «Королевы Маб» все старшие моравеки пристальнее обычного мониторили свои экраны и датчики. Астероидный город выбросил невидимое силовое щупальце, которое схватило челнок и потащило к шлюзоподобному отверстию на вершине самой высокой стеклянной башни.

— Отключить автопилот и двигатели, — приказал Чо Ли.

Ретроград Синопессен проверил биотелеметрические данные Одиссея и сообщил:

— Наш человеческий друг чувствует себя хорошо. Волнуется… Пульс немного учащен, уровень адреналина повышен… видит это отверстие… однако в целом состояние нормальное.

Над консолями и навигационным столом замерцали голографические изображения: щупальце втянуло челнок в темный прямоугольник шлюза. Стеклянная дверь закрылась. Датчики челнока зарегистрировали дифференциал си-

лового поля, тянущий их «вниз», эквивалент силы тяжести в 0,68 земной. Шлюз заполнился воздухом, столь же пригодным для дыхания, как и воздух Илиона.

— Радио-, мазерные и квантовые телеметрические сигналы поступают исправно, — доложил Чо Ли. — Стекло их не блокирует.

— Он еще не в городе, — проворчал генерал Бех бен Ади. — Это всего лишь тамбур. Посмотрим, не отрежет ли Голос любую связь, как только Одиссей окажется внутри.

На «Королеве Маб» и в космошлюпке за полсотни тысяч километров от корабля моравеки продолжали наблюдать через камеры, вживленные в кожу ахейца, как тот выбирается из тесного челнока, потягивается и шагает к ярко освещенной внутренней двери. Он был в корабельном комбинезоне, но, вопреки всем протестам моравеков, взял с собой круглый щит и короткий меч. Сейчас он держал щит поднятым и меч наготове.

— Если никому не нужно подробнее изучить Иерусалим или нейтринный луч, я беру курс на Европу, — сказал Сума IV по общей линии.

Никто не возражал, хотя Манмут торопливо описывал Орфу Старый город: багровые отблески вечернего солнца на древних зданиях, золотое

сияние мечети, бурые, точно глина, улицы, густые тени проулков, тут и там — неожиданная зелень олив, и повсюду — склизкая мокрая зелень существ-амфибий.

Шлюпка ускорилась до трех Махов и взяла курс на северо-восток, к Димашку, древней столице того, что когда-то называлось Сирией или провинцией хана Хо-Тепа Ньяинквентанглха-Шань-Вест; Сума IV аккуратно соблюдал дистанцию между судном и силовым куполом над высохшим Средиземным морем. Миновав территорию бывшей Сирии, шлюпка резко свернула на запад, к Анатолийскому полуострову и развалинам старой Турции. Полностью невидимая, она со скоростью две целых восемь десятых Маха беззвучно летела на высоте тридцать четыре тысячи метров. Внезапно Манмут спросил:

— Мы можем замедлиться и покружить над эгейским побережьем южнее Геллеспонта?

— Можем, — ответил Сума IV по общей связи. — Правда, мы и так отстаем от расписания, по которому должны сейчас осматривать купол из голубого льда во Франции. Что там на побережье такого, ради чего стоит делать крюк и тратить время?

— Руины Трои, — ответил Манмут. — Илион.

Шлюпка начала снижаться и тормозить. Ее скорость уменьшилась до трехсот километров в секунду, бурое и зеленое дно осушенного Средиземного моря стремительно приближалось, а на севере блестели воды Геллеспонта. Сума IV втянул короткие треугольные крылья челнока и развернул стометровые, прозрачные, с медленно вращающимися пропеллерами.

И Манмут негромко запел по общей линии:

А говорят, Ахилл восстал во мраке… И царь Приам с полсотней сыновей Проснулись от ружейной канонады И вновь готовы лечь костьми за Трою.

Кто автор? — спросил Орфу. *Что-то я такого не помню.*

Руперт Брук, ответил Манмут по фокусированному лучу. *Британский поэт эпохи Первой мировой войны. Эти строки он написал на пути в Галлиполи… Куда так и не доехал. Умер от болезни по дороге.*

— Знаешь что? — пророкотал генерал Бех бен Ади по общей линии. — Я не в восторге от твоей радиодисциплины, маленький европеанин, но стихи классные.

В хрустальном городе на полярной орбите дверь шлюза плавно скользнула вверх, и Одиссей вступил в сам город. Здесь были солнце, деревья,

лианы, тропические птицы, ручьи, водопад, сбегающий с поросшего лишайником каменного утеса, древние развалины и мелкая живность. При виде Одиссея благородный олень перестал жевать траву, поднял голову, посмотрел на человека, прикрывшегося щитом и поднявшего меч, и преспокойно ушел прочь.

— Сенсоры засекли гуманоидное существо, — передал на космошлюпку Чо Ли. — Его не видно за листвой, но оно приближается.

Сперва Одиссей услышал шаги босых ног по гладким камням и слежавшейся почве. Увидев, кто перед ним, он опустил свой щит и сунул клинок в петлю на широком кожаном поясе.

Это была неописуемо прекрасная женщина. Даже моравеки, под чьими пластиково-стальными панцирями рядом с органическими сердцами бились гидравлические, а живые железы и мозг соседствовали с пластмассовыми насосами и сервосистемами-наноцитами, даже моравеки в тысяче километров смотрели на голограмму, понимая, насколько невероятно она красива.

По голым загорелым плечам струились длинные локоны, темные, но с золотистыми прядями. На женщине было минимальное одеяние из тончайшего шелка, подчеркивающее тяжелую

полную грудь и широкие бедра. На тонких щиколотках звенели золотые браслеты, еще целая россыпь браслетов сверкала на запястьях, плечи были украшены золотыми и серебряными пряжками.

Женщина подошла ближе. Одиссей, а также моравеки в космосе и над руинами Трои увидели, что брови женщины чувственно изгибаются над зелеными глазами и длинными черными ресницами; то, что издали выглядело макияжем, наведенным вокруг изумительных глаз, оказалось игрой теней и света на коже. Губы у нее были полные, мягкие и очень красные.

Мелодичный голос прозвучал словно шелест морского бриза в пальмовых листьях или как перезвон колокольчиков на ветру:

— Добро пожаловать, Одиссей. Много лет я тебя ждала. Меня зовут Сикоракса.

68

На второй вечер прогулки по дну Атлантической Бреши в компании Мойры Харман думал о многом.

В этом походе между водяными стенами (здесь, в семидесяти милях от берега, глубина океана достигала пятисот футов) было что-то

месмерическое. Белковая память, сохраненная в модифицированных ДНК-спиралях где-то в районе позвоночника, дергала сознание Харма-на, педантично желая добавить подробностей *–(слово «месмерический» образовано от фамилии Франца Антона Месмера, родившегося двадцать третьего мая тысяча семьсот тридцать четвертого года в Ицнанге, Швабия, и скончавшегося пятого марта тысяча восемьсот пятнадцатого года в Мерсбурге, Швабия, немецкого врача, чья система лечения, известная как месмеризм и основанная на симпатическом управлении сознанием пациента, стала предвестницей более поздней практики гипноза…),* — однако разум Харма-на, заблудившегося в лабиринтах мысли, перебарывал непрошеное вмешательство. Ему все лучше удавалось отключать голоса в мозгу, хотя голова по-прежнему болела адски.

Пятисотфутовые стены воды по обе стороны от сухой дороги шириной в восемьдесят ярдов тоже пугали, и даже за два дня в Бреши Харман не свыкся с клаустрофобией и неистребимым чувством, что океанская толща обрушится на него в любую секунду. Он уже бывал в Атланти-ческой Бреши два года назад, когда отмечал свой девяносто восьмой день рождения: вышел из сто

двадцать четвертого факс-узла возле Поместья Ломана на том, что раньше было нью-джерсийским побережьем Северной Америки, и шел два дня туда, два дня обратно, но преодолел гораздо меньшее расстояние, чем сейчас, да и мрак между водяными стенами угнетал его не так сильно. «Конечно, — думал Харман, — тогда я был моложе. И верил в чудеса».

Они с Мойрой не разговаривали уже несколько часов, хотя легко шагали рядом. Харман анализировал новую информацию, переполнявшую его мир, но по большей части думал, что сделает, когда — и если — вернется в Ардис.

Для начала нужно попросить у Ады прощения за дурацкий полет к Золотым Воротам в Мачу-Пикчу. Надо было в первую очередь заботиться о беременной жене и будущем ребенке. Харман и раньше это понимал, но лишь умом, теперь осознал по-настоящему.

Дальше он пытался придумать план, как спасти любимую женщину, будущего малыша, друзей и весь человеческий род. Это было непросто.

Это было*проще* с миллионом томов информации, буквально захлестнувшей Хармана, поскольку теперь он видел некоторые новые возможности.

Во-первых, он продолжал исследовать проснувшиеся функции тела и мозга, которых оказалось около ста. Самым важным, по крайней мере на ближайшее время, было умение свободно факсировать без помощи узлов и павильонов. Наноустройства в крови всех людей старого образца, как знал теперь Харман, позволяют переноситься из любой точки планеты в любую другую и даже (при снятии определенных запретов) на один из миллиона ста восьми тысяч трехсот трех объектов, машин и городов на околоземной орбите. Свободное факсирование спасло бы их всех от войниксов, от Сетебоса, от его взбесившихся калибанов и даже от самого Калибана — но только если снова включить орбитальные факс-машины и модули памяти.

Во-вторых, Харман знал теперь несколько способов полететь на кольца — и даже получил смутное представление о ведьме-пришелице Сикораксе, которая теперь правила орбитальной вселенной, некогда принадлежавшей постлюдям, — но до сих пор не имел понятия, как одолеть ее и Калибана (ибо Харман не сомневался, что именно Сетебос послал своего единородного сына на кольца — отключить факс-систему). Если же людям все-таки удастся взять верх, Харман

точно знал, что ему придется тонуть не в одном хрустальном чертоге и набраться технических сведений, необходимых для реактивации спутников.

В-третьих, изучив множество восстановленных функций (бóльшая их часть мониторила его тело и помогала найти записанную там информацию), Харман знал теперь, что без труда сумеет поделиться новообретенными сведениями. Функция обмена (что-то вроде сиглирования в обратном порядке) работала просто: надо коснуться другого человека старого образца, выбрать протеиновые пакеты знаний, заключенные в коробочки ДНК и РНК, — и нужная информация потечет сквозь кожу к этому человеку. Примерно две тысячи лет назад эта возможность была создана и усовершенствована для прототипов маленьких зеленых человечков, после чего ее легко адаптировали для людей. Все люди старого образца имели эту способность к наноиндуцированной памяти и сохраняли около ста спящих функций, но, чтобы пробудить эти способности, требовался осведомленный человек.

Харман невольно улыбнулся. Конечно, Мойра достала его своими шуточками для посвященных и туманными намеками, но теперь он хотя бы по-

нял, отчего она звала его «мой юный Прометей». По Гесиоду, это имя означало «предвидящий», а сам герой у Эсхила, Шелли и других великих поэтов являл собой титана-революционера, который похитил у богов важное знание — огонь — и отдал его пресмыкающимся смертным, возвысив их почти до уровня богов. Почти.

— Так вот почему вы оставили нас без функций, — сказал Харман, не замечая, что говорит вслух.

— Что?

Он перевел взгляд на постженщину, шагавшую рядом с ним в густеющих сумерках:

— Вы не хотели, чтобы мы стали богами. Потому и не активировали наши функции.

— Разумеется.

— И тем не менее все постлюди, кроме тебя, решили отправиться в другой мир или другое измерение и поиграть в олимпийцев.

— Конечно.

Харман понимал. Первая и главная потребность любого бога — с маленькой буквы или с большой — не допустить существования себе подобных. Он вновь сосредоточился на этой мысли.

После хрустального чертога Харман стал думать иначе. Если прежде его мышление оперировало предметами, людьми и чувствами, теперь

оно было по большей части фигуральным — затейливым танцем метафор, метонимий, ироний и синекдох. После того как миллиарды фактов — вещи, места, люди — осели в клетках тела, мозг переключился на связи, оттенки, нюансы, классификацию. Чувства никуда не исчезли, возможно даже стали сильнее, но если они раньше гремели, как басы, заглушающие весь оркестр, то теперь звучали изысканным, но мощным скрипичном соло.

«Многовато мутных метафор для мандражирующего мудака, — думал Харман, иронизируя над своим самомнением. — И адекватная аллитерация для абстрактного ануса».

Но, даже смеясь над собой, он сознавал, что обрел новый взгляд на вещи — на людей, места, предметы, чувства и самого себя. Тот взгляд, который приходит с пониманием нюансов, умением принять иронию, метонимию, метафоры и синекдохи не в одном лишь языке, но и в логическом устройстве Вселенной.

Если бы только вернуться к своим, добраться пусть не до Ардиса, а до любого анклава, населенного людьми, его функции навсегда изменят человеческий род. Он не станет навязывать свои знания насильно, но поскольку эта итерация гомо

сапиенсов очень близка к исчезновению из этого постпостмодернистского мира, вряд ли кто-нибудь, ждущий нападения войниксов, калибанов и гигантского тысячерукого мозга — духовного упыря, — будет слишком рьяно отвергать новые силы и способности, дающие надежду выжить.

А действительно ли эти функции — в дальней перспективе — будут способствовать выживанию человеческого рода?

Ответ пришел в форме его собственного внутреннего голоса. То был возглас дзен-мастера «Му!» в ответ на дурацкий вопрос ученика, что в приблизительном переводе означало: «Сделай так, чтобы твоего вопроса не стало, дубина!» За этим односложным выкриком обычно следовало не менее энергичное «Кватц!», с которым наставник лупил глупого ученика по голове и плечам увесистым учительским посохом.

«Му. Здесь нет никакой „дальней перспективы“ — это решать моим детям и внукам. Сейчас существует только ближняя перспектива».

И угроза, что тебя выпотрошит горбатый войникс, отлично помогает сосредоточиться. Если удастся вернуть функции… Харман уже понимал, отчего старые функции, в том числе поисковая, дальняя, ближняя и общая сети, а также сиглиро-

вание не работают: кто-то на кольцах отключил все передатчики заодно с факс-машинами.

Если снова включить функции…

Но как?

И снова Харман вернулся к проблеме, как попасть на кольца и включить все: электричество, сервиторов, факс и все функции.

Нужно знать, кто там есть, кроме Сикораксы, и какое у них оружие. Миллионы страниц, усвоенных в хрустальном чертоге, ничего не сообщали по этому важному вопросу.

— Почему ты или Просперо не хотите квитировать меня сразу на кольца?

Харман обернулся к Мойре и понял, что едва различает ее лицо, озаренное только кольцами.

— Мы предпочли бы этого не делать, — издевательским тоном Бартлеби сказала Мойра[64].

Харман подумал о подводном пистолете в рюкзаке. Что, если наставить на нее дуло с самым искренним выражением на лице (ведь постлюди обладают особой функцией чтения и понимания человеческих реакций), — согласится ли Мойра

---

[64] Примечания: 64

–Мы предпочли бы этого не делать, — издевательским тоном Бартлеби сказала Мойра. — Бартлеби — герой рассказа Германа Мелвилла «Писец Бартлеби», сидящий в уолл-стритской конторе и отказывающийся работать или увольняться, повторяя: «Я предпочел бы этого не делать».

квантово-телепортировать его в Ардис или на кольца?

Разумеется, нет. Она не дала бы ему пистолет, будь это для нее опасно. Она приняла какие-то меры — скажем, может заблокировать оружие силой своей постчеловеческой мысли. Либо какая-нибудь простая микросхема, воспринимающая мозговые волны, встроена в спусковой механизм, либо какая-то безотказная защита от пуль и дурака встроена в саму Мойру.

— Вы с магом взяли на себя труд выкрасть меня, перетащить через Индию в Гималаи, засунуть в хрустальный чертог, утопить и обучить, — сказал Харман. Лишь озвучив неотвязную мысль, он понял всю банальность и тщетность начатого разговора. — К чему было затевать возню, если вы не хотите, чтобы я победил Сетебоса и других врагов?

На сей раз Мойра не улыбнулась.

— Если тебе суждено попасть на кольца, ты найдешь дорогу.

— Суждено! Это какое-то кальвинистское предопределение, — заметил Харман, перешагивая через кустик высохшего коралла.

Брешь до сих пор была на удивление легко проходимой: металлические мосты над редкими

расщелинами в океаническом дне, прорезанные лазером ходы в коралловых зарослях и хребтах, плавные спуски и подъемы, железные тросы, натянутые в самых крутых местах. Харману даже почти не приходилось глядеть себе под ноги. Правда, при скудном вечернем свете он все равно бы много не рассмотрел.

Мойра никак не отреагировала на его жалкую остроту, и Харман решил сменить тему:

— Есть и другие лазареты.

— Тебе сказал об этом Просперо.

— Да, но до меня только что дошло. Нам, людям старого образца, не обязательно умирать или возрождать медицину с нуля. Наверху есть омолаживающие баки.

— Да, конечно. Постлюди готовились обслуживать человеческую популяцию в один миллион человек. На орбитальных островах экваториального и полярного колец есть другие лазареты и баки с синими червями. Это вполне очевидно.

— Очевидно, да, — ответил Харман. — Однако не забывай, что имеешь дело с человеком, у которого смекалки как у новорожденного младенца.

— Не забуду, — заверила Мойра.

— Я не знаю, где именно находятся лазареты, — сказал Харман. — Покажешь их мне?

— Вот потушим костер на привале, — сухо ответила Мойра, — тогда и покажу.

— Нет, я имел в виду — на карте колец.

— У тебя есть карта колец, мой юный Прометей? Это часть того, что ты ел и пил в Тадже?

— Нет, — признался Харман. — Но ты могла бы нарисовать карту с орбитальными координатами и со всеми подробностями.

— Едва успел родиться и уже мечтаешь о вечной жизни, мой Прометей?

«Разве?» — удивился он. А потом вспомнил, о чем думал, прежде чем заговорить о других лазаретах на кольцах постлюдей, — о своей беременной, израненной Аде.

— Почему все доступные для факсирования целебные баки размещались на острове Просперо? — спросил Харман.

И тут же сам догадался почему. Мелькнувший ответ походил на воспоминание о кошмаре.

— Просперо устроил так, чтобы удобнее было кормить пленного Калибана, — сказала Мойра.

У Хармана скрутило желудок — отчасти от злости на себя за каждую дружескую мысль по отношению к аватаре логосферы, но главным образом от голода. Последний раз он ел перед рассветом, когда два раза откусил от питательного

батончика и вот уже несколько часов забывал пить из гидратора.

— Почему ты остановилась? — спросил он.

— Стемнело, дальше идти нельзя. Давай-ка разложим костер, поджарим сосиски и маршмеллоу, споем походные песни. Потом можешь прикорнуть и погрезить о бессмертии, светлом будущем и баках с синими червями.

— Знаешь, — сообщил Харман, — иногда ты страшно похожа на здоровенную занозу в заднице.

Мойра наконец улыбнулась. Ее улыбка, словно у Чеширского Кота, чуть ли не отдельно парила в темноте Атлантической Бреши.

— Когда мои сестры были здесь, когда они еще не сбежали, чтобы стать богами — в основном мужского пола, что лично я расценила как деградацию, — они говорили мне то же самое. А теперь доставай сухие дрова и водоросли, которые мы собрали за день, и начинай разводить огонь… Вот и умница, старообразный.

69

Мамочка! Мамуууууля! Мне очень страшно. Здесь так темно и холодно. Мамочка! Помоги мне выбраться. Мамуля, пожалуйста!

Ада проснулась всего через полчаса после того, как заснула в ранние темные часы зимнего утра. Детский голосок шарил по ее разуму, будто маленькая, холодная и неприятная рука под одеждой.

Мама, пожалуйста. Мне здесь плохо. Тут холодно и темно. И я не могу выбраться. Камни очень жесткие. Я хочу есть. Мамочка, помоги, выпусти меня. Маммаааааа!

Превозмогая усталость, Ада заставила себя вылезти из-под одеяла на холод. Уцелевшие — на двенадцатый день после возвращения на пепелище Ардиса их оставалось сорок восемь — сделали из остатков брезента палатки, и Ада спала теперь с четырьмя другими женщинами. Палатки и самое первое укрытие рядом с колодцем стояли в центре нового частокола. Лишь сто футов отделяло центр палаточного городка от руин первоначального Ардис-холла.

Мамочкаааа… быстрее, мамочка…

Голос звучал почти постоянно, и хотя днем Ада приучила себя не обращать на него внимания, спать он мешал. А уж этой ночью — точнее, в сумеречный предрассветный час — все стало еще хуже.

Ада надела брюки, толстый свитер, обулась и,

стараясь двигаться как можно тише, чтобы не разбудить Эллу и остальных, вышла наружу. Как всегда, у главного костра кто-то бодрствовал, по периметру нового частокола караулили дозорные, однако пространство между Адой и Ямой было безлюдным и темным.

Темнота стояла непроглядная. Тучи закрыли звезды и кольца; в воздухе пахло надвигающейся метелью. Ада с большой осторожностью пошла вперед. Некоторые предпочитали ночевать под открытым небом, для чего сшили себе спальные мешки потеплее. Ада не хотела на кого-нибудь из них наступить. Она была только на пятом месяце беременности, а уже чувствовала себя толстой и неуклюжей.

Маммаааааааааа!

Как же она ненавидела этот голос! Вынашивая настоящее дитя, она не могла вынести хнычущий писк эрзац-ребенка, идущий от существа в Яме, пусть даже это было ментальное эхо. Ада гадала, не проникает ли это телепатическое вторжение в нервную систему ее малыша. Она очень надеялась, что не проникает.

Мамочка, выпусти меня, пожалуйста. Здесь, внизу, так темно.

Они решили, что кто-нибудь должен постоянно

дежурить у Ямы, и сегодня ночью была очередь Даэмана. Еще не успев разглядеть лицо, Ада узнала худую мускулистую фигуру с дротиковой винтовкой за плечом.

— Не спится? — шепнул Даэман.

— Он мне не дает, — прошептала она в ответ.

— Понимаю, — ответил Даэман. — Я почти всегда слышу, когда он донимает тебя своими уговорами. Тихонько, словно что-то щекочет мозг у затылка. Как услышу про «мамочку», так и хочется разрядить в него полную обойму флешетт.

— Может быть, это и правильная мысль, — сказала Ада, глядя на металлическую решетку, сваренную и привинченную к каменным краям над Ямой.

Большую тяжелую решетку взяли из старого резервуара неподалеку от руин Ардис-холла, и детеныш Сетебоса подрос уже настолько, что не мог просунуть подвижные стебли с ладонями в ее частые ячейки. Яма была мелковата — всего четырнадцать футов глубиной, — но зато ее вырубили и выжгли в сплошной скале. Каким бы сильным ни было чудовище (многорукий многоглазый мозг достиг уже четырех футов в длину, а руки его с каждым днем заметно крепчали), ему не удавалось выдернуть из камня приваренные

вбитые прутья. Пока не удавалось.

— Мысль неплохая, только, если мы его убьем, через пять минут на нас обрушатся двадцать тысяч войниксов, — прошептал Даэман.

Ада не нуждалась в подобных напоминаниях, однако от слов Даэмана острее ощутила промозглый холод и тошноту.

Соньер с разведчиками неторопливо кружил в туманной мгле. Каждый день приносил одни и те же неутешительные новости: войниксы держались на расстоянии, образуя почти идеальное кольцо радиусом около двух миль вокруг, возможно, последнего человеческого поселения на планете, и число их постоянно росло. Вчера, ближе к вечеру, Греоджи насчитал в облетевших лесах от двадцати до двадцати пяти тысяч мутно-серебристых тварей. Сегодня утром их будет намного больше. Это было так же непреложно, как тусклые зимние рассветы. Как то, что вкрадчивый скулящий голос из Ямы не умолкнет, пока не выберется на свободу.

И что тогда?

Ада содрогнулась. Она легко могла себе представить. Даже простое присутствие существа вгоняло людей в тоску. Жизнь и так давалась им нелегко: приходилось возводить и расши-

рять маленькие палатки и лачуги, откапывать из-под развалин уцелевшее, укреплять жалкий бревенчатый форт, не говоря уже о заботах по добыванию пищи, — а тут еще гнусное нытье маленького Сетебоса в головах.

С едой было все хуже. Скот разбежался, а разведчики разглядели с кружащего соньера только гниющие туши на дальних полях и в зимнем лесу. Войниксы перерезали всю скотину. Мерзлая почва если и позволяла надеяться на урожай, то через много месяцев; консервы в подвалах расплавились под обугленными обломками, так что сорок восемь уцелевших обитателей Ардисхолла целиком зависели от своих товарищей, ежедневно отправляющихся на охоту по двое, с дротиковыми винтовками. В четырехмильном кольце войниксов дичи не было. Летать приходилось все дальше и дальше. Если им везло, вечером на центральном костре жарили оленя или кабана, однако в последнее время свежее мясо было не каждый день. Они коптили, сколько могли, про запас, вялили, солили, тратя бесценную соль, а потом жевали жесткое невкусное мясо. Между тем войниксы продолжали прибывать, люди день ото дня становились мрачнее, а детеныш Сетебоса постоянно запускал белесые липкие

ручонки и телепатические щупальца в их мозг. Даже когда они спали. Люди жадно искали сна, но с ним, как и с дичью, дела обстояли все хуже и хуже.

— Еще несколько дней, — тихо сказал Даэман, — и, по-моему, он выберется из клетки.

Он взял зажженный факел и поднял над Ямой. Чудовище величиной с небольшого теленка висело на металлической решетке, поблескивая серой слизью. С полдюжины щупалец крепко вцепились в темные железные прутья. Восемь или десять желтых глаз прищурились, поморгали и зажмурились от внезапного яркого света. Два рта, затрепетав, раскрылись, и Ада зачарованно уставилась на аккуратные ряды маленьких белых зубов.

— Мамочка! — пискнуло существо.

Оно говорило уже неделю, однако его настоящий голос даже отдаленно не походил на человеческий, тем более детский, в отличие от мысленного.

— Да, — зашептала Ада, — сегодня устроим общее собрание. Пускай все проголосуют. Но придется ускорить последние приготовления к исходу.

Затея никого не прельщала, но лучшей приду-

мать не смогли. Решили, что Даэман и несколько человек будут сторожить детеныша, пока Греоджи эвакуирует людей и необходимые вещи на остров, обнаруженный разведчиками в сорока пяти милях вниз по реке. Да, это был не тропический рай в дальнем уголке мира, куда в свое время хотел факсировать Даэман, а скалистый островок посреди реки, омываемый быстрым течением, зато островок было проще защитить.

Все считали, что войниксы факсируют неведомо как и неведомо откуда — хотя ежедневные проверки Ардисского узла по-прежнему подтверждали его неисправность. Это значило, что войниксы могут легко последовать за ними, возможно даже факсировать на остров. Но сорок восемь уцелевших рассчитывали разбить лагерь в зеленой впадине посреди центрального каменного выступа, а еду и дичь доставлять на соньере, как и сейчас. Остров был такой маленький, что за раз туда могло факсировать не больше нескольких сот войниксов, а с таким количеством люди справились бы.

Последние, кто покинет Ардис, — и Ада твердо намеревалась остаться в их числе — убьют маленького Сетебоса. В ту же минуту войниксы прихлынут, как саранча, но все остальные будут

уже на острове, в безопасности. По крайней мере, на несколько часов.

Умеют ли войниксы плавать? Ада и остальные пытались вспомнить, видел ли кто-нибудь плывущего раба-войникса в древние времена, до того, как десять месяцев назад рухнуло небо, до того, как Харман, Даэман и покойная Сейви уничтожили лазарет вместе с островом Просперо. До того, как кончился этот глупый мир вечеринок, бесконечных факсов и сытой беспечной жизни. Никто вроде бы не видел плавающих войниксов.

Однако Ада не сомневалась. Войниксы*могут* плавать. Или пройти по речному дну под водой, даже против быстрого течения. Как только маленький Сетебос будет мертв, они доберутся до людей на острове.

И тогда уцелевшие будут вынуждены снова бежать, но куда? Ада голосовала за Золотые Ворота в Мачу-Пикчу. Она хорошо помнила рассказ Петира о том, что войниксы так и не сумели проникнуть внутрь зеленых пузырей, подвешенных на башнях моста и несущих тросах. Увы, большинство не хотело лететь в незнакомое место: слишком далеко, слишком долго лететь, и все боялись оказаться запертыми в прозрачной ловушке над пустотой в окружении войниксов.

Ада рассказала им, что Харман, Петир, Ханна и Одиссей/ Никто достигли моста менее чем за час, поднявшись в космос и нырнув обратно в атмосферу над южным континентом; объяснила, что траектория полета сохранилась в памяти соньера, а значит, путешествие к Золотым Воротам в Мачу-Пикчу займет лишь на несколько минут больше, чем переправа к скалистому острову ниже по реке.

Но люди по-прежнему не соглашались. Возможно, им требовалось время.

Однако Ада с Даэманом продолжали строить планы дальней эвакуации.

Внезапно над темной линией деревьев на юго-западе раздался какой-то треск и шипение.

— Войниксы! — крикнул Даэман, сдергивая с плеча винтовку и щелкая предохранителем.

Ада закусила губу, на миг позабыв даже о детеныше Сетебоса у своих ног, тем более что его телепатическое хныканье потонуло среди настоящего шума. У центрального костра били в главный колокол. Люди, спотыкаясь во мраке, наспех выбирались из палаток и главного укрытия, криками будили остальных.

— Не похоже! — Аде пришлось почти кричать, чтобы Даэман услышал ее сквозь поднявшийся

гвалт. — Звучит как-то по-другому!

Когда умолк колокол и затихли крики, она отчетливо различила металлический, механический скрежет — не тихое шуршание нападающих войниксов.

Затем появился луч. Прожектор бил с неба, с высоты в несколько сот футов. Круг света обшарил голые ветви деревьев, заиндевелую и почерневшую от пожара траву, частокол и ошарашенных караульных на грубо возведенных укреплениях.

У соньера прожектора не было.

— Винтовки берите! — закричала Ада, обращаясь к тем, кто сгрудился вокруг центрального костра.

Те, кто еще не был вооружен, принялись хватать и взводить винтовки.

— Рассыпьтесь! — на бегу крикнул Даэман, размахивая руками. — Прячемся!

Действительно, согласилась Ада: кто бы это ни был, если у него враждебные намерения, глупее всего сбиться кучей, как откормленное на убой стадо.

Гудение и скрежет заглушали уже и колокол, в который кто-то снова начал звонить, исступленно и без всякого смысла.

Теперь Ада видела в небе некий аппарат. Он

был намного больше, медленнее и неповоротливее соньера и вместо гладкого, обтекаемого овала представлял собой два бугроватых круга с прыгающим прожектором впереди. Аппарат покачался, задергался, будто собираясь рухнуть, затем пронесся над низким частоколом (один из дозорных спрыгнул на землю, чтобы не попасть под протуберанцы от летящей машины), с размаху проскакал по мерзлой траве рядом с Ямой, вновь поднялся в воздух и наконец тяжело сел.

Даэман и Ада побежали к нему: Ада — так быстро, как только могла бежать на пятом месяце беременности и с факелом в руке, Даэман — направив автоматическую винтовку на вылезающие из машины темные фигуры.

Это были люди — восемь человек, как быстро сосчитала Ада. Некоторые лица она не узнала, но вот из машины вылезли последние двое, те, кто управлял ею с переднего круга, и это оказались Ханна и Одиссей — или Никто, как он велел называть себя в последние месяцы перед тем, как его, тяжелораненого, увезли к Золотым Воротам в Мачу-Пикчу.

Ада и Ханна обнялись. Плакали обе, но Ханна рыдала почти истерически. Наконец, когда они перестали обниматься и глянули друг на друга,

Ханна спросила хрипло:

— А где Ардис-холл? Что случилось? С Петиром все в порядке?

— Петир погиб, — ответила Ада, уже не удивляясь своему равнодушию. Слишком много ужасного произошло за слишком короткий срок, душа у нее была как будто побита. — Войниксы напали вскоре после того, как вы улетели. Сломали частокол, бросали в нас камни. Дом сгорел. Эмма погибла. Реман погиб. Пеаэн погибла… — Она продолжала перечислять общих друзей и старых знакомых, умерших во время и после резни.

Ханна слушала, от ужаса зажав рот ладонью. При свете факелов она выглядела еще худее обычного.

— Идем. — Ада тронула Одиссея за руку и вновь обняла Ханну за плечи. — Вы наверняка хотите есть. Идемте к огню — скоро уже рассвет. Представите товарищей, а мы вас покормим. Потом расскажете мне все-все.

Они сидели у костра, пока зимнее солнце не поднялось над горизонтом, и обменивались новостями настолько спокойно, насколько могли в этих обстоятельствах. Ламан сварил на завтрак густую похлебку и разлил по эмалированным

кружкам почти последний черный кофе, найденный в полусгоревшем хранилище.

Пятерых новичков, троих мужчин и двух женщин, звали Беман, Элиан, Стеф, Иаи и Сьюзан. Элиан, их вожак, был совершенно лысый и держался с уверенностью, которую дает возраст. Возможно, он был почти ровесник Хармана. Все были перевязаны либо с легкими порезами, так что, пока другие говорили, Том и Сирис занимались их ранами.

Ада очень быстро рассказала юной подруге — которая больше не выглядела юной — и молчащему Одиссею сагу об ардисской резне, о днях и ночах на вершине Тощей скалы, о неработающем факс-узле, о скоплении войниксов, о том, как вылупился детеныш Сетебоса и его посадили в Яму.

— Я его почуял еще до посадки, — тихо сказал Никто.

Когда Ханна начала свой рассказ, седобородый грек, одетый, несмотря на холод, в одну лишь грубую тунику, отошел к Яме и стал смотреть на пленника.

— Одиссей вышел из временно́го ковчега через неделю после того, как Ариэль похитил Хармана, — говорила ясноглазая темноволосая девушка. — Войниксы все время пытались пробиться к нам,

но Одиссей меня успокоил: что они не прорвутся, пока работает поле нулевого трения. Мы ели, спали… — Она потупилась, и Ада поняла, что они занимались не только сном. — Думали, Петир вернется за нами, как обещал; потом уже, через неделю, Одиссей принялся строить летательную машину из запасных частей соньеров и прочих аппаратов, которые стояли в гараже… в ангаре… в общем, как там это называется. Я взяла на себя сварку, Одиссей собрал монтажную плату и двигательную установку. Когда запчасти кончались, я обшаривала другие пузыри Золотых Ворот и разные потайные комнаты… Он поднял машину в воздух и немного покружил по ангару. Главным образом аппарат состоит из двух летающих машин сервиторного типа, которые называются скайрафтами и для длинных перелетов не предназначены. У нас были проблемы с системами управления и наведения. В конце концов Одиссей разобрал часть ИскИна, который обслуживал одну из кухонь моста, и лоботомировал его, чтобы он занимался навигацией. Лететь на такой неповоротливой машине вообще не сахар, так она еще всю дорогу хотела готовить нам завтрак и предлагала рецепты.

Ада и некоторые другие рассмеялись. Слуша-

телей собралось человек пятнадцать, включая Греоджи, однорукого Ламана, Эллу, Эдиду, Бомана и обоих врачей. Пятеро перебинтованных новичков хлебали похлебку и молча слушали. Снег, приближение которого Ада почувствовала несколько часов назад, наконец пошел, но на земле он сразу таял. Солнце проглядывало между несущимися облаками.

— Потом, когда стало ясно, что Ариэль не собирается возвращать Хармана и что Петир не прилетит за нами и не пришлет кого-нибудь еще, мы нагрузили рафт запасами, оружием из одного большого тайника, открыли двери ангара и полетели на север, надеясь, что двигатели не откажут, а примитивная система навигации приведет нас как можно ближе к Ардису.

— Это было вчера? — спросила Ада.

— Нет, девять дней назад, — ответила Ханна.

Увидев потрясенное лицо подруги, она сказала:

— Да, эта штука летает очень медленно, самое большее пятьдесят-шестьдесят миль в час, да к тому же дурит. Мы остались почти без еды, когда упали в море — как сказал Одиссей, на месте бывшего Панамского перешейка. К счастью для нас, он добавил надувные камеры, так что на

несколько часов рафт стал настоящим плотом, пока мы сбрасывали груз и Одиссей чинил поломанные системы.

— А Элиан и другие были уже с вами? — спросил Боман.

Ханна мотнула головой, отпила кофе и сгорбилась над горячей кружкой, обхватив ее ладонями, точно пыталась согреться.

— Мы совершили вынужденную остановку на берегу за морем Перешейка, — сказала она, — и наткнулись на уцелевшую общину… Хьюзтаун. По-моему, ты ее знаешь, Ада. Там еще высокий пластбетоновый небоскреб, весь в плюще.

— Да, там отмечали чью-то Третью Двадцатку, — ответила Ада, припоминая вид на море с террасы на вершине башни; Аде тогда не исполнилось и пятнадцати; примерно в то же время она познакомилась с пухлым «кузеном» Даэманом, и она помнила тогдашнюю пробуждающуюся чувственность.

Элиан прочистил горло. Его лицо и руки покрывали шрамы, одежда больше смахивала на груду отрепьев, но держался он уверенно и с достоинством.

— Нас было больше двухсот человек, до того как месяц назад напали войниксы, — начал он

тихим, но сильным голосом. — У нас не было оружия. Однако изначальная Хьюзтаунская башня такая высокая, что даже войниксам трудно на нее запрыгнуть, и покрыта чем-то отталкивающим, за что они не могут цепляться, да еще нависающие террасы позволяли защищать ее лучше, чем любое другое место, куда мы могли бежать. Мы забаррикадировали лестницы (лифты, разумеется, отключились в ночь Падения) и вооружились кто чем мог: рабочими инструментами сервиторов, железными прутьями, наделали примитивных луков и стрел из металлических тросов и рессор от ландо и дрожек. Войниксы убили почти всех наших, человек пять пробились к павильону и факсировали за подмогой, пока факсы еще работали, а мы вшестером заперлись в пентхаусе Хьюзтаунской башни, захваченной пятью сотнями войниксов. Мы просидели пять суток без пищи и два дня без воды, когда над заливом показался скайрафт Никого и Ханны.

— Пришлось выбросить часть лекарств и еды и даже почти все ружья и флешеттные обоймы, чтобы скомпенсировать личный вес, — смущенно сказала Ханна. — По дороге мы еще три раза садились и чинили поломки. Но все-таки добрались сюда.

— А как навигационная система нашла дорогу к Ардису? — спросил худой бородатый Касман, которого всегда занимали технические подробности.

Ханна рассмеялась:

— Кто сказал, что нашла? Она еле-еле отыскала то, что Одиссей называет Северной Америкой. Он, Одиссей, и повел нас дальше: сначала вдоль большой реки, которую называет Миссисипи, потом вдоль нашей ардисской реки, которую зовет Леаноко или Огайо. Тут мы заметили ваш костер.

— Вы летели ночью?

— У нас не было выбора. В лесах на юге столько динозавров и саблезубых тигров, что опасно садиться надолго. Мы по очереди управляли машиной, чтобы Одиссей мог хоть немного поспать, но вообще он трое суток почти не смыкал глаз.

— Он выглядит… здоровым, — заметила Ада.

Ханна кивнула:

— Временной саркофаг исцелил почти все раны, которые нанесли ему войниксы. Все-таки мы правильно сделали, что отвезли Одиссея к Золотым Воротам. Иначе бы он умер.

Минуту Ада молчала: из-за этой поездки она потеряла мужа.

Будто прочитав ее мысли, Ханна сказала:

— Знаешь, мы долго искали Хармана. И хотя Одиссей убеждал, что Ариэль куда-то его квант-телепортировал (это что-то вроде факса, но более мощное, как перемещались боги в туринской драме), — так вот, несмотря на слова Одиссея, мы спустились и покружили над древними руинами Мачу-Пикчу у подножия Золотых Ворот, затем облетели ближайшие долины, речки, водопады… Следов так и не нашли.

— Он жив, — просто сказала Ада, коснувшись круглого живота. Она всегда так делала: ребенок не только связывал ее с Харманом, но и как будто подтверждал, что ее интуитивное чувство не обманывает. Ребенок в животе Ады как будто знал, что Харман жив… где-то.

— Да, — сказала Ханна.

— Вам попадались другие общины? — спросил Лоэс. — Еще уцелевшие?

Ханна мотнула головой, и Ада впервые заметила, как отросли короткие волосы ее подруги.

— Мы сделали две остановки между Хьюзтауном и Ардисом. Малонаселенные узлы — Лив-Оук и Гульманика. В обоих остались трупы войниксов и человеческие кости, больше ничего.

— Как ты думаешь, много людей там погибло?

— тихо спросила Ада.

Ханна пожала плечами и допила кофе.

— Сорок или пятьдесят, не больше, — ответила она невыразительным тоном, общим для всех уцелевших. — Ничего сравнимого со здешней трагедией, — прибавила она и огляделась. — У меня в голове что-то скребется, словно гадкое воспоминание.

— Это маленький Сетебос, — сказала Ада. — Хочет забраться нам в голову и вылезти из Ямы.

Даже в мыслях она произносила слово Яма с большой буквы.

— А вы не боитесь, что мама… папа… или кого там еще видел Даэман в Парижском Кратере… явится за своим потомством?

Ада покосилась в ту сторону, где Даэман, стоя у Ямы, о чем-то беседовал с Одиссеем.

— Большой Сетебос пока что здесь не показывался. Нас больше тревожит, что может сделать маленький.

Она рассказала, как многорукая тварь вроде бы высасывала силу из почвы на месте ужасной гибели людей.

Ханна поежилась, хотя солнце как раз начало пригревать.

— Мы видели войниксов там, в лесах, в луче

прожектора, — глухо сказала она. — Бесчисленное множество. Ряд за рядом. Просто стоят неподвижно под деревьями и по холмам, ближайшие, думаю, в двух милях отсюда. Что вы собираетесь делать?

Ада изложила план, который одобрило большинство.

Элиан снова откашлялся.

— Прошу прощения, — начал он. — Это, конечно, не мое дело, и я понимаю, что не имею здесь права голоса, однако на скалистом острове вы будете в том же положении, как мы в Хьюзтаунской башне. Войниксы будут прибывать с каждым днем, хотя их и сейчас вполне достаточно. Вы просто умрете один за другим. На мой взгляд, разумнее отправиться куда-нибудь еще. К примеру, на мост, о котором рассказывала Ханна.

Ада кивнула. Ей не хотелось обсуждать эту тему прямо сейчас: многие из сидящих у огня проголосовали за остров. Она перевела разговор на иное:

— У тебя есть право голоса, Элиан. У каждого из вас оно есть. Вы теперь — часть общины, как и любой беженец, который сюда попадет, и можете высказываться наравне со мной. Спасибо, что поделился своими соображениями. Мы все обсудим за обедом. Даже караульные проголосуют через

своих товарищей. Думаю, до тех пор вам надо немного поспать.

Элиан, Беман, белокурая Иаи (ей как-то удавалось выглядеть красавицей даже в грязных лохмотьях и со множеством ссадин), малорослая неразговорчивая Сьюзан и крепкий бородач по имени Стеф кивнули и вместе с Томом и Сирис отправились искать свободные одеяла под навесом.

Ада взяла Ханну за руку:

— Ты тоже поспи.

— Что с твоим запястьем, Ада?

Та посмотрела на примитивную гипсовую повязку и запачканный бинт:

— Сломала во время ночной схватки. Пустяки. Любопытно, что войниксы покинули Золотые Ворота в Мачу-Пикчу. Получается, что мы сражаемся с ограниченным числом этих тварей… Я имею в виду, раз им приходится пополнять ряды.

— Число-то, может, и ограниченно, — согласилась Ханна. — Однако Одиссей говорит, их на земле миллион с лишним, а людей — меньше ста тысяч… — Она замялась. — То есть было столько, пока не началась эта бойня.

— Скажи, Никто, случайно, не знает, почему

войниксы нас истребляют? — спросила Ада, взяв крепкую ладонь подруги.

— По-моему, знает, но не говорит. Он многое держит при себе.

«Это еще мягко сказано», — подумала Ада. А вслух сказала:

— Дорогая, у тебя вид ужасно усталый. Правда, поспи хоть немного.

— Когда пойдет спать Одиссей, — ответила Ханна и встретила взгляд Ады со смущением, вызовом и гордостью молодой любовницы.

Ада снова кивнула.

К огню подошел Даэман:

— Ада, можно тебя на минутку?

Ада еще раз тронула Ханну за плечо, неловко встала и двинулась за Даэманом к Яме, где стоял Никто. Тот, кого они когда-то звали Одиссеем, был немногим выше Ады ростом, зато так мускулист и крепок, что источал силу. Ада видела курчавые седые волосы у него на груди.

— Любуешься нашим красавчиком? — спросила она.

Никто не улыбнулся. Он почесал бороду, глянул в Яму на подозрительно затаившегося малыша и вновь поднял черные глаза на Аду.

— Вам придется его убить, — сказал Одиссей/

Никто.

— Да, мы собираемся.

— Я имею в виду, скоро. Эти твари — не детеныши Сетебоса, скорее что-то вроде вшей.

— Вот это — вошь? — переспросила Ада. — Я слышу его мысли…

— И будешь слышать их чаще и громче, пока он не выберется на волю — а возможно, он бы уже мог выбраться, если бы захотел, — и не высосет из вас души и силы.

Ада заморгала и опустила глаза. Двухполушарный мозг едва различимо серел на самом дне Ямы, закрыв многочисленные глаза, втянув подвижные щупальца и подоткнув ладошки под склизкое тело.

— Твари вылупляются из яиц и разбегаются в разные стороны, — продолжал Никто. — Они — лазутчики настоящего Сетебоса. В длину они достигают не более двадцати футов. Они находят… еду… в почве и возвращаются к нему. Не знаю точно, как им удается перемещаться на такие расстояния — видимо, при помощи бран-дыр, а этот еще не дорос до того, чтобы создать дыру. Когда они возвращаются, большой Сетебос благодарит их и сжирает, поглощая силу, которую эти… малыши… высосали в мире.

— Откуда ты столько знаешь про Сетебоса и его… вшей? — спросила Ада.

Никто мотнул головой, точно не желая отвлекаться на глупости.

«И когда ты окружишь милую Ханну любовью и вниманием, которых она заслуживает, свинья ты мужского пола?» — мысленно прибавила Ада.

— Никто хотел сказать… попросить нас о чем-то важном, — вмешался Даэман; лицо у него было встревоженное.

— Мне нужно взять соньер, — сказал Никто.

Ада снова моргнула:

— Куда?

— На кольца, — ответил Никто.

— На какой срок? — спросила Ада, а сама подумала: «Это невозможно!» И кажется, Даэман был с ней согласен.

— Не знаю, — произнес Одиссей со своим диковинным акцентом.

— Что ж, — начала Ада, — это исключено. Соньер нам нужен, чтобы спастись отсюда. И для охоты. И для того, чтобы…

— Мне нужно взять соньер, — повторил Никто. — Только он на всем континенте может доставить меня на кольца, и мне некогда лететь в Китай или куда-нибудь еще за другими. А из-за калибанов в

Средиземный бассейн сейчас не попасть.

— Ты не можешь взять соньер. Мы все умрем. — В голосе Ады зазвенели столь редкие для нее нотки стального упрямства.

— Сейчас это не так важно, — ответил седобородый воин.

Ада хотела засмеяться, но лишь открыла рот и в изумлении уставилась на собеседника:

–*Для нас* это важно, Никто. Мы хотим жить.

Он покачал головой, как будто удивляясь ее непониманию:

— Если я не полечу на кольца… причем сегодня же… на этой планете умрут все. Мне нужен соньер. Если получится, я или сам вернусь на нем, или пришлю машину обратно. А если нет… тогда уже будет без разницы.

Ада жалела, что не захватила с собой винтовку. Она глянула на Даэмана, который по-прежнему держал винтовку в руке. Никто был вроде бы безоружен, однако Ада знала, как он силен.

— Мне нужен соньер, — повторил Никто. — Сегодня. Сейчас.

— Нет, — отрезала Ада.

Рукастый сирота в глубине темной Ямы внезапно завыл, захрапел, закашлял и под конец — очень даже по-человечески — расхохотался.

70

Высоко над ними бушевала гроза. Кольца и звезды давно скрылись за тучами, и одни лишь молнии озаряли вертикальные стены воды и светлую полосу Бреши, уходящую на восток и запад так далеко, что даже молнии не могли обрисовать всей ее бесконечности.

Сейчас, впрочем, они полыхали почти беспрерывно, гром прокатывался в узком коридоре энергетически сдерживаемой воды, и Харман, лежа на спине в тонком, будто шелковом, спальном мешке и термоскине, видел, как в пятидесяти этажах над ним волны вздымаются на стофутовую высоту. Ветер нес клубящиеся тучи всего в сотнях футов над исполинскими валами. И хотя здесь, на пять тысяч футов ниже уровня моря, темные глубины были недвижны, выше океан уже начинал волноваться. Неспокойно было и в прозрачных энергетических трубах и воронках, соединяющих южную и северную стены Бреши; Харман не знал точного названия, а Мойра называла их попросту «каналами». Один такой был виден — во всяком случае, когда вспыхивали молнии — в двухстах футах над сухим дном Бреши, примерно в полумиле к западу от места ночевки, другой

— остался примерно в миле позади. В обоих за незримой энергетической оболочкой колоссальные массы вспененной воды перекатывались с одного края Бреши на другой. Силовые стены не давали волнам захлестнуть в Брешь и утопить путешественников, однако в воздухе сплошным туманом висели брызги. Верхнюю одежду Харман свернул и упрятал в рюкзак (совершенно, как выяснилось, непроницаемый, как и спальный мешок), а вот дыхательную маску поднял, и лицо у него было влажное. Проводя языком по губам, он чувствовал вкус морской соли.

Молния ударила в песок меньше чем в ста ярдах от них. От раската грома у Хармана лязгнули зубы.

— Может, переместимся куда-нибудь? — прокричал он Мойре.

Перед сном постженщина разделась догола и натянула на себя термоскин без всякого стеснения, почти как если бы они были любовниками… Впрочем, почему «как если бы»? От этой мысли Харман покраснел.

— Что? — крикнула Мойра, поскольку голос Хармана потонул среди шума волн и грозы.

— МОЖЕТ, ПЕРЕМЕСТИМСЯ КУДА-НИБУДЬ?

Она подползла вместе с мешком и заговорила

Харману прямо в ухо. Лицо она тоже оставила открытым и лежала поверх мешка. Верхние слои термоскина промокли от брызг, и под ним вырисовывались ребра и тазовая кость.

— Знаешь, где сейчас безопасно? — громко сказала она. — Под водой. На дне гроза нас не достанет. Желаешь попробовать?

Харман мотнул головой. Этой ночью он явно не был готов шагнуть за барьер силового поля в непроглядную тьму, под невероятно высокое давление — пусть даже волшебный термоскин не даст ему захлебнуться и не позволит толще воды его раздавить. Да и буря вроде бы начала утихать. Волны над головой были теперь футов шестьдесят-восемьдесят высотой.

— Нет уж, спасибо! — крикнул Харман. — Я как-нибудь здесь перетерплю.

Он насухо вытер лицо и натянул обратно тончайшую пленку маски. Теперь, когда соль не щипала глаза и губы, легче было сосредоточиться.

А пищи для размышлений хватало. Харман до сих пор пытался разобраться с новыми функциями.

Многие новообретенные — вернее сказать, обнаруженные — функции отключились вместе со

способностью свободно факсировать. Например, Харман ясно представлял себе, как обратиться к логосфере, чтобы получить информацию или пообщаться с кем угодно на любом расстоянии, но кто-то, управляющий теперь кольцами, перекрыл эту возможность.

Другие функции работали, но от этого было не легче. Внутренний медицинский наблюдатель в ответ на запрос известил, что рацион из воды и питательных батончиков через три месяца приведет к авитаминозу; что в левой почке начинает скапливаться кальций, из которого за год или быстрее образуется камень; что с прошлого визита в лазарет в толстой кишке появилось два полипа; что мускулы слабеют от возраста (в конце концов, Харман уже десять лет не бывал в лазарете); что вирусная колония стрептококка безуспешно пытается обосноваться в горле, но ей препятствует генетическая система защиты; что кровяное давление сильно повышено и в левом легком замечена еле видная тень, требующая немедленного обращения к датчикам лазарета.

«Отлично, — думал Харман, потирая обтянутую термоскином грудь, словно еле видная тень, в которой он подозревал рак, уже причиняла ему боль. — Ну и на кой мне вся эта информация?

Мягко говоря, в наши дни лазарет не совсем доступен».

Другие функции оказались полезнее. Несколько дней назад Харман обнаружил у себя функцию «воспроизведения», позволяющую заново пережить — не как воспоминание, а с полным ощущением реальности — любое событие прошлого, то есть извлечь его не из мозга, а из белковых пакетов памяти и воспроизвести с точностью до секунды. Он уже десять раз прокрутил несколько минут их первой встречи с Адой (обычная память не сказала, что в тот вечер на ней было голубое платье), а также мгновения их последней близости… тридцать с чем-то раз. Мойра стала даже отпускать замечания по поводу его остекленевшего взгляда и механической походки. Она-то прекрасно знала, в чем дело, поскольку ни термокостюм, ни верхняя одежда не скрывали его естественной реакции.

Харману хватило ума догадаться, что функция вызывает привыкание и пользоваться ею надо очень-очень осторожно, особенно когда идешь по дну океана. И все-таки он вернулся к беседам с Сейви, чтобы выудить больше информации из ее слов о прошлом, о кольцах и вообще о мире. То, что тогда казалось невразумительным и за-

гадочным, после хрустального чертога обрело смысл. Харман с горечью осознал, как мало знала Сейви, когда столетиями пыталась улететь на кольца и поговорить с постлюдьми. В частности, она не подозревала ни о космических кораблях в Средиземном бассейне, ни о правильном способе связаться с Ариэлем по личным логосферным каналам Просперо.

Видя Сейви как живую с помощью функции воспроизведения, Харман понимал, насколько Мойра моложе ее лицом и телом и одновременно насколько они схожи.

Он перебрал остальные функции. Ближняя, дальняя, общая сеть отключились вместе со свободным факсированием и возможностью обращаться к логосфере. Очевидно, все внутренние функции работали, а все, для чего требовалась планетарная система спутников, орбитальные масс-аккумуляторы, передатчики данных и так далее, не работало.

Отчего же тогда внутренние индикаторы сообщали, что функция сиглирования тоже отключена? Харман думал, это что-то вроде медицинского наблюдателя, который и сейчас работал даже чересчур хорошо. Неужели сиглирование тоже как-то зависит от спутников? Данные, получен-

ные в хрустальном чертоге, никаких объяснений не давали.

— Мойра? — крикнул Харман и только потом осознал, что гроза утихла и грохот сменился плеском волн наверху. А еще на нем оставалась дыхательная маска со встроенным микрофоном, поэтому бедная Мойра услышала его крик через наушники капюшона.

Харман стянул маску и вновь вдохнул насыщенный аромат океана.

— Чего тебе, мистер Луженая Глотка? — негромко ответила Мойра.

Она лежала в спальном мешке футах в четырех от него.

— Если я применю тактильный обмен сведениями со своей женой, с Адой, когда вернусь в Ардис, то мой нерожденный ребенок тоже получит эту информацию?

— Считаем зачатых цыплят раньше осени, юный Прометей?

— Просто ответь на вопрос.

— Тебе придется выяснить самому, — сказала Мойра. — Я не помню всех параметров наизусть и никогда не обменивалась информацией с беременными. Мы, богоподобные постлюди, не могли залететь, хотя все были женского пола. Так что

проверь, когда — и если — вернешься домой. Хотя постой: вроде бы функция подразумевала определенные защитные фильтры… Ты не сумеешь передать зародышу или ребенку вредные для него или для нее сведения — к примеру, возможность воспроизвести момент ее или его зачатия. От такой душевной травмы малыша придется лечить лет тридцать, а мы ведь этого не желаем, верно?

Оставив насмешку без внимания, Харман потер щеки. Перед выходом в путь он побрился, поскольку десять месяцев назад на орбитальном острове Просперо усвоил, как неудобно сидит термоскин поверх бороды. Однако уже сегодня двухдневная щетина колола пальцы.

— У вас есть все те функции, которыми вы наделили нас? — спросил Харман, только в последний миг придав своему высказыванию вопросительную интонацию.

— Дорогуша, — проворковала Мойра, — ты нас держишь за дураков? Дали бы мы людям старого образца какую-либо способность, если сами ею не обладаем?

— Значит, у вас их больше, — заключил Харман. — Больше нашей сотни?

Мойра не ответила.

Харман открыл у себя в клетках кожи целый комплекс нанокамер и аудиоприемников. Визуальные и звуковые данные сохранялись в особых протеиновых пакетах. Кроме того, в теле обнаружились биоэлектронные передатчики — правда, с коротким радиусом действия, поскольку они работали на клеточной энергии, однако их сигналы наверняка можно было перехватить, усилить и передать на дальнее расстояние.

— Туринская драма, — сказал он вслух.

— Ты о чем? — сонно спросила задремавшая было Мойра.

— Теперь я понимаю, каким образом твои божественные сестрички-трансвеститки передавали образы из Илиона и как туринские пелены помогали нам их воспринимать.

— Мм… — сказала Мойра и снова заснула.

Харман знал, что больше не нуждается в туринских пеленах для приема таких передач. Благодаря логосферным записям и этим мультимедийным связям он мог поделиться голосовыми и полносенсорными данными с любым человеком, который захочет подключиться к входящему потоку.

«Интересно, каково это — заниматься любовью с Адой, будучи подключенными друг к другу?»

— подумал Харман и тут же обругал себя распутным старикашкой.

Кроме логосферной функции, существовала функция сложного сенсорного интерфейса с биосферой. Сейчас она была недоступна, поскольку зависела от спутников, и Харману оставалось лишь гадать, что это подразумевает: разговор с Ариэлем или полное единение с одуванчиками и колибри? Может ли он таким образом общаться напрямую и на расстоянии с маленькими зелеными человечками? Харман посерьезнел, вспомнив слова Просперо, что Ариэль с помощью МЗЧ удерживает тысячи тысяч атакующих калибанов у южных границ Старой Европы, и сразу решил воспользоваться этой связью, чтобы зеки вместе с людьми противостояли войниксам.

От исследования функций голова у Хармана разболелась еще сильнее. Почти случайно сверившись с внутренним медицинским наблюдателем, он узнал, что его головные боли связаны с уровнем адреналина и повышенным давлением. Он прибег к другой медицинской функции, более активной, чем простое наблюдение, и на пробу разрешил выпустить в свой организм кое-какие химические вещества. Сосуды шеи расширились, расслабились, тепло побежало к

замерзшим кончикам пальцев, головная боль отпустила.

«Подросток мог бы воспользоваться этой функцией, чтобы избавиться от непрошеной эрекции», — подумал Харман и снова обозвал себя старым развратником.

«Впрочем, не такой уж и старый», — поправился он. Согласно медицинскому наблюдателю, у него было тело тридцатиоднолетнего мужчины, слегка утратившего спортивную форму.

Однако список функций на этом не заканчивался. Оставались улучшение восприятия фигуры и фона, усиленная эмпатия, то, что Харман окрестил про себя функцией берсерка, — резкий выплеск адреналина и мгновенный рост физической силы — видимо, последний резерв для боя или происшествий, когда нужно, скажем, отбросить падающую на ребенка двухтонную плиту. Помимо функции воспроизведения памяти, которой он уже злоупотребил, обнаружилась способность воспроизвести данные, полученные через функцию обмена. Кроме того, он мог ввести свое тело в своего рода спячку, то есть на время замедлить любые процессы до состояния стазиса. Харман понял, что это вовсе не для того, чтобы крепче выспаться, а скорее для чего-то

вроде хрустального гроба в Тадже, когда нужно долго — или *очень* долго, как в случае Мойры, — оставаться живым и неподвижным, но при этом избежать пролежней, атрофии мускулов, дурного запаха изо рта и других побочных эффектов обычного бессознательного состояния. Харман сразу сообразил, что Сейви много раз использовала эту функцию во временны́х саркофагах за те четырнадцать веков, когда скрывалась от войниксов и постлюдей.

Было еще много функций, в том числе невероятно интригующих, но при попытке сосредоточиться на них голова снова заболела, и Харман отложил дальнейшие исследования до утра.

И тут же его захлестнула более мощная сенсорная информация. Волны наверху. Фотолюминесценция фитопланктона в верхнем слое Атлантического океана, казавшаяся усталым глазам чем-то вроде подводного полярного сияния.

Небо над Атлантикой тоже полыхало: молнии уже не били в море, а беззвучно вспыхивали, высвечивая изнутри фрактальную сложность клубящихся туч. Даже отзвуки грома не достигали дна Атлантической Бреши, так что Харман, заложив руки за голову, просто наслаждался игрой света и отблесками молний на бушующих

волнах.

Узоры, геометрия, закономерности. Вся природа и вселенная танцевали на краю хаоса, оберегаемые фрактальными границами и миллиардом скрытых алгоритмических протоколов, прописанных в каждом взаимодействии. Однако это было красиво — до чего же красиво! Харман осознал, что есть по меньшей мере одна функция, которую он до сих пор толком не изучил, способная распознавать закономерности гораздо лучше обычных человеческих чувств. Впрочем, она, вероятно, зависела от работы спутников, а кроме того… Харман и не нуждался в генетически усиленных способностях, чтобы оценить чистую красоту светового шоу, которое разыгрывалось для него посреди Атлантики.

Лежа на дне Бреши, Харман молился за Аду и будущее дитя (после активации функций она бы легко узнала, кого ждет — сына или дочку). Ему хотелось быть сейчас с ней. Он молился Богу, о котором никогда не задумывался по-настоящему, — Тихому Богу, которого Сетебос и его приспешник Калибан страшились больше всего на свете, судя по тому, что чудовище болтало на острове Просперо. Харман молился только, чтобы его любимая Ада была жива, здорова и счастлива,

насколько это возможно в ужасные времена вдали от него.

Засыпая, он слышал, как Мойра со скрежетом и завываниями выводит рулады. Он сонно усмехнулся. Тысячи лет нанотехнологий и перестройки ДНК не излечили постлюдей от банального храпа. Хотя, конечно, за образец взяли человеческое тело Сейви…

Харман уснул, не успев додумать мысль.

71

Ахиллес жалеет, что не умер.

Густой зловонный воздух Тартара обжигает легкие, глаза слезятся от нестерпимой рези, кожа и внутренности готовы одновременно взорваться и сплющиться от давления, а великанша-океанида так сильно стискивает его в крепко сжатом кулаке, что ребра трещат, будущее туманно, и Ахиллес хотел бы умереть, лишь бы это поскорей кончилось.

Но квантовые Судьбы не оставили ему такой возможности. Бессмертная стерва-мамаша, блудливая Фетида, утверждавшая, что любит его отца — Пелея, человека, которого он всегда чтил как отца, а затем переспавшая с Зевсом, курва подводная, погрузила младенца Ахиллеса в Небесное

пламя и создала точку квантовой сингулярности его смерти. В эту точку могли привести лишь действия ныне покойного и кремированного Париса — вот, как говорится, и весь сказ.

Остается только страдать и по мере сил наблюдать за тем, что творится вокруг тесной, стремительно сжимающейся сферы, пронизанной болью и неудобством.

Три титанессы-океаниды — Иона, Пантея и Асия — быстро шагают сквозь ядовитую мглу навстречу какому-то свечению, — возможно, это извергающийся вулкан. Ахиллес зажат в громадном потном кулаке Асии. Когда ему удается разлепить веки, он сквозь слезы — вызванные едкими веществами в воздухе, а не переживаниями — видит высокие скалистые гряды вроде той, по которой шагают сейчас океаниды, грохочущие вулканы, бездонные пропасти, наполненные лавой и невиданными чудовищами, гигантских сороконожек (видимо, родственников Целителя на Олимпе), силуэты других титанов, с ревом ломящихся в тумане, подсвеченные оранжевым облака, яростные прочерки молний и прочие электрические явления.

Внезапно великанша Пантея вопрошает:

— Какая форма, скрытая покровом, сидит на

том эбеновом престоле[65]?

Голос Асии грохочет, как камнепад (Ахиллес не в силах даже зажать уши ладонями в кислотных ожогах):

— Покров упал.

Пантея:

— Я вижу мощный мрак, он дышит там, где место царской власти, и черные лучи струит кругом, но сам Демогоргон бесформенный, для глаз неразличимый; ни ясных черт, ни образа, ни членов; но слышим мы, что это Дух живой.

Теперь подает голос Демогоргон, и Ахиллес зарывается лицом в гигантскую шершавую ладонь великанши, тщетно пытаясь приглушить боль от всепроникающих инфразвуковых раскатов:

— СПРОСИТЕ, О ЧЕМ ХОТИТЕ ЗНАТЬ, ОКЕАНИДЫ.

Асия протягивает руку с корчащимся на ней человеком:

— Не скажешь ли, что за зверушку мы поймали? По виду — более звезда морская, чем человек, и так же извивается и пищит!

---

[65] Примечания: 65

Какая форма, скрытая покровом, сидит на том эбеновом престоле? — Здесь и далее цитаты из «Освобожденного Прометея» Шелли (акт II, сц. 4), из которых по большей части состоят диалоги в этой главе, приведены в переводе К. Бальмонта.

Демогоргон трубит в ответ:

— О НЕТ, В ТВОЕЙ РУКЕ ВСЕГО ЛИШЬ СМЕРТНЫЙ, ХОТЯ ОН И ОБРЕЛ БЕССМЕРТЬЕ ПО НЕДОСМОТРУ НЕБЕСНОГО ОГНЯ. ИМЯ ЕМУ АХИЛЛЕС, И ДОМ ЕГО ОТСЮДА ДАЛЕКО. ДО НЫНЕШНЕГО ДНЯ ОН ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК, НИСШЕДШИЙ В МРАЧНЫЙ ТАРТАР.

— А-а, — разочарованно тянет Асия и грубо сажает надоевшую игрушку на раскаленный валун.

Ахиллес чувствует вокруг жар, а когда открывает глаза, то за счет светящейся лавы видит дальше, чем прежде, но в ужасе понимает, что эта лава течет с обеих сторон его дымящегося валуна. Он поднимает взгляд. Перед ним трон — гора выше извергающихся вулканов, и на этом троне восседает нечто закутанное, уходящее на мили вверх. От бесформенности и бестелесности Демогоргона Ахиллеса тянет блевать, что он и делает. Океаниды, похоже, этого не замечают.

Асия вопрошает Демогоргона:

— Что можешь ты еще сказать?

— ВСЕ, ЧТО СПРОСИТЬ ПОСМЕЕТЕ.

— Кто создал мир живущий? — спрашивает Асия.

Ахиллес уже решил, что она самая словоохот-

ливая, если не самая умная, из трех дебильных сестер.

— БОГ.

— Кто создал все, что содержи́т он, — порыв страстей, фантазию, рассудок, волю, мысль? — допытывается Асия.

— БОГ — ВСЕМОГУЩИЙ БОГ.

Ахиллес заключает, что у этого Демогоргона в запасе маловато слов, а мыслей в голове — если у него вообще есть голова — и того меньше. Чего бы только герой не дал за возможность встать, вытащить меч и прикрыться щитом! Первым делом он убил бы Демогоргона, потом трех сестер-океанид… медленно.

— Кто создал чувство, что в меркнущих глазах рождает слезы светлей, чем взор неплачущих цветов, когда весенний ветер, пролетая, к щеке прильнет случайным поцелуем иль музыкой желанной прозвучит любимый голос, — то немое чувство, что целый мир в пустыню превращает, когда, мелькнув, не хочет вновь блеснуть?

Ахиллеса опять выворачивает — на сей раз не из-за укачивающего зрелища, а по эстетическим соображениям. Он решает, что все-таки первыми убьет океанид. А гадину Асию он бы с удовольствием убил несколько раз подряд. Хорошо бы

вычистить ее череп и поселиться внутри, как в доме с глазницами вместо окон.

— БОГ, ПОЛНЫЙ МИЛОСЕРДЬЯ, — произносит Демогоргон.

В греческом нет слова «вышеупомянутый», но Ахиллес думает, что Демогоргону следовало бы его выдумать. Ахейца нимало не удивляет, что океаниды и этот бесформенный дух здесь, в Тартаре, общаются между собой на привычном ему греческом. Они странные существа, чудовища, строго говоря, но даже чудовища на памяти Ахиллеса всегда говорили по-гречески. В конце концов, они же не варвары.

— Кто ж создал раскаянье, безумье, преступленье и страх, — продолжает Асия с безжалостным упорством двухлетнего ребенка, который только что научился поддерживать разговор со взрослым, спрашивая «почему?» сто раз подряд, — и все, что, бросив цепь вещей, влачась, вползает в разум человека и там над каждым помыслом висит, идя неверным шагом к смертной яме? Кто создал боль обманутой надежды, и ненависть — обратный лик любви, презрение к себе, — питье из крови, и крик скорбей, и…

Тут она осекается на полуслове.

Ахиллес от души надеется, что какой-нибудь

преисподний катаклизм уничтожит весь этот мир и поглотит Асию с ее сестрами, словно медовые сласти на мирмидонском пиру, но, с трудом разлепив обожженные веки, видит перед собой всего лишь круг света, изливающий сияние в багровое марево.

Бран-дыра.

Из светящегося круга появляется фигура. Она отдаленно напоминает человека, но собрана из металлических шаров. Круглая не только голова: из шаров составлены и туловище, и раскинутые в стороны руки, и чуть подгибающиеся ноги. Только ступни и ладони, покрытые чем-то вроде бронзы, смутно походят на человеческие.

Существо приближается. Из шаров поменьше, заменяющих ему плечи, бьют два снопа света. Правая ладонь выпускает красный луч не толще метательного копья и направляет его на сестер-океанид, отчего их кожа шипит и вздувается волдырями. Великанши пятятся, ступая по щиколотку в кипящей лаве. Алый свет для них не помеха; титанессы закрывают лица и глаза от слепящего белого сияния бран-дыры.

— Ахиллес, чтоб тебе, так и будешь тут валяться?

Гефест! Теперь Ахиллес видит, что железные

пузыри, тяжелые перчатки и толстая обувь — это защитный костюм. На спине у кузнеца исходит паром некий дыхательный мешок, а верхний пузырь прозрачен как стекло. Теперь в отраженном свете плечевых прожекторов и ручного лазера Ахиллес различает уродливую бородатую физиономию карликового бога.

Ахиллес с трудом издает слабый писк.

Бог огня смеется, и микрофоны в пневмокостюме усиливают его гадкий хохот.

— Что, не по нраву тебе здешний воздух и гравитация? Бывает. Вот надень-ка, это называется термоскин. В нем хотя бы дышать можно.

Бог огня и ремесел бросает на валун рядом с Ахиллесом невозможно тонкое одеяние.

Герой пытается шевельнуть рукой, но может лишь корчиться и надрывно кашлять.

— Едрить меня через левое плечо! — говорит калека. — Так и знал, что придется тебя одевать, словно младенца. Ладно, лежи и не дергайся. Да не вздумай меня обгадить или облевать, пока я буду с тобой цацкаться.

Десять минут спустя, когда Гефестова брань висит в атмосфере, как дым от вулканов, Ахиллес уже стоит на камне рядом с богом огня и легко дышит через прозрачную мембрану, которую бог-

карлик назвал «осмотической маской». Поверх золотого термоскина на Ахиллесе латы; держа прославленный щит в кислотных разводах и по-прежнему сверкающий меч, герой смотрит снизу вверх на неразличимую громаду, именуемую Демогоргоном, и вновь чувствует себя неуязвимым. Ему ничуть не страшно. Только бы Асия продолжила задавать свои дурацкие вопросы, тогда у него будет повод выпустить ей кишки.

— Демогоргон, — взывает бог огня через усилители в шлеме-аквариуме, — мы с тобой уже встречались — более девятнадцати веков назад, во время битвы олимпийцев с титанами. Меня зовут Гефест…

— А, ТЫ ТОТ КАЛЕКА, — рокочет Демогоргон.

— Да. Очень приятно, что ты меня помнишь. Мы с Ахиллесом явились в Тартар, чтобы просить о помощи тебя и титанов — Крона, Рею и всех Бывших.

— ДЕМОГОРГОН НЕ ПОМОГАЕТ ПРОСТЫМ БОГАМ И СМЕРТНЫМ.

— Разумеется, — отвечает Гефест; его скрипучий голос усилен в сто раз динамиками костюма. — Хреново. Ахиллес, может, сам попробуешь? С ним толковать все равно что с собственной жопой.

— А эта груда пустоты меня услышит? — спрашивает Ахиллес у малорослого бога.

— Я ТЕБЯ СЛЫШУ.

Герой запрокидывает голову и смотрит на багровые тучи чуть в стороне от закутанного бесформенного нелица вздымающегося перед ним несущества.

— Демогоргон, когда ты говоришь «Бог», то имеешь в виду Зевса?

— КОГДА Я ГОВОРЮ «БОГ», Я ИМЕЮ В ВИДУ БОГА.

— Значит, Зевса, потому что сейчас сын Крона и Реи собирает на Олимпе уцелевших богов, дабы провозгласить себя богом богов, владыкой всего сущего, Богом этой и прочих вселенных.

— ЗНАЧИТ, КТО-ТО ИЗ ВАС ЛЖЕТ: ЛИБО ОН, ЛИБО ТЫ, ЧЕЛОВЕЧЬЯ ОТРАСЛЬ. БОГ ЦАРСТВУЕТ, ОДНАКО НЕ НА ОЛИМПЕ.

— Зевс поработил всех других богов и смертных, — говорит Ахиллес; благодаря микрофонам и радиопередатчикам его речь разносится эхом по склонам вулканов и опаленным утесам.

— ВСЕ ДУХИ — ЕСЛИ СЛУЖАТ ЗЛУ — РАБЫ. ТАКОВ ИЛЬ НЕТ ЗЕВЕС — ТЫ МОЖЕШЬ ВИДЕТЬ.

— Да, я вижу, — ответил Ахиллес. — Зевс жадный бессмертный сукин сын. Не в обиду Рее

будь сказано, если она слушает нас где-то там, в темноте. По-моему, он трус и хвастун. Но если ты считаешь его Богом, то он будет вовеки царствовать на Олимпе и во вселенной.

— Я ГОВОРЮ, КАК ВЫ. ЗЕВС — ВЫСШИЙ ИЗ ВСЕХ СУЩЕСТВ, КОТОРЫЕ ЖИВУТ.

— Кому подвластен раб? — спрашивает Ахиллес.

— Отлично! — шипит Гефест. — Как есть в яблочко!

— Заткнись, — цедит Ахиллес.

Демогоргон рокочет так громко, что поначалу Ахиллесу кажется, будто извергается соседний вулкан; потом из грохота рождаются осмысленные слова:

— ВОЗМОЖНО ЛЬ БЕЗДНЕ ИЗВЕРГНУТЬ СОКРОВЕННОСТЬ ИЗ СЕБЯ! НЕТ ОБРАЗА У ИСТИНЫ ГЛУБОКОЙ, НЕТ ГОЛОСА, ЧТОБ ВЫСКАЗАТЬ ЕЕ. И БУДЕТ ЛИ ТЕБЕ КАКАЯ ПОЛЬЗА, КОГДА ПЕРЕД ТОБОЙ ВЕСЬ МИР ОТКРОЮ С ЕГО КРУГОВРАЩЕНИЕМ? ЗАСТАВЛЮ БЕСЕДОВАТЬ СУДЬБУ, УДАЧУ, СЛУЧАЙ, ИЗМЕНЧИВОСТЬ И ВРЕМЯ? ИМ ПОДВЛАСТНО ВСЕ, КРОМЕ НЕСКОНЧАЕМОЙ ЛЮБВИ И СОВЕРШЕНСТВА ТИХОГО.

— Как скажешь, — говорит Ахиллес. — Но прямо

сейчас Зевс провозглашает себя владыкой всего сущего и скоро потребует, чтобы это сущее — не только его мирок у подножия Олимпа — поклонялось ему, и никому более. Счастливо оставаться, Демогоргон.

Ахиллес поворачивается, хватает бога ремесел за руку в металлических пузырях и тащит прочь от нависающей над ними неоформленной массы.

— СТОЙ!.. АХИЛЛЕС, ПЕЛЕЯ МНИМЫЙ СЫН И НАСТОЯЩИЙ — ЗЕВСА, СТОЙ, БУДУЩИЙ ВЕРШИТЕЛЬ БОГО- И ОТЦЕУБИЙСТВА! ЖДИ.

Ахиллес останавливается, оборачивается и ждет вместе с Гефестом. Океаниды прикрывают головы, будто на них сыплется вулканический пепел.

— Я ВЫЗОВУ ТИТАНОВ ИЗ ПЕЩЕР, УЩЕЛИЙ И ДРУГИХ УКРОМНЫХ МЕСТ. Я ПОВЕЛЮ ЧАСАМ БЕССМЕРТНЫМ ДОСТАВИТЬ ИХ СЮДА!

С грохотом, по сравнению с которым все прежние нестерпимые шумы кажутся тишиной, горы вокруг Демогоргонова трона раскалываются в багровой ночи, повсюду разливается сияние лавы, тьму Тартара прорезает радуга немыслимых оттенков, и внезапно из ниоткуда возникают колесницы, каждая величиной с утес, влекомые

исполинскими животными, но не конями — они даже отдаленно не похожи на коней. Их подгоняют возницы с бешеными глазами, не люди и не боги, за ними еще животные с глазами, горящими страхом. Смертному почти невозможно смотреть на этих возниц, и Ахиллес отводит взгляд. Он думает, что неразумно блевать, когда на тебе маска термоскина.

— ТО БЕССМЕРТНЫЕ ЧАСЫ, О НИХ ТЫ ВОПРОШАЛ, — грохочет Демогоргон. — ОНИ ДОСТАВЯТ КРОНА И ВЕСЬ ЕГО РОД.

Воздух взрывается акустическими ударами, океаниды в ужасе визжат, исполинские колесницы исчезают в кругах яркого пламени.

— Ну вот… — произносит Гефест по рации костюма, но мысли своей не заканчивает.

— Подождем, — говорит Ахиллес, убирая меч и вешая щит за спину.

— Уже недолго, — отвечает Гефест.

Воздух вновь наполняется огненными кругами. Огромные колесницы возвращаются сотнями. Нет, тысячами. В них стоят исполины, из которых лишь немногие похожи на людей.

— СМОТРИТЕ! — изрекает Демогоргон.

— Трудно было бы не смотреть, — говорит Ахиллес; он уже овладел собой и прикрылся огромным

красивым щитом.

А колесницы титанов все прибывают.

72

Когда Харман проснулся, Мойры рядом не было. День выдался холодный, пасмурный, дождь лил как из ведра. Атлантика по-прежнему клокотала, однако сегодняшние волны не шли ни в какое сравнение с водяными горами, которые Харман видел ночью в блеске молний. Спал он плохо, его мучили кошмары.

Он свернул тончайший спальный мешок, зная, что тот высохнет сам, и убрал в рюкзак. Одежду оставил в гермомешке, только натянул поверх термоскина носки и обулся.

Вчера, перед грозой, они с Мойрой посидели у костра — естественно, без сосисок и маршмеллоу, о которых Харман знал только из библиотеки Таджа. Однако он съел вторую половину своего безвкусного питательного батончика и запил ее водой.

Теперь вымокшая зола смотрелась бледно-серым пятном среди грязного месива, в которое превратилось дно Атлантической Бреши между камнями и кораллами. Харман поймал себя на том, что бессмысленно бродит вокруг места но-

чевки, выискивая какие-нибудь последние следы Мойры… быть может записку.

Ничего не было.

Он поправил рюкзак на спине, опустил капюшон термоскина, вытер капли с защитных очков и пошел на запад.

Тучи сгущались, дождь усилился, стены водяного коридора становились все выше и мрачнее. Харман уже привык к оптическому обману, когда казалось, будто не дно уходит вниз, а сами вертикальные стены поднимаются вверх. Он шел дальше по дороге, прорезанной в черной скальной породе, по узким и скользким мосткам без перил над глубокими ущельями, переваливал через другие хребты, и хотя в таких местах стены были гораздо ниже (футов двести, прикинул Харман), подъем выматывал и усиливал клаустрофобию — скалы словно надвигались на него с обеих сторон.

К полудню — о том, что сейчас полдень, он знал благодаря встроенной функции времени, поскольку солнце не проглядывало, а дождь хлестал так, что Харман уже подумывал закрыть осмотической маской рот и нос, — подводные горы закончились и дорога вновь стала прямой и ровной. Это немного подняло ему настроение, но

лишь самую малость.

Теперь он радовался каменистым или коралловым участкам пути, потому что привычный слежавшийся грунт за ночь превратился в хлюпающую грязную жижу. Наконец Харман устал идти — по здешнему поясному времени был уже ранний вечер, — сел на камень, выступающий из северной силовой стены океана, и принялся жевать сегодняшний питательный батончик, потягивая холодную воду из трубки гидратора.

Батончики — по одному в сутки — не утоляли голода, а вкус у них был таким, каким Харман представлял себе вкус опилок. К тому же их оставалось только четыре. Что ему делать, когда еда кончится? На что рассчитывали Просперо и Мойра? По его прикидкам, идти предстояло еще дней семьдесят-восемьдесят. Действительно ли пистолет будет работать под водой? Но допустим, Харман убьет большую рыбу — сможет ли он протащить ее сквозь защитное поле? Сухие водоросли и деревянные обломки встречались все реже… на чем готовить гипотетическую добычу? В рюкзаке лежала зажигалка — часть многофункционального инструмента, включавшего вилку, ложку и выкидной нож, — а также металлическая миска, легко превращавшаяся в кастрюлю,

если дотронуться до нее в нужных местах. Однако тратить каждый день по нескольку часов на рыбалку…

Примерно в полумиле к западу Харман видел еще одну скалу. Она была огромная — с иные хребты, которые он оставил позади, — и торчала из северной стены Атлантики перед очередной расщелиной. Только форма у этой скалы или кораллового рифа была странная. Вместо обычного хребта, пересекающего Брешь и разрезанного посередине дорогой, Харман видел наклонный утес, уходящий в песок и суглинок Бреши. Более того, утес выглядел закругленным и более гладким, чем вулканический базальт, по которому дорога шла последние три дня.

Харман уже научился активировать увеличительные и телескопические функции в очках термокостюма, что сейчас и сделал.

Это была не скала. Из северной стены Бреши, зарывшись носом в ее дно, выступало некое огромное творение человеческих рук. От бутылкообразного дельфиньего носа — покореженный металл, торчащие балки — конструкция расширялась до плавных изгибов, похожих на женские бедра, и пропадала в силовом поле.

Харман убрал остаток батончика, достал

пистолет и, закрепив его липучкой на бедре термоскина, направился к затонувшему кораблю.

Харман стоял под огромной конструкцией — она оказалась значительно больше, чем выглядела с расстояния почти в милю. Судя по всему, это была какая-то подводная лодка. Балки развороченного носа заржавели, вероятно, не от морской воды, а от ливней, но гладкий, почти резиновый с виду корпус, уходящий через силовое поле в полуденную темноту океана, выглядел более или менее целым. Силуэт в воде различался еще ярдов на десять, не дальше.

Харман смотрел на пробоину возле носа. «Брешь в Бреши», — тупо думал он, стоя под струями дождя, стекающими по капюшону и линзам. Он был уверен, что сможет пролезть через нее внутрь. Точно так же он был уверен, что лезть туда — идиотизм. Его задача — не изучать обломки кораблекрушения двухтысячелетней давности, а дойти до Ардиса или хотя бы до другого человеческого поселения, желательно поскорее: за семьдесят пять, за сто, за триста дней — не важно. Его единственная обязанность — просто идти на запад. Неизвестно, что ждет в машине Потерянной Эпохи, но там он может погибнуть и уж точно не узнает ничего сверх знаний, полученных в

хрустальном чертоге.

И все же…

Харман и без хрустального чертога знал, что его род, пусть генетически измененный и улучшенный за счет наноцитов, произошел от шимпанзе и гоминидов. Любопытство погубило многих его благородных хвостатых предков, оно же помогло им избавиться от хвостов.

Харман положил рюкзак в нескольких ярдах от носа корабля (ткань была водонепроницаемая, но он не знал, выдержит ли она высокое давление), взял пистолет в правую руку, включил два ярких прожектора на груди и через дыру с рваными металлическими краями протиснулся в темный коридор мертвого корабля.

73

Грекам не продержаться до вечера.

Вообще-то, если так и дальше пойдет, они не доживут и до ланча. И я тоже.

Ахейцы все плотнее сжимают полукруг на полоске берега у красного от крови прибоя. Они бьются как демоны, однако натиск Гектора неумолим. По меньшей мере пять тысяч греков пали с начала атаки. Благородного Нестора унесли без сознания в шатер — копье пронзило

ему плечо и раздробило кость. Старик пытался заменить отсутствующих или погибших героев — Ахиллеса, Агамемнона, Менелая, Большого Аякса, хитроумного Одиссея — и сделал все, что мог, однако его настигло вражеское копье.

Погиб Несторов сын Антилох, храбрейший из ахейцев в последние несколько дней. Меткий троянский лучник поразил его стрелой в живот. Другого Несторова сына, Фразимеда, никто не видел с тех пор, как три часа назад его стащили в заполненный троянцами ров. Частокол и все укрепления уже в обагренных кровью руках Гектора.

Малый Аякс ранен — ему рассекли мечом обе голени над бронзовыми поножами. Несколько минут назад его вынесли с поля боя к сгоревшим кораблям, где ничуть не безопаснее. Погиб воин-целитель Подалирий, сын легендарного Асклепия. Воины Деифоба разрубили гениального врача на куски, а его окровавленные доспехи забрали в Трою.

Аластор, друг Тевкра, занявший место Фразимеда во время свирепой битвы за пригорок позади брошенных рвов, пал на глазах у своих людей и несколько минут корчился, изрыгая проклятия, пронзенный дюжиной стрел. Пятеро ахейцев

пробились к его телу, но их порубил авангард Гектора. Тевкр, глотая слезы, посылал стрелу за стрелой в глаза и животы убийц Аластора, но все-таки медленно отступил вместе с товарищами.

Теперь отступать некуда. Мы зажаты на узкой полоске пляжа, прилив лижет нам ноги, дождь стрел не прекращается. Все греческие кони пали с громким ржанием, кроме тех, кого хозяева, рыдая, выпрягли и погнали к наступающим вражеским рядам. Еще трофеи для троянцев.

Если я останусь, меня точно убьют. В бытность схолиастом и особенно тайным агентом Афродиты, когда у меня были непробиваемые доспехи, левитационная сбруя, Аидов Шлем невидимости, морфобраслет, тазер и все прочее, я чувствовал себя почти что неуязвимым даже достаточно близко от сражения. Помимо стрел, смертельно опасных и на большом расстоянии, на этой войне не так уж часто убивают издалека. Вонзая сталь — или чаще бронзу — в тело врага, воин чует запах его дыхания и пота; слюна, кровь, мозги противника брызжут ему в лицо.

За последние два часа я трижды чуть не лишился жизни. Один раз копье, перелетевшее через ряды защитников, чуть не отхватило мне яйца. Я высоко подскочил, а когда оно воткнулось в

песок, с размаху сел на него, и вибрирующее древко ударило меня по гениталиям. Затем стрела, одна из тысяч затмевавших солнце и миниатюрным лесом торчащих из песка, прочертила мне новый пробор на голове, а минуту спустя другая вонзилась бы мне в горло, если бы какой-то незнакомый аргивянин не поднял свой круглый щит и не отразил ядовитое острие.

Пора уносить ноги.

За время с рассвета я сотни раз тянулся к медальону, однако до сих пор так и не квитировался отсюда. Почему — не знаю.

Впрочем, знаю. Не хочу бросать этих людей. Не хочу сидеть в безопасности у Елены в опочивальне или на ближайшем холме, зная, что люди, за которыми я десять лет наблюдал, с которыми разговаривал, преломлял хлеб и пил вино, гибнут на залитом кровью берегу, как овцы на бойне.

Но я не могу их спасти.

Или могу?

Я сжимаю медальон, воображаю место, где бывал прежде, поворачиваю золотой диск наполовину, открываю глаза и обнаруживаю, что падаю в длинную-предлинную шахту лифта.

Нет, не падаю, осознаю я — с запозданием, успев дважды вскрикнуть. Я в невесомости в главном

коридоре на палубе «Королевы Маб» — на той палубе, где располагалась моя каюта. Однако тогда здесь была гравитация. А теперь — лишь падение и падение. На самом деле я не падаю, а трепыхаюсь в воздухе, пытаясь добраться до двери каюты или до астрогационного пузыря двадцатью ярдами выше — или ниже.

Из ближайшей лифтовой шахты — кабины в ней нет — выскакивают двое черных хитиновых моравеков Пояса в черных шипастых доспехах и с головами-масками. Они хватают меня под руки и тащат к шахте. Я понимаю, что роквеки могут двигаться в невесомости не только потому, что привыкли к ней (в их родном Поясе астероидов гравитация почти нулевая), но и благодаря встроенным в панцири почти бесшумным соплам, которые выбрасывают струи чего-то прозрачного, возможно простой воды. Что бы это ни было, оно позволяет им быстро и ловко двигаться в мире, начисто лишенном притяжения. Без единого слова они втаскивают меня в шахту, идущую по всей длине «Королевы Маб». Чтобы понять мои ощущения, представьте себе, что вы прыгнули в пустую лифтовую шахту Эмпайр-стейт-билдинга. Вот и я реагирую как любой нормальный человек — снова ору.

Солдаты спускаются — или поднимаются? — по гулкому коридору длиной в сотни футов, оглашаемому моими воплями, и через мембрану силового поля втаскивают меня в шумное помещение. Даже из положения вверх ногами его легко узнать: это мостик. За все время на корабле я был здесь лишь раз, но его ни с чем не спутаешь. Незнакомые мне моравеки работают за трехмерными виртуальными панелями управления, у голографических проекций стоят роквеки. Один из них — генерал Бех бен Ади, имя другого, похожего на паучка, я сейчас не могу припомнить, а рядом — диковинного вида штурман Чо Ли и первичный интегратор Астиг/Че.

Первичный интегратор без усилия отталкивается и летит ко мне. Тем временем два роквека накрепко пристегивают меня к сетчатому креслу, чтобы я не сбежал. Нет, соображаю я, они не связывают меня как пленника, а усаживают для удобства. Это чуть-чуть помогает. По крайней мере, в неподвижности появляется чувство верха и низа.

— Мы не ожидали вас обратно, доктор Хокенберри, — произносит маленький моравек ростом примерно с Манмута, но из пластика, металла и полимеров другой окраски. — Приношу извине-

ния за невесомость. У нас выключены двигатели. Я могу создать дифференциал давлений за счет внутренних силовых полей, что даст вам ощущение гравитации, однако, честно сказать, мы удерживаемся в заданной точке орбиты земного полярного кольца и хотели бы без крайней необходимости избегать значительных перемен в использовании внутренней энергии.

— Все в порядке, — отвечаю я, надеясь, что они не слышали моих воплей в шахте. — Мне нужно поговорить с Одиссеем.

— Он сейчас… э-э-э… недоступен, — говорит Астиг/Че.

— Мне надо с ним поговорить.

— Боюсь, это невозможно, — возражает моравек. Он примерно одного роста с моим приятелем Манмутом, но выглядит и говорит иначе. Его голос как будто даже успокаивает.

— Но мне совершенно необходимо… — Я умолкаю на полуфразе.

Они убили Одиссея. Очевидно, эти полуроботы сделали что-то ужасное с единственным, кроме меня, человеком на борту корабля. Не знаю, зачем им было убивать ахейца, но ведь я никогда не понимал и трети того, что совершают или не совершают моравеки.

— Где он? — Даже пристегнутый к маленькому сетчатому сиденью, я пытаюсь говорить властно и уверенно. — Что вы с ним сделали?

— Мы ничего не делали с сыном Лаэрта, — говорит Астиг/Че.

— Зачем бы мы стали причинять вред гостю? — спрашивает коробочка с паучьими ножками, чье имя я так и не вспомнил… Ах да. Ретроград Йогенсон. Или Гундерсон. В общем, что-то скандинавское.

— Тогда приведите его сюда, — говорю я.

— Не можем, — повторяет Астиг/Че. — Одиссея нет на корабле.

— Нет на корабле?

Тут мой взгляд падает на голографический экран, встроенный в нишу корпуса вместо иллюминатора. А может, это правда иллюминатор. Он весь заполнен чем-то бело-голубым, вращающимся.

— Одиссей спустился на Землю? — спрашиваю я. — На*мою* Землю?

Мою ли? Конечно, я там жил и умер, но тысячи лет назад, если верить богам и моравекам.

— Нет, Одиссей не спускался на поверхность, — говорит Астиг/Че. — Он отправился на встречу с Голосом, который вышел на связь с нашим суд-

ном… и назвал Одиссея по имени.

— Покажите доктору Хокенберри, что происходит, — вмешивается Бех бен Ади. — Он поймет, почему с Одиссеем сейчас нельзя поговорить.

Астиг/Че, по-видимому, задумывается над его предложением. Затем поворачивается к Чо Ли. Подозреваю, они совещаются по радиосвязи, после чего штурман двигает рукой-щупальцем, и в двух футах от меня открывается трехмерное голографическое окно.

Одиссей занимается любовью с самой чувственной женщиной, какую мне доводилось видеть, — за исключением, возможно, Елены Прекрасной. В своем мужском самомнении я полагал, что мой секс с Еленой был изобретательным и вполне энергичным. Однако, тридцать секунд поглазев с разинутым ртом на то, что вытворяют голый Одиссей (его загорелое коренастое тело покрыто боевыми шрамами) и экзотическая красотка с пушком на бледной коже и потрясающе подведенными глазами, я понимаю, что мои потуги были убогими, непритязательными, вялыми и замедленными в сравнении с тем, что проделают эти эротические спортсмены.

— Хватит. — Мой голос хрипит, во рту пересохло. — Выключите.

Порнографическое окошко исчезает.

— Кто эта… дама? — с трудом выговариваю я.

— Она говорит, ее зовут Сикоракса, — отвечает Ретроград Чей-то-там-сын; я всякий раз удивляюсь, слыша столь мужественный голос из металлической коробочки на длинных ножках.

— Дайте мне поговорить с Манмутом и Орфу, — прошу я.

Эти двое — мои сравнительно давние знакомцы, Манмут — самый человечный из этих человекомашин. Если я смогу кого-нибудь убедить на «Королеве Маб», то только его.

— Боюсь, что это тоже невозможно, — отвечает Астиг/Че.

— Почему? Они тоже занимаются сексом со смазливыми моравечками?

Неуместность моей жалкой остроты подчеркивает тишина, повисшая на несколько долгих секунд.

— Манмут и Орфу с Ио вошли в земную атмосферу в космошлюпке, на борту которой находится подлодка «Смуглая леди», — говорит Астиг/Че.

— А нельзя связаться с ними по радио или как-нибудь еще? — не сдаюсь я. — В смысле, они могут общаться по радио, как в двадцатом и двадцать первом веках.

— Да, мы поддерживаем связь, — говорит Ретроград Кто-то-там. — Однако в настоящую минуту судно подвергается атаке, и мы не хотим отвлекать их без надобности. Мягко выражаясь, их выживание сейчас под вопросом.

Мне хочется спросить, кто атаковал моих друзей, как и почему, но я понимаю, что это лишь отвлечет от главного.

— Вам надо снова создать бран-дыру на берегу рядом с Илионом.

Бех бен Ади вопросительно разводит руками в черных шипах:

— Почему?

— Иначе троянцы истребят всех греков до единого, а греки этого не заслужили. Хочу помочь им спастись.

— Нет, — поправляется генерал. — Я имел в виду, почему вы думаете, будто мы можем создавать бран-дыры, когда пожелаем?

— Потому что видел, как вы это делали. Вы создали дыры, которые перебросили вас из Пояса астероидов на Марс, потом случайно на Землю Илиона. Больше десяти месяцев назад. Я там был, помните?

— Наши технологии не позволяют открывать бран-дыры в иные вселенные, — говорит Чо Ли.

— Но вы же их открывали! — Мой голос предательски дрожит.

— Нет, — говорит Астиг/Че. — На самом деле тогда мы… это трудно объяснить, а я не ученый и не инженер, хотя у нас их много… Тогда мы перехватили бран-связи так называемых богов и проложили собственные в созданной ими матрице.

— Отлично, — говорю я. — Вот и повторите. От этого зависят десятки тысяч человеческих жизней. И заодно можете вернуть несколько миллионов греков и прочих европейцев Земли Илиона, которых направили в космос в виде голубого луча.

— Мы не знаем, как это сделать, — говорит Астиг/Че.

«Тогда какого хрена вы вообще нужны?» — едва не срывается у меня с языка. Но не срывается.

— Зато вы здесь в безопасности, доктор Хокенберри, — продолжает первичный интегратор.

Мне снова хочется наорать на эту пластиково-металлическую штуковину, но я понимаю, что Астиг/Че прав. Я действительно в безопасности. Во всяком случае, троянцы меня тут не достанут. И возможно, у сладкой малышки, с которой трахается Одиссей, есть сестра… И тут я слышу

собственный голос:

— Я должен вернуться.

Куда вернуться, идиот? К греческим палаткам у моря? Похоже на описание киосков с пахлавой и гиросом в Лос-Анджелесе.

— Вас убьют, — говорит Бех бен Ади. Судя по тону, громадный вояка-гуманоид ничуть не опечален этой перспективой.

— Нет, если вы мне поможете.

Похоже, моравеки опять безмолвно совещаются между собой. В одном из дальних голографических окон-мониторов видно, как Одиссей и экзотическая незнакомка все еще трахаются, как кролики. Теперь женщина сверху. Она еще красивее и соблазнительнее, чем показалось мне с первого взгляда. Главное — не заработать эрекцию перед этими полуроботами. Если заметят (а они чересчур догадливы в том, что касается нас, людей), меня могут понять неправильно.

— Поможем, если это в наших силах, — говорит наконец Астиг/Че. — Что вам нужно?

— Мне нужно побывать в одном месте, но так, чтобы меня не увидели.

Я рассказываю про утраченный Шлем Аида и морфобраслет.

— Морфотехнологии, во всяком случае при-

менительно к живым организмам, превышают наши возможности, — отвечает Ретроград… о, вспомнил!.. Синопессен. — Это манипулирование реальностью на квантовом уровне, которое мы не до конца понимаем. Мы очень далеки от создания машин, меняющих такую форму схлопывания вероятности.

— И мы понятия не имеем, как этот Шлем Аида обеспечивает настоящую невидимость, — добавляет Чо Ли. — Хотя, если речь идет о технологиях олимпийцев или тех сил, которые за ними стоят, скорее всего, принцип заключается в небольшом квантовом сдвиге во времени, а не в пространстве.

— Можете соорудить для меня что-нибудь в таком роде?

Уже спросив, я понимаю: у моравеков нет ни одной серьезной причины делать для меня хоть что-нибудь.

— Нет, — отвечает Астиг/Че.

— Можно подогнать под его фигуру хамелеоновый костюм, — замечает Бех бен Ади.

— Отлично, — говорю я. — А что это?

— Активный камуфляжный полимер, — объясняет генерал. — Примитивный, но действенный, если не менять фон чересчур быстро и резко.

Примерно из такого же материала была оболочка марсианского судна, только этот невидим для инфракрасных лучей и воздухопроницаем. Окуляры наноцитные, чтобы не мешать маскировке.

— Боги увидели и подстрелили марсианский корабль еще на орбите, — напоминаю я.

— Ну… да, — произносит Бех бен Ади. — Это тоже надо учитывать.

— А лучше хамелеона вы ничего не можете предложить?

— В ближайшее время — нет, — отвечает Астиг/Че.

— Ладно, беру. И сколько времени потребуется вашим людям… э-э-э… моравекам, чтобы подогнать костюм и научить меня им пользоваться?

— В ту же секунду, когда мы заговорили об этом, я приказал техническому отделу моделирования эксплуатационных условий браться за работу, — сообщает первичный интегратор. — Ваши размеры у нас записаны. Готовый продукт принесут через три минуты.

— Чудесно, — говорю я без всякой уверенности.

Куда именно мне отправиться? И как убедить тех, кого я там встречу, спасти греков? Да и куда их девать? Их семьи, рабов, друзей и слуг погло-

тил голубой луч, бьющий из Дельф. Моя рука тянется к золотому медальону на шее, пальцы теребят активационный диск.

— Кстати, — замечает Чо Ли, — ваш квантово-телепортационный медальон не работает.

— Что?! — Я выскальзываю из-под ремней и повисаю в воздухе. — В каком смысле?

— Наш осмотр, проведенный в то время, когда вы раньше находились на корабле, показал, что диск, по сути, нефункционален, — сообщает штурман.

— Нечего мне голову морочить. Раньше вы сказали, что просто не можете скопировать его для себя, потому что он настроен на мою ДНК или что-то в этом роде.

Первичный интегратор Астиг/Че издает звук, удивительно похожий на смущенное человеческое покашливание.

— Да, существует некое… сообщение… между диском у вас на шее и вашими клетками и ДНК, доктор Хокенберри. Однако медальон сам по себе не имеет квантовых функций. Не он квитирует вас через пространство Калаби-Яу.

— Чушь собачья, — начинаю я, стараясь сдерживаться. Чтобы отсюда выбраться, мне еще нужно содействие моравеков и хамелеонья шкур-

ка. — Я же*попал* сюда, разве нет? Из вселенной Земли Илиона.

— Да, — говорит Чо Ли. — Попали. Без всякой помощи полого золотого медальона у вас на шее. Вот в чем загадка.

Из открытой двери лифтовой шахты появляется роквек с нарядом хамелеона. С виду — ничего особенного. Честно говоря, больше всего он напоминает мне полиэстеровый спортивный костюм, который я имел глупость завести в семидесятых, только на несколько размеров больше. Такой же дурацкий отложной воротник с острыми концами и зеленый блеск обезьяньей блевотины.

— Воротник растягивается и превращается в капюшон, — говорит Астиг/Че, словно прочитав мои мысли. — Наряд совершенно бесцветен. Зеленый оттенок — всего лишь стандартная настройка, чтобы ткань не терялась.

Я беру хамелеонью кожу, по наивности пытаюсь натянуть ее самостоятельно и через несколько мгновений уже кручусь вокруг своей оси в невесомости, цепляясь за тряпку, будто размахиваю знаменем.

Генерал Бех бен Ади вместе с рядовым хватают меня — они вроде бы знают, как упереться в консоль, чтобы не получить противодействие,

равное действию по силе и противоположное по направлению, — бесцеремонно запихивают в костюм и пристегивают к одному из кресел при помощи ленты-липучки. Так я, по крайней мере, не улетаю.

Вытягиваю воротник и полностью закрываю голову капюшоном.

Это далеко не столь удобно, как нацепить Шлем Аида и сразу исчезнуть. Во-первых, в костюме ящерицы ужасно жарко. Во-вторых, нано-чего-то-там перед глазами не позволяет как следует сфокусировать зрение. Если смотреть сквозь такую штуку час, можно заработать адскую головную боль.

— Ну как? — спрашивает первичный интегратор Астиг/Че.

— Отлично, — вру я. — А меня видно?

— Да, — отвечает Астиг/Че, — но только на гравитационном радаре и в других диапазонах невидимого спектра. Визуально вы целиком слились с фоном — в данном случае с генералом Бех бен Ади. Те, к кому вы отправляетесь, будут пользоваться гравитационными радарами, приборами усовершенствованного тепловидения и тому подобной техникой?

Черт возьми, а откуда мне знать? Вслух я го-

ворю:

— Есть одна загвоздка.

— Какая? Возможно, мы сумеем помочь, — озабоченно, почти участливо произносит первичный интегратор; моей жене очень нравился Джеймс Мейсон.

— Чтобы квитироваться, надо повернуть квит-медальон, — говорю я, гадая, насколько приглушенным звучит для них мой голос. Пот катится у меня по макушке, по щекам, по ребрам. — Я не могу этого сделать, не расстегивая костюма и…

— Хамелеоновый костюм сшит очень свободно, — перебивает генерал; судя по голосу, он меня недолюбливает. — Просуньте руку внутрь костюма. Даже обе руки, если хотите.

— А, ясно.

Я вытаскиваю правую руку из рукава и, считая, что разговор окончен, квант-телепортируюсь с «Королевы Маб».

«Еще как работает!» — хочется крикнуть мне, когда я оказываюсь в той точке пространства-времени, которую вообразил. Но тут я вспоминаю, что надо было попросить у моравеков оружие. А еще — воды и пищи. Ну и наверное, непробиваемые доспехи.

Однако сейчас мне лучше ничего не кричать.

Я материализовался в Великом чертоге собраний на Олимпе, и такое впечатление, что здесь все боги — за исключением Геры. Ее невысокий трон обвит черной траурной лентой. Зевс — футов пятьдесят высотой — восседает на своем золотом троне.

Все остальные, похоже, в сборе. Столько бессмертных я не видел даже на последнем большом совете, куда завалился в несравненно более удобном Шлеме Аида. Многие лица мне вообще незнакомы — и это после десятка лет ежедневных отчетов. Тут сотни и сотни богов — может быть, больше тысячи.

И все молчат. Ждут, когда Зевс к ним обратится.

Стараясь дышать потише и не грохнуться в обморок от удушливой жары в треклятом костюме, надеясь, что никто из небожителей не пользуется гравитационным радаром или усиленным негативным тепловидением, я замираю почти бок о бок с толпой богов, фурий, нимф, эриний и полубогов в ожидании, что скажет Зевс.

74

Еще до того, как пролезть в дыру на корпусе погибшего судна, Харман в целом понимал, что

это такое. Протеиновые пакеты данных в его теле хранили тысячи справок о тысячах типов кораблей за десять тысяч лет человеческой истории. Он не мог подобрать полное соответствие, видя лишь искореженный нос и рваные листы эластичного, невидимого для гидролокаторов материала, однако был практически уверен, что попал на подводную лодку одного из последних столетий Потерянной Эпохи — вероятно, после рубикона, но до появления постлюдей. Времен Деменции.

Он прошел по слегка наклонному коридору, дыша через осмотическую маску, хотя пока еще находился в сухой части судна, и окончательно убедился, что это субмарина.

Харман стоял в помещении, стены которого отклонялись от вертикали всего лишь на десять градусов, однако столкновение с океаническим дном всего в двухстах футах ниже поверхности — задолго до того, как тут появилась Атлантическая Брешь, — покорежило металл и сбросило со стоек с полдюжины длинных контейнеров. Харман видел, что пистолет ему не потребуется. Внутри не было ничего живого. Он прижал пистолет к полосе-липучке у правого бедра и прикрыл его, слегка оттянув термоскин, словно убрал в кобуру,

какие видел в библиотечных книгах Таджа.

Затем он положил правую ладонь на закругленный край одного из упавших контейнеров, гадая, сработает ли функция поиска данных через молекулярные перчатки термоскина.

Функция сработала.

Харман стоял в торпедном отсеке боевой субмарины класса «Мохаммед». Искусственный интеллект системы наведения данной конкретной «торпеды» (до этой миллисекунды Харман ни разу не сталкивался с понятием и словом «торпеда») угас два с лишним тысячелетия назад, однако остаточной памяти мертвых микросхем хватило, чтобы сообщить Харману, что в нескольких дюймах под его ладонью покоится ядерная боеголовка тридцатичетырехтысячефунтовой суперкавитирующей высокоскоростной самонаводящейся торпеды. Эта конкретная боеголовка (еще одно новое слово) имела мощность всего четыреста семьдесят пять килотонн, что соответствует девятистам пятидесяти миллионам фунтов тротила. Взрыв шарика величиной с жемчужину в нескольких дюймах под его ладонью за миллионную долю секунды создаст температуру в десятки миллионов градусов. Харман почти ощутил смертоносные нейтронные и гамма-лучи,

затаившиеся внутри, словно незримые мурены, готовые вырваться на все четыре стороны со скоростью света, чтобы убивать и поражать каждую клетку человеческих тканей на своем пути, проходя сквозь них, как пули сквозь масло.

Он отдернул руку и вытер ее о бедро, как будто испачкался чем-то мерзким.

Вся подлодка представляла собой орудие для убийства людей. Короткое знакомство с умершим ИИ дало понять, что торпедные боеголовки были почти несущественны для настоящей миссии машины и команды. Но чтобы узнать, в чем состояла эта миссия, надо было покинуть торпедный отсек, пройти по наклонной палубе через кают-компанию и столовую, подняться по лестнице, миновать гидроакустическую рубку и помещение связи, а оттуда по еще одной лестнице подняться в центр управления.

Однако все, начиная с дальней половины торпедного отсека, было под водой.

В свете нагрудных фонарей Харман видел северную стену Атлантики футах в пятнадцати впереди. Субмарина много столетий лежала на подводном хребте в двухстах футах ниже уровня моря, целиком заполненная водой, покуда неведомая сила, создавшая Брешь, не вытянула океан

из носовых отсеков, однако от бесчисленного множества подводных существ, живших здесь веками, не осталось даже сухой ракушки. Не было и следа человеческих костей или других останков команды. Силовое поле, разрезавшее Атлантику, физически не рассекло ни умную сталь обшивки, ни металлическую конструкцию — лучи нашарили в месте стыка плотную, неповрежденную палубу, — и все же Харман видел четкий овал океана внутри корпуса. Северная стена силового поля Бреши удерживала воду на всем открытом пространстве, но если шагнуть дальше…. Он мог вообразить давление на глубине двухсот футов и видел стену темноты впереди. Лучи прожекторов отражались от нее, как от потемневшей, но все же зеркальной поверхности.

Внезапно накатил тошнотворный ужас. Харману пришлось ухватиться за ненавистную торпеду, чтобы не рухнуть на ржавые плиты палубы. Ему хотелось сбежать с этого древнего боевого корабля на воздух и свет, сорвать осмотическую маску и блевать, чтобы очиститься от яда, наполнившего тело и разум.

Хотя он опирался на простую торпеду, предназначенную для уничтожения других кораблей, максимум портов, — тем не менее ее мощность

втрое превышала мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму (еще одно слово и образ только что вошли в его потрясенный рассудок), и могла уничтожить все на площади сто квадратных миль.

Харман, всегда умевший точно оценивать на глаз расстояния и размеры — даже в эпоху, не требовавшую подобных навыков, — мысленно начертил квадрат десять на десять миль в сердце Парижского Кратера или с центром мишени в Ардис-холле. В Ардисе взрыв не только за микросекунду испарил бы дом и новые постройки, но и смел бы с трудом возведенные укрепления, прокатился бы огненным шаром до факс-павильона в миле с четвертью менее чем секундой позже, превратил бы в пар реку у подножия холмов, испепелил бы лес и расширяющимся кругом разрушил бы все дальше Тощей скалы, на которой Харман в туринской пелене мельком видел Аду и остальных.

Запоздало активировав дремлющий биомониторинг организма, Харман получил сообщение, которого боялся. Торпедный отсек наполняла остаточная радиация. Уровень утечек из поврежденных боеголовок уже давно должен был стать ниже смертельной дозы, однако в процессе они наверняка облучили весь нос подлодки.

Но нет, сенсоры утверждали, что ближе к корме радиация гораздо выше, а именно туда ему требовалось пойти, чтобы больше узнать про эту машину смерти. Возможно, термоядерный реактор понемногу протекал все эти века. Впереди ждал радиоактивный ад.

Харман достаточно разобрался в собственных биометрических функциях, чтобы знать, как можно пообщаться с внутренним наблюдателем. И он задал самый простой вопрос: «Может ли термоскин полностью защитить меня от вредного излучения?»

Ответ пришел в виде внутреннего голоса и был лаконичен: «Нет».

Идти вперед было безумием. И ему не хватало банальной храбрости пробираться сквозь черную стену воды в радиоактивный водоворот, через затопленную часть торпедного отсека, холод и мрак столовой и кают-компании, где древние счетчики Гейгера просто взбесились бы, опять наверх и вниз по коридору мимо гидроакустической рубки и помещения системы связи, а потом еще по одной лестнице… Невыносимо было даже представить этот убивающий клетки путь до затопленного центра управления.

Безумием было оставаться в этой гнусной под-

лодке, а уж тем более углубляться в нее. Идти дальше — значит погубить себя и ту надежду, которую он несет человеческому роду. Он не вернется к Аде, к ребенку, которому в это ужасное и опасное время нужен отец. Идти дальше — значит погубить всякое будущее.

И все-таки он должен был узнать. Квантовые остатки ИскИна торпедной боеголовки сообщили ровно столько, что теперь Харман просто не мог обойтись без ответа на свой единственный страшный вопрос. И он двинулся вперед, медленно, шаг за шагом.

Впервые за трое суток в Атлантической Бреши он протиснулся через силовую стену. Это было полупроницаемое поле, как на орбитальном острове Просперо. Теперь Харман знал, что значит слово «полупроницаемое»: мембрана пропускала людей старого образца и постлюдей, оставаясь непроницаемой для всего остального. Только на сей раз он шагнул из воздуха и тепла в холод, мрак и чудовищное давление.

Как и рассчитывал Харман, термокостюм защитил его от действия глубины, пусть и не от радиации. Он не стал даже вызывать данные о принципах действия термоскина. Ему было не важно, как именно костюм противодействует

давлению. Противодействует, и ладно.

Нагрудные фонари автоматически усилили яркость, чтобы пробить бликующую мутную воду.

Затопленные отсеки настолько же густо кишели жизнью, насколько стерильна была верхняя половина торпедного отделения. Поселившиеся здесь организмы не только не вымерли в условиях жесткой радиации, но даже откормились и процветали. Все металлические поверхности скрывались под слоями мутировавших коралловых наростов и фосфоресцирующей серовато-голубой, зеленой и розовой живой материи; ее тонкие щупальца и кружевные оборки слабо колыхались. Крабовидные существа разбегались от света. Из люка в кормовой части торпедного отсека высунулся кроваво-красный угорь и тут же втянул голову обратно; в темноте остались только ряды острых зубов. Харман, протискиваясь в люк, старался держаться дальше от угря.

Мертвый искусственный интеллект боеголовки дал ему общее понятие об устройстве судна и расположении центра управления, однако лестницы к столовой и кают-компании на месте не оказалось. Бóльшая часть подлодки была сделана из суперсплавов, которые продержатся еще две тысячи лет даже под водой, однако лестница

(«трап», подсказала новая протеиновая память) давно проржавела и рассыпалась.

Запустив пальцы в ил и качающиеся веера водорослей по обе стороны наклонной лестничной шахты, надеясь не угодить ими в рот очередному угрю, Харман с трудом двинулся вверх сквозь густой зеленый суп. Частички радиоактивного мусора и живности липли к термоскину, маске и очкам, которые приходилось то и дело протирать. Добравшись до уровня кают-компании, Харман был близок к гипервентиляции. Он по опыту знал, что дыхательная маска будет исправно поставлять ему чистый кислород, но от мысли о давлении на каждый квадратный сантиметр тела хотелось съежиться. Он без обращения к банкам памяти понимал, что термоскин защитит его и от холода, и от давления, как защищал в космическом вакууме… только вакуум был гораздо*чище*.

«Вдруг слизь на моих очках была когда-то частью мужчин и женщин, служивших на этой лодке?»

Он гнал такие мысли, не только мерзкие, но и нелепые. Если команда пошла ко дну вместе с лодкой, вечно голодные обитатели океана за несколько лет объели мясо с костей, а немногим позже уничтожили и сами кости.

«Да, но все-таки…»

Харман сосредоточился на том, чтобы пробираться через сломанные койки. Из схемы в уцелевших молекулах памяти боеголовки он знал, что здесь располагалось спальное помещение для людей, теперь оно больше напоминало заросший склеп; полки, покрытые серыми грибами, служили пристанищем мутантным крабам и боящимся света угрям, а не гниющим телам Монтекки и Капулетти.

«Надо бы прочесть больше из этого самого Шекспира. Уж очень много в пакетах памяти связано с его мыслями и текстами», — думал Харман, раздвигая слизистые сталагмиты и заплывая в бывшую столовую. Останки длинного обеденного стола почему-то напомнили ему место людоедского пиршества Калибана на орбитальном острове Просперо — возможно, из-за мутантных грибов и моллюсков, которые приобрели здесь кроваво-розовый оттенок.

В дальнем конце розовой пещеры, как знал Харман, начиналась вертикальная лестница в помещение системы связи, которое ему предстояло миновать, прежде чем через гидроакустическую рубку попасть в центр управления.

Лестницы не было. Узкий вертикальный кори-

дор зарос зелено-синими водорослями. Харману представился Парижский Кратер, превращенный, по словам Даэмана, в гнездо из голубого льда.

Но эту сеть сплела земная океанская жизнь, пусть даже мутантная, и Харман принялся рвать ее, выдергивая столетние заросли большими пучками и жалея, что не захватил с собой топор. В этой вязкой массе нельзя было разглядеть собственных рук. Что-то длинное и юркое — еще один угорь? Какая-то морская змея? — скользнуло по телу и пропало внизу. Харман продолжал разгребать комья радиоактивной слизи, пробираясь в кромешной темноте.

Казалось, он рождается заново, но на сей раз в гораздо более кошмарный мир.

В пылу сражения с водорослями Харман даже сразу не заметил, как очутился в рубке системы связи. Вокруг колыхались зеленые щупальца, а вода была так замусорена, что блики от нагрудных фонарей слепили глаза. Он лежал в первобытной слизи, не в силах двигаться дальше.

Вспомнив, что с каждой секундой вероятность умереть от облучения растет, он встал на колени, сорвал со спины и плеч пучки водорослей, под-

нялся и побрел дальше.

Рубка связи была еще жива.

Осознав это, Харман окаменел. Функции в его теле, с которыми он даже не успел еще ознакомиться, засекли пульсирующую готовность приборов, упрятанных под живым зеленовато-сизым ковром, — готовность передавать информацию, общаться… Не с ним. Коммуникационные ИскИны не заметили Хармана, их способность взаимодействовать с людьми умерла давным-давно вместе с квантовым сердцем компьютеров.

И все же они желали общаться с*кем-нибудь*, а главное — получать приказы.

Зная, что не получит здесь ответа на главный вопрос, Харман полупрошел-полупроплыл через покрытую слизистой коркой гидроакустическую рубку. Почему протеиновая память желала называть это помещение «рубкой», он не знал и знать не хотел.

Если бы Харман когда-нибудь думал о субмаринах (чего ни разу не случалось), он бы, наверное, догадался, что такие лодки строились для движения под водой, — он знал, что искусственный интеллект боеголовки предпочитает слово «лодка», а не «корабль», — и такие подводные лодки

должны быть разделены герметичными люками на множество маленьких отсеков. На этой подлодке все было иначе. Просторные помещения не были изолированы одно от другого. Когда вода хлынула внутрь, люди не задыхались медленно под потолком каюты, а погибли за считаные секунды. Почти как если бы экипаж лодки предпочел мгновенную смерть в большом пространстве долгой агонии в маленьком.

Наконец, осознав, что находится в середине центра управления, Харман перестал плыть и опустился ногами на палубу.

Здесь было гораздо меньше растительности, кое-где поблескивал металл. Сверившись с примитивной схемой, взятой из ИскИна боеголовки, Харман обнаружил пульты запуска торпед и другого оружия — вертикальные металлические колонны, которые прежде проецировали мириады голографических виртуальных элементов управления. Харман обошел помещение, прикасаясь ладонью в термоскине к металлу и пластику, собирая информацию из встроенных в материал умерших квантовых мозгов.

Он не нашел ни кресла, ни сиденья, ни трона для капитана. Видимо, тот просто стоял перед пультом управления, отображавшим состояние и

работу многочисленных систем корабля на виртуальных, а при повреждении соответствующей системы — на жидкокристаллических панелях.

Харман провел рукой в зеленоватом сумраке и вообразил, как гидроакустическая панель возникает…*здесь*. Тактические дисплеи слева… *там.* В нескольких ярдах за его спиной торчали серые поганки-табуреты, с которых члены команды следили за беспрестанно меняющимися показаниями виртуальных приборов, балластом и дифферентом лодки, радарами, эхолотами, GPS, дронами, управляли готовностью и запуском торпед, физически поворачивали маховики горизонтальных рулей…

Харман отдернул руку: незачем забивать себе голову лишними подробностями. Ему надо было знать только….

Здесь.

Сразу за капитанским постом стоял черный металлический монолит. Ни единой ракушки или коралла не наросло на его поверхности, не было даже слизи. Чернота не отражала свет фонарей, поэтому Харман до сих пор его не увидел.

Это был главный искусственный интеллект подлодки, созданный таким образом, чтобы сотней различных способов общаться с командой

и капитаном. Харман знал, что квантовый компьютер даже той эпохи, даже мертвый уже более двух тысячелетий, если он сохранил хотя бы один процент работоспособности, будет живее почти любого живого существа на планете. Квантовый искусственный разум очень стоек.

У Хармана не было кодов доступа к центральным банкам ИскИна, возможно, не было даже языка, чтобы в них разобраться, но это не имело значения. Функции наногенетически запрограммировали в его ДНК много позже смерти машины. Она ничего не могла от него утаить.

И эта мысль ужасала.

Его тянуло на волю из подводного склепа, подальше от радиации, которая пронизывала кожу, мозг, яйца, кишки и глазные яблоки, пока он стоял, парализованный нерешительностью.

«Но я должен узнать».

Он приложил ладонь к черной поверхности монолита.

Субмарина носила название «Меч Аллаха». Она покинула порт…

Харман пропустил журнальные записи, даты, причины древней войны. Он выяснил только, что она действительно произошла еще до рубикона, в годы Деменции, когда Глобальный Халифат

доживал свой век, демократии Запада и Европы умерли, а Новый Европейский Союз превратился в марионеточные вассальные государства, задыхающиеся под гнетом ханства…

Все это не имело значения. Значение имело лишь то, что скрывалось в брюхе субмарины, такое же реальное, как младенец в животе его жены Ады.

Харман в ускоренной перемотке прослушал последние слова двадцати шести членов команды. Вооруженная баллистическими ракетами подлодка класса «Мохаммед» была автоматизирована настолько, что ею могло управлять всего восемь человек, однако добровольцев было так много, что в последний рейс взяли двадцать шесть Избранных.

Все они были мужчины. Все — фанатики. Все перед смертью вручили свои души Аллаху. Насколько понял Харман, субмарину атаковали подводные, надводные, воздушные и космические корабли ханства. Эти люди знали, что им осталось жить несколько минут, затем Земля будет полностью уничтожена.

Капитан отдал приказ о пуске. Главный ИскИн получил этот приказ и передал дальше.

Почему ракеты не взлетели? Харман обыс-

кал все квантовые потроха искусственного интеллекта, но так и не докопался до причины. Голосовая команда отдана. Все четыре набора физических тумблеров повернуты. Координаты целей подтверждены и переданы дальше. Последовательность пуска ракет установлена. Виртуальные и физические переключатели замкнуты. Гидравлика поочередно открыла все до единого массивные люки. Лишь тонкий купол голубого стекловолокна разделял океанскую толщу и пусковые шахты, наполненные азотом, чтобы вода не хлынула внутрь раньше времени. Разряд в две с половиной тысяч вольт — и генераторы азота выбросили бы сорок восемь ракет. Давление газа меньше чем за секунду достигло бы восьмидесяти шести тысяч футов на квадратный дюйм, и ракеты понеслись бы вверх в собственных пузырях азота, чтобы вылететь из моря как пробка из бутылки. При соприкосновении с воздухом воспламенилось бы твердое ракетное топливо. Имелись также дублирующие (и дублирующие к дублирующим) системы пуска и зажигания. Ракеты с ревом рванули бы к целям. Все индикаторы запуска светились красным. В каждой из сорока восьми шахт в тяжелом чреве «Меча Аллаха» сигналы «ОЖИДАНИЕ» сменились

на «НАВЕДЕНИЕ», потом на «ЗАПУСК» и «ЗАПУСК ВЫПОЛНЕН УСПЕШНО».

Однако ракеты по-прежнему оставались в шахтах. Мертвый и разлагающийся ИскИн это знал; его досада и нечто вроде легкого стыда передавалось от него в человеческую ладонь.

Сердце у Хармана стучало так сильно, а сам он дышал так судорожно, что маска, дабы избежать гипервентиляции, снизила поступление кислорода.

Сорок восемь ракет. Сорок восемь боеголовок. Все разделяющиеся, каждая содержит шестнадцать отдельных аппаратов для повторного входа в атмосферу. Фактически семьсот шестьдесят восемь боеголовок — на взводе, без предохранителей, готовых взлететь, нацеленных на семьсот шестьдесят восемь оставшихся городов мира, древних памятников и уменьшающихся центров сосредоточения тех, кто пережил рубикон.

Но не обычных термоядерных боеголовок, как в торпедах «Меча Аллаха».

Каждая из семисот шестидесяти восьми фактических боеголовок на борту субмарины содержала в себе тщательно упакованную черную дыру. Самое совершенное оружие человечества и Глобального Халифата на тот момент. «Идеальное

чистящее средство», — подумал Харман не то со смехом, не то с рыданием.

Сами по себе черные дыры были маленькие. Немногим больше того, что один из членов команды в своей полной религиозного пыла прощальной речи назвал «футбольным мячом, который я в детстве гонял на руинах Карачи». Однако, выпущенные из контейнеров и сброшенные на цель, они произвели бы куда большие разрушения, чем обычные термоядерные бомбы.

Черная дыра ушла бы в землю, оставив дыру размером с футбольный мяч в центре пораженного города. Однако через секунду после разрушения защитной оболочки она породила бы направленный внутрь плазменный взрыв тысячекратно хуже термоядерного и продолжила бы вгрызаться в планету, превращая почву, камень, воду и магму на своем пути в облако пара и плазмы, а заодно засасывая людей, постройки, машины, деревья, молекулярную структуру города и его окрестностей площадью в сотни квадратных миль.

Черная дыра, пробившая километровую дыру в центре Парижского Кратера, была диаметром меньше миллиметра и нестабильна — она поглотила сама себя, не дойдя до земного ядра. Теперь

Харман знал, что из-за этого неудачного древнего эксперимента погибли одиннадцать миллионов.

Эти черные дыры не должны были себя поглотить. Они должны были прыгать, как мячики для пинг-понга, через планету, в атмосферу и обратно — семьсот шестьдесят восемь шаров, окутанных плазмой и ионизирующим излучением, прошивали бы кору, мантию и ядро снова и снова, месяцами, годами, пока не упокоились бы в центре доброй старой Земли и не начали поедать ее изнутри.

Двадцать шесть членов команды, которых прослушал Харман, на разные голоса прославляли такой исход своей миссии. Они все встретятся в райских кущах. Хвала Аллаху!

Еще одну нескончаемую минуту Харман заставлял себя не отдергивать руку от черного монолита, думая только об одном: как бы не сблевать в маску. ИскИн наверняка содержал инструкции, как обезвредить активированные черные дыры.

Защитное поле внутри боеголовок было очень мощное, рассчитанное на много веков.

Оно продержалось больше двух с половиной тысячелетий, однако было очень нестабильным. Как только высвободится одна черная дыра, вы-

рвутся остальные. И не важно, откуда они начнут свой путь к ядру Земли — из мест, куда были нацелены, или из Атлантической Бреши. Исход будет одинаков.

Искусственный интеллект не знал ни одного способа обезвредить боеголовки. Сингулярности просуществовали двести пятьдесят раз по Пять Двадцаток, и в мире людей старого образца, чьим наивысшим техническим достижением был арбалет, никто не сумел бы восстановить поля-оболочки.

Харман отдернул руку.

Позднее он не мог вспомнить, как выбрался из затопленной субмарины, как, шатаясь, прошел по сухому торпедному отсеку и выбрался через пробоину в обшивке на залитую солнцем полосу грязи в Атлантической Бреши.

Зато он помнил, как сдернул капюшон с маской, рухнул на четвереньки и блевал несколько долгих минут. А когда в желудке ничего не осталось (питательные батончики были очень калорийны, но быстро растворялись), еще долго мучился рвотными позывами.

Он так ослаб, что не мог даже стоять на четвереньках, поэтому кое-как отполз от блевотины, упал на землю, перекатился на спину и стал смот-

реть на длинную синюю полоску неба. Бледные, но уже отчетливые кольца вращались, пересекаясь между собой, словно стрелки некоего гнусного часового механизма, отсчитывающего часы, дни, месяцы или годы до того, как разрушится силовое поле боеголовок в нескольких ярдах от Хармана.

Он понимал, что надо уходить от радиоактивного корпуса — ползти на запад, если потребуется, — однако не находил в себе душевных сил.

Через какое-то время — видимо, прошли часы, потому что небо уже начало темнеть, — Харман активировал биометрическую функцию.

Как он и подозревал, доза радиации оказалась смертельной. Слабость и головокружение будут только усиливаться, сухие рвотные позывы скоро возобновятся. Подкожное кровоизлияние уже началось. В течение следующих часов клетки кишечника будут отслаиваться миллионами (процесс уже идет). Потом начнется кровавый понос — сначала эпизодический, затем безостановочный, — пока он буквально не высрет свои кишки. После этого кровотечение станет по большей части внутренним, стенки клеток окончательно разрушатся, все системы организма откажут.

Все это он будет чувствовать и ясно сознавать.

Через день у него не останется сил передвигаться в промежутках между приступами поноса и рвоты. Он будет лежать на дне Атлантической Бреши, иногда содрогаясь от непроизвольных судорог, и даже не сможет смотреть на синее небо и звезды — биомониторы уже сообщили о порожденных радиацией катарактах, растущих на обоих глазах.

Харман невольно улыбнулся. Так вот почему всезнающие Просперо и Мойра дали ему питательных батончиков всего на несколько дней! Они знали, что ему и столько не понадобится.

«Но почему? Зачем было делать из меня Прометея человеческой расы со всеми этими функциями, всем этим знанием, подарить мне надежду, что я передам полученное Аде и всему моему роду, — и отправить меня умирать в одиночестве… вот так?»

Харман по-прежнему был в ясном сознании и понимал, что миллиарды людей, не более избранных, чем он, в последние часы и минуты перед смертью устремляли такие же мысли к молчащим небесам.

И он знал, что может сам ответить на свой вопрос. Прометей похитил у богов огонь. Адам и Ева вкусили в райском саду плод познания. Все

древние мифы пересказывали версии одной и той же истории, обнажали одну ужасную правду: «Укради огонь и знание у богов — и ты станешь чуть повыше животных, от которых произошел, но будешь по-прежнему бесконечно ниже любого настоящего Бога».

Сейчас Харман отдал бы все, чтобы избавиться от последних личных и религиозных заявлений, оставленных двадцатью шестью безумцами из команды «Меча Аллаха». В их бесстрастных прощальных речах он ощущал всю тяжесть бремени, которое хотел донести до Ады, Даэмана, Ханны, своих друзей, до всего человеческого рода.

Он понял, что события прошлого года: туринские пелены с историей Троянской войны (шуточный подарок старому человечеству от Просперо, переданный через Одиссея и Сейви), их безрассудные путешествия, смертельное представление на орбитальном острове э-кольца, спасение оттуда, то, что жители Ардиса начали делать оружие, строить зачаточное общество, зарождение политики и даже какого-то подобия религиозных представлений…

Все это вновь сделало их людьми.

После четырнадцати с лишним веков комы и ледяного безразличия на Землю вернулась чело-

веческая раса.

Их с Адой ребенок станет полноценным человеком — возможно, первым настоящим человеком после столетий удобного застоя под присмотром ложных богов-постлюдей. На каждом шагу его будут ждать опасности и даже смерть, ему придется изобретать новое, налаживать связи с другими людьми, просто чтобы уцелеть, невзирая на войниксов, калибанов, самого Калибана и Сетебоса…

Это будет интересно. И страшно. А главное — это будет*по-настоящему*.

И в конце концов приведет — может привести — назад к «Мечу Аллаха».

Харман перекатился на бок, и его снова стошнило. На сей раз — в основном кровью и слизью.

Так быстро? Не ждал…

Харман зажмурился от боли — разнообразных болей, но больше всего от боли нового понимания — и ощупал правый бок. Пистолет был на месте.

Он отклеил оружие от липучей ленты, другой рукой передернул затвор, как показывала Мойра, щелкнул предохранителем и приставил дуло к виску.

75

Демогоргон заслоняет собой половину пылающего небосвода. Асия, Пантея и неразговорчивая Иона по-прежнему испуганно закрывают голову. Склоны гор, утесов и вулканов заполняют исполинские неясные тени: титаны, Часы, чудовищные упряжные животные, просто чудовища, гигантские сороконожки — родственники Целителя, кошмарные возницы. Титаны занимают места, словно присяжные во время суда на ступенях греческого храма. Сквозь очки термокостюма Ахиллес видит все происходящее и почти жалеет, что видит.

Чудовища Тартара слишком чудовищны, титаны слишком косматы и слишком титанического роста, на возниц и существ, которых Демогоргон назвал Часами, почти невозможно смотреть. Както Ахиллес одним ударом меча рассек троянцу живот и грудь; из разрубленных ребер на него уставился крохотный гомункул и как будто даже моргнул голубыми глазками. Единственный раз в жизни быстроногого стошнило на поле боя. Так вот на этих тварей смотреть было так же трудно.

В то время как Демогоргон ожидает, когда кошмарные присяжные соберутся и рассядутся по

местам, Гефест вытягивает из дурацкого пузыря на своей голове тонкий шнур и подключает его другим концом к капюшону Ахиллеса.

— Так слышно? — спрашивает увечный бог-карлик. — У нас на разговор всего несколько минут.

— Я-то слышу, а Демогоргон? Раньше у него получалось.

— Нет, это прямая линия. Демогоргон много чего умеет, но он не Дж. Эдгар Гувер[66].

— Кто?

— Не важно. Послушай, сын Пелея, нужно согласовать, что мы скажем Демогоргону и великанской братии. От этого многое зависит.

— Не называй меня так! — рычит Ахиллес, и его глаза вспыхивают огнем, от которого столбенели противники.

Даже бог Гефест отступает на шаг, натянув коммуникационный провод.

— Как тебя не называть?

— Сыном Пелея. Не желаю больше слышать этого имени.

Бог ремесел поднимает руки в тяжелых перчатках ладонями наружу:

---

[66] Примечания: 66

Нет, это прямая линия. Демогоргон много чего умеет, но он не Дж. Эдгар Гувер. — Джон Эдгар Гувер (1895–1972) — директор ФБР с 1924 г. и до своей смерти.

— Ладно. Но поговорить надо все равно. У нас всего минута-две до того, как начнется этот суд кенгуру[67].

— Что такое кенгуру?

Ахиллеса раздражает уклончивость бога-недомерка. Быстроногий мужеубийца по-прежнему держит в руке клинок и сильно подозревает, что убить так называемого бессмертного легко — достаточно рассечь металлическое одеяние бородатого идиота и, отступив назад, наблюдать, как бог огня задохнется насмерть в кислотной атмосфере. С другой стороны, Гефест — олимпиец даже вдали от целебных баков, управляемых большой букашкой. Так что, возможно, наглый бородатый калека будет, как сам Ахиллес, просто кашлять и корчиться от боли целую вечность, покуда его не слопает какая-нибудь из океанид. Ахиллесу очень хочется проверить.

Он пересиливает это желание.

— Не важно, — отвечает Гефест. — Что ты скажешь Демогоргону? Или поручишь говорить мне?

— Нет.

---

[67] Примечания: 67

У нас всего минута-две до того, как начнется этот суд кенгуру. — Суд кенгуру — самосуд либо несправедливый суд, быстро выносящий заранее принятое решение.

— Ну тогда надо заранее договориться. О чем ты еще попросишь титанов и Демогоргона, кроме как убить Зевса?

— Я не собираюсь об этом просить, — твердо отвечает Ахиллес.

Бородатый карлик изумленно таращит глаза за стеклами шлема:

— Разве? Я думал, мы здесь как раз за этим.

— Зевса я убью сам, — говорит Ахиллес. — И скормлю его печень Аргусу, псу Одиссея.

Гефест вздыхает:

— Хорошо. Но для того чтобы я сел на олимпийский трон — а эту сделку ты мне обещал, и Никта на нее согласилась, — необходимо вмешательство Демогоргона. А Демогоргон безумен.

— Безумен? — переспрашивает Ахиллес.

Чудовищные тени в основном уже расселись по местам среди хребтов, шлаковых конусов и лавовых потоков.

— Слышал, как он тут распространялся о верховном Боге? — спрашивает Гефест.

— Если это не про Зевса, тогда я не знаю, о ком речь.

— Демогоргон имеет в виду единого верховного бога всей вселенной. — И без того скрипучий голос Гефеста по прямой линии хрипит еще силь-

нее. — Бога с большой буквы, притом что других богов вообще нет.

— Чушь какая-то, — говорит Ахиллес.

— Да, — соглашается бог огня. — Вот почему племя Демогоргона заточило его в Тартаре.

— Племя? — недоверчиво повторяет Ахиллес. — Хочешь сказать, он такой не один?

— Само собой. Никто не появляется на свет в единственном экземпляре. Даже ты мог бы это знать. Этот Демогоргон безумен, как троянская сортирная крыса. Он поклоняется какому-то единому всемогущему Богу с большой буквы, которого иногда называет «Тихим».

— Тихим? — Ахиллес пытается вообразить безмолвного бога. О таком он точно никогда не слышал.

— Да! — рычит Гефест в микрофон своего шлема. — Только этот самый «Тихий» — вовсе не единый и всемогущий Бог с большой буквы, а лишь одно из Его проявлений… «Его» тоже с большой буквы.

— Хватит про большие буквы, — говорит Ахиллес. — Выходит, ваш Демогоргон все-таки верит не в одного-единственного бога.

— Да нет же, — настаивает бог огня и ремесел. — Этот великий Бог имеет множество ликов, или

аватар, или форм, примерно как Зевс, когда тот хочет отыметь смертную женщину. Помнишь, однажды он превратился в лебедя…

— И каким боком это связано со слушанием, которое начнется *через полминуты*, твою мать? — рявкает Ахиллес в усилитель термокостюма.

Гефест закрывает ладонями стеклянный пузырь там, где должны быть уши.

— Тише ты! — шипит он по связи. — Послушай, это главное, что нужно учесть, если мы хотим, чтобы Демогоргон выпустил отсюда титанов и прочих и чтобы они атаковали Зевса, стерли в порошок нынешних олимпийцев и провозгласили меня новым царем Олимпа.

— Ты только что сказал, что Демогоргон сам здесь пленник.

— Да. Однако Никта — Ночь — открыла брандыру между Олимпом и Тартаром. Мы еще можем вернуться, если дыра не сомкнется до того, как начнется это чертово слушание, сельская сходка, разбирательство, или как его там. К тому же, насколько мне известно, Демогоргон может выбраться отсюда, когда пожелает.

— Какая же это тюрьма, если ее можно покинуть когда захочешь? — Ахиллесу начинает казаться, что безумен здесь именно бородатый

бог-карлик.

— Ты должен кое-что узнать о расе Демогоргона, — произносит голова-пузырь на теле из блестящих шаров. — То немногое, что о ней вообще известно. Демогоргон заточил сам себя, потому что ему так велели. Он может квант-телепортироваться куда угодно когда угодно… если сочтет повод достаточно веским. Надо убедить его, что случай именно такой.

— Но у нас есть бран-дыра, — говорит Ахиллес. — А что с этого получит Никта? В доме Одиссея, до того как я разбудил Зевса, ты сказал, что Ночь откроет дыру, и я тебе поверил. Но почему? Что ей это даст?

— Выживание, — говорит Гефест и оглядывается по сторонам.

Все чудовища вроде в сборе. Суд начался. Все ждут речи Демогоргона.

— Что значит «выживание»? — шипит мужеубийца в микрофон. — Ты говорил, Никта — единственная богиня, которой боится Зевс. Ее и клятых Судеб. Он ничего не может с ней сделать.

Прозрачный пузырь поворачивается из стороны в сторону — Гефест мотает головой.

— Не Зевс. Просперо, Сикоракса и… люди… существа, которые помогли создать Зевса, меня,

остальных богов и даже титанов. Я не о том, что Уран-Небо спарился с Землей-Геей, а о том, что было раньше.

Ахиллес пытается уложить в голове мысль, что богов и титанов создал кто-то другой, не Земля и не Ночь. У него не получается.

— Они на десять лет заточили существо по имени Сетебос на Марсе и на Земле Илиона, — продолжает Гефест.

— Кто? — Ахиллес совершенно сбит с толку. — Какой Сетебос? И какое отношение это имеет к тому, что мы скажем Демогоргону через минуту?

— Ахиллес, ты достаточно сведущ в нашей истории. Ты знаешь, как Зевс и другие младшие олимпийцы победили его отца Крона и остальных титанов, хотя и уступали им в силе?

— Знаю! — Ахиллес вновь чувствует себя ребенком на уроке у кентавра Хирона. — Зевс победил в войне богов и титанов, призвав на помощь ужасных созданий, против которых титаны были бессильны.

— И какое самое ужасное из этих ужасных созданий? — вопрошает бородатый бог-недомерок по интеркому с такой учительской интонацией, что Ахиллесу хочется убить его на месте.

— Гекатонхейр, — отвечает он, собрав остатки

терпения; Демогоргон заговорит в любую секунду, а весь этот треп не дает Ахиллесу ни малейшего намека, как изложить свою просьбу. — Страшное многорукое существо, которого вы, боги, зовете Бриареем, а древние люди именовали Эгеоном.

— Тот, кого называют Бриареем и Эгеоном, на самом деле носит имя Сетебос, — шипит Гефест. — Десять лет он кормился вашей жалкой человеческой войной между троянцами и ахейцами. А теперь он опять на воле, и квантовые основы всей Солнечной системы под угрозой. Никта опасается, что они уничтожат не только собственную Землю, но и новый Марс и все принадлежащее ей темное измерение. Бран-дыры соединяют все. Они — Сикоракса, Сетебос, Просперо и остальная их братия — слишком много себе позволяют. Судьбы предсказывают полное квантовое разрушение всего, если кто-нибудь или что-нибудь не вмешается. Поэтому Ночь предпочтет увидеть на троне Олимпа меня, малорослого калеку, лишь бы мир уцелел.

Поскольку Ахиллес ни хрена не понимает в услышанном, он хранит молчание.

Демогоргон прочищает несуществующее горло, призывая толпу к порядку. Титаны, Часы, возницы, целители, прочие уродливые тени затихают.

— А лучшая новость, — Гефест понижает голос до шепота, словно гигантская бесформенная масса под покровом способна услышать его даже по прямому проводу, — Демогоргон и его бог Тихий едят Сетебосов на закуску.

— Это не Демогоргон здесь сумасшедший, — шепчет в ответ Ахиллес. — Это ты безумен, как троянская сортирная крыса.

— И все-таки ты позволишь мне говорить за нас обоих? — с жаром шепчет Гефест.

— Да, — говорит Ахиллес, — но если скажешь что-нибудь, с чем я не согласен, я порублю твой милый костюмчик на железные шарики, потом отрежу тебе яйца и затолкаю их в твою глотку через стеклянный шлем.

— Спасибо за предупреждение, — произносит Гефест и выдергивает провод.

— МОЖЕТЕ ИЗЛАГАТЬ ВАШУ ПРОСЬБУ, — грохочет Демогоргон.

76

Вопрос, давать ли Никому соньер, решили поставить на голосование. Собраться должны были в полдень, когда в карауле меньше всего людей, а главные насущные дела переделаны, так что смогут прийти почти все обитатели Ардиса (вместе

с Ханной и шестью новичками их было теперь пятьдесят пять человек). Однако о просьбе Одиссея/Никого знали уже на самых далеких постах, и люди были твердо настроены против.

Ада все утро пересказывала Ханне последние события. Та безутешно горевала о погибших товарищах и сгоревшем доме. Ада напомнила ей, что дом можно отстроить заново, пусть и хуже прежнего.

— Думаешь, мы до этого доживем? — спросила Ханна.

У Ады не было ответа, и она просто сжала подруге руку.

Они говорили о Хармане, о подробностях его таинственного исчезновения из Золотых Ворот вместе с существом по имени Ариэль и об уверенности Ады, что он жив.

Говорили о мелочах: о приготовлении еды, о надеждах Ады расширить лагерь до того, как снова нападут войниксы.

— Вы знаете, почему маленький Сетебос держит их на расстоянии? — спросила Ханна.

— Никто из нас не знает точно, — сказала Ада и повела Ханну к Яме.

Детеныш Сетебоса — или, как выразился Никто, «вошь» — тихо сидел на дне, подвернув под себя

руки и щупальца, однако его желтые глаза смотрели с нечеловеческим безразличием, которое было во много раз хуже обычной злобы.

Ханна сжала виски ладонями:

— Ой, мама… Господи… Он лезет мне в голову!

— Да, — тихо ответила Ада, словно невзначай направляя дротиковую винтовку на голубовато-серую розоворукую массу.

— А если он… захватит нас? — спросила Ханна.

— Ты хочешь сказать, будет контролировать? Обратит друг против друга?

— Да.

Ада пожала плечами:

— Мы каждый день, каждую ночь почти ждем этого. Обсудили все между собой. Пока мы все слышим, что маленький Сетебос нас зовет, это как постоянный дурной запашок, но если голос громкий, как сейчас у тебя в голове, значит он обращается к кому-то одному. До всех остальных долетает… ну, что-то вроде эха.

— Так что если он кем-нибудь завладеет, — начала Ханна, — то не всеми сразу, а кем-то одним?

Ада снова пожала плечами:

— Что-то в таком роде.

Ханна покосилась на тяжелую винтовку у Ады в руках:

— Но если он завладеет тобой прямо сейчас, ты можешь убить меня… и многих других… прежде чем…

— Да, — сказала Ада. — Это мы тоже обсуждали.

— Вы придумали какой-нибудь план?

— Да, — очень тихо сказала Ада, стоя над Ямой. — Мы убьем эту мерзость раньше, чем до такого дойдет.

Ханна кивнула:

— Но прежде вам надо перебросить всех людей в безопасное место. Теперь я понимаю, отчего вы не хотите дать Одиссею соньер.

Ада вздохнула:

— Ты знаешь, для чего ему это нужно, Ханна?

— Нет. Одиссей не сказал. Он мне многого не говорит.

— И все-таки ты его любишь.

— С нашей самой первой встречи в Мачу-Пикчу.

— Ты смотрела туринскую драму, пока пелены еще работали. Тебе известно, что*тот* Одиссей был женат. Мы слышали, как он рассказывал другим ахейцам о своей жене Пенелопе. О сыне-подростке Телемахе. Они говорили между собой на каком-то странном языке, но мы понимали

каждое слово.

— Да. — Ханна потупилась.

Малыш Сетебос вдруг оживился и забегал по Яме, перебирая розовыми ладошками. Пять тонких щупалец зазмеились по стене, обвили прутья решетки и принялись их дергать, покуда не показалось, что металл гнется. Многочисленные желтые глаза ярко блестели.

Даэман шел из леса на собрание, когда впервые в жизни увидел привидение. Он нес на спине тяжелый мешок: сегодня была его очередь рубить и таскать дрова, хотя он предпочел бы стоять в карауле или охотиться. И тут из-за деревьев, ярдах в десяти от него, возникла женщина.

Сперва он заметил ее лишь краем глаза: понял только, что встретил человека, женщину, а значит, кого-то из ардисцев, не войникса, — и несколько секунд продолжал идти с опущенной винтовкой в правой руке, глядя под ноги и поправляя ношу на спине, затем повернулся к женщине, чтобы поздороваться, — и застыл.

Перед ним была Сейви.

От неожиданности Даэман выпрямился, и тяжелые дрова в самодельном брезентовом мешке чуть не опрокинули его на спину. Он не мог выговорить ни слова, только глядел.

Да, это была Сейви — но не та седая старуха, которую Калибан убил и уволок в пещеры на орбитальном острове около года назад, а молодая, более бледная, более красивая Сейви.

Воскресшая Сейви? Нет.

«Призрак», — мелькнула страшная мысль. Люди старого образца не верили в призраков, у них даже понятия такого не было; Даэман и не слышал о призраках, кроме как в туринской драме, не знал, что бывают истории о привидениях, пока прошлой осенью не начал сиглировать древние книги.

Но это мог быть только призрак.

Молодая Сейви не выглядела вполне материальной. В ней было что-то… призрачное. Когда она заметила Даэмана, повернулась и пошла прямо к нему, он понял, что видит сквозь нее. Даже отчетливее, чем сквозь голограмму Просперо на орбитальном острове.

И все ж он чувствовал, что это не голограмма, а нечто… настоящее, настоящее и живое, хотя оно излучало чуть заметное бледное сияние и не оставляло следов на высокой бурой траве. Женщина была одета в один лишь термокостюм. Даэман по опыту знал, что в термоскине тоньше слоя краски чувствуешь себя более голым, чем

даже когда ты голый. Именно такой и выглядела женщина, которая шла к нему. Голой. Ее голубой термоскин обрисовывал каждую мышцу, подчеркивал, а не скрадывал легкое покачивание бюста. Даэман привык к Сейви в термоскине, но у той были чуть обвислые груди и дряблые мускулы, а у этой — высокая грудь, плоский живот, упругие ягодицы и сильные молодые мускулы.

Даэман высвободил руки из лямок рюкзака, бросил дрова на землю и схватил винтовку обеими руками. В двухстах с лишним ярдах он видел новый частокол и чью-то голову над рядом бревен, но больше ни души. Они с привидением были одни на зимнем поле у кромки леса.

— Здравствуй, Даэман.

Голос Сейви. Молодой, звенящий жизненной силой в большей мере, чем памятный ему гипнотический голос, но определенно ее.

Даэман молчал, пока она не остановилась на расстоянии вытянутой руки. В какие-то мгновения женщина была прозрачной, в какие-то — плотной и материальной, и тогда Даэман мог разглядеть даже кружки вокруг ее острых сосков; он понял, что Сейви в молодости была очень красива.

Она оглядела его с ног до головы глазами, кото-

рые он помнил так хорошо:

— Отлично выглядишь, Даэман. Ты похудел, подкачал мускулы.

Даэман по-прежнему молчал. Каждому, кто отправлялся в лес, вешали на шею громкий свисток, запас которых недавно откопали в развалинах. Надо только было дунуть в него — и десять вооруженных людей сбежались бы к нему меньше чем за минуту.

Сейви улыбнулась:

— Ты прав. Я — не Сейви. Мы никогда не встречались. Я знаю тебя лишь по рассказам Просперо и видеозаписям.

— Кто ты? — хрипло, напряженно спросил Даэман.

Привидение пожало плечами, словно это не имеет никакого значения.

— Меня зовут Мойра.

Даэману ее слова ничего не сказали. Сейви не упоминала никого с таким именем. И Просперо тоже. В голове мелькнула бредовая мысль: «Может ли Калибан принимать чужое обличье?»

— Что ты такое? — выговорил он наконец.

— Ага! — Женщина хрипло хохотнула, совсем как Сейви. — Изумительно умный вопрос. Не «почему ты похожа на мою погибшую приятельницу

Сейви?», а «что ты такое?». Просперо оказался прав. Ты никогда не был таким глупым, каким казался со стороны. Даже год назад.

Даэман взялся за свисток, ожидая продолжения.

— Я постженщина, — промолвил дух Сейви.

— Постлюдей больше нет, — ответил Даэман и левой рукой чуть приподнял свисток.

— Не было, — поправил его мерцающий призрак. — А теперь есть. Я.

— Что тебе здесь надо?

Она медленно подняла руку и коснулась его правого плеча. Даэман ожидал, что ладонь пройдет сквозь него, но ощутил через одежду вполне осязаемое прикосновение длинных пальцев, а еще — почти что слабый электрический разряд.

— Я хочу пойти с тобой на общее собрание, послушать, как вы проголосуете, давать ли Никому соньер.

«Откуда она знает?!» — подумал Даэман, а вслух сказал:

— Если ты там появишься, то, скорее всего, не будет ни собрания, ни голосования. Даже Одис… даже Никто захочет узнать, кто ты, откуда взялась и зачем ты здесь.

Она пожала плечами:

— Может быть. Однако другие меня не увидят, только ты. Этот маленький фокус Просперо встроил в моих сестер, когда они решили сделаться богами, вот и я не отказалась от новой способности. Иногда она пригождается.

Даэман левой рукой повертел свисток, положил указательный палец правой на предохранитель винтовки и глянул на женщину, которая становилась то ясно видимой, то прозрачной, то вновь отчетливой. Она уже столько наговорила, что Даэман не знал, как сформулировать правильный вопрос. Интуиция подсказывала, что надо позволить ей остаться. Он и сам не смог бы объяснить, в чем дело.

— Зачем тебе нужно на собрание? — спросил он.

— Хочу узнать, как вы проголосуете.

— Зачем?

Она улыбнулась:

— Даэман, раз уж я могу быть невидима для остальных пятидесяти четырех человек, включая Никого, то уж точно могла бы оставаться незримой для тебя. Но я предпочла поступить иначе. Обсудим все после голосования.

— Что обсудим?

Даэман видел бурые, высохшие мумии по-

следних (как полагали он, Харман и Сейви) постлюдей, плававшие в разреженной и затхлой атмосфере мертвого царства Просперо. Все они были женщинами. Большинство из них Калибан успел обглодать сотни лет назад. Та ли она, за кого себя выдает? На его взгляд, она больше напоминала богинь из туринской драмы — Афину или помолодевшую Геру. До Афродиты она, пожалуй, недотягивала. Внезапно ему припомнились уличные алтари, воздвигнутые в Парижском Кратере в честь богов из туринской драмы.

Все жители Парижского Кратера погибли, включая его мать. Убиты и съедены Калибаном. А город погребен под голубым льдом. Если его обитатели молились туринским богам и богиням, это не помогло. Вот и Даэман не ждал ничего доброго от богини из драмы.

— Мы можем поговорить о том, где твой друг Харман, — сказала призрачная фигура, назвавшая себя Мойрой.

— Где он? Как он? — Даэман понял, что сорвался на крик.

Она улыбнулась:

— Все вопросы — после собрания.

— Скажи, по крайней мере, что в голосовании такого важного, раз ты явилась… откуда бы то ни

было… чтобы за ним понаблюдать? — спросил Даэман с той суровостью, которая за последний год стала его второй натурой.

Мойра кивнула:

— Конечно это важно, потому я и пришла.

— Как важно? Почему? Для кого?

Она не ответила, однако ее улыбка исчезла.

Даэман выпустил свисток.

— А что именно важно: чтобы мы дали соньер Никому или, наоборот, не дали?

— Я просто хочу послушать, — сказало привидение Сейви, назвавшее себя Мойрой. — Голосовать не буду.

— Я и не спрашивал…

— Знаю, — сказал дух голосом Сейви.

Зазвучал колокол. Люди начинали сходиться к центральному укрытию.

Даэман не торопился следовать их примеру. Он понимал, что безопаснее было бы привести в лагерь живого войникса, чем призрака. А еще — что решать надо быстро.

— Если ты можешь появиться на собрании незаметно для всех, то зачем показалась мне? — тихо спросил он.

— Я же сказала, — ответила молодая женщина, — таков мой выбор. Или, может быть, я, как

вампир, не могу никуда войти в первый раз без приглашения.

Даэман не знал, что такое вампир, но чувствовал, что сейчас это не важно.

— Нет, — отрезал он. — Я не позову тебя в наш поселок, если не услышу убедительного довода.

Мойра вздохнула:

— Просперо и Харман предупреждали, что ты упрямец, но я не представляла, до какой степени.

— Ты говоришь так, будто видела Хармана, — сказал Даэман. — Расскажи что-нибудь — как он там, где он, — чтобы я поверил в ваше знакомство.

Мойра смотрела на него, и Даэману казалось, что воздух между ними вот-вот заискрится.

Колокол перестал звонить. Собрание началось.

Даэман стоял неподвижно и молчал.

— Ладно, — сказала Мойра и снова еле заметно улыбнулась. — У твоего друга Хармана шрам на лобке, над самым пенисом. Я не спрашивала откуда, но шрам появился явно после его прошлой Двадцатки. Целебные баки на острове Просперо убрали бы рубец.

Даэман и глазом не моргнул:

— Я не видел Хармана голым. Скажи мне что-

нибудь еще.

Мойра весело рассмеялась:

— Врешь! Когда мы с Просперо дали Харману термоскин, в котором он сейчас, Харман точно знал, как его надевать, а это непросто. Он сказал, что на орбитальном острове вы проходили в таких несколько недель. И что однажды вам пришлось раздеться перед Сейви, чтобы натянуть термоскины. Ты видел его голым, а шрам заметный.

— Почему Харман опять в термоскине? — спросил Даэман. — Где он?

— Отведи меня на собрание. Обещаю, что все расскажу потом.

— Поговори о нем с Адой. Все-таки они… женаты. — Даэман запнулся на непривычном слове.

Мойра улыбнулась:

— Я расскажу тебе, а ты, если сочтешь нужным, передашь Аде мои слова. Идем?

Она подставила левый локоть, словно Даэман должен был вести ее на торжественный ужин.

Он взял ее под руку.

— …так что это начало и конец моей просьбы, — говорил Никто/Одиссей, когда Даэман вступил в круг из пятидесяти четырех человек.

Большинство сидело на спальных мешках или

одеялах. Кто-то стоял. Даэман остановился позади стоящих.

— Ты хочешь взять соньер — нашу единственную надежду уцелеть, — сказал Боман, — а сам не объясняешь, зачем и надолго ли.

— Да, — ответил Никто. — Возможно, он будет нужен мне всего на несколько часов — я могу запрограммировать его, чтобы он вернулся сам. Но возможно, что он вообще не вернется.

— Мы все умрем, — сказал один из уцелевших жителей Хьюстауна, мужчина по имени Стеф.

Никто молчал.

— Скажи, зачем он тебе? — спросила Сирис.

— Не могу, это личное, — ответил Никто.

Некоторые засмеялись, словно бородатый грек пошутил. Однако Никто не улыбался.

— Найди себе другой соньер! — крикнул Каман, считавший себя военным экспертом.

Он уже говорил другим, что никогда не доверял даже*настоящему* Одиссею из туринской драмы, которую смотрел каждый день в последние десять лет перед Падением, и тем более не собирается верить его престарелой копии.

— Я нашел бы, если б мог, — невозмутимо ответил Никто. — Но ближайшие соньеры, о которых я знаю, в тысячах миль отсюда. Слишком долго

лететь на моем самодельном скайрафте, если он вообще доберется. Соньер нужен мне сегодня. Сейчас.

— Зачем? — спросил Ламан, рассеянно потирая все еще перевязанную правую руку, на которой не хватало пальцев.

Никто по-прежнему молчал.

Ада, стоявшая рядом с бородатым силачом с начала собрания, негромко сказала:

— Никто, объясни, пожалуйста, что мы выиграем, если дадим тебе соньер?

— Если все получится, как я задумал, возможно, факс-узлы опять заработают. Через несколько часов, самое большее — дней.

Толпа шумно заахала.

— Но скорее всего, — продолжал он, — не заработают.

— Так ты для этого хочешь взять наш соньер? — спросил Греоджи. — Чтобы вновь запустить факс-павильоны?

— Нет, — сказал Никто. — Это лишь побочный эффект моего путешествия. Довольно маловероятный.

— Возможно, мы что-нибудь еще получим, если ты возьмешь соньер? — спросила Ада, явно настроенная благожелательнее всех прочих слу-

шателей, на чьих изможденных лицах читалась мрачная неприязнь к чужаку.

Никто пожал плечами.

Все молчали. И Даэман услышал, как на юге, в четверти мили отсюда, перекликаются двое часовых. Он повернулся. Призрачная Мойра по-прежнему стояла рядом с ним, скрестив руки на обтянутой термоскином груди. Удивительно, но ни один из смотревших в их сторону — в том числе Никто, Ада и Боман, наблюдавшие за Даэманом с той минуты, как он вошел в ворота, — ее не видел.

Никто выставил могучие руки, растопырив пальцы, словно хотел дотянуться до всех — или оттолкнуть их прочь.

— Вы хотите услышать, что я сотворю для вас чудо, — сказал он. Его негромкий, но мощный ораторский голос эхом отражался от частокола. — Такого чуда не существует. Если вы останетесь тут со своим соньером, то вас рано или поздно убьют. Эвакуируйтесь вниз по реке, на остров — войниксы последуют за вами. Они по-прежнему факсируют, и не только через известные вам факс-узлы. Сейчас вас окружают десятки тысяч войниксов, скопившихся в лесу в двух милях отсюда. По всей Земле уцелевшие люди

прячутся в пещерах, в башнях и среди развалин своих городов. Их убивают войниксы. У вас есть преимущество, что войниксы не нападают, пока у вас в яме сидит это существо. Но через несколько дней, если не часов, вошь Сетебоса вырвется из ямы и проникнет в ваше сознание. Поверьте, лучше такого не испытывать. И в конце концов войниксы все равно придут.

— Тогда нам тем более не стоит отдавать соньер! — крикнул Кауль.

Никто повернул руки ладонями вверх:

— Возможно. Но скоро на Земле не останется места, куда бежать. Думаете, только у вас есть поисковая функция? У вас она отказала, у войниксов и калибанов — нет. Вас отыщут. Не они, так Сетебос, когда насытится историей вашей Земли.

— Ты вроде как не предлагаешь нам ни одного шанса на спасение, — сказал немногословный врач Том.

— Я — не предлагаю. — Никто повысил голос. — Не мое дело предлагать вам шанс, хотя он может случайно появиться, если мой полет увенчается успехом. Однако не буду лгать. Вероятность моего успеха мала. Вы заслуживаете правды. Но если что-нибудь серьезно не переменится, ваши шансы выжить равны нулю — что с соньером,

что без соньера.

Даэман, поклявшийся себе молчать во время обсуждения, вдруг услышал свой выкрик:

— Мы можем улететь на орбитальные кольца, Никто? По шестеро, на соньере. Он доставил меня с острова Просперо на э-кольце. Будем ли мы в безопасности на орбитальных кольцах?

Все повернулись к нему, по-прежнему не замечая призрачную Мойру меньше чем в шести футах от него.

— Нет, — сказал Никто. — На кольцах вы в безопасности не будете.

Внезапно поднялась темноволосая женщина по имени Эдида. Одновременно смеясь и плача, она выкрикнула:

— Ты, блин, вообще не оставляешь нам надежды!

Впервые с начала собрания Одиссей/Никто улыбнулся, словно нарочно хотел всех разозлить. Белые зубы блеснули над почти седой бородой.

— Это не я должен дарить вам надежду, — резко сказал он. — Судьбы решат, что делать, а что не делать. Это вы можете дать мне шанс… или не дать.

Ада выступила вперед:

— Давайте голосовать. Думаю, воздержавшихся

не будет, поскольку, возможно, решение определит нашу судьбу. Кто за то, чтобы дать Одиссею… прошу прощения, Никому… соньер, поднимите правую руку. Кто против, не поднимайте.

77

Город Троя и поле сражения — древний Илион — с пяти тысяч метров выглядели не впечатляюще.

— Это оно? — спросил центурион-лидер Меп Аху. — То место, где у нас на глазах сражались греки и троянцы? Тот холм с кустами и клочок земли?

— Шесть тысяч лет назад, — ответил Манмут от пульта управления «Смуглой леди», упрятанной в трюм космошлюпки.

— И в другой вселенной, — добавил Орфу из трюма самой «Смуглой леди».

— С виду — ничего особенного, — заметил Сума IV из центра управления космошлюпки. — Летим дальше?

— Пожалуйста, еще круг, — попросил Манмут. — А можно спуститься пониже? Пролететь над равниной между хребтом и морем? Или над побережьем?

— Нет, — сказал Сума IV. — Воспользуйся опти-

ческим увеличением. Я не хочу приближаться к силовому куполу над сухим Средиземным морем и вообще опускаться так низко.

— Я думал, так Орфу лучше сможет все изучить радаром и приборами тепловидения, — сказал Манмут.

— У меня и без того отличный сигнал, — вмешался рокочущий голос из трюма.

Космошлюпка сделала еще круг на высоте пяти тысяч метров. Западная часть траектории прошла над развалинами, в километре от края Средиземного бассейна. Манмут увеличил изображение с главной камеры и, отключив остальные источники информации, смотрел с необъяснимой печалью.

Россыпь камней на месте древнего Илиона венчала хребет, тянущийся на запад к эгейскому побережью. Там никогда не было бухты, только изгиб берега, где в древности корабли стояли на каменных якорях либо привязанные к деревянным столбам. Именно здесь Агамемнон и греческие герои вытащили на берег сотни своих черных кораблей.

Западнее в то время простиралось Эгейское и Средиземное моря — винноцветное море. Теперь под слабо мерцающим куполом постлюдей (ко-

торый за миллисекунду оставил бы без энергии космошлюпку моравеков, если бы они залетели внутрь) тянулись лишь камни, земля, дальние зеленые поля — пересохший Средиземный бассейн. На месте островов, которые Ахиллес захватил по пути к Трое, — Имброса, Лесбоса и Тенедоса — остались крутые лесистые холмы, уходящие скалистыми подножьями в песчаное дно Бассейна.

Между пересохшим Эгейским морем и хребтом с руинами Трои Манмут различал полуторакилометровую аллювиальную равнину. Теперь она поросла чахлыми деревьями, но маленький моравек легко мог увидеть ее такой, какой она была во дни Одиссея, Ахиллеса, Гектора и прочих воинов: примерно три мили мелководья, окаймленного болотами и песчаными отмелями, многолюдный берег, дюны, впитавшие столько крови за годы Троянской войны, тысячи ярких шатров, а дальше — широкая равнина между городом и побережьем, теперь заросшая лесом, а тогда, на десятый год осады, полностью вырубленная на дрова для бивачных и погребальных костров.

На севере по-прежнему блестела вода — пролив, некогда звавшийся Дарданеллами или Геллес-

понтом, запруженный светящимися силовыми ладонями, такими же, как между Гибралтаром и Африкой на западном конце осушенного Средиземного моря.

Орфу — видимо, он изучал ту же область при помощи радара и других приборов — сказал по личной линии:

— Надо полагать, постлюди устроили под землей гигантскую дренажную систему, иначе бы здесь все затопило.

— Да, — ответил Манмут, которого ничуть не занимали инженерно-технические подробности.

Он думал о лорде Байроне, Александре Македонском и всех остальных, совершавших паломничество в Илион, в Трою, на это странное священное место.

Здесь нет безымянного камня[68]. Слова сами всплыли в памяти. Кто это написал? Лукан? Возможно. Вероятно.

Сейчас на вершине холма угадывались лишь редкие серые шрамы да россыпь камней, и все до одного они были безымянные. Манмут осознал, что смотрит на развалины развалин — многие шрамы были следами варварских раскопок поме-

---

[68] Примечания: 68

Здесь нет безымянного камня. –Лукан. Фарсалии. Кн. IX, 974. Перев. Л. Остроумова.

шанного на Трое археолога-дилетанта Шлимана, начатых в тысяча восемьсот семидесятом году — более трех тысячелетий назад — на этой настоящей Земле.

Теперь это место было ничем не примечательно. На последних человеческих картах оно носило имя Гиссарлык. Камни, чахлая растительность, аллювиальная равнина и высокий кряж, обращенный на севере к Дарданеллам, на западе к бывшему Эгейскому морю.

Однако мысленным взором Манмут по-прежнему видел расположение войск, которые сходились на равнинах Скамандра и Симоиса. Видел, где стояли неприступные стены и безверхие башни Илиона, по-прежнему различал заросшую возвышенность между городом и морем — греки уже тогда называли ее Лесным холмом, а троянские жрецы и жрицы — курганом амазонки Мирины. И точно помнил, как лик Зевса поднимался на юге в атомном грибе всего несколько месяцев назад.

Шесть тысяч лет назад.

Когда космошлюпка завершала последний круг, Манмут различил место великих Скейских ворот, что сдерживали напор орущих греков (в «Илиаде», которую он прочел, не было большого

деревянного коня), главную улицу за рыночной площадью и центральными фонтанами, ведущую ко дворцу Приама, разбомбленному больше десяти месяцев назад, и к северо-востоку от него — колоссальный храм Афины. Там, где взгляд натыкался лишь на камень и чахлые деревья, Манмут с Европы видел Дарданские ворота и главную сторожевую башню, а чуть севернее — колодец, у которого Елена однажды…

— Здесь ничего нет, — сказал пилот Сума IV по общей связи. — Улетаем?

— Да, — ответил Манмут.

— Да, — громыхнул Орфу по той же линии.

Шлюпка втянула низкоскоростные крылья и, вновь преодолев звуковой барьер, устремилась на север. Эхо акустического удара, никем не услышанное, раскатилось по обе стороны безлюдных Дарданелл.

— Волнуешься? — спросил Манмут у своего друга по прямой линии. — Через несколько минут мы увидим Париж.

— Кратер на месте центра Парижа, — ответил Орфу. — Думаю, черная дыра уничтожила квартиру Пруста.

— И все же там он писал. И если не ошибаюсь, Джеймс Джойс тоже. По крайней мере, какое-то

время.

Орфу зарокотал.

— Почему ты никогда не говорил, что одержим не только Прустом, но и Джойсом? — спросил Манмут.

— Не было случая.

— Но почему именно эти двое, Орфу?

— А почему Шекспир, Манмут? Почему сонеты, а не пьесы? Почему «смуглая леди» и «юноша», а не, скажем, «Гамлет»?

— Нет, ответь на мой вопрос, — не сдавался Манмут. — Пожалуйста.

Наступила тишина. Манмут прислушался к шуму реактивных двигателей, к шипению кислорода, текущего по трубкам и сквозь вентиляторы, к помехам молчащей линии связи.

В конце концов Орфу сказал:

— Помнишь, я разглагольствовал на борту «Королевы Маб» о великих творцах, сингулярностях человеческого гения, способных творить новые реальности? Или, по крайней мере, позволяющим нам попадать туда через браны?

— Забудешь такое! Никто из нас не думал, что ты всерьез.

— Я говорил всерьез. Мой интерес к людям сосредоточился на писателях двадцатого — два-

дцать второго века от рождения Христа. Я давно решил, что Пруст и Джойс стали повитухами этих столетий.

— Не очень положительная рекомендация, если я правильно помню историю, — тихо сказал Манмут.

— Да. То есть нет.

Несколько минут они летели в молчании.

— Хочешь послушать одно стихотворение, на которое я наткнулся, когда был еще мальком, только что из фабричных бункеров роста?

Манмут попытался представить себе новорожденного Орфу с Ио, но понял, что все равно не сумеет.

— Хочу. Расскажи.

Он еще ни разу не слышал, как его друг читает стихи. Раскатистый голос звучал на удивление приятно:

МЕРТВОРОЖДЕННЫЙ

I

Румяный малыш Руди Блум в материнском чреве

Его рассеянные грезы пронизаны красным сиянием

Молли скрипит себе длинными спица-

ми, вяжет ему обновку

из алой шерсти

Чувствуя, как он пинается внутри нее маленькими ногами

Маленькие зародышевые сны готовят его к запаху одеял

II

Мужчина мягко промокает губы алой салфеткой

Глядя на рябь облаков за высокими кирпичными трубами

Захваченный внезапным воспоминанием, как ветер качает

ветки боярышника

И маленькие руки тянутся к трепещущим розовым лепесткам

И запахи давно минувших дней курятся у его ноздрей

III

Одиннадцать суток. Одиннадцать жизней крохотного существа,

явившегося из кокона

Одиннадцать окропленных тишью рас-

светов, когда тепло

и тени крадутся по половицам

Одиннадцать тысяч ударов сердца до наступления ночи,

когда утки снимаются с далекого пруда.

Одиннадцать очерченных короткой и длинной стрелками,

когда она прижимала его к груди

Одиннадцать дней они смотрели на его розовое тельце,

спящее в алой шерсти

IV

Обрывки романа в переплете его воображения

Но рассыпанные страницы плыли в темных коридорах

его сознания

Одни пустые, другие с одними только примечаниями

Он мучился схватками фантазии

Но, излившись в чернилах, воспоминанья не доживали до утра

Когда рокот ионийца утих, Манмут какое-то время молчал, стараясь оценить качество услышанного. Нелегкая задача, однако он чувствовал, что для Орфу с Ио стихи значат очень много — под конец голос огромного моравека почти дрожал.

— Кто это написал? — спросил Манмут.

— Не знаю, — ответил Орфу. — Какая-то поэтесса двадцать первого столетия, чье имя затерялось вместе с остальной Потерянной Эпохой. Не забывай, ведь я наткнулся на это в ранней юности, до того как*по-настоящему* прочитал Пруста, Джойса и других серьезных человеческих авторов. Но для меня это стихотворение соединило Джойса и Пруста как две грани единого сознания. Сингулярности человеческого гения и внезапного озарения. Так я и вижу это с тех пор.

— Очень похоже на мою первую встречу с шекспировскими сонетами… — начал Манмут.

— Подключитесь к видеосигналу с «Королевы Маб», — приказал Сума IV всем, кто был на борту.

Манмут активировал видеоприемник.

Два человеческих существа бешено совокуплялись на широкой кровати, застеленной шелковыми простынями и яркими шерстяными коврами. Энергия и откровенность этой сцены

поразили Манмута, который немало читал о человеческом сексе, но никогда не думал посмотреть его в архивных видеозаписях.

— Что это? — спросил Орфу по личной линии. — До меня доходят безумные телеметрические показатели: зашкаливающее кровяное давление, всплески дофамина и адреналина, учащенный пульс. Кто-то бьется не на жизнь, а на смерть?

— Э-э-э… — начал Манмут.

Фигуры перекатились, по-прежнему сплетенные между собой, не прерывая ритмичного, почти исступленного движения, и моравек впервые отчетливо увидел лицо мужчины.

Одиссей. Женщина походила на Сикораксу, встретившую их пассажира-ахейца на орбитальном городе-астероиде. Ее освобожденные от покровов ягодицы и груди казались еще больше, хотя в данную минуту ее бюст сплющился о грудь Одиссея.

— Мм… — сказал Манмут.

Его спас Сума IV:

— Это несущественный канал. Переключитесь на носовые камеры шлюпки.

Манмут так и сделал. Он знал, что Орфу обращается к тепловидению, радарам и прочим способам получить информацию об изображе-

нии, которыми еще располагает.

Космошлюпка подлетала к Парижу, некогда пробитому посередине черной дырой, но, как и на снимках с «Королевы Маб», кратер совершенно исчез под гигантским куполом, сотканным из голубого льда.

Сума IV связался с основным судном:

— А где наш многорукий приятель, который возвел эту красоту?

— Насколько мы видим с орбиты, — тут же ответил Астиг/Че, — бран-дыр поблизости нет. Во всяком случае, камеры на корабле и спутниках не засекли ни одной. Похоже, существо пока закончило кормиться в Освенциме, Хиросиме и других местах. Возможно, оно вернулось в Париж.

— Вернулось, — сообщил Орфу по общей линии. — Посмотрите в инфракрасном диапазоне. Прямо в центре синей паутины, под верхней точкой купола, угнездилось нечто громадное и уродливое. Там, на дне, много термальных отверстий, — видимо, чудовище подогревает свое гнездо за счет вулканического жара. Однако оно там. Я почти различаю сотни длиннющих пальцев под областью светящегося мозга.

— Что ж, — передал Манмут по личной линии, — все-таки это твой Париж. Город Пруста и…

Позже Манмут не понимал, как Сума IV сумел отреагировать так быстро, даже если учесть, что тот был подключен к управлению и центральному компьютеру космошлюпки.

Из разных точек исполинского купола взметнулись шесть молний. Моравеков спасла только высота и мгновенные действия пилота.

Шлюпка переключилась с прямоточных воздушно-реактивных двигателей на гиперзвуковые, метнулась вбок с перегрузкой в семьдесят пять*g*, нырнула и резко взмыла к северу, однако шесть разрядов мощностью в миллиард вольт прошли лишь в нескольких сотнях метров от цели. Ударная волна дважды перевернула шлюпку, но Сума IV не потерял управления. Крылья втянулись, стали стабилизаторами, и шлюпка понеслась прочь.

Сума IV сделал еще один рывок в сторону, перевернулся в воздухе уже сознательно, активировал стелс-покрытие, выпустил ракеты и закрыл небо над парижским голубым собором электронными помехами.

Из города, погребенного под слоем льда, вылетела дюжина огненных шаров и со скоростью три Маха, продолжая ускоряться и наводиться, устремилась к ним. Манмут следил за сигнала-

ми радара с более чем обычным любопытством и знал, что Орфу, подключенный к радару напрямую,*чувствует* приближение плазменных снарядов.

Пламенные шары так и не нашли космошлюпки. Сума IV на скорости пять Махов уже набрал высоту тридцать два километра и поднимался в космос. Метеоры взрывались под ними на разных уровнях, ударные волны накладывались, словно рябь на пруду.

— Этот гад… — начал Орфу.

— Тихо! — рявкнул Сума IV.

Шлюпка кувыркнулась, нырнула, свернула на юг, расширяя вокруг себя облако радарных и электронных помех, и снова рванула в космос. Ни огненных шаров, ни молний не вылетело им вдогонку из стремительно удаляющегося города: вот он уже в шестистах километрах, дальше и дальше, и уменьшается на глазах…

— Мне сдается, наш рукастый и мозговитый приятель вооружен, — заметил Манмут.

— Мы тоже, — вмешался Меп Аху по общей связи. — Я думаю, надо его грохнуть. Подогреть ему гнездышко. Десять миллионов градусов по Фаренгейту для начала сойдет.

— Молчать! — прорычал Сума IV из кабины

пилота.

На общей линии послышался голос первичного интегратора Астига/Че:

— Друзья, у нас… у вас… проблема.

— А то мы не в курсе! — зарокотал Орфу с Ио, забыв, что все еще подключен к общей связи.

— Нет, — возразил Астиг/Че. — Я не о многорукой твари, которая вас атаковала. Я кое о чем посерьезнее. Прямо под вашей нынешней траекторией. Наши сенсоры, возможно, не засекли бы опасность, если бы не следили за вами.

— Посерьезнее? — переспросил Манмут.

–*Намного* серьезнее, — сказал первичный интегратор Астиг/Че. — И боюсь, не одна серьезная проблема… а целых семьсот шестьдесят восемь.

78

— МОЖЕТЕ ИЗЛАГАТЬ ВАШУ ПРОСЬБУ, — грохочет Демогоргон.

Гефест толкает Ахиллеса локтем, напоминая, что скажет все сам, неуклюже кланяется в стеклянном шлеме и костюме из железных шаров и произносит:

— Ваше Демогоргончество, Владыка Крон и прочие чтимые титаны, бессмертные Часы и… уважаемые все остальные. Мы с моим другом

Ахиллесом пришли сюда не с просьбой, не для того, чтобы просить вас об одолжении, но чтобы поделиться с вами очень существенной информацией. Информацией, которая наверняка вас заинтересует. Информацией, которая…

— ГОВОРИ, УВЕЧНЫЙ БОГ.

Гефест, скрипнув зубами, выдавливает улыбку и повторяет преамбулу.

— ГОВОРИ ЖЕ.

Ахиллес гадает, будут ли Крон и другие титаны, не говоря уже об исполинских неописуемых сущностях с чудны́ми именованиями вроде Бессмертных Часов или возниц, участвовать в обсуждении, или все будут слушать Демогоргона, пока он — может, она? оно? — не предоставит кому-нибудь слово.

И тут Гефест его удивляет.

Из громоздкого рюкзака за спиной (Ахиллес думал, что там лежат баллоны с воздухом) бог огня извлекает бронзовое яйцо, усеянное стеклянными линзами. Осторожно поставив прибор на валун между собой и темной громадой Демогоргона, Гефест начинает возиться с разными переключателями и регуляторами, после чего включает усилители шлема на полную мощность.

— Ваше Демогоргончество, достопочтенные грозные Часы, ваши многоуважаемые величества титаны и титанессы — Крон, Рея, Кей, Крий, Гиперион, Япет, Гелиос, Селена, Тейя, Эос и прочие лица титанической национальности, — ваша сторукая Целительность, неистоволикие возницы и все досточтимые создания, собравшиеся здесь, среди мглы и пепла! Не с просьбой о помощи я обращаюсь к вам нынче, не с просьбой свергнуть с трона самозванца Зевса, возжелавшего присвоить себе всю божественность без остатка, не с просьбой низложить его или хотя бы воспротивиться дерзким притязаниям на все миры и вселенные до скончания веков — нет, вместо этого я предлагаю вам собственными глазами увидеть одно реальное событие. Ибо прямо сейчас, пока мы с вами толпимся на этой кучке дерьма среди раскаленной лавы, Зевс созвал бессмертных олимпийцев на собрание в Великом чертоге. Я поставил там скрытую камеру, она передает репортаж на ретрансляционную станцию в бассейне Эллады, бран-дыра бессмертной Никты позволяет принимать его с запозданием чуть менее секунды. Смотрите!

Гефест снова возится с переключателями, дергает за какой-то рычаг и…

Ничего не происходит.

Бог огня закусывает губу, бранится в микрофон, ковыряется в бронзовом яйце. Прибор мигает лампочками, гудит, гаснет и опять умолкает.

Ахиллес тянется к богоубийственному кинжалу за поясом.

— Смотрите! — восклицает Гефест, многократно усилив свой голос.

На сей раз блестящий прибор проецирует квадрат шириной в сотню ярдов перед Демогоргоном и сотнями других исполинских существ, озаренных красными огнями лавы и окутанных вулканическим дымом. Экран девственно-пуст, если не считать помех и частого «снега».

— Чтоб я сдох! — рычит Гефест, забыв, что каждое его слово отчетливо разносится вокруг.

Он подбегает к устройству и сгибает несколько металлических прутьев, напоминающих Ахиллесу кроличьи уши.

Внезапно экран заполняет изображение. Это голографическая проекция — очень глубокая, полностью трехмерная, в ярких красках; она скорее напоминает громадное окно в сам Чертог богов. Картинку сопровождает объемный звук: Ахиллес даже слышит, как шуршат по мрамору сотни и сотни олимпийских сандалий. Когда

Гермес тихонько пускает газы, здесь это слышно всем.

Титаны, титанессы, возницы, насекомовидные целители, Часы и прочие безымянные чудища, за исключением Демогоргона, громко ахают на разные нечеловеческие голоса, не столько от неприличного поступка Гермеса, сколько от силы и жизненности возникшего изображения. Лента проекции расширяется и замыкается в кольцо, создавая полную иллюзию, что они среди бессмертных в Чертоге собраний. Ахиллес даже до половины вытаскивает кинжал, думая, что Зевс на золотом троне и тысяча олимпийцев непременно услышат шум, оглядятся и заметят чужаков, сбившихся в кучу среди зловонной мглы Тартара.

Но боги не оборачиваются. Это не двусторонняя связь.

Зевс (чей рост сейчас не меньше пятидесяти футов) подается вперед, обводит суровым взглядом ряды богов, богинь, Судеб, эриний и начинает вещать. Сквозь архаичный ритм размеренных слогов Ахиллес явственно различает свежеприобретенное, доведенное до крайности чванство:

Союз, подвластный мне, – о силы неба,

Вы делите со мною власть и славу,
Ликуйте! Я отныне всемогущ.
Моей безмерной силе все подвластно,
Лишь дух людской огнем неугасимым
Еще горит, взметаясь к небесам
С упреками, с сомненьем, с буйством жалоб,
С молитвой неохотной – громоздя
Восстание, способное подрыться
Под самые основы нашей древней
Монархии, основанной на вере
И страхе, порожденном вместе с адом.
Как хлопья снега в воздухе летят,
К утесу прилипая, так в пространстве
Бесчисленность моих проклятий людям
Пристала к ним, заставила взбираться
По скатам жизни, ранящим их ноги,
Как ранит лед лишенного сандалий, —
И все-таки они, превыше бед,
Стремятся ввысь, но час паденья близок.

Внезапно Зевс поднимается. Он излучает такое сияние, что тысяча бессмертных богов и один очень смертный человек в душном костюме хамелеона, незримый для остальных, но видимый на экране Гефеста всем наблюдателям в Тартаре, испуганно пятятся. Зевс продолжает:

Ганимед,
Налей вина небесного, наполни
Как бы огнем Дедаловые чаши.
И ты, союз торжественных гармоний,
Воспрянь в цветах от пажитей небесных,
Все пейте, все, – покуда светлый нектар
В крови у вас, о Гении бессмертья,
Не поселит дух радости живой,
И шумная восторженность прорвется
В одном протяжном говоре, подобном
Напевам элизийских бурь.
А ты,
Блестящий образ вечности,
Взойди и сядь на трон со мною рядом,
В сиянии желания, которым

И я, и ты сливаемся в одно[69].

И вот я становлюсь единым Богом,
Всесильным, Всемогущим и Живым,
Владыкой Вечности!..

Гефест отключает бронзово-стеклянный проектор. Огромное круглое окно, на время связавшее Тартар с Чертогом богов на Олимпе, исчезает, оставив титанов среди пепла, потоков лавы и смрадного багрового мрака. Пошире расставив ноги, Ахиллес поднимает щит и незаметно держит за ним богоубийственный кинжал, поскольку понятия не имеет, что будет дальше.

Несколько бесконечно долгих мгновений ничего не происходит. Ахиллес ждет криков, требований подтвердить увиденное и услышанное. Титаны должны взреветь, а сороконожки-целители — забегать по скалам, однако сотни гигантских фигур сидят все так же молча и неподвижно. Пронизанный багровыми отсветами лавы воздух настолько мутен от вулканического дыма и пепла, что Ахиллес молча благодарит богов — или кого-нибудь в этом роде — за очки термокостюма,

---

[69] Примечания: 69

Союз, подвластный мне... <...> ...сливаемся в одно. — П. Б. Шелли. Освобожденный Прометей. Акт III, сц. 1. Перев. К. Бальмонта.

позволяющие четко видеть все, что творится вокруг. Он смотрит на бран-дыру, открытую, по словам Гефеста, богиней Никтой. Пятидесятифутовый портал по-прежнему на месте, примерно в двухстах ярдах. Если завяжется схватка, если Демогоргон решит закусить бессмертным карликом и ахейским героем, Ахиллес намерен бежать к бран-дыре, пусть даже придется прокладывать себе дорогу по трупам титанов и чудовищ.

Молчание затягивается. Среди уродливых утесов и еще более уродливых разумных тварей злобно воют черные ветры. Вулканы кипят, изрыгая лаву, но Демогоргон не издает ни звука.

В конце концов он изрекает:

— ВСЕ ДУХИ — ЕСЛИ СЛУЖАТ ЗЛУ — РАБЫ. ТАКОВ ИЛЬ НЕТ ЗЕВЕС — ТЕПЕРЬ ВЫ ВИДИТЕ.

— Злу?! — ревет титан Крон. — Да мой сын помешался! Он узурпатор из узурпаторов!

Голос Реи, матери Громовержца, звучит еще громче:

— Зевс — раб своих желаний, позор Земли и горе Олимпа. Он должен понести кару за свою дерзость. Пусть в наказание висит в аду, прикованный своими же адамантовыми цепями.

Тут заговаривает чудовищный Целитель, и Ахиллес с изумлением слышит, что голос у него

женский:

— Зевс перешел все границы. Сперва он присвоил себе роль Судеб, теперь глумится над ними.

Один из бессмертных Часов рокочет с вершины каменного обрыва:

— Паденью нет названия страшней, это — Самозванец Зевс.

Ахиллес хватается за ближайший зашатавшийся валун, думая, что вулкан за спиной Демогоргона начал извергаться, но это всего лишь приглушенный ропот собравшихся.

Тут подает голос брат Крона, косматый Крий, стоящий посреди лавового потока:

— Самозванца надо сбросить в пучину его гибели! Я сам взойду на Олимп, где мы некогда царили, и стащу это ничтожество в Тартар. Мы упадем, как падают стервятник и змея, сплетенные в клубок.

— Ужасный призрак! — восклицает многорукий возница, обращаясь к Демогоргону. — Говори!

— ЦАРИТ БОГ МИЛОСЕРДЬЯ, — прокатывается по горам и долинам Тартара голос бесформенного Демогоргона. — ЗЕВС НЕ ВСЕМОГУЩИЙ БОГ. ЗЕВС НЕ ДОЛЖЕН БОЛЬШЕ ЦАРИТЬ НА ОЛИМПЕ.

Ахиллес был уверен, что у скрытого под покровом Демогоргона нет рук, однако исполин

каким-то образом поднимает руку в тяжелых складках ткани и растопыривает что-то вроде ужасных пальцев.

Бран-дыра в двухстах ярдах позади Гефеста словно по команде взмывает в воздух, зависает над сонмом чудовищ, расползается в ширину и начинает опускаться.

— СЛОВА ПУСТЫ, В НИХ ПРАВДЫ НЕТ, — гремит Демогоргон, покуда растущий алый круг пламени накрывает всех собравшихся. — БОЛЬ — ВОТ ЕДИНСТВЕННЫЙ И ВЕРНЫЙ НАШ ОТВЕТ!

Гефест хватает Ахиллеса за руку. Бог-карлик дико ухмыляется в нечесаную бороду.

— Ну, держись, приятель, — говорит он.

79

События обернулись отчаянным, почти безумным образом, но Манмут был счастлив как никогда.

Космошлюпка зависла низко над водой и сбросила «Смуглую леди» в океан примерно в пятнадцати километрах к северу от координат критических сингулярностей. Сума IV не хотел, чтобы всплеск активировал семьсот шестьдесят восемь обнаруженных приборами черных дыр, предположительно заключенных внутри

боеголовок на древней затонувшей субмарине, которую тоже обнаружили приборы, — и никто не стал возражать.

Если бы у Манмута был рот, моравек ухмылялся бы как последний идиот. «Смуглая леди» была создана для исследований и спасательных работ среди черных, как у Бога в брюхе, подледных глубин на спутнике Юпитера Европе. Однако в земном Атлантическом океане она работала отлично.

Не просто отлично, а на отлично с плюсом.

— Как жаль, что ты этого не видишь, — сказал Манмут по личной линии.

Они с Орфу снова действовали самостоятельно. Больше никто из моравеков не выказал особого желания приближаться к семистам шестидесяти восьми дремлющим, но близким к критическому состоянию черным дырам, и космошлюпка уже улетела продолжать разведку, на сей раз — к восточной морской границе Северной Америки.

— Я «вижу» сигналы радаров, сонаров и тепловое изображение, — ответил Орфу.

— Да, но это не то же самое. Здесь, в земном океане, столько света! Даже на глубине больше двадцати метров. Даже полный Юпитер никогда не освещает мои океаны глубже нескольких мет-

ров, и то если наверху есть разводье.

— Я уверен, что это очень красиво, — сказал Орфу.

— Еще как, — отозвался Манмут, не замечая иронический тон товарища, а может быть, не желая замечать. — От солнечных лучей все вокруг играет зелеными бликами. «Леди» в растерянности.

— Она воспринимает свет?

— Конечно. Ее работа — докладывать мне обо всем, в нужное время передавать нужные входящие данные, и ей хватает разумности отметить разницу в освещении, гравитации, красоте. Ей тоже здесь нравится.

— Отлично, — громыхнул Орфу с Ио. — Тогда лучше не порть ей настроение и не говори, куда мы плывем.

— Она знает, — ответил Манмут, не позволяя большому моравеку испортить собственное радужное настроение.

Эхолот известил о подводном хребте впереди — том самом, на котором лежала затонувшая лодка. Этот хребет поднимался над илистым дном, не доходя восьмидесяти метров до поверхности. Манмут никак не мог привыкнуть к здешнему мелководью: в океанах Европы не было глубин

меньше километра.

— Я прочел всю программу обезвреживания боеголовок, которую передал нам Чо Ли, — сказал Орфу. — Ты успел изучить подробности?

— Вообще-то, нет.

Манмут загрузил длинный протокол в банк активной памяти, но был слишком занят спуском «Смуглой леди» под воду и тем, как она приспосабливается к чудесному окружению. Его любимая лодка стала как новенькая и даже лучше. Механики с Фобоса великолепно над ней потрудились. Все системы, четко работавшие на Европе вплоть до прошлого года и катастрофического падения в марсианское море Тетис, в ласковом земном море функционировали просто идеально.

— Хорошая новость по поводу обезвреживания черных дыр состоит в том, что теоретически это выполнимо, — сказал Орфу с Ио. — У нас на борту есть нужные инструменты, включая газовый резак на десять тысяч градусов и генераторы фокусированных силовых полей. На многих этапах я буду твоими руками, а ты — моими глазами в видимой части спектра. Придется попотеть над каждой боеголовкой в отдельности, однако теоретически обезвредить их можно.

— Это хорошая новость, — сказал Манмут.

— А теперь плохая. Если работать непрерывно, без обеда и перекуров, то на одну черную дыру — заметь, не на боеголовку, а на каждую дыру в предкритическом состоянии — уйдет около девяти часов.

— Умножая на семьсот шестьдесят восемь… — начал Манмут.

— …получаем шесть тысяч девятьсот двенадцать часов, — закончил Орфу. — А поскольку мы на Земле и стандартное время моравеков здесь — реальное планетарное, нам потребуется двести сорок семь суток и двенадцать часов при условии, что все пойдет по плану и мы не столкнемся с настоящими трудностями.

— Ну… — Манмут задумался. — Давай подумаем об этом, когда найдем затонувшую субмарину и подберемся к боеголовкам.

— Как все-таки странно иметь прямой доступ к эхолоту, — заметил Орфу. — Это не то же, что лучше слышать. Такое ощущение, будто бы кожа внезапно расширилась до…

— А вот и она, — перебил Манмут. — Лодка. Я ее вижу.

Ощущение перспективы и визуального горизонта было здесь иное, чем на уже почти привычном ему Марсе, а тем более на крохотной

Европе, где он провел все остальные стандартные годы своего существования. Однако сигналы эхолота, глубинного радара, приборов обнаружения массы и собственные глаза уверяли Манмута, что корма затонувшей пятидесятипятиметровой субмарины лежит на илистом дне прямо по курсу в пятистах метрах впереди.

— О боже, — прошептал Манмут. — Ты это видишь… с помощью эхолота или радара?

— Да.

Подлодка лежала на брюхе книзу носом, но сам нос исчезал за мерцающим силовым полем, защищающим узкую сухую полоску, которая протянулась от Европы к Северной Америке. Манмута поразило, что стена Бреши светится. Здесь, на глубине более семидесяти метров, где даже в земном океане дно должно быть чернильно-черным, вода переливалась солнечными бликами, и на замшелом корпусе затонувшей субмарины плясали светлые пятна.

— Я вижу, что ее убило, — сказал Манмут. — Твои радар и эхолот засекли развороченный участок над тем местом, где должно быть машинное отделение? Сразу за торпедным отсеком?

— Да.

— Видишь, листы корпусной стали изогнуты

внутрь? Думаю, там взорвалась глубинная бомба, а может, торпеда или ракета. Она пробила основание паруса и согнула его вперед.

— Какого паруса? — спросил Орфу. — Ты про треугольный парус, как был на фелюге, в которой мы плыли по долинам Маринера?

— Нет, вон ту часть, почти у силового поля. На заре строительства субмарин их называли боевыми рубками. А когда в двадцатом веке наладили производство атомных подлодок вроде этого бумера, стали называть боевую рубку парусом.

— Почему? — спросил Орфу с Ио.

— Не знаю, — ответил Манмут. — Вернее, где-то в банках памяти у меня все есть, но это сейчас не важно. Не хочу тратить время на поиски.

— Что такое бумер?

— Уменьшительно-ласкательное прозвище. Так в начале Потерянной Эпохи называли субмарины, вооруженные баллистическими ракетами, — сказал Манмут.

— Они давали уменьшительно-ласкательные прозвища машинам, чье единственное назначение — уничтожать города, людей, планету?

— Да, — сказал Манмут. — Этот бумер, вероятно, был построен лет за сто или двести до того, как затонул. Возможно, его построила большая

держава и продала какой-то стране поменьше. Что-то потопило его задолго до того, как в Атлантическом океане появилась эта борозда.

— Мы сможем подобраться к боеголовкам? — спросил Орфу.

— Оставайся на связи. Сейчас выясним.

Опасаясь приближаться к силовой стене и пустоте за ней, Манмут очень медленно повел «Смуглую леди» вперед, освещая мощными прожекторами погибшую субмарину, в то время как приборы уже сканировали ее внутренности.

— Что-то не так, — пробормотал Манмут вслух по личной связи.

— Что не так? — спросил Орфу.

— Подлодка заросла анемонами и ракушками, внутри кишит подводная живность, но, судя по всему, затонуло судно лет сто назад, а не два с половиной тысячелетия назад, как должно быть.

— Мог кто-то плавать на ней около ста лет назад? — спросил Орфу.

— Нет. Разве что все наши наблюдатели ошибались. Последние две тысячи лет люди старого образца почти не знали технологий. Даже если бы кто-нибудь наткнулся на субмарину и сумел выйти в море, кто бы ее потопил?

— Постлюди?

— Вряд ли, — ответил Манмут. — Они бы не стали действовать так грубо: торпеды, глубинные бомбы… И не оставили бы в таком состоянии боеголовки с черными дырами.

— Но боеголовки здесь, — сказал Орфу. — Я вижу их верхушки на глубоководном радаре и сдерживающее поле черных дыр внутри. Пора за работу.

— Погоди, — ответил Манмут.

Он отправил на погибшее судно дистанционно управляемые машинки не больше собственной ладони, и вот с них по сверхтонким трубочкам потекла информация. Одно устройство как раз подключилось к ИскИну в центре управления.

Манмут и Орфу выслушали прощальные речи двадцати шести членов экипажа, готовых запустить баллистические снаряды и уничтожить планету.

Когда голоса стихли, моравеки с минуту сидели молча.

— О, что за мир, — прошептал наконец Орфу, — где обитают такие люди!

— Сейчас я спущусь и подготовлю тебя к выходу, — глухо сказал Манмут. — Посмотрим вблизи, что можно сделать.

— А можно взглянуть на сухую полосу? — спро-

сил Орфу.

— Я не стану к ней даже приближаться, — сказал Манмут. — Силовое поле может нас уничтожить. Приборы «Леди» даже не способны определить, из чего оно. И поверь на слово, на суше от нее мало проку. Мы не будем приближаться к бреши.

— Ты видел аэрофотоснимки носа развалины, сделанные с космошлюпки? — спросил Орфу.

— Конечно. Они передо мной, на экране. Нос значительно поврежден, однако это нас не касается, — ответил Манмут. — То, что нам нужно, располагается у кормы.

— Нет, я о том, что лежит на земле, — сказал Орфу. — Может, мои радары не так хороши, как твои оптические глаза, только один из валунов очень уж похож на человека.

Манмут всмотрелся в изображение на экране. Космошлюпка, прежде чем улететь, сделала большую серию снимков и передала их на «Леди».

— Если это и был человек, то он давно умер. Тело сплющено, обезвожено, конечности неестественно вывернуты. Впрочем, я не думаю, что это человек. Мы просто пытаемся увидеть что-то осмысленное в случайных формах. Странных камней там хватает.

— Ладно, — сказал Орфу, решив не отвлекаться

от главного. — Как мне подготовиться?

— Оставайся на месте, — ответил Манмут. — Я к тебе спущусь, и выйдем наружу вместе.

«Смуглая леди» сидела на коротких ножках меньше чем в десяти метрах к западу от кормы затонувшего судна. Орфу гадал, как они выберутся наружу, если двери грузового отсека расположены в брюхе подлодки, а она стоит на дне, но вопрос разрешился, когда Манмут удлинил посадочные шасси.

Он вошел в грузовой отсек через внутренний шлюз, напрямую подключился к товарищу, а тем временем автопилот «Леди» медленно заполнил трюм земной океанской водой, выровнял давление и только тогда открыл дверь грузового отсека. Они отсоединили от Орфу разные шланги, и оба моравека плавно опустились на дно.

Видавший виды панцирь Орфу не пропускал воду. Когда Орфу выразил любопытство по поводу давления, которое регистрировали его корпус и другие части тела, Манмут объяснил.

Атмосферное давление наверху, на воображаемом пляже или попросту на поверхности океана, довольно близко к постоянному уровню четырнадцать целых семь десятых фунта на квадратный дюйм. Примерно каждые десять метров, или

тридцать три фута, сказал Манмут, пользуясь мерами длины Потерянной Эпохи, которые Орфу воспринимал так же легко, оно повышается на одну атмосферу. То есть на глубине тридцати трех футов на каждый квадратный дюйм внешнего покрова моравеков приходилось бы двадцать девять целых четыре десятых фунта, на глубине шестидесяти шести футов — три атмосферы и так далее. На той глубине, где лежала подлодка, — более двухсот тридцати футов — на каждый дюйм моравеков и «Смуглой леди» давило восемь атмосфер.

Моравеки были рассчитаны на куда большее давление. Правда, Орфу, работавший в наполненном серой и радиацией пространстве вокруг Ио, привык скорее к*отрицательной* разнице давлений.

Кстати, о радиации: она здесь была высокая. Они оба — и приборы «Леди» — постоянно ее мониторили. И хотя моравекам их конструкции она была неопасна, о пронизывающих тело нейтронных и гамма-лучах трудно было не думать.

Манмут объяснил, что при таком давлении, если бы они были людьми и дышали из баллонов стандартным земным воздухом (смесью двадцати одного процента кислорода и семидесяти

девяти процентов азота), умножающиеся и растущие пузырьки азота вызвали бы у них азотный наркоз, искажающий разум и чувства. Им нельзя было бы подняться на поверхность без долгих часов декомпрессии на разных уровнях. Однако моравеки дышали чистым кислородом, а система рециркуляции компенсировала избыточное давление.

— Ну что, посмотрим в лицо врагу? — спросил Орфу с Ио.

Манмут пошел первым. Как ни аккуратно он карабкался по выпуклому корпусу субмарины, ил окутал их облаком, будто пыльная буря на суше.

— Твой чувствительный радар что-нибудь видит? — спросил Манмут. — От этой дряни я совершенно ослеп в видимом диапазоне. Я читал про такое в старинных книгах о земных ныряльщиках. Первый спустившийся на дно или на затонувшее судно еще что-то видит, остальным приходится ждать, когда уляжется муть.

— Ослеп, говоришь? — сказал Орфу. — Добро пожаловать в наш клуб, амиго. Чувствительный радар, которым я пользуюсь в сернистом космосе возле Ио, отлично пробивает облака мути. Я вижу корпус, выпуклый торпедный отсек, сломанный… этот, как его… парус в тридцати метрах

вперед. Если тебе нужна помощь, просто скажи — и я поведу тебя за руку.

Манмут хмыкнул и переключил основное зрение на радарные частоты и тепловидение.

Они проплыли над ракетным отсеком, в пяти метрах над боеголовками, маневрируя встроенными движителями и стараясь не пустить струю в направлении упавших боеголовок.

Упавших как попало. Сорок восемь из сорока восьми пусковых шахт были открыты.

Судя по виду, крышки тяжелые, передал Манмут по фокусированному лучу.

Все, что они говорили и видели, включая разговоры по фокусированному лучу, передавалось на «Королеву Маб» и космошлюпку посредством радиобуя, запущенного со «Смуглой леди».

Орфу взялся за крышку диаметром с собственное тело и сказал:

— Семь тонн.

Даже после того, как ИскИн субмарины получил от команды приказ открыть все сорок восемь люков пусковых шахт, сами ракеты были по-прежнему закрыты водонепроницаемым куполом из синего стекловолокна. Манмут сразу понял, что ракеты, вытолкнутые давлением азота (их двигатели включались только при со-

прикосновении с воздухом), легко пробили бы стекловолоконные оболочки.

Однако снаряды не вырвались из пусковых шахт в пузырях азота, их двигатели не включились. Стекловолоконные купола давно обветшали, остались только хрупкие синие фрагменты.

— Ну и бардак, — заметил Орфу.

Манмут кивнул. То, что ударило «Меч Аллаха» над машинным отделением, пробило дыру, через которую вода хлынула во все помещения бумера, разворотило главные турбины и раскидало снаряды, словно охапку соломы. Некоторые ракеты еще указывали куда-то вверх, другие, с их проржавевшими двигателями и твердым топливом, лежали поверх ушедших в ил боеголовок.

Забудь про плевую работу на шесть тысяч девятьсот двенадцать часов, передал Орфу по фокусированному лучу. *За это время мы только доберемся до части боеголовок. И очень велика вероятность, что, как только мы начнем всерьез работать газовым резаком, они сдетонируют одна за другой.*

Да, ответил Манмут. Здесь не было взбаламученного ила, и он смотрел на кучу поваленных ракет в визуальном диапазоне.

— У кого-нибудь из вас есть предложения? —

спросил первичный интегратор Астиг/Че.

Манмут едва не подпрыгнул от неожиданности. Он знал, что все на «Королеве Маб» их мониторят, но так увлекся осмотром, что почти об этом позабыл.

— Да, — сказал Орфу с Ио, переключившись на общую частоту. — Вот что мы сделаем.

И он как можно доступнее изложил свою идею. Вместо того чтобы обезвреживать боеголовки по одной согласно присланному первичными интеграторами длинному протоколу, Орфу предлагал действовать быстро и грубо. Манмут подведет «Смуглую леди» к затонувшей субмарине сверху, максимально удлинит ее ножки и аккуратно опустит ее на бумер, словно курицу-наседку на гнездо. Работать будут при свете фюзеляжных прожекторов. Орфу и Манмут газовыми резаками отрежут каждую боеголовку от ракеты, затем при помощи простой системы блоков поднимут носовые конусы в грузовой трюм «Смуглой леди» и разместят между перегородками, как яйца в картонной коробке.

— Разве не велика вероятность, что черные дыры достигнут критического состояния, пока вы будете так их кантовать? — спросил Чо Ли с мостика «Королевы Маб».

— Велика, — громыхнул Орфу. — Но если ковыряться с ними год, а то и больше, они активируются с вероятностью сто процентов. Так что сделаем по-моему.

Манмут тронул один из манипуляторов Орфу и кивнул в знак согласия, уверенный, что радар ионийца уловит его движение.

Тут по общей связи послышался суровый голос Сумы IV:

— И что вы предлагаете делать с сорока восемью боеголовками и семьюстами шестьюдесятью восемью черными дырами, когда погрузите их на свою подлодку?

— Вы нас отсюда заберете, — сказал Манмут. — Шлюпка поднимет начиненную смертью «Леди» в открытый космос, и мы отправим дыры куда подальше.

— Шлюпка не рассчитана на полет выше колец! — рявкнул Сума IV. — И роботы-лейкоциты на э- и п-кольцах точно уничтожат нас по пути.

— Это уж ваша забота, — пророкотал Орфу. — Сейчас мы приступим к делу. За десять или двенадцать часов отрежем боеголовки и погрузим их на «Смуглую леди». Потом всплываем, и вам к тому времени надо иметь план. Мы знаем, что у вас есть и другие корабли помимо «Маб» —

невидимые, за кольцами или где там еще. Пусть один из них встретит космошлюпку на низкой земной орбите и заберет у нас эту гадость. Мы не для того отмахали такой путь до Земли, чтобы ее уничтожить.

— Вас понял, — сказал Астиг/Че. — Извещаю вас, что в данную минуту небольшое космическое судно — соньер, я полагаю, — садится на орбитальном острове Сикораксы.

80

Отлет Никого произошел без всяких церемоний. Только что бородач сидел в низко зависшем соньере и болтал со стоящими на земле Даэманом, Ханной и Томом, в следующую секунду диск наклонился почти вертикально, силовым полем вжав пилота в нишу, взвился в небо, как флешетта, и через мгновение пропал за низкими серыми облаками.

Ада почувствовала себя обманутой. Она рассчитывала поговорить на прощанье с другом, которого некогда знала под именем Одиссей.

Вопрос, давать ли Никому соньер, решился с перевесом в один голос. И голос этот принадлежал даже не уцелевшему обитателю Ардиса, а лысому мужчине по имени Элиан, вожаку шестерых

беженцев из Хьюстауна.

Ардисцы, голосовавшие против того, чтобы отдать соньер, пришли в ярость и требовали заново пересчитать голоса. Раздавались гневные крики, кто-то уже поднял дротиковые винтовки.

Ада вышла на середину и громким, но ровным голосом объявила, что решение принято. Никто получит соньер и постарается вернуть его как можно скорее. А до тех пор у них есть скайрафт, который Никто и Ханна собрали вручную в гараже Золотых Ворот. В соньере умещается только шестеро, скайрафт, если придется спасаться на остров, может за раз поднять до четырнадцати человек. Так что вопрос закрыт.

Дула винтовок опустились, но недовольный ропот не утихал. Старые друзья еще несколько часов избегали смотреть Аде в глаза, и она понимала, что израсходовала весь капитал своего влияния.

Теперь, когда Никто улетел на соньере, Ада почувствовала себя одинокой как никогда. Она дотронулась до слегка округлившегося живота и подумала: «Маленький человечек, сын или дочь Хармана! Если я совершила ошибку и подвергла тебя опасности, то буду раскаиваться до самой смерти».

— Ада? — окликнул Даэман. — Мы можем поговорить наедине?

Они отошли за северный частокол, туда, где раньше был литейный купол Ханны. Даэман рассказал о встрече с постженщиной, которая назвалась Мойрой, но выглядела в точности как молодая Сейви и во время собрания была невидима всем, кроме Даэмана, рядом с которым стояла все время.

Ада медленно покачала головой:

— Все это какая-то бессмыслица. Зачем постженщине являться в теле Сейви, да еще оставаться невидимой для нас? Как это возможно? И для чего?

— Не знаю, — ответил Даэман.

— Она что-нибудь еще говорила?

— Она обещала — до собрания, — что потом расскажет мне что-то про Хармана.

— И?.. — спросила Ада.

Сердце у нее заколотилось так, словно ребенок зашевелился внутри, не меньше матери желая услышать новости.

— А потом призрак-Мойра сказала мне только: «Помни, что Никого нет в гробе Никого».

Заставив Даэмана повторить фразу дважды, Ада сказала:

— Опять какая-то бессмыслица.

— Знаю, — ответил Даэман. Вид у него был подавленный, плечи ссутулились. — Я пытался разговорить ее, но она… просто исчезла.

Ада строго посмотрела на него:

— Ты уверен, что все это было на самом деле, Даэман? Мы слишком много работаем, слишком мало спим, слишком сильно переживаем. Ты уверен, что она тебе не почудилась?

Даэман сердито блеснул глазами, однако ничего не ответил.

— «Помни, что Никого нет в гробе Никого», — пробормотала Ада и огляделась.

Люди продолжали заниматься обычными дневными делами, но только разбившись на кучки по тому, кто как голосовал. Ни те ни другие не разговаривали с лысым Элианом. Ада пересилила желание расплакаться.

Ни соньер, ни его пилот в тот день так и не вернулись. На другой и на третий — тоже.

Наконец Ада поднялась в небо на шатком скайрафте вместе с Ханной (та управляла машиной) — отвезти Даэмана и его охотничий отряд за пределы кольца из войниксов, а заодно прикинуть число безголовых тварей-убийц. Утро выдалось чудесное, голубое небо, без единого облачка,

теплый ветерок обещал весну… и Ада прекрасно видела, что войниксов в радиусе двух миль от Ямы стало больше.

— Мне трудно определить точно, — прошептала Ада на ухо Даэману, хотя они летели в тысяче футов над войниксами. — Но кажется, только на том лугу их три-четыре сотни. А сколько всего, по-твоему? Тысяч пятнадцать? Больше?

— Думаю, больше, — спокойно ответил Даэман. — Наверное, тридцать-сорок тысяч.

— И как они не устанут стоять на месте? — спросила Ада. — Им что, не нужно ни есть, ни пить?

— По-видимому, не нужно, — ответил Даэман. — Когда мы считали их механическими слугами, я никогда не видел, чтобы хоть один из них уставал, или ел, или пил. А ты?

Ада ничего не ответила. Те времена ушли в далекое прошлое, о котором не стоило и вспоминать, хотя закончились они чуть меньше года назад.

— Пятьдесят тысяч, — пробормотал Даэман. — Возможно, их уже пятьдесят тысяч. И каждый день сюда факсируют новые.

Ханна повела скайрафт на запад, на поиски дичи и свежего мяса.

На четвертый день детеныш Сетебоса в Яме

достиг размеров годовалого теленка — тех годовалых телят, которых перебили войниксы, — если можно представить себе теленка в виде серого мозга с желтыми глазками, пульсирующими ротовыми отверстиями, двумя десятками розовых рук на животе и со множеством трехпалых ладошек на серых стеблях.

Мамочка, мамуля, шептала тварь в голове Ады, во всех головах, *мне пора выходить. Эта ямка слишком тесная, а я так хочу кушать, что больше не могу терпеть.*

Ранним вечером, за час до наступления сумерек и долгой зимней ночи, у Ямы собралась группа людей. Люди по-прежнему держались ближе к тем, с кем одинаково голосовали по поводу соньера. У всех теперь были дротиковые винтовки, но арбалеты тоже на всякий случай держали под рукой.

Касман, Каман, Греоджи и Эдида стояли у Ямы, направив винтовки на чудовище-переростка. Остальные толпились рядом.

— Ханна, — спросила Ада, — как там скайрафт, его нагрузили припасами?

— Да, — ответила Ханна, — ящики для первого рейса уже на борту, и еще хватит места для десяти человек. Потом можно будет сажать по четырна-

дцать пассажиров.

— И сколько времени ушло в тренировочном полете на то, чтобы доставить людей на остров и выгрузить вещи? — осведомилась Ада.

— Сорок две минуты, — ответил Ламан, потирая обрубки пальцев на правой руке. — Тридцать пять, если только с людьми. На посадку и высадку уходит несколько минут.

— Плоховато, — нахмурилась Ада.

Ханна подошла ближе к огню, который постоянно горел у Ямы:

— Дорога на остров занимает четверть часа в один конец. Машина не может лететь быстрее.

— А соньер добрался бы меньше чем за минуту, — заметил Лоэс, один из самых вспыльчивых членов общины. — Минут через десять мы все были бы на месте.

— Соньера у нас нет, — бесцветным голосом произнесла Ада и невольно покосилась на юго-запад, на реку и остров, но и на лес, где ждали пятьдесят-шестьдесят тысяч войниксов.

Никто был прав. Даже если перенести всех на остров, войниксы нагрянут через несколько часов или минут. Несмотря на то что факс-узел Ардиса по-прежнему не работал (двое дежурных проверяли его днем и ночью), войниксы факсиро-

вали. Ада поняла, что людям нигде не укрыться от горбатых убийц.

— Давайте займемся ужином! — воскликнула она, заглушая гул; все чувствовали липкий голос Сетебосова отродья у себя в голове.

Мамуля, папуля, мне пора выходить. Откройте решетку, папуля, мамуля, не то я сам управлюсь. Я уже сильный. И очень голодный. Мы скоро встретимся.

Греоджи, Даэман, Ханна, Элиан, Боман, Эдида и Ада проговорили до поздней ночи. Над ними, как всегда, беззвучно вращались э- и п-кольца. Большая Медведица висела над северным горизонтом. Сиял молодой месяц.

— Думаю, завтра на рассвете мы позабудем затею с островом и начнем эвакуировать людей к Золотым Воротам, — сказала Ада. — Надо было так и сделать недели назад.

— Этому дурацкому скайрафту нужны недели, чтобы добраться до Золотых Ворот, — заметила Ханна. — К тому же он может поломаться и вообще не долететь. Никто еще устранил бы неисправность, а так люди окажутся в ловушке.

— А если машина сломается здесь, то нам всем конец, — сказал Даэман и тронул за плечо внезапно ссутулившуюся Ханну. — Ты прекрасно

поддерживала рафт в рабочем состоянии, но эту технологию нам не понять.

— А какую технологию мы понимаем? — пробормотал Боман.

— Арбалеты, — ответила Эдида. — Мы чертовски хорошо научились делать арбалеты.

Никто не рассмеялся.

Несколько минут спустя Элиан сказал:

— Объясните мне еще раз, почему войниксы не могут забраться в жилую часть моста в Мачу-Пикчу.

— Жилые пузыри висят, как гроздья винограда, — отозвалась Ханна, которая пробыла там дольше других. — Они соединяются между собой и сделаны из чего-то вроде прозрачного пластика. Сверху — какое-то силовое поле. Это технология Потерянной Эпохи, а может быть, постлюдей. Войниксы с него просто скатываются.

— Чем-то похожим был покрыт купол вездехода, на котором Сейви везла нас из Иерусалима в Средиземный бассейн, — добавил Даэман. — Она сказала, это покрытие против дождевых капель. Но оно помогло нам и от войниксов и калибанов.

— Здорово было бы увидеть этих калибанов, — сказал Элиан. — И самого Калибана, о котором

ты рассказывал.

Его лицо как будто всегда выказывало силу и любопытство.

— Нет, — тихо ответил Даэман. — Тебя бы это не обрадовало. Особенно встреча с Калибаном. Поверь мне на слово.

Наступившую тишину нарушил Греоджи, высказав то, о чем все думали:

— Придется тянуть соломинки… Или что-то в таком роде. Четырнадцать человек полетят к Золотым Воротам. С собой захватят оружие, воду, минимальный запас еды. Может, будут охотиться по дороге, чтобы загрузить людей по максимуму. Все прочие останутся здесь.

— Выживут четырнадцать из пятидесяти четырех? — проговорила Эдида. — Как-то нечестно.

— Ханна будет среди тех, кто полетит, — продолжал Греоджи. — Если первые четырнадцать долетят до моста, она вернется за другими.

Ханна мотнула головой:

— Греоджи, ты можешь управлять рафтом не хуже меня. Невелика хитрость, я научу ей любого. Так что мое участие в первом полете вовсе не обязательно. И вы все знаете, что второго не будет. Рафт не в том состоянии. Войниксы прибывают. Сетебос растет и крепнет с каждым

часом. Те, кому достанутся четырнадцать коротких соломинок или длинных соломинок — не важно, — получат надежду выжить. Остальные погибнут здесь.

— Мы примем решение, как только рассветет, — сказала Ада.

— Может произойти перестрелка, — заметил Элиан. — Люди рассержены, голодны, они в отчаянии. Возможно, они не захотят тянуть соломинки. Они могут попытаться захватить рафт сразу или когда им не достанется мест.

Ада кивнула:

— Даэман, возьми десять самых надежных людей, пусть встанут у рафта еще до того, как я созову совет. Эдида, тихонько собери с друзьями сколько сможете бесхозного оружия.

— Большинство спит в обнимку с винтовкой, — ответила блондинка. — Даже из рук не выпускают.

Ада снова кивнула:

— Сделайте что сумеете. Я поговорю со всеми. Объясню, что это единственный выход.

— Проигравшие как минимум потребуют перенести их на остров, — заметил Греоджи.

— Я потребую, если вытащу не ту соломинку, — сказал Боман.

Ада вздохнула:

— Не поможет. На острове, здесь ли — какая разница, где умирать. Войниксы будут там через насколько минут, едва лишь мы останемся без защиты Сетебоса. Но это придется сделать. Сначала перевезем всех желающих на остров, потом отпустим лететь к мосту тех, кому повезет.

— Потеряем время, — сказала Ханна. — К тому же это лишняя нагрузка на рафт.

Ада подняла руки ладонями кверху:

— Зато наши люди не бросятся убивать друг друга. У тех четырнадцати появится надежда. Остальные сами решат, где встретить смерть. Пусть у них будет хотя бы иллюзия выбора.

Больше говорить было не о чем, и они разошлись по спальным палаткам.

Ханна пошла проводить Аду и в темноте перед палаткой коснулась ее руки:

— Я сердцем чувствую, что Харман жив. Надеюсь, тебе повезет, когда мы станем тянуть жребий.

Ада улыбнулась — белые зубы блеснули в свете колец:

— Я тоже так чувствую, что Харман жив. Но уж точно не буду одной из четырнадцати. Я уже решила не принимать участия в жеребьевке. Мы

с малышом остаемся в Ардисе.

В конце концов все их планы пошли прахом.

Сразу после рассвета Аду разбудили холодные руки в сознании и в животе.

Мамуля, я с твоим сынишкой. Он тут побудет еще несколько месяцев, пока я поучу его разным штукам, чудесным штукам, но мне пора играть, и я выхожу!

Ада закричала, чувствуя, как тварь из Ямы трогает развивающийся разум ее младенца.

В ту же секунду, пока никто окончательно не проснулся, она вскочила и выбежала из палатки с двумя дротиковыми винтовками в руках.

Малыш Сетебос погнул прутья и теперь протискивался серой массой сквозь решетку. Его щупальца уже протянулись на пятнадцать футов в стороны, трехпалые ладони ушли глубоко в землю. Три ротовых отверстия были открыты и, свесив наружу длинные мясистые придатки, пили из почвы скорбь, ужас, историю Ардиса. Желтые глазки блестели, а пальцы на больших розовых руках колыхались, словно морские анемоны в сильном течении.

Все в порядке, мамуля, мыслешипело существо, вылезая из Ямы. *Я хочу только…*

Сзади бежали Даэман и другие, но Ада не

обернулась. Она сорвала с плеча винтовку и выпустила в отродье Сетебоса целую обойму.

Тысячи хрустальных дротиков со свистом вырвали клок из левой лобной доли. Тварь завертелась. Щупальца потянулись к Аде.

Ада увернулась, вставила вторую обойму и разрядила ее в корчащийся мозг.

Мамммммм-
маааааааааааааааааааааааааааа…

Когда и второй магазин опустел, Ада отбросила винтовку, вскинула на плечо другую, сделала три шага вперед среди змеящихся щупалец и выпустила полную обойму между желтых глаз в передней части мозга.

Отродье Сетебоса громко завопило всеми своими настоящими ртами — и рухнуло обратно в Яму.

Ада подошла к самому краю, зарядила еще один магазин и принялась палить, не обращая внимания на крики у себя за спиной. Потом она вставила третий, прицелилась в окровавленную серую массу на дне Ямы и снова выстрелила. И снова. И снова. Мозг развалился на полушария, и Ада превратила каждое в кашу, как тыкву. Длинные стебли с розовыми ладошками еще дергались, но детеныш Сетебоса был мертв.

Ада сразу это почувствовала. И все остальные тоже. Последний мысленный вопль чудовища — на языке боли — с шипением уходил из сознания, словно грязная вода в сливное отверстие.

Все, кроме караульных, сбежались к Яме и стояли, не веря собственным ощущениям и глазам.

— Что ж, думаю, соломинок мы тянуть не будем, — сказал Греоджи, склонившись к Аде и почти шепча среди оглушительной тишины.

Внезапно со всех сторон послышался шум — жужжание, свист и гул одновременно. Сперва отдаленный, он стремительно нарастал, и вскоре скрежет эхом наполнил лес и окрестные холмы.

— Что за черт… — начал Касман.

— Войниксы. — Даэман забрал у Ады винтовку, перезарядил и вернул хозяйке. — Они идут. Все разом.

81

И вот я наблюдаю, как бог сходит с ума.

Не знаю, какую подмогу для затравленных, умирающих ахейцев я рассчитывал найти на Олимпе, но в итоге сам, как и они, угодил в западню. Греки бьются на узкой полоске пляжа, прижатые к морю врагами, а я стою, обливаясь потом под кожей хамелеона, бок о бок с тысячей

бессмертных, почти не дышу, дабы не выдать своего присутствия, смотрю на Зевса, царя богов, и слушаю, как он провозглашает себя единственным Вечным и Всемогущим Богом.

Впрочем, не стоило волноваться, что меня заметят. Олимпийцы вокруг меня смотрят на Зевса, уронив божественные челюсти и выпучив бессмертные глаза.

Зевс помешался. Брызжа слюной, он разглагольствует о своем переходе в высшую божественность и, кажется, насквозь буравит меня темными зрачками. Я уверен, что он меня видит. У него довольный взгляд кота, забавляющегося с мышью.

Я кладу руку на квит-медальон, висящий на груди под липким хамелеоньим костюмом.

Но куда мне деваться? Обратно к ахейцам — неминуемая гибель. Назад в Илион, к Елене, к удовольствиям и безопасности, но это значит предать… кого? Греки даже не замечали меня, когда я ходил между ними, — по крайней мере, с тех пор, как Одиссей и Ахиллес исчезли по ту сторону сомкнувшейся Бран-дыры. Почему я должен хранить им верность, если они…

И все-таки.

Кстати, об Одиссее… При мысли о нем память

подсовывает непрошеные картинки для взрослых. Я могу квитироваться обратно на «Королеву Маб». Там для меня самое надежное место, хотя чутье подсказывает: мне вообще нет места среди моравеков.

Кажется, что бы я ни выбрал, все будет неправильно. Трусливое предательство — в лучшем случае.

Бога ради, кого я предаю? Я поминаю имя Господне всуе в тот самый миг, когда новый Господь вселенной и единственный Всемогущий Бог сверлит меня взглядом и заканчивает свою тираду, брызжа слюной и грохоча кулаком.

И хотя владыка Зевс не завершает речь словами: «ВОПРОСЫ ЕСТЬ?!», однако суть та же, судя по тишине, которая воцарилась в Великом чертоге собраний.

Внезапно и необъяснимо, учитывая ужас происходящего, внутренний голос неистребимого педанта — скорее ученого, чем бывшего схолиаста — огорошивает меня фразой мильтоновского Люцифера: «Выше звезд Божьих вознесу свой трон…»[70]

Что-то срывает крышу и начисто сносит верх-

---

[70] Примечания: 70

«*Выше звезд Божьих вознесу свой трон…*» — Ис. 14: 13.

ние этажи Великого чертога. В обнажившемся небе высится бесформенная фигура. Слышится рев голосов и ветра.

Стена обваливается внутрь. Исполинские существа, лишь отдаленно похожие на людей (да и то не все), рушат каменную кладку, опрокидывают колонны, пикируют из-под облаков на собравшихся божеств. Те из бессмертных, кто сохранил остатки разума, квитируются куда подальше либо спасаются бегством. Я каменею на месте.

Зевс рывком поднимается на ноги. Золотые латы и оружие сложены на полу в каких-то двадцати футах от него, но и это чересчур далеко. Молниеносная атака неисчислимых врагов не позволяет вооружиться даже отцу бессмертных.

Он выпрямляется и заносит могучую руку, чтобы метнуть гром и молнию.

Ничего не происходит.

— О горе! — восклицает Зевс, глядя на пустую правую руку, как будто она перестала ему подчиняться. — Не слушают меня стихии[71]!

— НИ ЖАЛОСТИ, НИ КАПЛИ СНИСХОЖДЕНЬЯ! — громогласно раздается из грозовых туч, густо

---

[71] Примечания: 71

О горе!.. Не слушают меня стихии! — П. Б. Шелли. Освобожденный Прометей. Акт III, сц. 1. Перев. К. Бальмонта. В ответе Демогоргона использованы отдельные фрагменты той же сцены, а также из сц. 4.

клубящихся над разломанным зданием, где боги бьются с чудовищами. — СОЙДИ И В БЕЗДНУ УХОДИ СО МНОЙ. ТЕ, КТО ОСТАНЕТСЯ, ДА НЕ ВОЗЛЮБЯТ НИ ТРОНОВ, НИ СУДОВ, НИ АЛТАРЕЙ, НИ ТЮРЕМ — ВИДЕНИЯ, ПРОТИВНЫЕ И БОГУ, И СЕРДЦУ ЧЕЛОВЕКА. ИДЕМ ЖЕ, УЗУРПАТОР И ТИРАН ЗЕМЛИ, ТЕБЯ ЖДЕТ НОВАЯ ОБИТЕЛЬ — НЕЗДЕШНЯЯ, УЖАСНАЯ И ЗЛАЯ.

Этот жуткий голос пугает даже не своей громоподобностью, а спокойствием.

— Нет! — вопит Зевс и квитируется прочь.

Из гущи сражения слышатся крики «Титаны!» и «Крон!».

Вот тут и я пускаюсь наутек, молясь про себя, чтобы костюм хамелеона сохранил невидимые свойства, бегу между падающими колоннами, между сражающимися, через молнии, бьющие с огненного неба над Олимпом.

Некоторые боги добежали до своих колесниц, но в небе их атакуют исполинские, странного вида летучие повозки, управляемые неописуемыми возничими. По всему берегу Кальдерного озера боги бьются с титанами. Кто-то — очевидно, Крон — схватился разом с Аресом и Аполлоном. Чудовища сражаются с олимпийцами, и олимпийцы бегут.

Внезапно кто-то меня хватает и прижимает мне правую руку к телу, так что я не успеваю взяться за квит-медальон, и сдергивает с меня хамелеонью кожу, словно обертку с рождественского подарка.

Это Гефест, бородатый карликовый бог огня, главный искусник Зевса и других олимпийцев. За его спиной на траве валяется что-то похожее на пушечные ядра и аквариум.

— Ты что здесь делаешь, Хокенберри? — рычит косматый бородач. Карлик по сравнению с остальными бессмертными, он все равно выше меня.

— Как ты меня увидел? — только и могу выдавить я.

Ярдах в пятидесяти Крон убивает Аполлона исполинской дубиной. Свирепые ветры, воющие у вершины Олимпа, понемногу разгоняют тучи над оставшимся без крыши Великим чертогом собраний.

Гефест усмехается и щелкает по прибору из стекла и бронзы, висящему на его жилетке среди сотни других штуковин:

— Разумеется, я тебя вижу. И Зевс тоже. Для того он и велел мне создать тебя, Хокенберри. Чтобы его нынешнее восхождение на Божественный

Престол не осталось без наблюдателя — такого наблюдателя, который мог бы*все это нахрен записать*. Мы же неграмотные, ты знаешь.

Не дав мне пошевелиться или сказать хоть слово, Гефест хватает мой тяжелый квит-медальон, срывает его — порвав цепочку — и крошит в массивном грязном кулаке.

«Иисусе-Господи-Всемогущий-только-не-это…» — успеваю подумать я.

Бог огня чуть открывает огромный кулак и ссыпает золотые крошки в широко оттянутый карман жилета.

— Не ссы, Хокенберри! — хохочет бог. — Игрушка никогда не работала. Смотри — внутри*ни хера нет*! Один диск, чтобы крутить. Это всегда было твоим перышком Дамбо[72].

— Он работал… всегда… я же вернулся с… я…

— Это не он, — отвечает Гефест. — При сборке я вложил в тебя наногены, чтобы ты мог квант-телепортироваться, как большие мальчики. Как мы, боги. Просто тебе не полагалось ведать об

---

[72] Примечания: 72

Это всегда было твоим перышком Дамбо. — «Дамбо» (1941) — полнометражный мультфильм компании Уолта Диснея по детской развивающей книжке Хелен Аберсон с иллюстрациями Гарольда Пирла. Вожак ворон дарит слоненку Дамбо свое перо и убеждает его, что оно волшебное и позволит ему летать, хотя на самом деле Дамбо может летать сам за счет своих огромных ушей.

этом раньше времени. Афродита опередила события, когда дала тебе фальшивый медальон, чтобы ты убил Афину.

Я дико озираюсь. Великий чертог собраний рухнул. Поваленные колонны лижет пламя. Поле битвы стремительно разрастается, однако вершина вулкана заметно пустеет: боги скрываются на Земле Илиона. Повсюду открываются брандыры, титаны и чудища преследуют бегущих олимпийцев.

Существо из грозовых туч, сорвавшее крышу и три этажа Великого чертога собраний, бесследно исчезло.

— Помоги мне спасти греков, — говорю я; зубы у меня стучат.

Гефест опять смеется и вытирает жирный рот тыльной стороной испачканной в саже ладони.

— Я уже очистил вашу гребаную Землю Илиона от остальных людей. Зачем мне спасать греков? Или даже троянцев, если на то пошло? Много они обо мне заботились в последнее время? Плюс мне понадобятся люди, которые будут поклоняться мне, когда я через несколько дней займу трон Олимпа…

— Так это*ты* очистил планету? — У меня глаза лезут на лоб. — Ты превратил человечество этой

Земли в голубой луч, бьющий из Дельф?

— А кто, по-твоему, это сделал? Зевс? С его техническими познаниями? — Гефест качает головой.

Братья-титаны Крон, Япет, Гиперион, Кей, Крий и Океан шагают в нашу сторону. Они залиты ихором — золотой кровью богов.

Внезапно из горящих руин появляется Ахиллес. Он облачен в золотые доспехи. Красивый щит тоже забрызган бессмертной кровью, меч высоко поднят, глаза безумно сверкают сквозь щели пыльного, в грязных разводах шлема. Не обратив на меня внимания, он орет Гефесту:

— Зевс удрал!

— Само собой, — отвечает бог огня. — Ты думал, он станет ждать, когда Демогоргон утащит его за собой в Тартар?

— Даже локатор голографического пруда не смог его отыскать! — орет Ахиллес. — Я заставил Диону, мать Афродиты, помочь мне с локатором. Она обещала найти Зевса в любой точке вселенной. Когда она не справилась, я порубил ее в куски. Где он?!

Гефест ухмыляется:

— Помнишь, быстроногий мужеубийца, где Зевс укрылся от всех глаз, когда Гера хотела за-

трахать его и погрузить в вечный сон?

Ахиллес хватает олимпийца за плечо и чуть ли не отрывает от земли.

— Дом Одиссея! Перенеси меня туда! Быстро!

Гефест недобро щурится:

— Не смей приказывать будущему владыке Олимпа, смертный. Ты хоть и сингулярность, старших надо уважать.

Ахиллес убирает руку:

— Пожалуйста. Скорее. Прошу тебя.

Гефест кивает и смотрит на меня:

— Схолиаст Хокенберри, отправляйся с нами. Зевс готовил тебя именно для этого дня. Ему был нужен свидетель. Вот и будешь свидетелем.

82

Моравеки на «Королеве Маб» следили за происходящим в режиме реального времени, поскольку нанокамеры и передатчики Одиссея исправно работали, однако Астиг/Че решил не транслировать репортаж Манмуту и Орфу, работавшим в земном океане. Два моравека уже шесть часов отрезали боеголовки с черными дырами и по одной грузили их в трюм «Смуглой леди». Никто на «Маб» не хотел их отвлекать.

А отвлечься им было бы на что.

Бешеное совокупление Одиссея с женщиной, представившейся как Сикоракса, было поставлено на очередную паузу. Они лежали голые на смятых покрывалах, пили вино из больших двуручных кубков и ели фрукты, когда похожее на амфибию чудище с жабрами и клыками отодвинуло занавес и, шлепая перепончатыми лапами, вошло в покои Сикораксы.

— Маманя, думат так, что должен возвестить, когда хотел размять большую тыкву, услышал Калибан шипение воздушных шлюзов. Маманя, некое созданье к тебе явилось. Так говорит, что у него мясистый нос и пальцы как обрубки. Коль скажешь, ради имени Его сорву зубами лакомую плоть с костей, что мягчее мела.

— Нет, Калибан, спасибо тебе, дорогой, — сказала голая женщина с пурпурными бровями. — Проводи сюда нашего гостя.

Тот, кого назвали Калибаном, отступил в сторону. Вошел другой Одиссей, старше.

Сходство заметили все моравеки, даже те, которым люди казались на одно лицо. Молодой Одиссей, лежащий на шелковых подушках, уставился на более старого Одиссея. Тот был так же приземист и широк в груди, но с седыми волосами и проседью в бороде, шрамов у него было

гораздо больше, и держался он степеннее, чем пассажир «Королевы Маб».

— Одиссей, — сказала Сикоракса.

Как показывали моравекские аудиоанализаторы человеческих эмоций, она была искренне удивлена.

Гость покачал головой:

— Теперь меня зовут Никто. Рад тебя видеть снова, Цирцея.

Женщина улыбнулась:

— Значит, мы оба переменились. Для мира и для себя я теперь Сикоракса, мой много страдавший Одиссей.

Молодой Одиссей начал вставать с подушек, уже сжимая кулаки, но Сикоракса небрежно повела левой рукой, и он рухнул обратно.

— Ты Цирцея, — упрямо сказал назвавшийся Никем. — Ты всегда была Цирцеей. И всегда будешь Цирцеей.

Сикоракса чуть заметно пожала плечами, качнув тяжелой грудью, и погладила пустые подушки справа (слева лежал молодой Одиссей).

— Подойди и сядь со мною рядом, Никто.

— Нет, Цирцея, благодарю, — отвечал мужчина в тунике, шортах и сандалиях. — Я постою.

–Ты подойдешь и сядешь рядом, — с нажи-

мом произнесла Сикоракса и сделала какое-то странное движение правой рукой, замысловато пошевелив пальцами.

— Нет, спасибо, я постою.

И снова женщина изумленно заморгала. Анализаторы выражений человеческого лица заключили, как ее изумление бесконечно возросло.

–*Моли*[73], — сказал Никто. — Уверен, ты о нем слышала. Это вещество готовится из редкого черного корня, на котором каждую осень распускается молочно-белый цветок.

Сикоракса медленно кивнула:

— Ну и далеко же завели тебя странствия. Но разве ты не слышал? Гермес мертв.

— Это не важно, — сказал Никто.

— Да, пожалуй. Как ты сюда попал, Одиссей?

— Никто.

— Как ты сюда попал, Никто?

— На старом соньере Сейви. Почти четыре дня перебирался с одного орбитального острова на другой, прячась от твоих роботов-уничтожителей или обходя их в стелс-режиме. Пора от них избавляться, Цирцея. Или, по крайней мере, оборудовать соньеры туалетами.

---

[73] Примечания: 73

Моли — трава, которую в «Одиссее» Гермес дал Одиссею, чтобы защитить его от волшебства Цирцеи.

Сикоракса тихонько хохотнула:

— С какой стати я буду уничтожать перехватчики?

— Потому что я тебя прошу.

— А с какой стати мне исполнять твои просьбы, Одис… Никто?

— Объясню, когда изложу весь список.

Калибан за спиной гостя грозно зарычал. Человек не обращал внимания ни на тварь, ни на ее ворчание.

— Излагай, — сказала Сикоракса, улыбкой давая понять, как мало ее заботят чьи-то просьбы.

— Во-первых, как я уже сказал, устрани орбитальные перехватчики. Или хотя бы перепрограммируй их так, чтобы космические корабли могли свободно летать между кольцами.

Улыбка Сикораксы не дрогнула. Взгляд фиолетовых, подведенных лиловым глаз ничуть не потеплел.

— Во-вторых, — продолжал Никто, — убери силовое поле над Средиземным бассейном и поле Геркулесовых Рук.

Ведьма вполголоса засмеялась:

— Странное желание. Цунами сметет все.

— Ты можешь сделать это постепенно, Цирцея. Знаю, что можешь. Заполни Бассейн.

— Прежде чем продолжать, — сухо проронила она, — назови хоть одну причину, чтобы я этим занялась.

— В Средиземном бассейне много такого, что людям старого образца не следует получить в ближайшее время.

— Ты имеешь в виду склады, — сказала Сикоракса. — Космические корабли, оружие…

— Много чего. Пусть винноцветное море снова заполнит Бассейн.

— Возможно, ты не заметил, пока странствовал, — сказала Сикоракса, — но люди старого образца на грани вымирания.

— Заметил. И все же прошу тебя осторожно, мало-помалу заполнить Бассейн. А заодно уничтожить эту идиотскую Атлантическую Брешь.

Сикоракса покачала головой и пригубила вино из двуручного кубка, не предложив гостю. Молодой Одиссей по-прежнему лежал с остекленелым взглядом, не в силах пошевелиться.

— Это все? — осведомилась хозяйка.

— Нет, — ответил Никто. — Еще я прошу реактивировать для людей старого образца все факс-узлы, все линии связи функций и омолаживающие баки на орбитальном и полярном кольцах.

Сикоракса молчала.

— И наконец, — продолжал Никто, — пошли своего ручного монстра известить Сетебоса, что на эту Землю скоро придет Тихий.

Калибан зашипел, а потом заворчал, будто пес:

— Так думат, что пора уродцу ноги оторвать, пусть на культи любуется. Так думат, что он Сила, Вождь, и сей побитый червячка получит и двух получит за то, что имя всуе поминал.

— Молчать! — рявкнула Сикоракса и встала, более величественная в своей наготе, чем другие царицы в торжественном облачении. — Никто, Тихий и впрямь придет на эту Землю?

— Думаю, да.

Она вроде бы успокоилась, взяла из чаши на постели виноградную гроздь и поднесла гостю. Тот мотнул головой.

— Ты многого просишь для старика и Не-Одиссея, — вкрадчиво начала Сикоракса, меря шагами пространство между кроватью и бородачом. — Что я получу взамен?

— Рассказ о моих путешествиях.

Сикоракса снова рассмеялась:

— Я знаю про твои путешествия.

— Про эти не знаешь. На сей раз они длились двадцать лет, не десять.

Прекрасное лицо ведьмы исказилось тем, что анализаторы моравеков интерпретировали как усмешку.

— И как всегда, искал одно и то же… свою Пенелопу.

— Нет, — возразил Никто. — На сей раз нет. На сей раз, когда ты отправила меня молодого через порталы Калаби-Яу, все мои странствия в пространстве и времени — двадцать лет для меня — были поисками тебя.

Сикоракса будто наткнулась на невидимую преграду и остановилась, недоверчиво округлив глаза.

— Тебя, — повторил Никто. — Моей Цирцеи. Мы любили друг друга, и мы славно любились в эти двадцать лет. Я находил тебя в разных обличьях: Цирцеи, Сикораксы, Элис, Калипсо.

— Элис? — переспросила ведьма.

Никто молча кивнул.

— Скажи, тогда у меня был маленький зазор между передними зубами?

— Был.

Сикоракса мотнула головой:

— Ты лжешь. Во всех реальностях происходит одно и то же, Одиссей-Никто. Я спасаю тебя, вытаскиваю из моря, холю, кормлю лучшими

кушаньями и медвяным вином, выхаживаю от ран, мою в горячей ванне, услаждаю телесной любовью, какая тебе и не снилась, предлагаю сделать бессмертным и нестареющим на веки вечные, а ты каждый раз оставляешь меня ради этой своей ткачихи Пенелопы. И сына.

— Я видел его двадцать лет назад, — сказал Никто. — Он вырос в славного мужа. К чему нам встречаться? Я хочу остаться с тобой.

Сикоракса опускается на постель и пьет из большого двуручного кубка.

— Я думаю обратить всех твоих спутников-моравеков в свиней, — сказала она наконец.

Никто пожал плечами:

— Почему бы нет? Ты поступала так с другими моими товарищами во всех других мирах.

— Как по-твоему, какие свиньи получатся из моравеков? — спросила ведьма тоном светской беседы. — Будут ли они похожи на шеренгу пластмассовых копилок?

— Мойра проснулась, — сообщил Никто.

Ведьма заморгала:

— Мойра? Почему именно сейчас?

— Не знаю, — ответил гость, — но у нее тело юной Сейви. Мы повстречались перед моим отлетом с этой Земли. Правда, так и не поговорили.

— Тело Сейви? — эхом откликнулась хозяйка. — Что же она задумала? И почему теперь?

— Так думат, — сказал Калибан за спиной Никого. — Он Сейви сделал из сладкой глины, чтобы сыну укусить и грызть, добавить мед и те зеленые стручки, жевать ей шею, а как настоится пойло — быстро выпить все разом, и в мозгах бегут мурашки.

Сикоракса встала, приблизилась к Никому, подняла руку, словно желая коснуться его обнаженной груди, но вдруг отпрянула. Калибан зашипел и присел на корточки, сгорбился, уперев руки между могучими ногами, и злобно вытаращил глаза. Впрочем, он оставался там, где было велено.

— Тебе известно, я не могу послать сына предупредить его отца Сетебоса о Тихом, — негромко сказала ведьма.

— Мне известно, что эта…*тварь*… тебе не сын, — возразил Никто. — Ты создала его из говна и бракованной ДНК в баке зеленой слизи.

Чудовище со свистом втянуло воздух и снова зачастило свою жуткую тарабарщину. Сикоракса знаком велела ему замолчать.

— Знаешь ли ты, что твои друзья-моравеки прямо сейчас поднимают на орбиту более семисот

черных дыр? — спросила она.

Никто пожал плечами:

— Не знал, но надеялся, что так будет.

— Откуда взялся этот груз?

— Ты знаешь откуда. Семьсот шестьдесят восемь боеголовок с черными дырами? Есть лишь одно место.

— Невозможно, — сказала Сикоракса. — Я заключила затонувшую лодку в силовой кокон около двух тысячелетий назад.

— А мы с Сейви раскрыли его больше века назад, — ответил Никто.

— Да, я наблюдала, как вы с этой гадиной пытались осуществить свои жалкие замыслы, — произнесла Сикоракса. — Чего вы надеялись добиться туринскими подключениями к Илиону?

— Это была подготовка, — сказал Никто.

— К чему? — засмеялась Сикоракса. — Ты же не думаешь, что эти две человеческие расы когда-нибудь встретятся? Это несерьезно. Греки, троянцы и иже с ними слопают ваших наивных старообразных и не подавятся.

Никто пожал плечами:

— Отмени войну с Просперо, а там посмотрим.

Сикоракса с грохотом опустила винный кубок на ближайший стол.

— Оставить поле битвы этому гаду Просперо? — воскликнула она. — Ты шутишь.

— Нет, — сказал Никто. — Сущность, называющая себя Просперо, выжила из ума. Его дни сочтены. Но ты можешь спастись, пока тебя не охватило то же безумие. Давай покинем этот край, Цирцея. Только мы с тобой.

— Покинуть? — тихо и недоверчиво переспросила ведьма.

— Я знаю, твой остров оснащен термоядерными двигателями и генераторами бран-дыр. Мы можем улететь к звездам, дальше звезд. Если заскучаем, шагнем сквозь портал Калаби-Яу и будем предаваться любви по всей огромной вселенной истории. Мы будем сменять века и тела, как другие меняют одежду, будем перемещаться во времени, чтобы присоединяться к себе самим на ложе любви, замораживать время, чтобы принять участие в собственных утехах. Воздуха и еды здесь хватит на тысячу лет — даже на десять тысяч, если захочешь.

— Ты забыл. — Сикоракса встала и вновь принялась ходить. — Ты смертный. Через двадцать лет мне придется кормить тебя с ложечки, а после менять подгузники. Через сорок тебя не станет.

— Однажды ты предлагала мне бессмертие.

Омолаживающие баки по-прежнему здесь, на острове.

— Но ты*отверг* мой дар! — крикнула Сикоракса и, схватив тяжелый кубок, запустила им в гостя.

Никто пригнулся, однако не сдвинулся с места.

— Ты отвергал бессмертие снова и снова! — визжала она, вырывая на себе волосы и впиваясь ногтями в щеки. — Бросал его мне в лицо, лишь бы только вернуться к своей ненаглядной…*Пенелопе*… еще и еще! Ты насмехался надо мной!

— Сегодня я не смеюсь. Давай улетим вдвоем.

Ее лицо исказилось дикой злобой.

— Я велю Калибану сожрать тебя на моих глазах. И буду смеяться, когда он станет высасывать мозг из твоих костей.

— Летим со мной, Цирцея, — сказал Никто. — Реактивируй факсы и функции, избавься от Геркулесовых Рук и прочих бесполезных игрушек, и летим вместе. Будь, как раньше, моей.

— Да из тебя песок сыплется! — фыркнула ведьма. — Тело в шрамах, седые волосы… Почему бы мне предпочесть старика молодому и полному жизни любовнику? — Она погладила бедро и поникший пенис неподвижного и как будто загипнотизированного молодого Одиссея.

— Потому что я Одиссей, который не скроется

сквозь портал Калаби-Яу через неделю, месяц или восемь лет, как этот юнец. Потому что я Одиссей, который тебя любит.

Сикоракса издала какой-то сдавленный звук, похожий на глухое рычание. Калибан заворчал в ответ, словно верный пес.

Никто запустил руку под тунику и вытащил из-за широкого пояса спрятанный пистолет.

Ведьма замерла и уставилась на него:

— Ты же не думаешь, будто эта вещь для меня опасна?

— Я взял ее для другого, — ответил Никто.

Сикоракса покосилась на застывшего молодого Одиссея:

— Ты сошел с ума. Знаешь ли ты, какие беды на квантовом уровне повлечет подобная выходка? Даже играя с такими мыслями, ты играешь с хаосом. Это нарушит круговорот событий, который продолжается в тысяче миров тысячу с лишним…

— Вот и пора все прекратить, — сказал Никто.

Он выстрелил шесть раз, и каждый выстрел казался громче предыдущего. Шесть тяжелых пуль вошли в голого Одиссея, разворотили ему грудную клетку, разорвали сердце, прошили середину лба.

Тело молодого мужчины задергалось и сползло на пол. На шелковых подушках остались красные полосы, по мрамору растекалась лужа крови.

— Решай, — сказал Никто.

83

Не знаю, телепортировался я собственными силами, без помощи медальона, или просто перенесся вместе с Гефестом, поскольку держал его за рукав, когда он квитировался. Да это и не важно. Главное, что я здесь.

В доме Одиссея. Как только мы с Гефестом и Ахиллесом являемся из ниоткуда, на нас обрушивается яростный лай. Ахиллес в окровавленном шлеме смотрит на пса, и тот, поскуливая и поджав хвост, убегает во двор.

Мы в прихожей пиршественного чертога в Одиссеевом дворце на острове Итака. Внутренний двор и здание накрыты сверху гудящим силовым полем. За длинным столом нет наглых женихов, молодой Телемах не придумывает, как от них избавиться, верная Пенелопа не горюет, и слуги не снуют туда-сюда, разнося нахалам еду и питье отсутствующего Одиссея. Однако комната выглядит, будто избиение женихов уже состоялось: стулья опрокинуты, сорванный со стены

ковер сполз со столешницы на пол и пропитан разлитым вином, и даже великий лук Одиссея — тот, который, по легенде, он один мог натянуть, настолько редкое и ценное оружие, что он решил не брать его с собой в Трою, — валяется на каменном полу среди россыпи знаменитых Одиссеевых стрел, зазубренных и смазанных ядом.

Зевс молниеносно разворачивается к нам. На великане все та же мягкая одежда, в которой он восседал на олимпийском престоле, вот только рост пришлось чуть уменьшить, дабы втиснуться в помещение. И все-таки он в два раза выше Ахиллеса.

Быстроногий мужеубийца делает нам знак отойти в сторону, а сам поднимает щит, вытаскивает меч и входит в пиршественный чертог.

— Сын мой, — рокочет Громовержец, — избавь меня от своего мальчишеского гнева. Хочешь одним жестоким ударом совершить богоубийство, тираноубийство и отцеубийство?

Ахиллес наступает — наконец его отделяет от Зевса один лишь широкий обеденный стол.

— Защищайся, старик.

Зевс улыбается, не выказывая ни малейшей тревоги:

— Думай, быстроногий Ахиллес. Воспользуйся

для разнообразия головой, а не только членом и мускулами. Ты что, предпочтешь увидеть на золотом олимпийском троне никчемного калеку? — Он кивает в сторону Гефеста, который безмолвно стоит на пороге рядом со мной.

Ахиллес не оборачивается.

— Подумай хоть разок, — повторяет Зевс, и от его голоса в соседней кухне дребезжит посуда. — Ахиллес, сын мой, будь со мной. Соединись с всепроникающим присутствием, которое есть Зевс, отец богов. Вместе отец и сын, бессмертный и смертный, два могучих духа породят третий, могущественней каждого из нас. Триедины, отец и сын и святая воля, мы станем править небесами и Троей и сбросим титанов обратно в Тартар на веки вечные.

— Сражайся, старый хрыч, — говорит Ахиллес.

Лик Зевса покрывается красными пятнами нескольких разных оттенков.

— Гнусное отродье! Да я и теперь, утратив власть над стихиями, тебя растопчу!

Зевс хватает длинный стол за край и швыряет в Ахиллеса. Тяжелые пятидесятифутовые доски с увесистыми ножками-столбами свистят в воздухе. Ахиллес низко пригибается, стол ударяет в стену за его спиной, уничтожает красивую фрес-

ку и разлетается щепками во всех направлениях.

Ахиллес делает два шага вперед.

Зевс разводит руками, показывая ладони:

— Ты убьешь меня вот так,*смертный*? Безоружного? Или схватимся голыми руками, словно герои на славной арене, до тех пор, когда один из нас не сможет подняться, а другой получит награду?

Ахиллес медлит одну секунду. Потом снимает и откладывает в сторону золотой шлем. Стягивает с руки круглый щит, пристраивает на остром выступе меч, рядом — бронзовые нагрудные латы, поножи — и все это отправляет пинком ноги к дверям, где стоим мы с Гефестом. Теперь на нем только рубашка с короткой юбкой, широкий кожаный пояс и сандалии.

За восемь шагов от Зевса Ахиллес разводит руки и сгибает колени, становясь в борцовскую позу.

Зевс улыбается и — движением настолько быстрым, что я почти не успеваю его заметить, — хватает прославленный лук Одиссея и черноперую стрелу.

Беги! — успеваю я мысленно крикнуть Ахиллесу, но мускулистый блондин и ухом не ведет.

Зевс легко натягивает лук, с которым никто,

кроме Одиссея, не должен справиться, и, направив широкий отравленный наконечник прямо в сердце Ахиллеса, спускает тетиву.

Стрела пролетает мимо.

Промахнуться с такого расстояния невозможно — стрела не искривлена, черное оперение тоже в порядке, — и все-таки она пролетает в футе от Ахиллеса и глубоко вонзается в упавший возле стены опрокинутый стол. Я почти чувствую, как ужасный яд, взятый, по слухам, у самых смертоносных змей Геракла, разъедает крепкое дерево.

Зевс смотрит в изумлении. Ахиллес не двигается с места.

Зевс молниеносно наклоняется, хватает с полу новую стрелу, шагает ближе, натягивает тетиву, отпускает…

И не попадает. С пяти шагов.

Ахиллес стоит не шелохнувшись, только с яростью смотрит в глаза отца богов, в которых уже разгорается паника.

Зевс наклоняется, аккуратно прилаживает стрелу, натягивает тетиву, так что блестящие от пота мускулы заметно напрягаются. Могучий лук почти гудит от натуги. Царь богов идет вперед, пока наконечник не оказывается в футе от широкой груди Ахиллеса.

Зевс спускает тетиву.

Стрела пролетает мимо.

Это невозможно, но острие впивается в стену за спиной героя. Стрела не прошла сквозь Ахиллеса, не обогнула его, а неизвестно как — совершенно немыслимым образом — пролетела мимо.

И тогда быстроногий прыгает, ударом отбрасывает лук и хватает за горло бога в два раза выше себя.

Зевс, шатаясь, ходит по комнате, пытается стряхнуть со своей шеи сильные руки ахейца, бьет его кулаком шириной в половину человеческой спины. Мужеубийца продолжает висеть, а Зевс крушит гигантские брусья, дубовую столешницу, дверной проем и стены. Со стороны кажется, будто ребенок повис на шее взрослого человека. Но Ахиллес по-прежнему не ослабляет хватку.

Бог исполинскими пальцами разжимает пальцы ахейца, стискивает массивными ручищами его предплечья и начинает колотить болтающимся героем по всем встречным предметам, так что слышится грохот, будто от катящихся валунов, и наконец придавливает Ахиллеса своим телом к стене и двери напротив нас. Спина человека гнется, повторяя очертания каменного

дверного проема.

Еще пять секунд — и позвоночник Ахиллеса переломится, словно лук из дешевой бальзы.

Но Ахиллес не ждет пяти мгновений. Или даже трех.

Покуда Зевс продолжает со скрежетом гнуть его спину, быстроногий мужеубийца каким-то образом вызволяет правую руку.

Что происходит дальше, я вижу как след на сетчатке после удара молнии.

Ахиллес выхватывает из-за пояса короткий нож.

Он всаживает лезвие в горло Зевса, поворачивает, загоняет глубже и снова вращает, крича даже громче самого олимпийца, взвывшего от ужаса и боли.

Зевс пятится и вламывается в соседнюю комнату. Мы с Гефестом бежим следом.

Теперь они в спальных покоях Одиссея и Пенелопы. Ахиллес выдергивает нож, и отец богов вскидывает массивные руки к собственному горлу, к собственному лицу. Из ноздрей и разинутого рта у Зевса хлещет фонтан, заливая седую бороду одновременно золотым ихором и алой кровью.

Зевс падает спиной на кровать. Ахиллес замахивается, вонзает нож в божественное брюхо и

тащит чудесное лезвие кверху и вправо. Слышится скрежет клинка о ребра.

Зевс опять кричит и хочет зажать живот, но Ахиллес ловко вытягивает несколько ярдов серых блестящих кишок и, намотав их на ножку гигантской Одиссеевой кровати, проворно завязывает крепким морским узлом.

«Эта ножка — ствол живой оливы, вокруг которого Одиссей и выстроил опочивальню», — ошалело думаю я. На память приходят строки из «Одиссеи» в переводе Фицджеральда, который я читал в детстве. Одиссей говорит сомневающейся Пенелопе:

> *Пышно олива росла длиннолистая, очень большая,*
>
> *В нашей дворовой ограде. Был ствол у нее как колонна.*
>
> *Каменной плотной стеной окружив ее, стал возводить я*
>
> *Спальню, пока не окончил. И крышей покрыл ее сверху.*
>
> *Крепкие двери навесил, приладивши створки друг к другу.*
>
> *После того я вершину срубил длиннолистой оливы,*

Вырубил брус на оставшемся пне, остругал его медью

Точно, вполне хорошо, по шнуру проверяя все время,

Сделал подножье кровати и все буравом пробуравил.

Этим начавши, стал делать кровать я, пока не окончил,

Золотом всю, серебром и слоновою костью украсил,

После окрашенный в пурпур ремень натянул на кровати[74].

Теперь не только бычьи ремни окрашены в пурпур. Зевс, привязанный собственными кишками, отчаянно рвется на свободу. Из его горла, ноздрей и живота льются золотой ихор и чересчур человеческая алая кровь. Ослепленный болью и кровью, Всемогущий Зевс, размахивая руками, ищет своего мучителя на ощупь. Каждое усилие вытягивает из брюха еще больше блестящих серых потрохов. От воплей бога даже неколебимый Гефест зажимает уши.

---

[74] Примечания: 74

Пышно олива росла длиннолистая, очень большая… — Одиссея. Перев. В. Вересаева.

Ахиллес легко уворачивается от Зевса, но только чтобы вернуться снова, и рубит слепого бога по рукам, ногам, бедрам, пенису, подколенным сухожилиям.

Зевс валится на спину, по-прежнему привязанный к ножке из живой оливы тридцатью с лишним футами серых кишок. Бессмертное существо по-прежнему содрогается и ревет, заплевывая потолок замысловатыми пятнами Роршаха.

Ахиллес выходит из комнаты и возвращается с мечом. Ногой в сандалии он наступает на левую руку бога, высоко вскидывает меч и наносит столь мощный удар, что лезвие, перерубив Зевсу шею, высекает из пола искры.

Голова отца бессмертных кувыркается и катится под кровать.

Ахиллес преклоняет окровавленное колено и как будто зарывается лицом в огромную рану на бронзовом мускулистом животе Зевса. Какой-то абсолютно ужасный миг я уверен, что Ахиллес пожирает внутренности поверженного врага, — человек превратился в хищника, в бешеного волка.

Но он всего лишь кое-что искал.

— Ага! — восклицает быстроногий мужеубий-

ца, извлекая из блестящей серой массы что-то лиловое, еще пульсирующее.

Это печень Зевса.

— И где же этот клятый Одиссеев пес? — спрашивает Ахиллес сам себя, сверкая глазами, и уходит отнести угощение Аргусу, который прячется во дворе.

Мы с Гефестом быстро уступаем Ахиллесу дорогу.

И только после того, как шаги мужеубийцы — теперь уже богоубийцы — затихают, мы с богом огня оглядываемся по сторонам.

На полу, стенах и постели не осталось и дюйма, не забрызганного божественной кровью.

Исполинское обезглавленное тело, привязанное кишками к подножию из оливы, по-прежнему извивается, дергая залитыми ихором пальцами.

— Умереть и не встать, — произносит Гефест.

Мне хочется отвести взгляд, но я не могу. Хочется выскочить на улицу и сблевать, но я и этого не могу.

— А что… как… он еще… отчасти… живой, — заикаюсь я.

Гефест ухмыляется с самым безумным видом:

— Зевс ведь бессмертный, ты забыл, Хокенберри? Он и сейчас в агонии. Придется спалить его

останки в Небесном огне. — Он наклоняется и вытаскивает нож, которым орудовал Ахиллес. — А заодно и богоубийственный кинжал Афродиты. Переплавлю во что-нибудь еще — может, сделаю мемориальную доску в память о Зевсе. Не стоило вообще ковать это лезвие для кровожадной стервы.

Я моргаю, трясу головой, а потом хватаю бога огня за кожаную жилетку:

— И что теперь?

Гефест пожимает плечами:

— Все будет по уговору, Хокенберри. Никта и Судьбы, всегда правившие вселенной — по крайней мере, нашей, — позволят мне сесть на золотой трон Олимпа, как только закончится эта безумная вторая война с титанами.

— Откуда ты знаешь, кто победит?

Из черной нечесаной бороды сверкают неровные белые зубы.

По двору разносится повелительный голос Ахиллеса:

— Ко мне, собачка… Ко мне, Аргус… К ноге, мальчик. Вот умница. Хочешь вкусненького?.. Хороший пес.

— Судьбы недаром носят свое имя, Хокенберри, — отвечает Гефест. — Будет мучительная,

затяжная война, больше на Земле Илиона, чем на Олимпе, но немногие уцелевшие олимпийцы снова победят.

— А как же этот… из туч… с голосом…

— Демогоргон убрался обратно в Тартар, — рокочет Гефест. — Ему по барабану, что станется с Марсом, Землей или с Олимпом.

— Но мой народ…

— Твои дружки-данайцы в полной заднице, — говорит бог огня и ухмыляется своей шутке. — Впрочем, если тебе от этого легче, троянцы тоже. Все, кто остался на Земле Илиона, угодят под перекрестный огонь на ближайшие пятьдесят или сто лет.

Я крепче сжимаю его жилетку:

— Ты должен помочь нам…

Гефест без усилия стряхивает мою руку, точно взрослый, отмахивающийся от двухлетнего ребенка:

— Я никому ни хрена не*должен*, Хокенберри. — Он утирает рот тыльной стороной ладони, глядит на бьющийся на полу труп и произносит: — Но в данном случае так и быть. Квитируйся-ка назад, к своим жалким ахейцам и своей женщине Елене, и скажи горожанам: пусть немедленно уходят подальше от высоких башен, от стен и домов.

Через несколько минут в Илионе разразится девятибалльное землетрясение. А мне пора сжечь эту… крупную тушу и вернуть нашего доблестного героя на Олимп, чтобы Целитель попытался воскресить его подружку.

Ахиллес возвращается, посвистывая на ходу. За ним, скребя когтями каменные плиты, следует Аргус.

— Давай! — торопит меня бог огня и ремесел.

Я тянусь к медальону, вспоминаю, что его больше нет, затем вспоминаю, что не нуждаюсь в нем, и квитируюсь прочь.

84

Двенадцать часов работы растянулись до восемнадцати. Извлечь сорок восемь ракет из пусковых шахт и разрезать их оказалось намного сложнее, чем предполагалось. Некоторые металлические оболочки развалились, оставив лишь пластоидный сплав и сдерживающее поле разделяющихся боеголовок, от которого шло собственное голубоватое черенковское свечение.

Найдись тут сторонний наблюдатель, помимо молчащих моравеков на «Королеве Маб», ему предстало бы внушительное зрелище. «Смуглая леди» застыла над затонувшей боевой субмари-

ной, освещая всеми прожекторами подводный мир: мутный ил, колышущиеся анемоны, обрывки тросов, перекрученные провода и смертоносные позеленевшие ракеты и боеголовки. Ярче пятен дневного света из Бреши, ярче супергалогенных прожекторов, нацеленных на рабочую зону, ярче самого солнца пылали раскаленные до десяти тысяч градусов по Фаренгейту факелы газовых резаков, которыми бережно, точно скальпелями, орудовали слепой Орфу и ослепший от взбаламученного ила Манмут.

Балки, брусья, перекладины, лебедки, блоки, цепи — все было на месте и работало в напряженном режиме. Два моравека и сама «Смуглая леди» руководили подъемом каждой отрезанной боеголовки. Строго говоря, трюм европеанской подлодки никогда не пустовал; его наполняла ноздреватая программируемая пена. Если лодка шла порожняком, пена превращалась в рифленые соборные контрфорсы, противостоящие огромному давлению снаружи, но при надобности плотно облегала всякий груз, в том числе Орфу во время его путешествия в углу трюма. Сейчас она бережно обнимала тяжелые неровные обрезки ракет, поднятые Манмутом и Орфу при помощи лебедок и брани.

Примерно посередине изнуряющей работы Манмут сделал вид, будто поглаживает одну из светящихся боеголовок в пене, и пробормотал:

> *Скажи мне, из чего, мой друг, ты создана,*
>
> *Что тысячи теней вокруг тебя витают?*[75]

— Твой старина Уилл? — спросил Орфу, опускаясь вместе с товарищем обратно во взмученный ил, чтобы заняться следующей боеголовкой.

— Да, — отвечал Манмут, — сонет пятьдесят третий.

Часа через два, пристроив очередную боеголовку в почти заполненном отсеке (моравеки старались размещать черные дыры как можно дальше друг от друга), Орфу сказал:

— Такое решение вопроса будет стоить тебе корабля. Мне жаль, Манмут.

Манмут кивнул, полагаясь на чувствительные радары приятеля, которые должны были уловить его движение. В ту минуту, когда Орфу предложил этот вариант, Манмут понял, что навсегда утратит свою возлюбленную подлодку, посколь-

---

[75] Примечания: 75

Скажи мне, из чего, мой друг, ты создана, что тысячи теней вокруг тебя витают? — У. Шекспир. Сонет 53. Перев. Н. Гербель.

ку не было способа извлечь боеголовки из мягкой пены и переместить их куда-нибудь еще. В лучшем случае другое судно подхватит «Леди» с ее смертоносным грузом низко на орбите и как можно нежнее отправит ее в дальний космос.

— У меня такое чувство, будто я только что ее вернул, — произнес Манмут по радио и сам удивился глубокой печали, прозвучавшей в его словах.

— Когда-нибудь тебе построят другую, — сказал Орфу.

— Но не такую же, — возразил Манмут, который провел на своей подлодке более полутора столетий.

— Да, — согласился Орфу. — После всех этих событий ничто уже не будет прежним.

Через восемнадцать часов работы, уложив на мягкую пену последний комплект черных дыр в голубом черенковском излучении, два моравека заперли двери трюма и зависли над бумером. Оба испытывали почти полное физическое и нервное истощение.

— Нужно ли подробнее изучить «Меч Аллаха» или что-нибудь оттуда забрать? — спросил Орфу.

— Не в этот раз, — ответил Астиг/Че с «Королевы Маб», подозрительно молчавшей последние

восемнадцать часов.

— Ни за что не хотел бы увидеть эту треклятую посудину снова, — заметил Манмут. От усталости его не заботило, что он говорит по прямой связи. — Невероятная гнусность.

— Аминь, — сказал центурион-лидер Меп Аху с кружащей наверху шлюпки.

— Вы не хотите рассказать, что происходило с Одиссеем и его подружкой последние восемнадцать с чем-то часов? — спросил Орфу.

— Не сейчас, — сказал первичный интегратор Астиг/Че. — Поднимайте боеголовки. Поосторожнее.

— Аминь, — повторил Меп Аху; в голосе боевого роквека не слышалось иронии.

Сума IV был чертовски хорошим пилотом. Орфу и Манмут не могли этого не признать. Он завис на космошлюпке, так что «Смуглая леди» оставалась полностью погруженной, покуда вокруг нее смыкались двери грузового отсека, затем понемногу выпустил морскую воду, одновременно заполняя пустоту пеной, которая облекла субмарину еще одним защитным слоем.

Орфу с Ио уже перебрался при помощи тросов на крышу шлюпки, но Манмут покинул свой модуль только в последний миг, позволив «Смуглой

леди» самой наблюдать за подъемом и размещением. Он чувствовал, что должен что-то сказать, навсегда покидая любимый корабль, но так ничего и не придумал, если не считать безответного: «Прощай, леди», посланного искусственному интеллекту подлодки по фокусированному лучу.

Только когда шлюпка поднялась из воды и океанская вода потоками хлынула по отводным шахтам, Манмут напряг остаток механических и органических сил, чтобы взобраться на крышу шлюпки, а потом через маленький люк спуститься внутрь, в отсек для личного состава.

При любых иных обстоятельствах обстановка в этом отсеке показалась бы довольно комичной, но сейчас Манмута мало что могло рассмешить. Даже втянув манипуляторы и антенны, Орфу еле втиснулся в отсек через самый большой люк и занял собой пространство, где прежде размещалось двадцать боевых роквеков. Шипастые солдаты с оружием перебрались в узкий коридор, и Манмуту пришлось карабкаться по черным хитиновым телам, чтобы попасть в переполненную рубку, где ждали Меп Аху и Сума IV.

Ганимедянин вел космошлюпку в ручном режиме, перебирая клавиши управления соплами, словно земной пианист из далекого прошлого.

— Пристежные ремни закончились, — не поворачивая головы, сообщил Сума IV Манмуту. — Последние ушли на то, чтобы устроить твоего большого друга в отсеке для личного состава. Пожалуйста, занимай последнее откидное сиденье и примагничивайся к обшивке.

Манмут поступил, как было сказано. От усталости он уже не смог бы подняться: в конце концов, земная гравитация просто ужасна. Ему хотелось плакать из-за химических веществ, высвободившихся после напряженной работы последних восемнадцати часов.

— Держись крепче, — сказал Сума IV.

Шлюпка поднималась медленно, по вертикали, метр за метром, без толчков и неожиданностей. Манмут наблюдал в иллюминатор, как, набрав высоту около двух километров, они перешли с вертикальной тяги на горизонтальную. Он и не представлял себе, что с машиной можно управляться столь деликатно.

Правда, без небольших сотрясений все-таки не обошлось, и каждый раз у Манмута перехватывало дыхание, а органическое сердце начинало громко стучать: вот сейчас черные дыры в животе шлюпки достигнут критического состояния! Достаточно сработать одной — и все остальные

схлопнутся через миллионную долю секунды.

Манмут попытался вообразить последствия: мини-дыры сливаются, почти мгновенно пробивают корпусы «Смуглой леди» и космошлюпки и несутся к центру Земли с ускорением тридцать два фута в секунду за секунду, засасывают в себя оба моравекских судна, затем молекулы воздуха, затем море, затем морское дно, затем камни, затем земную кору…

Сколько дней или месяцев будет прыгать через планету большая мини-дыра, составленная из семисот шестидесяти восьми черных дыр, вырываясь по дуге в космос — насколько высоко? Электронная компьютерная часть мозга выдала готовый ответ, хотя изможденная физическая часть не хотела и не могла его принять. Достаточно высоко, чтобы за первую сотню прыжков поглотить миллион с лишним небесных тел, составляющих орбитальные кольца, но не настолько высоко, чтобы поглотить Луну.

Для Манмута, Орфу и остальных моравеков, даже для тех, кто находится на «Королеве Маб», это ничего не изменит. Моравеки со шлюпки спагеттифицируются, их молекулы растянутся к центру Земли вместе с падающей мини-дырой, а потом еще дальше, эластифицируясь (Манмут

сомневался, что вспомнил верное слово) обратно сквозь себя, когда черная дыра двинется назад через жидкое вращающееся ядро планеты.

Манмут закрыл виртуальные глаза и сосредоточился на дыхании, на плавном постоянном ускорении, с которым поднималось судно. Они словно скользили в небо по невидимой наклонной плоскости. Все-таки Сума IV был*очень* хорошим пилотом.

Предвечерняя синева понемногу сменилась черным вакуумом. Горизонт изогнулся подобно луку. В иллюминаторах вспыхнули звезды.

Манмут активировал зрение, чтобы смотреть не только через иллюминатор, но и через внешние камеры космошлюпки.

Они явно поднимались не к «Королеве Маб». Сума IV выровнял полет на высоте меньше трехсот километров — то есть над самой атмосферой — и повернул шлюпку створками грузового отсека к Солнцу. Кольца и «Маб» располагались на тридцать тысяч километров выше, и к тому же атомный космический корабль моравеков был сейчас на противоположной стороне планеты.

Манмут на секунду отключил виртуальные источники данных, ощущая невесомость как освобождение от тяжести восемнадцатичасового

труда, и посмотрел через прозрачный потолок на границу между светом и тьмой, ползущую по суше, которая некогда называлась Европой, на голубой простор Атлантического океана и белые клубы облаков над ним (высота или угол зрения не позволяли разглядеть загадочную брешь даже как тоненькую нить) и не впервые за последние восемнадцать часов задумался: как живые существа, получившие в дар столь прекрасный мир, могли вооружить субмарину — или себя, или любую машину — таким оружием тотального разрушения? Что, во имя любой ментальной вселенной, оправдывало в их глазах убийство миллионов, не говоря уже об уничтожении всей планеты?

Впрочем, Манмут понимал, что опасность еще не миновала. То, что они поднялись на несколько сот километров, технически ничего не меняет. Стоит активироваться одной боеголовке, превратив остальные в сингулярность, начнется ужасный пинг-понг сквозь сердце Земли, и миру наступит столь же неотвратимый конец. Быть в невесомости вовсе не значит выйти из поля притяжения Земли. Боеголовки перестанут угрожать планете, лишь оказавшись в миллионах километров от нее и уж точно за орбитой Луны,

поскольку там земное тяготение по-прежнему действует. На столь ничтожной высоте исход окажется тем же, разве что в первые минуты коэффициент спагеттификации моравеков увеличится на несколько процентов.

Матово-черный космический корабль обрел видимость — демаскировался, разоблачился… Манмут не мог подобрать нужного слова… возник менее чем в пяти километрах от судна, со стороны Солнца. Корабль был явно моравекский, но куда современнее всего, что Манмуту случалось видеть. Если «Королева Маб» напоминала земной артефакт двадцатого столетия Потерянной Эпохи, то этот корабль, казалось, опередил технологии моравеков на века. Каким-то образом он выглядел одновременно пузатым и безукоризненно обтекаемым, простым и невероятно сложным в своей фрактальной геометрии крыльев летучей мыши, а главное, Манмут ни капли не сомневался, что на борту находится какое-то мощное оружие.

На несколько мгновений он почти поверил, будто первичные интеграторы намерены рискнуть столь совершенным боевым кораблем. Но нет… Не успел он даже задаться этим вопросом, как в изогнутом фюзеляже появилось отверстие

и в космос на пероксидной тяге выплыло устройство, похожее на длинную ведьмину метлу, повернулось, выровнялось со шлюпкой и, пользуясь вторичными реактивными двигателями по обе стороны от нелепо раздутого сопла, беззвучно поплыло к ним.

Чему мы, собственно, удивляемся? — передал Орфу по фокусированному лучу. *У первичных интеграторов было целых восемнадцать часов, а мы, моравеки, прирожденные инженеры.*

Манмут не мог с ним не согласиться. «Метла» приближалась, постепенно замедляя ход и вновь начиная вращаться, так чтобы струи реактивных двигателей были направлены как можно дальше от космошлюпки. Манмут прикинул длину устройства: она составляла около шестидесяти метров; в центре тяжести, словно седло на костлявой кляче, сидели маленький узел с мозгом ИскИна и множество серебристых манипуляторов и зажимов из тяжелого металла, а сразу перед раструбом — непомерно огромный двигатель большой тяги с десятками реактивных сопел.

— Спускаю подлодку, — объявил по общей связи Сума IV.

Манмут смотрел по внешним камерам космошлюпки, как открылись длинные двери грузового

отсека и «Смуглая леди», выпустив легчайшее облачко газа, осторожно выплыла наружу. Его любимая субмарина начала медленно вращаться, но, поскольку ее система стабилизации была отключена, даже не попыталась остановить вращение. Манмут подумал, что еще никогда не видел ничего более противоестественного, чем его «Леди» в открытом космосе, на высоте трех тысяч километров над густой синевой вечернего земного океана.

Робот-корабль в форме метлы не оставил подлодку беспомощно кувыркаться, но приблизился и бережно привлек ее к себе руками-манипуляторами, словно любовник после долгой разлуки, и закрепил зажимами, спроектированными под стыковочные устройства на ее корпусе. Затем с той же любовной нежностью ИскИн метлы — либо управляющий ею моравек с боевого корабля — выпустил молекулярную оболочку из золотой фольги и обернул всю субмарину. Видимо, инженеры опасались, что перепад температур активирует черные дыры.

Реактивные сопла вновь полыхнули. Похожий на богомола корабль-робот со «Смуглой леди», закутанной в сверкающую фольгу, отошел от космошлюпки и развернулся так, чтобы сопло

смотрело*вниз* — в сторону синего океана, белых облаков и ползущей по Европе границе между светом и тьмой.

— А что они будут делать с лазерными лейкоцитами? — спросил по общей линии Орфу.

Манмут и сам задавался этим вопросом — как сделать, чтобы лазеры-лейкоциты не активировали черные дыры боеголовок, — но так и не решил его за восемнадцать часов, поскольку был занят другим.

— Робота будут сопровождать боевые суда «Валькирия», «Неукротимый» и «Нимиц»[76], — сообщил Сума IV. — Они уничтожат любой приближающийся лейкоцит, оставаясь, разумеется, невидимыми.

Орфу не выдержал и расхохотался по общей связи:

— «Валькирия», «Неукротимый» и «Нимиц»? Мы, миролюбивые моравеки, час от часу становимся все грознее.

Никто не ответил. Чтобы нарушить молчание, Манмут спросил:

---

[76] Примечания: 76

…боевые суда «Валькирия», «Неукротимый» и «Нимиц»… — «Неукротимый» («Индомитебл») — первый в мире боевой крейсер, спущенный на воду Британией в 1907 г.; Честер Уильям Нимиц (1885–1966) — главнокомандующий Тихоокеанским флотом США во время Второй мировой войны и (в его честь) класс американских атомных авианосцев.

— А который из них… Ой, простите, уже пропал.

Небольшой фрагмент матовой черноты мгновенно зарубцевался, не оставив и следа на фоне звезд и колец.

— Это была «Валькирия», — сказал Сума IV. — Десять секунд.

Ни один из моравеков не начал вслух вести обратный отсчет, однако Манмут не сомневался: мысленно считали все.

На счет «ноль» сопло озарилось голубоватым свечением, напомнившим Манмуту черенковское излучение боеголовок. Богомол-метелка с мучительной неторопливостью двинулся вверх. Однако Манмут знал, что любой объект, идущий с постоянной тягой, даже если он выкарабкивается из колодца земной гравитации, наберет огромную скорость и что робот по мере подъема будет увеличивать тягу. Вероятно, к тому времени, когда робот и мертвая, термически упакованная «Смуглая леди» достигнут лунной орбиты, их скорость превысит вторую космическую. Если после этого черные дыры и активируются, они станут опасностью в космосе, но не уничтожат Землю.

Вскоре корабль-робот растаял на фоне подвижных колец. Манмуту при всем старании

не удалось разглядеть и следа реактивных либо ионных выхлопов от трех невидимых кораблей эскорта.

Сума IV, закрыв двери грузового отсека, сказал:

— Отлично, теперь прошу всех меня выслушать. Пока двое наших товарищей трудились на дне здешнего водного океана, произошло кое-что необычное. Нам нужно вернуться на «Королеву Маб».

— А что с нашей разведочной миссией?.. — начал Манмут.

— Можешь скачать все записи во время полета, — оборвал его ганимедянин. — Первичные интеграторы требуют, чтобы мы немедленно возвращались. «Маб» на какое-то время должна улететь… Или, по крайней мере, подняться на лунную орбиту.

— Нет, — сказал Орфу с Ио.

Эхо короткого слова разнеслось по общей связи подобно раскату одинокого колокола.

— Нет? — переспросил Сума IV. — Таков приказ.

— Нам нужно вернуться в Атлантический прогал, или брешь, или как это зовется, — возразил Орфу. — Причем немедленно.

— Вам нужно умолкнуть и крепче держать-

ся, — заявил огромный ганимедянин. — Я веду шлюпку обратно, как мне велели.

— Взгляните на снимки с ваших камер, сделанные с десяти тысяч метров, — сказал Орфу и через кабельный интернет переслал изображение всем находящимся на борту.

Манмут посмотрел. Этот снимок он уже видел до того, как они начали срезать боеголовки: немыслимая брешь посреди океана, помятый нос боевой субмарины, торчащий из северной стены прогала, разбросанные камни.

— Оптически я незрячий, — произнес Орфу, — но поработал с радарными изображениями и обнаружил нечто странное. Вот максимально увеличенные и очищенные визуальные фотографии, какие мне удалось получить. Взгляните и сами скажите, заслуживает ли это более детального изображения.

— Сразу скажу, что никакие снимки не заставят меня вернуться, — отрезал Сума IV. — Вы двое пока не в курсе, но астероидный остров, на котором мы высадили Одиссея, улетает прочь. Он уже изменил направление оси и прямо сейчас запускает реактивные двигатели. Наш друг Одиссей погиб. А на полярном и орбитальном кольцах оживают миллион с лишним спутников: устройства для

квантовой телепортации, масс-аккумуляторы и многое другое. Так что мы улетаем.

— ПОСМОТРИТЕ НА СНИМКИ, МАТЬ ВАШУ!!! — взревел Орфу.

Все моравеки на борту попытались зажать ладонями уши. Даже те, у кого их не было.

Манмут первым взглянул на ближайшую фотографию из целой цифровой серии. Орфу не просто многократно увеличил изображение по сравнению с первоначальным вариантом, но и прочистил его с точностью до пикселя.

— На дне океанской бреши лежит рюкзак, — сказал Манмут. — А рядом с ним…

— Пистолет для подводной охоты, если не ошибаюсь, — вмешался центурион-лидер Меп Аху.

— А рядом с рюкзаком что-то похожее на человека, — подал голос один из чернохитиновых воинов. — Только давно уже мертвого. Тело усохло и сплющилось.

— Нет, — возразил Орфу. — Я проверил лучшие радарные снимки. Это не человеческое тело, а всего лишь человеческий термокостюм.

— И что? — спросил Сума IV из командирского кресла. — Субмарина выбросила кого-нибудь из членов экипажа или его пожитки. Это часть мусорного поля.

Орфу громко фыркнул:

— И все лежит на месте через двадцать пять стандартных веков? Что-то не верится, Сума. Посмотри на пистолет. Он совершенно не заржавел. Посмотри на рюкзак. Он совершенно не сгнил. А ведь эта часть бреши открыта и солнцу, и ветру.

— Это ничего не доказывает, — сказал Сума IV, набирая координаты встречи с «Королевой Маб» и запуская реактивные двигатели. — Какое-то недолгое время назад человек старого образца забрел сюда и умер. У нас сейчас заботы поважнее.

— Посмотрите на песок, — сказал Орфу.

— Что? — удивился пилот.

— Вот, на пятом увеличенном снимке. На песке. Я, конечно, не вижу, но у радара разрешение три миллиметра. Что вы *видите* — глазами?

— След, — произнес Манмут. — Отпечаток босой человеческой ноги. Даже несколько отпечатков. Все до единого различимы в грязи и мягком песке. Ведут на запад. Дождь смыл бы их за несколько дней. Здесь побывал человек — возможно, пока мы трудились над боеголовками.

— Это не важно, — сказал Сума IV. — Мы получили приказ вернуться на «Королеву Маб» и намерены…

— Спускайтесь на шлюпке в Атлантическую Брешь, — распорядился первичный интегратор Астиг/Че из точки выше на тридцать тысяч километров и на другой стороне Земли. — Мы изучили снимки, поспешно сделанные на последнем витке. На них видно предположительно человеческое тело на дне Бреши, примерно в тридцати двух километрах к западу от затонувшей субмарины. Немедленно летите за ним.

85

Я материализуюсь и понимаю, что квитировался в купальню Елены Прекрасной, в сердце дворца, который она прежде делила с Парисом, а последнее время делит с бывшим свекром, царем Приамом. У меня всего несколько минут, но я не знаю, что делать.

Я иду по комнатам и зову Елену. Служанки с рабынями поднимают визг и зовут стражу. Пожалуй, еще немного — и мне придется уносить ноги, чтобы не кончить жизнь на острие троянского копья. Тут в одной из комнат я вижу знакомое лицо. Это Гипсипила, рабыня с острова Лесбос, которую Андромаха когда-то приставила к безумной Кассандре. Гипсипила может знать, где Елена, поскольку Елена с Андромахой послед-

нее время очень близки. По крайней мере, эта рабыня не убегает и не кличет стражников.

— Ты знаешь, где Елена? — спрашиваю я, шагая навстречу.

Лицо кряжистой бабы бесстрастно, как тыква.

Вместо ответа Гипсипила с размаху бьет меня ногой в пах. Я зависаю в воздухе, хватаюсь за больное место, падаю и принимаюсь с криками кататься от боли.

Она прицеливается мне ногой в голову, я пытаюсь увернуться, и удар приходится мне в плечо. Я откатываюсь в угол, не в силах даже пискнуть. Левая рука онемела до кончиков пальцев.

Я кое-как поднимаюсь на ноги, но не могу разогнуться. Великанша приближается. По виду, намерения у нее самые серьезные.

Квитируйся, идиот! — мысленно кричу я себе.

Куда?

Куда угодно!

Гипсипила хватает меня за ворот, разрывает тунику и нацеливает кулак мне в лицо. Я закрываюсь; железный кулак едва не ломает мне лучевые и локтевые кости на обеих руках. Отлетаю к стене. Она хватает меня за грудки и бьет под дых.

Не знаю как, но в следующий миг я стою на

коленях и пытаюсь одновременно защитить и живот, и яйца. В легких совсем не осталось воздуха.

Гипсипила пинает меня по ребрам, ломает по меньшей мере одно, и я валюсь на бок. Слышу, как по главной лестнице бежит стража.

«Вспомнил! При нашей последней встрече Гипсипила сопровождала Елену, и мне пришлось вырубить бабищу, чтобы похитить мою красавицу».

Рабыня поднимает меня, словно тряпичную куклу, и хлещет по лицу — сначала ладонью, потом ее тыльной стороной, потом опять ладонью. Я чувствую, как теряю зубы. Какое счастье, что я не в очках!

«Господи, Хокенберри! Только что на твоих глазах Ахиллес убил в единоборстве Зевса-Тучегонителя, а сейчас из тебя выколачивает дерьмо вшивая лесбиянка!»

Стражники врываются в комнату, выставив копья в мою сторону. Гипсипила оборачивается к ним, по-прежнему держа меня за тунику, так что носки моих сандалий беспомощно царапают пол, и подставляет меня под копья.

Я квитирую нас обоих на городскую стену.

Взрыв солнечного сияния. В нескольких ярдах

от нас троянские воины отшатываются с криками. Рабыня в изумлении ослабляет хватку.

Воспользовавшись ее замешательством, я пинком сбиваю Гипсипилу с ног. Она падает на четвереньки. По-прежнему лежа на спине, подтягиваю ноги, собираюсь как пружина и сталкиваю ее со стены.

«Будешь знать, здоровая мускулистая корова, как связываться с Томасом Хокенберри, доктором филологии, специалистом по классической литературе…»

Поднимаюсь на ноги, отряхиваюсь и гляжу вниз. Здоровая мускулистая корова упала на полотняный навес рыночной палатки, прорвала его, рухнула на кучу овощей — по виду картошки — и сейчас бежит к лестнице у Скейских ворот, чтобы добраться до меня.

«Черт».

Бегу по стене к широкой смотровой площадке у храма Афины — там, как я теперь вижу, собрались члены царского семейства, в том числе Елена. Все смотрят на побережье, где бьются мои обреченные ахейцы, и никто не встает на моем пути, когда я хватаю Елену за прекрасную белую руку.

— Хок-эн-беа-уиии, — удивляется она. — Что случилось? Почему ты…

— Нужно вывести всех из города! — кричу я. — Сейчас! Немедленно!

Елена мотает головой. Стражники хватаются за мечи и копья, но Елена останавливает их движением реки.

— Хок-эн-беа-уиии… Это великолепно… Мы побеждаем… Аргивяне падают, как колосья под серпом… С минуты на минуту благородный Гектор…

— Нужно уводить людей подальше от зданий, от стен, вон из города! — ору я.

Бесполезно. Стражники окружают нас, готовые по первому приказу убить меня или утащить прочь. Мне не убедить Елену или Приама, чтобы они вовремя вывели людей из города.

Задыхаясь, слыша за спиной тяжелый топот Гипсипилы, я хриплю:

— Сирены. Где воздушные сирены моравеков?

— Сирены? — спрашивает Елена. Теперь лицо у нее озабоченное, словно я обезумел и меня срочно нужно скрутить.

— Сирены воздушной тревоги. Те, что выли несколько месяцев назад, когда боги атаковали с воздуха. Где моравеки… механические люди… оставили свою аппаратуру для воздушной тревоги?

— Ах это. В преддверии храма Аполлона, но, Хок-эн-беа-уиии, почему ты…

По-прежнему держа ее руку, я представляю себе лестницу святилища и квитируюсь в храм Аполлона за миг до того, как стражники и одна крупная озверевшая дама с Лесбоса успевают на меня броситься.

Елена испуганно ахает, но я тащу ее вверх по мраморным ступеням. Вокруг ни единого стражника. Все горожане высыпали на стены — досмотреть финал войны, который разыгрывается на побережье.

Оборудование на месте, в ризнице для храмовых прислужников у самого входа. Система оповещения работала в полностью автоматическом режиме, выключаясь по сигналу радиолокационных и зенитных установок за городом (их уже нет), однако, насколько я помню, инженеры-моравеки встроили в нее микрофон и прочую электронную технику — на случай, если Приам надумает обратиться к троянскому населению посредством трех десятков исполинских громкоговорителей, установленных по всему неприступному городу.

На то, чтобы разобраться с аппаратурой, у меня уходит лишь несколько секунд: ради троянцев ее

упростили донельзя, так чтобы смог управиться и ребенок. В общем, как раз мой уровень.

— Хок-эн-беа-уиии…

Я дергаю рубильник с надписью «Включить систему оповещения», поворачиваю тумблер «Мегафонное объявление», хватаю допотопного вида микрофон и принимаюсь нести что попало, слыша, как эхо моих слов отражается от сотен домов и великих стен.

— ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВСЕМ ЖИТЕЛЯМ ИЛИОНА! ЦАРЬ ПРИАМ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: ГРЯДЕТ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ!!! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВСТУПАЕТ В СИЛУ НЕМЕДЛЕННО!!! ВСЕМ ПОКИНУТЬ ЗДАНИЯ!*СЕЙЧАС ЖЕ!* ОЧИСТИТЬ КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ *СИЮ МИНУТУ*! ПО ВОЗМОЖНОСТИ БЕГИТЕ ИЗ ГОРОДА НА ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО. НАХОДЯЩИМСЯ В БАШНЯХ — ЭВАКУИРОВАТЬСЯ! *БЫСТРО!!!* В ЛЮБОЕ МГНОВЕНИЕ ИЛИОН МОЖЕТ БЫТЬ РАЗРУШЕН! ПОВТОРЯЮ: ЦАРЬ ПРИАМ ПОВЕЛЕВАЕТ ВСЕМ ЖИТЕЛЯМ НЕМЕДЛЕННО ЭВАКУИРОВАТЬСЯ! ПОКИНЬТЕ ЗДАНИЯ И ВЫБИРАЙТЕСЬ НА ОТКРЫТОЕ МЕСТО! СКОРЕЕ!!!

Еще минута бреда — и я отключаю микрофон, хватаю за руку ошарашенную Елену и бегу из Аполлонова храма на центральную рыночную площадь.

Люди толпятся и разговаривают, глядя на громкоговорители, откуда звучало мое предупреждение, но никто не спешит эвакуироваться. Несколько человек выходят из больших домов вокруг площади, но почти никто не бежит к распахнутым Скейским воротам.

— Черт, — говорю я.

— Хок-эн-беа-уиии, ты устал, перетрудился. Идем ко мне в покои, выпьем медвяного вина и…

Я тащу ее за собой. Пусть никто не бежит из города, я точно отсюда выбегу. И спасу Елену, хочет она того или нет.

Перед входом в узкий проулок на западном конце площади я резко торможу. Идиот! Зачем куда-то бежать? Достаточно вообразить Лесной холм за городскими стенами, квитироваться туда…

— О черт! — снова кричу я.

На нас быстро опускается горизонтальная брандыра вроде той, что я видел раньше на Олимпе, — круг, очерченный пламенем. Сквозь нее видно черное небо и звезды.

— Проклятие!

В последний миг я решаю не телепортироваться: слишком велик риск остаться в квантовом

пространстве в тот миг, когда бран-дыра нас накроет.

Я тяну перепуганную Елену обратно к середине площади. Если повезет, обломки стен и зданий до нас не достанут.

Огненный обруч не меньше двух миль в поперечнике накрывает Илион, окрестные холмы, долины, болота и берег, и в то же мгновение мы проваливаемся. Ощущение такое, будто вся древняя Троя находилась в лифте и он сорвался в шахту. Через две секунды начинается ад.

Много позже инженеры-моравеки объяснят мне, что Илион буквально рухнул с высоты пяти футов и двух дюймов на поверхность современной Земли. Все, кто сражался на берегу, — более ста пятидесяти тысяч орущих, потных, бьющихся насмерть мужчин — упали с такой же высоты, однако не на мягкий песок, а на твердые камни и чахлые кусты, поскольку линия побережья около трех веков назад отступила к западу.

Последние минуты великого Илиона едва не стали последними и для нас с Еленой.

Безверхая башня у стены за юго-восточным углом рынка — та самая, заброшенная, сильно поврежденная башня, на которой в незапамятные (как сейчас кажется) времена Елена вонзила

мне кинжал в сердце, — упала, словно огромная заводская труба, на здания пониже и середину площади, где мы укрылись у фонтана.

Он-то и спас нам жизнь. Многоступенчатая постройка с бассейном и центральным обелиском — не выше двенадцати футов — оказалась на пути падающих осколков; они разлетелись по всей площади, а мы лишь закашлялись в облаке пыли и мелкого мусора.

Нас оглушило. Даже огромные булыжники мостовой растрескались после падения с пятифутовой высоты. Обелиск покосился под углом тридцать градусов, а сам фонтан замолчал навеки. Над городом поднимались клубы пыли, которые потом не оседали шесть с лишним часов. Когда мы с Еленой поднялись на ноги и принялись отряхиваться, откашливаться и прочищать нос от ужасной белой пыли, другие уже бежали к воротам — по большей части из-за паники, поскольку бежать было поздно, — но некоторые уже разгребали руины и мусор в поисках уцелевших.

Более пяти тысяч не пережили Падения Трои. Больше всего людей оказалось под обломками крупных зданий: храмы Афины и Аполлона рухнули, их несметные колонны ломались как спички. Бывший дворец Париса и нынешний

дом Приама превратился в развалины. Никто на террасе храма Афины не спасся, кроме Гипсипилы, которая в это время гналась за мной. Многие были на западной и юго-западной стенах, которые не обвалились целиком, но во многих местах наклонились в ту или иную сторону, так что люди посыпались на камни в долине Скамандра или в город, на груды обломков. Так нашел свою смерть Приам и еще несколько членов царского семейства, включая злополучную Кассандру. Андромаха, жена Гектора и специалистка по выживанию, не получила ни единой царапины.

В древности Илион так же часто подвергался землетрясениям, как в наши дни этот участок Турции, поэтому люди знали, как себя вести, и, вероятно, мое предупреждение спасло не одну жизнь. Многие все-таки бросились к дверным проемам или на открытое пространство. Позже сосчитали, что несколько тысяч успели выбежать на равнину, прежде чем город рухнул, башни рассыпались, стены упали.

Я, не веря своим глазам, растерянно озирался. Самый царственный из городов, перенесший десять лет ахейской осады и месяцы войны с богами, обратился в руины. Повсюду пылали огни, но не от поврежденных газопроводов, как в мое

время, а от жаровен, очагов и просто факелов в домах, которые теперь остались без крыши. Горело везде. Дым мешался с клубящейся пылью, заставляя сотни столпившихся на площади горожан кашлять и отчаянно тереть глаза.

— Мне нужно найти Приама… Андромаху… — сказала Елена между приступами кашля. — Найти Гектора!

— Позаботься о тех, кто здесь, Елена, — выговорил я между приступами кашля. — А я пойду на берег искать Гектора.

— Хок-эн-беа-уиии… — Она удержала меня за руку, не давая сразу уйти. — Кто это сделал? Или *что*?

— Боги, — не солгал я.

Древние пророчества утверждали, что Троя не падет, покуда цела перемычка Скейских ворот. Протискиваясь наружу вместе с бегущей толпой, я заметил разбитые деревянные створки и рухнувшую перемычку.

Прошло всего лишь десять минут, а все вокруг стало совершенно другим. Не только город погиб, едва его накрыл огненный обруч, но вся местность переменилась, и небо, и даже погода.

Мы больше не в Канзасе, Тотошка.

Двадцать с лишним лет я преподавал «Илиаду»

в индианском университете и других местах, но мне в голову не приходило посетить Трою — развалины Трои у турецкого побережья. Зато я видел достаточно фотографий этого места, снятых в конце двадцатого — начале двадцать первого века. То, куда, подобно домику Дороти, упал Илион, больше походило на развалины Трои в местечке под названием Гиссарлык, чем на прежний оживленный деловой центр империи.

Глядя на изменившийся пейзаж и на изменившееся небо (ибо греки сражались при свете дня, теперь были сумерки), я вспомнил отрывок из байроновского «Дон Жуана», написанный в тысяча восемьсот десятом году, когда поэт, посетив Гиссарлык, ощутил одновременно и связь с героическим прошлым, и удаленность от него:

Равнины невозделанный простор,
Курганы без надгробий, без названья,
Вершина Иды над цепями гор
И берегов Скамандра очертанья;
Здесь обитала Слава с давних пор,
Здесь древности покоятся преданья.
Но кто тревожит Илиона прах?

Стада овец и сонных черепах![77]

Овцы вокруг не бродили, однако, обернувшись на обрушенный город, я увидел знакомые очертания хребта (очевидно, на пять футов и два дюйма ниже), где Троя упала на каменные развалины, оставленные археологом-любителем Шлиманом. Мне вспоминалось, что римляне срезали вершину, чтобы построить свой Илион через тысячелетие после гибели древнего Илиона, и я подумал, что нам повезло упасть с высоты всего пять футов два дюйма. Если бы не римские руины над греческими руинами, нам пришлось бы еще хуже.

На севере, где на много миль простиралась зеленая долина Симоиса, идеальное пастбище и выгон для троянских коней, теперь высился лес. Равнина Скамандра между городской стеной и побережьем, где последние одиннадцать лет разыгрывались бурные сражения, была изрыта оврагами и поросла чахлыми дубами и соснами. Я пошел к берегу, взобрался по дороге на Лесной холм, как его называли троянцы, даже не сознавая толком, где нахожусь, — и вдруг остолбенел.

---

[77] Примечания: 77

Равнины невозделанный простор… — Дж. Г. Байрон. Дон Жуан. Перев. Т. Гнедич.

Море исчезло.

Не отступило на несколько миль, как я знал по воспоминаниям прошлой жизни.*Эгейское море пропало совсем!*

Я нашел на вершине холма самый высокий валун, сел и задумался. Я гадал не*куда* отослали нас Никта с Гефестом, а *в какое время.* Сейчас я знал только, что электрических огней не видно ни на суше, ни на дне бывшего Эгейского моря, где теперь росли деревья и кусты.

Тотошка, мы мало того что не в Канзасе — мы даже не в стране Оз.

Вечернее небо затянули тучи, однако я видел тысячи и тысячи воинов, собравшихся полумильной дугой там, где пятнадцать минут назад находилась линия берега. Сначала мне даже показалось, что бой продолжается: на обеих сторонах лежали тысячи павших, однако потом стало ясно, что люди просто толпятся, смешав любые линии обороны, сражения, утратив дисциплину. Позже я выяснил, что треть воинов, равно троянцев и ахейцев, переломала себе кости, в основном ноги, упав с пятифутовой высоты на камни, которых не было секунду назад. Люди, которые только что пытались выпустить друг другу кишки или раскроить череп, стенали, лежа рядом вповалку,

либо помогали друг другу встать.

Я торопливо спустился с холма и зашагал дальше по аллювиальной равнине. Прежде, вытоптанная, она была куда более проходимой, поэтому до арьергарда троянцев — или того, во что он превратился, — я дошел уже почти в темноте.

Я сразу начал расспрашивать о Гекторе, но отыскал его только через полчаса, при свете факелов.

Гектор и его раненый брат Деифоб совещались с временным предводителем аргивян — Идоменеем, сыном Девкалиона, царем критян, и с Малым Аяксом из Локра, сыном Оилея. Маленького Аякса принесли на носилках; утром ему разрубили обе ноги до кости. Еще на совете присутствовал Фразимед, доблестный сын Нестора, которого я считал погибшим — он пропал без вести в битве за последний ров. Как выяснилось, Фразимед был всего лишь третий раз ранен, но несколько часов кряду выбирался из заполненного трупами рва, а в итоге оказался среди троянцев. Его взяли в плен — редкий акт милосердия в последние дни, а также за все одиннадцать лет войны, — а теперь он стоял, опираясь на сломанное копье, как на костыль.

— Хок-эн-беа-уиии! — Почему-то мой приход обрадовал Гектора. — Сын Дуэйна! Какое счастье, что ты пережил это безумие. Но кто стал его причиной? Что произошло?

— Это устроили боги, — честно ответил я. — Точнее, бог огня Гефест и Ночь, Никта, таинственная, соработница Судеб.

— Знаю, ты был близок с богами, Дуэйнид. Почему они так поступили? Что им от нас нужно?

Я мотнул головой. Пламя факелов плескало на сильном ветру, дувшем с запада, с той стороны, где раньше было Средиземное море, но теперь он нес запахи трав.

— Чего они хотят, уже не важно. Вы больше не увидите богов. Они ушли навсегда.

Сто или двести столпившихся вокруг людей не проронили ни слова. С минуту мы слышали только треск факелов и стоны раненых из темноты.

— Откуда ты знаешь? — спросил Малый Аякс.

— Я только что с Олимпа. Ваш Ахиллес убил Зевса в поединке.

Поднявшийся ропот перерос бы в настоящий рев, если бы Гектор не заставил всех замолчать.

— Продолжай, сын Дуэйна.

— Ахиллес убил Зевса, титаны вернулись на Олимп. В конце концов миром станет править

Гефест — так решили Ночь и Судьбы, однако на ближайший год или около того ваша Земля будет полем битвы, на котором не выжить ни одному смертному. Вот почему Гефест отправил город сюда — вместе с вами, уцелевшими ахейцами и троянцами.

— Куда это «сюда»? — спросил Идоменей.

— Понятия не имею.

— Когда нам позволят вернуться?

— Никогда.

Пожалуй, впервые в жизни я произнес три коротких слога с такой уверенностью.

И тут случилось второе из трех невероятных событий дня, если первым считать падение Илиона в иную вселенную.

С тех пор как город упал на кряж, небо было затянуто тучами, потому и сумерки наступили так быстро. Но теперь пахнущий травами ветер погнал облака на восток, и небо у нас над головой расчистилось.

Несколько мгновений мы слышали, как кричат воины обеих армий, прежде чем сообразили, что все они смотрят и указывают наверх.

Еще не успев поднять глаза, я отметил какой-то странный свет. Он был ярче, чем в полнолуние, более млечный, насыщенный, более… текучий,

что ли. Я с изумлением следил за бесчисленными подвижными тенями на скале, уже не имевшими отношения к факелам, когда Гектор тронул меня за руку, предлагая посмотреть в небо.

Облака совершенно разошлись. Над нами было обычное земное небо. Я видел Пояс Ориона, Плеяды, Полярную звезду и Большую Медведицу. Однако привычные созвездия и месяц, вставший над руинами Трои на востоке, бледнели по сравнению с этим новым источником света.

Над нами быстро вращались, пересекаясь, две широкие полосы. Одна, к югу от нас, двигалась с запада на восток, другая, прямо над нами, — с севера на юг. Кольца ярко светились, но я различал многие тысячи звезд, из которых они состояли. В памяти неожиданно всплыла газетная колонка из прошлой жизни: там говорилось, что даже в самую ясную ночь на Земле человеческий глаз различает примерно три тысячи звезд. Теперь их были десятки, а то и сотни тысяч, и они двигались в двух ярких кольцах, заливая все вокруг мягким светом, — мне всегда представлялось, что именно при таком освещении играют в полуночный софтбол в Анкоридже, штат Аляска. Ни в этой, ни в прошлой жизни я не видел ничего прекраснее.

— Что это за звезды, сын Дуэйна? — спросил

Гектор. — Они новые? Или это боги?

— Не знаю, — признался я.

В эту минуту, покуда более ста пятидесяти тысяч людей в доспехах, в испуге разинув рот, глазели на незнакомое небо, те, кто стоял ближе к берегу, начали кричать про что-то еще. Прошло несколько минут, прежде чем мы, стоявшие возле Гектора, сообразили: там тоже что-то происходит. Пришлось пробиваться через толпу на каменистую возвышенность, — вероятно, тысячи лет назад, во дни Илиона, здесь находился берег.

Поначалу я заметил только, что остовы сожженных кораблей перенеслись через бран-дыру вместе с нами — обугленные останки бессрочно застряли на поросших частым кустарником холмах над западными болотами, — и лишь потом осознал, о чем кричат сотни людей.

С запада по дну исчезнувшего моря на нас надвигалась какая-то масса — чернильно-черная и в то же время в бликах звездного света, — надвигалась медлительно, беззвучно и неуклонно, будто сама Смерть. На наших глазах она заполнила низины, потом обступила лесистые холмы у горизонта, легко различимые в свете небесных колец, — и через несколько минут вершины этих холмов вновь превратились в острова Лемнос,

Имброс и Тенедос.

То было третье чудо за один нескончаемый день.

Винноцветное море возвращалось к берегам Илиона.

86

Харман держал пистолет у виска считаные секунды. Уже положив палец на спусковой крючок, он понял, что не станет этого делать. Даже изнывая от ужаса перед неминуемой смертью, он не желал поступать как трус.

Он развернулся, прицелился в громадный нос древней субмарины, торчащий сквозь северную стену Бреши, и спускал курок, пока не расстрелял все девять патронов. Рука так дрожала, что он не знал, попал ли в цель, зато ему удалось хоть немного развеять ярость и отвращение к человеческому роду.

Запачканный термокостюм снимался тяжело. Харман не стал даже думать о том, чтобы его постирать, а просто бросил костюм на песок. После приступов поноса и рвоты все тело бил озноб, но Харман даже не подумал о том, чтобы натянуть одежду или обуться. Он просто встал, кое-как обрел равновесие и зашагал на запад.

Даже без обращения к новым биометрическим функциям Харман знал, что умирает, и умирает быстро. Он чувствовал радиацию в кишках, яичках, костях. Последняя слабость росла в нем подобно шевелящемуся внутри гадкому гомункулу. Поэтому он шел на запад, к Аде и Ардису.

Несколько часов рассудок, по счастью, безмолвствовал, только помогал ему не наступать на острое и находить путь между камнями и кораллами. Харман смутно сознавал, что стены Бреши с обеих сторон стали значительно выше — океан здесь был гораздо глубже, — а воздух сделался заметно холоднее. Однако полуденное солнце по-прежнему палило. Много позже, опустив глаза, Харман увидел грязные, по большей части кровавые разводы на ногах и, добравшись до южной стены, просунул голые руки сквозь защитное поле (пальцы немедля сдавило и обожгло холодом), чтобы зачерпнуть соленой воды и вымыться. Затем продолжил путь.

Когда мысли вернулись, Харман с облегчением обнаружил, что может думать не только об оставленной позади смертоносной машине, но и о собственной жизни, о ее ста годах.

Поначалу мысли эти были горькими; Харман корил себя за десятилетия, растраченные на

забавы, гулянки, бесцельное факсирование с одного праздника на другой, но вскоре простил себя. Даже в этой псевдожизни были подлинные мгновения и был последний год дружбы, настоящей любви, честности и преданности, который отчасти искупил предыдущие девяносто девять.

Он подумал о своей роли в последних событиях — и вновь нашел силы себя простить. Назвавшаяся Мойрой постженщина в шутку именовала его Прометеем, но Харман скорее чувствовал себя Адамом и Евой в одном лице, человеком, чьи поиски запретного плода в идеальном Саду праздности привели к тому, что весь его род навеки изгнали из этого райского места.

Что он дал взамен Аде, друзьям, своей расе? Чтение? Как ни важны были Харману чтение и знание, он не знал, может ли одна способность — потенциально более значимая, чем сотня заново открытых функций, — компенсировать ужасы, страдания, неизвестность и грядущую смерть.

Возможно, понял он, она и не должна ничего компенсировать.

Длинная полоса неба мало-помалу темнела. Продолжая брести на запад, Харман начал размышлять о смерти. До его собственной оставались считаные часы, но как насчет понятия

смерти, с которым Харман и его народ не сталкивались до последних месяцев?

Он позволил себе порыться в знаниях, которые носил в себе после хрустального чертога, и обнаружил, что на протяжении девяти тысячелетий человеческой истории смерть — страх смерти, надежда ее пережить, любопытство — составляла главную тему всех литератур и религий. Про религиозную часть Харман мало что понимал, не хватало контекста, кроме нынешнего предсмертного страха. Зато во всех культурах и во все времена он видел жажду получить доказательства или хотя бы надежду, что жизнь не кончается с умиранием тела. Он даже заморгал, когда разум принялся перебирать учения о посмертном бытии: Валгалла, Эдем, преисподняя, исламский рай, куда так рвалась команда «Меча Аллаха», стремление жить так, чтобы остаться в памяти грядущих поколений, — а потом еще тысячи вариаций на тему перерождения: мандала, реинкарнация, девять элементов как путь к центру… Харману все они показались красивыми, но легковесными и пустыми, как заброшенная паутина.

Ковыляя в холодных сумерках все дальше на запад, он понял, что из всех взглядов на смерть,

сохраненных в его умирающих клетках и ДНК, у него в душе отзываются лишь попытки писателей и художников выразить человеческую сторону встречи со смертью — своего рода дерзкий вызов гения. Харман посмотрел на последние автопортреты Рембрандта (они тоже нашлись в запасах) — и зарыдал, проникнувшись страшной мудростью в его чертах. Затем он мысленно прослушал полную версию «Гамлета» — и, как многие поколения до него, понял, что стареющий принц в черном, возможно, единственный истинный посланник Неизведанной Страны.

По лицу бежали слезы. Харман вдруг осознал, что оплакивает не себя и не свою неизбежную кончину, даже не разлуку с Адой и будущим ребенком, о которых думал постоянно. Он просто жалел, что ни разу не видел пьесы Шекспира на сцене. Вот бы вернуться в Ардис здоровым и сильным, а не нынешним ходячим мертвецом. Он бы убедил общину поставить какую-нибудь шекспировскую пьесу. Если, конечно, они переживут войниксов.

Да, но какую?

Этот чрезвычайно любопытный вопрос надолго занял Хармана. Он не заметил, как полоска неба над головой потемнела, как на ней высы-

пали яркие звезды и начали двигаться кольца. Он даже не сразу обратил внимание, что холод пробирается под кожу, в мясо и кости.

Наконец идти стало невозможно. Он постоянно спотыкался о видимые и невидимые препятствия. Даже стены Бреши растворились во тьме. Все вокруг превратилось в холод и полный мрак — предощущение смерти.

Харман не хотел умирать сейчас, в эту минуту. Он свернулся на дне в позе эмбриона, чувствуя уколы песка и щебня как грубое напоминание, что еще жив. Стуча зубами, трясясь в ознобе, он плотнее подтягивал к себе колени, обнимал их руками и знал, что еще жив. Он даже с тоской подумал о брошенном рюкзаке, об одежде и спальном мешке с подогревом. Вспомнились ему и питательные батончики, хотя организм уже не смог бы их принять.

Несколько раз за ночь Харман отползал от примятой в песке ямки и, стоя на трясущихся руках и коленях, долго содрогался от рвотных позывов, хотя в желудке со вчерашнего дня ничего не осталось. Затем он медленно, с большим трудом отползал назад, заранее предвкушая, как свернется и ощутит еле заметное тепло собственного тела — как когда-то предвкушал славный обед.

Какую пьесу выбрать? История Ромео и Джульетты, прочитанная раньше остальных, хранила очарование первой встречи. Харман освежил в памяти «Короля Лира»: «никогда, никогда, никогда, никогда…» Подходящее чтение для умирающего, даже если он не дожил до того, чтобы увидеть собственное дитя, но, пожалуй, для знакомства ардисской семьи с Шекспиром это будет чересчур. Кто из них мог бы сыграть старого Лира? На ум приходил только один человек — Одиссей-Никто. Интересно, как он там сейчас?

Харман поднял лицо к небу и стал смотреть, как кольца вращаются на фоне недвижных звезд. До сегодняшней ужасной ночи он никогда по-настоящему не ценил красоту этого зрелища. Полярное кольцо вдруг пересекла яркая черточка. Дерзко чиркнула по черному обсидиану ночи, проплыла среди настоящих звезд и скрылась за южной границей Бреши. Метеоры гаснут быстрее. Что же это было? Харман не знал ответа. Впрочем, какая разница? Это было очень, очень, очень далеко и не имело к нему никакого отношения.

Размышляя о Шекспире и смерти, еще не решив, какую именно пьесу поставить первой, Харман наткнулся на любопытные строки, сохраненные глубоко в памяти ДНК. Речь Клавдио из

«Меры за меру», которую тот произносит перед казнью:

Но умереть… уйти – куда, не знаешь…
Лежать и гнить в недвижности холодной…
Чтоб то, что было теплым и живым,
Вдруг превратилось в ком сырой земли…
Чтоб радостями жившая душа
Вдруг погрузилась в огненные волны,
Иль утонула в ужасе бескрайнем
Непроходимых льдов, или попала
В поток незримых вихрей и носилась,
Гонимая жестокой силой, вкруг
Земного шара и страдала хуже,
Чем даже худшие из тех, чьи муки
Едва себе вообразить мы можем?
О, это слишком страшно!..
И самая мучительная жизнь:
Все – старость, нищета, тюрьма, болезнь,
Гнетущая природу, – будут раем

В сравненье с тем, чего боимся в смерти[78].

Харман понял, что снова плачет, свернувшись на холодном песке, но не от страха смерти и утраты всего и вся. То были слезы благодарности за принадлежность к роду, из которого вышел гений, способный так думать, так чувствовать, так писать. Это почти –*почти* — искупало то, что человеческий ум изобрел, построил и спустил на воду субмарину, начиненную семьюстами шестьюдесятью восемью черными дырами, ждущими своего часа уничтожить будущее всех землян.

Внезапно он рассмеялся. Мысль как-то перескочила на «Оду к соловью» Джона Китса, и Харман увидел — сам, без посторонней помощи — учтивый поклон поэта в сторону Шекспира между строк, обращенных к заливающейся птице:

Ты будешь так же петь
Свой реквием торжественный, а я —

---

[78] Примечания: 78

Но умереть… уйти — куда, не знаешь… — У. Шекспир. Мера за меру. Акт III, сц. 1. Перев. Т. Щепкиной-Куперник.

Я стану глиною глухонемой[79].

— Троекратное «ура» в честь союза меж земляным комом Клавдио и глухонемой глиной Джонни! — крикнул Харман и тут же закашлялся; на подставленной ладони остались кровь и три зуба.

Он застонал, свернулся в песочном чреве и, дрожа, невольно улыбнулся снова. Его беспокойный мозг не мог прекратить думать о Шекспире ровно так же, как язык не мог оставить в покое три дырки в деснах. А улыбнуться Хармана заставили строки из «Цимбелина»:

Дева с пламенем в очах
Или трубочист – все прах[80].

Каким же нужно быть гением, чтобы даже в погребальную песню вложить такой детский задор?

С этой мыслью он соскользнул в холодное забытье и уже не чувствовал, что начался дождь.

Харман очнулся.

---

[79] Примечания: 79

Ты будешь так же петь / Свой реквием торжественный, а я — / Я стану глиною глухонемой. — Дж. Китс. Ода соловью. Перев. Г. Кружкова.

[80] Примечания: 80

Дева с пламенем в очах / Или трубочист — все прах. — У. Шекспир. Цимбелин. Акт IV, сц. 2. Перев. Н. Мелковой.

Это само по себе было чудом. Разлепив спекшиеся от крови веки, он увидел угрюмое предрассветное небо и темные стены Бреши, встающие футов на пятьсот с обеих сторон. Но все-таки он спал, а теперь проснулся.

Второе чудо: Харман еще мог двигаться, хотя и с огромным усилием. Минут пятнадцать он поднимался на четвереньки, затем подполз к ближайшему валуну и еще минут десять вставал, после чего едва не рухнул обратно.

Теперь Харман мог продолжать путь… Но он забыл, в какой стороне запад.

Бесконечная Брешь тянулась в обоих направлениях, между которыми не было ни малейшей разницы. Дрожа всем телом, испытывая боль, которой он прежде не мог и вообразить, Харман бродил кругами, разыскивая собственные ночные следы, но камень не сохранил отпечатков, а дождь, едва не заморозивший человека до смерти, начисто смыл следы его босых ног.

Он сделал четыре нетвердых шага в одну сторону. Потом, убежденный, что возвращается к субмарине, развернулся и восемь раз переставил ноги в противоположном направлении.

Бессмысленно. Плотный облачный покров скрывал солнце. Невыносимо было думать, что

он вернется к затонувшей подлодке, нашпигованной чистым злом, уйдет дальше от Ады и Ардиса после того, как накануне с таким трудом сокращал расстояние!

Он доковылял до стены Бреши — то ли до южной, то ли до северной — и в предрассветном свете уставился на свое отражение.

На него смотрело незнакомое существо, голая полумумия. Багровые кровоподтеки по всему телу: на впалых щеках, на груди, на трясущихся ногах и даже огромное пурпурное пятно внизу живота. Он опять закашлялся — и потерял еще два зуба. Отражение в темной воде как будто плакало кровью. Безотчетно, словно желая привести себя в порядок, Харман отбросил со лба налипшую челку.

Долгое мгновение он глядел на свою ладонь. В руке остался большой клок волос. Казалось, пальцы сжимают дохлого косматого зверька. Харман разжал их и снова провел по голове. Выпало еще несколько прядей. Он поднял глаза и увидел на треть облысевшего ходячего мертвеца.

Тела коснулось нежданное тепло.

Харман повернул голову — и чуть не упал.

Солнце. Оно взошло прямо в щели между стенами, и его золотые лучи на несколько мгновений

согрели умирающего, прежде чем огненный шар скрыли облака. Какова была вероятность, что солнце именно этим утром взойдет точно в Бреши, как будто Харман — друид, ожидающий восхода в Стоунхендже в день равноденствия?

Харман знал, что забудет, в какой стороне встало солнце, если не двинуться в путь сразу. Подставив спину теплу, он заковылял на запад.

Ближе к полудню (между проливными дождями сквозь разрывы в тучах иногда проглядывало солнце) разум Хармана как будто отделился от бредущего тела. Шагов приходилось делать в два раза больше, потому что он ковылял от одной стены до другой, слегка упирался ладонями в гудящее силовое поле и шел дальше.

На ходу Харман размышлял, что ждет — или ждало бы — его народ в будущем. Не только уцелевших жителей Ардиса, но и всех людей старого образца, если они еще останутся. Теперь, когда прежний мир ушел безвозвратно, какие формы правления, религии, общества, культуры, политики может создать человечество?

Из модулей протеиновой памяти, скрытых в глубинах закодированной ДНК, — тех, которым суждено надолго пережить само тело Хармана и полный распад его клеток, — всплыл отрывок из

«Тюремных тетрадей» Антонио Грамши: «Кризис заключается именно в том, что старое умирает, а новое не способно появиться на свет; период междуцарствия порождает великое множество нездоровых симптомов».

Он хохотнул — и потерял еще один передний зуб. Вот уж воистину нездоровые симптомы. Поверхностное изучение контекста позволило выяснить, что этот самый Грамши был интеллектуал, ратовавший за революцию, социализм и коммунизм. Последние две теории — наивная собачья чушь — умерли к середине Потерянной Эпохи как несостоятельные, однако проблема междуцарствия не исчезла, и вот она снова встала перед людьми.

Харману вспомнились последние недели и месяцы перед тем, как он по глупости покинул любимую. Пожалуй, в то время Ада вела свой народ к некой грубой афинской демократии. Они никогда этого не обсуждали, но Харман чувствовал, как Ада внутренне противилась роли вожака, которую навязывали ей четыреста обитателей Ардиса (столько их было до резни, которую он увидел на эйфельбане при помощи красной туринской пелены), хотя эта роль давалась ей совершенно естественно. Решая все

вопросы голосованием, Ада стремилась заложить основы грядущей демократии на случай, если Ардис уцелеет.

Однако, если верить красной туринской пелене (а Харман ей верил), Ардис как община не выжил. Четыреста человек — это община. Пятьдесят четыре изголодавшихся оборванца — нет.

Радиация сильно разъела слизистую оболочку горла — сглатывая, Харман каждый раз харкал кровью. Это раздражало и отвлекало. Он попытался сглатывать не чаще чем на каждом десятом шаге. Подбородок, грудь и правая рука были в крови.

Интересно было бы посмотреть, какие социальные и политические структуры разовьются в новом обществе. Быть может, население, даже до нашествия войниксов, — всего сто тысяч человек — было слишком мало для реальных движущих сил общества, таких как политика, религиозные обряды, армия или социальная иерархия…

Однако Харман так не думал. Во многих из банков протеиновой памяти он видел примеры Спарты, Афин, других самостоятельных древнегреческих образований, существовавших задолго до Афин и Спарты. В бесконечной туринской драме (теперь-то Харман ясно видел в ней сюжет

гомеровской «Илиады») встречались герои из разных царств, даже таких маленьких, как Итака, остров Одиссея.

При мысли о туринской драме он вспомнил алтарь, увиденный в Парижском Кратере около года назад, вскоре после того, как Даэмана съел динозавр. Жертвенник посвящался кому-то из олимпийцев; Харман забыл, кому именно. По крайней мере полтора тысячелетия постлюди заменяли людям старого образца богов и даже Бога. Какие формы обретет в будущем человеческая потребность верить?

Будущее…

Харман, тяжело дыша, привалился к большому черному камню, торчащему из северной стены Бреши, и попытался думать о будущем.

Ноги дрожали, как будто мышцы умирают на глазах.

С усилием дыша кровоточащим горлом, Харман посмотрел вперед — и заморгал.

Солнце стояло точно над щелью Бреши. Ужасное мгновение Харман думал, что все еще восход и он все-таки шел в обратную сторону, потом сообразил, что прошагал в ступоре целый день. Светило опустились ниже из-за туч и готовилось зайти на другом конце длинного коридора

Бреши.

Харман сделал еще два шага вперед — и рухнул ничком.

Встать он уже не смог. Сил хватило только на то, чтобы приподняться на правом локте и смотреть на закат.

Мысли обрели полную ясность. Он больше не думал о Шекспире, Китсе, религии, рае, смерти, политике, демократии. Харман думал о своих друзьях. Он видел смеющуюся Ханну в день плавки у реки; как ликовали ее друзья, отлив первый бронзовый артефакт за многие и многие тысячи лет! Видел учебный бой между Петиром и Одиссеем в те дни, когда бородатый грек подолгу распространялся о своей философии, затевая странные игры в вопросы-ответы на зеленом холме позади Ардис-холла. Сколько жизни, сколько радости было в этих занятиях!

Он помнил хрипловатый, циничный голос Сейви и ее еще более хриплый смех. А как они с Даэманом кричали от радости, когда Сейви вывезла их на вездеходе из Иерусалима, а тысячи войников безуспешно их преследовали! Лицо Даэмана как будто раздвоилось перед глазами: пухлый и эгоистичный взрослый ребенок в начале их знакомства и серьезный поджарый мужчина,

которому можно доверить собственную жизнь, — таким Харман оставил его несколько недель назад, улетая из Ардиса на соньере.

Когда солнце вошло в Брешь так идеально, что его бока коснулись ее стен, — ему даже померещилось шипение пара, и он улыбнулся, — Харман принялся думать о своей любимой.

О ее улыбке, глазах и ласковом голосе. Он вспомнил смех Ады, ее прикосновения, их последнюю близость. Харман позволил себе вспомнить, как, отвернувшись друг от друга для сна, они почти сразу прижались телами для тепла. Сначала Ада обняла его правой рукой и прильнула к его спине, а позже ночью уже сам Харман приник к Адиной спине и безупречным ягодицам, тихонько сжал ладонью ее грудь и, даже засыпая, ощущал, как шевелится пробуждающееся желание.

Веки запеклись от крови; теперь Харман не мог ни моргнуть, ни по-настоящему закрыть глаза. Заходящее солнце — его нижний край уже ушел за горизонт Бреши — выжигало на сетчатке оранжевые и красные пятна, но это не имело значения. Харман знал, что после этого заката ему уже ни на что не смотреть. Так что он пытался удержать Аду в мыслях и в сердце, глядя, как верхнее полушарие солнца понемногу исчезает

на западе.

Что-то вошло в поле зрения и загородило закат.

Несколько долгих мгновений умирающий разум не мог переварить эту информацию. *Что-то вошло в поле зрения и загородило закат!*

По-прежнему опираясь на правый локоть, Харман ребром левой ладони стер с глаз запекшуюся кровь.

Что-то стояло в Бреши меньше чем в двадцати футах к западу от Хармана. Должно быть, оно появилось из северной стены. Ростом и очертаниями это что-то походило на восьми-девятилетнего ребенка, но было одето в нелепый костюм из металла и пластика. Там, где у ребенка были бы глаза, Харман видел черную пластину.

«Перед смертью, когда мозг начинает отключаться из-за недостатка кислорода, — без спроса вмешалась молекула протеиновой памяти, — галлюцинации случаются довольно часто. Отсюда рассказы вернувшихся к жизни людей о „длинном туннеле“, который заканчивается „светом“ и…»

К черту. Харман смотрел на свет в конце длинного туннеля, хотя от солнца уже остался тонкий краешек и на зеркальных стенах Бреши плясали

миллионы ярких серебряных бликов.

Но мальчик в черно-красном костюме из металла и пластика был настоящим.

Тут на глазах у Хармана сквозь северную стену Бреши протиснулось нечто гораздо более крупное и странное.

«Защитное поле пропускает только людей и то, что на них», — подумал Харман.

Однако второй пришелец ни в коей мере не походил на человека. Он был вдвое больше самых широких дрожек и напоминал исполинского механического краба с огромными клешнями, со множеством металлических ног и гигантским побитым панцирем, по которому, журча, бежали потоки воды.

«Меня не предупреждали, что предсмертные минуты бывают настолько забавны», — подумал Харман.

Похожее на ребенка существо приблизилось и заговорило по-английски.

— Сэр, — сказало оно мальчишеским голосом (примерно так Харман представлял себе голос своего будущего сына), — разрешите предложить вам помощь?

87

Только рассвело, и пятьдесят тысяч войниксов надвигались со всех сторон. Ада помедлила у Ямы, чтобы взглянуть на растерзанный труп Сетебосова отродья.

Даэман тронул ее за руку:

— Не горюй. Рано или поздно мы все равно бы его убили.

Ада покачала головой:

— Я ничуть не жалею, — и крикнула Ханне и Греоджи: — Поднимайте в воздух скайрафт!

Поздно. При первых же звуках атаки большинство охватила паника. Войниксы еще не показались из леса, однако четырехмильное кольцо сузилось уже раза в два. Еще минута, если не меньше, — и они будут в Ардисе.

— Нет! Нет! — кричала Ада, видя, как тридцать перепуганных людей лезут на медленно поднимающийся рафт.

Ханна пыталась удержать судно на трехфутовой высоте, но на борт лезли уже и другие.

— Взлетай! — крикнул Даэман. — Взлетай сейчас же!

Поздно. Тяжелая машина металлически заскулила, накренилась на правый бок и рухнула,

раскидав людей по земле.

Ада с Даэманом бросились к упавшему рафту. Ханна подняла на них осунувшееся, побелевшее лицо:

— Он больше не заведется. Что-то сломалось.

— Не важно, — спокойно сказала Ада. — Он и один раз не дотянул бы до острова.

Она сжала Ханне плечо и возвысила голос:

— Все на укрепления! Скорее!!! Собираем оружие! Наша единственная надежда — отбить их первую атаку!

Она развернулась и побежала к западной стене. Спустя мгновение остальные последовали ее примеру, выискивая для себя пустые участки частокола. Каждый тащил по меньшей мере две винтовки, арбалет и тяжелый мешок со стрелами и обоймами дротиков.

Ада устроилась у бойницы и увидела рядом Даэмана.

— Хорошо, — сказал он.

Ада кивнула, понятия не имея, что он имеет в виду.

Она аккуратно, без спешки, зарядила новую обойму, щелкнула предохранителем и направила дуло на деревья, темнеющие на расстоянии около двухсот ярдов.

Шипящий, клацающий шум приближающихся войниксов оглушал; Ада с трудом подавила желание бросить винтовку и зажать уши. В висках стучало, к горлу подступала тошнота, почти как в начале беременности, хотя страшно ей не было. Пока не было.

— Все эти годы туринской драмы… — начала она, не осознавая, что говорит вслух.

— Что? — наклонился к ней Даэман.

Ада тряхнула головой:

— Я просто подумала о туринской драме. Харман говорил, это Сейви с Одиссеем десять лет назад распространили туринские пелены. Может быть, хотели научить нас достойной смерти.

— Лучше бы научили, как одолеть пятьдесят тысяч долбаных войниксов, — сказал Даэман, передергивая затвор.

Ада рассмеялась.

Но ее смех утонул в грохоте вырвавшихся из леса войниксов. Одни прыгали с ветвей, другие бежали по земле — серая стена панцирей и клешней надвигалась со скоростью пятьдесят-шестьдесят миль в час. Их было столько, что Ада с трудом различала отдельных особей во вздымающейся и опадающей массе. Она обернулась и увидела, что тот же кошмар надвигается со всех

сторон. Десятки тысяч войниксов стремительно сжимали кольцо.

Никто не крикнул: «Огонь!», но внезапно все начали стрелять. Ада лишь свирепо ухмылялась, чувствуя, как отдача ударяет в плечо. Она бросила пустую обойму и вставила новую.

Флешетты тысячами свистели в воздухе, хрустальные грани вспыхивали в рассветных лучах, но попадания ничего не меняли. Войниксы, возможно, и падали, но их бежало, прыгало, скакало столько, что Ада даже не видела убитых и раненых. Серебристо-серая волна смерти за несколько секунд покрыла половину расстояния от леса; еще несколько секунд — и она достигнет частокола.

Кажется, Даэман первым спрыгнул со стены, — впрочем, Ада за это не поручилась бы, поскольку порыв был общим и почти одновременным. Схватив оружие, он с криком перемахнул через парапет, упал, прокатился по земле и побежал на войниксов.

Ада смеялась и плакала. Внезапно для нее оказалось важнее всего на свете влиться в наступление и умереть, атакуя безмозглого, злобного, запрограммированного на убийство врага, а не ждать за стеной, когда он тебя убьет.

С нелепой осторожностью (как-никак она была на пятом месяце беременности) Ада спрыгнула, перекатилась, вскочила и бросилась за Даэманом, стреляя на бегу. Слева слышались знакомые голоса. Ада глянула в ту сторону: Эдида и Ханна бежали, останавливались, стреляли, снова бежали.

Ада видела капюшоны-горбы над серыми панцирями. Войниксы одним прыжком покрывали двадцать — двадцать пять футов, выставив перед собой убийственные лезвия. Ада бежала и стреляла, не сознавая даже, какие слова кричит. На самый краткий миг она вызвала образ Хармана и попыталась отправить ему мысленное послание: «Прости, милый, что не уберегла малыша», но потом сосредоточилась только на беге и выстрелах. И вот уже серый прибой почти захлестнул их…

Взрывы отшвырнули Аду на десять футов назад, опалили ей брови.

Люди, которых отбросило вместе с ней, лежали рядом. Никто не мог подняться или подать голос. Кто-то гасил на себе загоревшуюся одежду. Многие были без сознания.

Ардисский лагерь окружала стена огня. Пламя взметнулось на пятьдесят, восемьдесят, сто футов.

Тут нахлынула вторая волна войниксов. Серебристо-серые фигуры бежали и прыгали сквозь пламя, но их настигали новые взрывы. Ада с изумлением смотрела, как разлетаются панцири, горбы и металлические конечности.

Даэман рывком поднял ее на ноги. Его лицо было в волдырях от ожогов, он тяжело дышал.

— Ада… нам… нужно… обратно… туда…

Она вырвала руку и уставилась на небо. Над Ардисом кружило пять летающих машин, и ни одна из них не походила на соньер. Четыре маленьких устройства с крыльями как у летучих мышей сбрасывали на кромку леса бомбы, а куда бóльшая крылатая машина опускалась в середине лагеря. Частокол почти всюду повалился от взрывов.

Неожиданно из машин поменьше появились длинные тросы, а по ним со свистом съехали черные гуманоидные, но не человеческие фигуры. Быстрее, чем это мог бы сделать человек, они рассредоточились и встали по периметру. Несколько высоких черных фигур пробежали мимо Ады, и она поняла, что это не люди, даже не люди в какой-то боевой броне, а более высокие создания, с необычно выгнутыми суставами, с шипами и колючками по всему телу и в черном

хитиновом панцире.

Из огня появились новые войниксы.

Каждый из черных пришельцев между ней и войниксами опустился на колено и поднял оружие, которое человек точно не смог бы оторвать от земли. Внезапно все ружья затрещали «чуга-чинк-гуга-чуга-гинк», будто металлорежущий станок на цепном приводе, и на войниксов обрушился шквал чистой голубой энергии. Там, куда попадал голубой импульс, войникс взрывался.

Даэман тянул Аду обратно в лагерь.

— Что? — крикнула она сквозь грохот. — Что?

Даэман мотнул головой: то ли не услышал ее, то ли сам не знал ответа.

Новая серия взрывов снова бросила отступающих людей на землю. Огненные грибы выросли в холодном утреннем воздухе на двести-триста футов. Весь лес к западу и востоку от Ардиса горел.

Войниксы прыгали через огонь. Покрытые хитином воины отстреливали их десятками, потом сотнями.

Перед Адой возникла высокая черная фигура и протянула длинную шипастую руку с ладонью, похожей на клешню.

— Ада-ур? — проговорил чужак низким спокойным голосом. — Я центурион-лидер Меп Аху. Вы

нужны вашему мужу. Мы проводим вас в лагерь.

Большое судно приземлилось рядом с Ямой, разметав останки бревенчатой стены. Теперь оно стояло на высоких, сложносочлененных опорах, в его брюхе было открыто что-то вроде двери.

Харман лежал на земле, на носилках, вокруг хлопотали несколько странного вида существ. Не обращая на них внимания, Ада бросилась к мужу.

Голова ее любимого лежала на подушке, тело было закрыто одеялом, но Аде пришлось закусить себе руку, чтобы не закричать. Лицо у него заострилось, щеки запали, во рту не осталось зубов. Из глаз сочилась кровь. Губы растрескались, их словно кто-то изгрыз. Голые руки в темных кровоподтеках лежали поверх одеяла; кожа сходила клочьями, как после сильнейшего солнечного ожога.

Рядом с Адой столпились Даэман, Ханна, Греоджи и остальные. Она взяла Хармана за руку и ощутила ответ на свое слабое пожатие. Умирающий на носилках попытался сфокусировать на ней замутненный катарактой взгляд и что-то сказать, но лишь закашлялся кровью.

Маленькая гуманоидная фигурка, закованная в красно-черный металл или пластик, сказала:

— Вы Ада?

— Да, — ответила она, не поворачивая головы и не отводя глаз от Хармана.

— Он сумел назвать ваше имя и координаты этого места. Сожалею, что мы не нашли его раньше.

— Что… — Ада запнулась; она не знала, о чем спросить.

Одно из механических существ рядом было огромно. Оно очень аккуратно держало бутылку капельницы, из которой что-то по трубке лилось в иссохшую руку Хармана.

— Он получил смертельную дозу радиации, — негромко пояснил робот ростом с ребенка. — Скорее всего, это случилось на субмарине, на которую Харман наткнулся в Атлантической Бреши.

«Субмарина?» — подумала Ада. Это слово ничего ей не говорило.

— К сожалению, у нас просто нет средств для помощи людям в таком состоянии, — продолжал человечек-машина. — Увидев, какие у вас проблемы, мы вызвали с «Королевы Маб» боевых шершней. Они доставили обезболивающее и еще капельницы, но саму лучевую болезнь мы вылечить не можем.

Ада ничего толком не понимала. Она двумя руками держала ладонь Хармана и чувствовала, как тот умирает.

Харман закашлялся, очевидно силясь что-то проговорить, и попытался вырвать руку. Ада вцепилась в нее, но он не уступал, продолжал тянуть…

Должно быть, ее пожатие причиняло ему боль. Она ослабила хватку:

— Прости, дорогой.

Позади гремели новые взрывы, теперь уже дальше. Летающие машины с крыльями как у летучих мышей обстреливали окрестные леса с тем же треском цепного привода. Высокие хитиновые воины бегали по всему лагерю. Некоторые оказывали первую помощь пострадавшим, в основном от легких ожогов.

Харман не отдернул правую руку, а потянулся к лицу Ады.

Та попыталась поймать его худые пальцы, но он отмахнулся левой рукой. Ада послушно замерла, позволив ему коснуться своей шеи, скользнуть по щеке… Но вот умирающий приложил ладонь к ее лбу и со всей силой вдавил в него пальцы.

Ада не успела даже подумать о том, чтобы отшатнуться, и тут началось.

По сравнению с*этим* даже взрыв, только что швырнувший Аду на десять футов по воздуху, был пустяком.

Сперва в голове прозвучал отчетливый голос Хармана:*Все в порядке, дорогая моя, любимая. Успокойся. Все хорошо. Я должен передать тебе этот дар, пока еще могу.*

А потом все вокруг исчезло, осталась лишь милая исхудавшая ладонь с окровавленными пальцами, через которую в ее разум хлынули слова, воспоминания, образы, снимки, данные, другие воспоминания, функции, цитаты, книги, целые тома, еще книги, еще воспоминания, его любовь к ней, его мысли о ней и будущем ребенке, опять любовь и еще информация, еще голоса, имена, даты, мысли, факты, идеи…

— Ада? Ада!

Том слегка похлопал ее по щекам и, стоя над ней на коленях, плеснул в лицо воды. Ханна, Даэман и остальные тоже стояли на коленях. Харман уже уронил руку. Маленькое существо из металла и пластика хлопотало над ним, но Харман выглядел мертвым.

Ада встала:

— Даэман, Ханна! Идите сюда. Наклонитесь, ближе…

— Что случилось? — спросила Ханна.

Ада тряхнула головой. Некогда объяснять, нужно действовать.

— Верьте мне, — сказала она.

Потом, вытянув руки, она прижала левую ладонь ко лбу Даэмана, а правую ко лбу Ханны и активировала функцию обмена.

Все заняло не более тридцати секунд — столько же, сколько потребовалось Харману, чтобы передать ей новые функции и основные сведения, которые он много часов отбирал и готовил для пересылки, идя на запад по Атлантической Бреши, — однако тридцать секунд показались Аде тридцатью вечностями. Если бы она могла осуществить следующий шаг в одиночку, она не стала бы тратить время, пусть даже от этого зависит будущее человеческого рода. Однако ей требовались помощники: один человек, чтобы делиться полученным с остальными, и один — чтобы попытаться спасти Хармана.

Обмен завершился.

Все трое — Ада, Даэман, Ханна, — закрыв глаза, рухнули на колени.

— Что такое? — спросила Сирис.

Кто-то с криком бежал к лагерю. Это оказался один из добровольцев, дежуривших в павильоне

в миле с четвертью отсюда. Узел заработал! Как раз в ту минуту, когда войниксы появились из леса.

«Нет времени на факс-павильон», — думала Ада. И некуда факсировать. Повсюду люди либо защищаются, либо отступают. Нет ни одного известного узла, где ее милого сумеют спасти.

Механическое существо, похожее на гигантского металлического мечехвоста, прогромыхало по-английски:

— На орбите есть человеческие омолаживающие баки. Но единственное место, про которое мы знаем наверняка, находится на астероиде Сикораксы, а он только что на полной тяге миновал земную Луну. Мы сожалеем, что не знаем про остальные…

— Это не важно, — перебила Ада, вновь опускаясь на колени рядом с мужем и прикасаясь к его руке.

Никакой реакции, но она чувствовала искры угасающей жизни — его биомониторы говорили с ее новыми биометрическими функциями. Ада лихорадочно перебирала в уме тысячи узлов свободного факса и мест, саму процедуру свободного факсирования.

Склады постлюдей на дне великого Бассейна?

Там есть и лекарство от лучевой болезни… Однако они заключены в стазис, к тому же по общей сети Ада видела, что Геркулесовы Руки медленно исчезают и Средиземное море постепенно заполняется. Чтобы добраться до складов, нужна подводная лодка. Слишком долго. Другие склады постлюдей располагались в китайских степях, неподалеку от Сухой долины в Антарктике… Но дорога отнимет чересчур много времени, а медицинские процедуры будут слишком сложны… Харману просто не дожить…

Ада схватила остолбеневшего Даэмана за руку и подтащила к себе.

— Сколько новых функций… — начал он.

Ада тряхнула его:

— Повтори, что сказала Мойра?

— А? — Даэман смотрел непонимающе.

— Повтори еще раз, что сказала тебе призрак-Мойра в тот день, когда мы голосовали, отдавать ли Никому соньер. «Помни…» А дальше?

— Мм… она сказала… «Помни, что Никого нет в гробе Никого». Но как это…

— Нет! — воскликнула Ада. — Первое «Никого» — это не имя. Вот как правильно, с маленькой буквы: «Помни, никого нет в гробе Никого». Ханна, ты ждала, покуда саркофаг исцелял Одиссея.

Ты бывала в Мачу-Пикчу намного чаще всех нас. Отправишься туда со мной? Попробуем?

Ханна ровно секунду соображала, о чем речь.

— Да.

— Даэман, — сказала Ада, спеша опередить не только время, но и Смерть, уже державшую Хармана в костлявых руках, — ты займешься обменом. Поделишься тем, что получил, со всеми нашими. Начинай.

— Хорошо, — отозвался Даэман и быстро отошел, скликая к себе остальных.

Боевые моравеки — Ада уже знала, кто это, даже если не знала названия, — по-прежнему стояли по периметру, достреливая последних войниксов. Ни одна тварь так и не прорвалась.

— Ханна, — сказал Ада, — нам потребуются носилки, но вдруг их нельзя перенести по факсу? На всякий случай накинь-ка на плечо одеяло. В крайнем случае воспользуемся им.

— Эй! — закричал маленький европеанский моравек, когда Ханна грубо сдернула одеяло с умирающего пациента. — Ему без этого нельзя! У него озноб…

Ада дотронулась до руки маленького моравека — и ощутила нечто человеческое и душу даже сквозь металл и пластик.

— Все в порядке, — сказала она наконец. Она извлекла его имя из его же кибернетической памяти. — Все в порядке, друг Манмут. Мы знаем… да, впервые за долгое время мы знаем, что делаем.

И жестом велела всем отойти.

Ханна встала на колени у носилок, положила одну руку на холодный металл, а другую — на плечо умирающего. Ада сделала то же самое со своей стороны.

— Думаю, мы просто визуализируем главную комнату, где встретили Одиссея, и координаты всплывут сами, — сказала Ада. — Важно, что мы обе там были.

Ханна кивнула.

— На счет «три»? — сказала Ада. — Раз, два… три.

Женщины, носилки и Харман исчезли из виду.

Хотя на вид умирающий Харман ничего не весил, женщины выбились из сил, пока несли его из главного музея Золотых Ворот в Мачу-Пикчу по нескольким лестничным пролетам, через зеленый пузырь с временны́м саркофагом Сейви и по последней винтовой лестнице к гробу Одиссея-Никого.

Ада приложила руку к изможденной груди лю-

бимого, ощутила лишь подобие живого отклика, но не стала тратить времени на проверку.

— Давай снова на счет «три», — выговорила она.

Ханна кивнула.

— Раз, два… три.

Женщины осторожно подняли голого Хармана с носилок и опустили в гроб Никого. Ханна подтянула и захлопнула крышку.

— А как… — в панике начала Ада.

С помощью новых функций она могла бы задать вопросы умным машинам, но это займет слишком много времени.

— Вот, — ответила Ханна. — Никто показал мне, когда вылечился.

Ее пальцы скульптора забегали по светящимся виртуальным кнопкам. Функции человека старого образца разговаривали с системами колыбели.

Гроб тихо вздохнул, затем загудел. Сквозь невидимые отверстия внутрь потекли струйки тумана, и тело Хармана почти скрылось из глаз. На стеклянной крышке образовались кристаллики льда. Вспыхнуло несколько новых лампочек. Одна из них горела красным.

— Ой! — жалобно вырвалось у Ханны.

— Нет, — спокойно, но твердо отрезала Ада. — Нет. Нет. Нет!

Она положила руку на пластиковую панель управления, словно хотела уговорить машину.

Огонек мигнул, пожелтел и вновь загорелся красным.

— Нет, — твердо повторила Ада.

Лампочка опять замигала, потухла, вспыхнула желтым… и осталась такой.

Подруги на мгновение сцепили пальцы над крышкой. Ада поспешила вернуть ладонь на пластиковый блок ИскИна.

Желтый огонек не менял цвета.

Несколько часов спустя, когда вечерние облака заволокли сперва руины Мачу-Пикчу, а затем и полотно подвесного моста шестьюстами футами ниже, Ада сказала:

— Возвращайся в Ардис, Ханна. Поешь, отдохни.

Та мотнула головой.

Ада улыбнулась:

— Ну тогда сходи хотя бы в столовую, добудь нам фруктов или еще чего-нибудь. И попить.

Желтый огонек горел весь вечер. Сразу после захода солнца, когда в долинах Анд лежали отсветы розового сияния пиков, на Мачу-Пикчу свободно

факсировали Даэман, Том и Сирис, но ненадолго.

— Мы уже охватили тридцать других общин, — сказал Даэман.

Ада кивнула, не отрывая взгляда от желтого огонька.

Даэман, Сирис и Том, пообещав вернуться на рассвете, свободно факсировали обратно. Ханна завернулась в одеяло и заснула на полу возле гроба.

Ада оставалась на месте всю ночь. Иногда она садилась, иногда становилась на колени, но продолжала держать ладонь на панели управления, посылала по микросхемам, отделявшим ее от Хармана, слова о своем присутствии и молитвы, постоянно глядя на желтый огонек.

Около трех ночи по местному времени индикатор поменял цвет на зеленый.

Часть 4

88

Неделя с Падения Илиона.

Ахиллес и Пентесилея оказались на пустынной гряде, разделявшей долины Скамандра и Симоиса. Как и обещал Гефест, на хребте ждали две лошади: могучий вороной жеребец для ахейца и белая, не такая высокая, но еще более мускулистая кобыла для амазонки. Они сели верхом и осмотрели, что осталось.

Не осталось почти ничего.

— Как это мог исчезнуть целый город? — спросила Пентесилея своим обычным капризным тоном.

— Все города исчезают, — ответил Ахиллес. — Такова их судьба.

Пентесилея фыркнула. Ахиллес уже мысленно отметил, что белокурая женщина и ее белая кобыла фыркают очень похоже.

— Но ведь не за один*день*... или ч*ас*.

Последние слова прозвучали как жалоба, как обвинение. С чудесного воскрешения амазонки в баках Целителя прошло всего два дня, и Ахиллес

уже свыкся с ее вечно плаксивым тоном.

На полчаса они позволили коням самим выбирать дорогу среди каменных россыпей, протянувшихся на две мили вдоль кряжа, где некогда стояла великая Троя. Божественная магия, забравшая город, захватила его вместе с почвой глубиною на целый фут ниже самых ранних фундаментов. Не осталось ни брошенной пики, ни гниющего трупа.

— Воистину велик Зевс, — изрекла Пентесилея.

Ахиллес вздохнул и покачал головой.

День выдался теплый, погожий — близилась весна.

— Я уже объяснял тебе, амазонка: Зевс тут ни при чем. Я убил его собственной рукой. Все, что ты видишь, совершил Гефест.

Пентесилея фыркнула:

— Никогда не поверю, что этот увечный дрочила, у которого воняет изо рта, на такое способен. По-моему, он даже не настоящий бог.

— Но это сделал Гефест, — возразил Ахиллес, а про себя прибавил: «С помощью Ночи, конечно».

— Так ты говоришь, Пелид.

— Я просил не называть меня этим именем. Я больше не сын Пелея. Я сын Зевса, что не делает чести ни мне, ни ему.

— Так ты говоришь, — повторила Пентесилея. — И тогда, если верить твоей похвальбе, ты еще и отцеубийца.

— Да, — сказал Ахиллес. — И я никогда не хвастаюсь.

Амазонка и ее белая кобыла фыркнули в унисон.

Ахиллес ударил пятками своего вороного и первым спустился по склону на изрытую колеями южную дорогу, ведущую от Скейских ворот (они тоже пропали, хотя исполинский дуб, росший там со дня основания города, остался на месте) на равнину Скамандра, между Троей и берегом.

— А если твой жалкий Гефест отныне царь богов, — чересчур громкий голос Пентесилеи действовал на нервы, будто скрип ногтей по сланцевой плите, — то почему же он боялся высунуть нос из своей пещеры все время, пока мы пробыли на Олимпе?

— Я говорил. Он ждет конца войны между титанами и богами.

— Если он преемник Зевса, то какого Аида сам не положит конец войне громами и молниями?

Ахиллес ничего не ответил. Он обнаружил: иногда, если долго молчать, амазонка сама затыкается.

Равнину Скамандра, вытоптанную за одиннадцать лет боев, волшебство вроде бы не затронуло: на ней остались следы копыт, сандалий, колес, засохшая кровь на камнях, но люди, кони, колесницы, оружие, мертвецы и прочие артефакты начисто испарились, как и говорил Ахиллесу Гефест. Пропали даже шатры ахейцев и остовы сожженных кораблей.

Ахиллес позволил коням отдохнуть на берегу, а всадники молча смотрели, как ленивые волны Эгейского моря накатывают на пустой песок. Ахиллес знал, что никогда не признается в этом волчице рядом с собой, но у него щемило сердце при мысли о вечной разлуке с товарищами по оружию — с хитроумным Одиссеем, громогласным Большим Аяксом, улыбчивым лучником Тевкром, верными мирмидонцами, даже с глупым рыжеволосым Менелаем и его злокозненным братом Агамемноном. Странно, думал Ахиллес, даже врагов начинает недоставать, когда они утрачены навек.

Тут он припомнил Гектора и рассказы Гефеста об «Илиаде», то есть о собственном будущем, — и досада поднялась в нем, как желчь. Ахиллес повернул коня на юг и отхлебнул из притороченного к седлу меха.

— И я никогда не поверю, что бородатый калека-бог правда мог нас поженить, — проворчала за спиной Пентесилея. — Все это хрень собачья.

— Он царь богов, — устало сказал Ахиллес. — Кто более достоин освятить наши брачные клятвы?

— Пусть освятит мою задницу, — буркнула Пентесилея. — Мы что, уезжаем? Зачем это нам на юго-восток? Почему туда? Чего там хорошего? Зачем покидать поле битвы?

Ахиллес молчал, пока через пятнадцать минут не остановил коня.

— Видишь реку, женщина?

— Конечно вижу. Думаешь, я слепая? Это всего только вшивый Скамандр: пить — грязно, плавать — мелко. Брат Симоиса, они сливаются в нескольких милях выше по течению.

— Здесь, у этой реки, которую мы зовем Скамандром, а боги — священным Ксанфом, — сказал Ахиллес, — здесь, если верить Гефесту, который цитировал моего будущего биографа Гомера, произошла бы моя величайшая *аристейя* — битва, которая обессмертила бы меня еще до того, как я убил Гектора. Здесь, женщина, я в одиночку сразился бы со всей троянской армией и со вздувшейся рекой, которую поднял бог. И я вскричал

бы к небесам: «Смерть вам, троянцы, смерть! Я прорублюсь сквозь ваши ряды к Илиону!» Здесь, женщина, я молниеносно убил бы Ферсилоха, Мидона, Астипила, Мнесса, Фразия, Эния и Офелеста. Тогда пеонийцы ринулись бы на меня с тыла, но я бы перебил их всех. А на том берегу, со стороны Трои, я бы убил Астеропея, равно владеющего правой и левой рукой, — одно мое копье пелийского ясеня против его двух. Мы оба промахнулись бы, но я зарубил бы его мечом, пока он пытался бы вырвать мое копье из берега, чтобы метнуть снова…

Ахиллес замолчал. Пока он говорил, Пентесилея спешилась и отошла за кустик. При звуке журчащей струи ему захотелось убить амазонку прямо сейчас, а тело бросить стервятникам, рассевшимся по кустам у реки. Жаль оставлять хищных птиц без обеда, раз вся мертвечина исчезла.

Однако он знал, что не убьет амазонку. Любовное заклинание Афродиты по-прежнему работало, страсть к этой стерве сворачивала внутренности и вызывала дурноту не хуже вонзившегося в живот бронзового наконечника. «Твоя единственная надежда — на то, что феромоны со временем выветрятся», — сказал вчера

вечером Гефест у себя в пещере, когда они поднимали кубки друг за друга и за всех, кого только знали, и достигли той откровенности, какая бывает лишь между братьями или пьяными.

Когда амазонка снова села в седло, Ахиллес первым въехал в Скамандр. Вороной жеребец и белая кобыла ступали очень осторожно. В самых глубоких местах вода была им не глубже чем по колено. Ахиллес повернул на юг.

— Куда это мы? — осведомилась Пентесилея. — Чем тебе здесь не нравится? Что ты затеял? У меня есть право голоса или великий и могучий Ахиллес будет определять каждый шаг? Не надейся, что я вслепую последую за тобой, сын Пелея. Может статься, и вообще не последую.

— Мы ищем Патрокла, — проговорил Ахиллес, не поворачиваясь в седле.

— Что?

— Мы ищем Патрокла.

— Твоего дружка? Этого голубого придурка? Патрокл умер. Его убила Афина. Ты сам видел и сам так говорил. Потому и развязал войну с богами.

— Гефест сказал, что Патрокл жив, — возразил Ахиллес, сжимая рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев. — Он сказал, что не заключил

Патрокла в голубой луч, когда собирал остальных на земле, и не отослал его навеки вместе с Илионом. Патрокл жив, он где-то за морем, и мы его найдем. Вот задача моей жизни.

— Ах да, «Гефест сказал»… — ехидно повторила амазонка. — Ну, если *сам Гефест*, сомневаться не в чем, верно? Увечный коротышка никогда тебе не соврет, да?

Ахиллес не ответил. Он ехал по старой южной дороге вдоль берега, изрытой за много столетий копытами троянских — а в последние годы еще и союзных — коней, чьих всадников Ахиллес убивал десятками.

— Значит, твой Патрокл «где-то за морем», — передразнила Пентесилея. — Клянусь Аидом, как мы переберемся через море, сын Пелея? И кстати, за каким именно он морем?

— Отыщем корабль, — не оборачиваясь, ответил Ахиллес. — Или построим.

Позади кто-то фыркнул — не то амазонка, не то ее лошадь. Очевидно, Пентесилея остановилась (Ахиллес слышал стук подков лишь своего коня), зато возвысила голос:

— Мы еще и корабли будем строить? Да ты хоть представляешь себе, как это делается, о быстроногий мужеубийца? Сильно сомневаюсь. Быстро

бегать и убивать мужей (да еще амазонок, которые в два раза тебя лучше) — это по твоей части. Но строить? Руку даю на отсечение, ты ничего не создал за всю свою никчемную жизнь… Ну что, права я? Права? Эти грубые мозоли — от копий и винных кубков, а не… Эй, сын Пелея! Ты, вообще-то, меня слушаешь?

Ахиллес отъехал на полсотни футов. Он ни разу не обернулся. Белая кобыла стояла на месте, однако рыла копытом землю, желая догнать вороного.

— Ахиллес, чтоб тебе! Не надейся, что я помчусь следом! Ты ведь понятия не имеешь, куда тебя несет! А? Признайся!

Ахиллес ехал, не сводя взгляда с мглистой линии холмов на горизонте у моря, далеко-далеко на юге. У него начиналась дикая головная боль.

— Как же, сейчас, разбежался… Чтоб тебе провалиться!

Ахиллес продолжал медленно удаляться вместе с конем. Их разделяло уже сто ярдов. Незаконный сын Зевса даже не обернулся.

Один из стервятников, сидевших на чахлом дереве у священного Ксанфа, громко захлопал крыльями, взлетел и сделал круг над опустевшим полем битвы. Острые птичьи глаза не заметили

никакой пищи, ни даже углей от погребальных костров, среди которых всегда можно было найти что-нибудь съедобное.

Хищник полетел к югу и принялся кружить над единственными живыми тварями, которых сумел высмотреть, — двумя лошадьми и всадниками, — затем решил полететь за ними.

Далеко внизу белая лошадь и ее человеческий груз оставались недвижны, а вороной со своим человеком цокал копытами дальше. Стервятник наблюдал, не обращая внимания на резкие, неприятные звуки, издаваемые отставшим существом. Наконец белая кобыла тронулась с места и галопом пустилась вдогонку вороному.

Вскоре всадники уже скакали почти бок о бок (белая кобыла чуть отставала) по изогнутому берегу Эгейского моря, и стервятник, паря в восходящих потоках теплого послеполуденного воздуха, последовал за ними.

89

Девять дней с Падения Илиона.

Генерал Бех бен Ади лично руководил атакой на Парижский Кратер, используя шлюпку в качестве командного центра, в то время как более трехсот лучших его воинов Пояса спускались из

шести шершней при помощи тросов и реактивных сопел в ледяной город-улей.

Генерал бен Ади не одобрял этой затеи. Он предлагал не вставать ни на чью сторону, однако первичные интеграторы вынесли свое решение, и оно было окончательным. Ему поручили найти и уничтожить существо по имени Сетебос. Бех бен Ади советовал с орбиты сбросить ядерную бомбу на купол из голубого льда над Парижским Кратером — это единственный способ наверняка уничтожить Сетебоса, объяснил он, — но первичные интеграторы отвергли совет.

Главный десантный отряд возглавлял милленион-лидер Меп Аху. Как только десять других групп спустились по тросам, оцепили купол снаружи и подтвердили готовность по линии тактической связи, он и еще двадцать пять отборных воинов спрыгнули с шершня, зависшего на высоте трех тысяч метров, в последний миг активировали реактивные сопла, кумулятивными зарядами пробили дыру в крыше голубого собора и, закрепив тросы на вбитых в лед шлямбурах, съехали вниз.

— Здесь пусто, — передал по радио Меп Аху. — Никакого Сетебоса.

Генерал Бех бен Ади и сам это видел, поскольк-

ку получал репортажи с нанотрансмиттеров и встроенных камер двадцати шести десантников.

— Прочесать по квадратам, — приказал он по главной тактической линии.

Теперь данные поступали со всего периметра сразу. Голубой лед превратился в труху: стены туннелей разваливались от удара кулаком. Коридоры уже начинали рушиться.

Отряд Меп Аху, включив реактивные сопла, по квадратам прочесал центральную пещеру над древним кратером от черной дыры. Начали сверху — убедились, что никто не прячется на балконах и в трещинах, но вскоре солдаты уже летали над фумаролами и брошенными вторичными гнездами.

— Главное гнездо обвалилось, — доложил милленион-лидер по главному тактическому каналу. — Рухнуло в старую воронку, оставшуюся после черной дыры. Посылаю изображения…

— Видим, — ответил генерал Бех бен Ади. — Есть шансы, что Сетебос прячется в самом кратере?

— Никаких, сэр. Мы все проверили радаром. Нет ни пещер, ни боковых отверстий. Думаю, сэр, он скрылся.

На общей линии раздался голос Чо Ли:

— Это подтверждает нашу теорию, что кван-

товое возмущение четыре дня назад было открытием последней бран-дыры внутри самого́ ледяного собора.

— Лучше убедиться, — произнес Бех бен Ади и по личному командному лучу передал Меп Аху:*Обыскать все гнезда.*

Есть.

Шесть роквеков из десантного отряда Меп Аху обшарили развалины главного гнезда, потом разделились и на реактивной тяге закружили над обрушенным полом собора, заглядывая в каждую умирающую фумаролу и осевшее гнездо.

Внезапно кто-то из команды оцепления, только что вошедший под купол, крикнул:

— Сэр, тут что-то написано!

Милленион-лидер и еще пять десантников устремились к южной террасе высоко над полом. У входа в самый большой туннель прямо на льду то ли ногтями, то ли когтями было нацарапано: «Так думат, Тихий скоро будет здесь. Мамаша говорила, мол, Тихий все творил, а Сетебос способен только портить. Он думат, нет. Кто слабых сделал, тот Ему дал право тех слабых мучить. Но думат, что спугнуло Сетебоса? Неужто Силу Слабость в бегство обратила? Так, может, все же Он и есть Единый? Тихий грядет».

— Калибан, — сказал первичный интегратор Астиг/Че с «Королевы Маб» на новой геосинхронной орбите.

— Сэр, по результатам осмотра все коридоры пусты, — доложил милленион-лидер по общему тактическому каналу.

— Очень хорошо, — ответил генерал Бех бен Ади. — Готовьте термитные заряды, мы растопим эту ледяную глыбу до руин Парижского Кратера. Осторожно, не повредите первоначальные постройки. Мы их обыщем позже.

Здесь что-то есть, сказал Меп Аху по фокусированному тактическому лучу.

На мониторах шлюпки появились изображения: нагрудные прожекторы роквеков освещали развалины фумарольного гнезда. Все яйца полопались либо смялись, кроме одного. Милленион-лидер спустился по воздуху, нагнулся, поднял белесый шар ладонями в черных перчатках и прижался к нему головой, прислушиваясь.

Думаю, там, внутри, что-то живое, доложил Меп Аху. *Какие будут приказы, сэр?*

Ждите! — рявкнул Бех бен Ади и по фокусированному лучу связался с «Королевой Маб»: *Какие будут приказы?*

— Ждите, — ответил за первичных интеграто-

ров дежурный по мостику.

Наконец на связь вышел Астиг/Че:

— Ваши предложения, генерал?

— Сожжем его. И все вокруг сожжем… дважды.

— Благодарю, генерал. Нам нужно подумать.

Последовала тишина, нарушаемая лишь треском помех. Бех бен Ади слышал, как дышат во встроенные микрофоны триста десять воинов.

— Мы предпочли бы забрать яйцо, — сказал наконец Астиг/Че. — Используем один из наших стаз-кубов, если это возможно. Шершень номер девять поднимет его наверх. Пусть шершнем управляет милленион-лидер Меп Аху. Устроим на «Королеве Маб» карантинную лабораторию. На борту больше нет ни оружия, ни ядерного топлива… корабли со стелс-покрытием будут наблюдать за нашими опытами.

Несколько мгновений генерал безмолвствовал, затем произнес:

— Очень хорошо.

После чего по личной связи передал приказание милленион-лидеру. Команда уже держала стаз-куб наготове.

Сэр, вы уверены? — спросил Меп Аху. *От Ады и других обитателей Ардиса мы знаем, на что был способен их детеныш Сетебоса. Даже невылупив-*

шийся, он уже обладал какой-то силой. Вряд ли Сетебос случайно оставил живое яйцо.

— Исполняйте приказ, — ответил генерал Бех бен Ади по общей тактической связи. А потом по личному фокусированному лучу добавил:*Удачи тебе, сынок*.

90

Полгода с Падения Илиона, Девятое ава.

Даэман отвечал за Иерусалимскую операцию. Все было тщательно спланировано.

Сто людей старого образца, наделенные всеми известными функциями, одновременно свободно факсировали в город за три минуты до того, как четыре моравекских шершня доставили еще сто добровольцев из Ардиса и других уцелевших общин. Моравекские солдаты предлагали свои услуги, но Даэман еще год назад поклялся освободить людей старого образца, заключенных в иерусалимском голубом луче, — всех еврейских друзей и родственников Сейви, — и по-прежнему считал это обязанностью человеческого рода. Впрочем, они взяли взаймы боевые костюмы, ракетные ранцы, непробиваемые доспехи плюс энергетическое оружие. Тяжелое оружие, которое нельзя было переместить по свободному факсу,

доставили добровольцы на шершнях, которыми управляли моравеки.

Более трех недель Даэман и его команда (люди и моравеки) проверяли и перепроверяли GPS-координаты улиц, площадей и перекрестков древнего города с точностью до дюйма, составляя карту площадок для свободного факса и приземления шершней.

Дождались августа, еврейского праздника под названием Девятое ава. Даэман и добровольцы факсировали в город через десять минут после захода солнца, когда луч горел особенно ярко.

Согласно показаниям системы обзора и воздушной разведки «Королевы Маб», Иерусалим представлял собой уникальное место, поскольку там жили и войниксы, и калибаны. В Старом городе, который и стал нынешней целью вылазки, войниксы занимали улицы и здания к северу и северо-западу от Храмовой горы, что приблизительно соответствовало древним христианскому и мусульманскому кварталам, а калибаны — районы к юго-западу от Купола Скалы и мечети Аль-Акса, ранее известные как еврейский и армянский кварталы.

Судя по снимкам (в том числе и радарным) со спутников-шпионов, в Иерусалиме было при-

мерно двадцать тысяч войниксов и калибанов, вместе взятых.

— Сто против одного. — Греоджи пожал плечами. — Бывало и похуже.

Люди возникли беззвучно, только воздух слегка задрожал. Даэман и его команда факсировали на узкую площадь перед Стеной Плача. Света еще хватало, но Даэман дополнительно к зрению использовал тепловидение и высокочувствительный радар. По его оценкам, на улицах, на стенах и крышах к западу от площади расхаживали, спали, стояли и толпились около пятисот калибанов.

За считаные секунды командиры десяти групп доложили о своем прибытии.

— Огонь по готовности, — сказал Даэман.

Энергетическое оружие запрограммировали только на уничтожение живой материи — калибанов либо войниксов. Даэман, который целился, стрелял и видел, как бегущие калибаны разлетаются на тысячи кусков, радовался, что выстрелы не вредят зданиям. Уж этот город не хотелось уничтожить ради его спасения.

Старый Иерусалим превратился в водоворот голубых энергетических вспышек, вопящих калибанов, радиовыкриков и разлетающегося мяса.

Как раз когда люди Даэмана перебили всех калибанов в поле зрения, хронометр в очках его костюма показал, что сейчас появятся шершни. Даэман активировал струйный ранец, взмыл до уровня Храмовой горы — в одиночку, не время толпиться в воздухе, — и увидел, как сели, разгрузились и снова умчались первые два шершня. Через тридцать секунд прилетела вторая пара. Мужчины и женщины в боевых костюмах с реактивными ранцами рассыпались по горе, таща тяжелое оружие на треногах. Вторые два шершня улетели.

— Храмовая гора оцеплена, — сообщил по радио Даэман, обращаясь к вожакам остальных отрядов. — Как будете готовы, взлетайте. Только не приближайтесь к нашим линиям огня.

— Даэман? — заговорил Элиан со своей позиции на Баб-аль-Назир в древнем мусульманском квартале. — По Виа Долороза на вас надвигается масса войниксов, а с востока, по улице Царя Давида, — калибаны, отдельными группами.

— Спасибо, Элиан. Разберитесь с ними. Тяжелые орудия…

Тут он оглох от грохота тяжелых орудий на горе у себя под ногами. Люди со стен и крыш палили во все стороны по наступающим серым и зеленова-

тым фигурам. К вертикальному лучу добавились вспышки энергетического оружия, так что весь Старый город озарился голубым, как от сварки. Фильтры во встроенных линзах боевого костюма даже сделались чуть темнее.

— Всем командам! Вести одиночный огонь. Немедленно докладывайте, если в вашем секторе случится прорыв, — сказал Даэман.

Он заскользил по воздуху на северо-восток, туда, где за Куполом Скалы высилось более современное здание, из которого бил луч. Сердце колотилось как бешеное. Приходилось держать себя в руках, чтобы не задохнуться от возбуждения. За последние два месяца они пятьсот раз отработали предстоящую операцию, свободно факсируя в макет Иерусалима, возведенный с помощью моравеков неподалеку от Ардиса. Однако ничто не могло подготовить Даэмана к сражению такого размаха, таким оружием в этом величайшем из городов.

Ханна с отрядом в десять человек ждала Даэмана у запечатанной двери в здание луча. Даэман приземлился, кивнул Ламану, Каману, Греоджи, стоявшим в вечерних сумерках рядом с Ханной, и сказал:

— Приступим.

Ламан, ловко орудуя здоровой левой рукой, установил пластиковую взрывчатку, и все двенадцать человек отошли за угол металлической постройки, покуда взрыв не снес тяжелую дверь.

Помещение было немногим больше крохотной ардисской спальни Даэмана. Приборы управления — хвала любому Богу, кем бы Он ни был, — почти отвечали догадкам людей, получивших знания хрустального чертога Тадж-Мойры.

Основную работу проделала Ханна: ее проворные пальцы так и летали по виртуальным клавишам, набирая нужный семизначный код по каждому запросу примитивного ИскИна.

Внезапно раздался низкий, почти инфразвуковой гул, от которого у людей застучали зубы и захрустели кости. На всех дисплеях ИскИна загорелись и погасли зеленые индикаторы.

— Все наружу! — приказал Даэман.

Он последним покинул преддверие здания, и как раз вовремя, ибо в ту же секунду целый блок постройки дважды сложился внутрь и пропал, превратившись в черный квадрат.

Даэман, Ханна и остальные успели отступить на камни Храмовой горы и теперь наблюдали, как голубой луч пал с небес. Гул нарастал, так что Даэман от боли зажмурился и сжал кулаки, чув-

ствуя, как инфразвуковые волны проходят через кишки, яички, кости и зубы. Но вот шум затих.

Даэман откинул капюшон, не снимая наушников и микрофона, и приказал Ханне:

— Защитное оцепление здесь. Как только покажется первый, вызываем шершни.

Она кивнула и присоединилась к тем, кто палил с Храмовой горы по соседним улицам.

Кто-то — может быть, Ада — во время подготовки к операции пошутил: мол, правила вежливости требуют, чтобы встречающие запомнили имена и лица всех девяти тысяч ста тринадцати человек, заключенных в голубой луч тысячу четыреста лет назад. Все тогда рассмеялись, но Даэман понимал, что технически это возможно — Харман в хрустальном чертоге получил почти все имена и даты.

С той поры минуло пять месяцев. За это время Даэман и впрямь обращался к своим архивам лиц и имен. Он не запомнил все девять тысяч сто тринадцать человек, поскольку, как и его товарищи, был слишком занят. Однако он не удивился, когда узнал первых мужчину и женщину, которые, пошатываясь, вышли из черного квадрата двери в реассемблере нейтрино-тахионного луча.

— Петра, Пинхас, — обратился к ним Даэман,

— с возвращением.

Он успел подхватить стройных мужчину и женщину, пока те не упали. Все выходившие из черных дверей — парами, как звери из Ноева ковчега, успел заметить Даэман, — выглядели совершенно ошарашенными.

Темноволосая Петра — подруга Сейви, как уже знал Даэман, — растерянно огляделась и проговорила:

— Как долго?

— Слишком долго, — ответил Даэман. — Сюда, пожалуйста. Вон к тому кораблю.

Первый шершень с тридцатью людьми старого образца (они должны были провожать новоприбывших на борт и помогать им по пути) как раз приземлился. На глазах Даэмана Стеф отвел Петру и Пинхаса по древним камням к трапу судна.

Даэман приветствовал всех, кто спускался по пандусу здания луча. Многих он узнавал. Третьим вышел мужчина по имени Греф, его партнерша, которую тоже звали Ханной, затем друг Сейви Стивен, Эйб, Кайл, Сара, Калеб, Уильям… Даэман обращался к каждому по имени и помогал им сойти со ступенек, а дальше уже другие усаживали их в шершень.

Калибаны и войниксы продолжали атаковать.

Люди продолжали их убивать. Во время репетиций требовалось более сорока пяти минут, чтобы посадить девять тысяч сто тринадцать человек на боевые шершни — это в лучшем случае, если между взлетом одного судна и посадкой следующего проходила секунда, — но сегодня вечером, когда враги атаковали со всех сторон, уложились в тридцать три минуты.

— Порядок, — сказал Даэман сразу по всем каналам. — Всем покинуть Храмовую гору.

Отряды тяжелой артиллерии погрузили оружие на последние два шершня, зависшие у восточного края горы, и те улетели на запад. Остались лишь Даэман и его первоначальный отряд.

— От храма Гроба Господня надвигаются три-четыре тысячи свежих войниксов, — объявил Элиан.

Даэман опять натянул капюшон и закусил губу. Теперь, когда тяжелой артиллерии не осталось, убивать врагов будет труднее.

— Значит, так, — произнес он по общей линии. — Говорит Даэман. Факсируйте отсюда… сейчас же. Начальникам групп — доложить об отправке своих людей.

Греоджи сообщил об отправке своей группы и факсировал прочь.

Эдида отчиталась и вернулась в Ардис со своей позиции на улице Баб-аль-Хадид.

Боман отослал группу, занимавшую Баб-аль-Гаванима, доложил об этом и факсировал.

Лоэс отправил своих людей и факсировал от Львиных ворот.

Элла сообщила об исполнении приказа и покинула Цветочные ворота.

Каман отрапортовал, что его команда успешно отправлена, и без нужды запросил разрешения факсировать самому: похоже, заигрался в военного.

— Да, быстро уноси свою задницу! — рявкнул Даэман.

Око доложила об отправке своих людей и последовала за ними.

Кауль передал сообщение от мечети Аль-Акса и исчез.

Группа Элиана свободно факсировала домой, он отчитался и сам факсировал в Ардис.

Даэман собрал своих людей, включая Ханну, на площади перед Западной стеной и проследил, как они один за другим растворились в густеющей вечерней мгле.

Теперь он знал, что никого из людей в городе и здании луча нет, но все-таки хотел убедиться

еще раз.

Пощелкав средним пальцем по кнопкам управления ранцем на ладони, Даэман взмыл в воздух, сделал круг над постройкой, заглянул в дверной проем, облетел пустой Купол Скалы и пустую площадь, спустился пониже и начал описывать широкие круги над кварталами Старого города, чтобы не оставить ни одного человека на растерзание войниксам и калибанам.

Даэман знал, что пора возвращаться: войниксы и калибаны хлынули в узкие древние улочки, словно вода в пробитое судно. А еще он знал, почему медлит.

Ему чуть не снесло голову камнем. Спасибо встроенному в боевой костюм радару, который засек летящий предмет, невидимый в темноте, и послал команду ранцу, так что Даэман полетел вниз, болтая вскинутыми ногами, и перевернулся в обычное положение лишь в нескольких ярдах от мостовой у Храмовой горы.

Приземлившись, он активировал непробиваемые доспехи и поднял винтовку. Все чувства — и человеческие, и добавленные костюмом — говорили, что темная, не вполне человеческая фигура, застывшая в черном проеме Купола Скалы, — не простой калибан.

— Даэманнннннн! — простонала тварь.

Даэман подошел ближе, держа винтовку наперевес, не обращая внимания на требование системы наведения костюма открыть огонь, пытаясь контролировать свое дыхание и мысли.

— Даэманнннннн… — Полуамфибия в дверном проеме шумно вздохнула. — Так думат, ты истолковал его дела превратно, но коль старается и страждет Калибан несчастный, обидишь ты его?

— Я его убью! — выкрикнул Даэман, дрожа от ярости, слыша, как тысячи войниксов и калибанов лязгают и скрежещут когтями, сбегаясь к подножию горы. — Выходи на бой, Калибан.

Тень засмеялась:

— Так думат, верит человек, раз бородавки можем мы свести и язвы слизью залечить, то зло исправить можно?

— Выходи на бой, Калибан.

— Согласен он ружьишко опустить, дабы с Его слугой на кулаках и на когтях сойтись?

Даэман задумался. Он понимал, что честного боя не будет. Тысяча войниксов и калибанов доберется до Храмовой горы секунд через десять. С площади перед Западной стеной и с лестницы уже доносился скрежет. Даэман вскинул винтовку, включил автоматический прицел. В

наушниках раздалось подтверждение.

— Так думат, Даэманнннннн стрелять не станет, нет! — провыла тварь из мрака дверного проема в Куполе Скалы. — Он слишком любит Калибана и его владыку Сетебоса, хотя бы как врагов, чтоб разом взять и навсегда задернуть меж миров завесссу. Неееет? Даэман подождет иного дня, чтоб пыль свирепый ветер разметал, чтоб встретить смерть…

Даэман выстрелил. Потом еще раз.

Перед ним на стены Храмовой горы запрыгивали войниксы. За его спиной по ступеням Храмовой горы взбегали калибаны. Иерусалим окутала ночная мгла. Голубой луч, тысячу четыреста двадцать один год озарявший улицы и крыши, погас. Чудовища владели городом безраздельно.

Даже не прибегая к помощи тепловидения, Даэман знал, что промахнулся и Калибан успел квант-телепортироваться прочь. Они еще встретятся когда-нибудь, среди дня или в ночи, в куда менее благоприятных для Даэмана обстоятельствах.

В глубине души эта мысль почему-то его радовала.

Войниксы и калибаны бежали к нему по

древним камням Храмовой горы.

За миг до того, как его настигли бы их когти, Даэман свободно факсировал в Ардис.

91

Семь месяцев и две недели с Падения Илиона.

Элис и Улисс — для друзей просто Сэм — сказали родителям, что собираются в автокинотеатр «Озеро» на двойной сеанс: «Убить пересмешника» и «Доктор Ноу»[81]. Стоял октябрь, из всех автокинотеатров работало только «Озеро», потому что там были портативные обогреватели для машин. Обычно — или по крайней мере последние четыре месяца с тех пор, как Сэм получил водительские права, — их страсти вполне хватало сеанса в автокинотеатре, но в этот вечер, в этот особенный вечер, они уехали через поля спелой пшеницы к заброшенному участку в конце длинной дороги.

— А вдруг мама с папой спросят, о чем были

---

[81] Примечания: 81

…что собираются в автокинотеатр «Озеро» на двойной сеанс: «Убить пересмешника» и «Доктор Ноу». — Оба фильма — экранизации романов Харпер Ли (1960) и Яна Флеминга (1958) — вышли в 1962 г. В октябре этого года случился Карибский кризис. 22 октября Кеннеди обратился к американскому народу в телевизионном выступлении, подтвердил присутствие советских ракет на Кубе и объявил военно-морскую блокаду в виде карантинной зоны в 500 морских миль вокруг берегов Кубы.

фильмы? — спросила Элис.

На ней была всегдашняя белая блузка, наброшенный на плечи светло-коричневый свитер, темная юбка, чулки, слишком нарядные для автокинотеатра туфли. Волосы были стянуты в конский хвост.

— «Убить пересмешника» снято по книжке, ты ее знаешь. Просто скажи, что Грегори Пек отлично сыграл Аттикуса Финча.

— А он правда его играет?

— Ну а кого же еще? Негра, что ли?

— А как насчет другого фильма?

— Да там про шпионов, про того британца… Джеймса Бонда, по-моему. Президенту понравилась книга, по которой сняли кино. Просто скажи отцу, что было увлекательно, много стрельбы и все такое.

Сэм припарковал отцовский «шевроле» модели «бел-эйр» пятьдесят седьмого года выпуска в конце узкого проезда, за каменными развалинами, откуда открывался вид на большой пруд — пресловутое озеро, давшее название кинотеатру, куда молодые люди сегодня так и не заглянули. Далеко за прудом белел едва заметный четырехугольник экрана, за ним тяжелое октябрьское небо подсвечивали огни их городка, и совсем

уже далеко светился большой город, куда каждый день ездили на работу их отцы. Когда-то, может еще во времена Депрессии, дорога вела на ферму; теперь дом совсем развалился, остались лишь поросший сорняками фундамент и деревья вдоль подъездной дороги, уже начавшие терять листву. Близился Хеллоуин, и в воздухе заметно холодало.

— А можно мотор не глушить? — спросила Элис.

— Пожалуйста. — Сэм опять завел двигатель.

Они сразу начали целоваться. Сэм притянул девушку к себе, левой рукой сжал ее правую грудь, и через мгновение их языки сплелись в мокрых открытых ртах. Это удовольствие они открыли для себя только нынешним летом.

Он принялся возиться с пуговками на ее блузке. Пуговицы были маленькие и застегивались не на ту сторону. Она скинула наброшенный свитер и помогла расстегнуть самую трудную пуговку под мягким закругленным воротничком.

— Видел сегодня по телику речь президента?

Сэм не хочет говорить о президенте. Тяжело дыша, оставив нижние пуговицы как есть, он запустил руку под блузку и накрыл горячей ладонью грудку в довольно жестком лифчике.

— Видел? — не уступала Элис.

— Ну да. Все видели.

— Думаешь, будет война?

— Не-а.

Сэм поцеловал ее снова, пытаясь опять разбудить страсть, однако ее язычок спрятался.

Когда молодые люди оторвались друг от друга, чтобы она сбросила блузку, — ее тело и лифчик были очень бледными в отраженном свете неба и желтых отблесках радио и дисков на приборной панели, — она сказала:

— Отец говорит, может начаться война.

— Подумаешь, какой-то паршивый *карантин.* — Сэм обнимал ее обеими руками и возился с непонятными застежками лифчика. — Мы же не нападаем на Кубу и все такое.

Проклятые крючки не поддавались.

Элис улыбнулась ему, завела руки за спину, и лифчик волшебным образом расстегнулся.

Сэм принялся целовать ее грудки. Они были больше и тверже, чем у девчонки-подростка, но еще не вполне оформившиеся. Кружки у сосков, как и сами соски, покрывал пушок, Сэм видел это в свете радиошкалы. Он снова припал к ним разгоряченным лицом.

— Полегче! — сказала Элис. — Не надо так грубо.

Ты всегда такой грубый.

— Прости, — ответил Сэм.

И снова начал ее целовать. Теперь губы у нее были теплые, язык снова ему отвечал. Чувствуя, как нарастает возбуждение, он прижал ее спиной к пассажирской дверце «бел-эйр». Переднее сиденье было шире, глубже и мягче тахты в их доме. Сэм заерзал, выбираясь из-под руля, и отодвинулся, чтобы ненароком не нажать на клаксон. Даже в конце заброшенной дороги не мешало соблюдать осторожность.

Сэм полуприлег, упершись возбужденным членом в ее левую ногу, шаря ладонями по ее грудям, ища языком ее язык, и так возбудился, что едва не кончил, когда ее длинные пальцы коснулись его бедра.

— А если русские все равно нападут? — прошептала Элис, когда он оторвался на секунду, чтобы перевести дух.

В машине было чертовски душно. Сэм левой рукой выключил зажигание.

— Перестань, — сказал он.

Он знал, что она делает. Она выбрала линию и хотела, чтобы он гадал, какую именно. Он хотел только проживать мысли и чувства Сэма.

— Уй! — поморщилась Элис. Он слишком

сильно прижал ее к ручке на дверце. А когда он нагнулся за новыми поцелуями, тихо шепнула:
— Не хочешь перебраться на заднее сиденье?

У Сэма перехватило дыхание. В последние недели это была их кодовая фраза для того, чтобы попробовать по-настоящему — не просто «до третьей базы», что он делал с Элис уже несколько раз, а пройти путь до конца, к чему они были близки уже дважды.

Чтобы выйти из передней дверцы и забраться через заднюю, Элис стыдливо надела блузку — правда, не застегнула, успел заметить Сэм, пока обходил машину с водительской стороны. Лампочка на потолке горела, пока они не закрыли как следует задние дверцы. Сэм чуть опустил стекло со своей стороны, чтобы не задохнуться (никак не получалось дышать спокойно) и чтобы услышать, если со стороны Миллер-лейн поедет машина. Не ровен час, Барни будет проезжать на черно-белом патрульном автомобиле, оставшемся с довоенных времен.

Им пришлось начать все сначала, но через несколько секунд Сэм распахнул рубашку, чтобы чувствовать ее грудь. Элис вытянулась на широких креслах, чуть раздвинув ноги, а Сэм полулежал на ней. Ее колени были приподняты, его

— неудобно согнуты, поскольку длина сиденья была меньше их роста.

Он повел правой рукой вверх по ее ноге, чувствуя, как участилось ее теплое дыхание у его щеки. На ней были чулки — на ощупь самые нежные в мире. Он нащупал подвязку там, где нейлоновый чулок соединялся с…

— Ну ты даешь! — забывшись, рассмеялся Улисс изнутри мальчишки. — Это наверняка анахронизм!

Элис улыбнулась ему снизу вверх, и в расширенных зрачках девушки он увидел настоящую женщину.

— Вовсе нет, — зашептала она и, опустив руку, потерла его член сквозь чуть сырые вельветовые брюки. — Нет, правда, — добавила она, не убирая руки. — Это называется пояс-трусы, и так она была одета. Колготок еще не изобрели.

— Молчи. — Сэм закрыл глаза, целуя ее и прижимаясь низом живота к игривой ладошке. — Молчи, пожалуйста.

Железное кольцо никак не снималось с округлой кнопки-запонки. Сэм то ласкал ее между ног, чувствуя сквозь влажную ткань разгорающееся тепло, то вновь принимался воевать с распроклятой застежкой.

Элис хихикнула и шепнула:

— Я могу снять эту штуку целиком.

Когда она так и сделала, Сэм сообразил, что им понадобится больше места. Он открыл дверцу со своей стороны — яркий свет ударил в глаза…

— Сэм!

Он потянулся и отключил верхнее освещение. С минуту они не шевелились, слово два ослепленных фарами оленя. Наконец, расслышав сквозь грохот сердца, как шелестят под ветром осенние листья, он наклонился над ней.

Заминка помогла ему не кончить раньше времени. Попробовав ее губы, Сэм опустил лицо к ее грудям и нежно лизнул. Она притянула к себе его голову, повела рукой ниже, умело расстегнула ремень, потом верхнюю кнопку и дернула молнию вниз так быстро, что он немного испугался.

Ширинка расстегнулась без всякого ущерба для него.

— Сэм? — прошептала Элис, когда он занимал позицию над ней.

Ее чулки и трусы сбились в ком под его коленом. Тяжко дыша, он рванул юбку наверх.

— Что?

— Ты взял… ну, знаешь… ту штучку?

— К черту! — рявкнул он голосом Сэма, даже не

пытаясь держаться роли.

Она хихикнула, но он ртом накрыл ее рот. Сердце грозило пробить ребра, когда он пристроился поудобнее, а она раздвинула ноги. Темная юбка задралась почти до голых грудей, в полумраке машины белели ее бедра, между ними темнел даже не треугольник, а скорее полоска…

— Легче, — шепнула Элис и протянула руку вниз.

Она умело взяла в горсть его мошонку, пробежалась пальцами по всей длине пениса, сжала подушечками пальцев головку и проворковала:

— Легче, Одиссей.

— Я… Никто, — пропыхтел он.

Она направляла его. Предсеменная жидкость на кончике пениса увлажняла ей бедра. Он чувствовал идущий от нее жар.

Она сжала его — сильно, однако не чересчур, чтобы шестнадцатилетний партнер ахнул, но не кончил в то же мгновение.

— Зачем так говорить, — зашептала она ему в рот, — когда*вот это* подтверждает обратное?

Элис приставила головку его пениса к своим мокрым нижним губам, затем погладила его по щеке. Сэм чувствовал аромат возбуждения на пальцах Элис и чуть не кончил от одного этого,

но помедлил еще один бесподобный миг, прежде чем продолжать.

Вспышка озарила небо точно перед машиной, за экраном автокинотеатра, и она была не ярче тысячи солнц, а ярче десяти тысяч солнц. Она обратила все в мускусной тьме в фотонегативы: непроглядная чернота — и чистая белизна. Звука не было. Пока не было.

— Скажи, что шутишь, — сказал он, нависая над ней, словно делал отжимания, касаясь ее всего лишь кончиком твердого пениса.

— До города сорок миль, — прошептала Элис и потянула, вернее, попробовала притянуть его поближе. — Ударная волна придет не скоро, очень не скоро.

Она открыла губы для поцелуя и крепко сжала руками его спину, ягодицы, дернула на себя.

Он подумал, не воспротивиться ли. Но зачем? Парнишка Сэм так разгорячился, что взорвется после двух-трех движений внутри изумительной девственной вагины своей милой. Испепеляющая ударная волна, пожалуй, как раз совпадет с их юными оргазмами. Так вот, оказывается, чего добивалась его не имеющая возраста возлюбленная.

Зарево чуть угасло, но было по-прежнему яр-

ким, и он видел легкие лиловые тени на веках шестнадцатилетней Элис, и это зрелище заставило его склониться для последнего жаркого поцелуя и задвигаться взад-вперед.

92

Год с Падения Илиона.

Елена Прекрасная проснулась вскоре после рассвета от того, что ей приснился вой воздушных сирен. Руки зашарили по мягким подушкам, однако ее любовник Хокенберри ушел — ушел больше месяца назад, и только воспоминания о тепле заставляли искать его каждое утро. Она так и не завела себе другого, хотя половина троянцев и аргивян в Новом Илионе ее хотели.

Она позвала рабынь (включая Гипсипилу), чтобы ее искупали и надушили. Апартаменты в отстроенной заново секции подле Колонного Дома у разрушенных Скейских ворот не шли в сравнение с ее прежним дворцом, однако некоторые удобства жизни понемногу возвращались. При купании Елена истратила последние скудные запасы благовонного мыла. Сегодня был особенный день. Объединенному Совету предстояло решить вопрос об экспедиции в Дельфы. Ради утреннего собрания она велела облачить

себя в лучшее платье зеленого шелка и золотые ожерелья.

По-прежнему странно было видеть аргивян, ахейцев, мирмидонцев и других бывших врагов в здании городского совета Илиона. Храм Афины, как и более обширное святилище Аполлона, рассыпался в день Падения, но на его развалинах — чуть севернее главной площади, неподалеку от места, где высился Приамов чертог с портиками и колоннами, покуда боги его не разбомбили, — троянские и греческие каменщики возвели новый дворец.

Здание, которое пока так и звалось новым дворцом, все еще пахло древесиной, холодным камнем и краской, однако этим ранним весенним днем здесь было светло и солнечно. Елена проскользнула внутрь и заняла свое место среди царской семьи, рядом с Андромахой, которая мельком улыбнулась ей и вновь обернулась к мужу.

В последнее время все заметили, что у Гектора в темно-русых кудрях и бороде пробивается седина. Большинство женщин соглашались, что это придает ему еще больше благородства, если такое возможно. Гектор открыл собрание, поприветствовав троянских сановников и ахейских

гостей поименно.

Здесь был и Агамемнон. Он по-прежнему держался отчужденно. Изредка он обводил окружающих долгим мутным взглядом, к которому все привыкли за месяцы после Падения, и тем не менее был уже в ясном сознании, так что на важных совещаниях к нему прислушивались. И сундуки в его шатрах по-прежнему ломились от сокровищ.

Был здесь и Нестор, но его доставили от ахейских шатров, теперь неохраняемых, в кресле, которое несли четыре раба. Мудрый старец так и не встал после кровопролитной битвы на берегу. Кроме него, из ахейского стана (греков уцелело шестьдесят тысяч, достаточно, чтобы требовать права голоса) на собрании присутствовали Малый Аякс, Идоменей, Поликсен, Тевкр и признанный, хотя и не провозглашенный официально предводитель греков — миловидный Фразимед, сын Нестора. С греками было несколько человек, незнакомых Елене, в том числе долговязый молодой человек с курчавыми волосами и бородой.

Когда Нестор его представлял, Фразимед покосился на Елену. Та потупилась и позволила себе чуть-чуть покраснеть. Некоторые привычки умирают медленно, даже в иных мирах и в иное

время.

Наконец Нестор представил посланника из Ардиса — не Хокенберри, который еще не вернулся из путешествия на запад, а спокойного худощавого мужчину по имени Боман. Моравеки в утреннем собрании участия не принимали.

Окончив приветствия, ненужные представления и прочие ритуальные фразы, Гектор объяснил, зачем они собрались.

— Итак, сегодня нам предстоит решить, отправлять ли экспедицию в Дельфы, и если да, то кому плыть, а кому остаться, — заключил он. — Кроме того, нужно определить, как мы поступим, если родню аргивян и впрямь можно вернуть из голубого луча. Фразимед, твои люди отвечали за строительство длинных кораблей. Расскажи Совету о ваших успехах.

Фразимед поклонился, поставив ногу на ступень и положив золотой шлем на колено.

— Как вам известно, строительством руководил Гармонид, буквально «сын мастера», лучший из наших уцелевших корабелов. Передаю ему слово.

Гармонид, курчавый юноша, которого Елена заметила минуту назад, выступил на несколько шагов вперед и смущенно поглядел в пол, будто

жалел, что привлекает к себе столько внимания. Произнося речь, он слегка заикался.

— Три десятка… длинных кораблей… готовы. На каждом… уместится… пятьдесят человек с оружием и запасом пищи, достаточным для… путешествия в Дельфы. Мы близки к… завершению… еще двадцати судов… как и постановил Совет. Эти корабли… шире в корпусе и прекрасно подойдут для… для перевозки грузов и людей, если такие… грузы и люди появятся.

С этими словами он торопливо отступил к аргивянам.

— Отличная работа, благородный Гармонид, — похвалил Гектор. — От имени Совета благодарим вас. Я лично осматривал корабли. Они прекрасны: крепкие, надежные, сделанные со всем тщанием.

— А я бы хотел поблагодарить троянцев за лучшую древесину со склонов Иды, — ответил покрасневший Гармонид, но на сей раз с гордостью и без заикания.

— Итак, корабли у нас есть, — сказал Гектор. — Поскольку пропавшие люди с материка — не троянцы, но ахейцы и аргивяне, Фразимед вызвался возглавить экспедицию. Будь любезен, изложи нам свой план, Фразимед.

Высокий грек заговорил, без труда (как отметила про себя Елена) удерживая на ладони тяжелый шлем.

— Мы думаем поднять паруса на следующей неделе, когда весенние ветры благословят отплытие. — Сильный голос Фразимеда доносился до самых дальних концов колонного чертога. — Все тридцать кораблей и полторы тысячи отборных людей. И мы по-прежнему зовем с собой троянцев, желающих увидеть мир и поискать приключений.

В зале послышался одобрительный смех.

— Сначала отправляемся на юг вдоль побережья мимо безлюдных Троад, потом на Лесбос и дальше по глубокому морю до Хиоса, где можно будет поохотиться и пополнить запасы пресной воды. Затем на запад-юго-запад, мимо Андроса, в Генестиев пролив между Катсилом на полуострове и островом Кеос. Здесь пять кораблей отделятся и поднимутся к Афинам, а остаток пути люди проделают пешком. Будут искать, остался ли там кто-нибудь живой, а если никого не найдут, то двинутся в Дельфы по суше, своим ходом. Их корабли вернутся и поплывут за нами через Саронический залив. Двадцать пять оставшихся под моим началом судов отправятся

на юго-запад мимо Лакедемонии, обогнут весь Пелопоннес и, если погода будет благоприятствовать, одолеют пролив между континентом и Киферой. Когда слева по борту покажется Закинф, мы снова приблизимся к берегу, повернем на восток-северо-восток и на восток, в Коринфский залив. Достигнув Локриды и не доходя до Беотии, мы войдем в гавань, вытащим суда на берег и пешком отправимся в Дельфы, где, по словам моравеков и наших ардисских друзей, храм голубого луча по-прежнему хранит в себе наших живых сородичей.

Посланник по имени Боман выступил на середину. По-гречески он изъяснялся с кошмарным акцентом — много хуже Хокенберри, подумалось Елене, — поэтому его речь отдавала таким же варварством, как и одежда. Впрочем, посланника понимали, несмотря на синтаксические ошибки, от которых покраснел бы наставник трехлетнего ребенка.

— Время года выбрано хорошо, — промолвил рослый ардисец. — Но есть загвоздка: если вы последуете нашим указаниям и вернете людей, заключенных в голубой луч, что вы будете с ними делать? Возможно, там закодировано все население Земли Илиона — до шести миллионов

человек, включая китайцев, африканцев, американских индейцев, предков ацтеков…

— Прошу прощения, — перебил Фразимед. — Мы не понимаем твоих слов, Боман, сын Ардиса.

Высокий мужчина почесал щеку:

— Вы понимаете, что такое шесть миллионов?

Этого тоже никто не понял. Елена мысленно усомнилась в рассудке ардисца.

— Вообразите тридцать Илионов на пике населенности, — сказал Боман. — Примерно столько людей может выйти из храма луча.

Многие члены Совета расхохотались. Впрочем, Елена отметила, что Гектор и Фразимед не смеются.

— Вот почему мы отправимся с вами, чтобы вам помочь, — продолжил Боман. — Мы думаем, что вы без труда репатриируете греков, своих земляков. Конечно, их города и дома, храмы и стада пропали, но в лесах много дичи, а скотину вы быстро расплодите…

Боман запнулся: люди снова начали прыскать или смеяться в кулак. Гектор, не объясняя ошибки, жестом велел ему продолжать. Говоря о разведении скотины, ардисец употребил греческое слово «сношать», применимое исключительно к людям. Елене тоже было смешно.

— В любом случае мы будем рядом, и моравеки помогут доставить домой всех… иностранцев. — Тут он употребил верное слово — «варваров», но явно хотел подыскать другое.

— Спасибо, — ответил Гектор. — Фразимед, как вы поступите со множеством своих народов — с Пелопоннеса и других островов, таких как маленькая Итака Одиссея, из Аттики, Беотии, Фракии, всех прочих земель, которые вы, пространно живущие греки, зовете родиной? У вас будет столько людей в одном месте — и ни городов, ни волов, ни домов, ни укрытий.

Фразимед кивнул:

— Благородный Гектор, пять кораблей мы намерены сразу же отослать обратно в Новый Илион, дабы известить вас о нашем успехе. Прочие останутся с теми, кого мы вызволим из голубого луча в Дельфах, помогут семьям вернуться в родные земли, найдут способ прокормить и разместить людей до тех пор, когда восстановится порядок.

— Но это займет годы, — вставил Деифоб.

Брат Гектора никогда не был поклонником затеи с экспедицией в Дельфы.

— Возможно, — согласился Фразимед. — А что нам остается, кроме попытки освободить своих жен, матерей, дедов, детей, рабов и слуг? Это

наш долг.

— Ардисцы могут факсировать туда за минуту и вызволить их за две, — раздался недовольный голос Агамемнона.

Боман опять шагнул вперед:

— Благородный Гектор, царь Агамемнон, достопочтимые члены Совета, мы могли бы сделать то, о чем говорит Агамемнон. И однажды вы тоже научитесь факсировать… не свободно, как мы… ардисцы… а при помощи так называемых факс-узлов. Здесь поблизости их нет, однако в Греции найдется по меньшей мере один… Простите, я отвлекся. Да, мы можем перенестись в Дельфы и вызволить греков за считаные дни, часы, а то и минуты, но вы поймете, если я скажу, что мы не вправе так поступить. Это*ваши* люди. Их будущее — *ваша* забота. Несколько месяцев назад мы освободили из другого луча своих соплеменников, чуть больше девяти тысяч, и, хотя мы рады, что нас теперь больше, даже появление этих немногих потребовало тщательного планирования. Мир кишит войниксами и калибанами, не говоря уже о динозаврах, Ужасных птицах и прочей нечисти, с которой вы столкнетесь, когда покинете стены Нового Илиона. Мы с вашими союзниками-моравеками поможем разместить

негреческие народы, если такие окажутся в голубом луче, но будущее грекоязычного населения должно оставаться в ваших руках.

Это короткое, варварское по синтаксису и грамматике, но красноречивое выступление вызвало бурные аплодисменты. Елена тоже захлопала. Ей уже хотелось познакомиться с этим высоким мужчиной.

Гектор выступил на середину открытого пространства и повернулся кругом, чтобы заглянуть в глаза чуть ли не каждому из собравшихся:

— Предлагаю голосовать. Вопрос решит простое большинство. Кто за то, чтобы Фразимед и его добровольцы с первым же попутным ветром отплыли в Дельфы, поднимите кулаки. Те, кто против, пусть не поднимают.

В объединенном совете было чуть более ста человек. Елена насчитала семьдесят три поднятых кулака, включая собственный, и лишь двенадцать опущенных ладоней; среди противников были Деифоб и неизвестно почему — Андромаха.

В зале началось ликование, а когда глашатаи возвестили решение десяткам тысяч людей на центральной и рыночной площадях, то невысокие, недавно построенные стены Нового Илиона отразили эхо радостных криков.

Уже на внешней террасе Гектор подошел к Елене. Они поздоровались, обменялись несколькими словами об охлажденном вине, потом Гектор сказал:

— Я так хочу плыть с ними. Мысль, что экспедиция отправится без меня, невыносима.

«Ах вот почему Андромаха была против», — подумала Елена, а вслух сказала:

— Тебе нельзя плыть с ними, доблестный Гектор. Ты нужен городу.

Гектор презрительно фыркнул, допил вино и грохнул кубком о строительный камень, еще не нашедший своего места.

— Илиону ничто не грозит. Мы целый год не видели других людей. Двенадцать месяцев потратили на возведение стен, хотя бы даже таких, а проку-то? Здесь нет иных народов, кроме нас. По крайней мере, в этой части Земли.

— Вот и лишняя причина остаться: жители города нуждаются в твоей заботе. — Елена чуть улыбнулась. — Им необходима защита от динозавров и Ужасных птиц, о которых рассказывал ардисский гость.

Гектор поймал ироническую искру в ее глазах и тоже улыбнулся. Между ними всегда существовала странная связь: не то заигрывание, не то

взаимные подначки, не то что-то глубже и крепче брачных уз.

— Ты думаешь, твой будущий муж не в силах защитить Илион от любой угрозы, о благородная Елена?

Она снова улыбнулась:

— Дорогой Гектор, я почитаю твоего брата Деифоба выше всех великих мужей, но еще не дала согласия на его предложение.

— Приам желал бы этого, — сказал Гектор. — Парис был бы счастлив услышать о вашем браке.

«Парис сблевал бы от одной этой мысли», — подумала Елена и сказала:

— О да, твой брат Парис был бы рад узнать, что я вышла за Деифоба… или любого другого из многочисленных благородных сынов Приама.

Она улыбнулась Гектору, радуясь его замешательству.

— Ты сохранишь тайну, если я тебе ее доверю? — почти прошептал он, наклоняясь к ее уху.

— Конечно, — прошептала она в ответ, мысленно прибавив: «Если это в моих интересах».

— Я собираюсь отправиться с Фразимедом, — тихо сказал Гектор. — Как знать, вернется ли кто-нибудь из нас к родным берегам? Я буду скучать по тебе, Елена.

Он неловко коснулся ее плеча.

Елена Прекрасная накрыла его грубую ладонь своей, легкой и гладкой, и заглянула ему в глаза:

— Если ты отправишься в это странствие, благородный Гектор, я буду скучать почти так же сильно, как твоя прелестная Андромаха.

«Но все-таки не так, как Андромаха, — подумала она, — поскольку я проберусь на корабль, даже если это будет стоить мне последнего алмаза или жемчужины из моего немалого приданого».

По-прежнему не разнимая рук, они подошли к перилам длинного дворцового портика. Внизу бушевала радостная толпа.

Прямо на середину площади, где много столетий красовался старинный фонтан, захмелевшие орды троянцев и греков, перемешавшись, словно братья и сестры, втащили большого деревянного коня. Огромная статуя не прошла бы в Скейские ворота, если бы они еще стояли. Однако на месте бывших Скейских ворот у старого дуба возвели новые — пошире, без верхней перекладины, — в которые статуя въехала без труда.

Некий остряк увидел в коне символ Падения Илиона, и вот сегодня, в годовщину того самого Падения, статую решили спалить. Все веселились.

Гектор и Елена, по-прежнему чуть соприкасаясь руками, молча, но, понимая друг друга без слов, смотрели, как толпа поджигает коня, построенного в основном из выброшенных морем стволов, как он вспыхнул и толпа отпрянула, как прибежали стражники со щитами и копьями. Благородные мужи и дамы на балконах и длинных террасах дворца осуждающе шушукались.

Елена и Гектор смеялись.

93

Семь лет и пять месяцев с Падения Илиона.

Мойра квант-телепортировалась на луг. Стоял погожий летний день. На опушке леса порхали бабочки, над клевером гудели пчелы.

Черный воин Пояса приблизился, вежливо обратился к Мойре и проводил ее вверх по склону холма к небольшому открытому павильону, вернее, даже яркому навесу на четырех столбах, плескавшему на южном ветерке. В тени навеса стояли длинные столы; двенадцать людей и моравеков изучали или очищали от земли разложенные обломки и артефакты.

Самый маленький из моравеков обернулся, увидел вошедшую, спрыгнул со своего высокого табурета и подошел поздороваться.

— Очень рад тебя видеть, — сказал Манмут. — Сюда, прошу тебя, укроемся от лучей полуденного солнца и выпьем чего-нибудь холодного.

Оба переместились в тень.

— Сержант сказал, что ты меня ждешь, — сказала она.

— Вот уже два года, — ответил маленький моравек. — С той нашей беседы.

Он отошел к буфетному столику и принес бокал холодного лимонада. Остальные моравеки, как и люди, с любопытством смотрели на вошедшую, но Манмут не стал ее представлять. Еще не время.

Мойра поблагодарила и отпила лимонада с кусочками льда, который, видимо, каждый день доставляли по факсу либо квитировали из Ардиса или какой-нибудь другой общины, и оглядела луг. Примерно в миле от склона бежала река. На севере участок граничил с темным лесом, на юге начинались неровные, каменистые земли.

— Вам правда нужно оцепление из роквеков, чтобы отгонять любопытных? — спросила Мойра.

— Скорее, чтобы не впустить Ужасную птицу или юного тираннозавра, — ответил Манмут. — О чем только думали эти постлюди, как любит

повторять Орфу.

— Вы до сих пор с ним видитесь?

— Каждый день, — сказал Манмут. — Сегодня вечером встречаемся в Ардисе на спектакле. Придешь?

— Возможно. Откуда ты знаешь, что меня пригласили?

— Не только ты время от времени болтаешь с Ариэлем, дорогая. Еще лимонада?

— Нет, спасибо.

Мойра снова перевела взгляд на луг. На значительной его части верхние слои земли были сняты, но не так, как это сделал бы экскаватор, а тщательно и любовно. Дерн скатали в рулоны, место каждого надреза отметили колышками, повсюду белели маленькие таблички с надписями и цифрами. Глубина канав была от нескольких дюймов до нескольких метров.

— Так ты, полагаешь, нашел наконец то, что искал?

Моравек пожал плечами:

— Просто не верится, как тяжело найти в записях точные координаты этого городка. Можно подумать, какая-то… э-э-э… сила… уничтожила все ссылки, GPS-координаты, дорожные указатели, истории. Почти как если бы кто-то…

могущественный… не хотел, чтобы мы отыскали Стратфорд-на-Эйвоне.

Мойра взглянула на него ясными серовато-голубыми глазами:

— А что эта… сила… хочет от тебя скрыть, дорогой Манмут?

Моравек опять пожал плечами:

— Это лишь догадка, но я бы сказал, она… эта гипотетическая сила… не возражает, чтобы люди разгуливали на воле, радовались жизни и размножались, но у нее какие-то возражения против того, чтобы на планету вернулся некий человеческий *гений*.

Мойра промолчала.

— Идем. — Манмут с упоением восторженного ребенка потянул собеседницу к ближнему столу. — Посмотри. Вчера один наш волонтер откопал на участке три-ноль-девять вот это.

Он указал на расколотую плиту. На грязном камне темнели странного вида царапины.

— Что-то не могу разобрать, — сказала Мойра.

— Мы тоже поначалу не могли, — согласился моравек. — Доктор Хокенберри сумел объяснить, что это такое. Видишь вот здесь буквы IUM, тут, ниже, — US и AER, а тут — ET?

— Допустим, — отозвалась Мойра.

— Да нет, точно. Теперь мы знаем, что это значит. Перед нами часть надписи под бюстом,*его* бюстом. Если верить нашим архивам, она когда-то гласила: «JUDICO PYLIUM, GENIO SOCRATEM, ARTE MARONEM: TERRA TEGIT, POPULUS MOERET, OLIMPUS HABET».

— Боюсь, я слегка подзабыла латынь, — сказала Мойра.

— Как и многие из нас, — ответил Манмут. — Это переводится так: «УМОМ ПОДОБНОГО НЕСТОРУ, ГЕНИЕМ — СОКРАТУ, ИСКУССТВОМ — МАРОНУ, ЕГО ЗЕМЛЯ ПОКРЫВАЕТ, НАРОД ОПЛАКИВАЕТ, ОЛИМП ПРИЕМЛЕТ»[82].

— Олимп, — задумчиво, словно про себя, повторила Мойра.

— Это часть надписи под настенным памятником, который горожане установили в церкви Святой Троицы после его погребения. Остальной текст был по-английски. Хочешь послушать?

— Конечно.

СТОЙ, ПУТНИК, И ПРОЧТИ, КОЛИ УЧЕН,

---

[82] Примечания: 82

«УМОМ ПОДОБНОГО НЕСТОРУ, ГЕНИЕМ — СОКРАТУ, ИСКУССТВОМ — МАРОНУ, ЕГО ЗЕМЛЯ ПОКРЫВАЕТ, НАРОД ОПЛАКИВАЕТ, ОЛИМП ПРИЕМЛЕТ». — Надписи на могиле Шекспира приведены по книге С. Шенбаума «Шекспир. Краткая документальная биография» в переводе А. Аникста и А. Величанского.

КТО ЗДЕСЬ ЗАВИСТЛИВОЮ СМЕРТЬЮ ЗАКЛЮЧЕН

В КУМИРЕ – САМ ШЕКСПИР. УГАС С НИМ МИР ЖИВОЙ;

СЕЙ КАМЕНЬ С ИМЕНЕМ КАКОЙ ЦЕНИТЬ ЦЕНОЙ?

В СЕМ МИРЕ, СЛОВНО ПАЖ, СЛУЖИТЬ ДОЛЖНА

ПОЭЗИЯ ПЛОДАМ ЕГО УМА.

— Очень мило, — сказала Мойра. — А главное, полагаю, это существенно облегчит твои поиски.

Манмут оставил ее насмешливый тон без внимания.

— Здесь поставлена дата смерти: двадцать третье апреля тысяча шестьсот шестнадцатого года.

— Но ты не нашел настоящей могилы.

— Пока что нет, — признался Манмут.

— А не было там какого-нибудь надгробного камня или надписи? — с невинным видом поинтересовалась собеседница.

Маленький моравек пристально посмотрел на нее и наконец произнес:

— Была.

— А не говорилось ли там чего-нибудь вроде… мм… «Руки прочь, моравеки, убирайтесь восво-

яси»?

— Не совсем, — ответил Манмут. — На могильной плите, установленной над телом, предположительно было написано:

О ДОБРЫЙ ДРУГ, ВО ИМЯ БОГА,
ТЫ ПРАХ ПОД КАМНЕМ СИМ НЕ ТРОГАЙ;
СНА НЕ ТРЕВОЖЬ КОСТЕЙ МОИХ;
БУДЬ ПРОКЛЯТ ТОТ, КТО ТРОНЕТ ИХ!

— И тебя нисколько не смущает проклятие? — спросила Мойра.

— Нет, — отвечал Манмут. — Ты путаешь меня с Орфу. Это он пересмотрел все двумерные фильмы ужасов студии «Универсал», снятые в двадцатом столетии. Знаешь, «Проклятие мумии» и так далее.

— И все же… — начала Мойра.

— Вы не дадите нам его найти, Мойра? — спросил Манмут.

— Манмут, дорогой, тебе должно быть известно, что мы не вмешиваемся ни в ваши дела, ни в дела людей старого образца, а равно наших древнегреческих и древнеазиатских гостей… Вспомни, разве не так?

Манмут не ответил.

Мойра тронула его за плечо:

— Да, но с этим… проектом. Тебе не кажется, что ты пытаешься играть роль Бога? Так, совсем чуть-чуть?

— Ты знакома с доктором Хокенберри? — спросил Манмут.

— Конечно. Мы встречались только на той неделе.

— Странно, — заметил моравек, — он этого не упоминал. Томас вызвался помогать на раскопках раз или два в неделю. Я хотел сказать, что постлюди и олимпийские боги определенно «сыграли роль Бога», когда воссоздали тело, воспоминания и личность доктора Хокенберри по обломкам костей, древним файлам и ДНК. Но ведь у них получилось. Он хороший человек.

— Похоже что так, — согласилась Мойра. — И насколько я поняла, он пишет книгу.

— Да… — Манмут, казалось, потерял ход мыслей.

— Что ж, удачи. — Мойра протянула руку. — И передай привет первичному интегратору Астигу/Че, когда вы с ним увидитесь. Скажи, что мне очень понравилось наше чаепитие в Тадже.

Она пожала маленькому моравеку руку и двинулась к лесу на севере.

— Мойра! — окликнул Манмут.

Она помедлила и обернулась.

— Так ты придешь сегодня на спектакль? — крикнул Манмут.

— Думаю, да.

— Значит, мы тебя там увидим?

— Этого не знаю, — ответила молодая женщина. — Но я вас непременно увижу.

И пошла к лесу.

94

Семь лет и пять месяцев с Падения Илиона.

Позвольте представиться: Томас Хокенберри, доктор филологии, для друзей — Хокенбуш. Правда, их уже нет в живых — тех, кто мог называть меня прозвищем времен колледжа Уобаш. Они давно стали прахом этого мира, где слишком многое обратилось в прах.

Здесь, на славной первой Земле, я прожил пятьдесят с чем-то лет, а сверх того получил в дар вот уже чуть больше двенадцати насыщенных лет новой жизни — в Илионе и на Олимпе, на Марсе, хотя я до самых последних дней не догадывался, что это Марс, и вот теперь здесь. Дома. На родной Земле.

Мне столько нужно сказать. Плохая новость,

что я утратил все записи, сделанные за двенадцать лет в роли схолиаста и ученого: запоминающие кристаллы с ежедневными наблюдениями за ходом Троянской войны, мои рукописные заметки, даже диктофон моравеков, на который я записал последние дни Олимпа и Зевса. Ничего не осталось.

Впрочем, это не важно. Я все помню. Каждое лицо. Каждого человека. Каждое имя.

Знающие люди говорят, что одно из удивительных свойств гомеровской «Илиады» — в ней никто не умирает безымянным. Эти суровые герои рушились на землю тяжело, и, падая, как сказал другой ученый (я слегка перефразирую), они увлекали за собой оружие, доспехи, имущество, скот, жен и рабов. И свои имена. В «Илиаде» никто не погиб безымянным или незначительным.

В своем рассказе я постараюсь сделать так же.

Но с чего начать?

Раз уж я вольно или невольно стал Хором этой истории, то начну ее, где захочу. Я начну ее здесь, с рассказа о месте, где живу сейчас.

Несколько месяцев я наслаждался жизнью рядом с Еленой, в Новом Илионе, покуда город отстраивали заново. Греки помогали возводить

стены и здания в обмен на обещание троянцев помочь им со строительством длинных кораблей. После, когда город оживет.

Впрочем, он и не умирал. Понимаете, Илион, или Троя, — это люди… Гектор, Елена, Андромаха, Приам, Кассандра, Деифоб, Парис… черт, даже злобная Гипсипила. Некоторые из них умерли, но другие живы. И пока они живы, жив город. Вергилий это знал.

Я не могу быть вашим Гомером или даже Вергилием, рассказывающим о днях после Падения Трои, — слишком мало времени прошло, события еще не стали историей, хотя, возможно, это изменится. Я буду наблюдать и слушать, покуда жив.

А живу я нынче здесь. В Ардистауне.

Нет, не в Ардисе. Большой дом опять высится на лугу в полутора милях от старого факс-павильона, близ того места, где некогда располагался Ардис-холл, и Ада по-прежнему живет там со своей семьей, но теперь это Ардистаун, не Ардис.

Согласно последней переписи, которую провели пять месяцев назад, нас в Ардистауне чуть более двадцати восьми тысяч. Есть община на холме, вокруг нового дома Ады, но большинство живет здесь, по сторонам новой дороги от павильона вдоль реки. Тут есть мельницы, настоящий

рынок, зловонные кожевни, типография, газета, чересчур много баров и борделей, две синагоги плюс одна церковь (лучше всего называть ее Первой Церковью Хаоса), отменные рестораны, скотные дворы, от которых несет почти так же, как от кожевен, библиотека (я сам помогал ее создавать) и школа, хотя большинство детишек по-прежнему живет в большом доме на холме и рядом с ним. Учатся в основном взрослые, причем в первую очередь — читать и писать.

Примерно половину местного населения составляют греки, другую — евреи. Они неплохо уживаются… бóльшую часть времени.

У евреев есть то преимущество, что они наделены всеми функциями, а значит, могут свободно факсировать куда и когда вздумается. Кстати, я тоже могу… не факсировать, а квант-телепортироваться. Это записано в моих клетках и ДНК — записано силой… или же Силой, которая меня создала. Но я уже давно не квитируюсь. Предпочитаю более неспешные способы передвижения.

По возможности, хотя бы раз в неделю, я помогаю Манмуту с его проектом «Найди Уилла», о котором вы уже слышали. Не думаю, что он отыщет своего Уилла. Да и Манмут, подозреваю, тоже не верит. Для него это стало чем-то вроде

хобби. Орфу с Ио и я принимаем участие в раскопках примерно из тех же соображений — «а что мы теряем?». Никто из нас — пожалуй, даже Манмут — не надеется, что Просперо, Мойра, Ариэль и любые сильные мира сего (даже Тихий, о котором в последнее время мы столько слышим) позволят нашему маленькому моравеку найти и восстановить кости и ДНК Уильяма Шекспира. Я не виню сильных мира сего за то, что они чувствуют угрозу…

Сегодня вечером в Ардисе будет спектакль. Это вы тоже знаете. Многие жители Ардистауна уже идут на холм, хотя, надо признаться, склон довольно крутой, а дорога и лестница ужасно пыльные. Лично я лучше заплачу пять пенсов и поднимусь в паровом экипаже, принадлежащем Ханниной фирме. Если б еще эти экипажи так не грохотали!

Между прочим, раз уж мы заговорили о поисках: я вроде бы не рассказывал, как нашел своего старого друга Кита Найтенгельзера.

В последний раз я оставил его в доисторическом индейском племени, в диких джунглях, там, где примерно через три тысячи лет будет Индиана, и корил себя за то, что бросил товарища в таких краях. Конечно, лишь на время, пока не кончится

война между героями и богами. Но когда я вернулся за ним, все индейцы как в воду канули, и он вместе с ними.

Поскольку Патрокл, тот самый обозленный Патрокл, расхаживал где-то неподалеку, у меня были сильные подозрения, что Кит не выжил.

Однако три с половиной месяца назад, когда Фразимед, Гектор и прочие искатели приключений раскодировали голубой луч, я факсировал в Дельфы, и что бы вы думали? Представьте, вот уже восьмой час подряд обескураженной вереницей из маленького здания выходят люди, главным образом греки (мне вспомнился цирковой трюк, когда на сцену выезжает крохотный автомобильчик, из которого вылезают пятьдесят клоунов), — и тут появляется мой приятель Найтенгельзер. (Мы всегда обращались друг к другу по фамилии.)

Мы с Найтенгельзером купили это место, где я сейчас пишу. Мы партнеры. (Прошу заметить: деловые партнеры и добрые друзья, а не партнеры в том смысле, в каком это слово употребляли в двадцать первом веке, если речь шла о двоих мужчинах. В смысле, я не променял Елену Троянскую на Кита из Ардистауна. У меня есть проблемы, но не такого плана.)

Интересно, что сказала бы Елена о нашей таверне? Название «Домби и сын» предложил Найтенгельзер. На мой вкус, чересчур изысканно. Зато от клиентов отбоя нет. Здесь довольно чисто по сравнению с остальными питейными заведениями, натыканными по речному берегу, словно черепица на старой крыше. Наши барменши служат за стойкой, а не торгуют своим телом — по крайней мере, в рабочее время и на рабочем месте. Пиво — тоже лучшее, какое мы можем купить. Его выпускает еще одно из предприятий Ханны; говорят, она первая ардисская миллионерша новой эры. Видимо, пивоварение она изучила одновременно с литьем металлов и скульптурой. Только не спрашивайте меня зачем.

Теперь понимаете, почему я до сих пор тяну с началом серьезного эпоса? Никак не могу придерживаться четкой сюжетной линии. Все время отклоняюсь в сторону.

Надо будет когда-нибудь привести Елену сюда: любопытно, что она скажет?

Однако, по слухам, Елена остригла волосы, переоделась юношей и отправилась в Дельфы с Гектором и Фразимедом, и теперь оба ходят за ней, как щенки за костью. (Вот вам еще одна

причина, почему стопорится затея с книгой: мне никогда не удавались метафоры и сравнения. Как выразился однажды Найтенгельзер, у меня фигуральный кретинизм. Ладно, проехали.)

Хотя какие, к черту, слухи? Я знаю, что Елена отправилась в экспедицию. Я видел ее в Дельфах. Загар и короткая стрижка ей очень к лицу. Честное слово. Она изменилась, но выглядит здоровой и очень красивой.

Я мог бы еще порассказать о нашей таверне и об Ардистауне, о том, что собой представляет политика во младенчестве (такая же вонючая и беспомощная), о местных обитателях — евреях и греках, наделенных и не наделенных функциями, верующих и циниках… Но все это не имеет отношения к нашей истории.

К тому же, как выяснится сегодня вечером, я не настоящий рассказчик. Не избранный Бард. Понимаю, вам мои слова кажутся полным вздором, но погодите немного, и вы поймете, о чем речь.

Последние восемнадцать лет, особенно первые одиннадцать из них, дались мне нелегко. Эмоционально и психологически я чувствую себя таким же измятым, потертым и поцарапанным, как панцирь Орфу с Ио. (Бóльшую часть времени старина Орфу живет в Ардисе, на холме. Вы с ним

позже увидитесь. Он придет на вечернее представление. Каждый вечер он собирает ребятишек. Это и натолкнуло вашего покорного слугу на грустную мысль, что долгие годы в роли ученого и схолиаста не сделали меня тем, кто расскажет эту историю, когда пришло время ее рассказать.)

Да, последние восемнадцать лет, особенно первые одиннадцать, были тяжелыми, но зато и обогатили меня. Надеюсь, обогатят и вас тоже, если вы дослушаете эту историю. Если нет — это не моя вина, я отрекаюсь от роли рассказчика, хотя готов поделиться своими воспоминаниями с любым, кто пожелает.

Прошу прощения. Мне пора. Кожевники возвращаются после дневной смены, чуете запах? Одна моя барменша заболела, другая только что сбежала с молодым афинянином, переселившимся в наши края после Дельф, и… в общем, сегодня у нас не хватает рук. Бармен заступает на вечернюю смену через сорок пять минут, а до тех пор мне нужно самому цедить пиво из бочек и нарезать мясо для сэндвичей.

Меня зовут Томас Хокенберри, д. ф. н., и, по-моему, «д. ф. н.» расшифровывается как «давай, филолог, наливай».

Извините. Чувство юмора, если не считать ка-

ламбуров и вымученных шуток, никогда не было моей сильной стороной.

Увидимся перед началом пьесы, когда будет звучать история.

95

Семь лет и пять месяцев с Падения Илиона.

В день постановки Харману пришлось наведаться в Сухую долину. После ланча он надел термоскин и боевой костюм, взял в арсенале Ардис-холла энергетическое оружие и свободно факсировал в Антарктику.

Раскопки стазисного купола постлюдей шли полным ходом. Шагая между огромными экскаваторами, стараясь не попасть под посадочные струи транспортных шершней, Харман едва мог поверить, что восемь с половиной лет назад в этой самой долине они с юной Адой, невероятно юной Ханной и беспомощным увальнем Даэманом разыскивали следы Вечной Жидовки — загадочной женщины, которую, как оказалось, звали Сейви.

Голубой стазисный купол был частично погребен под тем самым валуном, где Сейви нацарапала координаты своего жилища в айсберге, уже тогда зная, что Харман — единственный

из людей старого образца — сумеет прочесть ее закорючки.

Раскопками стазисного купола руководили Раман и Алкиной. Оба справлялись отлично. Харман еще раз вместе с ними прошелся по списку, желая удостовериться, что им известно, куда что отправить. Арсенал энергетического оружия предназначался для Хьюзтауна и Чома, термоскины надлежало переслать в Беллинбад, вездеходы были обещаны Уланбату и Поместью Ломана, а Новый Илион подавал настоятельный запрос на дротиковые винтовки.

Харман невольно улыбнулся. Еще лет десять — и троянцы с греками освоят все технологии, доступные людям старого образца, даже научатся факсировать через павильоны. Дельфийская команда уже отыскала узел возле Олимпа… Нет, не горы, а древнего города, где проводились игры.

«Что ж, — подумал Харман, — остается одно: всегда опережать их хотя бы на пару шагов, и не только в технологиях».

Настала пора возвращаться. Но сначала — еще одна короткая остановка. Харман простился с Алкиноем и Раманом и свободно факсировал прочь.

Он вернулся к Золотым Воротам, туда, где семь с

половиной лет назад возродился к жизни. Харман перенесся на линию хребта по другую сторону долины от подвесного моста и развалин Мачу-Пикчу. Ему никогда не надоедало любоваться старинной постройкой, увитой еле различимыми издалека зелеными пузырями, однако на сей раз Харман не просто искал поэтических ощущений.

Скорее — одной очень важной встречи.

Над долиной, со стороны водопада, ветер гнал по небу облака. На несколько минут солнце позолотило вечернюю дымку; руины почти скрылись из глаз и казались ступенями исполинской лестницы. Повсюду жизнь боролась с энтропией и хаосом — и побеждала. Об этой борьбе и победе говорили и мягкая трава на склонах холмов, и густая древесная сень над мглистой долиной, и кондоры, лениво парящие в теплых восходящих потоках, и мох на подвесных тросах, и даже ржавый лишайник на камне у Хармана под ногами.

Словно желая отвлечь его от размышлений о жизни и живом, по небу с юга на север пронесся очень даже искусственный космический корабль, оставив над Андами расширяющийся инверсионный след. Прежде чем Харман успел различить форму или модель судна, блестящее пятнышко исчезло за северным горизонтом и в

воздухе прогремели три звуковых удара. Судя по размерам и скорости, это не мог быть грузовой шершень из Сухой долины. Возможно, Даэман вернулся из очередной объединенной экспедиции людей и моравеков, которая занималась выявлением и описанием затухающих квантовых возмущений между Землей и Марсом.

«Надо же, теперь у нас есть собственный космический корабль».

Харман усмехнулся собственному самодовольству, однако мысль все равно согревала душу. Тогда он напомнил себе: у нас есть свой космический корабль, но строить такие корабли мы пока не умеем.

Харман надеялся, что доживет до строительства космических кораблей. Это вернуло его мысли к поиску омолаживающих баков на полярном и экваториальном кольцах.

— Добрый день, — произнес за спиной знакомый голос.

Харман вскинул энергетическое ружье (сказались привычка и годы тренировки), но тут же опустил его, даже не успев повернуться.

— Здравствуй, Просперо.

Старый маг выступил из углубления в скале:

— Мой юный друг, ты в полном боевом облаче-

нии. Думал, я приду с оружием?

— Я никогда не видел тебя безоружным, — усмехнулся Харман.

— Ну, если считать оружием мой острый ум…

— Или коварство, — сказал Харман.

Просперо развел старческими руками, словно признавая свое поражение:

— Ариэль сказал, ты искал со мной встречи. Хочешь поговорить о ситуации в Китае?

— Нет, — ответил Харман. — Об этом потолкуем позже. Вообще-то, я пришел напомнить о пьесе.

— Ах, пьеса…

— Ты что, забыл? Или решил не участвовать? — сказал Харман. — Если ты не придешь, огорчатся все, кроме твоего дублера.

Просперо улыбнулся:

— Мой юный Прометей, там надо учить такой длинный текст…

— Ничего, нам больше досталось, — ответил Харман.

Просперо опять развел руками.

— Сказать дублеру, чтобы тебя заменил? — спросил Харман. — Он будет счастлив.

— Ну, может, я все-таки появлюсь, — произнес маг. — А что, обязательно играть или можно посидеть как зритель?

— На этот раз — обязательно, — сказал Харман. — Вот когда возьмемся за «Генриха Четвертого», милости просим, будешь почетным гостем.

— Вообще-то, — произнес Просперо, — я всегда мечтал сыграть сэра Джона Фальстафа.

Смех Хармана эхом отразился от скал.

— Так я передам Аде, что ты заглянешь и останешься после спектакля поболтать и выпить лимонада?

— Жду не дождусь, — ответила голограмма. — Если не самой постановки (про нее лучше не думать), то хотя бы разговора.

— Что ж… Ни пуха ни пера.

Харман кивнул на прощание и свободно факсировал прочь.

Вернувшись в Ардис, он сдал боевой костюм и оружие, надел джинсы с рубашкой, переобулся в легкие туфли и отправился на северную лужайку, к театру, где шли последние приготовления: над столиками в саду, на шпалерах, над рядами свежевыпиленных деревянных сидений развешивали гирлянды разноцветных лампочек. Ханна проверяла сценическую аудиосистему. Несколько волонтеров лихорадочно докрашивали задник, а кто-то беспрестанно дергал занавес взад и вперед.

Ада увидела Хармана и пошла к нему с двухлетней Сарой, но усталая девочка закапризничала, так что мать подхватила ее на руки и понесла по зеленому склону к отцу. Харман поцеловал обеих, а потом еще раз Аду.

Она оглянулась на ряды сидений, откинула упавшую на лицо черную прядь и спросила:

— «Буря»… Думаешь, мы правда к этому готовы?

Харман пожал плечами, потом обнял ее.

— А что, наша приглашенная звезда действительно будет? — спросила Ада, прижимаясь к Харману.

Сара захныкала, завозилась на руках и прильнула щекой к плечам обоих родителей.

— Говорит, что да, — ответил Харман без малейшей уверенности.

— Жаль, он не репетировал вместе со всеми, — сказала Ада.

— Ну… нельзя же хотеть всего сразу.

— Разве? — сказала она и бросила на мужа взгляд, который более восьми лет назад дал ему почувствовать всю опасность этой женщины.

Над крышами домов и деревьями низко-низко пролетел соньер и умчался в сторону города на реке.

— Надеюсь, это взрослый кретин, а не кто-нибудь из мальчишек, — сказала Ада.

— Кстати, о мальчишках, — спохватился Харман. — А где наш? С утра его не видел, хочу поздороваться.

— Он на веранде, готовится слушать историю.

— Ах да, уже скоро.

Он развернулся и направился к ложбине на южном лугу, где дети ежедневно слушали истории, но Ада поймала его за локоть:

— Харман…

Он посмотрел на нее.

— Недавно заходил Манмут. Сказал, Мойра может прийти на спектакль.

Он взял ее за руку:

— Вот и хорошо… Или нет?

Ада кивнула:

— Понимаешь… Просперо здесь, Мойра тоже, и вроде бы ты пригласил Ариэля, хотя ему не дали роли… Что, если пожалует Калибан?

— Его не звали, — ответил Харман.

Ада сжала его ладонь, призывая говорить серьезно.

Харман молча указал на зеленые площадки вокруг театра, огороженные шпалерами буфеты под открытым небом, дом — и множество часо-

вых с энергетическими ружьями.

— Да, но на спектакле будут дети, — возразила Ада. — И горожане…

Он кивнул, не выпуская ее ладони:

— Любимая, Калибан может сюда квитировать когда пожелает. До сих пор он этого не сделал.

Она еле заметно качнула головой и тоже не отняла руки.

Харман поцеловал ее и произнес:

— Элиан пять недель учил роль Калибана. «Ты не пугайся: остров полон звуков — и шелеста, и шепота, и пенья; они приятны, нет от них вреда»[83].

— Если бы всегда было так, — вздохнула Ада.

— Согласен, дорогая. Но мы оба знаем, особенно ты, что так не бывает. Пойдем посмотрим, как Джон упивается новой историей?

Орфу с Ио по-прежнему оставался слепцом, однако родители не боялись, что он в кого-нибудь или во что-нибудь врежется, даже когда восемь или девять самых отважных ардисских детей босиком забирались на его огромный панцирь. Вошло в традицию, что в ложбину дети ехали на

---

[83] Примечания: 83

«Ты не пугайся: остров полон звуков — и шелеста, и шепота, и пенья; они приятны, нет от них вреда». — У. Шекспир. Буря. Акт III, сц. 2. Перев. М. Донского.

Орфу. Семилетний Джон, как один из старших, восседал на самом верху.

Большой моравек медленно плыл на беззвучных отталкивателях. Его движение можно было назвать торжественным, если бы дети на железной спине не прыскали со смеху, а позади не тянулся хвост из орущей ребятни. Процессия следовала от веранды между кустами и новыми домами за старый вяз и дальше, в лощину между кустами и новыми домами.

В неглубокой низине, чудесным образом укрытой от домов и взрослого надзора (за исключением нескольких родителей), дети сползли с панциря и рассыпались по склонам зеленой чаши. Джон, как обычно, уселся ближе всех к Орфу. Мальчик обернулся и помахал отцу, однако не стал возвращаться, чтобы сказать «привет». История — прежде всего.

У Ады почти отнялась рука, и Харман принял у нее посапывающую Сару. Он заметил у живой изгороди Манмута, кивнул ему, но маленький моравек видел только старого друга и ребятишек.

— Расскажи еще раз про Гильгамеша! — потребовал шестилетний мальчик из самых смелых.

Орфу медленно покачал корпусом из стороны в сторону, как будто отрицательно помотал

головой.

— Похождения Гильгамеша уже закончились, — объявил он. — Сегодня начинаем другую историю.

Дети завопили от радости.

— Я буду рассказывать ее долго-долго, — сказал Орфу, так что даже Хармана заворожили многообещающие нотки в его рокоте.

Дети снова возликовали. Двое мальчишек сцепились и в обнимку скатились с холмика.

— Слушайте внимательно, — произнес Орфу.

Длинным суставчатым манипулятором он бережно разнял шалунов и усадил на склоне в нескольких футах друг от друга. Теперь его чарующий раскатистый голос завладел всеобщим вниманием:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,

Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:

Многие души могучие славных героев низринул

В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным

Птицам окрестным и псам (соверша-

лася Зевсова воля),

С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою

Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный…

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить Жана Даниэля Брека за разрешение воспользоваться подробностями одного из его любимых маршрутов по авеню Домениль и остальной части Променад-Планте. Полное описание этого маршрута можно найти в эссе Жана Даниэля в книге о Париже издательства «Пингвин».

Я также признателен профессору Киту Найтенгельзеру, посоветовавшему цитату о Ренуаре как творце из книги «У Германтов».

И наконец, я хотел бы поблагодарить Джейн Кэтрин Симмонс за разрешение перепечатать ее стихотворение «Мертворожденный.